

M. ВЕЛЛЕР

ВСЕ О ЖИЗНИ

Михаил Веллер

Все о жизни

«АСТ»

1998-2018

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

Веллер М. И.

Все о жизни / М. И. Веллер — «АСТ», 1998-2018

ISBN 978-5-17-086787-5

Эта книга впервые прямо и внятно отвечает на вопросы, которые каждый задает себе с юности. Так что такое любовь? Почему человек так часто несчастлив? Чего ради мы страдаем? И в чем же, наконец, смысл жизни? Книга написана нормальным человеческим языком, каким говорят люди между собой, – и в то же время это первая в русской культуре цельная философская система. «Кто мыслит глубоко и ясно – излагает просто» – вот кредо автора. Это обеспечило сочинению уже миллионный тираж за двадцать лет. Издание 43-е, впервые дополненное.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-086787-5

© Веллер М. И., 1998-2018
© АСТ, 1998-2018

Содержание

Часть первая	8
Глава первая	10
1. Познай себя	10
2. Познать мир	11
3. Познать свое место и роль в этом мире	13
4. Как, зачем, почему человек и мир	15
Интродукция	18
Глава вторая	20
1. Зацепка	20
2. Воспоминания	25
3. Ощущения	31
4. Стремление к счастью	37
5. Самореализация	45
6. Максимальные действия	54
7. Энергетический уровень	68
Дополнение	78
* Промежуточная вводка. Диалектика	81
8. Неизбежная гибель человечества	85
Глава третья	92
1. Энергетический	92
2. Физический	94
3. Биологический	97
4. Исторический уровень	100
5. Психологический уровень	105
6. Философский уровень	111
Приложения	114
Бог	114
Часть вторая	116
Предисловие ко второй части	116
Я сказал или Краткое содержание предшествующих серий, или,	118
Еще короче о главном	126
До того, как	127
Мир познаваем или нет?	127
Принцип биполярности,	128
Подлинное и мнимое	130
Глава I	132
Пониматель	132
Мозг и режим форсажа	133
Ум и интеллект	134
О правде	137
Глава II	139
Прогресс	139
Пища	141
Государство и ландшафт	143
Письменность и информатика	144
Государство и эволюция	145

Империя	147
Падение цивилизаций	154
Цивилизация и рождаемость	156
Метисы	164
Закон	165
Коммунизм	168
Табу и его разрушение	171
Интеллигенция и ее уход	177
Глава III	182
Продолжительность жизни	182
Детство	184
Молодость	185
Романтика	188
Зрелость	189
Отцы и дети	191
Изменение характера с возрастом	193
Рак	196
Смерть	199
Вера и религия	203
Глава IV	212
Смысл жизни	212
Свобода	235
Слава	243
Власть	250
Мораль	258
Справедливость	265
Совесть	268
Зависть	271
Мечь	277
Предательство	281
Жестокость	285
Доброта	289
Добро и зло	294
Глава V	299
Любовь	299
Ревность	319
Страдание	325
Секс	328
Мужчина и женщина	354
Несовпадение вершин	360
Дон-Жуан	363
Глава VI	365
Случай	365
Неудачник	368
Стремление к поражению	372
Наркотики	375
Искушение	379
Уровень некомпетентности	382
Агрессивность	384

Сопrotивляемость среды	385
Самоубийство	388
Глава VII	399
Украшение себя	399
Красота	401
Искусство	420
На прощание	447
О тех, кто понимал	447
Резюме	449
Специальное приложение для вдумчивых	454
Энергоэволюционизм	454
Гиганты и мудрецы	454
Роль человека в истории космоса	464
Основы энергоэволюционизма (зачем мы и почему)	470

Михаил Веллер

Все о жизни

© М. Веллер, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Часть первая

Всеобщая теория всего

Мой любимый герой – Санди Пруэль. На руке у меня татуировка: "Я ВСЕ ЗНАЮ". Самое смешное, что это правда.

От этой правды иногда берет жуть. Как звук рассеивается в эхо, жуть рассеивается в одиночество.

Все произошло мартовской ночью: весенней грозой. Мне близилось тридцатитрехлетие: тот самый возраст.

Я был нищ, одинок и безвестен. Я жил в чужой стране. Мне было плохо.

Зачем-зачем-зачем? Я мог иметь карьеру, семью, деньги, положение. Я был талантливее, достойнее тех, кто процветал в литературе. Как же был устроен мир – несправедливо – что мне было плохо?

Я выбирал свой путь сам. И пришел к результату, который предвидел как один из возможных, который был мне нежеланен. Почему я не хотел сменить путь?

Каким образом сложилось это положение? Почему я поступал именно так? Как же устроен я, и как же устроен мир, и какой же в этом всем смысл?..

Где та система отсчета, где чаяния и страдания человека увязаны с поступательным движением истории, в чем конечная цель и смысл этого движения? Как же создан человек, и как же создан этот мир?

Голубые зарницы полыхали, рушились раскаты грома небесного: шел четвертый час утра. В стекла хлестала вода.

Ну и, как-то, я понял.

Если думаешь долго и добросовестно, то в конце концов всегда поймешь. Просто мало кто хорошо думает.

Год за годом долгими ночами я лежал и придумывал Мою Книжку. Это приятное занятие. Куда мне было торопиться. Деваться все равно некуда.

И когда я ее придумал, я стал придумывать к ней эпитафии. Эпитафий было много. Оказывается, все великие люди в общем думали об одном и том же. Выкидывать их было жалко – уж очень они подходили. В конце концов я оставил штук семь: пусть себе стоят:

"Нет в жизни счастья".

Татуировочка

"Почему люди скучные бывают вполне счастливы, а люди умные и интересные умудряются в конце концов отравить жизнь и себе, и всем близким, думал он".

Эрнест Хемингуэй

"Сильные души требуют пищи".

Стендаль

"Если допустить, что жизнь может управляться разумом – то уничтожится сама возможность жизни".

Лев Толстой

"Либидос и Танатос".

Зигмунд Фрейд

" $E = mc^2$ ".

Альберт Эйнштейн

"Ибо время близко..."

Апокалипсис

"А я Мишка – вашему терему крышка!"

Русская народная сказка

Глава первая Главный ход

1. Познай себя

Познать себя рекомендовал¹ еще Сократ – со своим обычным лукавым ехидством, – как исходно необходимое, самое вроде бы простое и одновременно неисчерпаемо сложное, чтобы уже после познавать все остальное, внешнее.

Есть мир в человеке; и есть человек в мире, объемлющем все, включающем в себя и человека.

Античная философия познавала мир, пользуясь обычными словами и не теряя здравого смысла. Позднейшая философия, углубляясь в познание, дробила мир на отдельные явления и дробилась сама, изобретала профессиональную терминологию, распадалась на частные и дополнительные дисциплины – и в конце концов превратилась в огромный свод маловразумительных течений, понятных лишь профессиональным "философам".

Эти "философы" различным образом объясняли людям то, что люди и так всегда знали. Многознание мудрости не научает. Овладение профессиональным жаргоном "философов" еще никого не сделало Экклезиастом.

Мы познаем мир через себя и посредством себя. Через свои чувства и мышление, посредством своей центральной нервной системы. Мы имеем дело не с миром, а со своими представлениями о нем. Любая честная философия идеалистична, справедливо сказал Шопенгауэр. Сейчас умру – и разрушу Вселенную, сказал Воннегут. Доказывать можно даже неоспоримые истины, сказал Уайльд.

Но когда вам на голову падает кирпич, то дело вы имеете как раз с внешним миром, не имея о том никакого представления, поскольку сознание было моментально отшиблено этим кирпичом, что отнюдь не помешало ему исправно огреть вас по черепу.

Достославное противоречие между материализмом и идеализмом насчет первичности материи или сознания есть парадокс, и парадокс надуманный. Война между остроконечниками и тупоконечниками.

Идеалист и материалист оба изучают предмет по его отражению в зеркале. Философия – это наука об отражении предметов, говорит первый. Нет, о предметах в отражении, возражает второй. Если вы не можете различить, чай это или кофе, то какая вам разница, интересуется официант? Оба взыскуют истины, познавая через себя мир вне себя. Оба имеют дело с системой: я – мир. Диалектическое единство.

А если исчезнут все люди – прочий мир останется? Да. (Хотя что будет тогда на самом деле – будет сказано ниже... это момент ключевой, принципиальный!) Значит, материя существует и без ее отражения сознанием? Да. А откуда мы это знаем? Из опыта, т. е. потому, что мы ее уже в себе отразили. А если бы не отразили, тогда что? А тогда не было бы этого разговора, который иначе превращается в схоластику. А что такое схоластика? Это система логических умпостроений, где отсутствует единая, общая для всех рассматриваемых вопросов система отсчета. А философия именно не существует без включения в себя человеческого сознания.

В чем суть апории об Ахиллесе и черепахе? В том, что система отсчета времени произвольно заукливается: вместо единой шкалы предполагается, что каждый отрезок времени равен 1/10 предыдущего. Логически безупречно, но исходное нарушение единой системы

¹ Надпись на храме Аполлона в Дельфах.

отсчета и превращает задачу в схоластическую. Вот и с "ключевым вопросом философии" точно то же самое.

Это естественные науки, точные, – физика, химия, математика – дают результаты, не зависящие от личности и сознания человека как такового, но философия базируется и на истории, психологии, социологии, т. е. науках о человеке; попробуйте убрать из философии все, что касается человека – и никакой философии не останется. Как же можно говорить о выводах философии, условно вычлняя из картины мира – человека?

Логически это может быть изящно. С точки зрения внутринаучных дискуссий – плодотворно: интересно! поле для споров! За века об этом написаны библиотеки. Считается, что они обогатили сокровищницу человеческой мысли. Великие умы составили Пантеон, в котором не протолкнешься.

А человек-то по-прежнему страдает, делает глупости, разрывается между чувством и долгом, пытается уразуметь свое поведение в этом мире и часто не понимает, отчего ж он ничуть не счастливее древних греков, скажем, если с тех пор за тысячи лет столько великих умов построили столько философских теорий. Не говоря уж о материальном благоденствии и прогрессе.

А человек этот, душа моя, – Ты. Ты и есть. И никто другой.

И ничего ты в жизни не поймешь, пока в себе не разберешься.

Потому что ты – ровно половина, одна сторона, диалектического единства: ты – мир.

Если ты плохо знаешь, плохо понимаешь себя – ты ничего не поймешь в этом мире. Потому что мир – это и есть ты. Все, что только есть сущего – как-то отражается в тебе. По этому отражению ты о мире и судишь. Каждый судит по себе, ага; нет ничего вернее банальных истин – они подтверждены временем, сказал Вамбери. А этот хромоногий кое-что понимал.

Для того, чтобы познать себя, требуются, пожалуй, только две вещи: честность и время. Честность – чтобы спокойно докапываться в себе до правды, и время для того же. Потому что если ты не сумеешь видеть правду в себе – зеркале, отражающем весь мир – то как ты можешь рассчитывать увидеть ее вне себя?

В известном смысле честность и ум – синонимы. И то и другое есть способность видеть истину. Здесь честность есть умственная добросовестность. Человек копается в себе, своих сомнениях, в добрых и злых чувствах и мыслях, уясняя мотивы своих действий, отдавая себе в них отчет – даже и особенно если это ему неприятно: не нравится он себе такой.

Людям ведь свойственно приукрашивать себя, сообразуясь с моралью. Подобно многим смертным, менее всего капитан Левассер интересовался правдой о себе. Давайте честно мыслить – это и есть высшая нравственность, сказал де Карт.

Истина и мораль есть вещи разные, как номинатив и императив.

Поступать часто надо по морали, но думать верно возможно только по истине. Мораль – готовый и вылежавшийся плод чужих размышлений.

Нет ни одной черты в человеке, которую он не может подвергнуть сомнению. Чтобы увидеть мир – надо сначала до ясности протереть зеркало, в котором этот мир отражается.

Тут нужна хорошая память. Нужно сколько-то знать биологию, анатомию, физиологию, психологию. Нужно представлять, как действует твой организм. Нужно прочесть биографию своей души.

И вот только тогда можно развести руками и возопить: "О Господи, куда же это меня занесло? Где же я оказался?!"

2. Познать мир

Проще, проще; еще проще. Легче.

Если человек задается вполне естественным и извечным вопросом: зачем он пришел в этот мир? какова его роль и его место в этом мире? – он должен как минимум иметь цельное представление о том, что есть этот мир и как он устроен.

Факты могут быть известны каждому. Понять, постичь законы, конкретными проявлениями которых явились факты – вот задача. Добраться до самой первопричины явлений, увидеть цельную картину причинно-следственных связей мира – вот задача. А если постоянно не иметь в сознании цельную картину мира – любое суждение, любая научная теория могут превратиться в доказательство той самой апории, в которой черепаха всегда будет опережать Ахиллеса.

Например. Готовясь к II Мировой войне, Сталин уничтожил почти весь командный состав своей армии. Ни один враг не сумел бы нанести ей большего урона. Где тут цель, логика, смысл, польза?!

Проще всего повторить вслед за древними греками, что кого боги хотят покарать, того они лишают разума. Но если бы люди в своих действиях всегда руководствовались разумом, то иной была бы вся история, и иным был бы сам человек. О роли разума речь также пойдет ниже.

Суть же сталинской акции в том, что: 1. Государству постоянно требовались рабы-заклученные, по разрядке набираемые из всех слоев. 2. Деятельность репрессивных органов оценивалась по тому, как много "врагов" они арестуют – такие органы тоталитарному государству были необходимы, а их функционеры выслуживались. 3. Требовалось искоренить любые возможности нелояльности, инакомыслия, превратить армию в идеально, беспрекословно послушный Вождю институт: сцементировать единоначалие, необходимое для силы армии, было проще всего и вернее через страх.

А дальше учитываются законы действия многоэтажной бюрократической машины. Функционеру-"винтику" каждого этажа ставится конкретная задача, сопровождаемая конкретным объяснением, которое должно побудить и обосновать ее неременное и наилучшее выполнение. Но в любом передаточном механизме – свой КПД и свои потери энергии. С учетом этого передаточное усилие на каждый узел должно даваться "с запасом". Чем больше и сложнее машина, тем с большим изменением реализуется через нее начальная идея-приказ.

Накануне грандиозной войны диктатор Сталин логично решил провести чистку комсостава. Все знали: предпочтительней шлепнуть невинного, нежели пропустить виноватого. Аппарат исполнения был огромен, громоздок, и результат, как только и возможно в таком случае, превзошел ожидания.

Все просто. (Хотя этот уровень анализа – не последняя ступень приближения к истине и первопричине явлений.) А с каким трагическим недоумением шли на расстрел и в лагеря честные и преданные командиры!..

Вот с таким же недоумением Эдмон Дантес ломал голову годами: зачем, почему заключен он в темницу замка Иф? Мудрому, знающему жизнь аббату Фариа потребовалось четверть часа, чтоб по отдельным фактам, сообщенным ему Дантесом, увидеть цельную картину: кто, как, когда и почему устроил это заключение.

Примерно это и называется "знать жизнь". (Хотя и здесь – не последняя степень приближения к первопричинам явлений; но в данном случае Тайна Мироздания и не интересовала собеседников.)

Чем отличается Фариа от Дантеса? Он дольше жил: больше знал, больше видел, больше думал.

Понятно, самым простым способом познания мира многим представляется прочитать много умных книг, где все объясняется. Такая форма знания называется начетничеством. Если пассивно усвоенная сумма знаний подавляет способность к самостоятельному мышлению (у кого, конечно, была вообще такая способность) – чего ж тут хорошего.

Тип-трафарет кабинетного ученого: седой мудрец в завалах книг, сведущий в глубинах всех наук, которого легко облапошивает любой жулик, потому что "реальной жизни" чужак-ученый не знает.

Тип противоположный: лукавый жулик, предприимчивый хитрец, который верит, что Солнце вертится вокруг плоской Земли, что интересует его лишь постольку, поскольку в темноте удобней грабить, – зато отлично разбирающийся в практической психологии конкретных людей, которых оставляет в дураках, побуждая их делать то, что нужно ему.

Вот и скажите теперь, кто из них лучше знает жизнь.

Оба лучше. Просто на разных уровнях. Хорошо бы оба типа знания как-то совместить, а? Это, условно говоря, две грани-крайности познания. Ученый представляет науку "чистую", а жулик – "прикладную", и в этой прикладной разбирается лучше любого университетского профессора психологии, даром что не знает ни одного термина и вообще читает с трудом.

Причем тут жулик? А притом, что он "жизнь учил не по учебникам", а исключительно через опыт и собственные размышления. А вот прийти к истине через собственное именно размышление те же древние греки полагали самым благородным, истинно достойным мудреца способом познания.

Без опыта, конечно, никак. Сам ничего не пережил – как ты можешь понимать тех, кто пережил, понимать жизнь? как можешь размышлять о ней? это будут, что называется, умозрительные построения: логически они могут быть верны, а эмоций человеческих, живых особенностей жизни будет им недоставать, и результат получится ошибочный.

Кто будет лучшим мэром города – профессор-юрист или пройдоха-бизнесмен? Второй, второй... Первый лучше знает в теории, как устроить, зато второй лучше знает практические особенности городского хозяйства и практические способы выполнения задач.

И без книг никак, что-то ведь прочитать надо, это понятно, чтоб иметь необходимые какие-то исходные знания в науках.

Это соотношение: книги – личный опыт – размышление – вещь тонкая и индивидуальная. Один прочитал библиотеку и остался дурак-дураком, другой прожил большую, разнообразную, интересную и тяжелую жизнь и ни хрена в ней так и не понял, третий думал-думал и, имея гениальные способности, додумался аж до дифференциального исчисления или эволюционной теории, известных за века до него... Нужен некий баланс, гармония всех трех начал.

Тогда некто может додуматься, что из себя представляет мир и как он устроен. Ведь "тайнами мира" мы обычно называем то, что знать мы покуда не можем, или не хотим, или не умеем. Но в принципе понять можно все. Отчего нет?

И вот когда кто-то постигает что-то путем размышления, это называют: "теория", или "гипотеза", или "предположение", или "догадка". Позднее, убедившись, иногда говорят совсем обидно – "гениальная догадка". Мол, знать не мог, научно не обосновал, но верно ведь догадался, а! умненький был мальчик.

Нет. Догадка – это более или менее случайный тык в цель. А понимание – это понимание. Это цель в общей сетке панорамного прицела. Не поймалась цель – промахнешься в жизни.

3. Познать свое место и роль в этом мире

О Господи! дай же мне сил бороться с тем, с чем я могу бороться, дай мне терпения смириться с тем, с чем я не могу бороться, и дай мудрости отличить одно от другого.

Общее место: в юности человеку свойственно переоценивать свои силы. Как сказал юморист, человек может все, пока он ничего не делает. Это что значит? Человек как-то представляет себя, свои силы и возможности, и пока они не напряжены до предела – он этого предела не видит, не почувствовал, а знает только, что запас сил позволяет ему двигаться дальше, делать больше. А вот когда он, взрослея, сталкивается со все большими препятствиями, он и обнару-

живает свой предел. То есть: он не столько переоценивает себя, сколько недооценивает еще не попробованные или вовсе неведомые ему препятствия.

А вот встретит самоуверенный юноша компанию здоровенных хулиганов – и сразу верно оценит свои силы: ему не победить, а компания изобьет его наверняка, надо или мириться, или подчиняться, или бежать, или собирать свою компанию, более сильную. Картина препятствия ясна – и становятся ясны свои роль и место в ситуации. Потому что обе стороны соотношения "я – мир" понятны.

Но разные люди поведут себя по-разному. Физически сильный, но трус – сразу удерет. Хилый, но отчаянно храбрый – бросится в драку, зная, что все равно не победит. А третий решит не только сам войти в банду, но и сделаться ее главарем. Один в результате станет главой гангстеров, а другой – верховным судьей.

Один подросток сказал: мне наплевать, что такое этот мир и как он устроен, я хотел бы знать, как мне-то в нем жить². Он, бедолага, так и остался мучиться, не зная, как ему жить. Иначе и быть, разумеется, не могло. Будучи частью целого, мира, ты и не можешь понять, что такое эта малая часть, ты со своей судьбой, если не желаешь понять целое – весь мир и его устройство.

В обществах со строгой иерархией и жесткими традициями это решалось просто. Правители правят, жрецы молятся, воины воюют, крестьяне пахут. Вот так устроен мир, и каждый должен жить, как ему предписано. А для общих объяснений существовали религия и мифология. Так было тысячелетия.

И кодекс поведения в принципе всегда был один и тот же. Надо быть честным, храбрым, верным данному слову, сильным, трудолюбивым.

Почему надо? А потому. Вот так принято. Иначе накажут, или выгонят, или будут презирать: ни тебе уважения, ни любви, ни спокойной жизни. И люди, следовавшие принятому кодексу поведения, всегда жили не хуже окружающих, чем и были довольны.

С одной стороны, это хорошо и правильно. Культивировалось поведение, которое позволило выстоять и подняться в борьбе с природой и врагами. То, что способствует выживанию и процветанию общества, т. е. большинства людей, и есть истинно, иначе все погибнем. Тут критерием истины выступает практика, все выясняется и устанавливается через опыт поколений.

С другой стороны, эти практические предписания отбивали у людей необходимость думать и решать самим. Большинство всегда и не хотели (и не могли) думать и решать сами. Но некоторые умственно непоседливые всегда хотели докопаться до всех первопричин сами. Из них иногда и выходили создатели религиозных и философских учений.

Дети всегда спрашивают: "почему?". И получают ответ: "потому". В юности этот вопрос: "почему?" приобретает все более общий характер, а ответ становится все менее вразумительным: "потому что есть такой закон природы", или "потому что надо поступать хорошо, а не плохо", или "потому что за это накажут, а за это поощрят". Суть вопроса усложняется, суть ответа сохраняет примитивно-однозначный характер.

- Что ты делаешь?
- Я таскаю камни.
- Что ты делаешь?
- Я зарабатываю на пропитание.
- Что ты делаешь?
- Я строю храм.

Вот юность и хочет знать: зачем строится храм? зачем это нужно? почему это все так устроено, что он строит храм, какой в этом смысл?

² Именно этому учил Конфуций.

Естественно, что именно в юности, при выборе пути, человек пытается осознать свое предназначение: зачем он явился на этот свет? Потом эти мысли и движения души обычно исчезают, сглаживаются – некогда: работать надо, семью кормить, купить то-се, карьеру строить.

А потом в старости сидит человек и думает: и зачем мне нужны были все эти мои труды и мучения? На тот свет ничего с собой не возьмешь. И вообще: не пойти ли в монахи, о вечном думать и грехи замаливать...

И кто поумней отвечает ему: потому что человек должен делать в жизни самое большое, на что он способен. Большому кораблю – большое плавание. Кому полмира покорить, кому сад посадить, кому детей поднять – каждому свое. Мог ты сделать то-то и то-то, а вот не сделал. Не угадал свое предназначение. Глуп был и слаб, отвечает старик, да и на кой черт оно все, мир не переделаешь, суета сует, все помрем.

Во! – отвечает другой, поэтому не надо вообще дергаться и напрягаться, а надо жить в святости и размышлять о вечном и бренности бытия, раз конец все равно один.

Тамерлан говорил примерно: миру нужен владыка, и этим владыкой должен быть я. Тут с местом и ролью человека все понятно. По крайней мере ему самому и всему окружению.

Скептик спросит: ну и что в этом толку в масштабах мировой истории? где та империя, где те Великие Моголы? Ученые ответят: централизованное государство, материальный подъем, научный и культурный расцвет... и вот мы здесь господя, да.

А вот местом Диогена была бочка, а ролью – мыслитель и возмутитель общественного спокойствия. Пред кем весь мир дрожал в пыли – торчит затычком в щели.

Большинству же их место не нравится, и своей ролью они не удовлетворены. И почему судьба их сложилась так, а не иначе, они объясняют двумя словами: "характер" и "обстоятельства". Что есть одна из форм старого родительского ответа "а потому что так". А почему такой характер? А почему такие обстоятельства? Потому что генетика и уровень развития общественно-экономических отношений. А почему? Дальше, глубже: почему? почему? И – зачем? зачем?

Ах, если бы знать, зачем наши страдания, ломают пальцы чеховские герои.

И получается, что если уж человек начал думать и не может остановиться, то мало ему знать себя, и мало знать мир, и даже мало знать свою роль в этом мире, а надо знать, зачем и как вообще ОНО ВСЕ.

4. Как, зачем, почему человек и мир

Подросток, юноша пристально и подробно вглядываются в себя. Нет для созревающей души предмета важнее и интереснее себя самой.

Через себя человек, взрослея в мире, распирая его боками в соприкосновениях, познает мир, его законы и устройство, насколько он склонен и способен к этому (и насколько обстоятельства позволят).

Вопросы кем быть и что делать, выбор (более или менее осознанный) места и роли взаимобусловлены первыми двумя моментами. На практике – только заняв свое место порой человек сталкивается с теми внешними и внутренними проблемами, которые и побуждают его разобраться в себе самом и окружающем мире. В анализе же, осмыслении – только разобравшись в себе и мире человек осознает свое место.

Я – мир – моя роль и место.

Эта предельно упрощенная схема, этот краткий повтор уже сказанного выше – нужны для одного: уяснить ход к ответам на все вопросы.

Что значит на все? На все, касающиеся деятельности человека и человечества. Как практической, так и внутренней.

Нет, не о том, как стать здоровым и богатым и победить врага – а о том, зачем, почему, для чего человек стремится именно к этому (и многому другому, разумеется), а иногда – вовсе противоположному.

Сто тысяч почему. Семь столпов мудрости.

У каждого мужчины есть второй возраст – мальчишеский. Чаще всего это лет тринадцать. Чувства обострены. Силы стремительно растут. Опыт приходит ежечасно, не успевая осмысливаться. Обиды и радости жгут, как никогда после. Самоуверенность, жажда, романтизм. Все время, не отданное конкретным занятиям, подросток думает (есть такая разновидность – задумчивый подросток). Он более ставит вопросы и ищет ответы, чем находит ответы – ему некогда, внутренне он живет очень наполненно, интенсивно и быстро, конкретный опыт и знания малы, жизнь постоянно перебивает его размышления и отвлекает, а с годами, определяясь в жизненной деятельности, человек думает все меньше и реже.

Интеллект как способность анализировать информацию и делать заключение составляется к пятнадцати годам. Беда в том, что сначала не хватает информации – а позднее отрабатываются, отмирают нервные клетки, и по мере накопления информации снижается способность ее анализа.

Философов типа Диогена в наше время нет. Философы защищают диссертации, издаются книги, преподают в университетах и занимают свою социальную нишу в обществе. Диковато представить, что взрослый человек всю жизнь просто шляется по улицам, ничего не делая и не имея никаких обязанностей и занятий, и просто думает – неторопливо и непрерывно. Как задумчивый подросток.

Ну и вот нашелся такой человек. Как задумался о чем-то подростком, так и продумал всю жизнь.

В четырнадцать лет я попытался понять, отчего горит электрическая лампочка. Мне объяснили: – Разность потенциалов. – Поток электронов. – Столкновения их с молекулярной решеткой. – Выделение тепловой энергии. – Волновое излучение. Ну хорошо: а почему при этом выделяется энергия? да, все это так (вероятно), но следующая степень углубления в вопрос: а почему? почему разность потенциалов? где ответ на последнее "почему"? Нет ответа на последнее "почему"; а вот такой закон природы.

То-есть: получается: любое наше знание работает по методу "черного ящика" – мы знаем, что если ткнуть в него вот так, то из него получится вот эдак. Суть трансформации действия между причиной и следствием остается скрытой под табличкой "Закон Природы". Брошенный вверх камень падает вниз, потому что закон всемирного тяготения. Этот закон обоснован физически и математически. Но п о ч е м у он вообще существует, черт возьми? Зачем, для чего, каким в конечном итоге образом?

Тогда говорят о неисчерпаемости и бесконечности познания.

Или о существовании некоего еще не познанного Высшего Закона Природы.

Или о Боге. Который вот так все создал, а постичь до конца его промысел нам не дано.

И в любом случае получается, что Ахиллес никогда не догонит черепаху. Наше сознание никогда не доберется до первосуты, первопричины явлений. Но будет бесконечно подбираться все ближе и ближе к ней.

Таким образом, я до сих пор не знаю, почему горит лампочка.

Но если подойти к Ахиллесу с черепахой по-простому, с линейкой и секундомером, то нетрудно определить точку, где он ее настигнет и перегонит.

Любая наука вооружена собственной линейкой. Иногда, лупя друг друга этими линейками, науки оспаривают друг у друга истину.

Единая для всех линейка, главная, никому пока в руки не давалась, как меч короля Артура. Из этого еще не следует, что этим мечом вообще никто не может владеть.

В Испании есть король. Этот король нашелся. Этот король я.

Есть анекдот о том, как проблему связи пространства и времени удалось решить сержанту Иванову, который приказал своему взводу копать канаву от забора до обеда.

Суть единой линейки в том, чтобы ею можно было мерить все от сознания человека до устройства Вселенной.

Ты – начальная точка, Мир – конечная точка, Твое Место – подвижный визир, посредством которого градуируется масштаб и цена делений.

И вот тогда...

Тогда станут понятны движения души относительно судьбы вселенной. Связь стремления к счастью с движением к самоуничтожению. И в чем смысл необходимости страданий. И что есть Бог и как это понимать.

Поможет ли тебе жить это знание? Может крепко помочь. В том смысле, что открытые глаза лучше закрытых. Кто понимает неизбежное – тот не дергается понапрасну.

Все религиозные и философские учения несли в себе так или иначе императив поведения. Мотивировалось это предельно примитивно – пользой самого человека, в этом мире или загробном. Но как можно судить о человеке и его пользе, если нет единого мнения по вопросам, что это такое? Один видит пользу в удовольствии, другой – в здоровье и покое, третий – в общественном благе. Сначала надо понять все – потом можно решать, как жить самому.

В этом смысле всеобщая система единого понимания жизни и мира освобождает тебя от любых догм, любого понуждения – как свободен зрячий выбрать любой путь в окружающем пространстве, соотносясь с местностью и своим желанием, по сравнению с плохо видящим, которого куда-то подталкивают.

Знание – это свобода. Банально, как все истины. И заслуживает повторения и понимания, как все банальные истины.

Я никого не подталкиваю.

Интродукция

Знание и догадка

В 400-м году до Р.Х. Ксенофонт привел домой десять тысяч греческих солдат. Бывшие наемники разбитого Артаксерксом Кира, они за пятнадцать месяцев прошли с боями сквозь чужие страны четыре тысячи километров. Зародилась новая тактика пехоты. Поход вошел в историю.

Талантливейший практик и теоретик, Ксенофонт оставил труды по военному искусству: "Отступление десяти тысяч" и "Киропедия". Многие века их изучают во всех военных академиях.

В середине XX века Ксенофонта удостоил отзывом доцент Военной академии им. М.В.Фрунзе полковник Разин: "Утверждением, что тактика – лишь ничтожная часть стратегии, Ксенофонт высказал правильную *догадку* о связи стратегии и тактики". Мол, **знать** он еще не мог, слишком рано было, военная мысль была еще малоразвита – но **догадаться** сумел: молодец мальчик. Это о полководце и ученом, который заложил стратегию и тактику как науки, теоретически обосновав их разделение и связь.

Кто такой Ксенофонт и кто такой Разин. И что это такое знал второй, о чем первый только догадывался? А ведь один из них создавал науку, которую другой только изучал.

Карлики на плечах гигантов. Многознание малопонимающих.

Так вот, если кто, путем размышления и анализа собственного опыта и обобщения известных фактов приходит к верным выводам – к истине – это не догадка, а понимание: знание. Доказательства выводов могут быть последователями подкреплены, умножены, обоснованы через изоциренный научный аппарат – но знание первооткрывателя этим не умаляется до догадки.

Три тысячи лет назад финикийцы строили прекрасной мореходности корабли. Теорию судостроения любой выпускник современного судостроительного института знает гораздо полнее и "научнее" их. С точки зрения этой науки финикийские корабли были поразительно целесообразны, в своем роде совершенны. Исконные мореходы, ребята знали, как их делать. Называть это знание догадкой – глупо и оскорбительно.

В XII веке индийцы делали булат. Такое качество оружейного металла не достигнуто и ныне. Утерянный секрет раскрывался просвещенными европейцами двести лет. Создавались институты стали и сплавов, делались открытия в химии и защищались миллионы диссертаций. Академиков – тьма, а древнее знание не восстановлено. Нынешние ученые, не в силах понять, строят на этот счет догадки.

Чем отличается догадка от понимания (знания)?

В догадке верный вывод делается путем интуитивным, иррациональным, с пропуском логических звеньев. Более того: сама исходная предпосылка может быть неверна или отсутствовать вовсе. А может быть неверна, ущербна созданная система доказательств – а вот вывод все равно верен. Метод тыка, озарения, подгона решения задачи под уже известный (желаемый) ответ.

Знание: имеет в основе верную, естественную предпосылку и приходит к выводу логическим, последовательным, связным путем, опираясь на цепь достоверных моментов, фактов.

Теория и гипотеза: заменяет недостающие звенья или саму предпосылку логически возможными допущениями, предположениями, что позволяет построить цельную картину объяснения к выводу.

В основных чертах так.

Это все лишь к тому, что настоящее сочинение – не догадка и не гипотеза, а знание.

Все очень просто. Когда поймешь.

Привет кортесам от колумбова яйца.

Глава вторая Главная цепь

1. Зацепка

ЧЕГО ЖЕ ТЫ ХОЧЕШЬ? ЧТО ЧЕЛОВЕКУ НАДО? Неплохой вопрос, а. Сакраментальная формула. Так сказать, вопрос всех времен и народов.

Мудрецы, ученые, философы всех стран и эпох построили на этот счет массу теорий. Со всеми ознакомиться – жизни не хватит. Да может быть и незачем. Потому что в жизни каждому приходится решать этот вопрос самому. Каждый исходит из обстоятельств собственной жизни и собственных нужд. Более или менее соотносит свои потребности со своими возможностями.

Так что не будем вдаваться в книжные премудрости; как говорится, философия философией, а жизнь – жизнью. Вот по-простому, от жизни, и будем исходить. О том, что каждому человеку знакомо, понятно и близко.

Давайте выйдем с телекамерой на улицу и опросим тысячу – а лучше десять тысяч, или даже сто тысяч человек. Ну, если прямо так спрашивать: "Тебе чего надо?" – могут и не понять. Могут обидеться, а то и по ушам накидать: грубовато звучит. Ладно, спросим вежливее: "Скажите пожалуйста, что лично Вы считаете для человека главным?". И для туповатых поясним: "Ну вот Вы – Вы как думаете: что для человека главное в жизни?".

Осторожные и осмотрительные могут ответить: "Ну, это смотря какой человек". Или: "Ну, для кого что". К таким пристанем: "Конечно, но ведь есть какие-то общие для всех людей нужды, необходимые вещи, потребности, правда?".

Опросы такие проводились множество раз. И ответы всегда были в общем одни и те же:

1. Здоровье. Не быть больным, калекой, не испытывать телесных страданий – быть полноценным человеком. Молодые редко ставят это на первое место, а старики – почти всегда. Оно понятно: молодость здорова и об этом мало задумывается, а старикам и больным куда как ясно: нет здоровья – так и делать что-либо трудно, и близким тягость и огорчения, и вообще от жизни меньше удовольствий. Здоровье, что называется, для всего в жизни условие недостаточное, но необходимое.

2. Благополучие семьи и родных. Чтоб дети выросли здоровыми, умными, хорошими, богатыми, чтоб родители не хворали и жили долго и в достатке.

3. Материальная обеспеченность. Иметь все нужные вещи, деньги на расходы и сбережения про черный день, жить лучше некоторых и во всяком случае не хуже других.

4. Хорошая работа. Чтоб она нравилась, доставляла удовлетворение, была престижной.

5. Уважение окружающих, хорошие отношения с людьми, высокое их мнение о нас.

6 (а может быть первое, особенно у молодых). Любовь. Взаимно любить, быть счастливым в любви, иметь родного человека, с которым всем можно поделиться, не быть одиноким.

7. Карьера. Иметь в жизни большую цель и добиться ее.

8. Слава. Чтоб все тебя знали и ты был для них ого-го.

9. Много путешествовать, увидеть мир, знакомиться с интересными людьми, и вообще жить интересно, полной жизнью.

Примерно так. И, наверное, это любому надо. И, ей-Богу, ни один нормальный человек против этого не имеет что возразить.

И все нормальные люди этого хотят. И если чего-то из перечисленного у них нет – то они в принципе хотели бы свое положение как-то поправить, улучшить.

Вернейший показатель ценности в глазах людей – все родители желают этих благ своим детям. Главное – вот чтоб было все вот это. А уж остальное – не так важно, потом; как получится; как Бог даст. Да и чего еще желать?

ЗДОРОВЬЕ. Гробят всевозможными способами. Пьют, курят, употребляют наркотики. Переедают, недосыпают, мало двигаются. Перенапрягаются, нервничают. Сначала машут на это рукой, потом оправдываются всевозможными обстоятельствами. А если кто скрупулезно следит за своим здоровьем, то выглядит в глазах окружающих человеком неполноценным, слегка идиотом.

БЛАГОПОЛУЧИЕ СЕМЬИ. Ругаются, тиранят родных, лгут, изменяют, заначивают деньги. Забывают родителей, бросают детей. Погружаются в собственные дела и интересы настолько, что для семьи уже нет времени. Пьют, шляются неизвестно где, ввязываются в сомнительные авантюры. Благополучная семья – большая редкость.

МАТЕРИАЛЬНАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ. Проигрывают в азартные игры все. Пускаются в аферы и разоряются. В погоне за излишним лишаются необходимого. Пьют. Ленятся. Отказываются от высокооплачиваемой работы ради менее денежной, объясняя это моральными принципами или интересом. Тратят деньги на явно ненужные вещи, а в тяжелый час идут по миру нищими.

ХОРОШАЯ РАБОТА. Большинство людей к своей работе равнодушно или, более того, ее ненавидит. Могли бы жить на ренту – бросили с восторгом. Мечтают сбросить это ярмо и, эх, жить бы так, как хочется. Устают, переутомляются, мечтают об отпуске. Занимаются черной поденщиной – ради денег, которые в таком количестве не являются для них строго необходимыми.

УВАЖЕНИЕ ОКРУЖАЮЩИХ. Вот уж на что хотелось бы наплевать! Да эти окружающие – в большинстве или сволочи, или дураки, а чаще и то и другое вместе. Они завистливы. Они всех меряют по себе. Они не прощают чужих успехов – или сотворяют себе кумира. Я хочу делать то, что хочу я, а если им это не нравится – пусть подавятся. В крайнем случае создам для них свой имидж – псевдообраз, который им приятен. И укроюсь за ним.

ЛЮБОВЬ. Если почти все люди хотят любить и быть любимыми – то уже просто по закону больших чисел большинство должно это иметь.

Жизнь убеждает нас в том, что ничего подобного. Ох да не так часто это бывает. Почему, собственно?

Может, слабо хотят? Да нет, ежедневно люди кончают с собой из-за несчастной любви. Причем кончат незначительное меньшинство, а большинство несчастных кое-как, и часто довольно успешно, живет дальше.

Может, по своим данным, так сказать, недостойны? Тогда самые красивые, самые сильные, умные, богатые и энергичные уж точно должны быть в любви успешнее остальных. Тоже нет! Вот вам неудачливые в любви кинозвезды и топ-модели – жалуются, разводятся, скандалят и не могут обрести желаемое – и вот обыкновенная пара: друг на друга надыхаться не могут, и соседи завидуют.

Может, мало стараются неудачники? Хм. У одних все как-то хорошо получается само собой, а другие всю жизнь терзаются, перебирают партнеров – без всякого конечного успеха.

Можно пожертвовать своей любви всем на свете, совершить легендарные подвиги – и остаться у разбитого корыта.

Почему, зачем эта "главная ценность" связана так часто с огромным количеством страданий, лишений и всяческих несчастий? Заниматься сексом, рожать детей и преуспевать в жизни вполне можно и без любви. И хлопот куда меньше. Так зачем она нужна?

Мудрецы долго думали над этой проблемой и сообщили человечеству, что тут есть много нюансов, но в общем это Великая Тайна. Большое спасибо мудрецам, они всегда умеют сказать что-нибудь если не полезное, то хотя бы утешительное.

КАРЬЕРА. Перенапряжение, лицемерие, трепать нервы, прогибаться перед начальством, сносить попреки, переступать через людей. Королем рекламы сделаться, или автомобилей, или боссом стройкорпорации? Реклама пытается всучить ненужную дрянь, от автомобилей на улицах не протолкнуться, долг за жилье люди полжизни выплачивают, хоть там только ночуют... и на это ты хочешь потратить свою жизнь?

СЛАВА. Вот вам непревосходимая слава Наполеона. Разоренные страны и два миллиона трупов в итоге. Объявите о вашем намерении добиться такой славы заблаговременно – и окружающие примут все меры, чтоб укоротить вас на голову.

Бывает и безвредная слава. Усердно тренируйтесь в плевках, плюнете дальше всех в мире – и попадете в Книгу рекордов Гиннеса. Достойный венец карьеры идиота.

Спортивная слава! Угробленное здоровье, укороченная жизнь и режим, полный тяжелейшего труда и жестоких ограничений. И что он скажет во вратах небесных Апостолу Петру? "Что ты делал в жизни?" – "Я прыгал в длину".

Вдумайтесь в поведение тех, кто отдает свои деньги, чтобы бесноваться на стадионах. Один чемпион мира по кич-борьбе выразился: "Тех кретинов, которые приходят смотреть на нас, я бы в законодательном порядке лишил права иметь детей". Разве не лучше самому заниматься физкультурой, чем сосать пиво и смотреть футбол? Как говорил Аркадий Райкин: "Двадцать два бугая помножить на два часа... это ж сколько пользы они принести могли бы!".

Ну бессмысленное же занятие! А люди по нему с ума сходят. Венец природы, уникальный мозг в голове! а служит эта голова для того, чтобы ею бить по мячу, или по ней бить кулаком в перчатке строго установленного веса. И для этого Господь наделил человека разумом?

Кинозвезда, рок-звезда... Объясните: ну зачем вам надо, чтоб незнакомые люди лепили на стены ваши фотографии и ломались в вашу дверь? Вы что, так любите людей? Так вступите в Братство Милосердия и раздайте неимущим все ваше добро. А завтра поклонники перевершат ваше грязное белье и оплюют вас. А послезавтра забудут.

"А все равно хочется". Тьфу ты...

ВЛАСТЬ. Сородич мой возлюбленный, зараза непоседливая, ну зачем тебе власть? Если ты живешь в достатке, покое и уважении? Зачем тебе огромный кабинет, ты что, в маленьком уже не помещаешься? Зачем тебе в правительство – там что, собрались твои лучшие друзья? да они тебя живьем сгрызут, и ты их грызть будешь. В телевизоре красоваться захотел, лицо тебе нравится? так сделай дома зеркальные стены. Страну решил облагодетельствовать? Много вас таких. И все приворовывают. А потом плачутся на неблагодарность народа. А народ ругается и на выборы не ходит.

Вы когда-нибудь слышали, чтоб мудрец шел во власть?..

СВОБОДА И ПОЛНАЯ ЖИЗНЬ. Люди совершают преступления, зная, что поплатятся за это свободой. Садятся в тюрьмы за свои убеждения. И со слезой поют о свободе.

А сами не прекращают создавать такие государства, где свободой и не пахнет. И даже "свободные" люди в "свободных" государствах в конце концов устраивают свою жизнь так, что изо дня в день выполняют свои *обязанности*, свой *долг*: погрязают в утомительной и бесконечной веренице каждодневных дел. И все их шаги и поступки предопределены той системой, тем образом жизни, который они сами себе выбрали, навязали; и делают они не то, что нравится, а то, что *надо*. И жалуются, и вздыхают: ах, дальние страны, ах, экзотические путешествия...

Плюнь на все, иди бродяжить, чеши пузо в тенечке. Нет – невозможно: семья, дети, работа, мнение окружающих, плата за жилье. И почти каждый оказывается рабом – рабом собственных представлений о том, как ему надо жить.

И выходит, по Марксу, что нет никакой свободы, а есть одна только "осознанная необходимость"... Да бросьте вы! Еда голодному, кров бездомному – это необходимость. А работать

сверхурочно и трястись над каждой копейкой, чтоб купить новую машину, вместо того чтоб с друзьями водку пить и вообще побольше отдыхать и веселиться – ну какая тут необходимость?

Слушайте, ну кому не хотелось хоть однажды сказать в лицо начальнику, что он хам и дурак, и уйти, грохнув дверь? И что – помер бы ты после этого, нищим оказался, несчастья бы ужасные обрушились? Нет, прожил бы, ничего. Ан глотаем – любя при этом "свободу" и мечтая "делать то, что нравится".

И ведь на все найдем причины и оправдания. А если сыщется правдолюбец, который всегда делает и говорит то, что ему нравится, то дни свои он оканчивает если не в тюрьме, то в богадельне.

Плод свободы – ядро каторжника.

ФИЛОСОФСКАЯ ГОЛОВОЛОМКА. Однажды на рынке в древних Афинах Сократ известил сограждан, подошедших вкусить его мудрости: "Я намерен посвятить всю оставшуюся жизнь выяснению только одного вопроса – почему люди, зная, как надо поступать хорошо, во благо, поступают все же плохо, себе во вред". С тех пор прошло две с половиной тысячи лет, развалины Афин находятся на прежнем месте, и по-прежнему далек ответ на этот вопрос.

Никто и не смеет утверждать, что люди – существа простые. Понимают они одно, хотят другое, а делают при этом третье. Так добро бы еще при этом были довольны собой и окружающей действительностью. Нет: вечно они чем-то недовольны, вечно их что-то не устраивает. А если успокаиваются, то будьте уверены, это ненадолго.

Можно, конечно, вздохнуть, что люди несовершенны, надо воспитывать их взгляды и менять психологию. Да уж люди таковы, каковы есть, тысячи лет воспитывали – и чем мы лучше древних греков или римлян? Что, умнее, или счастливее?

УТОПИЯ И ПРОГРЕСС. В древности люди слагали миф о Золотом Веке, когда у всех все было, и всем было хорошо. В новые времена они вознамерились устроить Золотой Век сами – при помощи науки и техники, вооружившись теорией прогресса. Чтоб все трудились по способности – и получали удовлетворение всем своим потребностям. Просто, как все гениальное.

Давайте присоединимся к грандиозному опыту. Создадим такой мир, чтоб там все были здоровыми, обеспеченными, уважаемыми, работающими, свободными, без излишней роскоши. Ну вот такое идеальное государство Платона, только вместо рабов роботы. Утопию сэра Томаса Мора.

Вообще-то в семнадцатом году большевики такое государство затеяли. Очень хотели, чтоб все было хорошо. Кошмарная вышла история. Пятьдесят миллионов убитых и развал страны. Упаси Боже.

Но создатели социализма как учения вовсе такого не хотели. Социализм учит созданию такого государства, чтоб всем людям в нем было хорошо – чтоб все имели то главное в жизни, о чем была речь. И есть большие достижения.

Скажем, Швеция. Процветающая страна. Материальное изобилие. Демократия. Пошли по пунктам:

Здоровье. Ставим плюс: большая продолжительность жизни, прекрасная медицина и фармацевтика, все условия для занятий спортом.

Благополучие семьи. Плюс. Прекрасные детсады, школы, игрушки, летние лагеря, для стариков – шикарные дома престарелых, с хорошими комнатами, хорошей едой, заботливым персоналом и любой медицинской помощью.

Материальное обеспечение. Два плюса. Нищим в Швеции можно быть только при очень большом старании. Безработный? нет денег на жилье, еду, содержание детей? – вот тебе бесплатная квартира, бесплатное образование для детей, бесплатное медицинское обслуживание, бесплатный проезд в транспорте, и еще деньги на еду, одежду и прочие самочинные расходы. Не разбогатеешь, но будешь жить как человек. Слишком много зарабатываешь? – вот тебе

налоги, роскошествовать незачем, эти деньги пойдут малоимущим, так что и незачем надрываться, пытаюсь заработать слишком много.

Хорошая работа. Плюс. Выбирай любую. Никаких ограничений. Честный отбор желающих. Не нравится? – уходи на пособие, вполне можешь не заниматься ничем, ежели все не по вкусу.

Уважение окружающих. Плюс. Добропорядочные граждане, уважающие друг друга, соблюдай приличия – и все тобой довольны.

Дети! В задаче требуется узнать: чего еще шведам не хватает?

А чего-то им явно и здорово не хватает, потому что Швеция исправно держит первое место в мире по числу самоубийств на душу населения. Вот так.

Не из-за несчастной же любви они так резко страдают больше всех прочих. Вот те свобода секса, вот те браки меж гомосексуалистами, вот те лечение от импотенции.

Изобилие, благополучие, покой и намыленная петля.

И пока психологи всячески осмыслиют эту взаимосвязь – многие страны из кожи вон лезут, чтоб достичь уровня Швеции и во всем на нее походить. Тем временем шведы стараются ограничить приток жаждущих эмигрантов из бедных стран – жалуясь при этом на скуку, одиночество и отсутствие смысла жизни.

... Можно представить себе головную боль Бога, который пытался дать человеку все, что человеку надо.

КАМО ГРЯДЕШИ – КУДА ПРЕШЬ? Но основной-то части населения жить хочется. А хорошо жить – еще лучше.

И как минимум, если рассудить, чтоб человек имел все нужное и желаемое – он, для начала, должен вообще жить, существовать, так сказать. Для этого ему необходима планета, годная для обитания. Есть такая планета – пока. И что делает наш "человек разумный"? С удивительной энергией превращает свою планету в для обитания непригодную. Леса сводит, океан загаживает, недра выкачивает, почву истощает – далее подробности в газетах. Ну, стали как бы пытаться поменьше гадить, поаккуратней, законы принимаем и комиссии создаем для охраны окружающей среды – но тенденция сохраняется неизменной. И ведь понимает человек, что лишает сам себя необходимейшего – ради излишнего: годную одежду выкидывает, несвежие продукты уничтожает – но труды свои в поте лица продолжает. Скотина.

Ученые предупреждают: еще пара веков так – и хана. Ничего, отвечают люди, потомки что-нибудь придумают. Авось утрясется. Нет, других-то вы прижучьте, но уж я-то свой миллион на нефти сделаю, не мешайте.

* * *

У бессмертного Швейка был знакомый трактирщик Паливец, мизантроп и грубиян, так у него все рассуждения сводились к умозаключению: "Человек-то думает, что он венец природы, а на самом деле он дерьмо".

Самокритика вещь безусловно полезная, но хотелось бы также сделать и какие-нибудь конструктивные выводы.

Плохо у нас, товарищ, с конструктивными выводами. Глеют в земле кости просветленных мудрецов и пламенных борцов за счастье человечества, ветшают и рассыпаются миллиарды книг в бесчисленных библиотеках, и не доносит дальний ветер никакого ответа.

Ломай голову сам, мучься: почему так выходит? зачем живешь? что тебе надо? Неправильно живут люди!.. Но почему?!

Почему не жить только по уму и по совести? Знаем часто, что не то делаем – а хочется. Хотим удовольствий – а не обходимся без страданий. Почему не получается, чтоб все было хорошо?

Почему часто по собственной воле поступаем вопреки собственному знанию о своем благе и счастье? Почему губим себя?

Суедемся всю жизнь, трудимся, радуемся, терзаемся – а чем все кончится?.. Вам привет от царя Соломона. "Все пройдет", – было вырезано на его перстне. "И это тоже пройдет" – было вырезано на нем же изнутри.

2. Воспоминания

В какой бы жизненной проблеме мы ни разбирались – у нас есть только две вещи для этого: память и разум. В памяти хранятся весь опыт и знания – мы вспоминаем и обдумываем.

Собственно живем мы только в настоящем мгновении. Жизнь – как планка шириною в миг, которая движется по пространству времени: еще не существующее будущее на миг становится реальным и конкретным настоящим – и тут же уходит в пережитое прошлое.

Воспоминания у каждого всегда при себе. Покуда в здравом уме и твердой памяти – все можно понять, во всем разобраться.

И мы в мире, и мир в нас. Человек есть то, что он помнит.

ЧТО ЧЕЛОВЕК ПОМНИТ? Мамина улыбка, папин ремень, сломанная игрушка, первый школьный звонок, первая любовь, первая учительница... черт... не могу вспомнить, как ее звали. Вехи судьбы, повороты карьеры... всегда забываю, какого числа я женился.

И вот начинаешь вспоминать – и удивляешься: как много забылось, стерлось, размыто дымкой. Иногда – жизнь решалась, так дорого было: война, тюрьма, смерть... и уже не вспомнить имен, дат, подробностей. Одно помнится – а другое вылетело начисто.

Ерунды вспоминается предостаточно, особенно под утро в бессоннице. Бесмысленные эпизоды, сцены, картинки. Где же цельная, внятная канва жизни моей?

Память, конечно, инструмент несовершенный – но в чем логика этого несовершенства? Помню из детства запах, волнующий, свежоошкуренной кленовой палочки – но не вспомнить имени соседского мальчика, кумира и покровителя, который впервые дал мне прочесть "Остров сокровищ".

Амаркорд. Лежа в темноте, я вспоминаю... Вот – моя жизнь.

ВАЖНОЕ – НЕВАЖНОЕ. По идее, лучше всего человек должен помнить самые главные события в своей жизни.

Но кто не сталкивался: пишешь для какой-то казенной надобности автобиографию на одну-две странички – и то вдруг трудно вспомнить, когда куда ездил, как сменил работу, сколько зарабатывал. А ведь это было так важно, к этому так стремился!

Историкам известно: никто не врет так упорно, как ветераны – авторы мемуаров. Реальные факты и детали мешаются у них с придуманными и просто с провалами памяти. Генерал забывает ход сражения, летчик – маршруты полетов, стрелок – устройство оружия. Зато трофейные швейцарские часы, которые у него командир отобрал, помнит до тонкостей.

Забыл, за какой партией сидела любимая девочка, ее адрес и телефон, во что она была одета и что сказала при первом свидании – а помнишь, как она выламывала зубчики из расчески, когда ты назначал ей это свидание.

Забыл имена ребят, с которыми работал в тайге – а помнишь, как украл у мастера топор. Помнишь с армейских времен фамилию командира разведки – и начисто не помнишь, чему он учил. Бред.

Каждый может напрячь память – и убедиться: совсем не все, что казалось когда-то самым важным, хорошо помнится.

НЕДАВНЕЕ – ДАВНЕЕ. На это нетрудно возразить, что нельзя всю жизнь помнить все, старые воспоминания вытесняются более свежими. Как бы у памяти есть сроки хранения для каждой вещи – чему три года, чему двадцать; объем памяти ограничен, и по прошествии

срока хранения старая информация заменяется свежей – вроде как продукты в стратегическом складе НЗ.

Тогда почему имена и лица школьных друзей помнятся лучше, чем недавние сослуживцы? А плохой старый фильм – лучше хорошего недавнего?

Всем известна специфика старческой памяти: забывать вчерашние события, но помнить давно прошедшие. Путают глобальные политические катаклизмы последних лет – но отлично помнят день полета Гагарина.

ОБЪЕКТИВНОЕ И СУБЪЕКТИВНОЕ. Можно сделать предположение, что прочнее человек помнит не главное лично для него – а эпохальные события, великие свершения: войны, революции, катастрофы. Может, память отдельного человека, независимо от его личных интересов, в первую очередь отвечает потребности коллективной памяти человечества?

Ага... Журналисты и следователи давно пошутили: "Никто не врет так, как очевидцы". Ветхий ветеран 18-го года – название своей конармии забыл, направление походов забыл, а помнит как в полы длинных кавалерийских шинелей пульки вшивали для тяжести – чтоб по ветру не плескались.

Вы понимаете: как солдата в 41-м мобилизовали – он уже не помнит, а как мать его в очередь за солью отправила – помнит.

Вот и составляй тут объективную картину прошлого.

НУЖНОЕ – НЕНУЖНОЕ. Но все-таки память – не бессмысленное нагромождение прошлого. У нее своя функция есть, как у всего в человеке. Помнить надо прежде всего то, что тебе для жизни необходимо. Свое имя, язык, адрес, родных, рабочие навыки. Полная потеря памяти в результате травмы, болезни, возвращает человека в младенческо-животное состояние: он не умеет пользоваться ложкой, унитазом, вообще не способен жить без ухода.

Но чем тогда объяснить, что можно забыть о важной встрече – и вспоминать в назначенную ей минуту, как в детстве тебе подарили велосипед? Чем прогневила Бога старушка, которая не помнит названий ближайших улиц, потеряла записную книжку с адресами родных, путает имя собственной домработницы – но увлеченно описывает ей подробности своих девичьих нарядов? Если это склероз – то почему у него такая странная избирательность?

И откуда знаменитая рассеянность великих ученых и художников, которые забывают о поездках, обедах и вообще иногда не знают, где они находятся?

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ И ОПЕРАТИВНАЯ. Ну, давно установили, что в памяти есть, условно говоря, два отдела: "хранить вечно" и "обновлять по мере надобности". В первом хранится все самое важное для личности человека, и заполняется этот отдел в детстве и молодости, когда человек формируется. А во втором – всякие детали, необходимые человеку для жизни в настоящее время, они меняются по мере обстоятельств и забываются легче, не так глубоко впечатаны. Это понятно.

Непонятно другое: в "стратегическом" отделе масса баракла и отсутствуют воспоминания о вещах важных, а из "оперативного" исчезают иногда вещи наиболее актуальные.

Вот вам физиология – после инсульта, когда поражаются и выходят из строя участки мозга, часто целиком или частично утрачивается речь. Забыл человек слова, лишь несколько произносит. Какие же? Матерные, как правило, ужасая и без того горюющих родственников. (И при даче наркоза часто то же самое.) Он был отчаянный сквернослов? Нет, интеллигентнейший человек. Почему ругательства, на что они нужны, причем тут его личность? Вот вам прочно впечатанные слова и понятия.

ХОРОШЕЕ И ПЛОХОЕ. Вот Фрейд со свойственной ему простотой решал этот вопрос так. Человек помнит то, что ему хочется помнить, а что не хочется – то забывает. Приятно, нравится, служит к самоуважению – помнит. А неприятности и скверные поступки – забывает. Мораль и самолюбие требуют, чтоб ты был хорошим, сильным, достойным. А инстинкт жизни требует, чтоб ты получал в жизни (в том числе от воспоминаний) удовлетворение, то есть жил

в согласии с собой, своей личностью, своими потребностями. Если это не совпадает – мучит совесть, раскаяние, или неудовлетворенные вожделения, – короче, возникают отрицательные эмоции. Возникает разлад с самим собой. Ты собой недоволен – а поделать ничего не можешь, коли это уже свершилось в прошлом. Это мешает жить, ведет к психическим заболеваниям. И подсознательно человек, ведомый инстинктом жизни, "наводит порядок" в своей памяти, "чистит" ее, подтасовывает. Любому ведь хочется, чтоб жизнь его была получше. Вот в прошлом она и представляется лучше, чем была на самом деле. Что пройдет, то будет мило.

Выглядит это очень правдоподобно. Человеку свойственно самообольщаться. Даже в зеркале он видит себя не таким, как на внезапном фотоснимке: перед собой он приосанивается, делает "нужное" лицо. Завышенная самооценка – обычна. А уж в зеркале памяти кто тебя поправит, тут своей прошлой жизни ты полный хозяин. Были когда-то и мы рысаками: все старушки были красавицы, все старички – герои.

Ни одна фраза, ни одно промежуточное утверждение в такого рода размышлениях не являются абсолютно верными и исчерпывающими. Добросовестность обстоятельного ума требует их развернутого обоснования, выдвижения против себя всех возможных возражений и ответов на них, введения уточнений и ограничений.

Но такая обстоятельная и педантичная добросовестность настолько дробит и разветвляет главную линию, основную мысль, что нить рассуждений теряется и исчезает в густом кружеве уточнений и дополнений; и поступательное вперед движение мысли замедляется и виляет настолько, что делается малозаметным, очень долгим, сложным, невнятным. Конечный итог, вывод, отходит так далеко, что не предварив десятком трудночитаемых монографий его и не достичь.

Поэтому открыватели чего-то нового в науке – часто параноидального склада умы. Они гнут свое, стремясь к выводу – цели прямым и кратчайшим путем. Уточнять и увязывать все мелочи, делать дополнения – работа последователей. Держи на маяк!

Это напоминает выполнение задачи танковым клином при прорыве фронта: вперед! А обеспечением флангов и подтягиванием тылов займется потом следом пехота. Иначе – завязнешь без толку.

Да. Вспоминать хорошее – приятно: любовь, удовольствие, геройство. Вновь переживаешь в воображении, мечтательно корректируешь, как могло быть еще лучше. Плохое – гонишь. Со временем и не различишь, что вправду было, а что подрисовал себе.

"Задний ум" берет в памяти реванш: вот так надо было! И память неизбежно корректируется идеалом поведения, идеалом своего образа.

По этой логике неприятные, мучительные воспоминания должны из памяти изгладиться. К чему бесплодные отрицательные эмоции?

Ан нет! У каждого есть тайный сундучок ужасных воспоминаний. Непрощаемые себе до смерти поступки. Неизжитые оскорбления. Роковые ошибки. Нахлынет вдруг – и стон наружу: боль и стыд жжет. Сквозь всю жизнь.

Получается так. Человек помнит скорее хорошее, чем плохое, скорее важное, чем неважное, скорее новое, чем старое, – то есть память устроена разумно и понятно. Но только отчасти. А отчасти – наоборот: неважные мелочи помнятся долго, а важные и хорошие события забываются. Интересная штука.

А КАК ПРОИСХОДИТ ЗАПОМИНАНИЕ? Вот мы что-то видим, слышим, осязаем, обоняем. От органов чувств информация поступает через нервные клетки в определенные участки

коры и подкорки головного мозга – сигнал! И в клетке мозга хранится как бы слепок этого сигнала. По требованию другого участка мозга клетки памяти воспроизводят, повторяют этот полученный когда-то сигнал. Эти процессы происходят на уровнях /био-/ физическом, химическом, электрическом: расширяются сосуды, увеличивается приток крови, активизируется образование элементов и веществ, меняется разность электропотенциалов ядра и мембраны клеток. Известно, что для улучшения памяти организму полезны йод и фосфор, что энцефалограмма – запись на ленту биоэлектротокков разных участков мозга – говорит об его состоянии и здоровье. А что дальше – наука пока не в курсе дела.

То есть. Вспоминая, определенные клетки мозга возбуждаются, активизируются, забирают какое-то количество энергии организма и, преобразуя ее в импульсы центральной нервной системы, воспроизводят сигнал как комбинацию напряжений, которую они когда-то получили извне на хранение. И в нашем сознании оживают изображение, звук, форма.

По всей логике вещей, чем сильнее был полученный сигнал, чем больше было возбуждение органов чувств – а оно через периферическую нервную систему передается в центральную – тем сильнее он запечатлелся, тем сильнее может быть воспроизведен. Это как выстрел – и отдача, звук – и эхо, действие – и противодействие. Чем больше рана – тем больше и дольше остается шрам, чем тяжелей нога – тем глубже след.

Все дело в силе возбуждения нервов.

Попросту мы обычно называем это *силой ощущений*. Переживаний, чувств. Остротой впечатлений.

При таком подходе все объясняется.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ И УПРАЖНЕНИЯ. Учителя и тренеры знают лучше других, что память развивается постоянными упражнениями. Разведчик тренирует зрительную память, музыкант – музыкальную. Нарбатывается навык концентрировать внимание на том, что нужно. И по мере тренировок сознательное усилие заменяется рефлексом. Усиливается возбуждение "запоминающих" зон мозга.

И вот один феноменально помнит лица, другой мелодии, третий математические формулы. С возрастом нервная система слабеет, слабеет память – но у стариков-профессионалов это компенсируется рефлекторной способностью сильно возбуждать запоминающие центры. Отчего и запоминают они нужное порой лучше молодых, да неподготовленных.

Чтобы запомнить школьное правило, рекомендуется его не только прочесть, но и записать, и сказать вслух: включаются и зрительная, и моторная, и слуховая память – все три пути поступления информации работают на одно и то же запоминание, усиливая друг друга: очаг возбуждения в подкорке головного мозга как бы раздувается тремя струями вместо одной.

ПАМЯТЬ И ИНТЕЛЛЕКТ. Коли так, активный ум, сильная и легковозбудимая нервная система – означает хорошую память. Ею и отличался ряд гениев, как Наполеон или Эдисон. Но были и абсолютно заурядные личности с исключительной памятью. Более того – известны случаи (психиатрия считает их патологией), когда человек помнит абсолютно все, что узнал, увидел, пережил; с равной яркостью помнит и важные события, и ничтожные детали. Люди такие неумны и неактивны и не живут долго. Попробуй-ка, когда нервная система постоянно перегружена гигантским трудом: помнить все.

Но плохая память соответствует низкому интеллекту? Тоже не обязательно. Один из примеров гениальных ученых с плохой памятью – Эйнштейн. Да не интересовался он подробностями, его волновали абстрактные идеи – на них он был сосредоточен, в этом и достиг вершин.

Мощная работа центров памяти не обязательно означает мощную работу остальных участков. А слабость памяти – еще не слабость ума вообще. Хотя и взаимосвязаны: возбуждение в мозгу не вовсе локально, оно распространяется на соседние участки.

Но уж – кого что возбуждает.

СТАРОСТЬ – МОЛОДОСТЬ. Банально: в детстве-юности память хорошая, в старости плохая. Нервные клетки с возрастом обывествляются, отмирают – помнить нечем становится. Юные нервы – свежи, быстры, возбудимы. И – идет закладка информации для формирования личности на всю жизнь. А идет она стихийно, во многом хаотично, широкой струей. Поэтому даже ничего не значащие картинки – вид дерева из окна, соседская собака, платье родственницы – запечатлеваются часто на всю жизнь. Прочно запоминаются обиды и радости – это со взрослой точки зрения их поводы бывают ничтожны, а ребенок переживает сильно. Дело не в поводе к ощущению, а в самой способности к нему, а уж повод всегда найдется. Ребенок легко и быстро возбуждается: легко смеется, легко плачет, легко усваивает языки и навыки. Чувства свежи, эмоции остры, ощущения сильны, яркие.

НОВИЗНА И ОПЫТ. В детстве, юности многое происходит впервые. А первый раз – это открытие нового, столкновение с неизвестным, постижение непознанного. Брать или бежать? Друг или враг? Каково это, что делать, как реагировать? Организм предельно мобилизуется, не зная, к чему именно быть готовым. Ко всему! Границы явления непознаны, неизвестны! Возбуждение происходит предельное, "с запасом". Хулиган с ножом не так страшен, как полночное привидение с косой. Казалось бы, какая разница, кто и как хочет тебя убить, опасность-то одинаковая. Нет – хулиган понятен, а от привидения не знаешь чего ждать и как спастись, тут и у храбрейшего рыцаря волосы дыбом встанут.

Вот первый раз остро и запоминается. А с повторяемостью событий ощущения притупляются, сглаживается впечатление: уже знаешь, что это такое и как на это реагировать, излишнее возбуждение ни к чему.

Солдаты и преступники лучше других знают, что ожидание возможности смерти (атаки, ареста) – обычно страшнее и мучительнее непосредственной встречи с угрозой. "Ведь самый страшный час в бою – час ожидания атаки". Неопределенность, неразрешенность ситуации изводит – организм мобилизуется, напрягается для встречи и борьбы и возбуждение такой силы долго не переносимо, не выдерживает перегруженная психика. Вот молодости – первому экзамену, первой близости с женщиной, первому преступлению и первому бою – сопутствует аналогичное напряжение: мобилизация перед неизвестностью. Вот и впечатывается, помнится.

А старики чувствуют слабее. Нервишки истрепались, сердце еле кровь гонит, вообще не тот уже организм. И опыт есть: все уже в жизни известно, пробовано. И инстинкт жизни ослаб. Невозможны былые возбуждения. Откуда ж тут взяться хорошей памяти...

СЛУЧАЙНЫЕ ФАКТОРЫ. Но вообще в жизни человека выборочность многих воспоминаний как бы произвольна. Возбуждение чувств – сильные, незаурядные ощущения – зависит от разных факторов, мы их обычно не учитываем.

Скажем, по личным биоритмам человека сегодня день активности. На скачок атмосферного давления нервы тоже реагируют. Последнее время много работал, устал, а тут выдался свободный вечер, и погода хорошая. От детей пришло хорошее письмо. И вот видишь в электрическом свете уличного фонаря зеленую листву на фоне темно-синего неба – и надолго-надолго запоминаешь этот кадр. Красиво. Хорошо. Миг удивительной и чистой отрады в душе.

Или наоборот: ну все было так хорошо – и вдруг тебя киоскерша обхамила. Не будь все хорошо до этого – плюнул бы и забыл тут же. А так – помнишь...

БЫЛО – НЕ БЫЛО. Почему память о несбывшемся часто крепче памяти о том, что было на самом деле?

Скажем, мужчине свойственно вспоминать женщин, с которыми был близок. Живописуя и обогащая подробности. Положительные эмоции, приятные ощущения, хорошая и богатая жизнь в прошлом – понятно. Но – не реже, а часто сильнее и желаннее вспоминаются те женщины, до собственно обладания которыми дело не дошло. С чего? Или тебе не настолько хотелось, чтоб идти до конца, или просто отказ получил, – в любом случае воспоминания должны бы быть на порядок слабее тех, где хоть есть о чем вспомнить.

Нет же: рисует себе в воображении блаженство неземное – которое не испытал и с женщинами куда более желанными и близкими.

Тут когдатощнее сильное возбуждение осталось без естественного разрешения. В мозг впечаталось это возбуждение. С кем переспал – там слабеющие, исчезающие ощущения (пресытились, надоело, расстались) наслоились на сильное, заслонили его, вытеснили. А с кем "на взлете" расстался – та в эротических фантазиях прямо Клеопатра.

Несовершенные поступки, несбывшиеся желания тем и помнятся сильно, что реального разрешения и от него естественного успокоения не случилось.

Мы помним ощущения. В том смысле, что в основе любого воспоминания лежит возбуждение чувств.

ВОЗБУЖДЕНИЕ – ОТУПЕНИЕ. Поэтому события чрезвычайной, судьбоносной важности отнюдь не всегда хорошо помнятся. Отрубил зэк пятнадцать лет в концлагере, чудом жив остался, каждый день в голоде-холоде невыносимой каторги загнуться мог. Каждый день – на пределе всех сил выживал. Казалось бы – все в памяти должно отпечататься намертво. Нет, куда как не все... От чудовищных нагрузок отупение наступает, как на автопилоте тянет человек. Приходит утром бригадир в барак, зачитывает список: "Ты, ты, ты и ты – после обеда идете на расстрел". Расстрел так расстрел, никаких эмоций у полутрупов не осталось. Это писатель Сергей Снегов рассказывал, он семнадцать лет в заполярных зонах на общих работах отбыл, невероятного здоровья был человек. И остается в памяти, кроме редких случаев, нарушавших каждодневное течение, только это вот предельное отупение от мук.

А посиди так всего недельку – каждый час ее до гроба запомнишь.

Что помнит пехотинец о войне – если не по глянцевым мемуарам и юбилейным митингам? Огромную, мучительную усталость. Отдохнуть, поспать хотелось. И постоянное, изматывающее ожидание опасности, что убить могут. Мечту с передовой оттянуться. Все прочие воспоминания – уже потом, слабее.

РЕАЛЬНОСТЬ И ВПЕЧАТЛЕНИЕ. Не в реальности, стало быть, дело, а в том, какое впечатление она на нас произвела.

Умирал в пустыне от жажды – а тебя спасли, напоили. Не забудешь. А для спасательно-розыскной группы ты – двадцатый клиент за сезон. Работа такая. Чего тебя особенно запоминать.

Выздоровливающий больной лучше помнит врача, чем тот его.

Монахиня согрешила единожды, а старая проститутка пропустила десять тысяч клиентов. Понятно, кто лучше помнит акт.

Есть у Шукшина рассказ "Гармонь играет": уж не помнит замученный жизнью мужик, как женился, а помнит до слез, как отчаянным парнишкой скакал на жеребце ночью сквозь грозу.

СЛОВО И ЧУВСТВО. Матерная ругань – предельное выражение экспрессии, выражение сильных чувств. Из всего речевого запаса именно мат соответствует наибольшему возбуждению. Эти слова, врубленные в память сильнее прочих, и хранятся до последнего – даже у инсультника-паралитика.

Глубже впечатано только первое и главное, базовое, слово "мама", с которым так часто умирали в забвении даже мужественнейшие бойцы...

ВДОХНОВЕНИЕ И РАССЕЯННОСТЬ. Вот человека что-то сильно взволновало. Определенный участок мозга пришел в сильнейшее возбуждение. Этот очаг возбуждения доминирует над прочими. Доминанта бывает так сильна, что прочие участки возбуждения "забываются" ею, гасятся, слабеют, делаются неразличимы: максимум энергии мозга сосредоточен на главном.

Узнал вдруг, что дом сгорел – или миллион долларов в лотерею выиграл – и забыл вдруг, что зуб болел, и перестал он болеть, только назавтра и вспомнил о нем, что болел ведь вроде.

"Вдохновение" художников и ученых – это сильнейшее перевозбуждение нервной системы, голод-холод перестают ощущать, и такие озарения им хорошо помнятся. А что при этом разные носки надел, или соль в чае размешал, или про поездку забыл – какая ерунда, слишком он сосредоточен на другом, на главном.

* * *

К кому милостив Бог, тому дает он перед смертью покой и время: отдать распоряжения, попрощаться с близкими, подвести итоги. И, расставаясь с жизнью, пройти ее в памяти: вот она, моя жизнь... она была ничего... хороша была. Отошла суета, остался перед последней чертой наедине с главным, с жизнью своей.

Что помнишь, то и главное, а другого нет. Не рокот космодрома, а трава под окном.

Почти все запоминание происходит подсознательно. Не то помним, что нужным помнить считали, а то, что естеству нашему, значит, потребно.

И получается, что для нашей памяти важнее всего сила ощущений.

То помним, что крепче отпечталось. То крепче отпечталось, что острее ощутилось.

Человек есмь.

3. Ощущения

Когда человек здоров, ничем не измотан, нормально отдыхает, и ему улыбается удача, и на работе и в семье все в порядке – сам процесс жизни доставляет удовольствие. Приятно ощущать бодрость своих мышц, и сон хороший, и аппетит.

И вот стряслось что-то ужасное. Взволновало. Заснуть не может. Просыпается разбитый. Аппетит пропал, даже любимые блюда есть не хочется. Вместо того, чтоб после работы посидеть на диване перед телевизором, ходит как заведенный взад-вперед по комнате, или вышагивает часами по улицам, или на машине гоняет.

Понятно, огорчен человек, переживает. Но по логике вещей действовать он должен наоборот: беречь и собирать силы, чтоб преодолеть неприятность, наладить хорошую жизнь. Ведь голод, сон – инстинкты, организм должен требовать их удовлетворения! Нет: есть не хочет, спать не хочет, худеет человек и чахнет.

А некоторые от волнения, наоборот, начинают есть без остановки. Жизнь рушится, а он толстеет.

Объективно потребность в пище вроде не изменилась, организм выполняет прежнюю работу, нуждается в том же количестве энергии. А чувство голода – изменилось. И поведение диктуется этим чувством.

Ощущение голода – знакомо, изучено, управляемо. Хлопнул перед обедом водочки, закусил остреньким – и аппетит разыграл. А для толстых – масса препаратов изобретена, чтоб жрать меньше хотелось.

Кушать – потребность основная, базовая: инстинкт. А определяется она через ощущение. И мера удовлетворения ее тоже определяется через ощущение. И влияют на эту объективную потребность самые субъективные факторы: и настроение, и ситуация, и вкус.

ПОТРЕБНОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ. Кому ж не известно, что горе, радость, страх сильно влияют на человека, могут менять его самочувствие: от горя можно заболеть и умереть даже, от счастья – выздороветь. Меняется обмен веществ, работа всей эндокринной системы. Страх может парализовать, лишить способности действовать даже для спасения своей жизни – а может, наоборот, вызвать небывалые силы: тут хилый человек огромные тяжести ворокает, через стены перепрыгивает. Уж очень надо! Недаром многие любопытствуют: пустить за

спринтерами разъяренного тигра – пролетят стометровку за девять секунд, это круче любого допинга будет.

Получается, что ощущения могут менять границы возможностей организма. Влияют на его первейшие потребности – вплоть до усиления или ослабления самого инстинкта жизни в целом.

Собственно, все потребности и осознаются через ощущения. Хочу! – жить: дышать, есть, пить, спать, совокупляться. А без этого никак. Удовлетворяю свои желания – хорошо, отлично!

Мало. Хочу! – денег, славы, власти, приключений. (Почему хочу – об этом ниже, в 4-й и 5-й подглавах.) А что такое желание? Это то же ощущение. Иногда так и говорят: "ощутил желание". Природа их одна: возбуждение участков мозга. Вижу, слышу, обоняю – и хочу! Ощущаю мир и себя в нем. Я ощущаю – значит я живу.

Примечание для умных: Иногда мне кажется, что я пишу банальности для дураков. Иногда мне кажется, что я сам дурак. Не будем торопиться. Еще Герберт Спенсер учил, что банальные вещи заслуживают пристального и добросовестного рассмотрения: раз большинство людей долго полагало это истиной, не исключено, что в них что-то есть. Ясные истины не вредят. А только прочно базируясь на верных предпосылках, можно прийти к чему-то толковому. Гений, говорите, это последовательность? Простой человек предпочитает танцевать от печки.

СЕНСОРНЫЙ ГОЛОД. Есть много трактовок и определений того, что такое жизнь. Например: "Форма существования белковой материи". Но человека-то обычно интересует жизнь собственная.

Под "жить" обычно имеют в виду "что-то делать". А можно ли жить, ничего не делая? Запросто! Многие даже сказали бы "С удовольствием! Если б условия позволили..." Под этим они подразумевают не работать – но веселиться, путешествовать, то есть все-таки что-то делать.

Вовсе ничего не делать скучно. Но можно. Вождям некоторых полинезийских племен было табу делать что бы то ни было, даже кушать самим: подданные их носили, умывали, кормили с рук. Паралитик может всю жизнь пролежать в постели, но никто не сомневается в том, что он живет, он может быть даже крупным математиком, писателем, изобретателем, известны такие случаи. Мысль его работает, а думать не запретишь.

Мыслю – следовательно существую? Еще нет.

Ставились такие опыты. Человек в специальном скафандре погружался в жидкость такой плотности, чтоб он там свободно плавал – своего рода невесомость, чувство земного притяжения он переставал испытывать. Резервуар находился в абсолютно темной камере, так что было не установить, где верх, где низ, и видно ничего не было. Ни звуков, ни запахов. Руки в специальных перчатках, каждый палец в отдельном просторном цилиндрике, осязание тоже практически отсутствовало. Все внешние ощущения переставали поступать. Нигде не давит, тело свободно, свежий воздух для дыхания поступает – никаких неудобств. Находишь себе неизвестно где и как и думай сколько влезет.

Через считанные часы испытываемые, молодые здоровые добровольцы с устойчивой психикой, начинали сходить с ума. Начинались галлюцинации, страхи, поднималось и падало кровяное давление, нарушались функции внутренних органов. Человеку просто грозила смерть. Ученые снаружи следили за этим по показаниям датчиков на его теле.

Сенсорный голод – недостаток ощущений извне – вещь страшная, разрушительная. Испытуемые старались думать о чем-то, решать задачи, вспоминать стихи, но мысли их

делались сбивчивыми, отрывистыми, исчезало ощущение времени, ощущение своего тела, и вообще ощущение реальности: состояние делалось кошмарным.

Ведь даже слепоглухонемой паралитик, несчастнейший из людей, отгороженный от всего мира, что-то ощущает, хоть частично: тяжесть своего тела и тем самым положение его в пространстве, жару или холод окружающего воздуха, прикосновения к лицу, вкус и температуру пищи. А у нормального человека без всяких ощущений извне – в мозгу тут же начинается паника: регулирующие всю жизнедеятельность центры не получают привычной информации, необходимых возбуждающих сигналов, и работа их разлаживается, организм удивительно быстро идет вразнос к гибели. Все органы здоровы, все питательные вещества в достатке – но полное отсутствие ощущений извне – то же самое с точки зрения организма, что тяжелейшее заболевание тех самых участков центральной нервной системы, которые отвечают за поступление информации.

Только отсутствие воздуха или слишком большая жара или холод убивают быстрее. Даже без воды человек проживет дольше, чем без всех ощущений. Они организму совершенно необходимы.

Ноги ходят, руки делают, рот говорит, кишки переваривают, а мозг управляет всеми этими умельцами: следит за получаемыми сигналами и шлет туда приказы. Он главный! И для этого главного *жизнь – комплекс ощущений*.

ОЩУЩЕНИЕ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ? Африканский колдун приговаривает виновного к смерти, и тот в несколько дней умирает без всякого дополнительного воздействия: мозг "знает", что приходит смерть – и в самом деле умирает. Дикарь, говорите? Ну-ну...

Что такое внушение? Воспринятый мозгом приказ извне на определенные реакции, ощущения.

Пожалуйста. Загипнотизированному внушают, что сейчас прижгут руку каленым железом – и прикладывают обычную линейку. Он кричит от боли – а на руке появляется страшнейший ожог! Как, отчего, почему?! А мозг реагировал на прикосновение как на ожог, информировав весь организм: ожог! жжет, больно! Рука дергается, кожа краснеет, лимфатическая, защитная, система мобилизуется, защитные тела бросаются спасать пораженное место, выпускает волдырь, кровеносные сосуды сужаются, чтоб не разнести по организму возможную заразу и остановить скорей возможное кровотечение, для этого же в кровь выбрасываются коагулянты, чтоб в пораженном месте сразу свернулась и закупорила поврежденные сосуды: полная картина реакции на ожог – без самой термической травмы.

А у прокаженного, когда отмирают проводящие нервы, можно ампутировать руку без наркоза – он ничего не почувствует. Мозг судит о происходящем по поступающему сигналу, соответственно возбуждающему.

Еще опыт, уж вовсе страшноватый. Ставился в шестидесятые годы в американской тюрьме. Приговоренному к смертной казни убийце предложили вместо повешения способ ухода другой, сравнительно безболезненный и комфортный: ему вскроют вены на руках. Повешение вещь неприятная, узник согласился. В назначенный час объявили ему об исполнении приговора, привели в исполнительную камеру, там надзиратель с тазом, врач со жгутами и скальпелем, пристегнули к креслу, завязали глаза. Перетянули руки жгутами, чтоб вены вздулись. А затем врач провел ему поперек вен тупой стороной скальпеля – и стали тихо лить ему на запястья тепловатую, температуры тела, воду, стекавшую в таз. Сняли жгуты. Ну – имитация.

Что ж убийца? Стала появляться мраморная бледность, синюшность губ, давление падает, сердце бьется слабее, потеря сознания, обморок, ослабление всех функций, остановка дыхания и сердца. Смерть.

Вскрытие показало: практически все главные симптомы кровопотери. Кровь перестала приливать к мозгу, а он первым погибает от кислородного голодания.

Мозг был обманут. Ощущение оказалось жизненно важнее объективной реальности. Для мозга было единственно реальным то, что ощущалось. И все реакции центральной нервной системы определялись этим ощущением.

ПРИКАЗАНО ВЫЖИТЬ. Напрашивается вопрос: если верно прямое утверждение – должно быть верно и обратное? Если "внушением ощущения" можно покалечить и убить здорового – то можно и исцелить больного? Верно, хотя только отчасти. Человечество вообще больше преуспело по части убийств, нежели во врачевании. Ломать не строить. Убить проще, чем воскресить. Но и здесь есть факты примечательные, характерные.

Вот два равно опасных больных. Один жить хочет сильно, есть ради чего, всей силой воли приказывает себе жить, убеждает себя, что выздоровеет – а второй плывет по течению. И первый выздоравливает, а второй умирает. Случай в медицине типичный.

Раны у победителей заживают быстрее, сформулировал еще Гиппократ. Более того: иногда волевые, сильные духом люди оправляются от смертельных ран, неизлечимых болезней – врачи только руками разводят: необъяснимо, противоречит физиологии!

Раненный летчик сажает подбитый истребитель на аэродром – и из кабины вынимают уже покойника: мозг "знал", что надо дотянуть до полосы, и "приказывал" жить организму, хотя от полученных смертельных повреждений полагалось умереть раньше.

"Но мертвые, прежде чем упасть, делают шаг вперед". "Вы ранены? – Нет, сир, убит."

Более того: в войну под огнем у бегущего человека срезало голову осколком снаряда – а тело еще десяток шагов продолжало бежать! Организм продолжал выполнять полученный от мозга категорический приказ... И такое бывало.

Конечно, без головы долго не проживешь. Но если остальной организм этого "не знает", а все прочее в порядке – то может жить. Пример: автокатастрофа, черепно-мозговая травма, мозг гибнет, в реанимации больного подключают к аппаратам искусственного дыхания, кровообращения, искусственно питают – и кроме мозга все живет. Какую функцию здесь выполняет сложная аппаратура? Строго говоря, она заменяет собой отсутствующие сигналы мозга.

Все дело в том, чтобы организм получал от мозга сигналы на продолжение жизнедеятельности. Для этого мозг должен быть жив-здоров и ориентироваться в обстановке, в происходящем. Ощущением и можно назвать реакцию на обстановку: голод! жажда! нечем дышать! больно! приятно! радость! тоска! и прочее.

Отсутствие сигналов-приказов из мозга – смерть организма. И неважно, чем оно вызвано – голову снесли или все органы чувств блокировали. Инстинкт жизни: организм требует сигналов из мозга, так он устроен.

(Кстати о присказке "все болезни от нервов". Когда-то ученый мир поразился: если бросить лошадиную дозу хинина в раствор культуры малярийных палочек, то они даже не почешутся. Хинин на них никак не действует. Он действует на центральную нервную систему: "Дави малярию!!!" Тогда она дает приказ внутренним органам, а они уже вырабатывают вещества, убивающие микробов.)

БОЛЬ И НАРКОЗ. Мозг принимает сигнал организма: "Больно!". Что-то здорово не в порядке, меры принимать надо, лечить больную ногу, нельзя на нее наступать, ей от этого хуже. А лечиться некогда, ты в хоккее играешь на чемпионате мира. Обкололи тебе больное место новокаином, блокировали нервы – не болит пока? играй дальше! Возбужденный участок мозга "различить" не может, отчего успокоение пришло: ногу тебе вылечили или просто промидол вогнали в вену. Для него так: боль прошла? – порядок.

До изобретения современных средств наркоза хирург перед операцией вливал в пациента настойку опийного мака, или просто водки, или вообще глушил колотушкой по голове. Потому что резать живот, копаться в кишках – мозг получит сигнал боли такой силы, что он будет означать: все, хана, отдаем концы. Это называется болевой шок, он может вызвать смерть.

На этом построены болевые приемы восточных боевых искусств. В самом деле, зачем ломать руку, это трудно, если можно просто ткнуть пальцем – и нет врага. Знать только, как куда ткнуть. И вроде нет в организме никаких повреждений – убит человек импульсом собственной нервной системы.

Болевой шок – ощущение такой силы, что перевозбуждение одного участка мозга сбивает, разлаживает работу остальных: прекращается дыхание, встает сердце. А все органы здоровы. Ну вырвать зуб – подумаешь. А спилит палач напильником – можно умереть под пыткой.

ПОДМЕНА. То есть мозг можно "обмануть", искусственно вызвав нужные ощущения, и тогда он, в свою очередь, "обманывает" весь организм. Люди это давно знают и применяют на каждом шагу. О средствах для и против аппетита мы уже говорили. О снотворных и допингах знают все (они есть разных механизмов действия, есть и влияющие непосредственно на центральную нервную систему).

Беение новых времен: в хорошем настроении человек улыбается – а если будет улыбаться сознательно, искусственно – то и настроение будет лучше: ощущение от напряжений лицевых мышц воспринимается мозгом как соответствующее хорошему настроению.

Музыка может вызывать веселье, а может печаль. А всех-то дел – звуковые колебания. Что в твоей жизни от музыки изменилось? А ничего. Просто возбуждаются какие-то участки мозга.

Мучимый в пустыне жаждой солдат катает во рту, сосет свинцовую пульку в медной рубашке: кислотовато, притупляет жажду, нервным окончанием во рту "кажется", что похоже на воду. Воды в организме не прибавилось, не хватает воды, но жить по легче, и по легче делать то, что нужно.

Голодающие набивают желудок травой, корой, торфом – они в желудке не перевариваются, не спасут, – но в желудке что-то есть, и мозг "полагает", что дело чуток поправлено.

Как вообще начальник-мозг может заботиться о вверенном ему, кормящем и защищающем его организме? А велеть организму делать так, чтоб поступающие в мозг сигналы вызвали ощущения: все хорошо, все отлично.

КАЙФ ПРЕВЫШЕ ВСЕГО. В мозгу крысы исследователи нашли центр наслаждения, полного довольства. Вживили в него электрод и стали раздражать этот центр током – такой силы и напряжения, как мозгу свойственно, это приборами определяется. Крыса – совершенно счастлива, ничего больше не хочет. Усложнили опыт – сделали в клетке педальку, которая замыкает электроцепь. Крыса – животное умное, любопытное, быстро установила связь между нажиманием педальки и получением удовольствия. А дальше – она научилась ее специально нажимать, и нажимала непрерывно! Пока не умирала от нервного истощения, голода и жажды. Уж у крыс инстинкт жизни куда как силен. А раздражаемый мозг говорил ей: все замечательно, именно это и надо, давай еще³.

Ощущение типа "Ах, как хорошо жить!" оказывается для крысы важнее реальной жизни. Для мозга-то все равно, чем именно вызвано такое ощущение. Для него оно оказывается реальностью.

Это напоминает старый английский анекдот: "Официант, это чай или кофе? – А вы что, не можете различить? – Нет! – Тогда какая вам разница?"

Обычайшее средство для искусственного вызывания приятных ощущений – алкоголь. Выпил – и хорошо: веселье, возбуждение, эмоциональный подъем. Собственные силы кажутся больше, препятствия и неприятности кажутся мельче. Вроде, и радоваться нечему: убивается время, деньги, здоровье, откладываются нерешенные проблемы – да и наплевать, зато выпьем, забудемся, повеселимся.

³ Памятник крысе Нэнси во дворе Балтиморского Госпиталя – мемориал эпохи. Тысячи монографий посвящены ей, посмертно ставшей одной из величайших фигур в науке XX века.

Иногда считают, что пьянство – явление социальное: от бедности, невоспитанности, беспомощности, неправильного устройства общества. Но идеальное общество, идеальные условия для жизни невозможны. Первобытные племена, живущие без всяких "высших устремлений" в гармонии с природой – тоже пьют: нажуют листьев, сплюнут всем племенем в выдолбленную тыкву, дадут перебродить – и захмеляются по кругу.

И не только человеку, существу разумному, свойствен этот порок – и животные ему подвержены. Дайте собачке попить пива или водки даже – может понравиться, будет хотеть еще. С чего бы собачке пьянствовать? А ей тоже приятных ощущений хочется.

А зачем кошке валерьянка? Ни прокормлению, ни продолжению рода, ни укреплению кошачьего здоровья – ничему она не способствует. Раз мы говорим, что у животных – только инстинкты, им бы лишь жить да размножаться, то почему почуявшая валерьянку кошка рвется к ней, а дорвавшись – балдеет от наслаждения? Какой тут инстинкт? Какие тут социальные пороки и недостатки воспитания?

А инстинкт – это: хочу рыбу! хочу кота! хочу тепла! Для мозга это значит: требую ощущения поедания рыбы и наполнения ею желудка; требую ощущения обладания котом; требую ощущения тепла. Ощущений! Удовольствий! Кошка ведь не планирует семью, ей в наследство передавать нечего. А валерьянка дает ощущение удовольствия. Инстинкт обманут – но кошка-то ведь этого не знает, у нее голова маленькая.

А если б и знала, так что? Вот человек знает, что наркотики губительны – но употребляет. Ну, морфин или героин дают жестокое физиологическое привыкание, организм без них начинает так страдать, что вскоре их принимают просто для избавления от страданий. Но ЛСД или тем паче марихуана такого привыкания не дают – их употребляют просто для удовольствия, для сильных приятных ощущений.

И чем тут высоколобый студент университета отличается от дикаря с перебродившей жвачкой или от кошки с валерьянкой? Ничем не отличается. Удовольствие ощущать хочет.

И эта потребность в сильных приятных ощущениях – неотъемлемая черта мозга. Уничтожь все наркотики – человек найдет что-нибудь другое. Как школьники в бывшем СССР. Капали эфир в пиво, совали головы в пластиковые пакеты и дышали нитроклеем, ацетоном или бензином с ватки. А в эпоху полусухого закона гнали ведь самогон из всего: из крахмала и повидла, томатной пасты и сапожного крема, об одеколоне и тормозной жидкости и говорить нечего.

Природу не запретишь. Даже если иногда хочется. С ней можно договориться только на ее языке.

Борьба с алкоголизмом тут очень показательна: богатый опыт, статистика больших чисел. В СССР алкоголика могли по доносу соседей или постановлению милиции судить и отправить на два года принудительного лечения в ЛТП – лечебно-трудовой профилакторий. Это тип тюрьмы, та же каторга. Только там еще проводили беседы о вреде пьянства и давали лекарства (которые старались выкинуть, было мнение, что они вредны для потенции половой и умственной). Что ж результат? Отсидевали два года, выходили – и тут же обычно напивались, праздную наступившую наконец свободу.

"Кодирование" алкоголиков происходит иначе. Человека медикаментами и гипнозом стараются привести в состояние полной внушаемости. И в этом состоянии внедряют в его подсознание чувства страха и отвращения к алкоголю. То есть задача в том, чтобы в мозгу заместить, подавить, заблокировать ощущение желаемое, приятное – резко нежелаемым, неприятным. И у хороших врачей, людей с мощной силой внушения, процент выздоровления пациентов очень высок – до восьмидесяти и выше. Никакими иными средствами такого достичь не удастся.

Наверное, вполне достаточно для подтверждения старой истины: **во всех своих действиях человек руководствуется в первую очередь ощущениями.** Даже в самых жизненно важных, и именно в них.

* * *

Значит, получается так:

Реальность человек постигает через ощущения. Зрение, слух, осязание, обоняние, вкус – органы чувств шлют сигнал в мозг.

Холод, жара, голод, жажда – потребности постигаются через ощущения.

Горе, радость, боль, наслаждение – ощущения. Если по каким-то причинам ощущения неадекватны реальности (при болезни, под гипнозом и т. д.) – организм в своих реакциях руководствуется не объективной реальностью, а субъективными ощущениями. А как может быть иначе? Коли реальность только через ощущения и воспринимается.

Можно сказать: субъективно для человека жизнь есть то, что он чувствует. Комплекс ощущений.

4. Стремление к счастью

ДВА НАЧАЛА. Сверху у человека есть такая штука, она называется голова. Обычно он ею думает. Или думает, будто ею думает. От этого происходит масса путаницы.

Животное удовлетворяет свои желания, реагирует на свои ощущения напрямую: дают – бери, бьют – беги. А человек – он еще и обдумывает свои желания: как бы удовлетворить получше. Реакция на ощущения у него, в отличие от животных, пропускается через рациональный аппарат. Убить мамонта в открытом бою дубиной не могу, а есть охота... ладно, потерплю голод, вырою огромную яму, а уж когда он туда свалится – натрескаюсь от пуза.

Мощные у человека в мозгу сдерживающие центры. И они давят непосредственные реакции, сиюминутные желания, – ради того, чтоб небыстрым, непростым путем удовлетворить желания более сильные, более важные. Ладно, не дам сейчас скотине-начальнику по морде, хоть и хочется, – зато буду зарабатывать много денег, куплю машину, а в отпуск поеду в Париж. Из двух желаний побеждает отдаленное, стратегическое. Правда, не всегда... Поэтому одного человека называют сдержанным, а другого – несдержанным. И советуют ему после очередного эксцесса: "Думать же надо, что делаешь".

Обычно человек и думает – иногда предварительно, а чаще уже потом. Тем и отличается. Обо всем думает: науки создал, ракеты изобрел, телерекламу жвачки совершенствует. И уж всегда думал человек о себе и о своей жизни. Потому давно и сказано: жизнь человека есть то, что он о ней думает.

Жизнь как комплекс ощущений есть основа для жизни как комплекса размышлений. И каждый человек, ну хотя бы в ответственный период своей жизни, размышляет, как ему жить дальше.

В этих размышлениях прежде всего он руководствуется своими желаниями: один всегда знает, чего ему хочется, другой пытается это понять, третьему вообще вроде все равно, чем заниматься, он падает на первый подвернувшийся вариант.

Еще человек оценивает свои возможности. А иногда категорически не желает с ними считаться – ломит упрямо наперекор судьбе и советам окружающих.

Еще человек рассматривает различные варианты того, что он может вообще в жизни делать. Выбирать-то приходится из того, что есть, благородным странствующим рыцарем на боевом коне в наше время не станешь.

От этого зависит выбор цели. От минимальной – не умереть с голоду, до максимальной – стать кинозвездой, миллиардером, президентом. Потому что хочется. Вот неандерталец никогда бы не додумался стать кинозвездой – потому что этого не было. А современная девушка хочет до дрожи! Думает ночами и планы строит.

Все, что человеку хочется, мы уже в начале сказали – от здоровья до власти. Это если конкретно формулировать. А если вообще – привести, так сказать, к общему знаменателю, то можно сказать просто: человек хочет, чтоб ему было хорошо.

Если попытаться найти одно-единственное слово, выражающее самое главное, что любому человеку надо, слово это будет *счастье*. Принимая близко к сердцу судьбу дорогого человека, мы интересуемся главным: ты доволен своей жизнью? ты счастлив?

Что такое счастье? С одной стороны, это знают все, с другой стороны, этого не знает никто. Формулировками можно толстый том заполнить, и в любом сборнике изречений знаменитых людей есть обычно целый раздел их соображений о счастье.

Высшая степень радости, наслаждения, удовлетворения. Чтоб исполнились самые главные, сильные, заветные желания и мечты. Чтоб все было так, как хочется.

И в счастье – человек расцветает, глаза сияют, на губах улыбка, дело в руках спорится, и вообще он большой оптимист. Жизнь прекрасна! Вот к этому любой и стремится. Ради этого стоит жить.

Стоит-то стоит, но как? Люди давно придумали такую красивую метафору, что ум в голове, а чувства в сердце. И вот, значит, они должны быть в ладу друг с другом. В согласии. Сердце чего-то хочет, а ум ищет пути достижения желаемого. Для этого ум должен сначала осознать, чего, собственно, сердце хочет.

ОБЛАДАНИЕ. С древности многие философии строились на том, что надо дать человеку все потребное для счастья – и тогда он и будет счастлив. А что надо? Здоровье, пища, дом, семья (список см. выше). Чем полнее список – тем больше человек счастлив. Чем меньше пунктов в нем выполнено – тем меньше счастлив.

Тогда самыми в общем счастливыми людьми в мире должны быть (опять же см. выше) шведы. Чего, однако, в натуре не наблюдается. От счастья не вешаются. А вот со скукой в Швеции все в порядке.

Бунт западной молодежи в шестидесятые годы – это, по мнению жителя бедной страны, "с жиру бесились". У них было все: молоды, здоровы, деньги есть, все пути открыты – нет! делать ничего не хотели, ходили грязные, оборванные, обдолбанные, жили в трущобах: мы презираем и отвергаем, заявляли, ваше благополучие. Вот вам: создали ценой вековых лишений и усилий Золотой Век новому поколению.

Могут сказать: это был такой этап социального развития, поколение акселератов, казус истории. Вряд ли. Но допустим даже.

Однако, если счастье сопряжено со всякими вещами и обстоятельствами, со всем хорошим, что у тебя есть, то кто должен быть счастливей прочих? Самые красивые, сильные, умные, энергичные, богатые. "Лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным".

Тогда почему депрессия – обычное заболевание таких знаменитостей? Самые богатые врачи – психоаналитики Голливуда, и пациенты у них не переводятся.

Уж чем так плохо жила Мерлин Монро? Уж чего так не хватало в жизни Хемингуэю? Почему Байрон – предмет зависти и подражания целого континента, красавец, богач, спортсмен, кумир, гений, – был пессимистом? Почему Лев Толстой – граф, богач, знаменит, женат на любимой – "прятал веревку, чтоб не повеситься, и ружье, чтоб не застрелиться"?

Как говорила моя бабушка, "все есть – счастья нет".

ДОСТИЖЕНИЕ. Каждая вещь стоит ровно столько, сколько ты за нее заплатил. Что тебе ничего не стоило, тем не дорожишь, и счастья от того нет. Еще одна известная точка зрения. Жизнь это борьба, в борьбе счастье. Знакомо?

Во-первых. Пока человек борется за пресловутое счастье – будь то любовь, золото, пост или здоровье

– он обычно таких мук, унижений, лишений натерпится, что ждет не дождетса вожделенного результата, и только мечта о нем силы поддерживает. Спроси кого угодно: хочешь полу-

чить желаемое сразу или сначала помучиться? Того, кто хочет помучиться, называют мазохистом.

Во-вторых. Достижение результата определяется энергией, волей, умом. И еще везением. Счастливы должны быть в первую очередь люди энергичные, волевые, умные, везучие. А несчастливцы – просто неудачники: хилые, глупые, слабохарактерные.

А на деле? Зауряднейший человек – а вечно лыбится, все ему нравится, всем доволен, счастлив. А вот умный, предприимчивый, настойчивый – а всегда чем-то недоволен, что-то ему не так, и никак он не может стать счастливым, и грустно поет киногерой под гитару: "Был я смел и удачлив, а счастья не знал..."

В-третьих. Человек мечтал, добивался, из кожи лез – и получил то, что полагал себе счастьем: деньги, слава, любимый супруг. И вдруг по прошествии короткого времени обнаруживает, что счастья – нет... Как так? А черт его знает... Не так все, как когда-то мечталось, мерещилось. Все вроде есть – а вот счастья что-то нет. Обычайший вариант. Чего ж он ради пуп надрывал? И хотеть больше нечего... Тут можно и пить начать.

Так что достижение цели, ассоциировавшейся со счастьем, отнюдь его еще не гарантирует.

Тут уж вообще непонятно, что ж делать.

КАЖДОМУ СВОЕ. Возьмем-ка двух человек, у которых все одинаково – здоровы, зажиточны, семьи в порядке, прямо близнецы. При этом один из них счастлив, а другой – несчастен! Как, почему, отчего? Положим, один поднялся из нищеты, а второй разорился и сполз из "высшего света". Что одному в радость – другого печалит и тяготит. Разный уровень притязаний.

Для дурнушки счастье – стать миловидной, а для красавицы несчастье – проиграть конкурс красоты и не стать звездой.

Счастье хромого – здоровые ноги, а счастье слепого – только бы прозреть.

Счастье родителей – чтоб ребенок преуспел в жизни, счастье бездетных – вообще иметь ребенка.

Счастье абитуриента – поступить в университет, несчастье профессора – его не избрали в Академию наук.

И как определить, сколько именно здоровья, денег и успеха надо человеку для счастья? Где мера?

Эка истина, скажете – счастье у каждого свое. Кто ж этого не знает. Кому чего надо.

Страдающий от жажды в пустыне нашел канистру воды – а там спирт. Вот несчастье! Страдающий с похмелья алкоголик нашел канистру спирта – а там вода. Вот горе! Им бы для счастья канистрами обменяться. Каждому свое.

Кому поп, кому попадья, а кому свиной хрящик. "Пойми – мне поиграть на скрипке Страдивари – все равно что тебе пострелять из маузера Дзержинского".

Но если счастье у каждого свое – то почему каждый этого своего не имеет?

ГЛАВНОЕ УСЛОВИЕ. Выходит противоречие. В *принципе* представление о счастье у всех одно и то же (вышеприведенный "список"). Надо иметь то-то и то-то, добиться того-то и того-то. Счастье связывается с обстоятельствами внешними – деньги, слава, любовь. Но одни и те же внешние обстоятельства одному могут давать счастье, а другому горе.

Если это зависит от индивидуального количества потребных благ, кому сколько, – то люди должны быть более-менее равно счастливы тем, насколько удовлетворены их реальные потребности. Вместо этого люди более-менее равно неудовлетворены тем, что они имеют, хотя уровень притязаний может быть разный. У всякого свое горе: кому суп жидок, кому жемчуг мелок.

Более того: человек может получить все, чего желал, и все равно быть несчастным. На этом построены еще вечные сюжеты многих народных сказок.

На самом деле, конечно, никакого противоречия тут нет. Мечтая о том, что ему необходимо в жизни для счастья, человек воображает, что вот в тех обстоятельствах ему будет хорошо. То есть. У него есть ощущение неудовлетворенности жизнью. Мозг ищет – что делать с этим ощущением? как реагировать? какой отдать приказ? Ощущения оформляются в более или менее понятные желания. В действие вступает разум, рациональный аппарат: чтобы удовлетворить желания (помимо естественных физиологических потребностей, с ними все сравнительно просто), мы их сейчас осознаем, сформулируем – и наметим реальные пути к их удовлетворению. И человек свои желания удовлетворит путем создания неких внешних обстоятельств. Эти обстоятельства позволят ему жить хорошо. Будут сильные приятные ощущения.

Получается, что человека подводит рациональный аппарат, разум? Дел ал-дел ал, жизнь положил, всего добился, а счастья как не было, так и нет?

Счастье-то человек испытывает *посредством себя*. Снаружи можно иметь груды золота, орденов, красавиц и слуг. А внутри, в мозгу, *надо иметь способность испытывать от этого счастье*. Не в том дело, что ты имеешь, а в том, что ты от этого испытываешь, что это для тебя значит. Счастье ведь – не табличка на стене, не извещение в почтовом ящике – "Вы счастливы!", а твое собственное состояние, оно внутри тебя.

Чем отличается жизнелюбец от меланхолика? Одному клопы пахнут коньяком, а другому коньяк пахнет клопами.

ЛЮБОВЬ. О счастье в любви столько за тысячелетия написано, столько каждый думал, что нет надобности распространяться.

Вариант. Мужчина любит красавицу, счастье взаимно, всем она хороша. А потом разлюбил, бросил (или она его). Бывает. Ну, и что в ней изменилось? В ней – ничего. Чувства у него изменились. А потом полюбил другую, и все говорят: "Что он в ней нашел?.. Прежняя была лучше".

Вариант. Девушки домогается поклонник – всем взял: и внешность, и характер, и карьера, и любит. Семья и подруги ей в голос советуют: "Дура, чего тебе еще надо, не упускай своего счастья". А она отвечает, что может быть счастлива только с другим – который ну по всем же статьям первому уступает. И наперекор всем выходит за него замуж. И он пьет, и она пишет письма: "Папа, он бьет меня, пришли нам денег". И любит!

Вариант. Можно сменить предмет своей страсти – и с другим человеком испытывать прежнее, ушедшее, счастье. Донжуанская шутка: любовь всегда одна – меняются только ее объекты. Ведь и Ромео полюбил Джульетту тогда, когда отчаялся добиться Розалины. (Шекспир был очень умный.)

Рассуждая теоретически, можно поступить как раз наоборот: сохраняя прежний предмет, изменить отношение к нему. Это знакомо многим женщинам, которые хотели изжить в себе властвующую ими любовь к человеку недостойному, мучителю, когда перспектив счастья все равно не видно. В любимом отыскивают пороки и недостатки, старательно раздувают в себе отвращение к ним – и иногда любовь действительно проходит. А чем занимается мужчина, долго и старательно добиваясь взаимности любимой, которой не слишком нравится? Идет на любые ухищрения, чтобы она изменила отношение к нему, это целая наука. И часто добивается ее любви! Становится для нее источником счастья – а ведь он тот же самый.

ИМЕТЬ И НЕ ИМЕТЬ. Над вещами, нужными нам от жизни для счастья, властны и судьба, и обстоятельства, и другие люди – повторим мы вслед за древними философами. Тут и соперники, и случайности, и болезни. Иногда от нас зависит мало, а иногда и вовсе ничего не зависит. Землетрясение, наводнение, пожар – и ты нищий. Неожиданный конкурент – и ты без работы или без места в сборной. Война, кризис, преступление подчиненного – и прощай карьера. Шарах – банк лопнул, и с ним сбережения всей твоей жизни.

Чем больше имеешь, тем от большего количества неприятностей и случайностей ты хочешь застраховаться. Тем больше забот. Крутишься, как белка в колесе. Работа, дом,

выплаты, страховки, деловые связи, поддержание имиджа, самоконтроль в поведении... И все равно можно быть несчастным! Да зачастую и просто некогда ощутить себя счастливым.

Зато *никто* не может нам приказать думать и чувствовать не так, а иначе. В чем наименее властны другие люди и внешние обстоятельства – в нашем внутреннем мире. Никто не запретит мне любить то, что я люблю. Вот как я отношусь к чему-то – так и отношусь, и ничего вы со мной не сделаете. Сам-то я со своими чувствами всегда при себе.

Засадили человека в камеру-одиночку. Наказали? Фига! Да я всю жизнь мечтал об одиночестве и покое! К гастрономии я равнодушен, открытые пространства меня пугают, много двигаться не люблю, от яркого света глаза болят. Службу ненавижу. А здесь питание, режим, жена не пилит, дети не теребят – и дают бумагу и ручку, писать разрешают сколько влезет. Чего мне еще?! Наслаждаюсь всеми условиями для творчества и спокойной жизни.

Ведь и такое теоретически вполне возможно.

Чем меньше внешних вещей человеку нужно для счастья – тем легче ему быть счастливым. Ни зависти, ни конкуренции, ни изматывающей гонки в борьбе за жизнь. Счастье-то – это твоё внутреннее состояние, а не барахло и портреты в газетах.

Так надо обратить взор внутрь себя, и устремить усилия не к внешним вещам, над которыми часто не властен, а к внутреннему состоянию такому, когда даже при малом ты счастлив. Это – надежнее, вернее, здесь твоя воля и власть больше, максимальна.

ЭККЛЕЗИАСТ И СЕНЕКА. Лучше шепот в покое, нежели пригоршни в трудах и томлении духа, сказал три тысячи лет назад Экклезиаст. Вот такая это старая истина.

Так учили еще античные философы. Довольствуйся малым. Гони неисполнимые желания. Не соблазняйся труднодостижимым. Имей как можно меньше того, что легко потерять, тогда враги и природа не будут властны над тобой. Будь счастлив самым необходимым в жизни.

Есть пища, кров, одежда, семья, дети, уважение сограждан? Этого вполне довольно для счастья любому достойному человеку. А если он при этом не чувствует себя счастливым? Пусть самосовершенствуется, работает над собой, чтоб – почувствовал в конце концов. На то даны человеку разум и воля. Главное – чтоб понял и захотел.

А где ты ничего не можешь – там ты ничего не должен хотеть, сказал Сенека. Нет несчастья большего, чем нечестивые желания.

Очень разумно. Ясно, рационально, полезно. Трудно возразить. Это животные руководствуются только желаниями, инстинктами. А человеку, в отличие от них, дан разум. И разум должен всем руководить. Владеть своими чувствами в соответствии с обстановкой – величайшее благо. К нему и надо стремиться прежде всего.

То есть. Можно достичь счастья, удовлетворив свои потребности сверх необходимого. Это трудно, рискованно, бессмысленно.

А можно достичь счастья, уменьшив свои потребности и желания до жизненно необходимого, уже имеющегося.

Главное – чтоб было соответствие между желаемым для счастья и уже имеющимся.

АЛЕКСАНДР и ДИОГЕН. Жил-был в Афинах Диоген. Он имел бочку в качестве жилья, рваную хламиду и еще фонарь. С этим фонарем он бегал днем по городу и кричал: "Ищу людей!". В наше время такого человека назвали бы возмутителем общественного спокойствия.

Он решил довольствоваться в жизни минимумом. Из домашней утвари имел только черепок для питья. Увидев, как собака лакает воду из ручья, устыдился своего излишества и выбросил черепок.

Здоровьем он обладал прекрасным. Без здоровья в таких условиях не перезимуешь, даже в Греции. То есть у него наличествовали физические потребности и их минимальное удовлетворение. Общение с женщиной он тоже счел излишеством, и демонстративно занимался онанизмом, а когда прохожие стыдили его, возражал: "Ах, если бы так же просто было удовлетво-

рять голод". Из-за этого факта нынешнее понятие "цинизм" – вовсе не то, чему учила школа античных киников⁴. Помнят только: "Что естественно, то не безобразно".

Александр Македонский был, напротив, царем полумировой империи. Навестил он как-то знаменитого мудреца Диогена и, желая показать себя радетелем философии, поинтересовался, что может сделать для него нужного и хорошего. На что получил ответ: "Отойди в сторону, ты мне солнце заслоняешь". Оценив услышанное, Александр сказал с чувством: "Я хотел бы быть Диогеном, если не был бы Александром". История знаменитая.

Александр вскоре умер в Индии, а Диоген прожил еще долго.

По мнению древних авторов, это должно говорить о преимуществах философской жизни, поскольку преимущества императорской жизни и так всем понятны. Тем не менее такая философская жизнь всегда привлекала ничтожное меньшинство людей, составляющее из общей массы то самое исключение, которое подтверждает правило. Правило же заключается в том, что юношество воспитывали на примере Александра, но отнюдь не Диогена.

Александр же был учеником Аристотеля и человеком весьма образованным. Что повлияло на его мировоззрение очень частично: свои взгляды он решил вколотить во всех, кто только населяет досягаемый мир. Эллинизация ойкумены пошла огнем и мечом. Честолюбие молодого владыки было беспредельно.

Вот и учи людей довольствоваться необходимым.

ОБОРОТНАЯ СТОРОНА МЕДАЛИ: НЕСЧАСТЬЕ. Так или иначе, но жить в бочках люди не хотят. Их стремление к счастью носит экстенсивный характер: что-то добавить, дополнить, изменить в сторону увеличения, обычно так.

Но вожаемое счастье как цель находится на некотором отдалении, а неприятности подстерегают на каждом шагу. Добиваешься любви – жутко нервничаешь на каждом шагу, куча сильных отрицательных эмоций. А если не добьешься – горя-то сколько. А любовь чаще несчастна, чем взаимна. Зачем оно так нужно, скажите пожалуйста?

Слава – это перенапряжения, стрессы, транквилизаторы, разочарования, обломы, слезы; а иначе и невозможно, если круто к ветру берешь, на пределе всех возможностей ломишься.

Большой спорт – травмы, угробленное здоровье, нестарый еще человек становится инвалидом, забытым и никому не нужным, страдает нравственно и физически, а здоровья уже не купишь.

Большая карьера – требует умения сносить плевки, проглатывать оскорбления, мириться с подлостью друзей и коварством врагов, контролировать каждый свой шаг, забыть о свободном времени; иногда надо жертвовать друзьями, любовью, совестью.

Могут сказать: и это известно – человек за все должен платить. Делай свой выбор. Не везет в картах – везет в любви. За обладание одним – платишь отказом от другого. За счастье в одном – несчастьем в другом. Хочешь яичницу – разбей яйца.

Прет лыжник марафон – аж стонет на подъемах от мучительного изнеможения. Страдает, бродяга! А прибежит первый – счастлив. Так это один. А еще пять лидеров ему проиграли – и слезы на глазах. И ведь знали, что первое место только одно.

Получается так: стремясь к счастью – человек одновременно, невольно, вынужденно, *стремится и к несчастью*. Ну – побочный эффект, нежелательная, но обязательная нагрузка в магазине жизненных благ.

Если так – то все просто:

Счастье обжорства – перевешивает несчастье ожирения, склероза, уродливой фигуры, преждевременных болезней и смерти.

Счастье пьянства – сильнее несчастья нищеты.

⁴ А киник – это скорее Генри Торо: простота, аскетизм, ближе к природе. "Назад в леса". Для того обезьяны вышли из леса, чтоб мы в него вернулись?

Счастье подвига – сильнее несчастья увечья.

Слабая воля: сейчас мне хорошо, и наплевать, что потом будет плохо. Сильная воля: сейчас мне плохо, потерплю, зато потом будет хорошо.

А чего вообще в жизни больше – счастья или горя? Чаще человек счастлив – или несчастлив? Во всяком случае, люди всегда жаловались, что счастья мало, а горя много. Действительно:

Чем крупнее, значительнее цель – тем дольше и труднее путь к ней, тем больше на пути трудностей и препятствий, тем больше "промежуточных" несчастий – ну, неприятностей, отрицательных моментов. Само достижение цели – под вопросом, если не достиг – то все жертвы оказываются напрасны, не компенсируются. А если и достиг – счастье все равно не гарантировано. Или так устал уже, что предвкушаемого когда-то счастья не ощущаешь, или изменился сам за это время. Или радость достижения цели быстро остывает, сменяется пресыщением и разочарованием: что, и это все, ради чего я столько лет боролся?..

Давно сформулировали: ничто в жизни не бывает так хорошо, как люди обычно себе представляют.

Человек создан для счастья, как птица для полета, мечтательно вздохнул классик. Эта дикая и странная птица называется страус. Летать не умеет, бегают, лягается, перья из хвоста у него выдирают на украшения, а от опасности он прячет голову в песок.

Так что – остается сакраментальная татуировка зеков "Нет в жизни счастья"?

НАПОЛЕОН И БУДДА. Наполеон был величайшим из людей новой истории. Он совершил, добился, имел все, что полагают для себя венцом желаний и пределом счастья миллионы людей. Незадолго до смерти, на острове Святой Елены, у него вырвался стон: "Боже мой, да был ли я счастлив хоть два часа в своей жизни...".

Ты хочешь подвигов, славы, власти? А осознать перед смертью, что прожил жизнь без счастья, хочешь? Сейчас, из малости твоего положения, тебе кажется, что это невозможно – по крайней мере для тебя было бы невозможно. Когда-то и ему так казалось...

Счастье и горе – понятия и состояния противоположные. Счастья мы хотим, горя – нет: по крайней мере, мы так думаем. Счастье бывает редко, а горе – часто. Счастья без горя не бывает – трудности, жертвы, переживания, а в конце концов всех похоронят, и сам померешь, – а горе без счастья бывает сплошь и рядом. Счастье всегда под вопросом, а горе всегда наготове.

А когда мы в горе, что для нас счастье? Чтоб не было бы этого горя. Так надо же понять, что отсутствие горя – уже счастье. И, коли ты разумен, заблаговременно принять меры.

Читатель, тебе передает привет и машет хвостиком на небесах твой милый Артур Шопенгауэр.

По этому пути дальше всех зашел Будда Шакья-Муни. Он бросил теплое местечко наследного принца, дворец, родителей, любимую красавицу-жену, сокровища и одежды, обернул чресла тряпкой и сел под пальму. Все у него было! – но он поразился мыслью, что все это неизбежно кончится: горячо любимые им люди смертны, и сам он смертен, и горем смерти и вечной разлуки все кончится, и дворец может сгореть, и враг может державу уничтожить, и зачем тогда все оно нужно, если все равно всегда знаешь, что в конечном итоге неизбежен печальный конец. Он взглянул на земную жизнь с такой трагической стороны и, как сказали бы сейчас, впал в депрессию.

Он понял, что земная жизнь всегда сопряжена с несчастьями. Они больно ранят. Он хотел быть счастливым, но так, чтобы совершенно гарантировать себя от любой возможности лишиться этого счастья. Для этого нужно не иметь не только никаких вещей, но и вообще не иметь никаких желаний и ощущений. Ведь желания могут не сбыться, ощущения могут обмануть. А вот если ты – вообще Ничто, у тебя уже вовсе ничего не отнимешь. А всеобщее

великое Ничто – это как бы противоположный полюс бытия, противостоящий всему суетному, земному, преходящему. И вот если ты осознаешь это великое Ничто, ощутишь себя частью этого вечного Ничто, – это избавление от любых возможностей несчастья, и в этом и надо увидеть высшее счастье. Это состояние называется нирваной, и достигается нелегко, после долгих и упорных тренировок. Пребывающие в нирване ничего не видят, не слышат, не ощущают. И свидетельствуют, что неземное блаженство этого состояния не сравнимо ни с чем.

Ни тебе никто не может причинить никакого зло, ни ты никому: даже букашку давить нельзя. Кушать только горсточку риса и плоды. А кто тебе рис даст? Найдется. Можно и дикими плодами пропитаться. Если природа изобильна – можно и Буддой стать. А эскимосу что прикажете делать?

В этом прекрасном учении только одно несимпатичное место: если все ему последуют, то вскоре некому будет его проповедовать. Вы бы этого не читали, я не писал, а все человечество было бы Великим Ничто, и кончен бал. Такой путь к счастью представляется сомнительным – как и все, что доведено до полного логического завершения. Полное логическое завершение в жизни всегда есть абсурд, хотя для понимания явления оно полезно, показательно.

Полный предел и этого абсурда демонстрируют некоторые секты, "творчески развившие" учение Будды. Не вдаваясь в тонкости и не затрудняя себя долгими тяжелыми тренировками, они просто молятся, психологически подготавливая себя к решительному шагу в полное счастье, после чего совершают коллективное самоубийство.

Трудно удержаться, чтоб не проиллюстрировать это все еще одним анекдотом, показательным, как вообще почти все анекдоты.

Рокфеллер как-то купил для отдыха необитаемый остров, и вот решил наконец выбраться туда на денек отдохнуть. Тут же накануне туда вылетает команда обслуги все подготовить, бунгало, бар. Менеджер по отдыхательным мероприятиям видит остров и хватается за голову: "Боже мой, босс завтра прибывает! Это что – песок? это песок, я вас спрашиваю?! какой-то грязный гравий!!! Песок, самый лучший, с Золотого Берега, сто тонн, три самолета – из Ниццы, немедленно!!! А вода... что за мерзкая жижа! Фильтры, самые мощные, "Дженерал Моторе", и голубую краску для бассейнов, тонн пять, звоните в Майами, мигом! А что это в воде... а если акулы?! Сетку от акул, огородить, но незаметно! А это что за поганые колючки?! Босс любит голубые ели. Сотню елей, из Швейцарских Альп, самолет в Цюрих, по любой цене... и садовников с розами!!!"

И сутки кипит бешеная работа. Бульдозеры рычат, водоочистители булькают, рабочие бегают. К утру еле успели замести следы, угнали за бугор технику и сами попрятались.

И вот садится белоснежный лайнер. Сходит по трапу Рокфеллер. Вдыхает воздух, смотрит по сторонам... сдирает костюм, бросается в море, плещется, потом растягивается на песочке под елью, нюхает розу и задумчиво, печально произносит:

– Господи, хорошо-то как... Вот так забудешь все, помотришь на мир, и невольно думаешь: и на хрена мне, в общем, все эти миллиарды...

Вот вам и обретение вечного счастья путем лишения себя всех потребностей.

Солон, сказавший, что ни одного человека нельзя счесть счастливым, покуда жизнь его еще не кончена и неизвестно, что впереди, был бы сильно удивлен таким решением вопроса. Все-таки, чтоб быть счастливым, как минимум надо вообще быть.

* * *

Подобьем бабки и соберем мысли до кучки:

Люди всегда все знали. О счастье думали столько, как ни о чем другом. Создавали целые теории и на практике подтверждали их собственной жизнью.

И это никого ничему не научило. Люди остаются теми же самыми. Могут все знать, все понимать – и все равно хотят того же, что всегда, и стремятся к тому же, к чему стремились всегда.

Они стремятся к своему счастью, а выходит черт знает что.

Дело в том, что хотят они одним местом, а думают другим. И думанье на хотенье мало влияет. Хотят – и все, хоть тресни. А думаньем свое хотенье обосновывают, оправдывают, обеспечивают.

Хотенье главнее. Таков человек. Так создан мир.

Результат хотенья – больше гадостей в жизни, чем счастья.

Значит, людям так надо.

5. Самореализация

Счастье – это надпись на дорожном указателе. Приманка для действия. Объяснение себе, почему это хочется делать. Морковка на шесте, за которой бежит осел Ходжи Насреддина.

Человек отличается от осла тем, что если он за морковкой как следует не побегает, так в ней уже и сладости той нет.

Возьмем счастье как избавление от страдания. Проще всего: избавление от боли, выздоровление от болезни. Представьте ли вы себе нормального человека, который хочет заболеть только для того, чтобы испытать потом счастье выздоровления – причем опасно заболеть, с риском для жизни? Разве что капитана Врунгеля, который отказался удалять больной зуб, потому что когда болит – это, конечно, плохо, но уж зато когда не болит – до чего же здорово!

Милые мои. В каждом из нас сидит капитан Врунгель.

АВАНТЮРИСТЫ. Когда Пржевальский окончил путешествовать и удалился от дел в свое имение, он тосковал, неделями бродил с ружьем по лесам и полям, спал на голой земле... вскоре зачах и умер, еще не старым, без всяких видимых причин. В путешествиях он умирал от голода и жажды, тонул, его трепала лихорадка, кусали змеи – выжил, никогда не терял бодрости, поддерживал остальных. Это ему и было нужно, этого и хотел, этим и был счастлив.

Ален Бомбар в одиночку, в маленькой лодке, без пищи и пресной воды, пересек Атлантику. Пил морскую воду, ел рыбу. "Хотел доказать, что это возможно, а потерпевших кораблекрушение убивал просто страх". Бросьте. Моряки всегда знали, что морскую воду пить нельзя. Бомбар угробил себе желудок, кишечник, почки. Все достижения медицины не помогли. Через три года он умер развалиной, в мучениях, это не очень известно. Кто велел?

Охота пище неволи.

Человек добровольно может делать такое, что раба под палкой не заставишь.

Когда человек пускается в рискованные авантюры, заведомо идя на лишения и страдания, "сменив уют на риск и непомерный труд", – зачем это ему, строго говоря, надо? В чем тут счастье? В достижении цели, результата? Если дело в достижении славы и богатства – то совершенно понятно поведение конкистадоров, первопроходцев, завоевателей, которые или гибли – или становились владыками неведомых прежде богатейших земель. А бесчисленные туристы, альпинисты, спортсмены-путешественники, им чего?

Счастье победы! Победил бурю, не утонул. Ободрал руки и ноги, напряжением всех сил не сорвался со скалы, влез на вершину. Обморозился в тундре, терял зрение от блеска снегов,

дошел на лыжах до полюса. Изнемогая в пустыне от жажды, все же добрал до оазиса и в прохладе напился вволю. Зачем?! В виде спорта, в собственное свободное время. И даже не как профессионал, не ради славы и денег – а напротив, в законный отпуск, на свои кровные деньги. Потом отдыхаешь, в себя приходишь, лечишься, и вообще погигнуть можно, да не просто, а мучительно. Зато выжить, выстоять, победить – какой кайф! какое наслаждение!

И чем большим напряжением сил далась победа, чем круче был риск и тяжелее лишения – тем больше, ценней счастье преодоления.

Ведь гибнут постоянно – в горах, в морях, в порожистых реках. Можно на вертолете к вершине взлететь, на лайнере пересечь океан. Нет: специально выискивают самые трудные маршруты. Без трудов, лишений и риска – исчезает смысл, нет радости победы.

Значит, коли многие люди этим занимаются, в природе человека это присутствует. Испытать напряжение всех сил!

Людей, у которых потребность в таких рискованных действиях ярко выражена, называли авантюристами (теперь их чаще называют романтиками-путешественниками, а авантюристами называют просто мошенников, путая с аферистами). Они изобретают себе немислимые предприятия. Спокойная, размеренная жизнь им пресна, скучна, несносна. На покое они угасают, тоскуют, мучаются скукой. И часто гибнут в очередной авантюре.

Зато всегда скажут о преимуществах *"настоящей полной жизни"*, о необходимости и сладости *"острых ощущений"*.

Можно возразить: гордость человеческим всемогуществом, покорение природы, открытие нового – все это удел человека. Удел-то удел, а почему? Разве жить в покое и безопасности не приятнее? Зачем самому искать опасных приключений на свою... голову?

Значит, нужны сильные ощущения. И *положительные ощущения* здесь, понятно, *невозможны без предшествующих отрицательных*. Нет трудностей – нет победы. Риск и преодоление – соль и смысл авантюры. Даже если предприятие проходит гладко и удачно – риск есть всегда, в любой миг может разразиться неприятность, опасность, катастрофа, и сознание этого делает авантюру привлекательной. "А он, мятежный, ищет бури..."

Так что к отрицательным ощущениям человек может стремиться и сознательно.

Не всегда? Не каждый?

МАЗОХИЗМ И САДИЗМ. Почему влюбленная женщина иногда говорит: "Милый, сделай мне больно"? Черт возьми: ей доставляет наслаждение ощущение боли. Это как же так?

Ну, конечно, не такой боли, чтоб руку вывихнуть из плеча. Но вполне острой, ощутимой – синяки могут остаться. "Тебе больно? – Еще..."

Давно известно, что противоположности близки и вообще могут сходиться. Так парфюмеры знают, что тончайшее благовоние находится на грани зловония, в удержании на этой грани и состоит искусство парфюмера. Так же и в наслаждении любовью, давно и многими отмечено, боль и наслаждение очень близки, иногда просто перемешиваются, неразличимы. И стоны, и крики, и рычание. Совсем немаленький процент женщин в любовном экстазе дерут ногтями спину своих возлюбленных. Если им запретить это делать – острота ощущений снижается, уменьшается удовлетворение. Они садистки? Гм. Ну уж. Вряд ли. Наука и общество так не считают. В остальном – совершенно нормальные женщины.

Садизм и мазохизм считаются патологией. Ну, наверное, если влюбленный для получения удовлетворения требует отхлестать его кнутом – это действительно патология. Есть грань, и есть переход через нее. Но:

Никакие психические отклонения не берутся из ничего и ниоткуда. Какое-то зерно в психике всегда есть, дело лишь в том, насколько здоровый росток оно дает, до каких пределов развивается.

Почему дети так часто мучают животных? И не потому, что они их не любят, напротив, могут трогательно и искренне заботиться о кошках, щенках, цыплятах. Но иногда, когда никто

не видит (потому что им говорили, что это нехорошо), начинают душить собственного любимого котенка, пришибают камнем цыпленка – и, подавляя тошноту, замагнетизированно смотрят на его конвульсии и выдавленные внутренности. Об отрывании лап и крыльев насекомым и говорить уже не приходится.

Детей обвинять в порочности нельзя. Дети – они дети и есть, они делают то, что в них заложено от природы, что в их естестве. Припомните собственное детство – почти у каждого был такой опыт садизма. Противно, страшно, тошнило! – а делали.

В больницы, в операционные детей как зрителей не допускают. Но те, кто в детстве пережил войну рядом с госпиталем, помнят, как сквозь щели в палатках и заборах смотрели на ампутации, на кровавые операции – подавляя ужас и тошноту, с замиранием духа: смотрели! Зачем?..

А когда холостят кабана или жеребца? Жутковато детям, противно, а смотрят. Если взрослому в этом дела нет, и смотреть ему, скажем, неприятно, он может отвернуться – хотя чаще тоже смотрит. Ребенок не отвернется никогда.

Ощущения, испытываемые им при этом, как правило категорически неприятны. Но почему-то он желает их получать.

Да голливудский кинематограф это давным-давно знает и поставил на поток: чирк по горлу, хрясь голову долой, эть руку обрубить – кадык у зрителя прыгает, ан фильм кассу делает.

А гладиаторские бои? Азарт, спорт? Пожалуйста – без спорта и азарта: публичные казни. Зрителей на площадях было – не протолкнуться, и все добронравные граждане. Что, это было давно, а сейчас люди стали лучше и гуманнее? О да, стоит только припомнить кровавую историю нашего столетия. То-то ТВ столько трупов показывает. Репортеры некрофилы, что ли?

Вот вам и патология. Это после определенной границы – патология, а в каких-то пределах – да у каждого обнаружится. Хороший массаж – какое блаженство! а ведь и больно временами и местами, и эта боль – острое удовольствие. А в раскаленной парилке да в два венчика тебя отходят – аж кряхтишь, еле терпишь, больно ведь! но до чего здорово, приятно.

Слушайте, а ведь крепкая парилка и жесткий массаж – это, так сказать, слабая разновидность мазохизма. Вы знаете, ведь хлестать себя плетью или раскаленным венником, особенно колючим, можжевелевым – практически одно и то же ощущение.

Так-с... Получается, что ощущение боли тоже может нравиться, и нравится. Это – положительное ощущение?! Гм. Да как бы выходит одновременно и отрицательное, и положительное. Такая штука. А вот как раз оно на грани положительного и отрицательного.

Дорогие мои. "Сладкая боль"... есть такое выражение. Это выходит, что нервная система человека приветствует и отрицательные ощущения, вот что это выходит. В этой отрицательности есть своя притягательность, ага?

А ведь это самый первичный, самый глубинный уровень нашей сущности – уровень мозга, нервной системы, ощущений.

Значит: человеку желанны не только те ощущения, которые принято называть положительными, но и те, которые принято считать отрицательными.

ЛЮБОПЫТСТВО. Насчет детского садомазохизма могут возразить, что это просто естественное детское любопытство, любознательность. Ребенок познает мир и себя, определяет границы своих ощущений, возможностей; ну, вроде как пока не обожжется – не поймет, что огонь трогать не надо.

Или пресловутое женское любопытство, сказка о Синей Бороде, и ни при чем тут никакая тяга к отрицательным ощущениям.

Возражение первое. Любопытством называется безусловная тяга к познанию лично не известного. Объяснения и предостережения помогают мало. Человека все равно тянет испытать самому. Он приобретает опыт, значительная часть которого – отрицательный опыт. Без отрицательного опыта тоже прожить невозможно. То есть потребность хоть единожды испы-

тать соответствующие отрицательные ощущения в человеке безусловна. Это знают все сколько-то разумные родители и педагоги, не говоря о психологах.

Возражение второе. Если садомазохистский опыт отвращает ребенка от подобных экзерсисов, то откуда берется садизм взрослых людей? А в периоды войн и смут жестокость "цивилизованных, гуманных" людей достигает потрясающей степени. Просто у ребенка в нормальных условиях это задавливается наслоениями воспитания, морали, цивилизации – а в определенных условиях мощно вылезает наружу. А кончилась война – и дальше палач на пианино играет и тюльпаны разводит. Нормальный человек, кто б мог подумать, ах.

Возражение третье. Спиртное и наркотики с первого раза практически никому не нравятся. Пробуют обычно из любопытства. Со временем отрицательные ощущения сменяются положительными.

Так что любопытство – врожденное свойство познавать больше, а без этого не узнаешь, к чему стремиться, а чего избегать. Оно и заставляет познавать, ощущать и то, что тебе вроде и ненужно, и неприятно. Любопытство работает на познание отрицательных ощущений также, что пока нам только и требуется учсть.

СТРАДАНИЕ И СО-СТРАДАНИЕ. Кто не знает насчет сладости слез. По-простому: слезы, плач – это реакция на горе, проявление сильных отрицательных эмоций. А почему тогда можно плакать от радости, счастья, умиления? Если сходная реакция – может, и ощущения сходные?

Почему наибольшую зрительскую аудиторию в мире собирают душещипательные индийские мелодрамы? В этих фильмах обязательно есть страдания и слезы. И простодушные зрители сопереживают, плачут.

Комедия – тут понятно: радость, смех – чувства желанные, хорошие, положительные, люди хохочут, получают удовольствие, такое кино всем нравится.

В мелодраме – горе. Вызывает слезы. Выходят сморкаясь, утирая покрасневшие глаза. Зачем шли?! Им своего горя мало? Приятно плакать над чьими-то страданиями? Может, "приятно" – не совсем то слово, но – тянет, хочется, нужно зачем-то. Вы слышите: их тянет со-страдать киноперсонажам. Они знают, что все это придумано, условно, существует только на экране – а все равно со-страдают и плачут. И так – из века в век.

Зачем человек отдает свои деньги и тратит свое время, чтоб два часа поплакать в кинозале? Значит, есть у него такая потребность, да?

О сути и притягательности трагедии основательно рассуждал еще Аристотель. Он пришел к выводу, что при виде страданий в театре зритель испытывает "катарсис" – высокое и благородное чувство душевного очищения, стойкости, делается лучше, мужественнее, достойнее, укрепляется в истинных ценностях жизни. И вот стремясь душой к этому благу, человек и стремится к со-страданию героям трагедии.

Ну, почему человек стремится к страданию и состраданию – и должен к нему стремиться! для своего блага! – было создано много теорий. Особенно преуспело христианство. Страдание и плодотворно с точки зрения душевной, становишься лучше, добрее, понимаешь горе других. И для ума полезно, задумываться над жизнью заставляет, глубже в проблемы бытия вникать. И грехи им искупаются, и Богу оно угодно. Это – вопросы отдельных дискуссий, и была их уже тьма. Мы сейчас говорим о другом: цель, объяснение, оправдание, применение страданиям можно придумать самые разные, важнее другое – человек хочет страдать! Пусть зная, что дома у него все в порядке, в реальной жизни все хорошо – но в кино, за книгой, он хочет глядя, читая, безопасно пострадать.

Что это значит? Что он не хочет реальных событий в своей жизни, которые могут доставить ему страдание. Но вообще испытать страдание как эмоцию, без всяких вредных для себя последствий, он хочет!

Это очень, очень важно знать и понять.

Получается. Кино, театр, литература, музыка, вообще искусство – то есть искусственно изображаемая жизнь – удовлетворяют некую имеющуюся у человека потребность в страдании.

А если есть у человека глубинная, органическая потребность, то мозг, где все потребности гнездятся, придумает, как ее удовлетворить. Есть "искусственный" путь – хорошо. Здесь искусство работает как предохранительный клапан: и пострадал, и в жизни все в порядке. Ну, а если лишить человека кино, литературы, искусства? А? Потребность-то никуда не денется. Нервной системе-то все равно пострадать нужно.

ПРИДУМЫВАНИЕ ПОВОДОВ. И человек начинает придумывать себе поводы для страдания. Сплошь и рядом и на каждом шагу. Окружающие только диву даются, хотя сами точно такие же.

Особенно юность в этом преуспевает: или штаны немодные, или родители плохие, или в компанию не принимают: ну всегда юным в жизни что-то не так, и это доставляет страдание. Если большинство полагает традиционно, что юность – пора исключительно безоблачного счастья, то не от большого ума и хорошей памяти так считают. Юность – веселее, активнее, жизнерадостнее, быстрее переходит от одного состояния к другому, но страданий в ней – миллион. Она хочет – больше, быстрее, острее старости, вот и обломов, и терзаний, и недовольства больше выходит. Молниеносные влюбленности, мимолетные обиды, неожиданные увлечения, – и все чревато возможным страданием и есть повод для него.

Заметьте: образ мудреца человечество всегда рисовало себе в сединах, невозмутим, страсти и желания в нем утишены возрастом, опыт наложил на мировоззрение скептическую печать. Юноша – порывист, резок, наивен, романтичен, чуть что – переживает страшно, плачет от несправедливости жизни и восклицает в отчаянии: как же так! А мудрец, толстый Карлсон, утешает: это все пустяки, дело житейское, мне бы твою молодость. А юноша вопит: какие же пустяки, это ужасно, я сейчас повешусь! Вешается редко. Но страдает. Когда забывает, что страдает, счастлив и наслаждается жизнью.

Дети, юноши, взрослые, старики – имеют разные поводы к страданию. И каждой возрастной группе поводы других представляются малоосновательными. Ребенку – игрушка и прогулка, юноше – штаны и поцелуй, взрослому – должность и награда, старику – уважение и покой. Объективно все это чушь, условные мелочи могут человека печалить, но каждый очень дорожит своим и пожимает плечами над чужим.

Чеховский чиновник чихнул на лысину генералу и умер от ужаса. Хиппи на эту лысину еще бы и помочился. Он от другого страдает: смысла в жизни не видит. А генерал страдает, что его орденом к празднику обошли. А работяга, который штампует эти ордена на прессы ящиками, страдает, что его сын ушел в хиппи.

Меланхолик в депрессии заплачет от любой мелочи, как Пьер Ришар в фильме, где ему подали не тот кофе. Патология? А что это такое? Это деталь картины под увеличительным стеклом: что-то из нормального размера разрослось до непропорционально большого и бросается в глаза, искажает гармонию. Классических темпераментов в чистом виде не существует, в каждом человеке есть все, разница только в пропорциях. Элементы меланхолии, штрихи депрессии есть в каждом. "Тот, кто постоянно ясен, тот, по-моему, просто глуп".

Благополучный ребенок в благополучной семье тоже иногда капризничает. Педагоги говорят: это он выясняет границы своей власти в семье, самоутверждается. Пусть, но факт в том, что ребенок безо всяких видимых причин вдруг находит повод к слезам, горю.

"Ах, боже мой, какой я несчастный, я никогда не видел, как человек падает с шестого этажа", – пожаловался Гаврош.

Самая отчетливая форма *сознательного* стремления к страданию – "косметическая ложь" (термин психологов): взрослый разумный человек приукрашивает свою биографию, чтоб лучше и значительнее выглядеть, обычное дело. И девушки часто придумывают в прошлом возлюбленного с трагической судьбой, слагают душераздирающую легенду о своей

любви – и сами плачут, рассказывая ее подругам и знакомым! Какие мотивы ни выдвигай – тщеславие, неудовлетворенность – фактом остается желание пострадать. Искренне плачут, аж сами верят!

Пусть каждый повспоминает свою жизнь повнимательнее. Сколько он дергался, нервничал, переживал, страдал! Много лет прошло – и удивляешься, даже понять не можешь: из-за чего?! Ведь все было неплохо, терпимо, в пределах нормы – и из-за неважных, в сущности, мелочей и обстоятельств. Боже мой, чего я, дурак, с ума-то сходил, портил жизнь себе и близким. Хорошо еще от многих непоправимых глупостей удержался: не убил, не разругался насмерть, не застрелился. Ну обманули, ну обидели, ну что-то было не так, как мне в тот миг хотелось, но ведь все это в сущности так неважно!

И что, осознав это, ты перестанешь дергаться и будешь жить дальше спокойно и мудро? Черта с два. Вспомнишь о прошлом или представишь наперед какие-то раздражающие вещи – и кажется, что можешь переносить все спокойно. А случится сейчас – точно так же дергаешься и страдаешь. А вот нервы такие. Темперамент такой.

В любом случае переживать и нервничать – вредно, ненужно, это портит тебе жизнь и мешает достичь цели. Ты это отлично знаешь. И продолжаешь дергаться.

Разум понимает, что большинство поводов к дерганью, к страданиям – именно неважные поводы. Не причины. Сам же себя накручиваешь обычно.

Причина в другом. Есть способность к страданию. *А способности без потребности не бывает.* Вот иногда нервной системе пострадать требуется. *Способность предполагает возможность своего применения.* А если человек что-то может применить – он это применит, будьте спокойны.

Внешне потребность по отношению к способности первична. Через потребность о наличии способности и узнаем.

ИСКУШЕНИЯ. Каждому известно то, что называется искушениями. Сейчас мы имеем виду такие искушения, когда вдруг что-то подталкивает тебя как бы и не хотеть, но вот задумываться, как бы и не собираться сделать, но вот представляешь себе будто делаешь – что-то неправильное, неприличное, нехорошее, ужасное, чего делать не надо, нельзя, невозможно, противоестественно вроде.

Самый невинный пример – академик Ландау признавался, что при виде вращающегося вентилятора ему всегда хочется бросить в лопасти сырое яйцо, и посмотреть, что будет. А не бросал...

Обычное искушение – шагнуть вниз с высоты. Известно: высота манит полететь вниз. С балкона, с горы. Знакомо каждому. Страшно, жутко – а манит, и представляешь себе, как это просто сейчас сделать.

Почему, зачем? Ведь это смерть, а умирать он сейчас, стоя на балконе, отнюдь не хочет. (Есть точка зрения, что смерть вообще манит. Это отдельный разговор.) А вот сделать такое – подмывает, и холодок внутри от того, как легко и просто это сейчас сделать.

И приходит эта мысль и этот холодок сами по себе.

Когда подпивший дядюшка Хо Ши Мин прилюдно запустил руки в декольте Валентине Серовой и схватил ее за большие сиськи – он не удержался от искушения приятного и естественного. Скандал замяли. Когда довлатовский брат пописал из окна на директора школы – это было искушение хулиганское, его исключили. А когда один мой приятель изнасиловал одноклассницу, а другой воткнул красивый блестящий нож в живот случайному прохожему – они уже последовали искушениям крутым, преступили. Оба мне потом признавались, что не собирались этого делать, не хотели даже – а вот подмывало что-то внутри: ведь это так просто взять и сделать, не может быть, неужели.

И более того, более того! Почему каждый иногда растравляет себя картинами горя и смерти любимых людей? И – вечная проблема психоаналитиков – любой человек, пусть очень

редко, пусть запрещает себе даже думать об этом – иногда, ужасаясь противоестественной кощунственности своих мыслей – не мыслей даже, а картин в мозгу – представляет, как он убивает своих родных. На какой-то миг кухонный нож в его руке повергает его в кошмар: как просто воткнуть его в сидящего рядом человека. Как просто обрубить ему пальцы. Как просто отрезать голову; а потом еще можно поставить ее на тарелку и смотреть. Как просто приподнять и выкинуть в окно, с верхнего этажа.

Слушайте, он жизнь отдаст за этого родного человека, всем ему пожертвует, своим телом от опасности прикроет – откуда эти ужасные проблески кровавого бреда? (Ни классический фрейдизм, ни современный психоанализ никак не отменяют того, что в человеке это наличествует.)

Не говоря уже об искушении самоубийства: как просто приставить пистолет к виску или сунуть голову в петлю. Хотя на самом деле умирать не собираешься и будешь цепляться за жизнь до последнего.

Какие теории не строй, как структуру подсознания и его мотивации не объясняй, факт остается: а вот возникают в человеке такие ощущения, отнюдь не приятные.

ИНСТИНКТ И ЧУВСТВА. Мы говорили, что на самом первом, самом глубинном, самом основополагающем уровне жизнь для человека – это комплекс ощущений, который испытывает его нервная система, его мозг.

А что в человеке уж самое-самое основное, базовое, бесспорное? Инстинкт жизни. Жить! Основы более общей и необходимой уже нет. Это – прежде всего.

Рациональная, механистическая, позитивистская философии трактуют жизнь как систему, где все целесообразно и взаимообусловлено. Земля для травы, трава для коровы, корова для человека, человек для прогресса. Элементарно, Ватсон. Любовь как инстинкт продолжения рода, творчество как его сублимация.

Инстинкт являет себя субъекту через ощущения. Удовлетворение ощущений необходимо особи для жизни и продолжения рода.

У животных все просто, все их действия – непосредственная реакция на ощущения, и это необходимо для жизни и рода. А вот человек с его рефлектирующим разумом – урод в дружной и здоровой семье животных, он создал культуру и цивилизацию, изощрил способы удовлетворения ощущений, извратил, и уже делает часто не то, что нужно просто для жизни. И его завихрения объясняются психологами, врачами, социологами, философами.

Тогда объясните, почему селезни грешат гомосексуализмом, а ваш песик упорно норовит совокупиться с диванным валиком или хозяйской ногой. Они что, так ослеплены страстью, что уже не отличают утку от селезня, а суку от мебели? Да нет, при возможности выбора предпочитают нормальных партнеров.

С точки зрения природной целесообразности их действия бессмысленны. Сознают они свою ответственность за продолжение рода? Нет, они хотят удовлетворить свое ощущение.

Это ж батюшки мои, даже зверьки и птички, если их важнейшая инстинктивная потребность по какой-то причине расходится с удовлетворением ощущения, следуют именно своему ощущению. А чем им еще руководствоваться? Рекомендациями Общества охраны животных? Вот обезьяна – животное высокоразвитое, поэтому она занимается онанизмом, а селезню это затруднительно.

Вот вам инстинкты, вот вам целесообразность, вот вам кошка с валерьянкой и крыса с педалькой. Мозг испытывает ощущения и требует удовлетворения желаний, а каким путем – это уже дело второе.

У мошкеры инстинкты вовсе просты, а летит она на огонь и сгорает... Ощущение света и тепла заставляет лететь.

Так что ощущения, через которые являет себя сам инстинкт жизни, могут вести к диаметрально противоречащему тому, чего хотел в реальной жизни добиться для особи ее инстинкт жизни.

Инстинкт жизни – ощущения – благо, жизнь.

Инстинкт жизни – ощущения – не-благо, смерть.

Но для особи, индивидуума, личности жизнь – это всегда данный момент, а данный момент – это ощущения, среднее звено цепи, а не результат.

САМОУБИЙСТВО. Это уже предел противоречия инстинкту жизни. И ведь в петле пляшет, под водой содрогается: организм жить хочет! Какой здесь рациональный мотив?

Если это эфтаназия, легкая смерть как избавление от мук и последующей смерти тяжелой – тогда хоть понятно. А если здоровый мужик, миллионер разорился – и шлепнулся? Да у него есть больше, чем у любого латиноса из фавелы, который – рому хлопнул, бабу в куст кувырнул, музыку услышал – и побежал самбу танцевать, зубы скалит.

Самоубийство *нерационально*.

Отрицательные ощущения достигают такой силы и "массы", что базирующийся на них разум принимает решение: надо кончать. Если нельзя избавиться от отрицательных ощущений, иным способом – ну, тогда надо кончать вообще.

Но поводы к тому – условны! Несчастливая любовь, крушение цели жизни, несчастные обстоятельства, – но жить-то можно. Ан уже неохота.

Это ж какой силы должны быть ощущения, чтоб преодолеть сам инстинкт жизни. И главное: кто тебе велел такое ощущать?.. А?..

Ну, если в армию взяли или в тюрьму залетел, и там замучили – еще понятно. А если – сам, на свободе, при всех возможностях?

Наука суицидология полагает самоубийство невропатологией и лечит спасенных, глуша их нервную систему ударными дозами успокоителей. Однако любой нормальный человек задумывался о самоубийстве.

ПОЛНОТА ЖИЗНИ. Кого возлюбят боги, тому они даруют много счастья и много страдания. Люди и это всегда знали...

Что такое жизнь-то наша? Смотреть, познавать, делать, переживать... И сам инстинкт жизни повелевает, обеспечивает, проявляет, делает безусловным, необходимым, как угодно называйте, такое положение вещей в жизни человека, чтоб он за жизнь как можно больше наощущал. С точки зрения мозга это и есть жизнь. А жизнь – та данность, которую мозг неуклонно приводит в действие.

И если человек может, способен ощущать счастье – то он должен его ощущать, и все тут. Такова данность. Так он устроен. Так создан мир, и если он может ощущать страдание – будет ощущать! Я сказал. Никуда не денется. Природу не обманешь.

И чем больше он будет ощущать того и другого – тем полнее будет его жизнь. В предельной степени реализовать все заложенные в тебе возможности. Жажда жизни. А прежде всего это – возможности мозга к ощущениям. Возможности нервной системы к напряжениям. Как можно сильнее, разнообразнее, больше почувствовать.

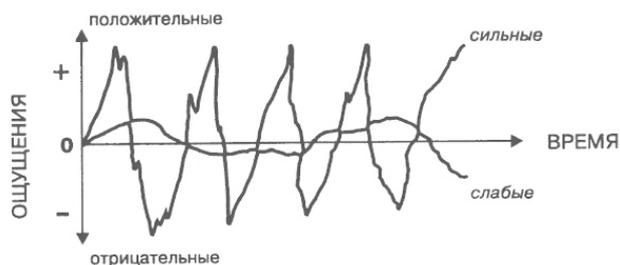
Э, стоп, скажет флегматик. Тогда все люди должны броситься жить так, чтоб все их нервы были на пределе. Была бы не жизнь, а сплошная шекспировская драма бушующих страстей, где в результате трехчасового действия – гора трупов и конец всему. Почему же подавляющее большинство нормальных людей все-таки обычно живет довольно тихо и мирно и доживает до почтенных лет?

Первое. Потребности в ощущениях и пределы напряжений индивидуальны. Где авантюрист наслаждается риском – мирный обыватель умрет от стресса. А где трудолюбивый крестьянин в ладу с жизнью возделывает свою ниву и живет до девяноста лет – буйный конкистадор зачахнет от тоски, или пойдет в конокрады. Даже боксеров классифицируют по весовым кате-

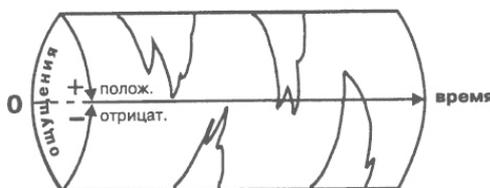
гориям – вот и в жизни так же: каждый стремится к таким напряжениям, которые потребны именно его нервной системе.

Второе. Опять же давно известно, что от слишком большого горя, как и от слишком сильного счастья, можно умереть. Хотя и редко, но возможно. Самоцель же жизни состоит в том, чтобы прожить – то есть наощущать – как можно больше в общем, в конечной сумме. Поэтому человек обычно инстинктивно избегает непереносимых для его нервов напряжений, чересчур сильных ощущений, которые могут разрушить организм и прекратить дальнейшую жизнь – тем самым в общем ее уменьшив. Он предпочтет жить дальше, и ощущать дальше, и в результате наощущает больше.

Для наглядности построим простенький график, где на продольной оси время жизни, а на вертикальной – сила ощущений. Схематично это – "график жизни". Чем больше общая сумма величин, тем больше и была жизнь – полнее, богаче, реализованней.

На самом деле график этот не плоский. Есть граничная линия, где противоположности сходятся: ощущения положительные и отрицательные, достигая предельной и запредельной силы, иногда соседствуют, смешиваются и даже переходят друг в друга: боль и наслаждение, горе и счастье.

Вот эта линия на цилиндре и должна быть как можно длинней. Вот и вся петрушка. Жизнь, заложенная в человеке как данность, проявляет себя.

* * *

Жизнь из горя и счастья пополам, давно замечено, гораздо полнее, чем сплошное благоденствие. Для настоящего счастья нужно столько же счастья, сколько и несчастья, философски вздохнули мудрецы.

Может ли подброшенный вверх камень не упасть вниз? Нет – в него Законом всемирного тяготения, силой гравитации, заложена необходимая потребность упасть на землю.

Может ли зерно в почве не взойти весной? Нет – цикл его развития в нем заложен, его жизнь запрограммирована природой: он даст колос. Зерно не думает, зачем прорастает. Такова его сущность.

Вот и сущность человека – явить и реализовать заложенную в нем программу. Исходная ее позиция – ощутить все возможное, что в нем заложено.

В отличие от зерна, в программу человека заложена разумная деятельность. Но не *вместо* инстинктов и ощущений, а *дополнительно* к ним. И не так просто понять, зачем это и почему. Посмотрим:

6. Максимальные действия

НЕТ РАЯ НА ЗЕМЛЕ. С тех пор, как человека изгнали из Рая, он только и мечтал устроиться так, чтобы жить как в раю. Если мы с вами такие умные, что все, изложенное до сих пор, представляется нам понятным, и даже известным, и даже банальным часто, зададимся одним простым вопросом: ежели человек стремится к тому, чтобы в течение жизни как можно больше всего наощущать – и даже, допустим, разумом это понимает! – то он должен напрямую, кратчайшим и простейшим путем, стремиться именно к тому, чтоб как можно больше и сильнее наощущать всего разного, не теряя времени и сил на пустые и необязательные хлопоты. Так выходит?

Скажем, призвать на помощь науку и технику, и изобрести такое снадобье, сказочный эликсир, или сконструировать такие приборы, чтоб – выпил мензурку, влез в скафандр с датчиками, надел на голову проводки – и ощущай себе сколько влезет, вот тебе прекрасная и огромная жизнь.

Теоретически это кажется вполне возможным. И даже практические опыты давно ведутся. Пока на животных, но и человеку кое-что перепадает. Скажем, сложные электро-телекомпьютерные комплексы для получения максимальных сексуальных ощущений с любым воображаемым партнером. Это – самый сложный вариант в данном направлении, а самый простой – искусственный фаллос для мастурбации, известный еще в античности.

Люди достигли многого по части *подмены*. Созданные суррогаты позволяют получать массу ощущений *искусственным путем*, без всяких хлопот и вообще действий. В первую очередь это игры и *искусство* – это вещи родственные, отчасти одно и то же: в некотором аспекте основой их является совершеннейшая условность самого процесса и результата. Любой игрок и зритель это понимают – а переживаний море. И изучают их целые комплексы наук: теория игр и искусствоведение.

Так заглянем по этому пути до конца. Пофантазируем. Загипнотизировали человека. Внушили ему, что он столько всего напереживал! Кормили-поили через трубочку, держали в кровати в теплой комнате, судно из-под него выносили. И кажется счастливцу в отключке, что живет он богатейшей жизнью. А на самом деле вся его жизнь – одна сплошная иллюзия.

Многие философские учения примерно так жизнь человека и трактуют: мол, все это одна сплошная иллюзия, а на самом деле ничего нет. Но люди в жизни руководствуются не философскими учениями, а своими конкретными чувствами, мыслями и нуждами, поэтому философские учения мы в очередной раз оставим в стороне, а будем руководствоваться элементарным здравым смыслом и тем коллективным опытом человечества, который каждому как-то известен и понятен.

А каждому известно и понятно, что все человечество не загипнотизируешь и с трубочки не прокормишь. Во-первых, пропитание себе приходится добывать самому, во-вторых, гипнозу вообще не все поддаются, в-третьих, что-то не очень охота так жить. А если наука и техника сделают это возможным – то кто будет обслуживать эти недвижимые тела? А как они будут размножаться? А обслуживающему персоналу, допустим, меньшинству, пяти процентам населения, на кой черт это нужно? В общем, оставим этот научно-фантастический фильм Голливуду и обратимся к грешной земной действительности. В этой действительности у людей нет возможности лежать на диване, переживая субъективные ощущения, а надо что-то делать, работать, кормиться, чтобы вообще прожить. А жить охота. Иногда неохота, но все равно надо. Инстинкт, что поделаешь.

Итак, руководствуется в жизни человек инстинктом жизни, который являет себя через субъективные ощущения. Но ограничиться "чистым", "внедейственным" удовлетворением ощущений на практике не получается. Невозможно не совершать хоть какие-то действия, хотя бы чтоб поддерживать в себе самую жизнь. Ощущения заставляют удовлетворять голод, жажду и так далее. И чем далее, заметьте, тем более.

Увы: уже на первичном уровне, на уровне удовлетворения физиологических потребностей, ощущения человека повелевают ему совершать действия. Пока все проще пареной репы.

В ТУПИКАХ. А нельзя ли все-таки, раз уж главное – это много сильных ощущений, устроиться так, чтоб минимально тратить силы и время на добывание хлеба насущного, а в основном, насколько только возможно – получать ощущения напрямую? Для того есть масса простых, доступных, испытанных средств: первые – алкоголь и наркотики, вторые – игры, искусство, хобби. В конце концов, многие так и поступают. Причем их, похоже, становится все больше – уровень развития цивилизации позволяет жить почти или полным дармоедам.

Нет, все-таки не получится. Конечно, этот тупиковый ход довольно быстро привел бы человечество к концу и явился благом для планеты, спася ее тем самым от уничтожения человеком. Но все стать алкоголиками и наркоманами (а равно игроками и поэтами) никак не могут по нескольким очень основательным причинам.

Во-первых, многие устойчивы к алкоголю и вообще он им не очень нравится.

Во-вторых, аналогично, многие решительно не хотят прибегать к наркотикам. Вот знают они, что это необыкновенный кайф, слышали, читали, – но есть другие интересы, больше влекут вещи обычные, хочется нормальной жизни, пусть она и трудна, и так далее.

В-третьих, большинство людей к алкоголикам и наркоманам испытывает (кроме жалости и сочувствия) чувство превосходства, презрения, высокомерия: мол, жалкие создания, жалкая участь.

Люди, в отличие от крыс, тоже будучи способны забросить все и только нажимать педальку, наслаждаясь до полного истощения, – так поступать почему-то не желают.

Равно если игрок в карты, художник или коллекционер пуговиц неудачливы, бездарны и нищи, ничего в жизни не имеют – их жалеют и презирают. А если удачливы, знамениты, богаты – то они встраиваются в социальную систему и совершают массу ненужных поступков: прежде всего приобретают дома, машины, вещи, тем самым тратят деньги, заставляют их работать, что дает работу другим людям. Для этого меньшинства занятие становится делом. А вот жизнь их большинства – нормальных людей отвращает.

А если просто богатый наследник, рантье, тихо проживает свои деньги за игрой, ходит по музеям, читает книги, собирает марки – и все? Ничего не делает, за модой не следит, жилище не ремонтирует, ему и так хорошо. Окружающие считают его или чудаком, или пустым местом. Посмеиваются. Иногда, безусловно, завидуют его покою, свободе и безделью. И, представляя себя на его месте, полагают, что завели бы гарем, или купили яхту, или путешествовали по миру – ну, получали бы удовольствия через какие-то действия. Потому что "бездельник" для нормальных людей есть слово и понятие ругательное, презрительное, уничижительное.

Логически и арифметически, опять же, большинство человечества не может быть игроками, художниками, коллекционерами и рантье. Кому-то надо их кормить, одевать, дома строить. Не то вымрут.

Так, может, отношение к бездельникам и наркоманам определяется просто моралью? а мораль общества определяется потребностями большинства – работать?

Ладно: с высот технического прогресса протянем руку дружбы Платону – создадим такое идеальное государство, где нет рабов, и никому нет никакой нужды работать, потому что все делает техника. И у всех есть все, чего только душа может пожелать. Рай на земле.

СКУКА. Что такое скука? Когда ничего не надо делать и ничего не хочется. Почему не хочется? Потому что, в нашем идеальном случае, и так все есть. Вот о чем ни подумал – мигом все и будет. Бич праздного сословия... Тогда возможны такие варианты:

1. Наркотики и алкоголь.

2. Игры.

3. Спорт.

4. Искусство.

5. Развлечения, куда входит потребление искусства, спорт как зрелище, охота, опять же игры и т. п.

6. Явно бессмысленная деятельность ради нее самой, ради тех ощущений, которые она дает: гонки на автомобилях или почтовых каретах, например, или строительство песчаных замков.

Все это присуще праздным сословиям во все эпохи. А еще: моды, этикет, условности "светской жизни", которым придается большое значение.

Мы имеем все то же самое: стремление к получению ощущений напрямую или посредством действий.

Остается нерешенным только извечный вопрос: на кой черт что бы то ни было делать человеку, у которого и так все есть. В том числе главное: возможность мгновенно удовлетворять любое свое желание?

И тогда у него появляется *желание иметь желания*. Нагулять аппетит. Устать, чтоб испытать сладость отдыха. Riskнуть жизнью, чтоб ощутить радость жизни.

А почему не пойти по пути Будды? А не хочет.

А вот если кто двинется в карьеру, дело, власть, славу – ему почет и уважение.

Был нигилизм, было манихейство, было все: были всевозможнейшие учения, отрицавшие любое действие и вообще жизнь, учившие, что это и есть благо: ничего не иметь, ничего не делать, ничего не хотеть. И вообще не жить.

Но в общем и целом, в среднем и основном, человечество хочет жить. Данность, инстинкт.

Однако человечество состоит из конкретных людей. Мы столько твердили, что для каждого конкретного человека жизнь есть прежде всего комплекс ощущений. Так почему даже тогда, когда человек может получить максимум ощущений без хлопот и напрямую, он отнюдь не всегда этому следует, а предпочитает хлопотное и долгое реальное действие? Почему он не хочет нажимать свою педальку, тварь нелогичная? Почему не бежит всегда от скуки подобным путем?

Нет же, зараза: потеет, стонет, прокликает – и действует. И мог бы на все плюнуть – а не плюет. Чушью же занимается! – а наркоманом быть не хочет.

Все хочет иметь – а скуки стремится избегать.

ТОРЖЕСТВО СОЗИДАТЕЛЬНОГО РАЗУМА? Одни люди сформулировали, что труд – это Божье проклятие, и такова доля человека в наказание за грехи. Другие язвили по поводу скуки в раю и интересного общества в аду. Третьи придумали теорию прогресса, объявили человека венцом творения и целью ему сформулировали построение счастья на земле. Человеку дан умный разум, умелые руки, а вместо сердца – пламенный мотор.

Поэтому человек даже при самом свободном выборе обычно не хочет быть наркоманом, а хочет быть создателем. Просьба из президиума считать это победой разума над сарсапариллой⁵. Над чувствами.

Но мы рассмотрели, убедились, утверждаем, что первичны – ощущения! Разум на них базируется, больше ему не на чем базироваться. Он их обслуживает. И какой бы выбор человек

⁵ Победе разума над сарсапариллой посвящен отдельный труд У.С.Портера.

ни делал – в конце концов он всегда сводится к выбору между двумя желаниями. И побеждает то желание, то чувство, которое сильнее, только и всего. Разум знает, что все условно, все относительно, главное – насладиться полнотой жизни, и нечего зря трудиться до седьмого пота, все помер и прахом будем.

Значит, желание человека действовать – внутренне ему присуще и от разума не зависит. А вот создан он так, чтобы действовать. Значит, ощущения от действия, от напряжений умственных и физических сил – неадекватны для него ощущениям "обманным", напрямую. Запрограммирован он природой через ощущения – на действия.

А наркомания – это тот боковой тупиковый ход, которым неизбежно идет меньшинство, вроде как обман мясной мухи, руководствующейся запахом тухлого мяса для откладывания в него яиц – и иногда она ошибается и откладывает их в цветок, есть такой, который точно пахнет тухлым мясом. С точки зрения мухи главное – запах, субъективно она к нему стремится. С точки зрения природы – наклад очка, бывает, без этого не обходится. Крайности всегда выходят за рамки явления, краешки обламываются, отграничивая и показывая собою пределы явления. Так каменщик стряхивает с мастерка излишки раствора, а на кладку идет лишь необходимое количество. Так река, прокладывая русло, частично впитывается в берега, расходуя часть воды на увлажнение пути, чтоб дотечь до моря. Природа, чтоб достичь чего-то, неизбежно преодолевая сопротивление среды, всегда действует "с запасом".

Если бы человек руководствовался разумом – он не совершал бы неразумных поступков.

Если бы человек руководствовался действиями – он не бежал бы от действий в наркоманию и хобби.

Если бы человек мог ощущать "напрямую" столько же всего и с такой же силой, как через действия, он всегда предпочитал бы действию искусственно вызываемые ощущения.

Ощущения – разум – действия: вот цепь. Для наркомании ни ума, ни сил не надо. Применение ума и сил дает, на уровне мозга, опять же, ощущения. Если ум и силы "отключить", вывести из этой цепи – столько ощущений уже, в общем и целом, никакими заменителями не наберешь.

Разум – это такой механизм в мозгу, посредством которого человек может ощущать всего-всякого гораздо больше животного.

Само сознание чего-то – судьба близких, положение твоих дел, о чем узнаешь из письма или по телефону – уже дает тебе положительные или отрицательные ощущения, может делать счастливым или несчастным.

Действия – это такой механизм, приводимый в движение и координируемый разумом, который позволяет человеку, опять же, массу всего наощущать.

Разум, во-первых, уже сам является "давателем" ощущений: через размышления, через пропущенное через себя восприятие реальной жизни или условного искусства.

Разум, во-вторых, есть трансформатор между превращением ощущения в действие, и декодер между действием и доставляемым этим действием ощущением. (Простейшее ощущение, как голод и его удовлетворение, и без разума обойдется. А радость достигнутой цели или научного открытия – возникает опосредованно через разум.)

И только через максимальную работу умственных и физических сил человек в общем – и человечество в целом – может получать максимум ощущений, что и есть для него жизнь.

И тогда он чувствует себя *человеком*.

Действия могут быть хорошими и плохими, полезными и вредными, умными и глупыми – любые определения и оценки тут условны, зависят от точки зрения, цели, морали, системы представлений. А нервной системе они необходимы, она без них не может.

На плоту через пороги и водопады! Поднял двести килограмм, один избил десять человек! Десять лет ночей не спал, совершил открытие, над которым веками бились! Кайф, здорово, я смог, сделал, я что надо!

Реализация всех своих возможностей до предела дает человеку ни с чем не сравнимое ощущение – полноты бытия и своей значимости. Бывает и трудно, и мучительно, и опасно – а отрадно.

Обычно это и называется самореализацией.

Повторяю для особо одаренных:

ощущения ↔ разум ↔ действия

САМОУТВЕРЖДЕНИЕ. Главный инстинкт – выжить. Когда-то первобытному человеку, чтобы выжить, было жизненно необходимо быть сильным, храбрым, умным, ловким, выносливым. Иначе не победишь хищников и врагов, не добудешь добычу на охоте. На всех досыта еды не хватит. Выживали те, у кого эти качества присутствовали в наибольшей степени. Они в первую очередь и оставляли потомство.

Сильный берет лучший кусок и лучших женщин. И каждый хочет, тянется, быть как можно сильнее. Все силы прикладывает, главное в жизни для него – именно это. И бдительно охраняет свое место в иерархии семьи, рода, племени. Подняться, не опуститься! Хватает мяса только на одного – его берет сильный, хватается на многих – потом берут мужчины "по степени главности", потом – их женщины в той же строгой очередности, хватается на всех с избытком – сильный все равно берет первым что хочет, и никто не смеет опередить его: изобьет, искалечит, убьет, выгонит вон из стаи.

Собственно, у животных так же. А человек – то же животное плюс разум и руки. Плюс, а не вместо. А физическое, биологическое устройство человека осталось то же самое, ставший царем природы кроманьонец от нас ничем не отличался. Его уникальную нервную систему мы получили в неизменном состоянии.

Мы все – потомки победителей. Слабые и побежденные вымерли.

Что означает, когда сильный берет первый кусок, даже если еды полно? Он голоднее, жаднее, нетерпеливее, жрет больше? Нет, он этим заявляет: я самый крутой, сильный, храбрый, умелый, значительный; главный. Я способен делать, и делаю, большее, чем вы, и это имеет огромное значение – для меня, для вас, для племени, для всех. Но в первую очередь для меня самого. Делаю-то я все в первую очередь для себя самого, потом для своей семьи, потом уже для вас всех, уж коли мы живем вместе, потому что вместе нам выживать легче и лучше. Не взять первому лучший кусок – могут подумать, что ты слаб, оттеснят, облагают, в голодное время вообще сдохнуть можешь. Драться за кусок каждый раз? Да нет, лучше отметелить сразу одного-другого, и пусть каждый всегда знает, где его место и кто такой я.

А прочие дерутся, меряются силой, за свое место в очереди.

Это самая первобытная форма *самоутверждения*.

Более или менее осознанное или неосознанное ощущение своей значимости, значительности, – сильнейшее в человеке после удовлетворения простейших физиологических потребностей. Это проявление того же инстинкта выживания – который позволил выжить до сих пор.

Посадите волчью стаю по клеткам, кормите вожака последним – он будет беситься и чахнуть от непереносимого и несправедливого унижения. Для него жизненно важно быть первым. Плевать на корм, он может отказаться от него и вообще лучше сдохнуть. А иначе волки и не выжили бы. Естественный отбор, выживать должны лучшие. (А лучшего, без борьбы, – в последние?! Крах природы, невроз.)

Естественный отбор у цивилизованного человечества в общем прекратился, искусственно помогают жить даже самым паршивеньким и слабым. Но инстинкт жизни и нервная система остались те же самые. Поэтому:

стремясь к самореализации через действия, человек всегда предпочитает такие действия, которые служат к его самоутверждению.

Что бы человек ни делал – он всегда хочет быть значительным. Не последней скотиной. Уважать себя. И чтоб другие уважали.

На хрена?

В каких формах самореализуется человек? В таких, которые ему как минимум известны. Которые как минимум вообще существуют в современном обществе, цивилизации. Нельзя стать знаменитым древнегреческим кинооператором, скажем.

На сколько человек хочет реализовать свои возможности? На столько, на сколько можно.

А на сколько можно? А никто не знает. Границы туманны. Пределы постоянно отодвигаются. Наука утверждает, что обычно мы используем лишь пятнадцать процентов потенциальных возможностей своего/ мозга. Как они высчитали эти проценты, сказать трудно. В цифре можно усомниться. Но то, что кроманьонец, с его мозгом, изготавливал свои примитивные двадцать видов ручных орудий труда – и с тем же мозгом изобретает компьютеры, создает науки и летает на Луну – это факт, а не реклама.

И человек сравнивает себя с окружающими. Определяет полноту своей жизни, степень своей самореализации – через сравнение с тем, что делают другие, что могут, на что способны, – и, значит, он сам на это тоже в принципе способен.

И если он может, делает, имеет, добился в жизни больше, чем окружающие, – ему хорошо, он себя уважает. А если меньше – ему хуже, и уважает он себя меньше. А с кем ему еще, бедолаге, себя сравнить?.. Как узнать, что еще делать?..

Заметьте, разум тут не при чем. Можно знать окружающих как сволочей и идиотов, презирать их, – и все равно хотеть, чтоб они признали тебя главнее их. Обычно так и бывает.

Потребность в самоутверждении – это аспект потребности в самореализации.

А вот самоутверждаться можно только через действия, поступки. Тут ни голословными заявлениями, ни наркотиками не обойдешься.

Любой может заявить: я самый сильный, храбрый, умный, богатый – поняли? я значительнее вас, можете меня уважать. А ему ответят: ты дурак и хвастун, предьяви-ка, кто ты есть – выйди на поединок, растолкуй непонятное, предьяви богатство.

Тут нужны какие-то объективные критерии, чтоб всем сразу было видно и понятно.

ГРИМАСЫ ОБЩЕЖИТИЯ. Вечные грезы человечества создать справедливое общество полного равенства – никогда не могли сбыться, и не смогут, конечно, из-за этой малости: стремления человека к самоутверждению. Силы и способности людей неравны. Ограничить законом? А кому некуда приложить себя – будет пить, хулиганить, вечный двигатель тайно ночами изобретать. Ну, а если велеть силы и способности все направлять на то, что общество признает полезным, нужным? Тогда можно. А если не захочет слушаться? Тогда наказать, посадить, изгнать. А если он много полезного наделал – он же будет себя ощущать значительнее других. (Вот таких древние греки и подвергали остракизму.) А другие будут чувствовать себя хуже, менее значительными, завидовать начнут. Сильных и способных женщины больше любят – опять же, уже неравенство, повод к ревности и зависти. Если уважать его и славить – может возомнить о себе, это чревато и другим обидно. А не воздавать дань его заслугам – он будет переживать, что его не ценят по достоинству. Полного равенства – ну никак же не получается. А каким декретом вы отмените жадность, подлость, зависть, лживость, эгоизм? Их всегда осуждали и стремились ограничить, но они – суть проявления все той же самореализации, все того же самоутверждения. Потому и неискоренимы, что присущи человеку.

...В цивилизованном обществе человек самоутверждается не в поединке с тигром, не в драке над тушей кабана. Сытость и безопасность в мирные времена гарантированы каждому. Что делать? И человек начинает выпендриваться. Самоутверждение, принимая цивилизован-

ные формы соревновательности и конкуренции, воплощается в идиотской гонке за условными и бессмысленными ценностями. Типа кусочка металла на груди, он называется специальным словом "орден" и обозначает, что его обладатель значительнее других (вариация: кольцо в носу дикаря). Возникает понятие "престиж": владеть ненужными вещами, жить в определенном районе, присутствовать на никчемных церемониях – и все это означает, что ты значительнее других.

Вот на что цивилизованный человек себя в основном тратит.

Вещизм. Зачем человеку большой дом, если он с семьей неплохо поместится и в маленьком? Что, большой красивее? И маленький может быть прекрасен. Зато большой может быть еще и грандиозен. Коттедж, вилла, особняк, дворец. Краина, центр, квартал аристократов. О: сразу понятно, кто есть ху, кто чего может и стоит. Бандит из "новых русских" жизнью ежедневно рискует – но ставит помпезный замок: пусть все видят! Завтра его вдова пустит его с молотка за четверть цены. Но сегодня он жив – и горд собой.

Вольные рыцари средневековья были точно такие же бандиты.

Дорогая мебель выполняет свою функцию не лучше дешевой, и может быть не более красива, может быть даже глупа и уродлива, зато от знаменитой фирмы, от известного мастера-дизайнера, который через мебельный выпендрей делает свое имя и свои бабки.

Дорогой автомобиль может по сути ничем не отличаться от втрое более дешевого. Он демонстрирует значительность владельца. А когда на "роллс-ройсах" начинают ездить нефтяные шейхи и негры-миллионеры, то люди "приличные" хотят от них отличаться, и пересаживаются на "мерседесы". А когда каждый середнячок на последние деньги старается купить ветран-развалину "мерс", то богатые садятся в БМВ или джип-"Чероки". Отличаться!

Вещь – знак владельца. Лейбл от Живанши определяет цену галстука, а галстук – цену владельца. Дача в Жуковке – не то, что дача в Малаховке, и при равном качестве – цены на них здорово разные.

Из анекдотов о "нюн рашенз": "Видал галстучек? Триста баксов! – Дурак. За углом точно такие – по семьсот".

Человеку несносно, печально, унизительно сознавать себя "хуже других". А чем цивилизованные люди обычно меж собой меряются? Барахлом. Вот и лезет человек из кожи, чтоб доказать себе и прочим, что он тоже не лыком шит. Кряхтит, болеет, "аж пишшит – а лезет!".

Мода. Как философски произнес мой друг в восьмом классе, убив неделю на оснащение самодельных джинсов коробкой заклепок, "Не можешь выделиться умом – так выделиться хоть одеждой...".

Это способ древнейший. Мода на черепичные крыши, или определенное предместье, или "Мерседес-600", или книгу, или спектакль, или теннис, или пистолет "Глок". "Мода" означает: сегодня люди значительные, разбирающиеся, высокопоставленные, со средствами – предпочитают иметь вот это и делать вот так. Если ты следуешь моде – ты тоже, значит, более-менее такой. А не следуешь – козел: или денег нет, или ума, или вкуса, или приехал из какой-то непрестижной глуши. Но поскольку ум бывает редко, и вкус не чаще, и деньги нажать нелегко, то следование моде отчасти это все заменяет. Фамилию Бердяева знает, фильм Спилберга смотрел, живет на Поварской и ездит на "Порше". Ну во всех же отношениях достойный человек, вот и все примерно так должны жить. Если он даже по уши в долгах – не так важно, все равно же сразу видно, что с ним все в порядке, ему себя стесняться не приходится, и возбуждает он зависть.

А прежде всего под словом "мода" подразумевается мода на одежду. Прочее – более громоздко, требует больше труда, денег, времени, может быть необязательным, прочее можно как-то скрывать. А в одежде ходит каждый, и сменить ее недолго, и видно тебя сразу. Вот где разгул! Меняем почаще, переодеваемся трижды в день, вопросы удобства и практичности – на хрен, когда-то английские шерстяные вещи носились треть века – кому надо упирается теперь

в борьбе за такое качество, все равно через год это будет немодно! Хотя понятно, что платье от Шанель на коктейле – точно то же самое, что стеклянные бусы на туземке у тыквы с хмельной бузой.

Пример самый смешной и яркий – солдатская мода. Все в армии одеты одинаково, строго по уставу, как тут утвердить себя значительнее других? Ан нет, солдат тоже человек, и ничто человеческое ему не чуждо. Сапоги: голенище подрежем покороче и приспустим в гармошку, каблук набьем повыше и обточим на клин. Штаны ушьем в обтяжку, завязки на щиколотках отпорем и заменим резиновой штрипкой. Мундирчик тоже обузим и укоротим так, чтоб ниже ремня торчал ровно на десять сантиметров. Вместо белого подворотничка подошьем красный, а по краю выпустим наружу кантом белый полихлорвиниловый провод. Под значки – красные пластмассовые подкладочки. Под погоны – закругленные жесткие прокладки, чтоб твердый был погон и выгнутый. Пилоточку возьмем на размер поменьше и загладим так, чтоб уголки торчали. Ремешок ни в коем случае не зеленый, а коричневый, под кожу, и пряжку белую выкинем, достанем латунную, выгнем ее, уголки подточим на закругление. О! Это – уважаемый солдат, блюдет себя, не салага.

Штатский человек такого модника от бедного-несчастливого солдата и отличить не сумеет. А для солдата в тех отличиях огромное значение! Он о них заботится, переживает, на масло и сахар из своего скудного пайка выменивает, в редкие свои свободные минуты шьет, точит, режет, совершенства добивается. И если рьяный командир прикажет все это убрать – сопротивляться будет, в наряд пойдет, на губе отсидит. Для солдата это – горе и унижение.

А светская дама дико переживает унижение, когда на балу все в бриллиантах, а у нее нету. А ее муж, который тоже этим фактом унижен, хапнет взятку, или влезет вверх по службе, или грабанет банк, чтоб его баба была не хуже других. Майн Готт...

Иерархия. Была всегда у животных и людей. И если кому кажется, что можно все-таки людям создать условия полного равенства, и чтоб ну низачем же никакая иерархия была не нужна, ну исключить же – условия чистого опыта! – ну все же к ней предпосылки, и тогда ее не будет, – тот пусть кушает больше фосфора для улучшения деятельности своего мозга.

Жизнь в советских (российских) тюрьмах (лагерях) – это ад крошечный. Еды хватает, помещения теплые, постельное белье чистое, условия для всех одни и те же (берем идеальный вариант содержания). Все равны, все зеки. Что они должны делать? Облегчать себе жизнь. Кто их друг? Свой брат зек. Кто их враг? Гражданин начальничек, вертухай, волк позорный. Да? Вот вам дышло, чтоб голова не болталась.

В тихий ужас и громкий кошмар превращают свою жизнь сами зеки. Они себе придумывают такие законы общежития, такие условности поведения, строят такую изоциренную и жестокую иерархию, что главная тяжесть, и труд, и муки отбытия срока заключения – не условия жизни и работы, а звериные отношения между самими зеками. Все за решеткой, все за колючей проволокой, все братья по несчастью, так помогай друг другу. Ага... Побои, поножовщина, немыслимые надругательства, дикие условности поведения, сложная система подчинения, всего не перечесать. Почему?!

Это для непосвященного и на первый взгляд зеки равны. А вот я – ношу не синюю робу, а черную, причем новую. И сплю на шконке в углу у окна, а не у двери, и не на втором ярусе, а внизу. И любовничек у меня молоденький, симпатичный, моя "машка". И если кто получает посылку с едой – мне дают из нее то лучшее, что я захочу. А кто мне не нравится, или сделал что не по мне – мигну, и мои шестерки его избыют до полусмерти, или вообще макнут. А работают за меня мужики. И не потому, что мне трудно, а потому что запахло. Я – пахан, я вор, и татуировки мои об этом говорят. Надо мной – только главвор зоны. А подо мной – авторитеты и шестерки. А под ними – мужики. А под ними – полемойки, мужику мыть пол или тем более сортир запахло. А между мужиками и полемойками – придурки, они устроились неплохо, по кухням и библиотекам, на общие работы не ходят, и хотя они могут быть нужны и полезны, но

в табели о рангах стоят ниже, уважения им меньше, койки их – на местах похуже. А ниже всех – петухи, опущенные, насильно сделанные пассивными педами, у них вообще нет прав, с ними нельзя общаться, нельзя прикасаться – хотя можно трахать или, сидя в карцере, принимать передачу из их рук, такой контакт "не считается". А при другом контакте ты сам окажешься "зачушен", сам стал опущенным. Красный цвет – нельзя. Поднимать что бы то ни было с земли – нельзя, даже упавшую шапку зимой, иначе ты опустился. И т. д., и т. п., и др., и пр.

Ох да не просто быть паханом. Надо быть храбрым, сильным, жестоким, хитрым, невзирая абсолютно ни на что сдерживать свое слово – любое! – и постоянно оберегать свое место, показывая себя достойным занимать его.

А если – без паханов, без рецидивистов, без воров – собрать в одной зоне только юнцов по первой ходке, со случайными, не тяжкими преступлениями, нарушениями скорее, не знающих даже мерзких этих законов? Пробовали! И получалось то же самое, только еще хуже. Уголовные авторитеты хоть какой-то закон блюдут, а у таких юнцов – мама родная, полный беспредел. Почему?!

Потому что собирают вместе молодых, здоровых, энергичных мужчин. И практически лишают их любых прав. Приказ начальника – последний закон, последняя инстанция, у него есть средства сделать с тобой что угодно. Ты – бесправен, беспомощен, беззащитен, такой же, как все прочие. Тварь, дерьмо, лагерная пыль. Так нет же, суки!!! Я не дерьмо! Я не могу изменить вас, не могу бежать, не могу переделать зону – но я могу показать себе и всем, кому могу, что я – человек, и много что могу! От меня много зависит, и многие от меня зависят, так-то! И жизнь моя довольно полна, будьте спокойны, есть чего избегать, и бояться, и чего хотеть, и чего добиваться.

Вот потому и дедовщина в советской (русской) армии, что жизнь солдата от жизни зека практически не отличается. Тот же забор, та же казарма, та же скудная жратва в той же общей столовой, та же бессмысленность деятельности. Боевой учебой солдат занят? Ага: стрелок стреляет два раза за два года службы. В караул ходит, территорию метет, картошку чистит, технику моет и смазывает. В "увольнение" его пускают в несколько недель раз на пару часов. Бессмысленно и по-идиотски лишаем солдат нормального человеческого досуга, удовольствий, и никому не нужно от него никаких способностей, талантов, личных качеств: выполняй приказ, скотина, и молчи.

И отыгрывается солдат на своем братке. Я салага – драю сортир зубной щеткой, стираю тебе хэбэ, хожу за тебя на кухню, не смею курить в твоём присутствии, и получаю по морде для твоего развлечения. А послужу по л год а, и год, и полтора – ох уж ближе к дембелю, который неизбежен, отыграюсь на салагах! Я дедушка – вот теперь я человек! Все могу, ничем себя не утруждаю, над всеми молодыми властен, захочу – вообще припашу так, что повесится.

Нужно это для боеспособности армии? Нет. Могут это исправить командиры? Нет, никогда не получалось. Виден в этом хоть какой-то смысл? Нет. Кроме одного – для человека несносно такое положение, когда он сознает себя незначительным. Оно противоречит инстинкту жизни – быть таким, чтоб от тебя зависело как можно больше. Не на уровне лозунга "почетный долг – защита родины", а на простом человеческом уровне, житейском.

И главные усилия, главное напряжение направлено на то, чтобы самоутвердиться. Головой подтвердит каждый, кто служил или сидел.

Денежный эквивалент. Деньги означают: могу все. Купить все сверхмодное, построить дворец, уничтожить любого – купив прессу, суд, наняв киллеров, собрать шедевры искусства, влиять на политику государства и пр. Красавиц – куплю, армию – вооружу и направлю воевать с кем мне захотелось, найму умников писать мне речи и стану президентом.

Тут уже можно ходить в рванье, ездить на велосипеде и отказываться от любых почетных должностей. Да все равно ты главнее всех, больше всех можешь, и все это знают. Ты уже не нуждаешься во внешней, условной атрибутике своей значительности. Наоборот, отказ от нее

– высшая форма самоутверждения: у тебя суперкостюм, супермашина и громкий титул – а я и без этого всего щелкну пальцами, и ты поскачешь на цырлах, вот какой я главный. Или притворюсь бедняком, а сам буду ловить кайф от сознания, что вот ты передо мной пыжишься – а стоит мне мигнуть, и ботинки мне оближешь.

И в поте лица своего, пердячим паром, треща хребтом, зарабатывает человек деньги – больше! быстрее! выше! которые не нужны ему для житья и покоя, а только чтоб быть значительным среди себе подобных.

Слава. Богатых много, а знаменитых мало. Еще древние греки ставили славу выше богатства. Слава означает: а вот я всем прочим не чета, я выше. Богатого уважают только те, кто с ним сталкивается, а вот я – через свою славу – сталкиваюсь вообще со всеми, меня все знают и уважают. Вот каков я, вы так не можете.

Ну, уважают – если за тобой подвиг, изобретение, открытие, если ты в каком-то стоящем деле первый. Но есть и дурная, глупая слава – скандал, непристойность, преступление наконец. Ведь и к ней многие стремятся – причем часто люди неглупые и неплохие. Пусть не уважают, и смеются, и плюются, – но знают! Я выделился, я не такой, как все – и значит, опять же, не вам чета.

Боги, боги мои... Ведь даже Будда, стремясь к полному уходу от жизни – проповедовал, вступал в диспуты, собирал учеников. Зачем?.. Что ему эта суэта земная? прах, тлен. А – действовал, стремился к победе мнения своего. Даже он самоутверждался.

На этом построен шоу-бизнес. Все средства раскрутки, реклама, скандалы – дать максимум известности, вызвать максимум внимания и интереса! И тогда будут смотреть, слушать, покупать – хотя бы из любопытства: шо це таке есть. А-а!! – вы на меня смотрите и платите за это деньги? – вот какой я значительный. Если я глупый – я сам верю в свою дутую значительность, сделанную рекламой. Если умный – могу над вами, идиотами, смеяться. А все равно я значительный, и этого хочу, и это мне хорошо.

Художник. Когда-то Уайлдер (примечание для тупых – писатель, а не культурист) задался вопросом: зачем добиваться немислимого совершенства в шедевре, если критик и публика все равно уже будут убеждены в совершенстве того, что уже и так достигнуто? И вздыхал: видно, публика, способная оценить наши истинные вершины, живет не в этом мире...

И очень просто. Да, совершенство не имеет пределов. А истинное творчество дает художнику максимальное напряжение нервов. И он стремится к максимальному напряжению. Почти всегда кажется, что можно еще капельку лучше. Никому это не надо, кроме него самого. Но именно потому, что он стремится к недостижимому идеалу, он доходит до вершин, явных другим. А то, что выше этой вершины, уже явно только ему. Условно искусство, чего там. И только он один полностью понимает и ощущает свою систему условностей, это ведь субъективно, иначе и быть не может. Глаза горят, руки трясутся: муки и восторг, и знают, как надо, только его душа и Господь Бог. И если смог, добился того, чего хотел, что ощущает истинным, верным, нужным, – о: выше нет удовлетворения.

Пусть люди не признают его шедевр, не заметят, осмеют – сам-то он все равно знает ему цену. И не променяет вот это счастье создания своего шедевра и его ценность – ни на какие блага в мире. Дворцов много на свете, а шедевр его – один, никто больше такого не делал.

Это – самореализация. Но есть еще самоутверждение: больно художнику, что не признают его гениальный шедевр, не воздают славу, не осыпают деньгами. И начинает он делать себе рекламу, лепить имидж, строить интриги, добиваться наград – а прежде всего славы хочет, признания. И если слабоват духом – портит свои произведения в угоду критике и толпе, хуже

работает – но так, чтоб им понравиться. Терзает его чужая слава. Гениальным поэтом был Петрарка – так не было же в Италии такого гнусного мелкого тирана, который насильничал фрейлин жены и развешивал под настроение приближенных за ноги меж зубцов своего замка, кому не польстил бы Петрарка одой, сонетом, строкой. И что? В результате был единственным поэтом в Италии, кого почтили в его эпоху лавровым венцом и при жизни причислили к сонму великих.

Мало ему создать шедевры – ему еще надо, чтоб все это знали.

Не относитесь свысока к курице, которая квохчет над снесенным яйцом.

Зависть. Есть два способа быть значительным. Позитивный – стать значительнее всех. Превзойти того, с кем себя сравниваешь. Этот позыв называется иногда белой завистью. Мол, никому ничего плохого не хочу, хочу только, чтоб мне было лучше. То, что есть у тебя, заставляет меня желать себе того же.

Негативный аспект – желать, чтоб все стали менее значительны по сравнению с тобой. Всех – понизить, опустить, и быть их лучше, богаче, удачливее. Это зависть черная, она же самая обычная; вульгарная, так сказать. А уж самая черная: у меня есть много, а у тебя мало, так вот пусть у тебя и этого не будет. Есть такое.

Стремясь в жизни быть значительнее и меря себя относительно других – ну, может ли человек быть вовсе лишен зависти? Оба ее вида естественны и неотъемлемо человеку присущи.

Белая зависть – та же соревновательность. Обычная, черная, – та же борьба с соперником любыми средствами. Он тебе не соперник? Всегда соперник на поприще значительности в жизни! Самим тем, что он значительнее меня, он умаляет мою значительность!

И ох на какие поступки толкает зависть. Сколько хлопот доставляет самому завистнику. Ломает судьбы, возводит дворцы и рушит царства.

Кто не завистлив? Тот, кто в чем-то полагает себя все равно значительнее всех, и в этом "чем-то" не видит близких конкурентов. Я все равно самый сильный, или самый богатый, или самый гениальный. А на прочее мне, в сущности, плевать, я самоутверждаюсь вот в этом. Либо тот, кто очень вял и на все согласен, плывет себе по течению, тихо булькая.

Спортивные болельщики. А вот я вял и булькаю тихо, зато моя футбольная команда сильнее твоей! Или мой певец поет громче! Или моя родина богаче! А тебе-то, дураку и ничтожеству, что с того? А то, что хоть сам я – дурак и ничтожество – но хоть вот это (команда, певец, армия, территория) у меня лучше твоего, главнее, значительнее, и через то – я сам тоже лучше тебя!

Да какие ж они твои? Ты-то тут при чем? – А как же! Я за них болею, хожу на стадион (зал, выборы), аплодирую, читаю газеты, плачу за билеты (налоги), они меня хоть не знают, но нас всех любят, благодарят, мы их поддерживаем... да я за них жизнь отдам!

Во-первых, человек ощущает себя членом группы, стаи, коллектива, частью сильного и большого целого. И через то ощущает себя гораздо более значительным. Невелика крыса, а если их толпа – беги с дороги.

Во-вторых, его потребность в значительности – просто перенесена на внешний объект. Вот такая условная форма. Он плачет, когда проиграл кумир, и буйствует от радости, если кумир победил.

А как орут! Как спорят! Как дерутся! Аж убивают иногда. Знай наших, гад.

Азартные игры, пари, хобби и многое другое при самом ближайшем рассмотрении есть то же самоутверждение. Но чтоб не впасть в излишне многословное занудство, взглянем еще только на два явления:

Дуэль. Что такое унижение, оскорбление? А это когда человеку в той или иной форме заявляют: "Ты незначителен. Я главнее тебя. Мое слово, мнение, желание – главнее твоего, и ты должен подчиниться, заткнуться, будет не так, как хочешь ты, а так, как хочу я".

Унижение может быть в разных плоскостях. Назвали дураком – умственно несостоятелен. Назвали сволочью – морально несостоятелен. Слабак – несостоятелен физически или характером. Бестолочь – профессионально несостоятелен. Что такое публичная пощечина? Это заявление: по своим моральным качествам ты ниже меня, и ниже вообще всех достойных людей, я тебя не уважаю, и вообще тебя уважать нельзя, а я тебя не боюсь, мне есть за что себя уважать, и я отношусь к тебе с презрением и превосходством, потому что я человек, а ты нет, ты мразь.

Оскорбленный переживает это необыкновенно болезненно. Не в том дело, что он подлец, он сам это отлично знает. А в том, что он равен по значению вот таким-то достойным людям, и сам такой же достойный, значительный среди людей. И вдруг ему говорят: плевать на твое богатство, чины и заслуги – вследствие вот такого-то своего поступка ты теперь незначительный, недостойный, все не признают тебя за равного, ты последний, презираемый, пошел вон, тебе здесь не место. Вот что означает пощечина.

Оскорбленный ущемлен в главном – в своем самоутверждении. Причина, аспект обвинения – дело десятое. Как он может теперь утвердиться? Поединок с оружием в руках! Еще посмотрим, кто из нас значительнее – храбрее, сильнее, ловчее. И общественная мораль всегда признавала это!! Вышел драться – уже достоин, струсил – дерьмо. Храбрость и сила все покроят.

Не в том дело, что я подлец, не в том, что все это знают, а в том, что ты посмел мне это сказать.

Бред, да? Обвиняют в одном, а оправдывают за другое. Почему? А это "другое" в деле самоутверждения самое главное. Что у тюленей на гальке перед самками, что у мушкетеров в королевском дворце.

Известная каждому ситуация: вас неожиданно и болезненно обхамил, оскорбил начальник или просто прохожий бандюга. И по морде не дашь – или уволят навсегда, или изуродуют. И ответа подходящего в волнении не найти. И ничего не докажешь, сам же еще пострадаешь безвинно. Мог бы безнаказанно – уб-бил бы г-гада. Просто пристрелил? Нет, неинтересно, мало просто лишить его жизни – надо, чтоб он перед смертью знал, кто его убил и за что. Он покусился на святая святых – вашу значительность. Самоутвердился через унижение вас. Так пусть знает, кто значительнее!

Вот абхазу или корсиканцу обычай позволяет застрелить обидчика в спину из засады. Неблагородно, трусливо, не так значительно. Но все остальные все равно узнают, что убил, поступил по-мужски. А родня убитого, в свою очередь, начнет охоту на тебя, и ты это знаешь, на этот риск идешь. И так, пока весь род не искоренят, не успокоятся. Такой подход даже круче поединка.

Кодексы чести и формы достоинства могут быть разными. Но самое главное в них едино: не смей меня задевать, а то уничтожу. А если не уничтожишь – ты незначителен.

Самопожертвование. Когда плененный, обреченный на казнь викинг хотел продемонстрировать свое мужество и презрение к врагам, он просил сделать ему "кровавого орла". Эта самая жестокая из казней производилась только добровольно, и в ней нельзя было отказывать: разрубались и раздвигались ребра на спине и у еще живого вырывались легкие вместе с сердцем.

Что ж, военное счастье ему изменило: судьба. Но он храбр, достоин, и самой своей смертью заставит даже врагов уважать себя.

Здесь – все равно помирать. А вот самурай, следуя бусидо, кодексу чести профессионального японского воина, взрежет себе живот из чести, если честь повелевает умереть. Жить может любой, это удел черни, трусливых обывателей, а вот умение жертвовать жизнью своим ценностям, правилам, достоинству – это удел лучших, самых уважаемых. А струсишь, не сделаешь хакари – сгинь с глаз, презираемый всеми.

И всегда самурай бесчестию предпочитал смерть. Умереть – но быть достойным и уважаемым.

Не столь жесткий, но кодекс чести был в разные времена у разных народов – и только у высших классов. А высший класс всегда происходил из воинов. И бесчестием, если нет способа восстановить честь, всегда полагалось предпочесть смерть. Честь покойника как бы частично восстанавливалась.

Это что? Это человек демонстрировал (иногда – лишь себе одному!): я храбрый, у меня есть достоинства и ценности, и если я сам и другие не могут уважать меня иначе – ладно, я умру, и это самое достойное, самое значительное, самое уважаемое, что я могу сделать. Жертвуя жизнью, я показываю: я человек, а не тварь.

Это не каждому по плечу, ребята. И заметим: честь – это так или иначе, более или менее, но – понятие условное. И без нее жить можно. И не лежало бы в основе ее нечто внутренне присущее человеку – не появилась бы она.

Если человек жертвует жизнью ради детей, семьи, племени – это понятно: биология, выживание рода и вида, у животных то же самое. Ради родины – ну ладно, расширенное понимание того же самого. Ради друзей – это уже вовсе редко, это прославляется, это благородство... а благородство, опять же, есть одна из высших форм достоинства, уважения, значительности, да и с честью это понятие сопрягается, черт возьми. А ради религии? Ладно, пусть интерес простой и шкурный: вечную душу спасти. Ну, а ради научной истины? Святая Дева, какое дело Джордано Бруно до этой астрономии, на костер-то идти зачем?!

Томас Карлейль был человек не вовсе глупый, он как-то сформулировал: "Высшее счастье есть самопожертвование". Человеку что-то настолько дорого, настолько ценно, настолько важно, источник для него таких мыслей и чувств, такого самосознания, что он утверждает это максимальным способом, каким только вообще возможно: добровольно расстается с жизнью.

И никто с ним ничего сделать не может! Его пытаются – он терпит. Его жгут – он не отрывается. Не сломлен. Дух его победил.

И что – станет кому-нибудь лучше жить из-за того, что Земля вертится вокруг Солнца, а не наоборот? А дети твоих друзей вырастут лучшими людьми, чем выросли бы твои? А Господу Единому и Всеблагому не все равно, двумя или тремя пальцами ты совершаешь некое движение?

Итак. Некоторые абстрактные вещи могут быть человеку дороже жизни. Практической пользы ему от них никакой. Но могут они служить предметом возбуждения чувств такой силы, что эти чувства пересиливают собственно инстинкт жизни, и утверждаясь через эти понятия, человек может совершить субъективно максимальный поступок из всех возможных – пойти на смерть. Ух он выше своих экзекуторов! Ух народ головами качает: оценивает...

Это ж надо иметь разум, чтоб до такого додуматься. Только человек и может. И нервную систему, чтоб такие чувства испытывать.

Субъективно-то, а, тот суперавантюрист, который завоевал и уничтожил целое государство, совершил меньший поступок, чем тот, кто за свою истину сам взойшел на костер.

* * *

Реализуя самую глубинную, первичную данность – инстинкт жизни,
– удовлетворяя потребность испытывать ощущения, много, сильных, разных,
– человек в результате совершает поступки,
– причем не обязательно необходимые для поддержания собственно своей жизни, но часто вроде и глупые, бесцельные, необязательные,
– но дающие необходимые сильные ощущения,

– и связь этих поступков с необходимыми ощущениями – желаемыми, требуемыми мозгом, такова, что в результате

– человек делает в жизни самое большое, на что он способен.

Надо сказать, что, опять же, люди в общем всегда знали, что человек должен делать в жизни самое большое, на что он способен.

Что и делали. Обычно не вдаваясь в философские хитросплетения.

Они придумывали себе цели, и придумывали теории, чтобы объяснить это какими-то внешними причинами. Ради славы, ради прогресса, ради справедливости, ради будущего, ради счастья всего человечества... да цель, в конце концов, может быть объявлена любая.

Но суть-то заключается в самом человеке. В его устройстве и его потребностях.

Отсюда жутко примитивное, отвратно вульгаризованное американское "зарабатывать как можно больше денег".

Отсюда наполеоновское "в каждом солдатском ранце лежит маршальский жезл".

Отсюда бесконечная гонка за бессмысленными спортивными рекордами.

Бесконечное производство и потребление новых глупых престижных вещей.

Изнурительная жажда славы.

И жажда власти.

И притягательность трудности затеи для энергичного и храброго.

Такова генеральная линия.

И поэтому человечество ценит и помнит крупные поступки, большие свершения. И замучитесь вы забывать простягу-Герострата. И крупность поступка является в глазах человечества достойной внимания, памяти, уважения, ценностью сама по себе. И злодей, но велик.

Какой смысл истощать государство на постройку пирамиды Хеопса? Сколько сил, средств, жизнью пожертвовано! А впечатляет, да?

Какой смысл в давно канувшей, на миг возникшей гигантской империи Александра Македонского? Сидел бы дома, был царем, не пил грязную воду, прожил сто лет. А сколько славы!

Ну если же вякнет сейчас какой-нибудь долбоклой о морали и "русской философской мысли" начала XX века – ну дам же балде по башке при первой встрече. Ничего не понимаешь – ну брось, не читай, работай на компьютере, торгуй тампаксом. Мы не о морали, мы об истине. Про мораль будет отдельная глава в следующем томе.

Конечно, для действий нужны и какие-то объективные условия. Внешняя ситуация. Не было бы Великой Французской революции – стал бы Наполеон, допустим, генералом на русской службе. Максимум маршалом. Но уж не больше.

Мог бы стать человек королем великим и славным, если б не родился простолюдином в устойчивом сословном государстве в спокойное время – ни выслужиться, ни переворот устроить.

Мог бы стать мальчик великим ученым, если б у родителей хватило денег дать ему образование.

Ан вовсе не пропадет. Уж хватит человеку делать и то самое большое, что условия позволяют. Потому что создан человек "с запасом". Тот самый запас, что позволил дикарю создать цивилизацию – заставляет его и сейчас переделывать мир: жалуется, ругается, кряхтит, недоумевает – а горбатится. Хреновый солдат Рабинович, а вот видите, товарищи, старается.

* * *

Вопросы для повторения и усвоения материала:

Что заставляет человека стремиться к эскейпизму?

Господство чувств.

Что заставляет человека презирать эскейпизм и предпочитать самоутверждаться через поступки и действия?

Господство чувств – плюс (!) наличие сознания, разума.

Кто, торжествуя, вопит: "Знание – сила!"?

Роджер Бэкон.

Что есть жизнь человека (внутренне)?

Комплекс ощущений.

А еще?

Мысли всякие.

Что есть жизнь человека (внешне)?

Поступки, действия. Результат чувств и мыслей.

Может быть у человека одно без другого?

Ну, в общем и целом нет.

Рота, вольно. Разойдись. Можно расстегнуть воротнички, оправиться и закурить.

7. Энергетический уровень

ЧТО ТАКОЕ ДЕЙСТВИЕ? И что такое поступок? Решить арифметический пример – тоже действие. Сказать гадость ближнему – тоже поступок. Что мы обычно понимаем под этими словами, каково их содержание?

Действия умственные, интеллектуальные, эстетические мы пока оставим в стороне – они сложны и многообразны. Сначала возьмем то, что проще и понятнее.

Первобытный человек кинул камень, убил птицу и съел. В чем действие?

Сначала – момент чувственный: ощутил голод, надо его утолить. Затем – умственный: увидел птицу, присмотрел подходящий камень, прикинул его вес, оценил расстояние, соразмерил силу броска. Хоп! – начался собственно поступок:

Первое. Совершена механическая работа: камень перемещен в пространстве.

Второе. Птица в своей жизни больше никакой механической работы не произведет – кончилась ее жизнь: летать не будет, зерен клевать не будет, пометом капать не будет.

Итак, окружающий мир претерпел чисто механическое изменение: камень лежит в другом месте, птица не летает.

Дальше:

Третье. Биологическая энергия птицы на сем пресеклась: не есть ей мошек, не выводить птенцов, не петь по утрам. Отчирикалась.

Четвертое. Химическая энергия тела птицы пошла на прокорм человека, приплюсовалась к химической энергии его тела: белки, жиры, минеральные вещества, калории.

Совершая это действие, человек затратил энергию на кидание камня, подбегание к птице и пережевывание ее мяса. А энергию птицы употребил как пищу, возместил ею свои энергетические затраты, и еще осталось энергии в зубах поковырять, брюхо почесать и дубину новую сделать.

При любом действии человек затрачивает энергию. До кабака дойти, рюмку ко рту поднести – и то затрата энергии. А уж весь день камни на стройке таскать – тут и говорить не приходится.

При любом действии энергия его организма превращается в какой-то другой вид энергии – хотя бы в механическую энергию его бегущего семидесятикилограммового тела или кинетическую энергию летящего камня. При любом действии в окружающем мире хоть что-то изменяется – хотя бы сам он оказывается в другом месте, или камень, или бутылка опустела: словом, картинка "мир после действия" хоть одним штришком отличается от предыдущей картинке "мир до действия".

ЧТО ТАКОЕ ЖИЗНЬ. Но даже если просто весь день лежать на диване – энергия все равно тратится. Не будешь есть-пить – умрешь от истощения. На что энергия-то идет? А на дыхательные движения грудной клетки, на сокращения сердца, гонящего кровь по сосудам, на поддержание постоянной температуры всего тела.

Что делает человек? Он эту затраченную энергию возмещает, вводит в себя новую. Откуда он ее берет? Из пищи, из воды, из воздуха, а также из солнечного света.

В этом человек ничем не отличается от любого животного – дышит, ест, пьет. И даже от растения, в общем, – оно тоже берет питание из почвы, воздуха, света.

Собственно, *жизнь* и есть потребление, переработка внутри себя и выделение энергии.

Растение берет энергию из воды, почвы, воздуха, света непосредственно. Через корни втягивает с водой растворенные в ней вещества почвы. Через листву втягивает с углекислым газом атмосферы углерод. И из этого строит свои стебли и листья, могучие стволы; плоды и семена появляются, разбрасываются, и вот уже огромное поле этими деревьями заросло, лес поднялся.

Травоядные поедают растения, и с ними вводят в организм ту же энергию почвенных веществ, солнечного света, воды и воздуха в концентрированном и, так сказать, рафинированном виде. Дышать, пить, греться на солнышке они и сами могут. А вот концентрат прочей энергии, получаемый с готовыми растениями, делает их куда более энергичными и значительными, чем растения. Вон как бегают, прыгают, бодаются, корни роют. Любое растение сожрать могут, даже дуб, даже баобаб – если росток еще небольшой; или хоть листву объесть, кору обглодать.

Желудок у них большой, устроен сложно, едят они много и переваривают долго. Не так просто лошади прокормиться травой – трава все-таки не очень питательна, а лошадь большая, тяжелая, сильная, ей надо много энергии, чтоб нести несколько центнеров своего веса, да с большой скоростью на большое расстояние.

А хищники едят травоядных (грызунов, земноводных) – мясо. В мясе энергии очень много – ведь его вещество прошло уже как бы две стадии обогащения: сначала из земли – в траву, потом из травы – в лошадь. Поэтому желудок у хищника небольшой, ему кусок мяса – как лошади мешок сена.

Это экономит хищнику массу сил и времени. Ему весь день пастись не надо, пообедал за пять минут – и на сутки свободен. Зато и жизнь его неизбежно покруче. Добычу выследить надо, догнать, схватить – да еще и одолеть, если кто здоровый тебе попался, а больше хавать нечего. Ладно бы зайчики, а если лось с его рожищами, копытами и силой? Или вступай в борьбу – или подыхай с голоду. Это тебе не траву щипать.

И вся история жизни на Земле – это история появления и развития живых существ, которые потребляли, перерабатывали и выделяли все больше энергии, все быстрее, все эффективнее. Можно сказать: *жизнь – это преобразование энергии биологическим путем*. Растение питается круглые сутки. Не движется. В общем беззащитно.

Травоядное жует значительную часть суток. Миролюбиво. Стремится избегать опасностей и риска, жить спокойно, дерется только с себе подобным за самку или охрану пастбища.

Хищник питается ничтожную часть времени. Но жизнь его труднее, сложнее, рисковее, много времени и основную часть сил занимает целенаправленная деятельность – охота.

Есть еще животные, называемые всеядными. Свинья, медведь, обезьяна. Отметим, что они из самых умных, гм. С обезьяной ясно, зубы и мозг свиньи очень похожи на человеческие,

туша освежеванного медведя до ужаса походит на, кх-м, здоровенного мужика. Они едят не только мясо, рыбу, яйца – но и плоды, ягоды, коренья. При этом предпочитают из растительной пищи наиболее калорийную и легко усваиваемую – бананы, картошку, грибы, желуди, мед. Что по питательности сравнимо с мясом.

И вот появляется венец природы – человек. По устройству своему, биологически, он – одно из земных животных: те же органы, та же система жизнедеятельности, а уж зародыш его и животных на ранних стадиях – близнецы просто. Чем же человек от зверя отличается?

Тут класс дружно поднимает руки, и отличница Машенька радостно отвечает за всех: "Он разумный!"

ЗАКАВЫКА С РАЗУМОМ. На самом деле насчет разумности человека не так все просто, а многое до сих пор было вообще непонятно.

В науке описано уже несколько сотен случаев "маугли" – когда младенцев подбирали или похищали дикие животные, выкармливали, воспитывали, а потом этих подросших детей люди находили и возвращали в человеческое общество.

Тут вот какая удивительная вещь. Если этим найденным детям было уже больше пяти-шести лет (а некоторым было и по десять, и по тринадцать) – полностью людьми они не становились уже никогда. Как ни бились, ни старались родители и воспитатели. Человек мог вырасти уже взрослым – и однако предпочитал передвигаться на четвереньках, есть с пола или хлебать прямо из миски. Старался избавиться от одежды, даже в холод, спать на полу. С трудом овладевал очень немногими словами. Вообще был социально абсолютно неадаптируем, непригоден. Строго говоря, это был уже не совсем человек. На всю жизнь в нем сохранялось очень много от животного, которое его вырастило и воспитало, среди каких он жил.

Давно известно – все основы закладываются в человеке воспитанием и всей жизнью до пяти лет. Ладно – детский мозг очень восприимчив, основы личности закладываются навсегда. Но главный сейчас для нас вопрос – куда же девается разум, данный ему? Способность к рефлексии, к абстрактному мышлению, к речи? Если эта способность врожденная – то она ведь не может вовсе исчезнуть?!

Вот мы говорим – способности передаются по наследству. Формулируем, что формирование личности есть наложение генотипа на фенотип, то есть врожденные данные плюс условия формирования. Но относится это к людям, нормальным образом выросшим в обществе. Пусть у одного были дорогие репетиторы, а другой рос в детском доме при тупых и злых воспитателях, и способности одного получили полное развитие, а у другого были загублены – но все равно их зачатки можно разглядеть, хоть чуток выявить, все равно вырастает так или иначе нормальный человек. И более того: в детдоме может вырасти умница, а в самой благополучной семье – дурак, и вот вам такое нередкое проявление именно врожденных способностей.

Но куда, куда деваются вообще все человеческие способности у воспитанника зверей? Его ведь уже одели, обули, учат всему, он живет среди людей – почему он не становится человеком, оставаясь по своему умственному развитию полу животным? (И по слабоумию обучение его вернее назвать дрессировкой...) Ведь мозг его, нервная система, остались те же, что у его абсолютно нормальных братьев и сестер?..

Сложный случай с этой разумностью. Смотрите. У младенца все задатки нормального разумного человека были. Он еще не был разумным человеком – младенец, так сказать, в смысле разумности еще не очень человек. Значит, любой младенец может стать человеком – а может и не стать. Все зависит от воспитания, от окружающей среды.

Если котенка выкормила собака среди своих щенков – выросшая кошка будет считать себя собакой – но только по отношению к своей семье. На прочих собак будет шипеть, а для любви найдет кота. И все равно будет мяукать, умывать мордочку и ловить мышей, а лаять не научится, хотя лай мамы и сестер будет понимать. Отчасти она будет их полагать вот такими кошками.

Животное пределы своего вида перейти не может ни в каких условиях. В том числе свой умственный предел. Что с детенышем обезьяны ни делай – человеком он не станет. Не говоря о волчонке. Только человек – может стать человеком, а может волком или обезьяной. То есть: может стать на очень низкой, животной, границе, а может подняться – не знаем до какой, продолжаем подниматься покуда (культура, понимаешь, и цивилизация). Тогда правильно, корректно, сказать так:

человек от природы наделен не разумом, а способностью к разуму.

Развитие этой способности в соответствующем направлении приводит к разуму. А нет развития соответствующего – так и не приводит. Но куда эта способность денется? Во что превратится? На что нужна? Откуда взялась? И что она, строго говоря, из себя представляет?

Вот появились первобытные люди. Не слишком-то разумны с нашей точки зрения. Ну, в начале-то – среди зверей живут, знаний не накопили, школ нет. Крайне были примитивные полу-животные. А мозг был тот же самый, что у нас! (Дельфин, свинья, медведь, обезьяна – не забудем: почти один к одному.) Руки те же самые! Ты этим мозгом траекторию к Марсу рассчитал, философские учения создал – а он лупит быка камнем по башке, и всего делов. А бык его поддел рогом – и с приветом Вася. Пошли лучше корешков накопаем, гусениц насобираем – покушаем. Какой тут разум?..

Так чем, черт возьми, уже самый-самый как бы первый, ничему еще не научившийся, первобытный человек отличался от всех прочих животных? Как определить, что выделить?

ОТЛИЧИЯ? Мнение первое: у человека была речь. Тьма возражений. Как именно звучала эта речь, насколько была богата, мы не знаем и знать не можем. У животных тоже есть речь. У дельфинов, волков и других – есть несколько десятков звуковых сигналов на все случаи жизни, обозначающих: внимание, опасность, на помощь, бегите, здесь пища, сейчас я тебе всыплю, берегись, пошел вон, следуй за мной, приходи любить меня и так далее. Чем не речь. А у воспитанника зверей и речь будет звериная. Откуда же взялась человеческая и почему, как, зачем, и насколько она от звериной отличалась поначалу? А? Это потом мы составили семнадцатитомные словари и собрали полмиллиона слов и выражений, а поначалу-то – чегой там было? Помыкивали себе, бедолаги, погаркивали. Устройство гортани позволяло говорить? Оно и маугли позволяет. И попугаю.

Мнение второе: человек стал пользоваться орудиями труда, и это сделало его человеком. Так знаете, даже птички пользуются орудиями труда. Дятел может взять в клюв колючку, веточку и ею выковыривать червячка из щели. Крыса может взять длинную палочку, окунать ее в бутылку со сметаной и облизывать, пока не слопает всю сметану. Орел может уронить черепаху на камни – а может и наоборот, взлететь с камнем и уронить его сверху на черепаху: разобьет и съест. А уж жилища себе зверушки строят! Не говоря про обезьян, которые не только могут камнями и палками сбивать плоды, но и ковырять гвоздиком замок (и откроет подчас!), а также научиться пользоваться ложкой и вилкой. Человеку подражают? Так и человек, подрастая, подражает другим, так всему и учится, тут отличия нет. И чем мужик с палкой лучше орангутанга с палкой, если оба сбивают ими кокосы с одной пальмы?

Особенно Энгельс впадал в исторический энтузиазм при мысли об обезьяне, взявшей в руку палку – и ставшей человеком. Возьми мою, попросил Уленшпигель.

Мнение третье: у человека так устроены руки, что могут выполнять много операций, причем сложных. Знаете, обезьяньи руки тоже хороши, тоже могли бы выполнять массу операций. Это лошади копытом телефонный номер набрать трудно, а обезьяньи руки уж вполне способны делать все те же орудия труда, которые делал первобытный человек.

Мнение четвертое: у человека была способность к организации, жизни и охоте командой, родом, коллективом – что позволяло успешнее защищаться от врагов, успешнее охотиться, лучше сохранять жизнь всех членов общества и размножаться. Ну и что? Разве волки не охотятся стаей, проявляя прекрасную организацию, смекалку и расчет? Разве львиный прайд плохо организован? Всегда будут кормить больного или слабого, вылизут, позаботятся, и охотятся тоже организованно, с засадами и загонщиками, распределяя роли по своим способностям, очень разумно и эффективно. Виверры, мангусты саванны, всегда выставляют дозорного, и регулярно сменяют его, пока кормятся или спят. Стадо коров при появлении волка строится в круг, выставляя рога во все стороны и охраняя телят посередине – поодиночке волк всех перережет, а перед таким оборонительным строем стая бессильна.

Нет: все перечисленные качества есть и у животных. И насколько "сознательно" они их применяют – для выживания значения не имеет. Главное – они это делают, умеют, применяют, и совершенно по назначению.

Мнение пятое: человек лучше умел приспосабливаться к условиям жизни и природы. – Ну уж. Песец приспособлен к тундре лучше эскимоса, теплая шкура греет его в любой мороз, в пургу может спать на снегу спокойно, довольствуется мизером пищи, искать ее и добывать умеет дивно, умерший с голоду песец в науке не описан. Верблюду жить в пустыне лучше, чем туарегу, он с нею в полной гармонии. Еще? Антилопа бежит быстрее. Лев сильнее и опаснее. Гиена проживет любой костью и падалью. Если вы говорите о приспособлении к природным изменениям – все животные гораздо древнее человека, и прекрасно себе живут и поныне, если их не истреблять и природу вокруг них не гадить. Миллионы лет назад они уже идеально приспособились, и поныне живут отлично, в ус не дуют.

Мнение шестое, отчасти противоположно предыдущему: у человека не было ни теплой шкуры, ни быстрых ног, ни острых когтей, физически он был приспособлен плохо, и в борьбе за жизнь научился всему, выжил и победил. – Прошу указать, с кем должен бороться папуас на острове Борнео. Да там зверя опаснее таракана не найти. И тепло, и сытно, рай земной, никто не угрожает, пища кругом растет в изобилии – лишь протяни руку за кокосом-бананом. Можно буквально никаких усилий не прикладывать, чтоб выжить. Вы скажете, что там не было "цивилизации". Во-первых: а на кой она им нужна? и так живут. Во-вторых: неправда, на известном уровне вполне есть. Есть и речь, и орудия труда, и социальная структура общества, племенной строй, и мифология своя есть, и моды, и украшения, и искусство. Все есть. Какой такой борьбой с природой это вызвано?

Так чем же наконец, черт возьми, человек отличается от любого животного? А ведь отличается чем-то, изначально отличался, раз так поднялся, всех покорила, такое на Земле наворотил. В чем же заключается сущность того "венца", которым природа увенчала человека, высшее свое творение?

ОТЛИЧИЕ! По чести и совести мы можем констатировать только одно отличие – некую дополнительную способность, дополнительную возможность, дополнительную функцию мозга.

Это способность к разуму. Лишь способность. Она может быть развита, а может угаснуть. Но от рождения дана.

И способность к адаптации в рамках и формах других животных видов и любых природных зон – в тундре, джунглях, пустыне, с волками, с обезьянами.

А что значит "дополнительная способность мозга"? Это значит – дополнительные очаги возбуждения, дополнительная активность центральной нервной системы.

И активность ее от природы большая, чем необходимо для простого биологического выживания особи и вида. Имеется как бы излишек, "демпферный мозговой капитал". Вот такой внешне неразличимый пустячок. И в результате:

– если жизнь – это потребление, преобразование и выделение энергии,

– если развитие жизни на Земле шло от простого к сложному, от меньшего – к большему, от менее эффективного – к более эффективному в плане преобразования энергии,
– от растений – к животным, от травоядных – к хищникам,
– то человек, посредством разума, потребляет, преобразует и выделяет энергию в максимальных количествах и эффективнейшим способом.

Во всех своих действиях человек руководствуется потребностью нервной системы в ощущениях. Чем более развита и мощна центральная нервная система, мозг, тем больше ее потребность в ощущениях. Тем она активнее. И активность ее, суммарное раздражение, больше, чем нужно просто для выживания. А отсюда – человек всегда совершал больше действий, чем было необходимо для простого выживания.

Человек *энергичнее* всех прочих животных. Именно и только этот излишек энергии отличает и выделяет его среди прочих, ставит выше всех.

Разум – это форма преобразования излишка биологической энергии человека.

С точки зрения развития жизни на Земле – *разум – это наиболее эффективная форма преобразования и выделения максимума энергии*. На уровне простейшего примера: съел кусок мяса, подумал, придумал колесо, приручил быка, запряг, перевез такую тяжесть на такое расстояние, что слону не под силу – вот какой небывалый дотоле в природе коэффициент полезного действия.

ИЗЛИШЕК ЭНЕРГИИ. Этот излишек накапливался всегда во всех живых организмах. Именно его наличие превратило (путем отбора, через мутации, масса теорий, но общая тенденция очевидна – от простых форм жизни к сложным) – траву в амебу, амебу в ящерицу, ящерицу в суслика, и так далее. Организм усложняется – его собственная энергия увеличивается – энергия окружающей среды через него преобразуется быстрее, больше. Иначе бы до сих пор шумел бы себе папоротник на Земле, и дело с концом – чем плохо.

В каких условиях мутируют животные, совершая крохотные движения вверх по лестнице сложности и высокоразвитости, мы в точности и деталях не знаем. Есть научные объяснения, подкрепленные косвенными фактами. Для нас же сейчас важнейшим фактом является тот, что в любом нормальном состоянии – обычном, дежурном, постоянном, доступном наблюдению и исследованию – животное наделено именно таким количеством энергии, которое необходимо для его жизни и продолжения рода в неизменном виде. Между наличием и расходом – баланс при неизменном результате. Сальдо по нулям.

Человек в этом ряду составляет исключение.

Вот чисто биоэнергетический аспект: посади петуха в темную клетку – или напротив, под постоянный электрический свет – его биологические часы останутся довольно стойкими. Он будет орать в положенное время, положенное количество раз в сутки. И пищи будет потреблять столько же, как в нормальных условиях. Этот механизм разладится у него не скоро, а может вообще не разладиться. Перевези его на самолете в другое полушарие – он еще долго-долго станет кукарекать в Сан-Франциско московское время. Очень патриотичная птица.

И у всех животных биологические часы отлично отрегулированы. Их можно сбить более частой (или редкой) сменой света-тьмы и температуры, и тогда они начинают подстраиваться под изменившиеся сутки. Чаше едят, чаще несут яйца, и гораздо быстрее подышают – израсходовались. А если вообще лишить их всех внешних примет смен суточного цикла – процессы в организме текут с нормальной периодичностью, их внутренние, субъективные сутки остаются весьма точны и устойчивы, неизменны.

А теперь поселите человека в глубокую пещеру и отберите часы. Никакой связи с внешним миром. Запас еды-питья, предметы для работы и хобби, лампочку от аккумулятора сам включай когда хочешь. Спелеологи ставили такие опыты, и неделями жили, и по несколько месяцев.

И очень быстро сутки человека начинают удлиняться. В них оказывается не двадцать четыре часа, а тридцать и даже тридцать шесть. У разных людей по-разному. И этот цикл все остальное время пребывания в пещере довольно четко выдерживается "сам собой", при том что человек старается, по своим ощущениям, по своему чувству времени, установить себе "нормальные" сутки.

Дольше спит. Дольше бодрствует. Дольше работает. И реже ест. Э? Ест и пьет меньше, получается, раз реже, а спит и бодрствует на круг столько же, но более длительными периодами.

И – всегда так, никогда не наоборот, что примечательно.

Что бы это значило?

Похоже, получается, что активности человека – при равном потреблении энергии (еда) – хватает больше, чем на сутки. Запасец остается. На земле-то суточный цикл – двадцать четыре часа, день-ночь – сутки прочь, каждому делу – свое время, потехе час, надо как-то подстраиваться, приспособливаться. А убери этот регулятор – э, мы можем дольше, больше.

Могут возразить, что в пещере торопиться некуда. Верно. А кто нас наверху заставляет торопиться? Люди ведь сами себе все свои дела устроили и организовали.

Понятно ли? Суточный запас энергии бодрствующего человека больше, чем ему необходимо. Свой тридцатидвухчасовой запас деятельности он втискивает в двадцать четыре – живет быстрее, плотнее, чем требуется ему по биологическим часам. Еще что-то делал бы – уже ложится спать. Еще спал бы – встает, бежит по делам. Еще можно не есть – уже голоден, вроде, хакает.

Получается, что время, которое мы ощущаем при помощи внешних примет – смены дня-ночи, не говоря о часах на руке, – отличается от нашего ощущения времени, когда на человека "ничто не давит". Тут не шутка – весь суточный биоцикл оказывается длиннее.

Тут, конечно, много всяких привходящих нюансов насчет солнечной радиации и тому подобное, но общий вывод из этого опыта однозначен и ясен: мы живем с, грубо говоря, тридцатипроцентным избытком энергии, прежде всего нервной, по сравнению с тем, что требуется собственно нашему организму. У нас остается запас сил. Прежде всего это – запас потребности мозга в ощущениях.

Могут возразить, что в пещере меньше ощущений, внешних раздражителей. Помилуйте, а для человека научного, творческого труда, ведущего затворнический образ жизни – все то же самое. Какая разница, где комната с письменным столом и приборами.

И получается, что двадцати четырех часов в сутки нам не хватает на все, что хотелось. Часть потребностей мозга в активной, бодрствовательной деятельности остается неудовлетворенной, нереализованной. И так – всю жизнь.

А вы удивляетесь, что дети вечером не хотят идти спать.

Ну, можно лишь строить догадки, как пошло бы развитие человечества в подземных пещерах. По всему судя – всяко медленней, чем наверху. Такой опыт вряд ли будет поставлен. А показательность уже поставленных – вот она. Мы энергичнее, "чем надо".

А один из уровней, аспектов энергичности – электропотенциал клеток мозга и всего организма. Моменты химических процессов в нервной системе и всем организме. А это может ощущаться другими живыми существами на близком расстоянии. Иногда говорят об "энергетическом биокаркасе" человека: и в книжках его рисуют, неконтактным массажем лечат, умельцы-экстрасенсы "ауру" каждого человека видят.

Так вот. Аура человека – круче, чем у любого животного. Сильнее, жестче. Значительнее. А животные эти вещи определяют, чувствуют, гораздо лучше и тоньше человека. У них с разумом плоховато, зато с интуицией все в порядке. Сознания нет, зато подсознание развито хорошо. Это человек все больше на разум полагается, а они-то только на чувства. И вот поэтому даже безоружного человека самые опасные хищники предпочитают не трогать, обходить стороной. И даже маленьких детей лучше не трогать. Крутоватые существа, ну их на фиг.

А иногда можно взять на воспитание – по биокаркасу судя, хороший щенок бесхозным пропадает, сильный, живучий, могучим волком может вырасти, такие нам нужны, они должны жить. На паршивенького-то никто не польстится, тут естественный отбор работает в полную силу.

И у этого воспитанника волков – куда ж пошел излишек энергии мозга? А вот на то, чтоб с невероятной ловкостью и скоростью скакать на четвереньках, рвать зубами и переваривать сырое мясо, отстаивать свое место в стае, спать в холоде на голой земле. Ему это куда труднее, чем природному волку с его четырьмя лапами, клыками и шерстью. И только – только! – человек, будучи физически настолько не приспособлен к волчьему образу жизни, может вопреки своим физическим недостаткам, путем развития больших, чем волк, усилий, больших затрат энергии, может сравняться с ним в его волчьих занятиях. Если думаете, что это легко или просто – попробуйте-ка сами. Догоните на четвереньках зайца... нет?., ладно, овцу, вцепитесь на бегу ей в горло зубами, перегрызите, перекиньте на спину, держа зубами и без всякого участия рук, уволките на четвереньках же в лес, зубами же разорвите и начинайте кушать, не забывая иногда рычать на других волков, оберегая свое право и очередь жрать согласно месту в иерархии стаи.

Это – отклонения, столь же показательные, сколь редкие.

Человек, по крохе накапливая опыт и передавая его в поколения, пустил свой излишек энергии по другому пути. По какому? Предназначенному самой природой. Излишек энергии дан тебе не для того, чтоб вернуться в четвероногое обличье.

МАКСИМАЛЬНЫЙ ШАГ. ОГОНЬ. Излишек энергии, стремление к максимальным ощущениям, обдумывание, стремление к максимальным действиям – в конце концов, черт знает с какой попытки, привели человека к *максимальному шагу*.

К овладению огнем.

Вот когда человек – стал человеком.

Умозрительно рассуждая, это может сделать и обезьяна – ее физические (и умственные!) способности это, вроде, вполне позволяют. Вот подошла молния дерево, у огня тепло, сухо, подкладывая себе веточки да грейся. Но закономерность (подъем энергетики через биологию) такова, что только человек стал огонь использовать и поддерживать. И не день, не месяц – есть на Земле места, где тысячи лет подряд поддерживал человек огонь!

А что таков огонь? Это – всемогущество. Не страшен холод, если можно обогреться у огня. Не страшен хищник – отпугнем.

А еще? Можно закалить деревянные орудия, они будут прочнее, лучше служить – ты удачливее на охоте, сильнее перед врагом.

А еще? Можно жарить мясо, испечь коренья – они станут легче и полнее усваиваться организмом, ты будешь лучше питаться, будешь сильнее, здоровее, энергичнее, вернее выживешь в голодный год, обходясь меньшим количеством пищи, извлекая из нее максимум энергии; высвободившиеся от охоты силы и время употребишь на что-то другое – в первую очередь на лежание и думание: до чего еще, мил-друг, ты додумаешься?

А еще? Если – в общем? В общем —

человек овладел максимальной формой преобразования и выделения энергии, какая только существует на Земле в природе. Огромная часть энергии, заключенная в веществе, при сгорании превращается в горсть пепла, преобразуется и высвобождается в кратчайшее время и с минимальными усилиями со стороны человека. Ни бегать, ни работать, ни жевать, ни переваривать – бросил сучья в огонь, и пошел процесс преобразования окружающей среды, преобразования и выделения энергии, а тебе тепло и свет, помощь и защита.

Это – огромное, гигантское действие. Дальше некуда, как говорится.

Запомним цепь: растение – животное – человек – огонь.

Природа через развитие жизни стремилась ко все более эффективным формам преобразования энергии. И через эту цепь – пришла к самому эффективному. Такой виток.

Соображения-то при овладении огнем были, конечно, самые простые и конкретные. И испуг, и любопытство, и приятность тепла, и мало ли что еще. Да ведь, повторим, это и у обезьяны есть. Но нет и не может быть случайности в овладении огнем – как нет и не может быть случайностей в общем ходе развития жизни и истории человечества. Закономерность заложена в человеке – и во всей природе.

ЛЕНЬ КАК ДВИГАТЕЛЬ ПРОГРЕССА. Итак, братцы. Что есть действие. Действие есть *любое изменение в мире*. Вот что-то было вот так, а *стало иначе*. Хоть чуть-чуть.

Это значит что? Это значит хоть какое-то преобразование энергии.

Упал камень – простое действие. Часть кинетической энергии перешла в тепловую при ударе.

Человек бросил камень – сложное действие. Оно раскладывается на: увидел, подумал, поднял, метнул. Убил птицу. А мог бы и не додуматься: бегал бы за птицей, маша руками, и остался голодный, и умер.

Думанье есть исходный пункт человеческих действий. Думает человек о чем ни попадя. А суммарный результат всегда есть конкретное действие. Чешет пузо, смотрит на травинку: почему зеленая? И додумывается до разложения светового спектра, создает прибор ночного видения и пристреливает другого человека за километр, не вылезая ночью из теплого окопа. Потянул пальцем – и снес врагу голову чище, чем дубиной, безо всякого труда. О!

Долог был путь к таким достижениям. Сначала ведь как? Жрать охота, а на руках уже все ногти ободраны корешки копать. Так он приспособился их острой палкой-копалкой выковыривать. И за то же время, с теми же затратами энергии – накопил втрое больше. Совершил втрое большую работу, втрое большее действие. КПД использования энергии увеличился втрое.

Удлинил руку палкой-копьеметалкой – понеслось копьё быстрее и дальше. А уж когда рычаг изобрел – вообще туши свет. Любые тяжести ворочать можно. Или катапульта: уложил булыжник в ложку, накрутил ворот, отпустил стопор – и засвистел камень врагов сметать.

(Физик-механик скажет, что в работе и, следовательно, в израсходованной энергии человек ничего не выиграл: прилагаемая сила, умноженная на время ее приложения, дает ту же самую работу: что потихоньку ворот накручивать, что руками бы камень метнул. Ан нет. Человек не механический робот. При резких больших нагрузках КПД мускульной энергии резко падает: перегрев организма, нехватка кислорода, перегрузка опорного аппарата – пот, одышка, дрожь в коленях, масса энергии расходуется впустую. Это вроде как автомобиль на экономической скорости расходует минимум топлива на то же расстояние, на которое при скорости максимальной израсходует куда больше.) (Культуристы отлично знают: между величиной нагрузки и возможным количеством повторений упражнения – отнюдь не прямая зависимость: при снижении нагрузки повторений можно выполнить столько, что общая работа растет в кубической почти прогрессии, а в общем организм расходует энергии куда меньше.)

Используя (придумав) самую примитивную механику, человек стал расходовать свою мускульную энергию с небывалым КПД! Города построил, пирамиды поставил.

А потреблять ведь продолжал лично для своего организма не больше энергии Земли и Солнца, чем та же обезьяна.

Колесо изобрел. Ось смазал. Дорогу выровнял. И покатил груз такой, что слону впору тащить. Слон пыхтит, ноги переставляет. А человек тележку только подталкивает. Расход энергии разный – а работа совершается одинаковая.

Даже пользуясь только собственной мускульной энергией, человек – крупнейший в мире специалист по действиям. Пока обезьяна трясет грушу – человек придумывает лестницу, пилу и корзину. И несравненно огромная часть его энергии – превращается в действия, то есть в изменения окружающей среды.

Так вдобавок он приручил животных, и их энергию направил на выполнение тех действий, которые были нужны ему. Корову подоить, барана съесть, на лошади поехать.

Вот поэтому любой мыслительный акт есть действие. Это акт нашего разума. А суммарно и в конечном итоге они ведут к увеличению человечеством действий.

"По щучьему велению, по моему хотению" – мудрая притча лентяя, который имеет начальный импульс и желает конечного результата, но его раздражает хлопотность промежуточного процесса. Вот человек всегда и старался облегчить себе промежуточный процесс.

Лень – она инстинкт: лежать, сколько можно, сберегая силы для необходимого. Как отдохнешь – так поработаешь. Усталый, затюканный человек соображает плоховато. Отдохнуть бы. Вот бы все само делалось! А? Повернул кран – воду носить не надо. Включил батарею – не надо дрова рубить, печь топить. Домечтался.

ИСТОРИЯ И ПРОГРЕСС. Ну хорошо, и что мы имеем в результате? К чему это все, зачем, по большому счету? Где Золотой Век? Где вожденное царство Свободы, Равенства и Братства?

В чем суть процесса?

Стал человек лучше, добрее, миролюбивее? С разгону. Любуйтесь репортажем с любой войны.

Стал умнее? Да нет. Знаний накопил много, но в собственной жизни имеет те же мучения и вечные проблемы, соображать умеет отнюдь не лучше мудрецов древности.

Культура взлетела? Античная скульптура и архитектура, старая живопись, классическая литература; стоны об упадке...

Допустим, все это спорно и относительно. А что же бесспорно и абсолютно?

Человек энергичнее прочих животных.

Это выражается в повышенной энергии его центральной нервной системы.

Эта энергия, реализуясь, воплощается в действиях.

Действие – это *любое* изменение: будь то внутри нашего сознания, в нашем организме, или в окружающем мире.

Действие – акт энергетический. Подумать – и то энергия (ничтожная!) расходуется на возбуждение клеток головного мозга. Не говоря о преобразовании энергии в действиях механических, термодинамических и пр.

История жизни на Земле имеет положительный энергетический баланс – все новые существа совершают все больше действий, преобразуя все больше энергии, все быстрее.

С появлением человека в процессе произошел качественный скачок.

Придумав простейшую технику, человек многократно увеличил КПД своей мускульной энергии: гораздо большая ее часть, чем раньше, пошла на объективные действия, то-есть на изменения окружающего мира.

Придумав, как "отобрать" себе часть энергии животных (кормить, охранять, заставлять, – "приручать"), человек стал совершать действия посредством энергии других животных: пахать, возить и пр.

Придумав сложную структуру государства, т. е. разделение труда, человек резко повысил КПД трудовой деятельности: каждый умеет делать только свое, зато отлично – один только пахарь, другой только каменщик, и так делается гораздо больше, чем если каждый занимается всем.

Но самое главное – овладев огнем, человек овладел внебиологической, качественно куда более эффективной формой преобразования и выделения энергии. Это стало экономить ему массу мозговой энергии, которая раньше почти вся шла на простое выживание.

Эволюция преобразования и выделения энергии рванулась вперед. Металлургия, порох, паровые машины, двигатель внутреннего сгорания, механический транспорт, станки, электри-

чество, атомная станция и атомная бомба. Это получило название научно-технического прогресса.

Люди стали умирать от болезней реже, жить дольше, их становилось все больше. Всё большие толпы организовывались таким образом, что сообща совершали всё большие действия (преобразовывали все больше энергии): распахивали степи, строили города, перемещались на огромные пространства, уничтожая созданное соседями и создавая на этом месте что-то другое. Это получило название истории.

* * *

Вот что получается из размышления о том, что человеку надо и чего ему хочется.

Но пока ведь и это банально, да, нет?⁶

Так ведь и это еще не конец.

Дополнение

ТИПИЧЕСКИЕ СНОВИДЕНИЯ. Есть такие, знакомые каждому. Характерно, что именно от их истолкования Главный специалист по снам Зигмунд Фрейд решительно уклонился.

Полеты. В отрочестве и юности обычны, со зрелостью и старением проходят. Как просто вдруг во сне оказывается лететь, легко, естественно, да как это здорово!

Прапамять? С дерева предок падал? Ну-ну. Тогда почему ты не падаешь, а так здорово летишь? А прапамять – с возрастом отсыхает? Невозможно: что глубже впечатано – то забывается в последнюю очередь. Отец в детстве подкидывал? А кого-то и не подкидывали; опять же, почему это с возрастом проходит?

Летаешь именно в возрасте, когда нервная система всего активнее. Потребность в ощущениях больше, острее. Ощущение ищет форму действия, во сне – воображаемого. Это сродни искушению шагнуть с высоты. Мы имеем вариант максимального действия как образного ряда максимального ощущения: таки шагнуть в воздух, преодолеть гравитацию, совершить аж невозможное, принципиально небывалое. И тебе этого хочется, это нравится.

Кошмары. У солдат, у людей, переживших опасность – понятно.

Как бессознательные проявления страха, беспокойства – понятно. Подсознательный страх можно при старании найти у любого – это тоже понятно. А вот кто больше орет по ночам? Люди с активной, сильновозбудимой нервной системой. Конкретных причин, памятных переживаний у них не больше, чем у прочих. Сильных ощущений трэба психике. Не получая наяву – получает хоть во сне.

Если есть способность ощущать страх – так эта способность хоть иногда и хоть как-то должна реализовываться.

И опять же, возникающие в кошмаре зрительные образы всегда связаны с максимальными действиями. Первая группа – угроза жизни, опасность смерти. Вторая группа – небывалые и тем самым сверх реального угрожающие предметы, от непонятого нет защиты – типа чем-то жутких летательных аппаратов. Третья группа – невинные образы и действия, ужас заключается в том, что есть элемент невозможного, сверхреального – типа говорящей кошки или ожившей картины. Четвертая группа – суперкатастрофа, конец света. Неясно?

Вариант такого максимального действия, такого изменения в мире, которого еще не было.

⁶ Поскольку текст дается в авторской редакции, мы сохраняем эту фразу, но считаем необходимым предостеречь легковерного читателя от того, чтобы принимать ее за чистую монету. Подобная точка зрения в научной литературе в виде столь цельном и законченном нам пока не встречалась, и может быть сочтена самостоятельной и оригинальной – по меньшей мере. Так что сей риторический вопрос правильнее отнести на счет авторского кокетства. (*Прим. научн. ред.*)

Любовь. Оргазмы юношей и девушек во сне и сопровождающие их часто образы – понятно. Менее понятно другое: встреча во сне со старой знакомой (знакомым) – и вдруг ощущаемое при этом чувство огромной, пронзительной, печальной и всепроникающей любви. Причем в реальности там никакими Любоями и близко не пахло, и ничего особенного в этом знакомстве по сравнению с другими не было.

В жизни чувству вечно что-то мешает, в реальности к нему вечно что-то примешивается. А тут разум спит, понимаешь. И ничего тут нет, кроме реализованной способности ощущать максимум такого чувства.

ТЯГА К РАЗРУШЕНИЮ. Вам знакомо чувство, когда любишься искристо-голубой белизной свежего снежного покрова, и жалко ступить на него, нарушить нетронутую красоту – и одновременно что-то подмывает прошагать, проложить цепочку своих следов, протоптать, испортить, нарушить?

Это – то же стремление к действию. Красота, совершенство, лучше некуда... А ощущение твое – изменить окружающую действительность!

Вот мальчишки с садистским азартом крушат песчаные замки, построенные девочками. Агрессивное мужское начало? Уведите девочек домой. Пусть мальчишки сами построят дивные замки. Построили – что дальше? Купаться пора, или обедать идти. Оставить замок? Можно... А если кто-то другой его порушит? И вообще что с ним дальше делать! Первый пинок – даже жалко... э, ур-ра: ломай! И жалко – а охота...

Этот снег, этот замок – из самых изначальных и общих форм потребности изменять действительность.

Там, где ты ничего не можешь создать – ты должен разрушить.

ТЯГА К КАТАСТРОФАМ. В чем притягательность картин грандиозных катастроф и даже известий о них? (Опять же – Голливуд это давно знает, даже отдельный жанр давно возник – фильмы катастроф.)

Слышит человек, что извержение вулкана ужасное, масса народу погибло. Либо лайнер утонул, самолет упал, землетрясение целый город снесло.

Как он реагирует? Ужасается, причем в основном напоказ, если там никого из его друзей-близких не было. Жадно интересуется подробностями, а журналисты их знай выдают, накручивают. И даже хороший человек, сочувствуя, горюя, вещи и деньги жертвывая пострадавшим – а все равно испытывает где-то в глубине души странноватое такое для себя, с оттенком нехорошести, порочности, чувство удовлетворения от того, что это произошло. Какой-то странный оттенок удовольствия испытывает.

Психологи говорят: это удовольствие от собственной комфортной безопасности, тем ее сильнее ощутил и оценил. Оно и так, да отнюдь не только это. Ну, говорят, еще тут может быть зерно агрессивности, мизантропии, тяги к разрушениям, которая сидит в подсознании (или в сознании, у кого как, мол) у каждого.

И что, понимаешь, это за тяга такая, откуда, зачем? Человек ведь, понимаешь, по натуре созидатель, нет?

Это, дорогие мои, та самая тяга к максимальным действиям. Если один человек погиб – к этому мы привыкли, статистику знаем, он нам никто – и ладно, у нас своя жизнь. А если сто тысяч – ого! это событие грандиозное, как там все случилось? Зачем тебе подробности, какая тебе разница? Ан нет, хочется все подробнее себе представлять – и ужасаться, вот тянет нас ужасаться. (Есть и такой жанр, фильм ужасов.)

А уж если пожар в городе – толпа народу сбегается смотреть. На что?! Пожарные жизнью рискуют, добро пропадает – а народ смотрит, и не со скорбью, а – замороженно. Как писал О.Генри: "Пошли и мы с Энди полюбоваться зрелищем". Хибара – ерунда, а вот если небоскреб пылает – это да! глаз не оторвать.

Шо ж мы с вами такие падлы?.. Извращенцы все, что ли?

Слушайте. В Дрездене в 45-м погибло при бомбежке больше народу, чем в Хиросиме. Почему же так ужасает – и манит жутью! – зрелище атомного взрыва, этот гигантский гриб до стратосферы? А вот – ты подай нам грандиозные зрелища. То есть – крупные, большие события. Вот нужны они человеку, и все.

Удовлетворение – оттого, что: я в жизни и это видел, и это пережил, и это при мне произошло, полнее моя личная жизнь от этого.

Закон тяги к максимальным действиям.

ЗРЕЛИЩА ПРИРОДЫ. Давно сказано: ни на что не хочется смотреть так долго, как на огонь горящий, воду текущую и облака плывущие.

Почему?

Непрерывное и грандиозное действие.

Недосягаемо высоко в небе гигантские облака, величественное движение, грандиозная картина!

Река течет – вечно, из-за горизонта и за горизонт.

А море? Огромное, безбрежное, бездонное. И бесконечно волны плещут, поверхность меняется.

А закат? Все краски, вся картина природы меняется на глазах.

Завораживает человека грандиозность, манит, притягивает; впечатляет. Эстетика-то эстетикой, а какие массы, какие силы, какая энергия в этом всем, объемы какие! Эстетика-то в том, что человек всегда найдет красоту в том, к чему его тянет без всякой "пользы" и видимого смысла и что непосредственно впечатляет его чувства.

Ниагарский водопад: какие массы воды, с какой высоты рушатся бесконечно! Грандиозное действие. Солнце садится: гигантская звезда, так близко к нам – и одновременно так далеко, пылает, освещает, гаснет, за далекий горизонт опускается. Ух ты!..

Замечали, что в окно вагона можно смотреть дольше, чем в окно самолета? А это почему? А мелькает все быстрее, скорость ощущается сильнее, картина на сетчатке глаза меняется активнее, мозг занят больше непрерывным изменением зрелища.

Огонь – вот на что из явлений природы, и одновременно из творений как бы рук своих, человек может – и любит – смотреть всего больше. Ежемгновенно меняется картина. Летят и гаснут искры, рассыпаются золотые поленья, пляшут языки. Маленький костерок из ящичных досок – а вот сидят все вокруг и смотрят...

Зрелище что надо. Чудо. Большое действие. Меняется и исчезает на глазах то, что только что существовало. Разрушение, созидание, изменение, свет, тепло.

Максимальное зрелище, вся сетчатка занята работой. Заметьте – если ровное пламя бьет из форсунки или ракетного сопла – не та привлекательность, наглядности нет. Какой-то огонь укрощенный, экономичный, ровный, сгорает неизвестно что до мельчайшего распыления. Нет тех ощущений.

Рыбы подплывают на свет фонаря. Мошки летят на огонь. Птицы разбиваются о прожектор, и подходят из чащи звери на свет костра, отблескивают из темной дали глазами, часами сидят, смотрят. Кинь головешку – убегут испуганно, и снова вернуться, и будут опять смотреть, но уже с большего расстояния, с большей опаской.

Чего пришли? Куда летели? Зачем разбились?

У многих народов возникло обожествление огня, почитание его как Высшего Существа. Много мифов о подателях огня, богах, титанах, священных животных.

Можно – объяснить на уровне конкретных причин: мол, раз огонь давал тепло, защищал от хищников, мог укусить и сжечь – вот ему и поклонялись по серости ума. Мол, у насекомых инстинкт такой – он их подвел: они думали, что это свет выхода из норки, или рассвет, или поверхность воды – а это оказался огонь, вот они и погибли. И в таком духе.

А зверям на черта огонь? Они лесного пожара пуше всего боятся. Тепло? Так они не приближаются. А смотрят зачем? Понять не могут, природное любопытство?

А ты, мил друг, чего смотришь? Чего не знаешь про огонь? На что тебе камин в доме, костер на берегу?

Потому что горение – максимальное действие в обычной природе. И все живое к действию стремится. Сбой инстинкта. Они не думали, что то опасный, вредный огонь. Они – просто стремились.

И человек – просто стремится.

*** Промежуточная вводка. Диалектика**

У интеллигентного человека слово "диалектика" ассоциируется с фамилией философа Гегеля и школьным учебником обществоведения. Напрягшись, можно припомнить про зерно, которое в земле перестает быть зерном, зато дает колос и много новых зерен – хотя вообще это из Библии.

У человека, жизнь которого не искажена гуманитарным образованием, "диалектика" связана с очкастеньким профессором, толстыми томами, уважительной безвредностью и заушной скукой.

И только самые образованные и сообразительные скажут, что это – когда что-то обстоит и так, и одновременно не так, возможно даже наоборот. Что-то тут есть общее с теорией относительности – в том смысле, что про это все слышали, никто толком не понимает, а вообще все в жизни относительно.

Есть в этом слове какое-то антиобаяние, антипритягательность – для простого, обычного, нормального человека. Что-то сухое, кручено-научное, из области надуманно-псевдомудрых теорий. На фиг.

А кто виноват, ежели Гегель излагал свои истины так, что их и профессиональные философы не шибко понимают. Вот Кьеркегор, не последняя был скотина в науке, тот в конце концов просто заявил: " Я думаю, что те места у Гегеля, которые я не понимаю, он сам тоже не понимал".

Поэтому каждый человек, на своем простом житейском уровне, порой напрягает мозги, стараясь уразуметь, как же это так странно, нелогично и противоречиво устроена жизнь: должно быть вот эдак все, а на самом деле почему-то наоборот. И приходит к простым выводам, просто их формулируя, типа: "Слишком хорошо – тоже не очень хорошо" или "Противоположности сходятся". Это даже не объяснение, а констатация часто встречающегося положения, результат опыта, наблюдений за жизнью.

Вот если б, конечно, отдать всех в учење на философский факультет, но от этого нас бог миловал. Да ведь и прочтение учебников мало что прибавляет к пониманию жизни своей. "Многознание уму не научает", – сказали древние греки. Они много чего сказали. Очень разумные среди них встречались люди. Гераклит, скажем. Он и додумался до диалектики. За что получил прозвище "темный", то есть непонятный. Его даже Сократ не всегда понимал, однако уважал. И даже мы помним: "Все течет, все изменяется".

Нормальному современному человеку думать, в общем, некогда. А когда жизнь поставит перед ним в упор труднопознаваемую задачу, вот он тогда хватается за голову – пытается понять. Что удастся редко и немногим. Потому что условия задачи бывают какие-то... противоречивые. Скажем, делаешь-делаешь хорошо – а в результате выходит плохо. И с чего бы?..

Поэтому Скотт Фитцджеральд, нормальный малообразованный американец, сказал: "Признаком первоклассных мозгов является способность держать в голове две взаимоисключающие мысли одновременно, не теряя при этом способности соображать". Вот это, в переводе на общепринятый язык, и есть диалектика.

Выучить ее невозможно. Запоминание ничего не даст. Тут требуется неторопливое, последовательное думанье. Потому что только это – способ и средство *понимания* всего на свете.

Вот три основных момента. Их можно назвать законами. А можно аспектами. А можно частями. Все равно.

1. ПЕРЕХОД КОЛИЧЕСТВА В КАЧЕСТВО.

У врага есть танки. Много. Пять тысяч. Чтобы победить, нам тоже нужны танки. И побольше. Чтоб – наверняка. Десять тысяч. Два наших на один ихний. Они его победят. А вдруг нет?.. Ладно! Сделаем пятьдесят тысяч танков – и враз его разнесем, да он и не посмеет полезть. Готово! И что? Эта армада сожрала все горючее, загромождила все дороги, обученных экипажей не хватает – и гигантская бронированная пробка загромождила все пространство, без толку мешая друг другу, теснясь мертвым грузом. И сжег их враг меньшими силами.

Нарастив сил сверх меры, оказались на деле бессильными.

Вот так два легиона Лукулла обратили в прах двухсоттысячное войско Тиграна – те в давке больше сами себя подавили. Вот так СССР создал столь мощную, эшелонированную и структурированную систему ПВО, что авиетка Руста беспрепятственно села на Красной площади. Сверхгигант не в силах сдвинуть собственную тяжесть.

Или. Время поездки равно расстоянию, поделенному на скорость. Сделали автомобиль со скоростью 300 км/час. Сели, газанули, поехали. Сцепление с дорогой мало, поворот, кювет, дерево, больница, кладбище. Сократили время пути?.. Подумали, написали эпитафию – поговорку "Тише едешь – дальше будешь". Звучит, вроде, противоречиво, неправильно, – но смысл всем ясен и житейски верен. "Поспешишь – людей насмешишь".

Нарастив чрезмерную скорость, вообще не доехали до места.

Или. Хилому ребенку с плохим аппетитом объясняют: будешь много кушать – станешь сильным и здоровым. Кормят, пичкают, убеждают, – ребенок начинает жрать, как землеройная машина, – и в конце концов становится жирным, тучным, малоподвижным, сердце не справляется, почки не справляются, готов инвалид и кандидат в покойники. Докормили.

Съедая сверх меры необходимых для жизни и здоровья продуктов – угробили здоровье и жизнь.

Или. Для высоких результатов в спорте необходимы усиленные и частые тренировки. Стал тренироваться с утра до ночи, утомился, ослаб, сорвал сердце, нарушился обмен веществ, стал инвалидом.

Больше оружия: вместо победы – поражение.

Больше скорости: вместо езды – авария.

Больше еды: вместо здоровья – болезнь.

Больше тренировок: вместо рекордов – инвалид.

И так всегда и во всем в жизни.

Ты делаешь правильные усилия, совершаешь правильные действия для достижения нужного результата. Но если вовремя не остановиться, то те же усилия и действия начнут уводить тебя от этого результата как бы уже в другую сторону: ты переходишь нужную тебе грань и начинаешь от нее удаляться, пока не придешь к обратному тому, чего хотел.

Поэтому и говорят: "Все хорошо в меру".

Мера – это соответствие количества твоих действий тому результату, которого ты ими хотел достичь.

Вот и во всей природе точно то же самое.

Хотели вскипятить воды чайку попить, а она вся и выкипела. От огня количество тепла в воде все увеличивалось, пока вода не изменила все свои качества и не перестала вообще быть водой: жидкость превратилась в пар, газ.

Откованную сталь решили для закала, прочности, охладить жидким азотом: она охладилась до минус ста и стала хрупкой, как стекло. А охладили бы только до плюс двадцати – был бы булатный клинок.

Любой процесс, если продолжается бесконечно, в конце концов приобретает какие-то новые, иные черты, свойства, качества. Те самые действия, что его вызывали, начинают в конце концов иметь результатом не то, что имели результатом сначала, раньше, до определенной границы.

2. ПЕРЕХОД В НОВОЕ СОСТОЯНИЕ. В философии по науке это называется "закон отрицания отрицания", но это не совсем понятно, маловразумительно. Ведь у философии, как у любого вида профессиональной деятельности, есть свой профессиональный жаргон. Как у моряков. Но если морской жаргон – несколько сотен конкретных слов, узнай их – и все понимаешь, то философия и так-то имеет дело с вещами труднопонимаемыми, а если их еще называть спецтерминами, причем в смысле и значении этих терминов разные философии расходятся, то простому человеку и вовсе понять ничего невозможно.

Этот закон вытекает из предыдущего, он его родственник и сосед. Частично народ сформулировал его так: "Ничто не вечно под луной".

Вот ребенок. Он станет юношей, и больше не будет ребенком. Юноша станет зрелым человеком, и больше не будет юношей. Зрелый человек станет стариком, и не будет больше зрелым человеком. Старик умрет, станет покойником, не будет больше человека на свете. Тот самый механизм жизни, которая есть постоянное изменение, привел маленькое беспомощное существо к расцвету всемогущества, а потом – к концу.

Хозяйка захотела есть, купила продукты. Нет больше у нее денег – есть продукты. Спекла пирог – нет больше яиц, муки, сметаны, сахара, превратились в пирог. Съела пирог – нет больше пирога; переваривается в желудке питательная масса. Продолжать?

Каким бы ни был процесс – в основе своей он состоит из каких-то действий. Появляются новые клетки в организме – это действия. Растрескивается камень веками, превращаясь в песок, – появление трещины тоже действие, механическое, природное. Яйцо разбивается над кастрюлей – действие.

А любое действие – это какое-то изменение. Что-то стало в мире хоть чуть-чуть не так, как было раньше.

Изменение – это тот механизм, который всегда лежит в основе любого процесса.

Даже гранитная скала – нагревается-охлаждается, нагревается-охлаждается, и так каждый день и каждую ночь. Через миллион лет нет больше скалы – есть песок на ее месте.

За что бы мы в мире ни схватились – когда-то на его месте было что-то другое. И когда-нибудь будет что-нибудь другое. Такие дела. И без этого никак.

Дерево все свои лучшие соки отдало маленькому каштану. Раскрылась кожура, и упал он на землю – красивый, круглый, крепкий, глянцевый. Полил дождик, лопнул каштан, пустил корешок, зацепился он за землю, и стало расти новое дерево. А где каштан? Нет его больше, умер. Зато вырос лес. Росли-росли деревья, состарились, упали, гнили-гнили – превратились в нефть: выкачали ее, выделили бензин, залили в машины – и превратилось зеленое дерево в тот газ, который мы вдыхаем в городах. Раньше деревья поглощали углекислый газ и выделяли кислород – а теперь что? А теперь получившийся из них бензин сжигает кислород атмосферы.

Бросили камень вверх. Упал он вниз и разбился. Та самая сила, что бросила его вверх – послужила причиной его падения, а то бы он спокойно лежал. Чтоб полететь вниз – надо сначала полететь вверх.

Вот так в каждом явлении, вещи, действии заключен механизм, который послужил его причиной, есть основа его существования – и он же приводит его к концу. И не просто к концу – а превращает его в нечто совсем иное, чем было раньше, и даже в обратное противоположное.

Если что-то есть – оно получилось из чего-то. До этого на его месте было что-то другое. А из этого когда-нибудь получится что-то новое – потому что всегда происходят какие-нибудь изменения.

Елки-палки, проще я уже не умею. Если уж и это непонятно – сделай перерыв, подумай, и медленно перечитай еще раз.

На месте курицы было яйцо, на месте города была степь, на месте пустыни был город, на месте человека был другой человек, его прадед, а на его месте была обезьяна, а на ее месте была ящерица. Понял-нет?

3. ЕДИНСТВО И БОРЬБА ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ. Борьба – это условно. Никакой борьбы в обычном смысле слова здесь нет. Просто одно противостоит другому.

Например:

Верх и низ. Все, что имеет верх, имеет и низ. Одно без другого никак невозможно. Мы и определяем одно через другое. Берем чего-то два, даем им названия – и противопоставляем друг другу. А на самом деле это просто две разные стороны одного и того же. Нет верха – нет и низа. Как, скажем, у шара в космическом пространстве.

Лево и право. То же самое. Ну возможно ли, чтоб лево было, а право – нет? В том и суть, что это две противоположные стороны, и одна определяется относительно другой.

Как сказал киногерой: "Есть хочется... худеть хочется... всего хочется!.." Вот это и есть единство и борьба противоположностей.

Рабочий хочет меньше работать и больше получать. Владелец завода хочет меньше ему платить, а чтоб он побольше выработывал.

Так и живут в классовом противоречии и компромиссе. Друг без друга им никак.

Вот летит самолет. Он тяжелый, и поэтому хочет упасть. Но двигатели прут его вперед, и на скорости воздух под его крылом давит крыло кверху и хочет поднять выше, выше, выше. Вот в единстве этих противоположных стремлений – крыло хочет вверх, а фюзеляж хочет вниз – самолет и держится на одной высоте, части его скреплены прочно.

Человек стремится к счастью, а попутно добывает себе хлопоты и переживания. Он бы предпочел обойтись без них, да так не бывает. "Без труда не вытянешь рыбку из пруда". Это всегда вместе.

Тепло – холодно. Если бы всегда жили при одной и той же температуре и даже не знали, что возможна другая – не было бы у нас этих понятий. Ну, вот такова среда нашего обитания, чего тут скажешь. Вроде как воздух до эпохи ныряния и полетов ввысь – он плотный или разреженный? Идиотский вопрос – воздух он и есть воздух, вы что имеете в виду? А поскольку разница температур каждому известна, понятия тепла и холода противопоставлены друг другу.

Хорошо – плохо. Это опять же одно относительно другого. На что и с какой стороны взглянуть. Если боль – плохо, то хорошо есть ее отсутствие. Если богатство хорошо, то плохо есть его отсутствие. Одно понятие есть противопоставление другому.

Это называется диалектические пары.

Почему веревка натянута? Потому что ее тянут за оба конца в разные стороны.

Вот все на свете внутри себя устроено как эта веревка. Это вот в каком смысле:

Одна тенденция: больше танков: задавим врага! Другая тенденция: к черту танки! топливо сожрут, дороги загромоздят! Результат – равнодействующая: некое разумное количество войска.

Дереву – расти выше! вылезти из чащи к солнцу, брать листвой как можно больше его энергии. Нет – ниже: устойчивее быть, крепче, чтоб ветер не свалил. Результат: оптимальная высота.

Жрать больше! вкусно, полезно! для сил и здоровья! – Нет – кончай жрать – стройным будешь! красивым! выносливым!

Заработаю миллиард и прославлюсь! – На хрен, попьем пива перед теликом. Ладно, поработаем немного, раз иначе никак.

Хорошо бы у всех все забрать себе. Еще хорошо быть добрым, всем все раздать, любить будут. Ладно, хапну втихаря немного, а чуть-чуть дам друзьям. Нет?

К чему мы неизбежно придем? К смерти. А что мы делаем? Да живем как можем. Это и называется единство и борьба противоположностей.

Надо быть абсолютно свободным и независимым от всех. Но если не ограничить всех законами государства, то самый сильный и агрессивный начнет всех убивать и грабить. Ограничить законами! Но не слишком... и здесь противоположные тенденции.

Противоположные тенденции всегда сдерживают друг друга. Не то самолет или в космос улетит, или грянет. Если бы живые существа не умирали – жил бы папоротник, не превратившись постепенно в человека. И места бы человеку не было.

Сила гравитации хочет собрать все вещество Земли в маленький сверхплотный центр. А центробежная сила хочет разметать все ее вещество в стороны, в космос. Вот и живем мы на круглой планете.

Все это – кусочек философского словаря для детей. Кто ж виноват, что философские словари для взрослых никто не читает, а если и читает, то – правильно подумал! – не понимает, кроме тех, кто их написал, да и то не всегда.

Все это вещи для чтения безусловно необязательные. Как, впрочем, и все мое сочинение. Но если ты хочешь что-то толком понять – без этих вещей ну куда же.

Так что пардон.

8. Неизбежная гибель человечества

ЛИНЕЙКА И МАСШТАБ. Как можно убедиться, что Ахиллес на самом деле все-таки догонит черепаху? Элементарно: разуть глаза и посмотреть. Дождаться результата. Ну, а если некогда? Или темно, и плохо видно? Или черепаха аж у горизонта, и глазу трудно оценить, как сокращается расстояние? Тогда нужно взять рулетку и секундомер и измерить дистанцию забега в одних единицах длины, и, определив скорость каждого бегуна в одних единицах скорости, произвести несложные арифметические расчеты. И сразу станет точно известно, в какой именно точке Ахиллес черепаху догонит и перегонит.

Точно так же с любым процессом. Надо определить его начальную и конечную точки – и только тогда станет понятна его суть. Иначе будет как с кровельщиком, который, падая с крыши, приговаривал успокоительно в полете: "Пока все идет нормально". Но поскольку встреча с асфальтом неизбежна, суть такого полета понятна. Хотя, если лететь долго и большим коллективом, можно успеть создать оптимистические научные теории о покорении пространства, свободе от веса тела и безграничном увеличении скорости, что лестно для самолюбия и комфортно для сознания. Да вот тенденция однозначно не сулит добра, а то б все ничего.

"НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА". Человечество, естественно, всегда интересовалось, к чему оно придет в результате всех своих дел, своего развития, прогресса, называйте как хотите. Особенно в XIX веке научно-технический взрыв породил бурный оптимизм и веру в безграничное могущество человека. Эту веру стали еще вдобавок раздувать малопонятливые и легковозбудимые творческие личности, бросившись сочинять научно-фантастические романы. Приставка "научно-" обозначала, что они не просто фантазируют, но как бы стараются моделировать будущее, основываясь на данных науки (в которой, как правило, письменники разбираются плохо, в основном принимая на веру то, что услышали в школе или узнали из газет в адаптации журналистов).

И популярная литература в экстазе изобразила грандиозную по замечательности картину. Искусственный климат, самый полезный для здоровья и сельского хозяйства, полное материальное изобилие, техника позволяет летать по всей Вселенной, все стройные, здоровые, живут очень долго, причем высоконравственно.

Такая научно-техническая утопия.

Ну, заселили Вселенную. А дальше что людям делать?.. Ведь утверждали, что цель человечества – Прогресс, а его цель – всеобщее и полное Счастье. И вот как-то цель кончилась, растворилась, раз и на всегда достигнута. Отдельные злодеи, в семье не без урода, наказываются... Так и живем, значит... и так – до бесконечности?

Ну, а что вы хотите. Живем. Развиваем науку, летаем в новые галактики, занимаемся своими делами. Чего ж еще-то?..

Гм. Ну, если вечна сама Вселенная – почему бы вечно не жить человеку, венцу природы, с его гениальным и уникальным мозгом. Для того он на свет и появился.

То есть: у линейки нет конца. Вот начало, левый край, где первая черточка и "ноль" написано – есть, а правого края нету, он бесконечен.

Всем привет от пролетающего кровельщика.

ПЛОХОМУ ТАНЦОРУ НЕДОСТАТКИ МЕШАЮТ. Правда, с такой точки зрения трудно объяснить, зачем человечеству были нужны бесчисленные войны. Ведь без войн, вроде, можно бы построить изобильное и счастливое общество куда быстрее.

Тогда ученые придумали слово "агрессивность". Вот есть в натуре человека агрессивность – то есть он хочет наносить окружающим вред и убивать их.

Еще в человеке есть жадность. Он хочет присвоить добро соседа. И идет войной, чтоб все отобрать у другого народа.

Еще в человеке есть зависть. Ему не нравится, если у кого-то есть чего-то больше, чем у него самого. И поэтому он хочет лишиться ближнего этого чего-то, чтоб ближний жил хуже него.

А еще в человеке есть дух разрушения. Поэтому он иногда разрушает дома, города, страны своих соседей. А иногда и свои собственные.

И если человек, сука такая, не преодолеет свою агрессивность, жадность, завистливость и дух разрушения, то не будет ему никакого счастливого будущего. А наоборот, можно вообще уничтожить всю планету, тем более что уже сделано много атомных, водородных и прочих бомб ужасной разрушительной силы.

Про это тоже написана масса "научно-фантастических" книг.

Итого:

Одни ученые считают, что все будет хорошо до бесконечности.

Другие – что человечество самоуничтожится вследствие своих отрицательных качеств.

Третьи извещают, что может быть так, а может и эдак, все зависит от самого человека: он должен нравственно совершенствоваться, делаться духовно лучше, выше, моральнее, это в его власти.

И есть ли в этом что-нибудь новое?..

РЕЛИГИИ. Все религии всегда учили примерно тому же самому. Человек грешен, и весь мир этот грешен, и в конце концов будет этому всему амба. Грехи, недостатки, зло (нужное подчеркнуть) – мир погубят. А праведники спасутся, но это произойдет уже в другой жизни, в другом мире.

Выражаясь современным языком: вся материя перейдет в иное качество, и в этом новом качестве хорошим людям будет хорошо, а плохим плохо.

Конечная кампания по реорганизации мира носила разные названия: Армагеддон, Рогнарёк, Страшный Суд, Перевоплощение и пр.

Не будем же мы сейчас спорить о формах религиозных представлений, характерно одно: человечество, будучи наделено известным здравым смыслом, всегда полагало, что у линейки

должен быть правый край тоже. Мысль эта человечеству не нравилась. Поэтому оно пыталось совместить правый край с некоей бесконечностью, как бы с вечностью, с некоей иной – нематериальной – формой существования.

Потому что если все просто кончится – так какой же в этом смысл? Какой же тогда вообще смысл в жизни человека и истории человечества?

СМЫСЛ ЖИЗНИ. Вопросик вечный, сакраментальный.

Что такое вообще "смысл"? Смысл, скажем, какого-то действия?

Подразумевается, что это действие должно иметь какую-то цель. Служить решению какой-то задачи. Быть необходимой частью какого-то процесса, включающего в себя это действие. Действие рассматривается как стремление к какому-то результату. Действие может кончиться, а результат останется, и его возникшее наличие будет объяснением и оправданием действию.

Вопрос о "смысле" чего-то означает: ищем сверхзадачу этого "чего-то", хотим прозреть суть процесса, частью которого это "что-то" является: хотим понять высшую, конечную точку стремления этого "чего-то". Куда? Зачем? Для чего?

Это стремление осознать конечную цель процесса.

То есть: то же самое стремление определить правый край линейки. Тогда можно будет мерить все происходящее верной (единой) мерой, и все станет более или менее понятно.

В чем смысл действия двигателя внутреннего сгорания? Из банки бензина выделяется куча энергии, она может совершать работу.

В чем смысл этой работы? Автомобиль может двигаться быстро и на большое расстояние.

В чем смысл этого передвижения? Гора кирпичей будет перемещена быстро и легко, всего одним человеком.

В чем смысл этой перевозки? Быстро построят огромный дом.

В чем смысл этого строительства? Сто семей будут жить в комфорте.

В чем... и так далее, и так далее, и все они умрут. Вот черт! Так на хрена нам этот двигатель и эти кирпичи... Просто пожить послаще – и все?.. Так зачем мы тогда мучились, любили, работали, квартиры украшали, детей растили – если конец один? И все на этом?

Человеку охота понять и оценить собственную деятельность как часть общего – истории, природы, бытия, а это зависит от конечного результата деятельности человечества.

Человек хочет думать, что в его жизни есть какая-то сверхзадача. Какая-то высшая суть.

ЦЕЛЬ И РЕЗУЛЬТАТ. Оно и естественно. Интересно же знать, что будет после тебя, и что в конечном итоге будет со всеми остальными, и чем все кончится.

Людей это всегда интересовало. И как именно кончится. И почему кончится именно так, а не иначе.

Конечно. Потому что человек всегда хотел знать, зачем он – по большому счету – делает все то, что делает. А в зависимости от того, чем все кончится, и можно понять и оценить, что ж ты делаешь.

Зачем тружусь, страдаю, грешу и поступаю по морали? Чтоб потомки на Марс летели и поголовно в виллах перед телевизорами балдели? Да провались они пропадом! Пусть сами о себе заботятся. Я долбану соседа по башке, заберу его добро, и буду проедать его спокойно, наслаждаясь отдыхом и своим богатством.

Вот религии и грозят, что не все коту масленица. Существование человечества конечно. И жить надо так, а не иначе, потому что так велят боги. За правильное поведение будет вечная награда в ином мире, а за неправильное – вечное там же наказание. А вообще можем тебя и здесь наказать.

Но некоторых людей такие ответы не удовлетворяли. И они во все времена спрашивали: а для чего же тогда боги вообще создали человека, если кончится тем, что человечество все равно жить на Земле перестанет?

Природа? А природа зачем создала человека, если, опять же, он самоуничтожится?

По религии – хоть небесная награда будет за хорошее поведение.

А по науке – вообще ничего не будет. Пожили, пошумели – и сгинули.

Тут еще подоспела теория тепловой смерти Вселенной. Остынут в конце концов все звезды, отдав тепловую энергию в окружающее мировое пространство, и станет оно абсолютно ровно прохладным и темным, и никакая жизнь, разумеется, будет невозможна.

А что Солнце наше через столько-то миллиардов лет погаснет – это уже считается научно абсолютно ясно доказанным фактом. Так что насчет вечной жизни человечества есть большие сомнения.

Грустная, братцы, картина получается. Вселенский мрак, и холодные каменные громады в мировом пространстве, и никакой жизни, и никакого человечества.

И жизнь наша была, в таком случае, чистой случайностью, недоразумением, можно сказать, прекрасным мигом. Пшик – и сгорели; или пшик – и обледенели.

И нет, в общем, до нас Вселенной никакого дела.

Оно б, может, и так.

Да вам-то зато до нее дело есть! Мы сами-то – тоже порождение и часть этой Вселенной! Вон мы уже как шевелимся – на вид обезьяны обезьянами, разве что лоб повыше да шерсть по лысее, а какие сложные устройства в какую даль запускаем, аж за пределы своей звездной системы.

Как же так, а. Если, конечно, не списывать все на богов, это-то очень удобно, на все ответить можно: а вот боги так устроили.

Получается что же. Ничто в истории человечества по большому счету случайностями не было. То есть вообще их может быть сколько угодно, но тенденция-то ясна, очевидна, неоспорима: человек устроен так, что из пещерного сделался современным, вон чего напридумывал, наворотил, наорганизовывал. Это что же: от возникновения человечества до настоящего момента – сплошная закономерность, в будущем – нельзя исключать возможность вариаций, а в прошлом "до того" – чистая случайность как возникновение человечества?

Это – вряд ли. Так не бывает.

У нас есть кусок линейки. В нашем масштабе – довольно большой кусок. Тысячелетия нашей истории. Так давайте попробуем определить, где у нашей линейки самое начало, и где самый конец. И попробуем подойти ко всему с этой линейкой. Иначе ничего не понять.

Мы исходим из человека и его нервной системы. Это для нас – начало начал. Что бы ни делал человек, какую бы проблему ни рассматривал – изначально все это есть реакции нервной системы.

Начальная отметка деятельности человека определена с полной ясностью и несомненностью. Это – инстинкт жизни. В первую очередь он проявляется через ощущения. Получение ощущения можно считать началом к: жить, мыслить, действовать как индивидууму. Скажем, проводим нулевую черту на ощущении своего тела в пространстве.

Иду в четверг по проспекту Вернадского в угловую булочную, а навстречу Владимир Иванович с портфелем. Раскланиваемся.

– Владимир Иванович, – спрашиваю, – как вы считаете, Земля – это часть Вселенной, ее порождение?

– Ну разумеется, – отвечает, – какой странный вопрос.

– А тогда, – говорю, – какая же принципиальная разница, откуда биосфера получает энергию – из Космоса только вне Земли, или и из Земли также? Исходное получение все равно космическое?

– Гм, – говорит. – Из Космоса – это увеличивает энергию Земли.

– Сжигание недр – уменьшает. Ядерные и термоядерные реакции – также. А какой смысл противопоставлять Землю Космосу, часть – целому? Чем рассматривать ее как отдельно взятую открытую систему, не вернее ли брать всю Вселенную как закрытую систему?

– Ну, батенька, я все-таки не астроном, моя задача локальнее, так сказать.

И от этой отметки все идет, как мы говорили, в направлении совершения человеком действий, все больших, максимальных. Что есть и уже само по себе, и в результате, преобразование всего окружающего мира, все большее и большее. Охота, земледелие, техника, машины, прогресс, оружие, рекорды, бомба: распахиваем, застраиваем, выкачиваем, сжигаем – изменяется облик планеты, состав атмосферы: ландшафт, растительность, уровень радиации и загрязненности мирового океана. Максимальные энергетические преобразования.

Это – вектор, направленность, тенденция. А где крайняя черта? Предел? Ну, чисто теоретически, умозрительно?

Как в математике, абстрактно, проведем прямую в бесконечность – большие действия, большие энергетические преобразования, еще большие, и еще большие... Ну, какое можно представить себе самое огромное, небывалое, совершенно предельное действие? Самое-самое? Совсем самое!!!

Это – переделать начисто всю Вселенную. Все ее пространство, все ее вещество, каждый сантиметр и каждый атом. Вообще переделать, превратить во что-то иное. Преобразовать всю ее энергию. Уж большего действия быть не может никак. Дальше действительно некуда.

Это то же самое, что сказать: на месте нашей Вселенной построить другую, новую, иную, фактически – уничтожить прежнюю.

Вот это – означает быть Царем Природы! Вот это я понимаю Венец Творения!

Звучит, конечно, фантастически. Но куда тенденция-то именно такова, а?

А вот из интереса сделаем такое допущение, что это возможно. Почему нет, собственно? Делало человечество на своем веку всякое, и еще не сегодня конец истории.

Но – а зачем оно человеку нужно? И нужно ли вообще?

Ответ: конечно, лично это никому не нужно. Лично каждому нужно жить, чувствовать, думать, делать, свои мечты, своя жизнь. В результате все это складывается в поступательное движение человечества, в совершение человечеством максимальных действий.

Вопрос: а хотя бы чисто теоретически это возможно?

Ответ: теоретически возможно. Теоретически – ну: найти, набрать, сделать столько антиматерии, чтоб аннигилировать всю материю Вселенной. Тем самым вся ее материя превратится в световое излучение, взрыв произойдет такой силы, что представить себе и близко нельзя, миллиарды световых лет сплошных бешено летящих огненных потоков.

Вопрос: где ж мы столько антиматерии наберемся? Может, это будет сделано каким-нибудь иным способом?

Ответ: может, и даже вероятнее – человечество еще что-нибудь откроет, еще что-то изобретет, научный прогресс продолжается. Но в принципе – что-нибудь в таком духе.

– А не абсурдно ли звучит?

– Абсурдно. Как звучало абсурдно многое, будучи высказано впервые. Земля круглая. Вертится вокруг Солнца. Человек произошел от обезьяны. Аппарат тяжелее воздуха может летать. Три классические стадии восприятия открытой истины: а) бред! б) хм... в) кто ж этого не знает.

– Человек взорвет Вселенную – и сам самоуничтожится?

– А куда ж он, сердешный, денется.

– Он это специально делает, или нечаянно?

– Да как бы и нечаянно, невольно, да все будет к тому подведено. В том смысле, что сознательного отдельного решения, сознательно направленного желания грянуть свой мир у него не будет. Ан так сложится. Вот средства будут открыты и созданы совершенно сознательно: как новые шаги чистой науки, прозрения гениев, овладение силами природы посредством все новой техники, ну там новые способы передвижения космических кораблей, супероружие, создание искусственных светил, что-нибудь в таком духе. А дальше произойдет неудачный физический опыт, или сбой в работе аппаратуры, или политический кризис с военными последствиями, или физическая реакция даст непредусмотренный эффект. Уж как водится.

– Допустим чисто гипотетически. Для интереса. И что же – это суперсамоуничтожение и есть Цель Человечества?

– Именно. Только надо понимать, что значит "цель" и что значит "результат".

Под *целью* мы понимаем сознательную направленность действия в ограниченных временных рамках. Заработать миллион. Захватить высоту. Занять первое место.

Любое действие имеет цель ближнюю и дальнюю. Заработать миллион, купить дом, начать новое дело, стать магнатом в комфорте и власти. Захватить высоту, выиграть сражение, победить в войне, спасти и расширить государство, зажечь в мире и покое.

Под *результатом* мы понимаем следствие действия – опять же, в определенных временных рамках. Если действие имело конкретную цель, то в тех же рамках мы соотносим результат с целью. Сознательно мы добиваемся совпадения результата с целью.

Есть побочные результаты в тех же рамках времени: нажили от волнений гипертонию, или потеряли часть бойцов убитыми и ранеными, или порвали шины и износили мотор автомобиля. А есть конечный результат – он может совпадать с дальней целью, или расходиться с ней, или даже противоречить ей. Миллион заработал, новое дело начал, разорился и опустился. Войну выиграл, но так истощил собственное государство, надорвал, что оно развалилось вскоре. Все в конечном счете невредно оценивать по конечному результату, нет?

Так вот, конечным результатом человеческой жизни можно считать смерть. Никто не сомневается, что этим она всегда кончится. Есть ли это цель человека? Упаси боже. Ее можно сознательно приблизить или средствами медицины как-то отдалить. Цель (цели) человека – жить полнее, лучше, что-то делать в жизни.

Цель человека – жить хорошо, полно, интересно. Результат – живет он чаще плоховато, чем хорошо. Это если субъективно говорить.

А объективно, отойдя в сторонку, как бы глазами равнодушной Природы? Был человек, делал что-то, а все равно перестал быть, исчез как таковой. Но остались результаты его жизни: рожденный ребенок, посаженное дерево, построенный дом. Или сожженный город, скрытая гора, речная плотина. С точки зрения Природы, непонимающе глядящей на этот мелкий суетливый предмет, все это сделанное и было целью его суеты.

Конечный результат есть объективная цель.

Не с той целью человек огнем овладел, чтоб Землю преобразить, а чтоб согреться.

Цель предполагает сознательную постановку задачи. Законы природы целей не имеют. Есть причина, следствие, результат.

Человек – часть природы. И сознание его – один из аспектов природы. И можно сказать, что через постановку целей человеческим сознанием природа идет к своему результату. Иногда называя его "целью", мы как бы условно очеловечиваем действия природы.

Субъективно, с точки зрения отдельного человека, конечный результат деятельности человечества противоречит цели этой деятельности.

Объективно сумма конкретных целей отдельных людей – дает законы истории, ход которой – все большие энергетические преобразования.

Объективно мы можем с абсолютной определенностью констатировать только одно назначение человека, которому он неизменно соответствует – все большее переделывание мира.

А где находится *конечный* результат?

И что есть *конечная* цель?

Насчет результата – мы отодвинули планку до конца.

Насчет цели – все цели человечества по достижении результата оказывались промежуточными; конечная цель возможна только по достижении конечного результата.

Вот вам цель: создание новой Вселенной, нового Бытия, новой Жизни – после себя.

Что вы имеете принципиально возразить?

– Но это трагическая, пессимистичная, страшная теория!

– А вы что, собрались жить вечно? как сказал полковой врач истребителям танков. Интересно: равнодушно ознакомиться с разными чисто физическими теориями гибели Вселенной вы согласны, а если это сделает человек – вам страшно. А вы думали что, существование человечества – это вам лобби кушать?

– А как же человеческий разум, мораль, нравственность наконец?

– В итоге разум *всегда* ведет к действию, а не к отказу от него. А нравственность просто не имеет никакого отношения к законам природы и устройству Вселенной. Морально ли предсказывать ураганы или землетрясения?

– Но от них можно спастись!

– Не всегда.

– Да какой прок от такой теории?

– Если вам нужен покой души, то уверуйте в личное бессмертие. Человечество всегда хотело знать все, больше, лучше, глубже. Потом бесполезные знания оказывались полезными. А если поделаться ничем и нельзя, так от неизбежной истины уже та польза, что на душе легче, коли знаешь, что все равно ничего не поделаться. У нас нет выбора – знать или не знать.

– Человек не для того создан!

– А для чего? Антропоцентризм – это полагать человечество пупом мироздания. Геоцентризм – полагать пупом мироздания Землю и ставить во главу угла рассмотрение ее процессов и "интересов". Земля и человек – лишь порождение и часть этого мироздания.

– Все равно это глупо, наивно, поверхностно. Вы меня не убедили.

– Вы бы предпочли много наукообразных неудобочитаемых цитат с фамилиями авторитетными, как знаменитыми, так и малоизвестными, пару толстых томов, публикации в специальных выпусках Академии наук, а главное – чтоб эта точка зрения уже как-то устоялась и была поддержана людьми, звания которых внушают вам доверие.

– Хотя бы.

– Ладно. Еще полчаса – для убедительности. Почитайте дальше.

Глава третья

Универсальная теория линия отсчета⁷

Уровни тенденций

До сих пор мы шли от мелочей – к следствиям и обобщениям. И дообобщались до того, что человек думает, будто он хочет счастья, а на самом деле выходит, что он угробит весь свой мир – в самом буквальном смысле.

Уж коли мы добрались до таких обобщений – давайте попробуем их как можно обстоятельней и добросовестней проверить. Мир-то ведь ограничивается не только человеком и его деятельностью.

Зайдем с другого конца. Сменим индуктивный способ на дедуктивный. Возьмем следующие уровни рассмотрений:

1. Энергетический

Общее некуда.

Если мы возьмем весь МИР, всю ВСЕЛЕННУЮ, – во всех проявлениях, во всех формах, – что это такое? Какое самое общее понятие, какое самое общее слово может все это выразить?

БЫТИЕ.

Вот все, абсолютно все, что есть и что происходит – это бытие.

Из чего оно состоит, это бытие?

Из материи, из вещества. Еще? Из полей – гравитационных, магнитных, электрических⁸. Еще? Из всех их процессов и взаимодействий между собой. Материя имеет массу, скорость, плотность, температуру, имеет химический, молекулярный, ядерный состав. Поле имеет мощность, направление, притяжение и пр.

Что является общим для этого всего? На каком самом общем уровне оно взаимодействует, переходит одно в другое, связано одно с другим, сравнимо? Что то общее, что есть в них во всех?

ЭНЕРГИЯ.

Это может быть кинетическая энергия тела, планеты или звезды, несущихся в пространстве. Или тепловая и световая энергия звезды. Или силы притяжения между небесными телами. Или энергия, заключенная в атоме. Или электрическая энергия элементарных частиц.

Все, что есть, обладает энергией.

Какая энергия заключена в каждом атоме вещества, мы уже немного представляем. Какая энергия заключена в каждой элементарной частице, мы пока представляем несколько меньше. С энергией брошенного камня, если по Ньютону, совсем просто.

Энергия – это значит, что во всем сущем заключена какая-то сила, возможность к работе, действию, преобразованию, изменению. Энергия толовой шашки являет себя во взрыве. Энергия куска хлеба – в часе тяжелой работы каменщика. Энергия Солнца – в могучем излучении и притягивании планет.

⁷ Лекция, прочитанная в Институте философии Иерусалимского университета 13 декабря 1995 года.

⁸ Строго говоря, современная наука обычно различает 4 вида поля: гравитационное, электромагнитное, сильное и слабое.

Энергия – это способность к действию, возможность действия. Что такое любое действие? Самое-самое любое? Это какое-то изменение в мире. Что-то стало не так, как раньше – передвинулось, возникло, исчезло, изменило форму, размер.

Что происходит при любом действии? Энергия откуда-то берется и как-то преобразуется. Химическая энергия тела превращается в мускульную энергию бросания и механическую кинетическую энергию летящего камня. Ядерная энергия звезды превращается в световую энергию излучения.

Может ли быть Бытие без Энергии? Это будет означать, что оно неспособно ни к каким действиям.

Это невозможно в принципе.

Отсутствие всяческих действий означает отсутствие ВРЕМЕНИ. Есть много теорий насчет того, что такое время, но фактом остается, что – время есть.

ВРЕМЯ – это как бы линейка, приставленная перпендикулярно к плоскому пространству, на которой идет отсчет изменений. Но пространство большое, везде что-то есть, и линейки стоят густо, как сплошной лес. И образуют собой целое еще одно измерение. Своего рода еще одно пространство, неразрывно связанное с прежним и единое с ним. Это пространство и дает возможность происходить изменениям в обычном (трехмерном: длина-ширина-высота) пространстве: ведь в каждый миг времени в "обычном" все "место" уже занято им самим: все есть так, как есть. Оно уже существует как данность. Чтобы произошло любое изменение, все пространство должно как бы чуть-чуть сдвинуться со старого места, им уже занятого, и на новом месте стать чуть-чуть иным, с уже произошедшим изменением. Вот все пространство, чтоб дать возможность происходить всем своим делам и изменениям, постоянно меняет старое, занятое, место на новое, свободное, и ползет по оси времени.

Понять это трудно, но попробовать стоит. Вот сыплются песчинки в часах – идет время. Хоп! – "остановилось мгновенье" – застыли песчинки, и никогда больше не упадут. И абсолютно ничего больше не изменится и не произойдет в мире. Потому что время остановилось. Времени нет. Ничто не может измениться в мире, ни одна песчинка, ни один атом, ни одна элементарная частица с места не сдвинется, если нет ни мига времени для этого.

И никто этого никогда не узнает, потому что в нас самих всё тоже абсолютно остановилось – не только биохимические процессы, но и частицы в атомах, из которых мы состоим.

А это значит – нет больше атомов в мире. И элементарных частиц, из которых состоит вся материя, тоже нет, потому что они существуют только в движении, вне движения их нет. Это значит, что никакой материи в мире нет. И вообще ничего нет. НИЧТО.

Время – это как бы та среда, в которой только и существует все бытие. А все бытие – это та среда, в которой только и существует время, в свою очередь. Ипостаси одного и того же единого целого.

Разные высоконучные теории на эти темы (мы изложили суть дела простым языком) вызывают вечные споры профессионалов. Сейчас нам важно одно – время все-таки есть. Вот так устроен мир, что есть время.

А это означает, что в Бытии все время что-то происходит. Что-то происходит – это и значит, что есть время. Время только через то и определяется, что что-то происходит.

А раз что-то происходит – есть Энергия.

А если нет Энергии? Это, опять же, значит, что все элементарные частицы перестанут двигаться. Не будет у них ни энергии движения, ни энергии электрических зарядов. И не будет никаких связей между частицами материи в таком случае, никаких сил притяжения, никаких молекулярных решеток и атомных орбит. И не будет никакой материи, и не будет никакого движения, вообще ничего не будет – и, значит, не будет никакого Времени: отсчитывать-то нечего, изменяться нечему. Остановилось прекрасное мгновенье.

Но. Все наше БЫТИЕ есть *данность*. Коли есть пространство и есть время – есть и БЫТИЕ. С нас пока вполне достаточно, что пространство и время – есть.

А это означает, что всегда есть действие – хотя бы на внутриатомном уровне. А это означает, что всегда есть энергия.

(Поэтому разговоры о том, что послужило "первотолчком", "заводным механизмом" к существованию Вселенной достаточно бессмысленны. Потому что время, энергия и движение – есть неотъемлемые сущности Бытия. Вне движения просто ничего не может быть. Вообще ничего. Только полное НИЧТО. Как философская противоположность БЫТИЮ.)

Но поскольку энергия не берется из ничего и не исчезает бесследно никуда – она и не могла взяться ниоткуда. Только в пространстве, времени и движении и существует само Бытие, их можно назвать его качествами, а можно ипостасями.

Можете вообразить себе стакан без стенок, дна и материала, из которого он сделан? Это Бытие без пространства, времени и движения. Нет ничего – нет и предмета разговора.

Вы будете смеяться, но мы подошли сейчас примерно к докторской диссертации Шопенгауэра: "О достаточности четвероякого корня всякого основания". Правда, говорили попроще и покороче, и наука с тех пор еще кое-что узнала. Не то чтобы автор считал себя "шопенгауэрианцем", просто так получается.

В фундаментальном труде "Мир как Воля и Представление" Шопенгауэр весьма близко подошел к сути вещей.

Его "Воля" – это, в общем, и есть Энергия – то свойство Бытия, которое обеспечивает само его наличие в смысле непрерывного движения и стремления к изменениям. А "Представление" – все то, что накручивает человек на это свойство Бытия, постигая Мир своим мозгом и мозгом же руководясь во всей своей жизненной деятельности субъективно.

Это много кто слышал, но мало кто понял. Иначе фрейдизм не стал бы из частной области медицины философствующим учением. Иначе не было бы в Москве проспекта Вернадского, ибо вся его теория – частное приложение философии Шопенгауэра, а ничего принципиально нового он не открыл. Иначе Ясперс и Фромм не были бы вульгарными начетчиками, и их "ум" не почитался бы. А Льву Гумилеву в своих раскладках достаточно было бы просто идти от Тойнби.

Боже мой, а я-то для кого стараюсь...

Так вот. Если взять энергетический уровень. То все Бытие есть потребление, преобразование и выделение энергии. Понятно ли теперь? Любое существование, само наличие чего бы то ни было – это потребление, преобразование и выделение энергии.

Могут возразить, типа: а миллионлетняя скала? Ого! Она была раскаленной гущей, остыла, затвердела, – а потом, беря энергию солнца, воды, ветра, рассыплется в песок; и элементарные частицы в атомах ее молекул гранита носятся с бешеной скоростью, держась друг за друга. Вот что такое кусок древнего камня.

Бытие есть преобразование энергии.

Поэтому все движется и все изменяется. И жизнь на Земле здесь отнюдь не исключение. Здесь исключений в принципе не может быть. Как не может быть яйца без курицы.

2. Физический

А если поконкретнее. Что же думает по этому поводу естественная наука?

Естественная наука по этому поводу думает, в основном и в общем, следующее:

А). Наша Вселенная – расширяющаяся. Из некоего Центра начального Взрыва со страшной скоростью все космические тела разлетаются в разные стороны по всей сфере, все более удаляясь друг от друга и все более расширяя область Вселенной.

Б). Наша Вселенная – остывающая. Звезды отдают свою энергию через световое излучение в окружающее Мировое Пространство. В конце концов они отдадут в пространство всю свою энергию (чем крайне мало, по причине огромности, его нагреют) – и все станет ровно холодным и темным. Наступит тепловая смерть Вселенной.

В). Наша Вселенная – безгранична. Она конечна и имеет свои размеры. Размеры ее ограничены кривизной светового луча. Это означает, что свет имеет свойство притягиваться гравитационными полями, подобно материи. Вот вся масса вещества Вселенной и притягивает слегка свет. То есть: если пустить в пространство бесконечный световой луч, то когда-нибудь, через количество времени, которое и представить себе нельзя – он обогнет всю Вселенную, замкнув ее в орбитальное кольцо. Размеры этого кольца и есть размеры Вселенной.

Луч будет идеально прям. Но одновременно замкнется. Ну как вроде представьте себе кругосветное путешествие: идешь на Запад, огибаешь планету и возвращаешься с Востока. А идешь вроде по прямой.

И за пределы этой своей Вселенной мы выскочить не можем. Мы этих пределов и ощутить не можем. Все наше – здесь, "внутри". В какую бы сторону ни шел, пусть бесконечно долго, – а все равно ты здесь, кроме этого Мира для тебя ничего нет.

Г). Наша Вселенная – не вечна. Если рассматривать ее как открытую систему, то в конце концов вся энергия "первовзрыва" рассеется в бесконечном Мировом пространстве – и наступит полный конец, Ничто, без материи и времени. Все иссякнет.

Если же считать ее замкнутой системой, каковая она есть, то уж больно она большая. Будет летать в вечном мраке мелкая холодная пыль.

Но. Но:

С одной стороны, на разлет небесных тел от Центра тоже затрачивается энергия, и, рассматривая этот разлет в огромном масштабе Вселенной, можно сказать, что все разлетается в разные стороны все медленнее и медленнее.

С другой стороны, протяженность этого полета по прямой ограничена кривизной светового луча.

А луч этот, обогнув кольцом Вселенную, движение свое продолжает, но уже "снижаясь": вещество Вселенной продолжает его притягивать, и кольцо превращается в спираль, приближающуюся обратно к центру.

И через некое чудовищно долгое время небесные тела начнут не удаляться, а *приближаться* к Центру. Но искривление их движения настолько мало, что в каждый отдельный отрезок времени им можно пренебречь, как бы все летит каждое по своей прямой – либо удаляясь, либо приближаясь. Ну, представьте себе морского ежа, или шар из спиц, скрепленных в центре. Но где-то далеко-далеко спица, изгибаясь, возвращается другим концом обратно в центр.

Вот насчет этого и существует теория пульсирующей Вселенной, где стадия расширения сменяется стадией сжатия. В принципе на это еще древнеиндусская космогония намекала. Получается, что огромные облака холодной разреженной пыли медленно-медленно начнут сплываться к тому самому Центру Вселенной, откуда когда-то они были в виде гигантских потоков раскаленной плазмы выброшены во все стороны. И все на этом.

Если б они, конечно, столкнулись все вместе в этом Центре да на гигантской скорости, да огромными плотными телами – произошел бы новый чудовищный взрыв, и цикл пошел бы по новой. Но слишком много энергии будет растрчено за миллиарды миллиардов миллиардов лет полета в Пространстве... и не хватит ее уже на новый Взрыв.

И вот тогда настанет Конец Всему, в конце концов. Все остановится, не будет Времени, Движения, Энергии – Бытия.

Если только не – —

Если только не грохнуть неким образом всю эту холодную и вялую пылевую массу, чтоб произошел Новый Взрыв. Если не запустить цепную реакцию нового выделения всей энергии, еще находящейся во Вселенной.

Как, чем? Трудно покуда сказать.

Ребята, вместо всего этого можно, конечно, сделать попытку изложить здесь общую теорию искривления единого поля замкнутого пространства-времени, но это крутовато будет. Один математический аппарат чего стоит. На это цвет мировой науки всю жизнь кладет.

На данном этапе самым совершенным, максимальным способом выделения всей – *всей* – энергии, содержащейся в веществе, является аннигиляция. То есть материя совмещается с антиматерией – и перестает существовать, превращаясь в световое излучение во взрыве необыкновенной, непревосходимой силы. Аннигиляция одного грамма вещества —

$$E = mc^2$$

– способна разнести в клочья целый континент. Это миллионы Хиросим⁹. Столько взрывчатки сегодня нет во всех ядерных арсеналах.

А теперь – кстати о диалектике. Об единстве и борьбе противоположностей, о вещи как веревке, натянутой внутри себя в разные стороны.

К чему стремится любое тело, вещество, материя, – в динамическом равновесии каких двух противоположных тенденций оно существует?

Тенденция первая – абсолютный покой. "Устроиться" так, чтобы вообще "ничего не делать". Принять такую форму, занять такое положение, чтоб никакие действия, никакие изменения были уже невозможны. Стремление к своему предельно стабильному состоянию.

Тенденция вторая – выделить всю энергию, что в нем есть, совершить максимум действия, изменить свое положение и состояние до предела.

А в результате? А в результате отдать всю энергию и успокоиться окончательно – остановиться, перестать быть.

Говоря иначе:

Всю свою энергию сохранить – и всю свою энергию выделить.

Максимальный покой – и максимальное движение.¹⁰

В этом смысле аннигиляция – идеальное удовлетворение обоим условиям.

Нет большего покоя, чем полное исчезновение. Нет большего действия, чем выделение абсолютно всей энергии при аннигиляции.

Нет большего преобразования, чем перейти в совершенно иное качество.

Абсолютное действие как путь к абсолютному покою.

Вот это – как два полюса существования материи.

И вот вам отрицание отрицания.

И вот вам переход в свою противоположность.

И вот вам идеальное разрешение конфликта и ситуации.

И вот вам новая расширяющаяся Вселенная.

⁹ Для не знающих физики и арифметики – 100 миллионов килотонн энергии.

¹⁰ (*Аналогия – вакуумная бомба: локальная вспышка – взрыв-сгорание всего объема воздушно-газовой смеси – хлопывание в эту "дыру" окружающего атмосферного воздуха: взрыв "внутри".)

Эх, да где ж сил взять, где взять тот гранатный запал, который позволит провести этот Сверхвзрыв? Коли остынет, замедлится, обессилеет материя... Гм?

3. Биологический

Что такое, собственно, жизнь на Земле? Да-да, конечно – "форма белкового существования материи". Ну, есть такая форма, есть такая партия, и что с того?.. Это ничего не объясняет: как? что? почему? зачем?

Давайте-ка еще раз, с начала.

С геологии.

Что такое Земля?

Земля – здоровенный кусок материи, вещества.

Что она делает?

Существует. Крутится, летит, остывает, изменяется.

Что это все такое?

Формы энергии.

Какой энергией обладает Земля?

Во-первых, чисто механической, кинетической – огромная масса несется в пространстве с огромной скоростью. Столкнется с чем-нибудь – мало не будет.

Во-вторых, тепловой: когда-то была раскаленным сгустком, потом стала горячим шаром, потом этот шар стал остывать.

В-третьих, внутренней энергией самого вещества, из которого она состоит – химической и атомной: в каждой холодной песчинке заключена энергия ее молекул, атомов, элементарных частиц.

Что происходит с этой энергией?

Она уменьшается.

Земля остывает – огненный сгусток медленно превращается в холодный каменный шар. Горячая начинка трясет кору, прорывается сквозь вулканы, греет изнутри ставшую теплоизолирующей поверхность. Тепло, задерживаясь корой и атмосферой, уходит в окружающее пространство. Естественное будущее Земли – холодный Марс. (Не молодеет вся Солнечная система – и светило шлет энергии все меньше, пока совсем не погаснет...)

Это – тепловая энергия. А кинетическая?

Тоже понемногу уменьшается. Пространство, в котором летит Земля, не идеальная пустота – встречаются кометы, астероиды, сгущения пыли – короче, движение хоть как-то, но тормозится. Вдобавок уменьшается сила притяжения Солнца – потому что оно становится меньше, его масса постепенно выгорает, превращаясь в световое излучение – и оно все слабее "вращает Землю за веревочку" силы своего притяжения.

А внутренняя энергия самого вещества Земли? И она тоже понемногу уменьшается. Эволюция структуры Земли от сгустка до нынешней планеты происходит за счет собственного, изначально имевшегося запаса энергии. На все происходившие изменения этот запас расходовался (количеством вбираемой Землей солнечной энергии он не компенсировался – коли шло остывание, верно?). Все более сложные, стойкие и холодные соединения вещества Земли по мере эволюции как бы старались *законсервировать* в своих атомных и молекулярных конструкциях часть изначальной энергии огненного клубка. С другой стороны, теплоотдача вызывает изменения внутренней структуры вещества (простейший пример, опять же: пар – вода – лед). (Условно-упрощенно: силы, которые сцепляют элементарные частицы в атомы, а атомы – в молекулы, расходуются постепенно на нагревание окружающей среды. В горячей плазме эти силы так (избыточно) велики, элементарные частицы и самые простые маленькие атомы так "буйно дергаются", что "избыток сил" не позволяет им соединиться в конструкции более

крупные – сложные атомы и молекулы. По мере остывания – они несколько "слабеют" и как бы "слипаются" в разные химические элементы и соединения. А когда охлаждаются до Абсолютного Ноля, температуры пустоты Мирового Пространства, вся энергия в конечном счете к чертям излучается, их сил уже не хватает, чтоб скопом держаться друг за друга, и вещества распадаются. Грубо говоря, все превращается в холодную пыль, из которой много не выжмешь.)

Отметим главное для нас – уменьшающаяся энергия Земли по возможности "консервировалась" – и все более "концентрированно", все более усложняя структуры веществ-"хранителей"¹¹.

И вот когда поверхность раскаленной Земли остыла в общем, скажем, градусов до 50 по Цельсию, на ней появилась жизнь. Простейшие микроорганизмы, одноклеточные, травинки-лишайники и так далее.

Качественный скачок понятен: возникла новая форма материи; неорганика дополнилась органикой. (Каким образом – наука ломает голову: пока понять не удалось, мертвое в живое переходить не хочет.) А с количественной точки зрения – в чем суть происшедшего изменения? Если прежней, единой линейкой мерить?

А в том, что растения, усложняясь и размножаясь, развили такую деятельность по консервированию энергии, что это производство вообще стало отдельной отраслью Бытия – жизнь на Земле. Папоротники, кусты, джунгли! Они что делали? Вбирали в себя вещества Земли – воду, минеральные соли и так далее. Энергия полей Земли тоже шла в дело – гравитационного, магнитного. А еще они вбирали энергию Солнца – и "напрямую", посредством фотосинтеза, ловя лучи листвой, и ту тепловую, что днем задерживается и отражается земной поверхностью. И из этого строили себя – корни, ствол, листва, семена. Сложнейшие процессы, масса химических реакций. Пошли "побочные" продукты и следствия: кислород из листвы в атмосферу, ил на дно водоемов, перегной опавшей листвы в почву. Зазеленела планета, заголубела, зацвела.

Что произошло с консервацией энергии? Увеличилась. Вот упадет высоченная мачтовая сосна – гул пойдет по всему лесу: кинетическая энергия падения многотонного ствола перейдет в энергию удара. А какая энергия создала этот ствол и подняла на такую высоту? А вещества и полей Земли плюс солнечное излучение. А залежи угля, торфа, сланца, нефти – тоже запасы энергии, бывшие растения.

До растений – что делала Земля с солнечными лучами? А ничего, пропадали без толку. Днем жарче – ночью холоднее, разве что скалы растрескаются, сплошная энтропия. (Разумеется, это уже после определенного этапа оформления и остывания звездно-планетной системы.) А теперь – те же, и даже слабеющие, солнечные лучи – стали вбираться, запасаться.

То есть: по мере уменьшения общей энергии Земли средства ее консервации (сохранения) стали сложнее и эффективнее. Как бы КПД процесса увеличился. Вот вам энергетическая суть жизни как этапа существования Земли.

Это первое. А второе: преобразование энергии Земли (ну, сейчас мы говорим только об ее коре) пошло с бешеной скоростью. Динамика мертвого и живого вещества несопоставима. Энергию – взять! преобразовать! выделить! – быстрее! больше! эффективнее!

И вот этот энергообмен идет с такой скоростью, что по сравнению с ним процесс энергоконсервации уменьшающейся энергии Земли как бы даже и незаметен. И скорость увеличивается в прогрессии!

Биосфера растет! Энергия ее увеличивается!¹² Везде работа кипит, движение. Животные появились, стали растения поедать. Потребляют энергию Земли и Солнца в, так сказать, обогащенном виде, переработанный концентрат. На этой энергии двигаться стали, бегать, драться.

¹¹ Т.е. рост энтропии планеты в целом уменьшался по мере ее энергопреобразования – упорядоченность системы увеличивалась.

¹² Т.е. энтропия биосферы убывает, стремясь к понижению энтропии планеты.

Хищник: сожрал кого-то – и зарядился еще более концентрированной, уже дважды – растением и травоядным – переработанной энергией.

Вот динозавр. Огромный. Жрет траву с утра до ночи. Обогревается от окружающей среды, он был существом холоднокровным. Головка маленькая, ходит медленно. КПД действия, можно сказать, низкий.

А вот белый медведь. Съел тюленя – и на три дня хватит. Кругом полярные льды, а ему тепло, энергия пищи на обогрев тоже идет. Весит полтонны, а бежит при нужде быстро, сотню километров без подзаправки пройти ему ничего не стоит. Шкура теплая, башка сметливая. КПД его действия как энергопреобразователя куда выше.

И вот появился человек. Обезьяна обезьяной. Но – умный, зараза. И при помощи этого своего *ума* – стал достигать удивительных результатов.

Придумал разные орудия, инструменты, приспособления – и с той же затратой мускульной энергии стал производить куда больше работы. КПД преобразования энергии резко повысился.

Так он еще придумал использовать для своих действий энергию животных. Так он еще придумал объединяться в большие сложные сообщества. Такое творит! А жрет столько же, потребляет энергии столько же. А работы в результате происходит больше. Растет КПД.

Гм.

Все действия растений были направлены на то, чтобы энергию запасать, по возможности умножать – в сумме, на Земле.

Все действия животных находились в равновесии с растительным миром. Сожрешь что-то – освободится место для роста новой такой же зелени. Или роста новых зайцев до установившегося поголовья.

Энергия животных и птиц (бегают, летают, землю роют) приплюсовывалась в биосфере к энергии растений.

Энергия человека – который мог делать, и делал, гораздо больше животных, – сюда же прибавилась. Да сколько ее! Со своей умной головой и умелыми руками, *человек – крупнейший в природе специалист по преобразованию энергии*, в том уже смысле, что ужасно большая часть его собственной, как организма, энергии превращается в действия, то есть в какие-либо изменения окружающей среды.

В этом его главное отличие от прочих животных. И обусловлено оно большей активностью мозга, большей энергетикой центральной нервной системы. Только-то. Простым глазом не усмотришь.

Но потом – человек овладел огнем! Вот это было да.

Огонь – питает: жареная-вареная пища усваивается легче, полнее.

Огонь – греет: подбросить ветку в костер легче, чем гоняться за добычей и согреться, набивая брюхо ее мясом и заворачиваться в ее содранную шкуру.

Огонь – защищает: ткнул зверю головню в морду, поджег лес вокруг стойбища врагов – это легче, чем махать каменным топором с негарантированным успехом.

Энергия огня приплюсовалась к собственной энергии человека как существа биологического. Единственный из животных, человек стал использовать – потреблять, преобразовывать, выделять – энергию вещества Земли *небиологическим* способом, превращая материю в тепловое и световое излучение.

Гигантский скачок. Если перевести калории в джоули работы – никакому животному такой КПД и сниться не может. Бросил уголек в лес – и наработал больше стада слонов. Энергия человечества с овладением огнем повысилась феноменально.

Это с одной стороны. А с другой – что получается. До человека растения и животные использовали энергию Земли – воды, почвы, а также воздушных и водных течений, гравитационного и магнитного полей – с положительным общим балансом: общее количество энергии

на Земле, включая их собственную, при этом, как результат процесса их жизнедеятельности, не уменьшалось, а увеличивалось. Суммарно, на уровне атомных частиц, количество вещества Земли не уменьшалось, а энергосодержательность его, в результате сложного структурирования под воздействием солнечных лучей, увеличивалась. Упрощенно: масса вещества не уменьшалась при одновременном увеличении своего "энергоКПД". Это – ход биологической эволюции.

А теперь? А теперь огромные количества "энергоконсервов" стали с бешеной скоростью расходоваться, превращая материю "обратно" в свет и тепло.

Вот такой диалектический виток.

В процессе "энергозапасания" наметился обратный характер. Расходование¹³.

Зато общее количество энергии, которая может быть сейчас, достигнутыми методами (уже неббиологическим путем!) использована, задействована, преобразована, пущена в ход – увеличилось: энергия всего ископаемого горючего.

Из материи стал вышибаться максимум энергии, какой только вообще возможен в обычных природных условиях Земли.

То есть:

Свет, тепло, огонь – превратились в неживую материю.

Количество энергии Земли понизилось.

Неживая материя дополнилась (породила?) живой.

Количество энергии неживой планеты продолжало уменьшаться, частично и с ускорением преобразуясь в энергию живого вещества – вон как быстро бамбук растет; количество живой энергии стало увеличиваться.

И в конце концов живая материя "оплодотворила" неживую: посредством живой неживая стала преобразовывать свою энергию в световое и тепловое излучение (а то бы так и "пропала втуне").

Огонь бы еще ладно, а вот атомная энергия!.. Но об этом – чуть ниже, потому что с овладения огнем – можно говорить не просто о биологическом развитии на Земле, но об истории человечества.

4. Исторический уровень

Что есть История?

История есть совершение человечеством всевозможных действий за все время его существования.

Что есть все эти действия?

Все эти действия есть всевозможные изменения, которые производило человечество в мире, в котором жило и живет. Убить зверя, вспахать поле, построить город, поковырять в носу – все это так или иначе **изменения** действительности, делание ее не точно такой, какая она была миг назад.

Что есть любое действие, любое изменение?

Преобразование энергии.

Любое действие есть акт затрачивания, выделения какой-то энергии на собственно его свершение. Даже вздохнуть и моргнуть. Даже сходить в магазин, не говоря об испекании булки.

Вся история человечества – есть потребление, преобразование и выделение энергии.

И от начала истории – этот процесс имеет положительный баланс.

Сначала – растения, животные – процесс энергопреобразования повышался в природе биологическим путем.

¹³ Т.е. человек с огнем стал увеличивать энтропию суммарной энергии общего вещества планеты.

Затем – человек – процесс стал повышаться также механическим и организационным путем. Копалка, рубило, топор, лук, рычаг, блок, колесо, – все больше энергии превращается в действия, в изменения мира. Домашние животные – выдернуть их энергию из равновесия с природой, направить на ее "человеческие" изменения. Племена, племенные союзы, государства – энергия масс людей упорядочивалась, суммировалась в единый вектор, позволяя производить грандиозные действия: Китайская стена, Пирамида, Рим.

Человеческий организм продолжал потреблять на поддержание собственной жизнедеятельности (движение, подогрев, физиологические процессы) то же количество энергии, что и всегда (с едой, водой, воздухом). А объем работ производил все больший, энергии преобразовывалось в действия все больше, действительность изменялась все больше и быстрее.

(В некотором смысле – уплотнилось, убыстрилось само Время!)

Но без огня – все это семечки. Овладение огнем есть запал и первооснова массы следствий.

Металлурги я. Плуг и меч. Производить еды больше, сил и времени на ее производство тратить меньше, пустить освободившиеся силы и время на что-то другое. Меньшим хорошо вооруженным войском держать врага в страхе, а остальные граждане пусть делают что-то другое. Нас будет много, мы будем непобедимы, и всех заставим работать на себя.

Пушка, ружье. Энергия щепоти угля с селитрой в дело – и хана тебе в твоей груди громыхающих доспехов. Здесь будет размножаться мой род. А твой будет ему строить грандиозный дворец, камни таскать, а не коз доить. Пустим энергию на изменение мира.

Что такое любая война? Колоссальное энергетическое преобразование. Максимальное действие из всех возможных – здесь и сейчас! – для всей группы воюющих людей. Могли монголы Чингис-хана создать паровую машину или превратить степь в яблоневый сад? Нет, они могли только пасти скот и резаться с соседями. Ну так они прошли мир так, что он содрогнулся. Могли вандалы Гензериха построить Рим? Ни в жисть. Но они могли его разрушить! Что с точки зрения совершения действия, изменения – есть то же, что приведение его из разрушенного состояния в прежнее, но с обратным знаком.

(Когда и почему возникает война? Когда суммарная энергия человеческого сообщества превышает ту, которая может быть реализована мирным образом. Природные условия не позволяют развернуться, или уровень научно-технических знаний. Делать что-то требуется, а что – неизвестно. Не могут же все стать мудрецами и философами. Уровень энергии превышает а) уровень имеющегося равновесия, б) уровень созидательных возможностей.

Если все силы у тебя уходят на труд по выживанию – ты воевать не будешь. Если твои силы, разум и **чувства** могут быть полностью напряжены и реализованы в созидательной деятельности – ты тоже воевать не будешь. Но для созидательной деятельности нужны определенные знания, определенная структура общества и определенный моральный кодекс, свод этических ценностей. А у дикаря какая главная ценность? Сила и храбрость в бою, да "богатство" как следствие и показатель этих качеств. Его избыток энергии прежде всего сбрасывается в войне.

А цивилизованное государство медленно эволюционирует, длительные периоды находясь в равновесии энергии и созидания. У него больше возможностей для мирного применения энергии.

Избыточная энергия: 1) накапливается постепенно, как остаток, не востребуемый мирной жизнью; 2) провоцируется и поддается природными энергетическими всплесками – солнечная активность, магнитные бури, землетрясения, наводнения, вообще всяческие стихийные бедствия и катаклизмы – все это неким неясным современной науке образом имеет отражение в повышении энергетики живой природы: давно отмечен факт, что исторические катаклизмы совпадают с тем, что у деревьев шире годовые кольца (активнее росли), комета приблизилась, зима лютая, лето жаркое, и т. д.

Несоответствие энергетических и созидательных возможностей как совокупность психики индивидуума дает хулигана, бандита, авантюриста, искателя приключений. В период катаклизмов их число резко подпрыгивает. Но действие сообщества не есть простая арифметическая сумма действий отдельных личностей. Общая энергия сообщества и ее вектор складываются из множества отдельных маленьких величин и проявлений между людьми, между человеком и природой, между трудовыми и социальными группами, это и культурный уровень, и производственные отношения, и все связи государственной структуры, и так далее¹⁴.

Понятно, как сплошь и рядом интересы государства противоречат интересам личности – хотя, вроде, сами личности и создали государство для своих интересов. Так же разрушительная война может противоречить интересам, в общем и целом, и личностей и государства

– но соответствовать "интересам" Природы и Истории как а) сброс избытка энергии; б) совершение максимального действия.

А избыток энергии сверх необходимого – есть главнейшая и характерная особенность человека.)

Но всестороннее рассмотрение феномена войны требует отдельного исследования, мы ограничились краткой сутью. Сейчас необходимо отметить одно: война – это всегда огромное действие, энергопреобразование, и чем дальше – тем больше.

Отметим два нужных нам сейчас аспекта войны как таковой.

Первый. Гибли – в среднем – более храбрые, агрессивные, сильные, энергичные, умственно заурядные. Выживали – в среднем – более трусливые, слабые, эгоистичные, хитрые. То есть: можно уловить определенный естественный отбор, направленный в сторону личного выживания и умственной изворотливости и предприимчивости как средства к выживанию.

Второй. Война всегда побуждала и поощряла развитие науки и техники, которые тут же проверяла и применяла практически и с важнейшей целью: остаться в живых. Хочешь жить – тут завертись, напряжешь мозги изо всех сил, коли дубинкой не отмахаться.

Однако возвратимся к огню.

Металлические орудия позволили производить больше работ и действий – сначала мускульно-механическим способом: та же рука плюс приспособление, которое без руки действовать не будет: лом, топор, меч, таран.

Затем огонь стал производить механическую работу: кидать ядра из орудий, взрывать стены.

Затем производимая огнем механическая работа приобрела характер управляемого процесса – паровая машина. Ого! Насос, паровоз, пароход, пресс, супермолот, приводные передачи на всевозможные станки, развивающие огромное усилие для обработки любых материалов. Возникло название "техническая цивилизация".

Нефть. Бензин. Автомобиль. Самолет.

И только на базе вот такого уровня энерговооруженности цивилизации пошли развиваться:

Электричество. Крутим динамо паровой машиной, потом двигателем внутреннего сгорания, потом турбиной – огонь жжем! а также водой и ветром, пустим в дело и их энергию.

Химия. Искусственные ткани, пластмассы, синтетическое топливо, синтетическая жратва (не нравится – не жри дешевую колбасу).

Кибернетика. Компьютеры. Труд сотен человек заменяет один с машиной.

Сказочная производительность труда. Трубы дымят, конвейеры бегут, реклама мелькает, магазины и помойки ломаются: бешенство жизни.

¹⁴ Л. Гумилев абсолютизировал роль природных энерговыплесков в Истории человечества ("пассионарные толчки"), никак не учитывая энергетические макроизменения как накапливаемый результат жизнедеятельности сообщества. Но сход лавины обусловлен ее ростом, а поводом может быть и выстрел, и шорох, и последняя снежинка.

Все больше энергии преобразуем! Все больше действий совершаем, мир изменяем: громады городов на асфальте, бетонные шоссе через равнины, небо от лайнеров гудит. И так далее.

Вся история человечества – все большее и большее преобразование энергии, в первую очередь вещества Земли с атмосферой, а также солнечного света.

Вторая мировая война. Гитлер! Угроза человечеству! Лучшие умы – в Лос-Аламос! И в Челябинск-16, и под Сухуми! создать им все условия, дать все! И вот вам атомная бомба.

И вот вам атомные подводные лодки с ракетами.

И вот вам атомные электростанции – и электричество для все нового производства все новых вещей – больше! других! быстрее!

И вот вам знаменитый советский ядерный полигон – заполярный остров Новая Земля (поистине со смыслом название): легендарные испытания стомегатонной водородной бомбы в 1961 году. Пожалуйте в бункер... дайте товарищу место у перископа.

На стопятидесятиметровой вышке – боеприпас. На земле вдаль идут – окопы, блиндажи, городки искусственные, животные пасутся на разных расстояниях. Боевая техника в укрытиях и поверху. Тундра, серо. У берега меж льдин старые пустые корабли болтаются.

Пошел отсчет секунд! Замерли генералы, замерли ученые.

Вспыхнула на вышке нереальной слепящей яркости сфера, разом полыхнули постройки, грянул неземной силы ураган, смел все вокруг. Многокилометровая стена праха ударила кругом во все стороны, всклубился и вырос снизу в бешеном вращении черный смерч в километры диаметром – вверх плывет белый бушующий шар, окутался дымной шапкой в десятки километров ширины. Встал жуткий гриб в стратосферу.

Вот это мощь! Вот это боеприпас! Вот это испытания! Вот это торжество советской военной науки! Винты, ребята, дырочки для орденов.

Кивают головами ученые. Закуривают удовлетворенно генералы. Шампанским хлопают в бункере: "За успех!"

Стоит двадцатикилометровый апокалиптический гриб над землей, и пылает в центре шапки гигантская огненная сфера. Аж самим жутко.

Минуту пылает. Две пылает.

Смотрят все в перископы с увеличенным вниманием. Расчетное время, однако, истекает. Что надо запустили реакцию. Полная расчетная мощь. Даже больше выходит.

Пятнадцать минут!

Все уже понимают, что это... несколько превышает расчеты. Хорошо, конечно... но, знаете, тут не шутки. Оживление спадает, начинает попахивать напряженностью.

Полчаса!!

Братцы, что-то мы не совсем точно рассчитали. Что-то не совсем так. Народ бледнеть начинает. Ученые спорят тихо и лихорадочно.

Час!!!

Продолжает бушевать безумной мощью взрыв! Гигантский шар раскаленной плазмы бушует над Землей!

И тут вспоминают: говорил, говорил же Нильс Бор... что теоретически возможно запустить такой мощью, такого объема термоядерную реакцию, что пойдет она не с отрицательным балансом, а с положительным. Поверхность пламенного сгустка и температура его будут таковы, что начнет вовлекаться в синтез водород воздуха и водяных паров атмосферы, а кислород выгорать, и пойдет реакция с положительным балансом... а там и вода с ее водородом и кислородом, Мировой Океан... и пока, значит, все топливо не кончится... хотя, когда уж пойдет как следует, так это быстро.

Опытным путем, конечно, это проверить трудно было. Но теоретически он допускал, что – возможно... И – вот вам.

И тут кому-то делается плохо. И кому-то нужен врач. И у кого-то происходит непроизвольное мочеиспускание. Зеленые генералы плачуще матерят ученых. Ученые утирают пот и обмениваются довольно бессмысленными замечаниями.

Закуривай, ребята.

Конец света.

... твою мать!..

Два часа!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

Где-то на горизонте летают американцы и в ужасе смотрят, что это сотворили эти кошмарные русские.

И через два часа реакция начинает явно сворачиваться. Иссякает. Тускнеет, гаснет сфера.

Сил радоваться ни у кого уже нет. Отдуваются, и с бессмысленными блаженными улыбками опускаются сесть на что попало. Спиртик разводят и глотают – ну, падла, есть что праздновать.

Вот после этого и поздравили народ с необычайной военной мощью Советского Союза. Объявили: "Мощностью свыше ста мегатонн тротила". Свыше пяти тысяч Хиросим, значит. Это как Хиросима по сравнению с одним небольшим грузовиком обычной взрывчатки – или с обычной крупнокалиберной бомбой, которыми в сорок пятом американцы заваливали Германию. А на сколько больше, значит, ста мегатонн – этого не говорили. Никто, в общем, не знал. А черт его знает. Но намного больше. Здорово очень намного.

После этого и спели два эстрадных идиота Шуруп и Рыкунин под гармошку: "Сто миллионов тонн тротила, чтоб кондрашка их хватила!". Веселили страну: "их" – империалистов, значит.

После этого и закрыли на пять лет Новую Землю вообще. Уж слишком высока радиация даже для ядерного полигона, соваться нельзя. И крабов вокруг ловить перестали – многовато дряни у них в панцире накапливается после этого эксперимента.

А доложили все в подробностях лично Хрущеву. Хрущев: а что, возможно в принципе создать такую бомбу, чтоб реакция шла с положительным балансом? Посчитать надо, Никита Сергеевич. Считайте! Стали считать. Через восемь месяцев положили расчеты: можно.

Ужаснулись в правительстве, и положили это под сукно. В сейф. Со всеми мыслимыми грозными грифами секретности. С глаз и от греха подальше.

И стали договариваться с американцами о полном и вечном запрещении ядерных испытаний на земле, в атмосфере и под водой. Не гуманизма ради, а спасения для. Как только и возможно, на таких переговорах была масса сверхсекретной информации поведена друг другу – не для печати и всеобщего сведения народов. И летом шестьдесят третьего года подписали это историческое запрещение. Хрущев с Кеннеди.

Вот на этом чуть не кончилась наша с вами история.

Весь водород атмосферы и океана был бы превращен в огненную плазму и гелий в остатке – а заодно выгорела бы вся органика на Земле, уж это ясно, была бы спекшаяся поверхность каменного шара. Примерно так. Уж будьте спокойны.

Это, господа, термоядерный способ преобразования энергии вещества. Примерно по такому принципу, в общем, звезды горят.

А вы спрашиваете, зачем войны.

А вот затем. Чтоб совершить максимальное действие, какое только возможно. Максимально изменить все, что только человечество может изменить. Уж преобразовывать энергию – так преобразовывать! Это тебе не пиджачок купить у Джанни Версаче, не цыпленку шею свернуть.

И вот что человек сделать уже может. Вот до какого уровня дошла история жизни на Земле.

Но.

Но. Это все пока очень вряд ли.

Почему?

Потому что, рассуждая логически, давным-давно люди могли поголовно уничтожить друг друга, действуя только каменными топорами. Не говоря уж о пушках с картечью. А уж в двадцатом веке только запасы химического или биологического оружия позволяют уморить все человечество быстро и наверняка, в считанные дни. Есть возможности. Техника позволяет.

И "простые" ядерные бомбы сделать это тоже более чем позволяют.

Но человечество отнюдь не стремится просто к коллективному самоубийству. Хотя это, конечно, крупное действие. Сотня лет – и следа от всей нашей "цивилизаторской деятельности" не останется. Рассыплются постройки, зарастет все лесом, покроется песком, разве что пирамиды поторчат подольше.

Но это – отнюдь не логическое завершение нашей истории как этапа и ступени в общем ходе преобразования энергии во Вселенной. Человек выключится как звено в цепи энергопреобразования. Его самоубийство – это так, частность, ради этого не стоило и огород городить.

Мы в какую точку все долбим? Человечество – порождение и часть Вселенной. Живет не само по себе, но по законам Вселенной, и соучаствует в общем действии. Посредством человека возможны энергопреобразования (сейчас – в рамках Земли), невозможные без него. Тенденция энерговыделения – расти до предела, отдать максимум, все; а до этого еще далеко.

Вот когда мы, развивая науку и технику, придем к возможности *все вещество Земли* превратить в тепло-световое излучение – это действие покрупнее будет. Скажем, зажжем Сверхновую. Или вообще аннигилируем свою планету. Это – о да!

Для этого еще пожить надо. Поработать. Посуетиться.

А вот когда – в конце Времени – потомки грохнут таким примерно образом всю Вселенную – вот это будет вообще да.

А если это будет на том этапе Ее существования, о котором мы говорили – когда безжизненные пылевые пространства будут плавать в вечной тьме и холоде у Центра Вселенной (а потомки, значит, такого наизобретают, что жить будут еще и в тех условиях) – и человек даст толчок рождению новой, активной, Вселенной – вот это совершеннейший, *абсолютный* максимум того, что мы можем сделать.

5. Психологический уровень

§ 1. В предыдущей главе было подробно рассмотрено, что высшая нервная деятельность человека, его психика, именно таковы, что неизбежно обуславливают совершение человеком максимальных действий. <.....>

Именно психология человека как такового, само устройство его мозга – есть причина, основание и гарантия того, что человечество движется к Максимальному Действию, оно же Большая Катастрофа, если угодно.

Субъективно, из самого человека исходя, наша психика и есть причина Истории, ее движущая, организующая и направляющая сила.

§ 2. Объективно в настоящей главе рассматривается, что психическая деятельность человека вполне увязывается с общим устройством Мира и есть его часть, подчиненная общим законам.

То есть: психика человека есть субъективная причина и объективное средство энергопреобразования мира в сторону все больших действий. Человек делал, делает и будет делать все, что только в его силах и возможностях. Предела его силам и возможностям мы не знаем, но они неслабы. Принципиальных ограничений этой тенденции – нет.

§ 3. Этим можно было бы и ограничиться. Но скажите-ка человеку, что его предназначение в природе – это стараться думать и работать как можно лучше, быть энергичным и изобретательным, чтоб его потомки смогли взорвать весь мир. Он посмотрит на вас как на идиота, и таки будет прав. Мало ли полусумасшедших проповедников бродит по миру.

Нет, скажет человек! Я, может, не знаю, для чего я живу, но уж точно не для этого. Чушь какая. Я, может, не спорю, что человек должен трудиться, делать что-то, детей рожать, мир преобразовывать... ну, вот это он и должен делать... наверное.

Нам дан разум. И свобода в своих действиях. И если мы понимаем пагубность каких-то своих поступков и хотим избежать их последствий – в нашей воле поступать иначе. Мы не хотим самоуничтожения. Понимаем, что многое в делах человечества надо изменить. И мы должны и можем сделать так, чтоб все было хорошо. Никто нам не мешает, кроме нас самих. А человек разумный – хозяин своих поступков.

Мне говорят: а вот есть Закон Природы, и ты действуешь по нему. Позвольте. Если я понимаю этот закон, и могу свободно и в своих интересах обдумывать и совершать любое действие, и никто и ничто мне не мешает – то какого черта мне действовать против своего разума и своих интересов?:

Возникает извечный и сакраментальный вопрос о свободе и необходимости.

§ 4. Что такое свобода?

Полное отсутствие принуждения. Возможность самому сделать любой выбор и совершить любой поступок. Нет границ, чтоб реализовать полностью свои любые возможности и желания. То есть:

свобода – это такое состояние, при котором человек обладает максимумом свободной энергии:

может совершить максимум того, на что способен. Вся его потенциальная энергия не ограничена ничем, кроме собственной психики. И это состояние всегда воспевалось, почиталось высшим благом, к нему стремились любой ценой.

А отсутствие свободы – ужасно, несносно, унизительно, это горе. Можно чего-то и не делать – но сама возможность сделать это очень ценна, а ее отсутствие плохо. И если кто ограничивает мою свободу – мне это психологически враждебно: он умаляет мои возможности, мою личность, мою жизнь.

Можно вообще сказать, что **стремление к свободе как к состоянию, при котором можно преобразовать максимум энергии – это проявление Второго закона термодинамики применительно к психике человека;** и не только человека, кстати, но и любого животного.

Стремление к свободе – это стремление к максимальным действиям.

Мы въехали в дивный парадокс: *поскольку стремление к свободе заложено в природе человека – то оно уже есть необходимость.*

§ 5. А что такое необходимость?

И так ясно, верно? То, что вытекает из сущности явления, что обязательно должно произойти, неизбежно, закономерно, обязательно, иначе никак. То, без чего нельзя. Камень падает книзу. Чтобы жить, необходимо дышать и питаться. Т. д.

Необходимость есть жесткая причинность и обязательность конкретного действия. Хочешь жить – необходимо раздобывать пищу.

В отличие от свободы необходимость – состояние энергетически связанное, ограниченное и направленное. Вынужденное и конкретное приложение силы.

В любой момент любой человек может совершить любой поступок. И в любой момент любой человек поступает конкретно, делает выбор из всех возможных вариантов – на то всегда есть причина, нужда, интерес, желание, *случай*.

Субъективно человек всегда свободен. Имеет выбор. Объективно человек всегда подчинен необходимости конкретных, добровольно избранных действий.

Противоречие между свободой и необходимостью заключено в том, что человек свободен и несвободен одновременно.

§ 6. На самом деле, конечно, никакого противоречия тут нет.

Все дело в устройстве психики.

Понимать, думать и делать ты волен все, что тебе заблагорассудится. Тут ты царь и Бог, на то тебе и дан разум.

А вот чувствовать и хотеть все, что тебе заблагорассудится, ты не волен. Недаром констатировал народ, что чувству не прикажешь, и охота пуще неволи. Испытывать любовь и ненависть, ощущать душевный подъем или упадок – не очень-то в твоей воле, верно? Есть боль и наслаждение, радость и горе, и душу свою с ее потребностями ты не переделаешь. Вот одно волнует, а вот другое оставляет равнодушным.

Законы человеческой психики, закономерности реакций нервной системы никто и не отрицает, тут никто ничего против не имеет.

Вот психика с ее устройством и ее законами, данная нам от природы, и ложится в основу всех действий. Из всех возможных действий ты совершаешь те, что наиболее соответствуют твоей *натуре*, характеру.

А характер – это судьба, ага? А судьбы – это История.

А базовое свойство психики, основанное непосредственно на инстинкте жизни – потребность в максимальной самореализации (свобода!), что следствием в поступках имеет стремление к самоутверждению (необходимость...). Прожить свою жизнь!

И как бы ты ни мудрствовал, ни насиловал себя, ни морализировал – в результате все равно, суммарно и в среднем, все твои действия будут клониться к тому, чтобы перечувствовать и сделать в жизни так много, как тебе нужно.

§ 7. Насколько человек может управляться разумом? То есть: насколько психическая энергия может быть подчинена сама себе?

Поехали. Что такое разум? Высшая форма психической деятельности. У животных ее нет. Разум, абстрактное мышление резко расширяет сферу источников ощущений – эмоции возникают опосредованно через искусство, речь, воспоминания, мечты, массовую информацию. И резко расширяет сферу деятельности.

Разум есть энергия второго рода. Энергозатраты на физиологию мыслительных процессов ничтожны. А энергопреобразовательные следствия их огромны (в масштабах Вселенной, возможно, безграничны). Из известных нам сегодня – *разум есть высшая форма энергии.*

Психическая энергия человека избыточна по сравнению с тем, сколько необходимо для простого выживания в природе. Разум есть оформление этой избыточности.

Изменить свою базу, анатомию и физиологию мозга, разум не может. Не может изменить скорость нервной реакции, ее мощность, темперамент¹⁵. Не может изменить потребность в количестве и силе ощущений. Не может изменить абсолютное количество психической энергии. (Есть, конечно, медицина, режим питания и пр., но все это направлено лишь на попытки приведения отклонений к средней норме.)

А может сдерживать и направлять проявления чувств. Сублимировать. Контролировать поступки. Регулировать желания воспитанием и моралью. То есть – лишь регулировать способы и формы реализации психической энергии.

¹⁵ Есть, конечно, лоботомия. Гм. Есть еще генная инженерия. На людях, правда, запрещена – но все, до чего додумывались, когда-нибудь делалось. Тут в будущем не исключены варианты...

Разум обслуживает потребность психики в ощущениях, потребность человека в действиях. Эта потребность – чувственная, витальная, действенная – первична. Формы реализации – вторичны. И в практической жизни разум создает все новые занятия.

§ 8. Ну так и чудесно! Никто ж не призывает чувствовать или действовать меньше! Просто поступки должны быть направлены в разумное мирное русло.

А что ж вам мешает, что беспокоит? – А то, что созидательно-уничтожительные возможности человека уже опасно огромны, а вот плоховатость, нравственное несовершенство – прежние... И это несоответствие могущества и порочности – чревато бедой. Человечишко-то – агрессивный, эгоистичный, жадный, злобный, тщеславный, завистливый, жестокий. Пора одуматься, уллучиться, не то накроемся все медным тазом.

Слушайте, а что означают все эти плохие черты?

Что человека сильно раздражает и не устраивает существующее положение вещей. Он хочет его изменить. В свою пользу. К своему самоутверждению. Причиняя при этом вред и неудовольствие другим.

Это не есть гут, вздыхают гуманисты. Нельзя вредить, нельзя насильничать. Только мирно, только в хороших целях.

А как конфликты разрешать? Любовный треугольник хотя бы?

Путем мирных переговоров. Никаких убийств, самоубийств и прочих ужастей. Ревность – это глупо. Умней быть надо. Раз женщина предпочла тебе другого – не дергайся зря, можешь добиваться ее благосклонности убеждением, подарками, подвигами на ниве созидательного труда. Одна вот беда: влюбленный перестает соображать, страсть затемняет разум, желание сильнее рассудка, он хочет отдать жизнь за ночь любви. Ну-ну, почитайте ему лекцию.

Угробил Давид Урию гнусным образом – и только так мог родить от Вирсавии великого и мудрого Соломона... А был бы Давид человеком порядочным и благородным – и не было бы Соломона на свете. М-дэ, так как надо, что лучше...

Слишком сильное чувство, желание, всегда может оказаться нехорошо – за какой-то гранью оно может порождать чувства и желания нехорошие, толкать на скверные поступки – причем во вред и себе, и ближним, не говоря уж о дальних. Вот идет Магеллан вокруг Земли, новый путь в Индию открывает. Благородное стремление познавать, открывать, утверждать новое. Плюс честолюбие, сребролюбие и прочие низковатые мотивы. Бунт на борту! Пленить его хотят и вернуться назад: боятся в неизвестность переть, не верят ему. Железной рукой – в кандалы бунтовщиков, на плаху главарей. Ай-яй-яй... Ну и стоят ли твоя правота и амбиции плюс все золото Индии того, чтоб рубить людям головы – молодым, умным, живым... Лучше б хотел чуть слабее, повернул назад. Ну, прошло бы еще лет сорок, и мирно, без всяких кровопролитий, люди все равно ведь обогнули бы Землю.

Не обогнули. Никогда бы не обогнули.

До сих пор в пещерах сидели бы.

Консерватизм и конформизм большинства, массы, чтоб ничего не изменять в том устройстве общества, в том понимании мира, которое уже прочно устоялось – это естественная и спасительная особенность человечества, здоровый инстинкт осторожности и самосохранения: делать все именно так, как все, как предки делали, потому что именно это и позволило нам выжить, и жить так – вполне терпимо – как мы живем, в отличии от животных, дикарей и тех народов, что сгнули до нас. Практика как критерий истины.

Если б все прожекты гениев и авантюристов общество с ходу принимало: ура! отлично! делаем так! – то никакого человечества давно бы не было. Мало ли, знаете, кому что в голову взбредет, сумасброды всегда найдутся – будет бросать сучья в огонь, кретин, и сгорим мы всем племенем: или пусть прекратит, или дубиной ему по башке. Собаку приручает... да она сожрет ночью наши запасы, детей перекусает! гони-ка его в лес с глаз долой.

Короче, жутко оригинальная истина: новое всегда утверждается в борьбе со старым. А с кем ты борешься? с ангелом на рассвете? С людьми борешься. Парламентскими формами? А если ты умный, и понимаешь, что завтра привалит чужая орда и всех перебьет, срываться надо? А все говорят: а, обойдется, мы здесь всегда жили, и ничо. Ну: или перебьют, или дашь одному-другому по мозгам и подчинишь всех, все и выживут.

Вопросы истины голосованием не решаются. Кто-то один первый додумывается и первый делает.

"Нехорошие" чувства означают, что человек готов добиваться своего не только "хорошим", но и "плохим" путем. Значит, больше может сделать.

Томас Карлейль был во всемирной славе, потом просто вошел в канон, потом усомнились, потом надсмеялись, потом забыли. А ведь в чем-то, конечно, был прав и он. Со своей древней теорией героев как двигателей прогресса. Поэт, понимаешь... Но людям нужна только одна, причем простая и однозначная истина, которую можно запомнить, не понимая. Чтоб звучала попроще и поэффектнее. Народ-с.

"Слишком" сильное и активное раздражение мозга расплзается из возбужденного центра на соседние участки, задействуя центры чувств самых сильных – ярость, злоба, предельное напряжение, которое непреодолимо требует разрядки, действия предельного, максимального – здесь и сейчас! Что делать? Выпить, дрова поколоть, подраться с кем-то, валерьянки принять. Так это не рецепт. Это ненадолго.

"Плохие" чувства – аспект избыточности психической энергии. Если какие-то центры мозга менее активны – то он в целом менее активен. А вот эти шутки не проходят. Сама наша разумность – следствие этой самой избыточности.

И ничего вы с "плохими" чувствами не поделаете. Как всегда есть последний вагон, как всегда есть поверхность тела, так эти чувства – граница, фронт, линия соприкосновения, где и происходит действие по преодолению инерции окружающей среды, чтоб совершить изменение.

§ 9. Каков же может быть механизм отказа от пагубных действий?

Первое. Страх неотвратимости наказания. Но террорист-самоубийца не боится ничего. Или делайте по-моему, или уничтожу все.

Второе. Ограничение вооружений. Но чем выше уровень научно-технического развития, тем более совершенное оружие может быть создано в любой момент. Да и уже имеющееся неслабо.

Третье. Нежелание и страх уничтожить все человечество, и себя в том числе. Ну-ну. Сорок лет сидят в бункерах отборные офицеры над кнопками Последней Мировой войны. И в долг им вменено при получении приказа кнопку нажать и человечество уничтожить. Это их служба, за нее они получают зарплату, и командование не должно сомневаться, что они – нажмут. Их и сейчас сидят на дежурстве тысячи. Можем нажать, можем. Не отрицаем такой возможности, верно?

Четвертое. Человеческое общество вообще, в целом, надо организовать так, чтоб у человека и не было надобности в агрессии и насилии. А зачем? Законы совершенны, отношения справедливы, материальное благополучие, гарантии прав; незачем воевать, да и не с кем – объединились, дружим, все вопросы решаем мирно и сообща, ко всеобщему благу. Это называется: сбылась извечная мечта человечества – коммунистическая утопия в действии. А всяких гадов и сук вы куда денете? А порочные наклонности не будут получать развития и не смогут иметь применение.

Это песня старая. Это мы уже проходили.

Уничтожение природы то же. Не в том дело, что кто-то лично на этом обогащается, их бы мы к ногтю прижали. А в массе мелких, невинных, естественных интересов: зарплата, должность, детишек поднять, обновки купить. Отмени-ка им всем сумму личных хотений. Я хочу жить прилично! Пусть сначала богачи все бедным раздадут.

§ 10. "Разумное" общество может существовать только с законопослушными конформистами. Чтоб их "порочные" чувства были не так сильны, как всегда прежде в истории, когда ничего не получалось с разумными обществами. Чтоб их стремление увильнуть, нарушить, взломать, изменить, наплевать на запреты, эгоистично поступить по личному хотению – были слабее, чем раньше.

Нам нужен человек с *меньшей психической энергией*. **Потому что она измеряется не по шкале "хорошо-плохо", а по шкале "насколько я могу изменить существующее положение"**.

И вотушки вам оглобля, чтоб голова не болталась. Не будет вам такого человека. Нет у меня для вас других людей, сказал Господь.

Драчливость подростка, честолюбие политика, алчность банкира, жестокость солдата, эгоизм обывателя, талант поэта, упорство ученого – суть избыток энергии. Мотивы благие и порочные здесь неразъединимы, одни есть продолжение других, складываясь в единое действие: сделать максимум!

§ 11. А мораль? А справедливость?

Мораль – идеал поведения. Справедливость – идеал общественных отношений. Идеал – противоположность реальности, ее диалектическая пара. Само наличие идеала – обусловлено тем, что реальность человека не устраивает, он с ней неуравновешен, ему потребно что-то изменять – что есть признак и следствие избыточной психической энергии.

Резюме. Короче, Скхлифосовский.

Человека вы не измените, потому что его недостатки суть продолжение его достоинств. Две стороны одной медали.

Главная особенность, суть его психологии – то, что она является сама по себе фактором качественного изменения действительности. Суть психической энергии человека по сравнению со всеми прочими видами энергии – в том же, в чем отличие ускорения от скорости. Наличие ускорения есть постоянное увеличение скорости. Само по себе наличие избыточной психической энергии человека, оформленной как разум, есть как бы константа изменения изменения, величина приращения скорости энергопреобразования, сила, приложенная к действительности и "разгоняющая" ее ко все большим постоянным изменениям.

Ну, как в одном рассказе Шекли: функция – ускоритель.

Это "ускорение" можно гнать в любую сторону, но нельзя уменьшить – сие от нас не зависит, сие – наша суть. Скорость все равно будет увеличиваться, действия все равно будут прирастать.

Мы свободны действовать как угодно – но не свободны действовать меньше, тут уж срабатывает необходимость, следующая из нашей сути.

Вот и дуем к Максимальному Действию.

Теория линейного детерминизма Лапласа неприменима к любому произвольно малому отрезку, но в плане общего рассмотрения тенденции представляется вполне верной, почему ж нет.

А чтоб до него доехать, не навернуться в ухаб раньше времени – одерживаемся, рулим, договоры заключаем, оружие запрещаем.

А находится оно в любой стороне, не промахнешься, потому что суть его – степень изменения мира, а не что-то более конкретное.

И идеальная конечная точка – это уничтожение Вселенной вообще и создание новой Вселенной. Такая линейка.

А вы что, собрались жить вечно? как спросил полковой врач истребителей танков. Пардон за повторение, мать учения.

6. Философский уровень

Какие там еще есть самые общие закономерности, которым наша Теория вполне соответствует?

Все имеющее свое начало – имеет и конец. Будет конец и у истории человечества. И у Земли. И у Вселенной. Так что насчет гибели человечества в конечном итоге можно не сомневаться. Никто никогда, в общем, и не сомневался. Все попытки спасти его от гибели – это просто попытки отсрочить эту гибель. Докуда? До некоего естественного конца. Так врач спасает больного, хотя в конце концов больной все равно померет, коли смертен. Но перед этим еще поживет, сколько можно.

Любое явление по мере своего развития переходит в другое явление. Переходит в свою противоположность. Движение переходит в покой. Молодость – в старость. Запад – в Восток. Создание в государстве порядка и мощи – продолжением и развитием тех же действий переходит в сытый бюрократизм, парализующий и делающий невозможной жизнь этого самого государства.

Деятельность человека по улучшению своей жизни переросла, по мере развития, в деятельность по ухудшению своей жизни. В уничтожение планеты. В ухудшение генофонда с прекращением естественного отбора: слабые и больные живут и дают потомство. Неизбежны все большие затраты на медицину для поддержания высокой продолжительности жизни в развитых странах – здоровых людей-то все меньше. Надо ждать снижения средней продолжительности жизни в этих странах, коли уровень естественного здоровья снижается. СПИД, злобные новые штаммы вирусов гриппа – формы этой закономерности.

В развитых странах рождаемость падает сама собой – да как! ниже уровня простого производства. Вот вам и стихийная саморегуляция. Общество создает себе такие хорошие условия для жизни, что общее количество жизни в нем начинает уменьшаться. Его собственно биоэнергия снижается – зато продолжает увеличиваться общая, неживая, энергия, которую оно преобразует и выделяет: огонь, электричество, термояд и т. д. Все больший процент витальной силы идет не на поддержание и увеличение себя самой, а на использование себя как орудия энергопреобразования мира.

Человечество развивается в единстве противоположных тенденций: сохранить все как было – и сделать все не так, как было. Само наличие Времени обеспечивает движение этого равновесия по шкале изменений – так вращающийся волчок ползет по столу.

Если сказать просто, философия стоит на физике и на психологии, как на двух ногах; одна рассматривает внешний мир, другая внутренний. На этих двух ногах мы с вами и чапаем по Познанию.

Жизнь на Земле можно рассматривать как случайность в рамках Вселенной. В таком случае, если бы природе пришла пора самоуничтожиться – с наименьшими усилиями в кратчайший срок – достаточно было бы чуток активизировать мозг обезьяны до разумности: создать человека. Все остальное в несколько десятков тысяч лет – миг! – эта суперобезьяна сделает сама. Созидательная деятельность природы переросла в разрушительную.

Когда ученые пытались просчитать вероятность возникновения жизни на Земле, то вышло, что она возникла примерно в 400 раз быстрее, чем если бы все шло просто "методом

тыка". Откуда взялась эта цифра, сказать трудно. Сам механизм перехода неживой материи в живую современной науке неизвестен: черт его знает, как это получилось. Может, ее вообще извне занесло, считают некоторые. О'кей – а там она откуда взялась?

Сами моменты возникновения жизни и возникновения человека – крайне неясны.

А вот развитие жизни на Земле от простейших форм к сложным, и развитие человечества от пещер до современности – яснее, тут можно говорить о достоверных тенденциях. Тут есть ясные закономерности. И в неживой природе тоже известны нам многие закономерности.

И там, где фактов не хватает, мы для объяснения происходящего экстраполируем закономерности: перекидываем мостики над пустотой, в которой должны находиться факты, нами еще не обнаруженные. А если их там нет, то наши закономерности неверны. Но они основаны на таком количестве других фактов, что представляются верными. И тогда у нас получается объяснимая картина Мироздания.

Случайность есть закономерность тогда, когда встраивается необходимым звеном в цепь причинности до и после себя.

Вот с точки зрения Энергетики – возникновение Жизни и возникновение Человека есть закономерность: повышение мощности энергопреобразования. Антиэнтропийный процесс как аспект и следствие общей энтропии энергии во Вселенной.

А если это случайность – то надо сообщить Господу, что Его промысел нам непостижим, и пойти выпить водки. Но только не получается случайность, ребята. Миллионы лет, законы больших чисел, теория вероятности... На основании всего, что мы знаем достоверно, уж больно стройная и логичная картина получается.

Мы с вами – порождение Вселенной и Ее часть. Сбоку бантик или винтик в механизме? Ребята, а вы когда-нибудь встречали в Природе сбоку бантики? В Природе-то все функционально, верно? А если нам в Ней что-то кажется нефункциональным, так это мы просто не поняли еще, не разобрались, не на том уровне рассматривали. Окраска цветка, форма листа, шея жирафа. Вот американцы в середине века решили, что аппендикс человека нефункционален, и кроме аппендицита ни на что не годен. И начали его тут же младенцам удалять. И тут же оказалось, что он младенцу помогает материнское молоко правильно усваивать.

В принципе мы во Вселенной можем иметь свою функцию – Большое Действие. Так вот мы ее и имеем. Чтоб что-то было в принципе функционально, но эта функция в природе так никогда и не использовалась – так не бывает.

Вот такой мы винтик в общем механизме.

Любое существование чего угодно – есть совершение каких-то изменений.

Предельное изменение Земли и Солнечной системы – аннигиляция планет и звезды.

Полное изменение Вселенной – ее уничтожение и создание Новой.

Любое явление изначально несет в себе свой конец. И человечество, и жизнь, и планета, и Вселенная.

Человек – логично, целесообразно, необходимо – может являться тем самым этапом существования Вселенной, посредством которого оформится Ее конец и одновременно зародится новая Вселенная.

Затратив минимальные усилия – Природа получит максимальный результат. Что ей и свойственно.

(Может оказаться жизнь в других галактиках. Жизнь на Земле может иметь внеземное происхождение. Человек Земли может оказаться боковой, тупиковой ветвью развития. Но в принципе это ничего не меняет. Вот такая штука. Не мы – так другие, в других галактиках. Идут тем же путем к тому же результату.)

Если мы не одиноки во Вселенной – мы можем совершить свое Максимальное Действие раньше, на более низком уровне, и ограничиться, скажем, уничтожением лишь земной жизни.

Но покуда у нас нет достоверных сведений о наличии жизни вне Земли – можно полагать, что мы будем жить. Пока не сможем выполнить Главную Задачу. Ибо все прочие варианты самоуничтожения – как и достижение любых научно-технических успехов – есть промежуточные этапы, протуберанцы избыточной энергии человечества. Даже если такой протуберанец – мировая война с гибелью большинства людей.

Заметьте, по большому счету мы вперед-то прем – но себя сберегаем.

Вот чего мы точно не знаем – какой еще "сверхразум" может появиться на нашей базе, на нас как промежуточном этапе развития. И что он будет мочь. Отрицать ведь и этого нельзя. Но покуда мы имеем то, что имеем.

Силу, движущую всем, можно называть Сущностью Мира, Бытием, Природой, Мировой Волей, Энергией, Витальной Силой – не суть.

Суть в том, что человек – часть этой силы, ее порождение и ее орудие, одно из ее проявлений.

* * *

Теория сия представляется истинной тем, что в нее вполне укладывается, ей соответствует и ею объясняется все сущее.

Поиски смысла жизни предполагают, что и жизнь человека, и всего человечества не есть нечто ограниченное собственными рамками, конечное, целесообразное внутри себя без внешней цели и функции. А есть лишь часть большего, всеобщего, где человек и все человечество имеет задачу, функцию, роль, назначение в масштабах всего сущего – БЫТИЯ.

Вот вам рассмотрение вопроса в полном *охвате*.

Жизнь это, конечно, никому не облегчит. И не изменит.

Но та самая обладаемая нами энергия, которая нас породила и заставляет жить и действовать – заставляет *знать*.

А вот что в конце концов выйдет из знания – посмотрим, кто доживет.

Список использованной литературы

– Зачем вам подорожная, хамье, – стеклянным голосом сказал Румата. – Вы ведь неграмотны.

Приложения

Бог

Бог есть, потому что Бога нет.

?

Наличие Бога необходимо обусловлено именно тем, что в действительности (реальности, Бытие) он не существует.

?

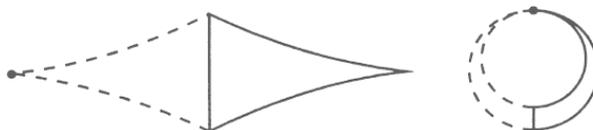
Бог – это вершина (бесконечно высокая) идеала.

Бог – это завершение и конечная точка абстракции, противопоставляемой человеческим сознанием реальной конкретности Бытия.

Реальное и идеальное – такое же органичное двуединство, диалектическая пара, как свет и тьма, добро и зло, верх и низ. Существование реальности обуславливает существование своей противоположности – идеальности.

Бог – это квинтэссенция идеальности.

Наше сознание (в первом и "базовом" аспекте) подобно зеркалу, отражающему реальность. Действительность реальна, ее отражение, т. е. сознание, идеально (существует только для тебя и в тебе, твоём представлении, воображении, ощущениях). Действительность бесконечна и неисчерпаема в познании ее устройства и причин. Зеркальное отражение этой бесконечной перспективы имеет своим завершением некую условную, бесконечно удаленную точку – Первопричину, всеобъясняющую и Всемогушую: это и есть Бог.

Противоположности, взаимоотталкиваясь в начале, сходятся в бесконечности. То есть реальное и идеальное, обусловленное друг другом и имеющее началом и границей друг друга, удаляются по мере развития, но вновь сходятся в некоей идеально удаленной точке, которая и есть Бог.

Человек может знать, что не избежит беды, жестко и однозначно обусловленной конкретными причинами. Его мольба к Богу о помощи и утешении – зеркальное отражение этого знания.

Вера в загробную жизнь – зеркальное отражение знания реальной конечности жизни. Тот мир – зеркальное отражение этого, реального, мира.

Человек может полагать бесспорным, что смерть – это вечная разлука и вечное Ничто. И все равно в сознании не хочет смириться с этим. Знает – но не хочет соглашаться и довольствоваться собственным знанием. Его не устраивает существующее (природное) положение вещей.

Животное, когда с возрастом приходит его срок, удаляется и умирает молча и безропотно. Но даже самый смиренный человек, если умирает в сознании и рассудке, абсолютно не веря ни в какую жизнь после жизни – наперекор и назло себе и своему знанию какой-то частью того, что и называет душой, утверждает себе и любимым, что не все кончено. Все равно и вопреки всему! А иначе не просил бы похоронить его рядом; или развеять прах; или упокоить по обряду и обычаю.

Вот эта несмиримость с сущим положением вещей – и есть последний аспект того самого избытка энергии, о котором мы так долго говорили; который только и делает человека человеком, который только и заставляет его никогда не удовлетворяться тем, что уже есть.

Бог существует постольку, поскольку существует человек. И через человека и человеком познается.

Вера и знание – также диалектическая пара, то самое единство и борьба противоположностей. Сущность Веры – в *дополнении* знания его *отрицанием*.

То есть неверующих людей нет – есть люди, полагающие себя неверующими. Поскольку рефлексия, двойственность есть неотъемлемое свойство сознания, поскольку каждый человек имеет какие-то конкретные знания и представления о конкретной реальности – постольку он имеет и какие-то идеальные желания и стремления, оформляющиеся в представление, Бог же есть сознательное достижение (постижение) той точки, которая недостижима знанием как идеал идеала.

Часть вторая Пониматель

«Лицо матроса исказилось от мучительного умственного усилия».
Джон Рид. «10 дней, которые потрясли мир».

«Я даю ответы».
Пророк Михей, 3, 2.

Предисловие ко второй части

Все это уложилось у меня в голове около тридцати трех лет. Надо заметить, что тогда я не был знаком с теориями Вернадского и Гумилева, не читал Шопенгауэра и Тойнби, и не слышал фамилии Чижевского. Стоял 1981 год, и страна была закрыта снаружи и внутри. Приходилось думать самому, благо больше делать было нечего: это вообще было время *думанья*.

Когда позже я упомянутое, как и многое другое, получив возможность, прочитал, оказалось, что в принципе я сказанное ими уже понял сам и пошел дальше. Жизненный опыт, Стендаль с Толстым, учебник физики и очерки истории, плюс кое-что из классической беллетристики – вот и вся исходная база. Плюс привычка и возможность размышлять на интересующую тему без ограничения времени и сил. Обидно, конечно, когда что-то важное не ты, оказывается, понял и сказал первый, но, с другой стороны, встретить подтверждение своим мыслям у признанных корифеев – лишний раз убеждает в правильности движения и, кроме того, самостоятельное понимание легче позволяет избежать их колеи и не ограничиться их учением, а видеть шире и двигаться дальше. Начав вдаваться в частные детали (а их океан), всей картины не охватишь.

В первый раз я кратко изложил свою теорию на 25 страницах летом 1981 года, дав рукописи заголовок «Линия отсчета». Редактор категорически отверг ее включение в мою первую книгу прозы, «Хочу быть дворником», готовившуюся тогда к изданию. Равным образом она была отвергнута всеми мне тогда известными редакциями – от «Нового мира» до «Химии и жизни», всего десятка два отказов.

Во второй раз я изложил ее в повести «Испытатели счастья», сочиненной исключительно ради этого изложения осенью 84 года. Беллетристическое обрамление нужно было только для просовывания вещи в печать. Из всех журналов ее взяла только ленинградская «Аврора» и напечатала в 87 году (такие тогда были сроки). Ни звука о сути теории ни от критиков, ни от читателей не воспоследовало, хотя повесть была отмечена.

В третий раз теория, в объеме уже 70 страниц, была изложена в форме диалогов в условно-беллетристической повести «Печник» в 1985 году, и издателя для нее найти не удалось.

В четвертый раз, в весьма сокращенном виде, я изложил ее в, опять же, специально для того только и написанном рассказе «Шаман» весной 86 года. Рассказ был взят «Юностью» и поставлен в обычную очередь на публикацию, и в конце концов ее опередила публикация в книге, а «Юность» тем временем разделилась и лопнула: кипела перестройка. «Шаман» вошел в сборник «Разбиватель сердец», вышедший в конце 88 года.

В пятый раз изложение теории составило суть заключительной главы «Вечные вопросы» в романе «Приключения майора Звягина», который с 91 по 97 год вышел десятком изданий в шести издательствах общим тиражом около полумиллиона. Излишне упоминать, что это «хви-

лософствование» читателям книги, ставшей бестселлером, показалось сложноватым и излишним – при всей предельной простоте формы.

В шестой раз теория заняла половину, двести страниц из четырехсот, романа «Самовар», который вышел в 97 году в Москве (журнал «Дружба народов»), Иерусалиме (еженедельник «Пятница» с января по март и издательство «Миры») и Петербурге (издательства «Нева» и «Объединенный капитал») общим тиражом сто три тысячи.

Для «некоммерческого» сочинения на русском языке в 97 году – это тираж нетипично большой, исключительный.

Пятнадцать лет я долдонил мою теорию всем встречным и поперечным, опубликовал ее здоровенными тиражами, и только теперь пришло некоторое ее признание и понимание. Специалистов, коих мало, отталкивала излишняя, по их мнению, простота формы и наглость мысли, а не специалистов, коих большинство, отталкивала излишняя, по их мнению, сложность содержания, которое они по наивности принимали за компиляцию чужих трудов. Хотя эта книга понятна любому, кто сподобился успешно окончить среднюю школу, и интересна каждому, кто хоть раз задумывался над тем, хрен ли он несчастен и почему так устроено, что мы трудно и глупо живем.

Надо заметить, что в Израиле это поняли лучше, чем в России. «Пятница» попросила к опубликованию не первую часть «Самовара», беллетристическую, а именно вторую, теоретическую, сочтя гораздо более оригинальной и привлекающей читателей, и шлепала ее из недели в неделю двадцатитысячным тиражом. Рецензии говорили также более о теории.

Литературным критикам и в общем читателям в России до теории дела не было вовсе никакого, или же очень мало. Что и понятно. Критик – не ученый, не естественник, не философ, он живет внутри беллетристики, ею, на ней, над ней, так что это выходит за пределы его профессиональных занятий, знаний и интересов. Кроме того, очень трудно допустить мысль, что Мишка Веллер, хорошо знакомый и читанный, филолог по образованию и прозаик по профессии, а вообще – свой (или не свой) мужик, мог удумать всерьез чего-то такое, чего до него никто не знал. Дело обычное. А читателю в основном сейчас некогда, жизнь такая быстрая, трудная и интересная, что не успеваешь синяки лечить.

А вот сколько-то светил из профессуры биологии, истории, медицины выразили свое понимание и приятие со всякими комплиментарными выражениями. Равно как и самые разные читатели из числа тех, кто склонен задумываться о своей жизни и жизни вообще, и искать ответов на вечные вопросы о несовершенстве мира и несправедливости жизни.

Это – седьмая публикация.

Я сказал или Краткое содержание предшествующих серий, или,

что то же самое, сокращенное и упрощенное повторение сути первой части, предназначенное для пуццей ясности и легкости понимания, и рассчитанное на то, что – ни в коем случае не Вы лично, Вы умный человек, Вам просто было некогда слишком глубоко вникать в первую часть, – что большинство людей, и даже читателей этой книги – не способные к самостоятельному мышлению и даже к пониманию сколько-то новых и самостоятельных мыслей идиоты, среди которых Вы вынуждены жить.

Это новая и самостоятельная концепция Мира и Человека в Мире.

Она объясняет мир и человека впервые наконец целостно и полно без условно взятых величин типа Бога или Мировой Идеи.

Она основывается на том, что мир объективен и познается разумом.

Она исходит из человеческого сознания, из тех элементарных понятий, которые знакомы и понятны каждому, из тех вечных вопросов, которые ставились тысячи лет, и до сих пор не были разрешены.

Для ее понимания достаточно минимального жизненного опыта, элементарного здравого смысла, логики и самых основ научных знаний.

Она сводится к тому, что человек есть часть Вселенной и существует по общим законам Вселенной.

Только и всего.

1). Человек знает, как ему надо жить хорошо и правильно. И все-таки живет иначе. Он знает, что необходимо беречь здоровье – и все-таки мало его бережет, а часто просто гробит себя, и понимает это. Почему, зачем?

Он мечтает о взаимной любви, и все-таки редко любит взаимно и счастливо, редко женится по любви. Часто любовь отдельно – семья отдельно, и находится масса причин, чтоб не быть вместе. Зачем вообще любовь, ведь легче жить и размножаться просто посредством секса при дружбе и понимании, без всяких страданий и страстей?

Добывание необязательных для существования денег и материальных благ доставляет только суету, переживания, стрессы, усталость, подрывает здоровье и сокращает жизнь. Почему же не довольствоваться минимумом и жить в покое, занимаясь чем хочешь?

Мудрецы тысячи лет учили, что счастье – в нашем внутреннем состоянии, надо обходиться лишь необходимым и не гнаться за излишним, эти вечные желания изводят, нет им предела, они заставляют страдать, делать не то, что мы хотим, – люди это знают, так почему не следуют этому?..

Все хотят любимой работы, любимого дела – так зачем в погоне за вещами и положением чаще всего занимаются тем, что не любят, к чему не испытывают душевной склонности: живут так, как за бесплатно не стали бы. На кой черт?

Люди мечтают о свободе, о возможности делать что хочется – и тянут ежедневную лямку, вздыхая. Почему они сами придумывают себе тюрьму?.. Посмотрите на бродяг: у них есть кусок хлеба и одежда на теле, подвал или чердак для ночлега, они вольны жить где и как хотят, а на еду всегда сегодня можно заработать. При этом и мыться можно, и на теплом море обосноваться, и книги читать, и на водку денег насобирать, и в картишки перекинуться. Так если вправду хочешь свободы – живи так; почему нет?..

Вот бизнесмен умирает от инфаркта – а денег у него куры не клюют; почему не остановиться, не жить спокойно? Он ведь все понимает...

Вот у человека слава есть – а детей нет. Что ему преходящее внимание толп чужих людей, которые завтра оплюют его, а послезавтра забудут? Кто улыбнется ему из колыбельки, кому он купит игрушки, за кого порадуется, кому оставит нажитое?

И знание всего этого – не меняет его жизни.

Люди поносят государство, мечтают о справедливом устройстве общества. Так почему не устроить?

И вот одно государство устроено более милосердно и заботливо, чем другие. Даже если ты не работаешь – каждый имеет приличное жилье, и деньги на еду и одежду, и хорошую бесплатную медицину, и возможность свободно передвигаться по миру и самому выбирать себе дело. Такова, скажем, Швеция. Так почему в Швеции самый высокий в мире уровень самоубийств?.. Счастливы там люди? Да не похоже, на скуку жалуются и пиво жрут ящиками.

И продолжают гробить планету, необходимую им для жизни. И общества защиты экологии создают, законы принимают, все ведь понимают, – и все равно продолжают гробить в увеличивающейся прогрессии, и на все у них находятся причины. Да ведь не вымрут они без автомобилей и электричества, а без воздуха и воды вымрут на фиг! Нет, крутят свою шарманку.

Так почему они поступают вопреки собственным интересам? Вопреки собственной жизни, собственному счастью? И в чем же тогда их истинные интересы? Кто, что, как, почему заставляет людей жить так, как они живут от века – от века жалуясь на страдание?

2). Обратимся за ответом к собственному сознанию – глубже нам не к чему обратиться, познаем-то все через себя, свой разум и чувства, все желания-то наши и обломы внутри нас самих. Для человека весь его мир хранится в памяти его сознания и подсознания.

Спроси себя, свою память – что для тебя в жизни главное?

И обнаружится странная вещь – совсем не все, что ты считаешь главным, ты хорошо помнишь. Знаменательные даты, основные события – часто стираются и исчезают в деталях, размываются в памяти: этапы карьеры, черты лиц, главные решения жизни – не всегда толком и помнишь.

А мелочи иногда застревают. Обиды, моменты горя, пики радости и детства, и зрелого возраста. Но более того: вечерний пейзаж, разговор со случайным попутчиком... запах свежескошенного сена, вкус груши, краски заката.

Почему память юности крепче памяти старости?..

...Человек помнит то, что острее почувствовал, что более возбудило и взволновало его чувства, – а сознание иногда может полагать это мелочью, проходной деталью.

3). Ощущения – вот с чего начинается разгадка. Отсюда идет верный путь к пониманию всего.

Ибо нам реальность дана, как справедливо замечено, только в наших ощущениях и через них.

Если человека лишит ощущений – в черной безмолвной невесомости – он очень быстро сойдет с ума и быстро умрет в разладе всех функций организма – буквально в считанные часы, в несколько суток. Если его еще анестезировать – чтоб он не мог ощущать напряжение своих мышц, изменение одной части тела относительно другой, не мог ощутить сжатия челюстей, ощупать языком зубы, – то дело пойдет еще быстрее.

Только по ощущениям, по нервным сигналам с периферии, от органов чувств и вообще от тела, мозг и делает вывод, что жизнь идет, и принимает решения, что делать.

Разбита нога – мозг ее бережет, рефлекторно не велит опираться, болью вопит: принимай меры! Вгони новокаин и морфий – и поскакал: мозг обманут, полагает, что все в порядке, велит мышцам действовать в нормальном порядке.

Внуши под гипнозом, что прикладываешь человеку к руке раскаленное железо – и коснись линейкой: ожог! физиологическая реакция на раскаленное железо! ощущения продиктовали.

Туземные штучки: внушит колдун туземцу, что он умрет – и тихо умрет «ни от чего» здоровый как бы человек.

Мозгу как бы все равно, получает он ощущения от реальных вещей, или «искусственно», обманывают его: он иногда не может различить. А ощущения как таковые ему потребны, он к ним стремится, без них не может, для того создан.

И ясно, что прежде всего он стремится к хорошим, приятным, комфортным ощущениям: тем самым он «полагает», что хорошо всему «вверенному ему» организму.

И вот крыса со вживленным в мозг электродом нажимает лапкой педаль, непрерывно раздражая центр наслаждения, пока не умрет от истощения. Мозг «полагает», что – верх чего надо, высший кайф!

А кошка хавает валерьянку. А собачка полюбит пиво.

А человек вообще спец-сибарит. Вино, наркотики, гурманство. Понимает, что вредно! – но хочется!! приятно!

Ест ведь не потому, чтобы сознательным актом жизнь поддерживать, а – хочется, приятно, удовлетворить чувство голода – которое внушением или химическими препаратами можно уменьшить, а можно увеличить.

Субъективно, для мозга, жизнь – это комплекс ощущений. Ими руководствуются, по ним все оценивают и анализируют, к ним стремятся.

4). К чему бы человек ни стремился – он стремится к счастью. (Можно пока так сказать.) В самом деле: он же не просто хочет обладать домом, красавицей, золотом, – он хочет этого потому, что тогда ему будет хорошо. Приятно, комфортно, отлично!

Обычно счастье полагают получить через обладание благами и/или совершение интересных и геройских поступков. И тогда, значит, будут очень хорошие ощущения.

Тогда здоровые, богатые, красивые люди должны быть счастливы. Им прочие завидуют. Ан они тоже плачут, и страдают, и даже кончают самоубийством. Что за черт?

Бродяга хохочет, а герой вешается. Вот так штука!..

Счастье внутри тебя, учат мудрецы. Избавься от всего, что может причинить страдание. Чем меньше имущества – тем меньше забот. Чем дальше от людей – тем меньше разочарований и предательства. Чем меньше надежд – тем меньше крушений и горя от несбывшегося. Будь счастлив тем, что имеешь – здоровьем тела, воздухом, пейзажем, улыбками, размышлениями: вот лишишься этого, тогда поймешь, какое это счастье.

Люди это понимают. Страдать не хотят. А все равно лезут чего-то добиваться, вот страшно страдают, мучатся, если у них нет чего-то, чего им хочется.

Вот выходит парадокс. Хотят, чтоб им было хорошо. Знают, как надо, чтоб было хорошо. Но лично к себе, здесь и сейчас, это знание применять не хотят! считают это знание в данном конкретном случае неправильным, неприменимым, абстрактным, а вот себе хотят счастья конкретного, через обладание и достижение. И в результате страдают.

А и достигнут – так счастливы-то на минуточку, пока не привыкнут, или вообще на счастье сил уже душевных нет, или разочарован, что в натуре все не так выглядит, как в мечтах, и опять ведь мало, не удовлетворится. И понимает: был беден, молод, здоров, – балда, вот когда счастлив был, хрен ли этот особняк и дурацкий орден.

Счастье – это состояние, комплекс ощущений, настрой души, образ мировосприятия. Так и надо по идее стремиться к этому, а не навораживать горы суетного хлама и страдать из-за его отсутствия или не того качества.

5). А зачем человеку вообще способность к страданию? Как это он так создан? Зачем, почему?

Чтобы различать хорошее и плохое, желательное и нежелательное? Счастье – бери, страдание – беги?

Это бы просто. Тогда страдание можно считать просто нагрузкой к счастью, обратной стороной медали, без которой не бывает. Подвиги – через трудности, к звездам – через тернии, к славе – через муки и так далее. Или: э, счастье сейчас, а страдание потом, потом когда еще наступит, ладно, а пока понаслаждаюсь.

Но почему в старости, в покое, когда все пройдет, человек так отрадно вспоминает трудности, лишения, испытания – во время которых их отнюдь не хотел, а хотел только, чтоб их не было, чтоб скорей кончились? Походы, войны, жару, голод? Да уж запомнились, сильные были ощущения, не забудешь... Потому что сейчас, из безопасности, приятно чувствовать по контрасту, сейчас-то все отлично?.. Это бы тоже просто...

Почему существует мазохизм? Патология, говорите?

А почему, черт возьми, сильное наслаждение часто граничит с болью? Это знают все приличные любовники: «Сделай мне больно...»

А почему, кряхтя от наслаждения, хлещутся раскаленными вениками в парилке? Это ж разновидность самобичевания.

А почему граничит с мукой сильный оргазм, верх наслаждения?

А почему авантюристы, люди повышенной энергии, наслаждаются риском, игрой с опасностью, близостью смерти?

А почему манит страшное, ужасное: шагнуть с высоты в бездну; вонзить нож в человека; выматериться в открытом эфире по телевизору, помочиться в театре с балкона? И ежишься от ужаса и стыда, представляя это, – и тянет же что-то переживать эти чувства.

Тошнит детей, подсматривающих в щелочку скотобойни, – а тянет смотреть.

Киношные страшилки, катастрофы и кровавые сцены основаны на эксплуатации этого чувства.

Вернемся чуть выше. Жизнь – это комплекс ощущений. А инстинкт жизни повелевает жить. Чувствовать то есть.

И чувствовать не только хорошее, приятное, желательное, – но и «нехорошее», неприятное, нежелательное как бы.

Прожить – значит реализовать заложенные в организме возможности. Это уже мало зависит от сознательной установки. Это уже природа, устройство, имманентное свойство, так сказать.

И чем больше человек за жизнь испытал всего – т. е. перечувствовал разного, сильного, всякого, – тем полнее была, субъективно, его жизнь. **Вот к этому он и стремится.**

Способность к страданию – уже достаточная для него причина. Все, что может произойти с человеком – должно произойти! Это и есть его жизнь. «Излишних», «запасных» способностей в природе не закладывается, в человеке в том числе. Все, что может функционировать – призвано функционировать.

«Кого возлюбят боги – тому они даруют много счастья и много страдания». «Для счастья потребно столько же счастья, сколько и горя».

Кто прожил более полную, богатую жизнь – тот, кто прожил только половину сферы чувств, счастье, или тот, кто прожил обе половины – счастье и горе? Примерно так.

И еще одно... Страдание, как известно, побуждает к размышлению, к пониманию. А думать и понимать – это сила, функция, призвание, назначение, это лежит в основе всей человеческой деятельности, исходный пункт ее как именно человеческой. В этом уже некоторая, так сказать, прикладная полезность страдания.

Так что когда человек стремится к счастью – тут сознание маненечко его обманывает. Пилюлю подсахаривает, чтоб бежал шибче за положительным стимулом. Человек стремится и к счастью, и к страданию.

Это и есть – субъективно – самореализация.

б). А самореализация уже напрямую связана с **самоутверждением**. А самоутверждение происходит через поступки, действия. Почему?

Мозгу, конечно, можно искусственно поставлять ощущения – проще всего через наркотики и их отсутствие – вот тебе и верх блаженства, и эйфория, наслаждение – и депрессия, несчастье, страдание. Вроде, выходит то же самое. Ан нет.

Мозг наделен способностью к абстрактному мышлению, рефлексии, анализу, воображению. И эмоции, ощущения могут возникать не только напрямую, но и через разум, оценку, память, понимание: радость от исполнения планов и горе от их крушения, радость или горе от известий издали, от похвалы или порицания, награды или наказания, от обретения или потери благ; удача или неудача в чем-либо, совершение или несовершение какого-то поступка – все это причина и источник ощущений, слабых и сильных, положительных и отрицательных.

Радость познания, свершения, успеха, и горе от наоборот – она также присутствует. Человек – не крыса с педалькой и электродом, он думает и понимает больше. И кроме «прямых», «обманных» или «чисто физиологических» (еда, секс) ощущений способен испытывать ощущения через рассудок вследствие своих действий. И если эту способность, возможность, отбросить – комплекс ощущений будет обеднен, какие-то способности и возможности центральной нервной системы будут не реализованы, не использованы. А они хотят быть использованы, они зовут к жизни, к реализации себя!

А кроме того, познание и новизна впечатлений – это тоже радость, тоже сильные ощущения.

А кроме того, есть чисто мышечная радость – ощущение силы и жизни своего тела. И муки телесного перенапряжения.

А кроме того, ведомый инстинктом жизни, руководствуясь инстинктивной потребностью реализовать и приложить заключенную в себе энергию жизни, человек рассудком оценивает, насколько полно, богато, мощно он живет. А оценить он себя может только относительно окружающих, других людей. И это сравнение доставляет ему сильнейшие ощущения, ему отраднее быть значительным среди себе подобных, и несноснее, горестнее – быть слабым и незначительным.

И он из кожи вон лезет, ощущая радость и горе от того, какое место среди людей занимает. (Тот же естественный отбор, то же процветание сильных и приспособленных, просто критерии могут быть условны: металлические кружочки или цветные бумажки, местоположение жилища или акустические колебания перед толпой.)

Для «прямых», «обманных» ощущений разума не нужно. Наркоте, алкоголю, электроду не нужно образование, интеллект, какие бы то ни было способности – нужен только чувственно-воспринимающий аппарат.

Наличие разума есть дополнительная зона, «дополнительный орган» для ощущений. Возможности его огромны. Любой объект, любое событие может быть использовано, трансформировано разумом как повод для ощущений, субъективно – как причина и источник ощущений. Фиг ли крысе мода, орден, победа футбольной команды!

И вот жажда ощущений, получаемых через «рацио», абстрактный и аналитический разум, толкает человека к действиям. Эти действия могут быть для выживания индивида и рода бесполезны, не нужны, с точки зрения биологического существования индивидуума – даже вредны, даже смертельно вредны. Самосожжение ученых и художников, самокалечение спортсменов и самоубийство авантюристов и воителей. Но – сколько кайфа, напряжений, мук и радостей! Сколько гордости и удовлетворения – и уважения, восхищения, поклонения окружающих!

Сильные напряжения – сильные ощущения. А сильные напряжения идут от значительных действий – физических, политических, научных, эстетических.

И стремясь инстинктом жизни к получению за жизнь максимальной суммы ощущений, оптимальная сила которых для каждого своя, определяется врожденной мощностью центральной нервной системы, – человек *инстинктивно* и неотвратимо, безусловно, стремится за жизнь сделать максимум того, на что он способен.

С точки зрения моральной или интеллектуальной оценки, его действия могут быть плохие и хорошие, умные и глупые, ошибочные и верные, вредные и полезные – но по «абсолютной величине» они для индивида предельно велики, значительны.

«Великие люди» отнюдь не часто благодетели человечества. Разрушители культур, убийцы миллионов, создатели изобретений, поставивших Землю на грань гибели, – но они совершили крупные действия, наворотили дел, линиями их судеб отмечен маршрут Истории, и их помнят.

Открыть, изобрести, создать, потрясти человечество и удостоиться высшего признания – или хотя бы быть богатым и знаменитым – или хотя бы получить медаль – или хотя бы иметь модную и престижную вещь – человек стремится к этому.

Стремясь к максимальным ощущениям – он стремится к максимальным действиям.

7). До сих пор речь шла о вещах, по отдельности известных, но раньше их не свинчивали в единую цепь: мозаика была не собрана.

Мы исходили из минимального числа безусловных и ясных истин. (Кто знает – может вспомнить «бриту Оккама».) Цепь такова:

Инстинкт жизни – «вечные вопросы» – память – ощущения – стремление к счастью – бессознательная потребность в страдании – самореализация энергии жизни в человеке через получение ощущений мозгом – безусловное, проистекающее из сущности инстинкта жизни в человеке, стремление к максимальным действиям.

Оригинальность и открытие заключаются в том логическом и аналитическом построении и выводе, что разум есть надстройка для получения дополнительных ощущений, а инстинктивно диктуемая потребность в ощущениях толкает человека к совершению максимальных действий в жизни, на которые он способен.

Субъективно и сознательно человек стремится к счастью (как его представляет), субъективно и бессознательно человек стремится к страданию, – и, субъективно реализуя таким образом инстинктивную потребность в жизни через получение ощущений, – объективно совершает действия, максимально возможные для индивидуума, предел которых определяется лишь уровнем развития знаний, техники, социальным устройством и моралью общества.

И вот от вечных вопросов о счастье и несчастье человеческом и «загадочной и вечной неправильности» человеческой жизни мы естественно втекаем в вопрос о месте и роли человека в мире.

Что такое любое действие? Это изменение хоть чего-то в мире. Человек затратил хоть какую-то энергию и совершил хоть какую-то работу. И что-то стало не так, не там, иначе, чем раньше, – хоть плод сорвал, хоть на землю плюнул, хоть друга травмировал ударом в глаз.

Так. Животные тоже действуют: перемещаются в пространстве, съедают траву или кроликов, испражняются, роют норы, рожают себе подобных. Чем человек отличается от животных – *принципиально* отличается – с точки зрения действий, если глядеть со стороны? На каком этапе, как, чем человека можно выделить? (Разума пока со стороны, наблюдателю из космоса, скажем, не видно: есть стаи весьма похожих обезьян разной степени волосатости, и все они живут родами, едят яблоки и т. д.)

Орудия труда? Но и обезьяна кидает палку во врага или плод, дятел выковыривает гусеницу колючкой из щели, орел сообразит поднять и разбить черепаху о камни, а ворона – размочить сухарь в луже. Палка и камень человека здесь не отличие.

Речь? У дельфинов, волков и многих других есть десятки звуковых сигналов на все случаи жизни: убегай, нападай, давай покушаем, хочу любить и т. д. Звуковые сигналы первичного человека от этого не очень отличались и функцию выполняли ту же.

Организация общества? Волки, обезьяны, моржи и масса еще кого отлично и целесообразно организованы: охотники, загонщики, часовые, охрана и кормление беременных и кормящих самок и детей, бескровное определение лидера, взаимопомощь, иерархия по силе и ценности для сообщества и т. д.

Огонь! Именно и только огонь! Только человек сумел и смог использовать, кроме собственной биологической энергии, энергию внешней природы – небиологическим способом, не ограниченный возможностями организма. В брюхо лишнего не впишешь, не переваришь – а сжечь можно хоть весь лес. «Законсервированная» в топливе энергия резко увеличила его энергию: отгонять хищников, греться в холод, лучше усваивать жареную пищу.

А причина? Разум? Да, додумался. Умный – означает: может и будет много делать, означает: сильный, энергопотентный.

А что такое разум? Откуда взялся? Дан от природы?

Сотни известных науке «маугли», воспитанных с младенчества животными и в возрасте после пяти лет возвращенные в человеческое общество, уже никогда не становились разумными людьми: не овладевали речью и простыми навыками, не обладали мышлением в человеческом понимании. Куда делся их разум?

Зато могли спать в холод на земле, питаться корешками или сырым мясом, быстро скакать на четвереньках – за пределами возможностей даже хорошего спортсмена.

То есть человеку в «чистом виде», от рождения, дан не разум, а только способность к разуму. Дан избыток энергии центральной нервной системы. Он может принимать форму разума, а может пойти на адаптацию практически к любому образу жизни: жить в норах или на деревьях, выть или лаять, рыть землю ногтями или рвать глотки зубами.

Ни одно животное не может выйти за пределы возможностей своего вида, как его с рождения ни воспитывай и ни дрессируй. И всегда может вернуться в среду «своих». – Кроме человека.

И вынести человек может то, чего не может ни одно животное – это знают чемпионы по выживанию, попадавшие в крутые передраги.

Человек – *энергичнее* всех прочих.

Его повышенная энергичность – всего лишь способность к дополнительным возбуждениям центральной нервной системы, потребность мозга в больших возбуждениях, чем у других животных. Только и всего.

А в результате разум – как бы энергия второго рода. Посредством его человек горы переворачивает, города строит и в космос летает – с тем же мозгом, что и кроманийец сорок тысяч лет назад.

Человек по своей природе:

– живой – осязатель – думатель – делатель.

А вся-то история жизни на Земле – это история того, как живые существа, от амёб до обезьян, потребляли, преобразовывали и выделяли энергию, содержащуюся в солнечном свете и всем веществе Земли. И процесс этот шел все быстрее, все активнее! И количество биомассы, биоэнергии на Земле все увеличивалось, умножалось!

Пока биоэнергия человека (тьфу, обезьяны со специальной особенностью в мозгу, мелочь!) не достигла такого уровня, что может преобразовать чуть ли не вообще всю энергию земной коры со всей биосферой, грохнув ее разом, превратив в свет и тепло, расщепив атомы и так далее.

Вот таков ход энергетической эволюции на Земле, и человек со своим разумом – ее высшее и завершающее (на данном этапе) звено.

Почему, зачем, на кой черт, да?

8). А что вообще делается во Вселенной и каково место человека в ней?

В основном по науке так: вначале был Большой Взрыв. Идет стадия расширения. Энтропия нарастает: расширяющееся пространство все более равномерно заполняется материей и энергией. По варианту пульсирующей Вселенной наступит стадия центростремительного сужения. По другому варианту наступит тепловая смерть: равномерное заполнение пространства материей и энергией, полное отсутствие «разности потенциалов».

Сейчас по мере нарастания энтропии часть энергии «консервируется» во все более сложных структурах – от звезд до планеты с жизнью. На Земле изрядная часть «законсервированной» энергии уже может быть выделена посредством человека – вариант термоядерной бомбы.

Вариант идеального преобразования и «задействования» запасенной энергии – типа аннигиляции, превращение всей материи в свет, предельно сильный взрыв.

Человек со своим принципиально присущим стремлением ко все более крупным действиям отлично встраивается в эту цепь. От выделения энергии вещества через горение он уже перешел к выделению энергии вещества через ядерное расщепление. И никто не может сказать, что это предел.

Человек с его разумом и функцией преобразования мира – узловая, поворотная «анти-энтропийная точка». Достаточно создать человека – и он выделит энергию из всего вещества, до которого только дотянется.

А пройдет время – и кто знает, как он еще может мутировать, что откроет и наизобретает. И дотянется до чего угодно по всей Вселенной. (А не сам – так не знакомые пока родственники.)

Возникновение Человека в энергетической эволюции Вселенной логично и закономерно. Посредством Человека уничтожается Старая Вселенная и возникает Новая.

Вот вам и Пульсация, и Большой Взрыв, и причина.

И вот вам стремление к Максимальным действиям.

И вот вам назначение Человека во Вселенной.

И вот объяснение всему человеческому поведению.

Разум – это Запал всеобщего Уничтожения и всеобщего Созидания.

И вот вам вся цепь, рассмотренная от предела до предела и замыкающаяся сама на себя – от горя и счастья человека и его желания постичь себя и свою жизнь – до устройства Мира, его гибели и рождения.

Хау. Я все сказал.

Еще короче о главном

Я сказал, что во всех своих действиях человек руководствуется инстинктом жизни; инстинкт жизни являет себя через потребность в ощущениях, как положительных, так и отрицательных;

субъективно жизнь есть сумма ощущений во всей их гамме, стремление к силе и полноте гаммы инстинктивно;

разум есть надстройка центральной нервной системы, позволяющая трансформировать через мысли в ощущения любую информацию о любых событиях и действиях;

и таким образом стремясь к ощущениям, человек стремится к действиям, сумма которых в общем максимальна для индивида в течение жизни;

от природы, от рождения человек наделен не разумом, но лишь способностью к разуму, который в основе есть способность и потребность в повышенной возбудимости центральной нервной системы – разум есть оформление повышенной энергетики центральной нервной системы сравнительно со всеми прочими существами;

посредством разума человек выделился среди прочих существ с овладением огнем, то есть включив в свои действия энергию, содержащуюся в веществе планеты, в неограниченных размерах, гораздо больших, чем физиологические потребности собственно организма;

человек всегда находится в принципиальном неравновесии с окружающей средой: разум стоит к чувствам в том же отношении, как ускорение – к скорости, увеличивающаяся сумма знаний требует совершения все больших действий для получения той же силы и качества ощущений, и действия как изменение окружающей среды имеют нарастающий характер все большего и скорейшего преобразования и выделения энергии;

все действия и особенности человека и человечества объясняются и обусловлены выше-сказанным и лежат в его рамках;

эволюция неорганической и органической материи Земли носит антиэнтропийный характер консервации энергии во все более сложных материально-энергетических структурах;

посредством человека делается возможным преобразование и выделение все большей части этой энергии, которая без него могла бы сколь угодно долго оставаться «невысвобожденной», «косной», «мертвой», (а энергопреобразование есть сущность Бытия);

человек разумный есть верхняя точка антиэнтропийной эволюции планеты, в принципе – самый совершенный энергетический запал всей окружающей материи;

предел лавинообразно нарастающему энергопреобразованию окружающей среды человеком принципиально не видим; в идеальном удалении тенденция имеет конечной точкой преобразование Вселенной, т. е. уничтожение нашего Мира и создание Нового – это и есть то Максимальное Действие, к которому направлен вектор человеческой деятельности;

таким образом человек есть этап, звено, средство, орудие, самопреобразования Вселенной в целом;

и объективно равнодействующая всех его чувств, помыслов и поступков направлена на это;

– — — что вполне объясняет и увязывает жизнь и сущность человека, народа, истории с их местом и ролью в мироздании.

До того, как

Мир познаваем или нет?

На этот вопрос из разряда вечных есть два с половиной ответа: да, нет, частично.

Агностики полагают, что мир непознаваем в принципе. Вот есть человеческие ощущения, весьма субъективные, а как все устроено на самом деле – черт его знает: копнешь чуть глубже, а там потемки и непостижимая тайна.

И когда они не могут дать ответ, как и почему устроено что-то в мире, они говорят, что это невозможно понять ограниченным человеческим разумом, а есть нечто высшее и безусловное: Божественная искра, или Тайна мироздания, или Категорический императив, или Высший закон морали. А кто этого не понимает – тот просто примитивный человек, мыслит вульгарно, чего-то ему от природы духовно недодано.

Гностики, в противоположность им, полагают, что мир постигаем разумом. Необходимо оговорить, что гностиками назовем здесь для простоты не древних христианских философов, как обычно принято, а тех, кто придерживается гносеологии – теории, в общем, познаваемости мира.

В обыденной жизни все люди – гностики. Они учат астрономию, химию, психологию, сопромат, не говоря о правилах дорожного движения, и способны объяснить или предсказать разные явления, исходя из научных данных, из объективного знания. Метеопрогноз, конструирование корабля, приличное поведение в обществе, чтоб не выгнали вон, – на таком уровне человек понимает, как что устроено.

А если он чего-то не понимает в науке или технике, он просто говорит, что тут наука еще не в курсе дела. Надо бы разобраться. И начинает разбираться. Потому что наука имеет дело с объективными критериями и базируется на рациональном знании.

А вот если он чего-то не понимает в областях духовных, гуманитарных, он впадает в пессимизм относительно своих умственных способностей. А поскольку сам себя дураком никто признавать не любит, то индивидууму тут свойственно проповедовать ограниченность ума человечества вообще. И вместо поисков ответа закрывать дыру в неведомое ширмой неких высших и незыблемых иррациональных ценностей типа Морали.

И то сказать, какие объективные критерии в том, что воспринимается на уровне: приятно – неприятно, нравится – не нравится, хочется – не хочется. Поэтому когда речь заходит о любви, красоте, искусстве – все люди на самом обыденном уровне делаются агностиками: непостижимы, понимаешь, умом движения сердца человеческого.

Пробовали, конечно, эти духовные ценности объяснить простыми материальными причинами – для размножения, для дружного выживания рода в суровых условиях, для побуждения к дальнейшему росту и развитию. Не получается. Зачем любовь гомосексуалистов, зачем поп-музыка, зачем быть честным среди лгунов и воров?..

Мы исходим только из следующего. Если мир непознаваем, то не фиг и дергаться. Выпьем и закусим.

Если мир познаваем, так мы его и познаем.

Если мир познаваем частично, то предел этой части неизвестно где, а в том, что познание бесконечно, ничего оригинального нет.

Принцип биполярности,

или, по-простому, разница как источник всего

Для того чтобы что-то происходило, должна быть разница между чем-то и чем-то. Чтоб вода текла, должна быть разница давлений или уровней, для нагрева – разница температур между нагревателем и нагреваемым и т. д. Где все однородно – там ничего не может происходить – типа тепловой смерти Вселенной.

Мифы многих народов мира подаются теорию мироздания так: вначале был Хаос, все перемешано, бесконечная серая мгла, и ничего более. Затем Демиург отделил свет от тьмы, эфир от материи, воды от тверди, верх от низа, и образовался собственно Мир, Бытие двинулось по своей истории.

Инь и Янь как символ сущего. Добро и Зло, мужчина и женщина, работа и отдых, созидание и разрушение. И т. д.

На уровне механики, на уровне природы вокруг – это нам довольно понятно. Энергия водопада – она потому есть, что есть два уровня, и вода с верхнего может рушиться на нижний. Олень потому быстроног и рогат, что надо от зубастого хищного волка убегать и обороняться: энергия мчащегося оленьего стада и догоняющей его волчьей стаи возможна и существует потому, что есть эта разница между травоядными и хищниками: погоня как действие обусловлена этой разницей.

На уровне всех человеческих действий это гораздо менее понятно. Всё норовят свести к «Закону единства и борьбы противоположностей»: олень необходим волку для пищи, а волк оленю – для здоровья и естественного отбора. Да? А вот попали кролики в Австралию, где их никто не жрал, никакой борьбы с противоположностью – и началась там у кроликов райская жизнь, расплодился донельзя и на здоровье не жаловались. С кем же борется папуас, блаженно лежа под бананом, кто ему противоположен?

Гораздо более просто, удобно и внятно определить причину и основание для любого действия, для всего сущего, как *биполярность*.

Есть кролики, которые могут есть траву, и есть трава, которая может быть съедена кроликами. Поехали! Процесс пошел, как говаривал незабвенный Михаил Сергеевич Горбачев.

Кролик может бегать – а луг «может», чтоб по нему бегал кролик: раз-два-три – побежали. Система «кролик – луг» энергетически заряжена уже тем положением, что есть кому бегать и где бегать: кролик может менять свое положение в пространстве. Без кролика действий на лугу совершалось бы меньше, энергия пространства луга со всем его хозяйством была бы меньше.

Есть папуас и есть банан. Из этого следует масса возможных действий: банан можно съесть, а можно (ну, дурак он, или сыт) бросить в лес, а можно бросить в море, а можно растоптать, можно испечь, можно намазать им себе лицо, а можно воткнуть в задницу. Само наличие двух предметов – человека и банана – содержит в этой системе «человек – банан» изрядную потенциальную энергию.

А если мы как бы изыдем кубик из пространства, как ломоть из торта, и будут в том кубе только папуас и банан, и тщательно перемешаем их в ровную однородную массу. Что они могут? Ничего они не могут.

Давайте начнем теперь менять в нашем кубике предметы. Попарно. Вода – водоросль. Водоросль может расплодиться и заполнить всю водную массу. Дерево – воздух. Дерево может сгореть и превратиться в золу, а из воздуха оно выжжет весь кислород. Водород и кислород. Могут грохнуть со страшной силой.

Биполярность обуславливает энергозаряженность системы уже самим наличием системы. Система в простейшем виде – это два предмета. (Даже в самом простейшем – одна элемен-

тарная частица и вакуум: частица в нашем кубе может двигаться, совершая работу по своему перемещению в пространстве.)

А теперь от кроликов и элементарных частиц – к людям.

Вот в нашем кубике два человека. Делать им нечего – болтать да чесаться. И чем они более разные – тем труднее им найти взаимопонимание по любому вопросу, даже попросить другого не пукать, потому что это соседу неприятно. Разный язык, разные манеры, привычки. Они вынуждены совершать работу уже потому, что надо же как-то сосуществовать.

Если оба хорошие, каждый готов встать на точку зрения другого – договорятся быстро. А два эгоиста думают каждый о своем, и ругани с выделением психической энергии будет много: храп во сне и вообще кто лучше и главнее. Добрый идет к другому, а эгоист тянет на себя – вечные столкновения, разница потенциалов выше. Белый и черный – всегда найдут, чем уколоть друг друга: чем дальше партнер от твоего изображения в зеркале, тем больше во взаимоотношениях с ним всяких закавык и труда по их преодолению.

А если это мужчина и женщина, тут просто дети пойдут, активный процесс жизни затеется.

Ну и что? А то, что человек есть часть и порождение Вселенной, Земли, земной жизни, и весь он, как в субъективных ощущениях, так и объективных действиях, существует и функционирует по тому же принципу – биполярность как причина, источник, объяснение.

Непонятно? То есть:

§ 1. Цивилизации возникали в разнородном, биполярном ландшафте: средиземноморское побережье, нильская дельта, Двуречье. Энергетически более заряженный ландшафт давал возможность и человеку действовать с большей энергетичностью: реку перегораживать дамбами, воду пускать на поля, на берегу рубить лес, строить корабли, пересекать на них море, торговать с заморскими странами со взаимной выгодой. Разница таких вещей, как суша – море, суша – река, гора – равнина, лес – море, лес – поле позволяла человеку плюсовать свою энергетику к потенциально готовой энергетике ландшафта и именно здесь двигать прогресс. А прогресс – это растущее энергопреобразование. Это именно тот вопрос, над которым ломал голову великий историк Тойнби, но поскольку он был чистый гуманитар, ну очень чистый, то разобраться толком не сумел и определил действие ландшафта на цивилизацию метафорическим выражением «Вызов-и-Ответ». Якобы природа посылает человеку вызов тем, что жить ему некомфортно, и он вынужден преодолевать препятствия. При этом оставалось неясным, чего это «вызов» посылался в самых что ни на есть удобных для житья местах.

§ 2. Основатель Руси Рюрик был не славянин, а пришлый норман, скандинав, германец. Величайший властитель Франции Наполеон был корсиканец, что этнически скорее итальянец, но никак не француз. Максимальный рывок к величию и процветанию российская империя сделала под руководством императрицы абсолютно немецкой крови Екатерины II. Зато фюрер Германии Гитлер был австрияк. В противовес ему властитель русско-советского СССР Сталин был грузином. А брать в наследники трона не только заграничных принцев, но и свистать заезжих бродячих орлов, было в древности в обычаях многих стран. Чужая кровь дает могучую смесь со своею! А крепкий чужак дает высокоэнергетическую систему в совмещении с другим народом.

§ 3. А то кто-нибудь не слышал, что дети от смешанных браков в среднем очень хороши, крепки и талантливы.

§ 4. Мы еще много будем говорить в своем месте о сути вечного двуединства-противоречия разума и морали. Или иначе – материального прагматизма и морали. Здесь лишь заметим, что это – источник и причина сильнейших переживаний для человека. Сильнейшее внутреннее противоречие – оно только и позволяет говорить о «подвигах духа», дает огромные как положительные, так и отрицательные ощущения, а стремиться к их получению – суть человека.

Грудью на амбразуру! К черту саму свою жизнь (а жить охота!..) ради высших ценностей, высших свершений!

Биполярность ориентирования центральной нервной системы как аспект повышенной энергетики человека, как толчок к личностно над-эгоистическим, над-животным поступкам – вот предмет разговора.

Внутренняя противоречивость человека – и его сверх-энергичность, сверх-активность на Земле: это две стороны одного явления, одно суть другое и вытекает из другого.

§ 5. Знатоки женского вопроса и издатели порнографии давно констатировали, что наибольшей привлекательностью обладает не «женщина-вамп», а исполненное чистоты и невинности непорочное создание в контрасте со своими сексуальными формами и бесстыдно-откровенными позами. У зрителя сексуальное желание смешивается со щемящей и чистой тоской, и тяга к такой женщине делается беспредельной: о, как это может быть, она же не для того создана, он хочет ее – и одновременно хочет, чтоб она была непорочна и защищена от грязи мира, вожделеет – и испытывает боль от ее порочности. Биполярность «порочность – непорочность», «секс-бомба – невинное дитя» срабатывает с несравнимой силой. (Кстати о Мэрлин Монро.)

§ 6. Кто помнит «Собаку на сене»? Она кажется (графиня, а не собака, которой вовсе нет) доступной и недоступной одновременно, и это сокрушает человека чувствами необоримой силы.

§ 7. И Макиавелли, и Сталин отлично знали, что любят лишь того правителя, которого боятся: в его власти растереть тебя, и когда он не растирает, но наоборот, обласкивает – ты делаешься предан ему до слез. А кого нечего бояться – тем пренебрегают, мало уважают. А только жестокого – нет, боятся, уважают, ненавидят, но не любят, подчиняются из страха, но не из преданности.

Силен тот, в ком есть и то, и это. Значителен тот, в ком есть и добро, и зло, и черное, и белое.

Опыты установили, что щенки (щенки!) больше привязываются к тому, кто их и ласкает, и наказывает, чем к тому, кто только ласкает.

Кинорежиссеры и женщины знают, что самый привлекательный тип – это негодяй, способный на благородные и самоотверженные поступки. О, за них он вызывает больше любви, чем любой розовый герой.

(Только не надо заменять понятие биполярности разговорным словом контрасты. Нет, это отнюдь не одно и то же. Биполярность – это два полюса системы, разность которых определяет ее энергетические возможности. А контрастировать может хоть цвет мочи с белизной снега. Биполярность – это союз белого мужчины с черной женщиной. А контраст – это соседство белого мужчины с черным чемоданом.)

§ 8. Биполярность любви – выдача счастья и страдания вместе.

§ 9. Биполярность разума – и веры вопреки знанию, веры как неотъемлемого аспекта избыточной энергетики человека. (Кстати о функциях двух полушарий мозга.)

Подлинное и мнимое

Есть величины подлинные, реальные. Их можно проверить, сравнить, для этого есть объективные критерии. Этим занимается наука. Египетская пирамида больше китайской фанзы. Танк мощнее мотоцикла. Ракета быстрее дирижабля. От нашего отношения, чувств, восприятия это объективно никак не зависит. Если все человечество завтра исчезнет, разница между бетонным шоссе и грунтовым проселком все равно останется.

И есть величины субъективные, ценности, существующие только в человеческом сознании. Сюда относится вся так называемая культура за исключением материальных ценностей,

созданных с сугубо прикладными, утилитарными целями. Идеально удобное для сидения кресло останется таковым, его ценность относительно человека понятна, – а всякие финти-флюшки, резьба, цвет, способ обивки и прочее – меняются в зависимости от моды, эпохи, вкусов и прочее. Для человека европейской традиции не существует азиатская музыка, а Леонардо изрядно нахохотался бы над «Черным квадратом».

Все жизненно необходимое относится к реальным ценностям. Это жилища, дороги и транспорт, средства связи, одежда и пища, освещение и отопление, инструменты и компьютер. Необходимость их относительна – можно под деревом прожить и грибом пропитаться, – но все они расширяют наши возможности, делают более независимыми от природы, позволяют еще что-то сделать, познать, открыть, совершить, создать. Их можно сравнить по качеству, надежности, удобству, степени соответствия своему назначению – а назначение их всегда утилитарно, они созданы не просто так, для любования и получения непосредственного удовольствия от их наличия, а для того, чтобы при их помощи, посредством их что-то делать, узнавать, видеть, есть, обогреться.

Явна разница между большим домом и маленьким, конем и автомобилем, стрелой и бомбой. И тот, кто преуспел в создании и открытии таких вещей – немелкий или даже великий человек: он наносит изменения на карту мира.

А на кой черт вообще культура, без которой можно обойтись? Боже мой, из-за чего копыта ломают!

...Если бы человек был просто механическим орудием вселенной для переделки себя, то есть вселенной же, никакой культуры ему не бы потребовалось. Все усилия были бы сконцентрированы только на скорейшем развитии науки и техники. Рожать, изобретать, работать и двигать научно-технический прогресс, все прочее – архитектурные излишества.

Для того, чтобы это сделать, человеку подброшен самый минимум энергии – энергии центральной нервной системы. Каковая и оформляется в разум – сине ква нон.

А разум этот, будучи «излишком» способности ощущений, базируется на них, их анализирует и ими руководствуется. Он как бы замкнут сам на себя, сам себя познает и сам собою руководствуется.

И живет он – субъективно – не для того, чтоб Вселенную переделывать, а чтоб себя реализовать: чтоб ему было хорошо (и плохо), интересно (и скучно); для себя живет, в своих интересах.

И для себя, по своим интересам, в своих ощущениях, в том мире, где центр и основа – он сам, его воспринимающий, познающий и продуцирующий мозг с его ощущениями, ображениями, мнениями и оценками, он творит свою деятельность. Реализует возможности и получает ощущения.

А ощущения – и от открытия атомного ядра, и от полового акта, и от нюханья ватки с эфиром.

И получается что. В жизни ведь никакой идеи в чистом виде не бывает. Любой процесс с точки зрения какой-то цели имеет свой КПД. Что-то расходуется по ходу дела на трение, что-то на нагревание, что-то обламывается.

С точки зрения Вселенной, где человек есть звено ее переделывания себя, вся энергия его, которую он не расходует на ее переделывание, а пускает на необязательные для этого, ненужные, вещи – это отходы производства, накладные расходы, побочное действие.

А с точки зрения человека с его субъективным разумом, переделка Вселенной – это побочное следствие, причем часто нежелательное, а энергия идет в создание и обогащение, изощрение, постоянное досоздание именно человеческого мира: цивилизация, наука, культура, мораль, любовь, познание и так далее. А цель – это хорошая жизнь человечества, скажем. <...>

Глава I Понял-нет?

Пониматель

Ум как способность все понимать есть величина самоценная.

Понимание лежит в основе всей человеческой деятельности в отличие от животной. Схватить дубину, развести огонь – сначала надо додуматься. А если способ тебе уже известен – сначала кто-то должен был додуматься, а ты используешь уже известное, применяешь результат чужого понимания.

Мудрецы почитались всегда, и всегда над ними с известным пренебрежением посмеивались, особенно богачи и владыки. «Если ты такой умный, то почему ты еще не богатый?» – характернейшая шутка эпохи американизма.

В самом деле, цель существования обычно виделась человеку в богатстве, власти, любви, силе, уважении окружающих, и в этом полагалось счастье. А понадобятся умники – найдем за деньги, за деньги воспользуемся их советом, их умом. Значит, я значительнее, если использую умника работать на себя, в своих интересах?

Да, умник может быть нищ, слаб, одинок и несчастен. Все он понимает, да сделать ничего не может (или не хочет). Что ж толку ему с его ума, которым пользуются (или не пользуются) другие?.. Сплошь и рядом умник не в состоянии применять свой ум себе на пользу.

Но сам процесс думанья, понимания, постижения ему отраден. И здесь он самоутверждается, осознает себя значительнее других, реализует свои возможности; и здесь закладывается база для всех действий человечества.

Его думанье может быть абсолютно бесполезным с прикладной точки зрения. Но если бы люди всегда не думали о чем ни попадя и не становились упертыми фанатиками своей мысли – не было бы вообще человечества со всеми его цивилизациями.

Из всех человеческих «специализаций» и функций главнейшая и первая – *пониматель*.

Ни в чем человек не признается так неохотно и нечасто (и всегда не совсем искренне), как в недостатке ума, в глупости. Звание дурака – обида наиболее универсальная, независимо от образования, должности и возраста. Ум каждого – сам себе мера и оценщик, вместителище всего мира, сам для себя – данность, и осознать, что чего-то он не осознает, (то есть увидеть то, что есть сам твой орган зрения, прибегая к сравнению), разумеется, не может. Ему уже нечем: что осознает – то и вот оно, а чего не осознает – того уже и... нет вообще.

Любой человек хочет понять свою жизнь. Пока все хорошо – так вроде все и понятно, и думать нечего. А вот когда все плохо – он задумывается, как же так, и если не может разобраться сам, то идет к другу, советчику, психоаналитику, мудрецу. И просит объяснить, как же так жизнь-то устроена, что он так вделся.

Профессиональный аналитик – в политике, разведке, прессе, науке – это профессиональный пониматель. Им уже платят прямо за это, а!

Вообще же есть подозрение, что пониматель – это соль земли.

Человеку свойственно *хотеть понимать* – вот так он устроен, создан, без этого его нет. Поэтому если кто-то занят только пониманием – он занимается самым важным делом в жизни. Это королевская профессия, выше нет.

А не хочешь – не ешь, дуракам, как известно, легче живется.

Мозг и режим форсажа

Сегодняшние ученые утверждают, что человек одновременно использует лишь 15–20 % возможностей своего мозга. Из чего делается обычно прямолинейный вывод об огромных неиспользуемых резервах и о перспективах более полного включения мозга в работу.

Но если разные участки мозга занимаются разной деятельностью (речь, мелкий ручной труд, абстрактное мышление и т. д.), то можно ли возбуждать одновременно все центры, используя все возможности? Это все равно что, используя слова классика, страдать ревматизмом и пляской Святого Вита одновременно. Или одновременно надеть на себя всю одежду и все белье, вместо того чтобы носить нужное по обстановке и стирать то, что не носишь сейчас, дабы оно было всегда готово к использованию. Из того, что одновременно человек носит одну рубашку из имеющихся пяти, отнюдь не следует, что он использует свой гардероб на 20 %.

Это первое. А второе – вот дельфин никогда не спит, все время плавает; ученые долго ломали голову, как же так. Оказалось, что он спит, конечно, но хитрым способом: два полушария мозга спят по очереди, что обеспечивает постоянный режим бодрствования. Человек спит, положим, 8 часов в сутки, треть времени. Но многие участки мозга не могут работать в хорошую силу шестнадцать часов подряд изо дня в день. Все люди интеллектуального труда это прекрасно знают на себе. Четыре часа – отлично, десять – очень много, но уж не больше. И в качестве отдыха человеку рекомендуют смену обстановки и образа жизни – чтоб полнее убрать, сместить напряжение с усталых участков на другие. То есть для эффективного использования мозг должен работать «в крейсерском режиме» – регулярно и много отдыхать, так он устроен, так он может функционировать.

Третье. Человек не использует на сто процентов, скажем, свою способность поглощать и переваривать пищу. Крутой обжора может съесть столько, что три нормальных человека глаза выпучат: желудок там растянут огромный, кишечник вздутый выпячивается, желудочный сок вырабатывается стаканами, ферменты буйно впрыскиваются... А ведь путем тренировки можно многого достичь по части обжорства, обмен веществ перестроится и т. д. Можно ли из этого заключить, что человек лишь на 20 % использует свои возможности поглощать и переваривать пищу?... Ходить будет с одышкой, сдохнет быстрее. Он питается (допустим) в оптимальном режиме, чтоб всего в жизни сделать больше. А пищеварительная система, равно как и прочие, имеет большой резерв, запас прочности и работоспособности. Без такого резерва она и в нормальном режиме долго не протянет. Точно так же и резервы мозга – необходимый аспект устройства для нормальной работы.

Если гнать автомобиль на полном газу, долго он не протянет и много не проедит.

...Что такое пресловутое «вдохновение» художников и ученых? Это повышенное возбуждение соответствующих участков мозга. В таком состоянии делаются открытия и создаются шедевры.

Таким людям хорошо знакомы бессонница, раздражительность, неврастения – следствия перевозбуждения, не снижающегося после работы до нормального уровня покоя. А не будет отдыха – не будет работы, утомленный мозг не выдаст высокого возбуждения. И тогда для отдыха ударяются в спорт – перенести возбуждение на другие участки, активизировать приход в норму через мышечный энергообмен, шлаки сжечь, кислорода подбросить. Или глутают алкоголь – расслабляет, раскоординирует. Или глотают снотворное.

А часто, если вдохновение нужно в «режиме», как на киносъемках, например, к назначенному часу по заказу, «салятся на качели» – успокоитель вечером, возбудитель утром, один медикамент регулярно передавливает действие противоположного, и это прямой известный путь к депрессии и нервному истощению.

Мозговики любят налегать на кофе и табак – нормальные возбудители. Это понятно, и никто их за это особенно не осуждает.

А вот когда мозговики налегают на алкоголь или наркотики, их общество осуждает или жалеет. Но понимает реже. Хотя давно придумало слово «самосожженец».

«Подобное лечится подобным» – это старое медицинское предписание стало главным принципом всей гомеопатии. В случае «творцов» это значит, что сильное перевозбуждение (каковое есть обычное рабочее состояние «творца») снимается методом переноса на другие участки: алкоголь или наркота возбуждает другие участки мозга, и они становятся доминантными, «оттягивают» возбуждение на себя, гасят его в предыдущем месте.

А на уровне потребности в ощущениях это означает следующие «качели». Центральная нервная система «творца» способна на более сильные возбуждения, чем «средний» мозг. И она, по мере тренировки, привычки, втягивания, – продолжает испытывать потребность в этих ощущениях. «Творец» – не просто отъявленный «работоголик», ловящий кайф на работе. Он начинает ловить сильные ощущения во всем. Особенно если после (вследствие) этого потом хорошо работается. Его потребность получить сильные ощущения через алкоголь или наркотики имеет тот же характер, что и потребность ощущений через работу. А работать шестнадцать часов в сутки он не может. Вот и пьет, вот и колется.

Журналистская молва утверждает, что когда в 1978 году Карпов проигрывал Корчному чемпионат мира по шахматам, а это имело громкое политическое значение, СССР против эмигранта-отщепенца, то ему устроили тайм-аут с египетскими ночами типа бассейна голых филиппинок, чтоб эти шахматы вообще у него из головы вылетели, сеанс одновременной эротики в фантастических формах и размерах. К черту шахматы, безумная греза мужчины и так сбылась, поверить невозможно! Результат был прекрасен: Карпов так отвлекся и отдохнул, что со свежей силой и бодростью переломил ход матча и выиграл.

Старое американское пособие для бизнесменов в полшутку рекомендует три способа психической реабилитации: острое приключение типа уплыть на бревне по Амазонке от догоняющего крокодила или прыгать с парашютом на горную вершину рядом с вулканом, сексуальная встряска в экзотической обстановке и с реализацией самых диких фантазий, а третий способ именуется не без юмора «русским»: нажраться в хлам без меры и с размахом, чтоб вообще забыть себя, а с похмелья помнить и мечтать лишь о том, что совсем плохо и надо как-то выжить, лишь бы это прошло.

Честный Хемингуэй писал, что лучше всего нервное напряжение после работы снималось в постели с женой. Но тогда ему не было тридцати. Позднее он полностью переехал на виски.

С этих дел и сложилось представление о беспутстве и распутстве богемы и порочности людей искусства. Что отчасти вполне верно. Вот нужны им сильные, острые ощущения. Работают они на них. Правда, богема – это в основном те, кто подражают художникам лишь в развлечениях и пороках, будучи сами бесплодны. И то сказать, беспорядочно трахаться проще, чем шедевр создать, в этом каждый может гению уподобиться.

...Понятно, что все резервы мозга – необходимое условие для возможности кратковременного форсажа. Будь то наука, искусство, наслаждение или отчаянные поиски выхода из трудного положения. А возможность к экстремальным нагрузкам не значит ведь, что такие нагрузки надо тянуть постоянно.

Ум и интеллект

«Если бы другие не были дураками, так ими были бы мы», – гениально выразился мой любимый Вильям Блейк.

«Умный-умный, а дурак», – крикнул майор Пронин.

«Если ты такой умный, то отчего ты не богатый?» – издевается зашоренный американец.

«Есть разные типы ума: скажем, умный философ будет на базаре без труда обманут умным торговцем, который туп и темен по части устройства мироздания, зато философ совершенно не понимает, как надо спекулировать, пользуясь практической человеческой психологией», – писал Бальзак.

В другом месте я уже формулировал: умом можно назвать способность вывести из минимума информации максимум заключения, при прочих равных в кратчайший срок.

Что такое «коэффициент интеллекта» – ай-кью? Это способность в ограниченное время решить как можно больше «тестов на сообразительность», эдаких задачек на логику, пространственное воображение и т. п. Если по правильным ответам набрал 150 очков – ты гений, 120 – нормальный умница, 90 – балда. Логический, естественнонаучный, структурный подход к решению вопроса. Вот только некоторые известные ученые, вроде математика Пуанкаре, по результатам этих тестов, ныне повсеместно используемых, оказывались чем-то средним между дебилом и дауном. Вот как-то мозги у них иначе устроены, нетипично. Вообще многие великие умы в юности расценивались преподавателями и сверстниками как тупицы – Руссо, Гаусс, Эйнштейн, да куча.

Строго говоря, любые тесты ограничены, разумеется: если их результаты верны более чем наполовину, уже ведь неплохо. Строго говоря, они свидетельствуют точно лишь об одном: что ум испытуемого пригоден (или непригоден) именно для решения таких задач: есть логичность, скорость перебора вариантов, улавливание закономерностей через частности, немалая мощность возбуждения нервных клеток в соответствующем центре головного мозга. При этом могут отсутствовать упрямство, терпение, быть слабо развитой интуиция, и в жизни такой человек свой ум, высоко оцененный подобным формальным способом, может никак не являть.

Насчет того, что он сумел привлечь работать на себя людей более умных, чем он сам, выразился еще Генри Форд-первый, и вслед за ним это многократно повторили многие гении капитализма, успешно крутившие в своих интересах мозги яйцеголовых. Так кто из них умнее?..

Наполеон был умный и интеллектуальный. Распутин был умный и неинтеллектуальный. Паганель был интеллектуальный и неумный. Мунк был неинтеллектуальный и неумный, но талантливый (от художника больше и не требуется). Неудержимо хочется добавить: большинство людей неинтеллектуально, неумно и бездарно. Что поделать, все способности человеческие оцениваются относительно среднего уровня подавляющего большинства. Янки при дворе короля Артура оказался светочем мысли.

«Интеллект» оперирует абстрактными понятиями, условными. Трафаретный образ – чудака-профессор: в науке гений, в жизни тупица, ничего не смыслит, обманывай его кто хошь.

«Ум» работает с ценностями конкретными, житейскими: школу мог не кончить, но «по жизни» сечет все отлично. Вот товарищ Сталин университетов не кончал, языков не знал, эстетические вкусы имел чудовищные, в науке и технике не смыслил в общем ничего (но если специалисты ему объясняли – схватывал быстро). При этом замечательно добивался своего, убрав со сцены всех умников с их образованиями и интеллектами.

Муж может быть такой умный – аж весь парламент восхищается. А дома жена им вертит как хочет, а он этого даже не понимает, и убежден, что делает по собственному усмотрению то, чего вовсе и не хотел на самом деле, а ею направлен и подтолкнут.

Кому чего надо. Кто на чем сосредоточен.

Одним из необходимых качеств ума и Спиноза, и Руссо полагали способность долго, постоянно, добросовестно сосредоточиваться на предмете размышления. Жуешь, жуешь, жуешь, как трактор по колее: все автомобили давно увязли и бросили по этой дороге ездить, а ты в конце концов один доезжаешь до конца. Не лишено. Недаром улитка и черепаха – любимые японские образы (не считая цветущей сакуры, разумеется).

Богатый бизнесмен органически не понимает, что бедный ученый своими открытиями невероятно счастлив: ученый тоже не прочь быть богатым, но отвлекать на это свою жизненную энергию ему жалко, это мелко для него: богатых много, а свои открытия мог сделать в мире только он один! Разные формы самореализации...

В девяностые годы часть советской научно-технической интеллигенции двинула в бизнес: свобода наступила, ворота открыли. И успешные профессора и доктора наук сплошь и рядом стали успешными и процветающими бизнесменами, государством ворочают. Вот тебе и «чудаки-интеллектуалы». Они просто сменили точку приложения своей энергии. Но. Но. Они страдают мелким комплексом. Им иногда охота ночью на кухне читать стихи и говорить о высоких материях. И это не ностальгия. Просто значительная часть их интеллекта остается теперь не востребованной. Пропадает. Реализации просит. Вот американскому бизнесмену этого не понять: хрен ли ему стихи и высокие материи, он бабки кует – и хоре.

Энергия определяет все. И все связывает. В данном случае это вот к чему:

Ум (как и вообще разум) есть оформление избыточной энергии центральной нервной системы. Первые пять-шесть лет жизни формируют человека с его умом и интеллектом. (Правда, могут показаться исключения – скажем, академик Дубинин был из беспризорников. Но до того, как Гражданская война сделала из него беспризорника, он получил воспитание, фундамент, который уже в юности обеспечил ему возможность мощного интеллектуального хода. Маугли он отнюдь не был.)

Абстрактные упражнения интеллекта весьма отвлекают от упражнений с проблемами реальной жизни. Тем более что реальная жизнь в основном до поры до времени обеспечивается семьей, социальной системой общества насчет обучения и т. д. Но если интеллектуала-математика сунуть на необитаемый остров – он осмотрится, забудет занятия математикой, направит всю умственную мощь на выживание – и отлично преуспеет.

Потому и говорят часто, что «талант являет себя во всем». Если энергия центральной нервной системы высока – то в любой точке приложения она может производить большую работу.

Бизнес требует напористости, жестокости, властности, умения брать на себя ответственность, организаторских способностей, понимания практической человеческой психологии. А интеллекта как такового здесь не требуется. За пределами решения необходимых для его бизнеса задач – дурак дураком может быть. Вот если бы вдруг всю энергию употребил на науку – добился бы многого, но этим надо заниматься с юности, после двадцати пяти – уже кранты, мозг зашорен, обучаемость ни к черту.

А умник может все понимать даже – но быть вялым, трусливым, нерешительным, в людях не разбираться. Вот и вся причина, почему один миллионы делает, а балда, а другой умный, но самое ему место в университетской профессуре: он продает свой интеллект за деньги тому, кто платит, ворочать дела самостоятельно он не может.

В России к концу XX века мы имеем пикантнейшие ситуации: директором фирмы сидит пахан в наколках, образование четыре класса – но кр-рут, вся зона раньше уважала, за себя постоять он может, и людей держать в кулаке умеет, и за слова отвечать привык. А на него падают доценты, бумаги составляют, заказы выполняют, договора заключают – за умеренную зарплату. Они-то умные, да он – сильный и в состоянии возглавлять дело. Волевые качества, понимаешь, и решительность делать дело любой ценой. Умные они – но в результате умнее оказывается он: он «присоединяет» к себе их ум.

Частый вариант: человек умен во всем, кроме одного: использовать свой ум себе на пользу. Вот он как-то отвлеченно умен, вообще умен. Тесты, кстати, решать может отлично. А как доходит дело до собственного интереса – порет одну глупость на другую. Э?

Во-первых, был бы ограниченнее, не думал бы о вещах отвлеченных, пускал бы умственную энергию только и целенаправленно на решение своих дел – преуспевал бы отлично. Во-

вторых, если психика человека, подсознание его, его истинные потребности организованы так, что «не хотят» того, к чему стремится сознание – они будут «под руку толкать» его в важные моменты. Вот страдать ему потребно, или жить именно так, а не иначе, – а он этого не понимает: он понимает и пытается делать одно, «по уму», а на самом деле не понимает и делает другое, «по ощущениям, потребным психике».

Повторим в который раз: жизнь человеческая не управляется разумом, но разум обслуживает страсти и потребности в ощущениях. Ум – далеко и отнюдь не залог счастья и благополучия; или кто этого не слышал?

О правде

Строго говоря, правда – это информация, то есть знание, а знание есть первый шаг к действию.

Когда ребенка учат, что лгать нехорошо, мораль находится в полном соответствии с требованиями энергопреобразования: необходимо знать, чтобы правильно и эффективно действовать, т. е. чтобы результат действия совпадал с целью желания (верное представление родителя о действительности позволяет ему совершать поступок, ведущий к воспитанию ребенка по родительскому разумению – это в нашем случае требования правдивости от ребенка).

Когда благородный человек не опускается до лжи, которой мог бы достичь конкретной выгоды, он тем самым заявляет: я сильнее и значительнее лгуна, я сам на себя налагаю ограничение правдой – ибо я привык выигрывать по своим правилам, которые труднее плебейски-лживых, мои правила не всем по плечу, они только для сильных и храбрых; я не боюсь трудных для меня последствий говорения мною правды, я готов к ним, поняли.

Когда на войне выпытывают сведения из пленного, то правда – это информация, необходимая для победы и выживания.

Правда может скрываться из гуманных побуждений: из жалости, милосердия, любви, вежливости, – говорить человеку всякие приятные вещи, чтоб улучшить ему настроение, если от правды ему все равно никакого толку, кроме огорчений, – выглядит он плохо, или болен скверно, или хороший парень, но глупый. Тут уже получается, что мораль и здравый смысл противоречат обнажению правды.

И вот фигура умолчания правды из моральных и разумных соображений часто встречает решительное раздражение многих людей. Люди могут быть согласны, что «вообще» незачем распространяться, как именно кто-то умер, или кто именно был информаторами спецслужб при прежнем режиме, или открывать какой-то государственный топ-секрет: да, их лично это не касается, в жизни от этого ничего не изменится, а у многих людей будут сложности и неприятности, ну так и незачем будоражить правду – лежалую информацию, которую спецслужбы норовят спустить по руслу «затухающей».

«Затухающая информация» означает: правды вскоре уже никто и никогда не узнает, и знать ее вам, граждане, незачем, не ваше это дело. Может, и не наше, соглашаются граждане, но знать все равно хотим. Зачем? Из любопытства? Из «нездорового» любопытства?

Любопытство – это любознательность, стремление к знанию того, что тебе (казалось бы...) ни за чем не нужно и роли для тебя никакой играть не может: типа – как именно человека разрезало поездом или что ест президент страны на завтрак и какими словами он ругается в тесном дружеском кругу.

Но – но: на уровне индивидуальной психологии, индивидуального желания невозможно разграничить знание «приличное» и полезное от знания «неприличного» и бесполезного. Человеку интересно не то, из чего можно сварить суп понаваристей (если сейчас от голода не страдает), – а то, от чего он получит ощущения покрупнее и поострее. Ага – секреты политической кухни, альковные подробности из жизни звезд и вообще всякие тайны.

Ничто не интересует человека так, как тайны. Что выйдет из раскрытия тайн – это уже следующий вопрос, потом будем слезы лить или от восторга прыгать, но сначала надо узнать.

Политики и облеченные «государственным доверием» лица вечно пытаются внушить гражданам, что не их собачьего ума дело соваться в государственные тайны: государственная тайна, профессиональная этика, подписка о неразглашении и вообще бесполезность и ненужность этого знания для вас – вот краткий список обычных аргументов. Вот раскроешь вам какую-нибудь тайну – и выйдет из этого один вред.

Кадровый разведчик Виктор Суворов стал перебежчиком, предателем, и опубликовал книгу, из которой явствует, что Вторую Мировую войну начала фактически не Германия, а СССР. Уже нет ни Третьего Рейха, ни СССР, никого из тех, кто эту войну начинал... что толку в этой книге? Да – это правда; но что толку в этой правде?

Зачем нужна правда, когда она никому не нужна? – так можно сформулировать вечный вопрос.

Затем, что стремление к знанию правды – это важнейший аспект инстинкта жизни разумного существа. Стремление это инстинктивно и безусловно. С кем наставила мужу рога Марья Ивановна, почему Земля вертится вокруг Солнца, как отправляют естественные потребности космонавты и как же все-таки построили гигантские пирамиды – стремление знать это есть проявления одного и того же инстинкта знать все, что от тебя скрыто.

Стремление открывать мир, узнавая и познавая, – есть необходимый начальный этап к переделыванию этого мира, что и есть суть человеческой жизни.

Как любой процесс, познание правды имеет свой КПД, гораздо ниже 100 %. Возьмем условно 5 % – а остальные 95 % идут в шлак, это те балластные знания, из которых ничего не следует. Но чтоб выудить эти 5 – и необходимо просеять все 100!

Человек – природный, «профессиональный», познаватель. Стремление знать – выше и первичнее логики, расчета, разумной мотивации. Знать – означает жить: потому только и выжили и поднялись, что познавали все, что только могли.

Узнавание «бесполезной» правды есть благая цель уже потому, что это удовлетворение требования инстинкта. А кроме того, нельзя заранее знать, что из какого знания выйдет, – не сейчас, так когда-нибудь. Истории, политологии, психологии и психиатрии – нет без знания фактов, которые политиками и моралистами будут сочтены как «ненужные» и «вредные».

Историков и ветеранов болезненно ранит мысль о том, что вот уйдет поколение очевидцев и участников, связанное профессиональной клятвой молчания, – и уже никто и никогда не узнает, как все было на самом деле. Это что значит? Что с уменьшением информации уменьшается пространство нашей истории – то есть всего того известного нам процесса жизни человечества, к которому мы принадлежим, и причастность к которому есть наша сила, значительность, во многом – оправдание и смысл нашей жизни.

Каждый, кто умалчивает что-то о прошлом или настоящем, обкрадывает и умаляет меня лично: он уменьшает мир как мое представление, он уменьшает мою жизнь как часть общей жизни человечества. Вот почему людям всегда нужна правда.

«Можно ли украсть у человека то, о существовании чего он не знал?» – возразят защитники «полезного» умолчания. Еще как можно! Первобытные амебы и вовсе ничего не знали. Ограничение познания и кража знания – одно и то же.

А кроме того, любое ограничение знания несносно человеку как форма ограничения его свободы (см. «Свобода») – ограничения личности в удовлетворении желания и действий.

Абсолютная и безусловная ценность правды в том, что она удовлетворяет базовой потребности человека знать, – чтобы чувствовать, анализировать, действовать, что есть продолжение цепи актов. Знать и жить – это одно и то же; в некотором аспекте можно сказать и так.

Глава II Камо грядеши

Прогресс

Само понятие «прогресс» всюду пустил и «заиграл» XIX век с его эйфорией от собственных материальных успехов. В обычном обывательском понимании это означало примерно следующее: мы узнаём о природе всё больше и больше, человек становится всё могущественнее и могущественнее, живет всё богаче и богаче и, таким образом, жизнь делается всё лучше и лучше; то есть прогресс состоит в том, что люди живут всё счастливее – свободнее и богаче: получают образование, имеют хорошее жилье и разные хорошие вещи, ездят по всему миру, развивают науки и искусства, на смену тираниям приходят справедливые демократии, и мы с каждым шагом близимся буквально к Золотому Веку изобилия и счастья.

В умах «полумыслящих» масс укоренился такой идеал прогресса. Сводилось это представление к тому, что прогресс, во-первых, безусловно существует, и, во-вторых, прогресс – это безусловно хорошо. Так сказать, поступательное развитие человечества. И этот идеал вбирался со школы, в юности.

Пора романтической юности сменялась зрелостью с ее реалистическим опытом, и человек сурово задумывался: наука и техника, конечно, развиваются, а жизнь по-прежнему сволочная, полная страданий и несправедливости. Правят по-прежнему в основном лжецы, жулики и бандиты, в жизни преуспевают жадюги и прохиндеи, насчет дружбы, верности и любви извечная напряженность не пропадает, мораль выше и крепче не становится... В чем же, черт побери, ваш пресловутый прогресс?.. В том, что барахла больше, что ли? Делов-то!..

Лозунг «Светлое будущее человечества!» стал оборачиваться черным юмором анекдотов: демонстрация рабов в Древнем Риме, гремя цепями и пестрея лохмотьями, несет транспаранты: «Да здравствует феодализм – светлое будущее всего человечества!». А знаменитый французский карикатурист изобразил прогресс в виде процессии улиток, еле заметно ползущих цепочкой одна за другой, так вдобавок они вообще ползут по замкнутому кругу.

И появились пессимисты, которые заявили, что нет вообще никакого прогресса, потому что жизнь ни фига лучше не становится, – а оптимисты-прогрессисты, в противовес им, утверждали, что все-таки становится, и перечисляли аспекты: улучшение нравов, разнообразные свободы – совести, слова, передвижения, ослабление или даже вообще снятие социальных перегородок, успехи медицины и рост продолжительности жизни, опять же науки с искусствами и владычество над природой.

Улучшение нравов. От этой мысли придется отдохнуть. Войны XX века откровенно и исчерпывающе показали все зверства, на которые способны «культурные люди»: уничтожение народов, истребление мирного населения вместе с детьми и т. д. Пол Пот окончил университет Сорбонны, после чего успешно истребил треть своего народа, в основном нехитрым первобытным способом: укладывали в шеренги и разбивали мотыгами черепа. А уж что касается таких пороков, как лживость и лицемерие, подлость и себялюбие, – увы, можно лишь констатировать, что человеческая природа остается вполне неизменной: гадости процветают. И вот уже три, скажем, тысячи лет библейские Десять заповедей пребывают тем нравственным законом, который надобно соблюдать, и который постоянно нарушается.

Законодательная гуманизация нравов. Это прежде всего относится к наказаниям и формам казни. Действительно, эпоха феодализма бывала тут отменно жестока. Примерно с X по XVIII век в Европе практиковались такие прелести, как четвертование, колесование,

сожжение живьем и т. д. Просвещенный XIX век свел это в основном к простым и «гуманным» способам лишения жизни преступников: повешение, расстрел, электрический стул.

Но античный мир не знал законодательных зверств нашего тысячелетия. Могли отсечь голову, распять на кресте, побить камнями, угостить ядом, но специальных изобретательных изуверств не было.

Так что если сгладить исторические колебания, то закон стал в отношении смертной казни гуманнее, чем когда бы то ни было раньше, лишь в последней трети XX века, с резким сокращением или в некоторых местах вообще с отменой смертной казни. Заметим при этом, что большинство населения «гуманных» стран стоит против отмены смертной казни вообще, полагая ее правильным наказанием за умышленное убийство из каких-либо несправедливых побуждений.

Тут законодательная гуманизация – да, имеется. Правда, она же заставляет большинство людей всю жизнь нести проглоченные обиды и оскорбления, потому что ударив мерзавца можно огрести несколько лет каторги, а убив насильника – загреметь на пожизненное; но это уж так, ладно, издержки.

Искусство. Вот уж вам фиг вместо прогресса. В сущности, нам нечего добавить к скульптуре античности, живописи Возрождения и литературе Шекспира и золотого XIX века. Можно говорить о видоизменениях и пр., но достижение новых вершин по сравнению с указанными – помилуйте.

Образование. В общем да: сегодня средний человек имеет большую сумму общих знаний, чем сто или две тысячи лет назад. Он не умеет возделывать землю, фехтовать, строить жилище: специализация. Но в своей узкой специальности знает много разного, да и даже тупой работяга на конвейере, где знать вообще ничего не надо, имеет благодаря школе и телевизору представление о самых разных разностях.

Политические и социальные свободы. Есть, есть. По сравнению с прошлыми веками наше общество дает человеку куда больше равных возможностей со всеми; реализовать себя легче и сделать это можно полнее.

Наука и техника. Однозначно: рост, все большее могущество.

Возможности передвижения. Однозначно: купи билет, причем всего за цену минимального месячного заработка – и лети на другой край света.

Суммируем в общем минусы и плюсы:

Люди не стали чувствовать себя счастливее. Одни формы несправедливости сменились другими. Произвол самодержцев сменился наглой изворотливостью богачей и наемных юристов. Душевных страданий меньше не стало. Лозунг «Король, честь, родина» изрядно заменился на «мои деньги и мое благо». Повсеместно произошло страшное обмещанивание, исчезла идеология, организующая идея, смысл жизни народа.

Стали гораздо больше производить и потреблять. Резко увеличилась свобода выбора своей судьбы, вариант приложения своих сил, свобода выбора места и образа жизни.

Вот это и есть суть и содержание Прогресса: сумма человеческих возможностей и деяний все увеличивается. Человечество все больше может, и все больше делает, и все больше преобразует окружающую среду, и все больше энергии преобразует и выделяет.

А то, что оно от этого должно стать счастливее, – это оно само себе придумало. Счастье и несчастье, справедливость и несправедливость – они внутри человека, они в устройстве его психики, его центральной нервной системы, как мы в этой книге уже много раз повторяли.

Повышение энергопреобразования окружающей среды посредством человека – вот что такое ваш пресловутый Прогресс.

...И ради этого, возопит гуманист, светлые умы и горячие души клали свои головы на алтарь Истории?!

Да, отвечу я спокойно и цинично, именно ради этого, если смотреть с объективной точки зрения. Они-то лично руководствовались соображениями или идеалами познания, или истины, или добра, или справедливости, или счастья – их личная энергия швыряла их к максимальным действиям, их величие и благородство были им сами по себе наградой, – они что, шли на плаху ради того, чтоб сытые рантье пили аперитивы на показах мод? Чтоб безработные бездельники-социальщики ничего не желали делать и требовали жратвы, одежды, бесплатных шприцев для наркоманов и бесплатных презервативов для гомосексуалистов? Ради рекламы кока-колы они жизнью жертвовали, или полетов в космос?..

Подвиг и его отдаленный результат, деяние и его отдаленное следствие для потомков – всегда находятся как бы немного в разных измерениях, на разных ступенях исторической лестницы. Взять нищего римского раба и провести его сквозь двадцать лет страшной каторги на место шведского социальщика – о, как он будет счастлив, как будет наслаждаться своим положением! Его же – пересадить на это место разом, за шкуру, – да поначалу с ума будет сходить от счастья, а потом ему начнет приедаться, он ведь за это двадцатью годами сознательной каторги не платил, и ценить это будет меньше, постоянное сравнение в нем ежесекундно не сидит. Вот в истории всегда так и происходит – новое поколение принимает имеющуюся при нем жизнь как данность, и в свою очередь несчастно нормальным человеческим несчастьем, а что жизнь сытнее – так это для него не главное. Через поколение все деяния становятся историей, и мелкое тухлое благополучие делается ежедневностью.

Но мир мы продолжаем переворачивать!

Пицца

«Человек есть то, что он ест», – шутка старая. Еда – не просто носитель энергии: энергия продукта в результате сказывается на том, что делает человечество, чего достигает, какой след оставляет в истории.

Цивилизация Двуречья и Ближнего Востока встала на пшенице и ячменном пиве.

Эллада – это пшеничный хлеб, виноградное вино и оливковое масло.

Дальний Восток – это рисовая цивилизация.

Рим – это греческое меню плюс свинина. А когда легионеры получали жареное мясо, но были перебой с хлебом, они бунтовали.

А вот сидевшие на кукурузе, картошке и помидорах обитатели Америки оказались тупиковой ветвью человечества и сошли со сцены. Колеса не знали, лука не имели, с письменностью тоже была большая напряженка, – весьма примитивные ребята, хотя были многочисленны, имели огромные государства и жили в хорошем климате.

Из этого напрашивается известный вывод, что состав питания сказывается на умственной и вообще нервной энергии. Боец жрет мясо и дерется здорово – таковы большинство кочевников свободных племен, но организовать в стройное войско не может – либо ума мало, либо спеси много. Мясоед в конечном счете проигрывает рисовой или пшеничной цивилизации; когда она сгнила – он может сокрушить останки, но сам ничего не создаст – пока через века сам не станет хлебоедом.

Отдельный человек может пополнять энергию, питаясь хоть лягушками и дождевыми червями – и оставаться сам собой. Но посади на такую диету весь народ – и вскоре соседи обгонят его в развитии.

То есть состав белков, жиров, углеводов и витаминов – это еще не все. На больших свершениях всего народа, то есть на количестве общего конечного выхода энергии, обязательно сказывается, что именно народ сует в рот.

Рисовая цивилизация Дальнего Востока более тонка, изощренна, духовна и интровертна, чем европейская.

Пшеничная – интеллектуальна, агрессивна, экспансивна, в конечном итоге более созидательна, более преобразующая мир.

Могут возразить, что мудрец питается сухой корочкой, да и великий государь иногда ест скудно и просто. Да, но они – дети мощной цивилизации, энергия сидит в их генах, они от рождения энергичны умственно, а корми их семь поколений капустой – и бери бедолаг голыми руками.

...Сегодняшняя проблема евроатлантической цивилизации – переизбыток. Медицина рекомендует: мучное, сладкое, соленое, жирное, тяжелое мясо – вон. Есть фрукты, овощи, протоквашу, рыбу.

Оно бы конечно. Живешь дольше, болеешь меньше, выглядишь лучше.

Но. Соль, хлеб, сахар – повышают энергопотенциал клеток. Мозг на них работает активнее. Для личного здоровья вредно, а для свершений человечества – полезно. XIX век, век великого научно-технического рывка Европы – век сахара. Да, кариес и ожирение, а компьютер изобрели и в космос летаем.

Соль всегда ценилась. Животные приходят за сотнями километров, солончаки лизут. И вообще человек стал человеком на печеных корнях и жареном мясе.

Картошка, кукуруза, помидоры – «тупые» калории. Их поедатели пороха не изобрели. А на соленом сыре, лепешках и вине совершались великие походы и поднималась культура.

Так что на фиг все консерванты и любую синтетику, а также модные диеты и новшества типа «раздельного питания» (хлеб сегодня, сыр завтра, мясо вчера). Комбинации питательных веществ человечество отбирало тысячелетиями, и результат вполне впечатляющ, если глянуть вглубь истории, а потом – по сторонам.

Когда-то германцы ели исключительно бычье мясо и хлеб, и перед ними содрогалась Европа. А потом, забравшись на самый Север, стали сеять веками неприхотливую рожь и ловить морскую рыбу. Смотрите теперь на вялых исландцев и датчан – прямых потомков. А калорий и витаминов – выше крыши.

А французы ударились в изощрение своей кухни, развели сотни соусов, налегали на устриц с улитками, и теперь найти среди этого славного некогда и куртуазного народа красивого энергичного человека – задача для серьезной разведывательной сети. Есть несколько, так они кинозвезды. Кто не верит – пошляйтесь по Парижу или освидетельствуйте экскурсионную группу из Франции: парад уродов.

В чем тут дело – наука пока не в курсе. Но связь между питанием народа и значительностью его истории – несомненна. Собственно, всегда были рецепты: что кушать для силы, что – для любовных подвигов, что – для лучшего соображения. Но это частности. А базовые продукты – см. выше.

Аура у них такая. Или клетки так устроены. Или процесс переваривания и всасывания проходит чуть-чуть иначе, а это уже влияет чуток на функционирование всех органов, на возбуждение центральной нервной системы, на нужное наличие или наоборот, отсутствие микромутаций – вот что-то в таком духе. Организм устроен сложно, сам человек внутри себя этих микроразностей обычно не замечает.

А и гурманы, и аскеты – вырожденцы. Историю делали люди, любившие есть вкусно и нормально. Пшеничный хлеб грубого помола, сыр (лучше козий или овечий), мясо, оливковое масло, натуральное виноградное вино (лучше с водой). Соль, сахар.

И еще – насчет не есть на ночь. Вы видели животное, которое скачет после еды? Или такое, которое проснется – и ну жрать?

С утра аппетита нет ни у кого, кроме отдельных крупных жвачных – им утробу постоянно набивать надо. Разминается, пьет воду, расхаживается. А наевшись – всегда отдыхает. Переваривает и усваивает.

Совет насчет плотного завтрака, а ужин отдать врагу – когда утром этот завтрак не лезет в глотку, а вечером сосет в животе – это не лучший совет. Это совет насиловать организм для его же, значит, блага.

Человек, который заботливо и педантично поступает вопреки физиологическим желаниям собственного организма, тщательно сберегая здоровье (под вопросом) и зацикливаясь на этом – тем самым уже отвлекается от сосредоточенности на главных делах жизни. Балерины не считаются, у них профессия такая.

Черчилль неукоснительно спал после обеда, был толст и дожил до девяноста.

Пищу можно рассматривать с точки зрения нужды для: здоровья и долголетия; физической мощи; удовольствия; любовного пыла; мудрости; максимальных свершений индивидуума; *максимальных свершений народа.*

Мы рассматриваем все с точки зрения **доминанты существования человечества.** Давно известно: для одного надо одно, для другого – другое (...) (лекарства, устрицы, белки и протеины, голодание для просветления духа и пр.) Генеральная линия, генеральная нужда – чем питались великие народы.

Еда, как говорил Мечников, это самое интимное общение с окружающей средой, а уж он-то понимал.

Жизнь крепко меня ударила, но сейчас я ударю по жратве еще крепче.

Государство и ландшафт

Задолго до Шпенглера и Тойнби с их теоретическими анализами люди знали – всегда знали, собственно, тут и знать нечего, – что для приличного, перспективного поселения нужно такое место, где есть вода, и лес неподалеку не повредит для охоты, строительства и топлива, и морской берег для сообщений удобен, и кусок равнины нужен для пашни, и горы не повредят от соседей перекрыться на всякий случай. Вот цивилизации и возникали на совмещении двух или более ландшафтов: все государства Средиземноморья – это море, пашня, лес или тростник, обычно – гора для крепости; славяне – река, лес, пашня; и т. д. Среди бескрайней степи или сплошного леса много не наковыряешь.

А что означает разнородный ландшафт? Это означает его повышенную (по сравнению с однородным) энергетичность – то есть возможность его перемен уже самой природой, возможность произведения природных работ: степь зарастет лесом – или наоборот, лес отступит перед степью; море смоем и захватит берег – или наоборот, море обмелеет и берег наступит вперед; река пересохнет – или размоет огромное русло, ветвленную пойму. Разнородность и энергетичность – это ведь отчасти синонимы: одно может сравниться с другим, при этом происходит определенная работа, и система видоизменяется внутри себя в сторону уравнивания, однородности, энтропия ее увеличивается, а энергия, частью своей произведя изменение, уменьшается. Разнородный ландшафт в этом смысле подобен заряженной батарее с ее разностью потенциалов на полюсах, а однородный – разряженной батарее: потенциалы полюсов равны, и, считай, ничего она не может.

Если прибавить климатическую разность времен года и разницу дня-ночи в температуре и влажности, то энергетичность ландшафта становится еще понятнее и очевиднее.

По-простому получается так: разнородный ландшафт дает человеку больше возможностей. Начиная с того, что у него есть великая возможность произвольного маневрирования своей энергией в любом направлении, называемая свободой: хошь землю паши, хошь лес вали, хошь корабли строй, скот паси, по морю плавай. А разность занятий – это разность потенциалов цивилизации: растет ее энергетика!

Энергетика человека подключается к энергетике ландшафта – и тогда получается прущая энергетика цивилизации; вот к чему мы гнем.

Народы однородного ландшафта – степи, гор, тундры, джунглей – ничего круто цивилизованного создать не смогли. Глупы, вялы? – отнюдь: и сметливы, и горячи бывают. Условия не позволяют? – Верно, можно так сказать. Но к чему эти условия сводятся в целом? – К низкой энергетичности ландшафта. Хоть тепло хоть холод, хоть степь хоть джунгли – нет разности потенциалов. Ни в тундре, ни в горах – не дернешься, выбор не сделаешь, туда-сюда не побегаешь из одного в другое, и к возможности изменения ландшафта не подключишься – нечего в нем изменять. Только вписываться, приспосабливаться. Пасет чукча оленя, а горец – барана, вот и вся любовь.

Конечно, есть «торговля – двигатель прогресса». Торговая связь – это как проводок от одного аккумулятора к другому: ток течет, разность потенциалов образуется, народ однородного ландшафта становится частью энергетической системы, самим своим наличием повышая ее энергетику.

Конечно, есть «Вызов-и-Ответ»: ландшафт должен иметь некоторую суровость, оказывать человеку некоторое сопротивление, чтоб тому надо было покумекать и потрудиться, чтоб выжить; а то в райских условиях и трудиться незачем, и думать. Европейцы на Таити часто «объедались лотоса»: на фига работать, если и так приятно.

Конечно, есть и обратный предел: на вулкане не очень проживешь, хотя энергии в нем полно.

Но главным остается: именно разнородный ландшафт уже сам по себе «изготовлен» и «заряжен» для самопреобразования – и человек использует эту заряженность, подобно тому как использует для плавания судна энергию стекающей в реке воды.

Человек, можно сказать, способствует выделению энергии, уже содержащейся в разнородном ландшафте. Эта энергия ложится одним из оснований начала и развития цивилизации.

А далее по мере развития цивилизации ландшафт «вырабатывается»: сводятся леса, истощается почва, мелеют водоемы – это обычно называется «хищническим уничтожением природы» – и отжившие цивилизации оставляют по себе пейзажик, где энергией не подзарядишься; но это уже история известная и понятная. Что и сопровождается, заметим, падением рождаемости и ослаблением государства.

Письменность и информатика

Во-первых, письменность – это накопление суммы знаний.

Во-вторых, это распространение знаний и повышение их маневренности.

В-третьих, это повышение организации человеческого сообщества. Передача информации позволяет координировать индивидуальные действия в сторону их согласованности и концентрации, и тем самым коллективно совершать большие действия, чем если бы каждый делал кто во что горазд.

Любые средства связи можно уподобить как бы руководящему приказу, обращенному к хаотичной толпе молекул в броуновском движении: «Р-равнение на середину! Равняйся! Шагом – марш!» И вместо того, чтобы колобродить беспорядочно, молекулы целеустремленно и прямолинейно движутся согласованно в одном направлении. И движение их суммарно являет гораздо большую работу.

Средства связи – это нервы, которые координируют самосильные и «эгоистичные» дерганья частей в мощное движение единого целого.

Долговые записи, отметки о сборе налогов, военные приказы и сообщения о ходе войн, заметки о постройке зданий и сезонных изменениях природы с целью собрать урожай

побольше, – все это позволяло лучше организовать дело и больше совершить в общем результате, т. е. повышало энергетические возможности человеческого сообщества.

Писец, машинистка, почтальон, радиооператор, компьютерщик – это адъютант командований, скачущий на коне с приказом. (Здесь мы не говорим пока о науке и вообще культуре, роль письменности для которых понятна.)

Письменность и информатика – один из аспектов и средств повышения энергопреобразовательных возможностей и действий человечества.

Государство и эволюция

Мы имеем сколько-то связные представления о человеке в Истории только до тех глубин времен, когда была уже письменность и изрядная архитектура, но не раньше. А ими сопровождалось существование государства.

Человеком догосударственным занимаются этнография и этнология, и здесь экстраполируемые результаты – к чему пришли бы народы, которые мы застали на родо-племенном уровне – проблематичны и не бесспорны. Отсталые народы так или иначе всунуты сторонней им цивилизацией в фарватер ее развития, с концом их изоляции кончилось и их самостоятельное и естественное развитие.

Мы имеем дело с *человеком государственным*.

Есть ряд теорий возникновения государства, но различные объяснения и приведение разнообразных причин не имеют принципиального значения. Суть одна. Люди стремятся так организовать свое сообщество, чтобы в сумме быть сильнее и иметь возможность делать совместно больше, чем по отдельности.

До определенного этапа государство создается по линии целесообразности для явного и понятного блага граждан:

Безопасность? Конечно. Внешняя – отмахаться от соседей. Внутренняя – лучше суровый закон, чем никакого, когда каждый может резать каждого, а так договоримся о правилах и будем жить все по ним, жмет под мышками, конечно, зато жив и сыт, а буйный головорез выщется – укоротим вместе его на голову. Семью заведем, род продолжим, будет нас много, и никто нас не тронет.

Сытность, производительность труда? Конечно. Хором мамонта забьем и прокормимся, хором оросительный канал прокопаем и хлеб посеем. Удачливый и сильный поделится в голодный час едой, а мы ему за это дом побольше смайстричим, в свой час лучший кусок дадим.

Воин защищает, пахарь пашет, строитель строит, а в результате всем защищеннее и сытнее. Излишком хлеба прокормим ученого, он нам водяную мельницу изобретет, наш труд высвободит от ручной помолки, мы еще больше всего наделаем.

Пока все элементарно, Ватсон, это проходят в школе. А нешкольным языком – государство повышает энергопреобразовательную мощь человека.

Дальше начинаются сложности. Все государства плохие. Они ограничивают и угнетают человека. Заботятся, конечно, как-то, – но при этом диктуют, заставляют, угрожают карами. Налоги дерут, в армию загоняют, правила поведения навязывают, и главное – справедливости в них не хватает.

Со времен Платона, а на самом деле раньше, люди строили теоретические модели справедливого государства. Несть числа утопиям, как «логично-научным», так и художественно-фантастическим. Но о том, что «справедливость» в жизни недостижима в общих масштабах, мы говорили во многих местах.

Пока тоже просто. Годится едва ли не любой пример. Вот вы завели собаку сторожить дом. А она ест, гадит, пахнет псиной, скулит когда не надо, спариваться ей нужно, – увы,

побочные для вас следствия. А для нее, может, сторожить ваш дом – побочное следствие ее жизни, где главное – кормежка и конура. Любая медаль имеет две стороны.

Народ создает законы и государственные должности для себя. А исполняют их конкретные люди. Они самоутверждаются. Чем энергичнее и способнее – тем могут быть честлюбивее и корыстнее. Уж как Петр охаживал Меншикова и кулаком и дубиной за безмерное воровство – а держал: способный.

И тогда народ создает дополнительные законы, дополнения, поправки, – чтоб ограничить возможность государственных лиц самодурствовать и употреблять власть во вред народу. Портит власть человека, это давно известно. Афиняне вообще додумались до остракизма: раз в год изгоняли на десять лет того, кто выше всех высунулся. Того, кто, по их мнению, угрожает свободе и демократии, слишком одеяло на себя тянет. И плевать, что он много пользы принес. За прошлое – спасибо, а в будущем – как бы тираном не стал.

Римляне решили: трибунам отправляться с войском вдвоем и командовать по очереди, через день, и хорошо, если они друг друга не любят – не сговорятся тогда с этим войском взять власть в Риме и подмять государство под себя. В результате такой демократии Рим с грохотом проиграл битву при Каннах и едва не погиб. Двуначалие отменили.

То есть. Государство постоянно совершенствуется, как может. Детали подтачиваются, шлифуются, вводятся дополнительные предохранители и «улучшатели». Машина делается все более громоздкой.

В любом государстве происходит, с самыми благовидными целями, бюрократический рост. И до поры до времени это действительно улучшает и совершенствует деятельность государства. А потом оно начинает делаться все более громоздким, задыхаться и спотыкаться.

Это одно. А второе:

Закономерности существования и развития государства те же, что и прочие в истории и природе: государство стремится быть как можно более мощным и значительным, повышать свою энергопреобразующую деятельность. Оно экспансивно по сути! Оно «хочет» быть большим, сильным, богатым – и начинает завоевывать соседей. Оттого часто и гибнет. Кир нарвался, Александр нарвался, Наполеон нарвался. Про слабых и завоеванных и говорить нечего.

Но вот гибель Рима очень всегда историков интересовала. Такой большой, сильный, богатый – чего загнил, чего развалился, ведь четыреста лет назад такую толпу вшивых варваров Цезарь или Сулла растерли бы в грязь несколькими легионами? Тут и теория морального упадка, и теория физического вырождения, и теория угасания энергии этноса.

Вообще-то Рим кончился в 212 году с эдиктом Каракаллы, который дал права римского гражданства всем свободным жителям всей территории империи. Обитатели завоеванных провинций стали полноправными римлянами. Что это значит? Энтропию это означает, вот что. То самое равенство, когда между людьми и группами резко падает разница потенциалов. Да хрен ли иберам и бриттам величие Рима, гори он ясным пламенем. А ведь идея была хорошая. И с точки зрения морали людям приятно было стать гражданами, и радеть, вроде, за государство больше должны, армейские вопросы решать легче. Ан нет...

Что есть суть государства? Что делает его таковым – нужным и мощным? Организация его, структура законов и государственных механизмов. Что с ними всегда происходит со временем? Усложняются, увеличиваются. К чему это ведет? К противоположному эффекту. Те самые механизмы роста и самоорганизации, которые способствовали образованию, росту и укреплению государства, по мере времени начинают мешать ему, загромождать «кровеносные сосуды», виснуть тяжелым грузом, мешать на каждом шагу. Все больше дистанцируется и абстрагируется государство от тех отдельных людей, на которых и для которых оно существует. Люди привыкают видеть в чиновнике не друга и защитника, а врага и вымогателя, который занимается черт-те чем, а тебя главнее.

Закон и государство по мере усложнения из все более эффективного и отвечающего назначению превращается во все менее эффективное и не отвечающее своему назначению. И тогда его прожирают и загаживают изнутри, и оно рушится от любого толчка извне, а может и без особых толчков, как СССР в 1991 году.

Механизмы саморегуляции и коррекции могут продлить жизнь государства, но, разумеется, не могут сделать его вечным.

Стремясь всегда быть как можно более значительным, оно в конечном итоге само себе могильщик.

«Парадоксов» полно. Скажем, подавляющее большинство граждан цивилизованных стран безусловно стоит за смертную казнь тяжких преступников – террористов и всех тех, кто совершил обдуманное убийство невинной жертвы и т. п. Народ за – а государство против! Провести плебисцит – законы не позволяют, а избранные должностные лица – из гуманных либо карьеристических соображений – делают обратное тому, чего хочет избравший их для своего блага народ. О!

Или, скажем, белые страны сейчас стонут от легальных и нелегальных иммигрантов, которые прожирают деньги налогоплательщиков, хулиганят, занимают рабочие места и при этом буйно размножаются, быстро замещая собою коренное население. А принять более жесткие законы об иммиграции – не получается! А плебисцит провести невозможно! А наживаются на этом предприниматели, использующие дешевую рабсилу, чиновники, сохраняющие свои места в соответствующих ведомствах, и политики, делающие своим «гуманизмом» политический капитал на голосах избирателей.

Это называется «улучшенное» государство, которое безусловно находится в стадии гибели. Культ работящести, высоконравственности, суровости принципов (и нарушали, и куролесли, но генеральная линия была) сменяется аморфностью, бессилием перед жестокой наглостью чужаков, разгильдяйством – но все сыты, и грязной работой сами заниматься не хотят. Совершенствуя государство в своих интересах век от века, они усовершенствовали его до того, что это государство само себя губит как своими законами, так и реальным их проведением в жизнь.

Такова элементарная диалектика развития. А свинцовый водопровод, который якобы отравил воду и тем погубил римлян, тут ни при чем.

Империя

1. Граница. Откуда взялись все государственные границы на свете? А очень просто: пришли здоровые ребята с оружием и сказали: здесь стоять будем, вот досюда наши владения – а если кто такой здоровый и храбрый, что несогласен, – выходи, поговорим!

Все сегодняшние государственные границы установлены силой оружия. Разнообразные мирные договоры могли быть до и после, но на той или иной стадии вопрос решался силой – если не ее применением, то во всяком случае угрозой. Угроза силой обычно называется «считаться с весом государства на международной арене».

После хельсинских соглашений 1976 г., зафиксировавших «незыблемость существующих границ», обывателю может показаться, что эти границы как бы незыблемы, легитимны, священны и вечны. При этом забывается, что границы эти утвердились так: в 45-м году Сталин, Черчилль и Рузвельт сели в Крыму над картой Европы и после споров, дипломатических по форме и угрожающих по существу, утвердили передел Европы, блюдя и отстаивая при этом каждый свои интересы. Румын, болгар, поляков и прочих при этом никто не спрашивал: победители во II Мировой войне решали вопросы сами.

Однако если сравнить политические карты Европы через каждые сто лет, то неизменных в течение нескольких веков границ там не найдешь. Все течет, понимаешь, все изменяется.

В 90-е годы, с падением социалистического лагеря, тезис о незыблемости границ сыграл скверную шутку с Югославией и бывшим Советским Закавказьем. «Проведено по карте – сидите здесь!» – велели «большие страны» сербам, хорватам и боснийцам, желавшим передела, что привело к кровавой войне, которую фактически продлял контроль войск ООН. Армения, у которой и так в 1920 г. Турция оттяпала долину Арарата, исконную в тысячелетиях армянскую землю, пожелала вернуть себе свой собственный Карабах, населенный армянами, – и воевала за него с турками-азерами, населяющими Азербайджан, долгие годы. При этом большие дяди грозили Армении пальцем и кулаком и требовали перестать, ибо «существует граница». Что граница эта была проведена произвольно и в советском государстве практически ничего не значила как условно-административная, их как бы не волновало. Боялись создать прецедент! Разрешить изменить границу одним – и тут же зашебуршат многие другие и полезут в драку!

В результате – ничего нового: свое кровное отвоевали оружием.

Можно со стопроцентной истинностью констатировать банальное: в мире вообще нет ничего вечного и незыблемого, и вечных и незыблемых границ в частности. Менялись, меняются и будут меняться, разумеется. Народы увеличиваются и уменьшаются, крепчают и слабеют, идут на спад и на подъем, меняются соотношения экономических потенциалов, значения в мире, народонаселения. Любые договоры о границе – всегда временны, даже если долговременны.

Из чего следует очевидное даже пьяному ежу: необходимо создать механизм урегулирования пограничных проблем. Мирно и предельно справедливо и объективно: эксперты международных комиссий, историки, этнографы, политологи и экономисты, всенародные плебисциты, учет всех плюсов и минусов, взвешивание всех за и против.

А иначе в XXI веке, судя по всему, плодovitая Азия, ее трудолюбивый Дальний Восток и исламский агрессивный Средний, вам такого покажут, что мало не будет! Выпрет их из границ, как тесто из квашни, тогда отведаете горячих пирожков. Они в напоре, а из вас уже течет тонкой струйкой на песок.

Тезис «незыблемости границ» означает, во-первых, что такое положение устраивает когдатошные державы-победительницы, и во-вторых, что они хотят сохранить мир на таких условиях как можно дольше.

Только и всего.

И вообще: почему, если люди хотят жить вместе, им не разрешать? Почему, если люди хотят жить по отдельности, им не разрешать?

Любая пограничная проблема имеет всего несколько вариантов. 1). Народ хочет отделиться, выделиться в самостоятельное государство. 2). Народ хочет объединиться, чтоб место его проживания оказалось на территории одного государства, а не двух (или нескольких). 3). Народ хочет расширить свою территорию, т. е. оттяпать кусок у соседей.

Расшириться, как правило, никто не против. Особенно если можно повернуть это болезненно и безнаказанно. Исключение составляют дипломатические шахматные игры: когда полезнее иметь буферный кордон; или когда полезнее через экономику обирать бедных соседей, заставляя их работать на себя, чем кормить потом или уделять большую долю прибыли; или когда можно натравливать соседей на другие страны, пусть они ослабляют друг друга, а ты будешь жить спокойно; то есть если есть явная выгода не расширяться.

А вот сужаться никто не хочет. И правильно делает. И ведь обычно не понимают, почему это правильно, но инстинктивно чувствуют и действуют верно, маша смешными и примитивными лозунгами вроде «Величие Франции!», или «Величие Англии!», или «Величие Германии!», или «Величие Америки!», или «Величие России!».

2. Суть объединения. Когда-то, давно-давно, на одной планете, людей было сравнительно мало, а места сравнительно много. И вот люди объединились в государство, а места

пустого вокруг было до фи́га, и никому они жить не мешали, и им никто не мешал. Было хорошо. Казалось бы.

Ан ни фи́га подобного. Как-то у них без рабов государства не получалось. Либо одно племя обращало в рабство соседнее, либо шли за рабами подальше – а без войны и походов ну никак. Жить хорошо хотелось, иметь всего побольше, позначительнее быть. Спартанцы обратили в рабов мессенцев, римляне силком взяли жен у сабинян, и те вынуждены были объединиться под их началом, не резать же собственных детей, понимаешь, а торговые афиняне покупали рабов, доставленных другими. Расширялись, и хоть ты тресни, ущемляя другие страны так или иначе.

А если хунну, или монголы, или ирокезы создавали нехитрое племенное государство без рабов, так их все равно несла нелегкая завоевывать соседей, хотя земли хватало. А когда не завоевывали они – завоевывали их, или им подобных, никак в мире прожить не удавалось. Но без рабов эти бесхитростные люди толковую цивилизацию создать не могли. Некому было прибавочный продукт создавать, чтоб кормить сильно умных и искусных, которые бы все изобретали и так далее.

Какую страну ни возьми – или ее покоряли, или она покоряла, и так всю дорогу. И если была сила покорять других – возникало государство могучее и развитое. А нет силы – сам войдешь в чужое государство, и если это надолго – переваришься, станешь его частью и частью общего его народа. И на этом объединении растет производство и восходит цивилизация.

И та самая энергия, которая подвигала народ на завоевание и объединение соседей, вбирала и суммировала эту соседскую энергию, и часть «объединенной энергии» шла на созидание, прогресс, цивилизацию. Свободы и независимости нет, а прогресс есть... э?

В чем была суть безумной затеи Александра Македонского создать Мировую Державу? Ведь не нахапать жратвы в три горла, не мир потрясти так просто. Он был человек весьма просвещенный и имел головокружительные идеалы! Он полагал, что много государств – это много владык, много правительств и чиновников, много армий и разорительных налогов, а вдобавок Восток – это отсталые и жестокие тирании, где не ведают эллинских свобод, эллинской культуры. Если все эти государства объединить под одной рукой – единая организация будет гораздо целесообразнее, разумнее, гуманнее, экономичнее, все перестанут друг с другом воевать, перестанут содержать огромные прожорливые армии, перестанут разорять друг друга в войнах и терять в них людей: обратят, так сказать, всю свою энергию в мирное созидательное русло, а направлять все это будет железная рука высококультурной Эллады. Великий был замысел. Лопнул он лишь потому, что царь, как это случается с великими царями, попытался проглотить больше, чем мог переварить. Энергии не хватило на столь огромное изменение мира: разбить в сражениях врагов еще можно, а ассимилировать их страны в единой уже никак.

Но мысль его, повторим, была верная и простая. Это направление развития любого государства, просто доведенное до гипертрофии, почти до абсурда.

Если мы посмотрим, из кого-чего состоит «прекрасная Франция», «великая Франция», то от «собственно исконной» Франции кроме островка Ситэ в центре Парижа мало что останется. Бретань, Гасконь, Нормандия, Прованс, Аквитания, – и везде элементы своей истории, своей культуры, своих национальных отличий, своих диалектов и т. д. Про спорные вечно Эльзас и Лотарингию говорить не приходится. Хороша и Германия с ее Пруссией, Швабией, Баварией и пр. Но гасконец может чувствовать себя и гасконцем и французом одновременно, равно как баварец – и баварец, и немец: часть входит в целое. Но попробуйте сказать шотландцу, что он англичанин – еще чего не хватало! Англия – это Англия, а Шотландия – это Шотландия, хотя в мире это не все и знают.

Период раздробленности Руси (или Германии) на отдельные независимые княжества был плох именно тем, что не нравилось Македонскому: масса нахлебников и потерь, маловато можно сделать в мире.

Итого: племена, народности и народы редко объединяются в единое государство мирно и добровольно. В критические моменты перед лицом общей внешней опасности – могут заключить союз. Минует опасность – хотят обратно: владыки – владычить, народы – быть независимыми. А что говорит им Иван IV Грозный? – Я вашему колоколу язык вырву, вече разгоню и под мою руку вас поставлю: будете делать то, что я сказал! И Новгородская Русь вошла в Московию...

Под царем плохо, но без царя ты оказываешься беззащитным перед набегом любых разбойничков.

Почему крестьяне кормили барона? Хлеб свозили, замок строили? Да он их оборонял, мирно жить позволял! Не жег, отбирал не все, на чужбину в рабство не прогонял, при набеге внутри замковых стен впускал, а сам с дружиной шел на стены воевать.

Современным языком можно сказать, что государство – это честный централизованный рэкет во всеобщем масштабе. Плати! Слушайся! Но и самому жить и работать можно будет по-человечески.

Человек в государстве находится в динамическом равновесии двух противоположных стремлений: стремления к абсолютной личной свободе – и стремления к защищенности, уверенности, стабильности. И суть этого динамического равновесия такова, что в государстве он может жить полнее и делать больше, чем без государства. Свободного одиночку вне государства схавают, как бы он ни был силен. Что означает «объявить вне закона» – хоть в Древнем Риме, хоть в средневековой Скандинавии, хоть в революционной России? Что государство тебя больше не защищает, ставит вне себя – теперь любой желающий, если сумеет и хочет, может убить тебя на месте, а твое имущество забрать себе. А хочешь жить нормально – изволь подчиняться и ограничивать себя.

Государство тянет в свою сторону – человек в свою. Мало свобод, пережим и зажим, – недовольны люди, теряют интерес, хуже работают, не чувствуют своей значительности каждый, – и слабеет государство, беднеет. Слишком много свобод – налоги платить перестанут, законы исполнять перестанут, – расхлябается государство и развалится. Пока никто не перетянет одеяло – можно жить.

3. Динамическое равновесие. Под империей мы понимаем большое и разнородное государство, где титульный народ силой присоединил к себе другие народы с населенными ими территориями и силой же продолжает их удерживать, причем завоеванные неравноправны в действительности с завоевателем, начиная с отсутствия права на свое самоопределение и кончая экономической и культурной подчиненностью. От обычного государства империю принципиально отличает «непереваренность» включенных народов и территорий, сохранение ими национального самосознания и самолюбия, осознание своей особенности и национальной отдельности, непрерывная историческая память и обычаи. От федерации империю отличает недобровольность, неравноправность и разностороннее подчинение провинций метрополии. Примерно так.

К чему всегда стремится империя? К расширению.

Почему? Потому что экстенсивный рост позволяет ей сделаться более энергичной, значительной, могучей, чем рост интенсивный.

Вот во второй половине XX века производительность труда и уровень технологий стали так высоки, эффективность высокотехнологичного оружия массового поражения стала так велика, что быть огромным уже не обязательно – качество государства может играть гораздо большую роль, чем его количественные размеры, простая масса. И Британская Империя как бы добровольно перестала существовать: выгоднее направлять энергию метрополии на собственное развитие, чем на удержание колоний и политически-принудительное получение дополнительной созидательной энергии с них. КПД интенсивного государства в этом случае оказался выше. Переводя в экономический аспект – выгоднее партнерствовать с бывшими колониями,

чем иметь с них продукт и рабсилу, держа внутри империи. Навару больше получается, накладных расходов меньше: войска, подавление национально-освободительных движений, огромный чиновничий аппарат, коррупция большая, а жители колоний работать не хотят на дядю, из-под палки не то качество и количество продукта получается, и в армию в случае чего их нельзя мобилизовать – разбегутся, предадут, в случае войны с другим государством жди от таких колоний не поддержки, а ножа в спину.

Освободились колонии – и что, зажили лучше? Фиг. Свои тирании, гражданские войны, своя коррупция, разгильдяйство и прочие прелести. Чем кормиться? А вот выполнять экономические заказы большого дяди.

Получается, что сегодня огромные империи уже невыгодны, неэффективны. Вот они все, вроде, и полопались.

Раньше было не то. Пулеметов нет, авиации нет, автоматических станочных линий нет. Битву можно выиграть при численном перевесе противника максимум в два-три раза – за счет воинского искусства: качество вооружения примерно одно, и как правило «Бог был на стороне больших батальонов». Большое многочисленное государство и могучее государство были синонимами.

Вот империя и росла – крепчала. Но на каком-то этапе мудрые правители понимали, что – ша, хватит, надо останавливаться. А как? Укрепить границы, чтоб никто не полез – и переваривать скушанное. А как их укрепить?! Минных полей и колючей проволоки не было. Значит, надо вломить соседям и создать «пояс безопасности», чтоб отодвинуть потенциальную угрозу подальше от своих границ. И границы расширились да расширились под этим лозунгом!

Зачем Кир Великий, владыка полумира, поперся за своей смертью в скифские степи? Никаких там богатств, ничего хорошего. А чтоб эти воинственные кочевники не грабили вечно его пограничные области. Пока держава его была мала – и скифы были далеко, и дела до них никому не было. Придвинулись сами к скифам – они стали досаждать. И вперлись «миролюбивые» персы на скифскую территорию – и огребли справедливо по первое число.

Чего хотели в XIII веке монголы от русских? Только одного: гарантий мира и признания своего права на занятую степную территорию, а славянские леса им на фиг были не нужны, они люди простора, кочевые, табунные.

Чего топали римские легионы аж в Армению, аж до Каспия? Ничего они с той Арменией не имели, кроме головной боли. То она Ганнибала укрывает, который вообще чуть Рим не снес, то с Понтом объединяется и двухсоттысячной армией собирается отобрать римские восточные провинции, – дать по мозгам, чтоб сидела тихо!

Чего надо было Наполеону в России? Да чтоб не совалась в Европу своими армиями, не мешала переваривать Австрию, не помогала англичанам... вот корпуса под снежок и легли.

Империя лопают ровно столько, сколько может.

И что же происходит внутри нее? Народы, понимаешь, свободы жаждут. Знают, что они завоеваны и унижены, самостоятельная значительность их подорвана. Империя постоянно испытывает разрывающее усилие центростремительных сил. Провинции хотят отделения.

А держится империя стягивающим действием центростремительных сил: включать в себя, поглощать, расти, крепнуть.

Империя существует в постоянном динамическом равновесии центростремительных и центростремительных сил. Вот к этой простой вещи мы так долго вели.

Выглядит это просто, но понимается почему-то редко. Политиками и гуманистами наворачивается на эту простую вещь масса пустых и прекраснотушных фраз.

Означает эта простая вещь, что как только империя что-то отдает – она начинает разваливаться. Не потому разваливаться, что малость какую-то приграничную отдала, а потому разваливается, что центростремительные силы начали преобладать над центростремительными, и отдача малости – следствие того, тому свидетельство и признак.

Поэтому решение о выводе советских войск из Афганистана было первым этапом стремительного крушения СССР. Если бы советские руководители были чуть умнее и образованнее – знали бы, поняли, учитывая исторический и этнографический факторы, что Афган может быть покорен только ассирийской тотальной жестокостью, а если такой возможности нет, мир завопит, себе дороже встанет, – то покачается камень на вершине и покатится обратно. И не совались бы. И продержались бы еще сколько-то, расходуя энергию только на сохранение уже имеющегося.

Поэтому же самые первые шаги в разоружении СССР были началом конца. США могут хоть вообще разоружиться, и ничего в них в принципе не изменится – они уже давно «стянуты» социально-экономически. А СССР держался на штыке – ни политической свободы провинциям, ни экономической свободы гражданам. И откуда центростремительная сила роста вооружений преобладала – держался. Не в том дело, что оружия сверх меры, а в том, что энергетический вектор государственного механизма был направлен центростремительно: продолжать держать оружием! эта сила преобладает! Начало же разоружения означало, что теперь преобладала противоположная тенденция, центробежная. А коли так, то распад – только вопрос времени.

Тезис о праве народов на самоопределение – палка о двух концах. С другого конца – это право на развал государств.

Курды, поделенные между Турцией и Ираком, страстно хотят жить своим государством и имеют на это право. И никак, кроме как оружием, им это право не осуществить. Их угнетают, притесняют, режут! Что же «мировое сообщество»? Стоит за статус-кво. А если курдов отделить мирным путем? Прецедент, и не в том дело, что прецедент, а в том, что хана Турции настать может. Армяне могут потребовать свой Арарат с его плодородной огромной долиной, греки – свой Константинополь с проливами, и неизвестно, чем это кончится.

Почему Испания отчаянно не желает отпускать басков, и баскских борцов за свободу и независимость своего народа мир называет идиотским словом «сепаратисты»? Потому что как только государство кого отпустит – пиши пропало: это означает возобладание центробежных сил. Каталония, Кастилия, Андалузия, Арагон... тоже ведь все когда-то мечом сколачивалось.

Привет от северных ирландцев, «тигров тамил илама» и много еще от кого...

А что такое Гражданская война 1861—65 гг. в США? Южная конфедерация имела полное конституционное право на отделение от Севера. Север показал им это право! Сидеть вместе со всеми и не рыпаться! И правильно сделали. Развал – дело такое, только начни.

4. Свобода приходит нагая. А также злая, голодная и растерянная, добавим мы. Как выразился удачно Джаба Йосселиани в ответ журналистам, потрясенным расстреливающими президентский дворец пушками: «А ви что думали: демократия – это вам лобию кушать?»

Как жили народы до покорения их империей? Реже – более мирно, чаще – менее мирно. Все гадости в их жизни наличествовали, от мелкого жульничества до войн, просто масштаб был мелкий, кухонный; но кровь на той кухне лилась настоящая. И тут пришел Большой Белый Брат, грохнул кулаком по столу и известил: «Теперь здесь один Закон – мой! И жить по нему. А кто посмеет его нарушать и резать друг друга – укорочу под корень! Резать могу я один!»

И, черт возьми, междуусобицы железной рукой были прекращены. Хоть и эксплуатация наставляла, но – мир и труд меж собой. Пусть и хреновые братья, а все ж какая-никакая братская семья.

Лишенные собственной политической и военной организации провинции могли пытаться восставать против метрополии, но друг друга ненавидели уже в мирной форме, норвя ябедничать Большому Брату: он-то всем может укорот навести.

А метрополия всегда умела «разделять и властвовать», выступая как бы третейским судьей в спорах провинций.

Обычный тут и эффективнейший прием – переделить внутренние территории так, чтоб каждый имел претензии к соседу – и, не в силах разрешить обиды сам, апеллировал во всех соседских спорах к дяде-начальнику.

А теперь – шар-рах! – отпускаем всех как есть на свободу и смотрим на эту собачью свалку.

Именно это произошло в 90-е годы на постсоветском Кавказе. Да там веками все народы и народцы друг друга резали: места мало, горская кровь горяча, родовая честь блюдетя и разбойничья лихость прославляется.

Влияние владычицы-России можно было уподобить воздействию огромного магнита на кучу кустарных компасов: стрелки стояли в едином направлении главной стрелы. Хоп – убрали большой магнит: и закрутились все стрелочки в разные стороны. Чечены, ингуши, осетины, грузины, абхазы, армяне, азербайджанцы – точи ножи, ребята, набивай автоматные магазины. И везде свои правительства, свои казнокрады и аферисты, свои разбойники и авантюры с оружием. И у всех претензии к соседям!

Были унижены, ребята? Да. Теперь хорошо? Нет. Холодно, голодно, и незащитно перед сильными.

Теперь поняли, что не нравилось Македонскому в раздробленном устройстве мира? Двадцать с гаком веков спустя к той же идее мирового объединения – о, уже мирным, гуманно-разумным путем, – пришли многие умные, от французских утопистов до Римского клуба.

Искусство ваше было несвободным, ребята? Теперь его вовсе нет. Детей заставляли русский язык учить? Теперь учат английской рекламе кока-колы.

Люди так идеализируют свободу, когда ее нет, что потом сильно удивляются, закуривая у разбитого корыта: стирать-то нечего. Завоеванные и покоренные – еще не значит, что они обязательно не бандиты, не идиоты и не сволочи. Всякого можно пожалеть, пока он в тюрьме, но из этого еще не следует, что дать ему свободу будет для всех лучше.

Вот Либерия – первое независимое африканское государство черных. Боже, что за нищета, что за скопище бездельников!.. А вот Гаити – первое, опять же, на американском континенте независимое государство черных: да по сравнению с гаитянами дядя Том был плэйбой и сын миллионера. Диктатура тупых и кровожадных головорезов. И вот вам вообще вся независимая черная Африка с ее бесконечной резней и голодом. И на деньги белых налогоплательщиков туда подбрасывают хлеба и пенициллина.

Распад империи отнюдь не означает, что сейчас будет лучше. Ассирия, Персия, Рим, Великобритания – тьма примеров.

Насильственное сотрудничество лучше свободной вражды. То есть в том смысле, что подавляющему большинству нормальных людей при нем живется лучше.

Падение империи – всегда шаг цивилизации назад. Но никогда не до нуля, не до исходной точки. Она свой этап исторической эстафеты пробежала, проковыляла, преодолела. Кто-то, где-то, когда-то, насколько-то – ее плодами воспользуется, да и здесь и сейчас частично пользуется; где и когда будет ход дальше – прогнозировать трудно. Но будет, куда денется.

Раздробленная на мелкие противоречивые части гигантская энергия империи – те же семена будущих побегов, крупницы будущих вершин.

Сик транзит, ясное дело, но не вовсе всё транзит.

Замечание на полях:

Если в период подъема суммы человеческих энергий продолжают расти, направляясь все более едино и согласованно в единых направлениях на единые цели, благодаря эффективному устройству государства и более позитивному характеру связей между ним и индивидом, то в период упадка характер противоречий между государством и индивидуумом таков, что все большая часть энергии индивида направлена на свои интересы

вопреки государственным; исполнение законов, сами эти законы и устройство государственных механизмов таково, что в реальном исполнении оно все более противоречит реальным действиям, возможностям и чаяниям индивида.

Слишком жестокое государство неколебимо изнутри, оно давит и подчиняет, суммирует энергии насильно; но при столкновении с внешним врагом люди переходят к нему за лучшей долей, а в мирной жизни не имеют вдохновения и энтузиазма делать все лучшее на пользу государства.

Слишком либеральное государство позволяет своим гражданам делать чего угодно, личные интересы начинают преобладать над общими, и государство разрушается, беззащитное перед даже мелкими врагами типа террористов.

Развитие бюрократии неизбежно – как из логики самосохранения аппарата, так и из лучших побуждений совершенствования государства. Переходя в росте через пик могущества, это же ведет к упадку и гибели: вместо суммирования энергий происходит их разнобой в разных личных целях.

Падение цивилизаций

Какой, спрашивается, может быть исторический смысл в покорении варварской ордой цивилизации великой и богатой?

Конечно же, скорей все бегом к Риму – велик, культурен, мощен и отлично изучен.

Итак. Что мы имеем в Риме. Высочайшая многовековая культура, вобравшая многие более древние культуры Средиземноморья. Живопись, скульптура, литература, архитектура. Градостроение, акведуки, канализация. Сложная и изощренная структура управления государством, суды и право, чиновники и наместники, бюджет и налоги. Сельское хозяйство, пашни и виноградники, скотоводство и рыбная ловля. Торговля и финансы. Военное искусство, организация войска и производство вооружения.

И вот вам готы, и вот вам вандалы: племенной строй и союзы племен, натуральное хозяйство, примитивная меновая торговля, одежда из шкур или грубых кустарных тканей, неграмотны, грязны, жрут грубо и часто скудно, короче – толпа дикарей почти что... И даже по военной части едва ли равны римлянам: техники практически не имеют – ни катапульт, ни осадных башен делать не умеют, стройной организации войска нет, управление им весьма примитивно, и само оружие-то делается самосильно своими кузнецами – а уровень ремесел их не равен римскому! – или выменивается у других народов. Победили!..

Вопрос о прогнилости Рима исследован досконально. И бюрократия, и отсутствие старых идеалов, и ожирение населения, лень, разврат, иждивенчество, паразитизм на покоренных некогда провинциях, потеря воинской мотивации наемными частями, и т. д. Факт в другом: цивилизация рассыпалась и перестала существовать, сменившись веками варварства, и только чуть не через тысячу лет европейская цивилизация вышла на былой уровень и пошла дальше и выше, чем когда-то прежде.

Были науки, искусства, разделение и производительность труда, города, и т. д. – и вот на этом месте живут грязные неграмотные орды. В чем тут прогресс?.. Какая в этом историческая целесообразность?..

Можно говорить о старении этноса и утере им энергии. Можно говорить, что варвары были молодым этносом, энергичным, на подъеме. Ну и что? А как же с производительностью, с могуществом человека перед природой, с возможностью человека реализовывать свои силы и энергопреобразовывать окружающую среду?

По самой простой, примитивной логике вещей можно было бы говорить так: цивилизация возникла, и с точки зрения прогресса должна расти и развиваться по поступательной, ну,

то активнее, то пассивнее, но уж всяко не заменяться малопроизводительным варварством на многие века. Иначе это получается какое-то бессмысленное отклонение, не нужный с точки зрения поступательного хода истории спад, отброс назад.

На деле же это получается так. Кто побеждает из двух? Более сильный. И все тут. Варвары, энергичные полудикие вояки, в нужное время и в нужном месте оказались сильнее Рима. Сильнее в своей воинской целеустремленности. В добровольном желании сражаться и побеждать, не боясь смерти.

Фокус вот в чем. Ни отдельный человек, ни целое государство в своих действиях логикой общей истории не руководствуются, но только логикой собственной жизни. Рим уже больше ничего не мог. Наука, техника, производство, культура ничего не могли добавить к наследию прошедших веков. Войска ничего не могли добавить к совершенным безмерным завоеваниям. Застой. Страна истощила свои силы в тысячелетних усилиях и сделала максимум того, что могла.

Варвары же не могли ничего такого особенного, кроме одного – сокрушить Рим. Что и сделали. Совершив тем самым максимальное для своего народа действие.

Римская сила растеклась и исчезла во всех своих многочисленных и изоциренных занятиях. И не было уже духу во всех мужах его взять в руки оружие и не щадя жизни умереть в ярости, сцепив зубы на горле врага. Бобик сдох.

А у варваров эта сила была. И осталась с ними после страшного 476 года, когда Империя кончилась навсегда.

Прогресс в том, что косное и старое должно было быть убрано с площадки, дав место новому и потенциальному. Медленно-медленно варварская сила обретала цивилизованные черты и направления, восстанавливала и развивала наследие римлян, чтобы через тысячу лет ринуться по всей планете, переделывая ее с чудовищной энергией, со все возрастающей скоростью.

А Восточная Римская Империя с Константинополем устояла еще на тысячу лет – и что? И снесли ее турки. И где те византийцы? И где ныне те турки? Мелочь балканских народов и дешевые базары Стамбула и Анталы. Нет, не столбовой путь развития цивилизации...

Биологическая энергия народа диких завоевателей – залог будущих великих свершений этого народа. Уже созидательных, а не разрушительных.

То есть исторический прогресс – процесс дискретный, это не непрерывный подъем каждый день и каждый год. Чтоб взять новую вершину, надо отойти назад и разбежаться. А посмотрим на путь от начала до конца – ух ты, куда влезли.

Выкорчевать высохшее исполинское дерево старой цивилизации – тоже труд, великий и необходимый; и не скоро еще на месте гигантской ямины вырастет из хилого побега новое мощное дерево. Но что делать, надо.

Представим себе, что все бывшие некогда великие цивилизации остались жить вечно. Со своими нарастающими институтами, бюрократиями, достижениями и взглядами. Это ж ничему новому не протолкнуться будет. У них там родовая аристократия, сонмы богов, сложившиеся уклады и системы взглядов, колонии и войска. Куда новому государству воткнуться?., где разместиться, как среди них, здоровых и вооруженных, выжить?

Варвары – как лесные санитары-волки: загрызают все, что чуть слабей или больное. Здоровая кровь! Жизненное пространство! вот в чем прогресс – новый виток пошел. Снова начинаем с нуля, но на самом деле каждый раз не совсем с нуля, а чуть дальше, что-то берем с собой, что-то воспринимаем и развиваем, и делаем в свой черед еще шаг вперед. Кикладыки – народы моря – ахейцы – греки: шуточка делов, этой цепи развития около трех тысяч лет, каждый раз стиралось бывшее и начиналось с варварства новое, чтоб подняться до удивительной высоты.

Какой прогресс, говорите, если умирает муж мудрый и могучий, и остается беспомощный ребенок неразумный? А в том, что он остался жить, вырастет – всем покажет.

Чтобы Рим породил Европу, ему надо было сначала умереть.

...А если поставить цивилизованных и варваров рядом в один и тот же год – конечно: убогие коптящие пароходики пришли на смену совершенным парусным кораблям, тяжеленная пищаль упорно теснила скорострельный и удобный лук, да и вообще – что такое жалкий, безволосый и почти беззубый человек рядом со львом, мамонтом и буйволом.

Так что же, сметание любой цивилизации прогрессивно? А если на ее месте ничего лучшего не возникло: ах, Египет, где ты? Увы, не все зерна, брошенные из горсти, прорастают... Списывайте бесследно погибших на издержки и потери в пути. Прорастет в другом месте! Смена – всегда шаг прогресса, даже если сегодня это – шаг назад.

Цивилизация и рождаемость

1. «На детях гениев природа отдыхает», – давно сделали вывод биографы великих людей. Причем иногда вовсе отдыхает, манкирует.

Александр и Цезарь были бездетны. Единственный сын Наполеона, хвороба, умер в детстве. Единственный сын Петра I был казнен по приказу отца. Бывали и многодетные власти-тели, но факт налицо: **любая** правящая династия в конце концов оказывалась без потомков. Представитель самой древней царствующей фамилии сегодня – королева Дании: ветвь не прерывается уже тысячу лет, чем датчане страшно гордятся. Отметим, что последнюю сотню лет, правда, короли Дании являются таковыми лишь по праву рождения и номинально, эдакие реликты, символ традиции, но ничего не решают, и к великим людям, переделывающим мир, их отнести нельзя. А ведь поскольку все мы – чьи-то прямые потомки, то прямая родословная любого человека тянется на тысячи лет вглубь истории, до ребят в мамонтовых шкурах и с палицами.

О Хаммурапи и Тутмосе II судить труднее, но генеалогия европейских государей и потрясателей со времен раннего средневековья вполне достоверно и досконально прослежена в документах, летописях, церковных книгах: тут смотрели в оба, речь о наследовании государства шла. Карл Великий, Генрих Бурбон, Иван Грозный, Густав-Адольф, Фридрих II, – а также Ленин, Гитлер, Тимур-ленг, Чингиз-хан и Махмуд Великолепный... ах!..

Примем во внимание, что государь и вообще крупный политик – это профессия повышенного риска. На них устраивают покушения, травят, давят, отстреливают, свергают с последующей ликвидацией, им всячески роют яму конкуренты. Можно сделать вывод, что сопротивление окружающей среды, растущее пропорционально величии и значимости их дел, в среднем превышает запас их биологической энергии: раньше или позже их генетический код исчезает вследствие неблагоприятных и явных внешних условий: ну не дают им ближние жить вечно в своих потомках, работа у них вредная и опасная.

Это можно сказать о героях, шире – вообще о профессиях повышенного риска, если рассуждать таким образом: о солдатах, охотниках, мореплавателях, шахтерах. Здесь, правда, родословная известна в лучшем случае на несколько столетий, так что допущение остается чисто теоретическим, хотя вполне логичным: больше риска – меньше шансов из поколения в поколение давать потомство.

А если взять великих людей из областей вполне безопасных: наука, искусство? И у Дарвина, и у Толстого с детьми было все в порядке, и у Пушкина, и у Эйнштейна, и у самого Шекспира. А наоборот? Данте, Бальзак, Микельанджело, Леонардо, Рембрандт, Бетховен, Кант, Шопенгауэр, Ницше... Ну, степень величия в науке и искусстве определять довольно трудно, это дело неточное и во многом субъективное. Но оба списка будут соизмеримы между собой по длине. Примерно поровну, бездетных даже чуть-чуть больше.

Теории вероятности это никак не соответствует. У подавляющего большинства людей дети есть.

Могут возразить, что в прежние века, при высокой рождаемости и слабой медицине, потомство давал меньший процент людей, чем сейчас: как бы еще продолжался естественный отбор по линии физического здоровья, а то б мы давно на материках теснились плечо к плечу. А в науке и искусстве было много людей с отклонениями от нормы: увечных, прибабахнутых, закомплексованных, странных, они в науку и искусство и двигали со своими странностями: ну, чудачки, слегка не от мира сего, а брачный институт был строг, куда им жениться и детей делать.

Оно тоже так. Но фактов это никак не меняет. Увечных много, а гениев мало. Мы сейчас не о том, что у калек меньше детей, чем у здоровых, и не о том, что среди гениев процент «увечных» выше, чем среди людей в среднем.

Мы о том, что люди, которые своими сознательными, созидательными, «цивилизаторскими» действиями делают для человечества больше среднего человека, размножаются меньше среднего человека.

XX век, успехи медицины и свобода нравов, и прожиточный уровень выше прежнего, можно прокормить уж куском-то хлеба любого в цивилизованном государстве, – прошу: Дали, Эйзенштейн, Фолкнер, Акутагава, Курчатова, Грета Гарбо, и т. д., и т. п., и др., и пр.

Под каждого такого бездетного можно подбить базу психологии, социологии, физиологии. Это все частности. Как говорил толстый Карлсон, «это все пустячки, дело житейское». Важнее тут бесспорная закономерность на самом общем уровне: чем больше совершаешь – тем меньше размножаешься.

2. Древняя народная примета: «Когда рождается больше мальчиков – это к войне, а когда больше девочек – к миру». «Какое суеверие», – пожал плечами просвещенный науками XX век, но к концу своему взглянул на статистику и призадумался.

В среднем всегда и везде рождается на 100 детей 49 девочек 51 мальчик, а в подростковом возрасте соотношение уравнивается, а в зрелой молодости мужчин всегда меньше, чем женщин, – это давно выяснили. Много сказано о том, что это целесообразно с точки зрения природы, что один мужчина может оплодотворить многих женщин, что и в животном мире среди самцов конкуренция, чтобы самый лучший давал лучшее потомство. А также что мужчина рискует, воюет, гибнет чаще, вот и создается природой «с количественным запасом».

Менее понятно другое.

Почему мужчина, при прочих равных условиях с женщиной, живет меньше. А главное – у него более высокая детская смертность!

И почему перед войнами мальчиков рождается действительно больше, что с неохотным непониманием свидетельствует статистика.

Ну, меньшую продолжительность жизни списывают на алкоголь, курение, гиподинамию и стрессовые нагрузки на работе, – мужчина ведет более нездоровый образ жизни, чем женщина. Положим. А почему, черт возьми, он его ведет?! Отвечают: традиция так сложилась, наследие патриархата, более сильный мужчина лезет в свары и развлечения, а подчиненная им женщина воспитывает детей и хлопотет по хозяйству, вот оно для здоровья и полезнее. Да какой же, черт возьми, в наше время в цивилизованных странах патриархат?! Отвечают: ну, патриархата, может, и нет, а гнусное наследие осталось... Функция материнства, опять же, привязывает женщину к скучной, но для здоровья и долголетия полезной деятельности домашней хозяйки.

А почему мужчины в среднем менее стойки к заболеваниям? А образом жизни подточены. Ну-ну...

А почему и в юности, когда юноши и девушки равно свободны и беззаботны, юноши больше курят, пьют и прочее? Отвечают: а вот потому что старая несправедливая мораль к ним снисходительнее, им больше прощает и позволяет.

А почему, чтоб вы сгорели с вашей моралью, девочки раньше начинают ходить и разговаривать, раньше развиваются и взрослеют, а у мальчиков большая детская смертность?! Тут

наука начинает мычать и блеять, что материнская функция многое определяет, что функции полушарий мозга мужчины и женщины во многом различны: у одних за речь отвечает правое, а у других левое, и так далее: левое-правое абстрактное мышление, левые-правые мелкие точные движения. А почему, зачем, что это значит?! Ну, вот так...

А умирают-то почему мальчики чаще (мы сейчас не имеем в виду, разумеется, несчастные случаи любого рода)?!

Слушайте. Мужчина – защитник, воин, добытчик, устроитель жизни, – больше сталкивается с «передним краем» жизни, чем женщина. Он – более «преобразующее» начало, а женщина – сохраняющее, это тоже давно известно. Таковы функции двух полов.

Мужчина мощнее физически – и без спорта ясно.

Мужчина агрессивнее, что тоже понятно.

Мужчина сильнее и интеллектуально, – как это ни обидно для женщин, особенно в нашу эпоху борьбы за отмену любых различий между двумя полами. Разницу в успехах в теоретических науках в наше время уже невозможно списать на угнетение женщины мужчиной и заботы материнства: и образование равное, и бездетных женщин полно, и сплошь и рядом женщина-ученый рьяно и целиком погружается в свое дело. А все равно почти все вершины берут мужики.

Ничем шахматистки, кроме своих шахмат, не занимаются, – как и все спортсменки-профессионалки. Но турниры между мужчинами и женщинами давно прекратили – чтоб не оскорблять прекрасную половину гадостной демонстрацией мужского интеллектуального превосходства.

Из этого следует только одно: мужчина *энергичнее* женщины, то есть способен в окружающем мире произвести большую работу. Мышцы – ладно бы еще, – центральная нервная система энергичнее.

А самое главное – на уровне соприкосновения с границей окружающего мира он проявляет большую энергичность в каждом касании, и испытывает поэтому большее сопротивление окружающей среды. Это происходит на уровне биополей, на уровне электропотенциалов, на уровне активности биохимических реакций и нервных импульсов.

!Мужчина реагирует на любые внешние раздражители менее адекватно, чем женщина, с точки зрения самосохранения индивидуума.!!

Он менее находится в гомеостазе с окружающей средой, менее в мирном равновесии, чем женщина, он более неуравновешен, имеет больший импульс к несогласию, конфликту со средой, изменением и переделкой этой среды. Он реагирует *излишне энергично!* Его центральная нервная система излишне дергается, больше, чем женская!

Мужская нервная система по сравнению с женской более приспособлена, более направлена, нацелена, предназначена, на взлом внешнего, передел мира, изменение окружающей среды, совершение максимальных действий – и менее направлена на сохранение себя, сохранение индивидуума.

У мужчины слабее развит инстинкт самосохранения и сильнее развит инстинкт преобразования мира.

То есть мужской инстинкт жизни раскладывается на самосохраняющий и природопреобразующий аспекты чуть-чуть в иной пропорции, чем женский.

Вот этой разницей в устройстве центральной нервной системы и объясняется большая смертность у мальчиков. Мальчик больше «нарывается на неприятности», он «пренебрежительнее» реагирует на угрозу опасности вначале, позднее оценивает ее серьезность, менее «дозированно» и излишне активно на нее реагирует. Вот поэтому у мальчиков смертность выше. Да и у мужчин в любом возрасте, при прочих равных с женщинами условиях.¹⁶

¹⁶ Не исключена мысль, что от ряда одних и тех же болезней девочек и мальчиков нужно лечить чуть-чуть по-разному,

И еще один причинный аспект, уже более простой. Мужчина энергетически мощнее женщины, и развитие его происходит медленнее, что вполне соответствует общим законам биологии. Таким образом, незрелость его дольше женской, период формирования иммунитета организма к инфекциям и вообще сбоям больше женского. Мальчик дольше девочки незрел и неустойчив к внешним воздействиям – вот они и имеют возможность дольше на него отрицательно воздействовать – условно говоря, не шесть лет, а семь, или не тринадцать, а пятнадцать. Дольше взрослеют ягнята – больше волки успеют утащить. В каждый момент своей жизни девочка преодолевает период равной вероятности угрозы болезни быстрее, чем мальчик, быстрее проскакивает опасную зону.

Так вот, вернемся теперь к подскоку рождаемости мальчиков перед войнами, и девочек – перед прочным миром. Это только кажется примитивным суждением – мол, мальчикам воевать, потери будут, Или: многих мужчин не досчитаемся, вот мальчики восполнят потери. Вот их и больше. Оно так и есть на самом деле, просто механизм чуть иной.

Война – это гигантский энергетический выплеск. Это не только люди бьются друг с другом – это годовые кольца на деревьях шире, природные катаклизмы активнее, выбросы протуберанцев и солнечные пятна активнее. Совокупно со всей природой получает больший энергетический заряд и человечество. Зародыши и эмбрионы тоже получают этот дополнительный энергетический заряд – которым пронизано все пространство, вся материя. И складываются и развиваются по более энергичному, мужскому, типу, и содержат в себе больше энергии.

И близкое прохождение кометы, и небывалые морозы, засухи и землетрясения, и как бы неожиданная резня народов, и повышение рождаемости мальчиков – явления одного уровня.

Больше мужчин – больше максимальных действий. А война, в пересчете на единицу времени, действие самое максимальное.

3. У кого детей больше – у богачей или у бедняков? Опаньки!.. Казалось бы: богат – значит, приспособлен, умен, силен, дает потомство в первую очередь, раз у него больше возможностей и в выборе партнера для супружеской жизни, и в прокормлении детей.

Что же наблюдается на деле? Плодовитость бедняков – притча во языцех. Крыша худая, хозяйство нищее, а по дому бегают мал мала меньше. Прокормить детей не может – а новых стругает. Куда, зачем, почему? – жизнь, понимаешь, природа...

Если вернуться даже в недалекое прошлое, на сотню лет, скажем, и посмотреть на деревню, – а большинство народу крестьянствовало в деревнях, – то жили в ней все достаточно ровно, без излишеств. Богат – дом большой и крепкий, скотины больше, питание сытное. Беден – домишко плохонький, скотинка худа и малочисленна, питание скудное, иногда впроголодь. А образ жизни одинаковый, работа одинаковая, социальный слой один. И если мы возьмем такую патриархальную деревню, где царит некая исходная справедливость и исходное равенство – участок земли для прокорма достаточен, богатых наследников-бездельников и дармоедов нету, все в поле пашут, все горб ломают – то кто, вероятно, богаче? Тот, кто работает лучше, кто умелее, старательнее, сильнее, сметливее. И что ж, многолетнее они в среднем? Да нет. Как же так?.. Мужик росл и силен, баба грудаста-задаста и расторопна, дом полная чаша – а в плодовитости преимущества нет. Соседи – мужичонка хил, баба тоща, оба неумехи, а детишек полно.

Что-то здесь здорово не согласуется с логикой и теорией естественного отбора. Может, у умных больше детей? Ни фигя подобного.

А если голод, эпидемии, политические катаклизмы? Богатый может сбежать, откупиться, прокормиться, дорогого лекаря позвать. Для него больше вероятность детей сохранить и вырастить, чем для бедняка. Верно. В больших передрыгах процент выживших богатых детей выше, чем бедных, у них условия лучше.

Как бы получается, что гены зажиточности передаются с большей вероятностью, чем гены бедности, – если уже есть носители этих генов, родившиеся дети. Как бы богатый рождает меньше, зато сохраняет лучше.

А бедняк берет количеством. Родил вас на свет, дети мои, что мог – сделал, а уж дальше крутитесь сами, авось кто и выкрутится.

Это уже пахнет некими общими биологическими законами. Высшие животные рожают мало детенышей, носят долго, растят долго, опекают, и процент превратившихся во взрослых особей высок. А низшие – мечут икру, или кладут кучи яиц, или приносят полдюжины мышат каждый месяц – кто засох, кого съели, кого мор подмел, – процент выживших ничтожен, еле-еле численность вида поддержать или слегка увеличить хватает. А как мышке детей защитить и охранить?.. Единственный способ не вымереть – это рожать новых. Народить новых несложно, это она может, а вот с кошкой воевать – увольте. Она не слон, не лев, не обезьяна, это они такие здоровые и умные, что могут себе позволить рожать по одному или несколько изредка, и поди их тронь, поди достань.

В общем так: чем биологически сложнее существо, тем меньше оно рождает потомства, и тем выше коэффициент выживаемости потомства. Простое существо сохраняет свой род как бы самым фактом биологического цикла, самым своим существованием, в которое необходимым моментом входит размножение. Беззащитную букашку все едят, давят, травят, и спрятаться ей трудно, и противопоставить буйному и опасному миру ей нечего, защититься нечем (хоть тоже старается посылно маскироваться или вонять) – а она размножается, как пулемет, и тем выживает. А лев сам любого сожрет или отгонит, а слона поди тронь, а шимпанзе своими руками чемпиона мира по борьбе задавит леопарда и найдет, чем прокормиться на дереве, когда леопард сдохнет от бескормицы. Такой индивид способен на мощные действия, и через мощь свою и энергичность, через немалую власть над природой, сохраняет род. Тучи детей ему ни к чему. Да им и не прокормиться будет.

Опять же: в сытные годы рождаемость сама собой подпрыгивает, а в неурожайные рождается у самки детенышей меньше. Этот механизм саморегуляции у природы отработан четко. В этих глубинах эмбриологии наука еще толком не разбирается, но железная закономерность и связь явны: меньшая насыщенность среды энергией – меньше травы – меньше насекомых и травоядных – меньше хищников: причем не просто одно вследствие другого, но и **единовременно**: тигрица ведь свою рождаемость регулировать не может, у нее контрацептивов нет, она еще не знает, что тигрят кормить нечем будет, потому что трава не уродилась, – а природа за нее уже это «решает» и делает, планирует семью. Просто понижение рождаемости при наступившем голоде – это бы еще просто было (что часто также случается).

Теперь построим лесенку из ступенек снизу доверху. Что делает в мире водоросль, что совершает, как его изменяет, как энергопреобразует? Только одним образом: она размножается, она увеличивает свою биомассу, заполняет собой пространство; из энергии света солнца и вещества воды образуются многотонные массы весьма сложно структурированной материи. Она может заполнить собой водоем, целое огромное озеро – и хана озеру, нет его больше, изменился ландшафт: болото получилось, рыба вымерла, змеи с лягушками расплодились и так далее.

Размножились антилопы, сожрали и выбили траву, образовалась пустыня, пересохла реки, зато верблюда никто не трогает, ходят стада и сухие колючки жуют.

А львы жрут всех подряд, а слон и льва в гробу видал, хакает зелень тоннами и оставляет кучи помета в три фута вышиной, почву удобряет для растений.

Чем сложнее индивид, тем большие изменения в мире производит каждая отдельная особь, тем выше, так сказать, индивидуальный коэффициент энергопреобразования.

Теперь вернемся к нашим баранам, в смысле – к человеку.

Напрашивается примитивный вывод, кошмарный с точки зрения морали: что бедняки – это низшие существа, более простые, а богачи – высшие, более сложные.

От оценок мы пока воздержимся, особенно от моральных. Бедняк может быть благороден, умен, может стать славным вождем или знаменитым ученым, про это сложено много сказок, это один из ведущих мотивов мировой литературы. А богач может быть подл, глуп и как личность ничтожен.

Но. Но. В энергетическом аспекте. В среднем. В общем и целом. Вокруг богача происходит большее движение материи. Большее преобразование энергии. Если по-деревенски – больше стройки, пашни, пшеницы и скота, ткется больше тканей и выделяется больше кож для обуви, производится и потребляется больше краски для крыши, добывается и обжигается больше глины для кирпичей на строительство дома и так далее. Из двух равных крестьян богатый преобразует мир больше, чем бедный. Он больше потребляет и – прямо или косвенно, лично или способствуя спросу – больше производит. А детей у него меньше... Занят сильно? Интересы другие? А зачем, почему?..

Мы говорим сейчас только о производстве и потреблении. Оставляя в стороне воителей и героев, самосожженцев-художников и ученых, – о них говорилось в первом разделе. Они – малое меньшинство, и так или иначе их действия рождают или сопровождают для широких масс только материально-технический прогресс, то есть повышение уровня потребления и производства. Открытия! революции! философские учения! потрясающие изобретения! – а люди страдают, радуются, напрягаются и пытаются осмыслить свою жизнь, как и века и тысячелетия назад, – вот только производить и потреблять стали несравненно больше. Энергопреобразование окружающей среды человеком стало гораздо выше.

Водопровод! Горячий! Джакузи! Радио, телевизор, цветной! Моно, стерео, quadro, долби! Вертолет, ракета, лазер, инфраизлучатель! Автомобиль, с компьютером, сам едет! А пользуются такие же дураки и гады, как жили вечно... а с другой стороны такие же несчастные, умные и добрые. Просто барахла до хрена, и деятельность кругом развели страшную.

И вот мы плавно въехали в современную цивилизацию потребления. Которая есть естественный и закономерный этап эволюции вообще, и истории в частности, как процесса энергопреобразования вещества планеты и света своей звезды, процесса с принципиально положительным, нарастающим балансом. Суть процесса – в положительном балансе энергопреобразования. Суть процесса антиэнтропийна.

Что мы наблюдаем в нашей мощнейшей цивилизации? Резкое падение рождаемости. Один ребенок в семье – уже типично для всех развитых стран. Коренное население сокращается – без войн и эпидемий в закормленной и благополучнейшей Европе и США.

Ребята, это ведь хана.

«Тук-тук-тук!..»

– Кто там?

– Пиздец.

– Чего надо?

– Пришел...»

И все это знают. И понимают. И обсуждают. Но увеличивать свою лично семью обычно не хотят.

Причины проговорены до банальности: желание повеселиться, неуверенность в завтрашнем дне, намерение сначала сделать карьеру, самоутвердиться через деньги, славу, сегодняшний полураспад института брака и семьи, общий пессимизм мировоззрения, а также развитие и распространение противозачаточных средств и возможность абортов, то есть из ловушки природы «любишь кататься – будешь саночки возить» человечество выскочило. Куда выскочило? В канаву с ярко раскрашенным дерьмом, ведущую к могильной яме?

Все причины конкретного нежелания иметь детей – это, конечно, отговорки. Жилье есть, средства на еду и одежду есть, физически можно родить и выкормить, вырастить десяток детей – ведь всяко живут богаче, чем крестьяне двести лет назад, которые по десятку рожали.

Что, в Африке или Азии с их огромной рождаемостью живетесь сытнее или надежнее?! А, ах, да: они же темные, тупые, неграмотные, у них презервативов нет, они же хорошей жизни не видели, ни к чему не стремятся: ни миллион сначала заработать, ни рекорд поставить, спариваются себе бездумно, как животные. И постепенно занимают ваше место в мире, вырожденцы!!!

Я, разумеется, ни к чему не призываю. Идиотское это дело – призывы. И так уши ломит. Я о другом. Я лишь вскрываю и констатирую:

С развитием цивилизации энергия человечества принимает все менее биологический характер и все более характер внешних действий через разум.

Как бы цивилизованному человечеству уже нет необходимости размножаться для значительного преобразования окружающей среды – изменить ландшафт, освоить в своих целях огромные пустующие территории, покорить соседний многочисленный народ, выдать на-гора груды угля и сжечь – т. е. предельно энергопреобразовать все, до чего в принципе можно дотянуться.

Раньше брали числом – работников и воинов. Пахать, воевать, строить – надо больше людей. Многочисленный народ мог больше малочисленного, мог в сумме больше сделать, создать, изменить, мог платить больше налогов и создать более сильное и богатое государство. Он покорял и присоединял соседей, вбирал и переваривал их, рос, крепчал.

Сейчас не то. Огромные грузовики и экскаваторы, автоматизированные станочные линии и электростанции. Кнопки атомных войн. Энергия сгорания земных недр и расщепления атомных ядер. Плюс рывок компьютерной информатики. Плюс торговые и финансовые механизмы, позволяющие белому меньшинству эксплуатировать нищее большинство малоразвитых стран (где работают за гроши, продолжая плодиться).

Белому человеку уже не необходимо активно размножаться, чтобы во все больших объемах и все более качественно переворачивать и изменять мир.

Разум изменяет мир активнее гениталий – такова сегодняшняя реальность. Размножение принципиально уменьшило свое значение для изменения мира.

Раньше родители надеялись в старости на детей: помогут, прокормят. Сейчас государственные и социальные институты пенсий и вспоможествований позволяют обойтись без этого.

Раньше рождение и воспитание детей было естественно встроено в жизненный цикл, необходимо предусматривалось им и ничему не мешало: без детей как же? а все равно, что еще делать? – так жило подавляющее большинство. Сейчас и без детей масса занятий и времяпрепровождений.

Природе больше не нужна многочисленность цивилизованного человечества. И малочисленное отлично справится с энергопреобразованием. Много детей – только отвлекает от дела, отсасывает ресурсы времени и сил, которые можно пустить на работу.

У мужчин цивилизованных стран в среднем уменьшился и объем эякулита, и концентрация сперматозоидов на единицу объема. Биологическое уменьшение плодородия!

Так что Мальтус напрасно беспокоился.

Земле не грозит перенаселение. И сознательные усилия человечества по ограничению своей рождаемости оказались ненужными. Природа сама позаботилась о своих нуждах и интересах.

Процесс это стихийный, природный, и никакими человеческими решениями, законами и призывами здесь ничего изменить нельзя. Все происходит как бы «само собой»: по достижении определенного уровня материальной цивилизации в любой стране резко падает рождаемость.

За Европой и США упала рождаемость в Японии и Южной Корее. На очереди такой гигант, как Китай: его миллиард с четвертью теперь будет только уменьшаться.

Конкретная женщина с конкретным мужчиной могут сколько угодно полагать, что это они сами решили не иметь детей сверх одного, нужного для простого, пусть регрессивного, продолжения рода и удовлетворения родительского инстинкта, приложения родительской любви. Это частный случай закона соотношения свободы и необходимости: они вольны думать что угодно, а поступают все равно так, как определено энергетикой природы. А определено ею сегодня больше потреблять и производить (а шире – заниматься чем угодно, добиваться чего угодно, получать ощущения через что угодно), но рожать меньше – только для того, чтобы больше энергии пускать через разум в действия по преобразованию мира. И все тут.

Мы мало рождаем, потому что очень много делаем. (Не по напряженности личного рабочего дня, а по суммарным результатам деятельности.)

И – мы дошли до геной инженерии.

4. Последствия геной революции неисчислимы, труднообразимы. Сегодня это пахнет вступлением в новый этап Истории. Разум непосредственно вмешался в устройство и развитие себя самого.

Человек начал делаться самосовершенствующимся устройством.

Клонирование дает возможность настругать любое количество экземпляров одного индивидуума. Если разразится глобальная катастрофа, в которой выживет лишь несколько человек, – в считанные десятки лет их «скопированное» потомство может снова заселить всю планету. Равно же несколько космонавтов, скажем, могут в течение одного поколения густо заселить далекую и неизвестную пока планету.

Это гигантский, качественный скачок в повышении собственной биологической энергетической человечества. Причем она становится саморегулируемой. Хотим – заселим пустой материк миллиардом людей, созданных специально под это дело, не хотим – подождем сколько угодно, в любой момент можем.

Это о количественном аспекте. А о качественном – можно корректировать геной код будущего человека так, чтоб какие-то качества родителя передавались, а какие-то наоборот, убирались. Короче, движение по своему разумению и желанию в сторону более «совершенных» людей – скажем, на уровне самых умных и здоровых. Или – специализация: всяческое культивирование талантов в той или иной области. Гений, может, бесплоден, – так мы его клонируем, пусть продолжают жить и творить гении на Земле.

Родители глупые и хилые, а о ребенке мечтают умным и сильным. Так позаимствуем кое-что из хромосомного механизма другого человека – и организуем слабакам их собственного ребенка, сходство явное в каких-то чертах, но здорово превосходит их по желаемым параметрам.

В ясной перспективе это выглядит сегодня именно так.

То есть. Биологическая эволюция человека прекратилась было. Антибиотики, инкубаторы, социальное обеспечение и пр. – стало появляться все больше уродцев, которые в естественных условиях не выжили бы. И они дают потомство, и человечество физически хиреет. Геной инженерия в принципе позволяет не только больше не хиреть, но напротив – крепчать: создавать и наследовать качества, необходимые и полезные для здоровья и выживания. Эволюция продолжается, причем на более высоком уровне – разумном, направленном, экономичном.

Да, делать человек стал больше, а рожать меньше. Энергопреобразование мира увеличилось, а биологическая энергия собственно человека уменьшилась. Но через разум, через рациональные открытия и действия – потенциальная биологическая энергия человечества также увеличилась, резко, качественно, скачком. (Вот для чего и надо было меньше рожать, а вместо этого больше думать и работать.)

Не пятнадцать детей от женщины, а тысячу! По примитивной арифметике – человек стал в сто раз плодовитее (это вариант самого ограниченного подсчета по отделяющимся созревшим яйцеклеткам).

Пробирки, термостаты, инкубаторы, лаборатории, – технические подробности здесь принципиальны и будут постоянно совершенствоваться.

Что бы ни делал человек – а в результате человечество приходит ко все большим свершениям.

Замечание на полях:

Проблема падения рождаемости отнюдь не нова в истории цивилизаций. Она принимала отрицательный, угрожающий характер еще в Древнем Риме периода расцвета – расцвета, а не упадка! об упадке вообще говорить не приходится. И придумывались в Риме специальные законы, направленные на увеличение рождаемости, принимались меры социального поощрения, деньги из бюджета выделялись дополнительно – за рождение детей и на их воспитание. Не хотели римлянки рожать, хотели жить в благополучии и для собственного удовольствия. А в провинциях с рождаемостью было все в порядке, плодились исправно. Ничего нового, а?

Что произошло в итоге с процветающим Римом? Натюрлих.

Да еще в библейской истории об исходе евреев из Египта упоминается, что фараон был обеспокоен здоровой плодовитостью евреев при неважной рождаемости у египтян, и решил выправить опасный крен репрессивными мерами: если повысить рождаемость египтян было не в его силах, то урезать еврейское потомство он средства имел. Великий Египет подходил к закату своего могущества...

Автоматический природный регулятор всегда втыкался в колеса преуспевающей цивилизации. Как бы образовывался дисбаланс в распределении энергии сообщества: больше в производство-потребление и преобразование мира через осмысленные действия – меньше в простую биологическую экспансию.

На высоких этапах развития цивилизаций биология всегда являла свое подчиненное положение по отношению к природопреобразующему разуму. Мол, и так слишком много всего можете-делаете, размножаться вам уже необязательно.

С этого и возникали представления о «старых» и «молодых» народах, угасании жизненной энергии, деградации генофонда и т. д.

Метисы

Сегодняшняя наука не знает, почему одни гены являются рецессивными, а другие – доминантными. Она это только констатирует.

Так же наука не знает, почему гибриды от скрещивания разных пород одного вида оказываются более жизнеспособными. Селекционеры лишь стараются, и часто очень успешно, путем скрещивания пород одни признаки передать по наследству и усилить, а другие отбросить или нейтрализовать. На уровне анализа это может сводиться к изменению хромосомного набора – что на шаг вглубь проясняет механизм появления новой породы, но ничего не объясняет по сути.

Точно так же известно, что имбридинг ведет к дебилизации и вырождению – что у животных, что у людей. С вырождением свиного стада справиться легче – или плюнуть и съесть,

или купить хряка со стороны. С вырождением царствующих фамилий сложнее. Лошадиные челюсти и идиотские глазки Габсбургов, скажем, неплохое тому подтверждение. Разветвилась фамилия по всем дворам Европы, а взять в родню прачку или охранника обычай, понимаешь, не позволяет и политика не рекомендует.

Свежая кровь! Влить свежую кровь! Подать сюда бродячего рыцаря, заморского принца, буйного варвара – проходной мотив в столах аристократий, вырождавшихся в длинной череде династических браков с себе подобными.

Люди из опыта всегда знали, что от представителей двух разных народов рождаются хорошие дети – которые в среднем превосходят детей одного народа. Всегда были разговоры о красоте, или силе, или здоровье, или таланте «полукровок». Вот как-то получается, что от двух родителей такой ребенок наследует в общем скорее лучшие черты каждого, чем худшие. И более того: от двух хилых, но разных кровей, разных национальностей, родителей – рождаются дети, явно превосходящие обоих, – и откуда что берется, понимаешь. Это правило селекционеры тоже давно знают.

Шо мы имеем в таком браке смуглого темпераментного азиата с альбиносистой флегматичной скандинавкой? Здоровенную разницу мы имеем. А что такое здоровенная разница? Это разность потенциалов, это энергия – энергия содержится в самом совмещении различных частей, в потенциальной возможности произвести работу по стиранию этой разницы между двумя частями, по приведению дипольной системы в состояние однородности. Здоровенный энергетический заряд мы имеем, когда падают в койку две очень разные особи. (Сейчас мы имеем в виду разницу национально-расовую, а не половую, хотя и половая разница стреляет по тому же принципу, но об этом в другом месте.)

«Противоположности сходятся», – давно сказал народ, не вдаваясь в анализ этого явления. Так стремятся друг к другу разнозаряженные полюса! Каждый стремится обрести в другом то, чего нет у него самого, и реализацией этого природного стремления двоих к единству является ребенок.

И в этом ребенке больше энергии, чем было в каждом из родителей. Ибо энергия разнородной пары выше, чем однородной. Только и всего. Энергия эта и являет себя через ум, талант, красоту и пр.

Потому всегда и знали, что хороши бастарды, дети любви, – ломались перегородки, сильнее стремились друг к другу разные, не из одной корзинки, люди.

Такова суть – на самом общем уровне.

И поэтому, кстати, почти все великие цивилизации появились из встречи и смешения двух или более разных народов. Разница – дополнительная энергия – «улучшение породы» – развитие нового, мощного народа. Германцы с кельтами, славяне с германцами, ахейцы с дорийцами и т. д. На то есть отдельные исторические и этнографические исследования – которые констатировали, но не делали выводов. Энергетической основы природы они еще как-то не понимали.

Закон

С тех пор, как греки завязали Фемиде глаза, она играет с преступниками в пятнашки. Не пойман – не вор. Пойман – тоже еще не вор. На весы ей можно подсыпать гирек, слепой курице. Юристы и заняты тем, что перетягивают самосильно чаши ее весов. А кто им платит? Преступники. А где они взяли деньги? А украли у честных людей. То есть честные люди оплачивают адвокатов, которые отмазывают от Закона преступников, которые обокрали этих честных людей. А теперь скажите, что это не гениально. Если бы я был преступник, я бы поставил золотой памятник Закону.

Аж попискивает честный мелкий люд под прессом Закона. Писк этот складывается в пословицы и поговорки, выражающие народный оптимизм: «Закон – что дышло, куда повернул – туда и вышло», «С сильным не судись...», «Для друга – что угодно, для врага – только по Закону», и т. д.

В конце XX века в России сложилось совершенно-таки официальное сословие бандитов. «Что делаешь? – Да бандитствую потихоньку». «По этому вопросу к бандитам обращаться надо». Их все знают. Они берут деньги у кого хотят. Они сотрудничают с министрами и ворочают миллиардами. Офисы, виллы, лимузины. Посадить невозможно: откупятся, свидетели откажутся или исчезнут, документы выкрадут, следователей переведут на другую работу.

Дельцов наркомафии и гангстеров в мире знают так же, как в квартале знают своего знаменитого хулигана, с которым предпочитают не связываться: все равно в суде не докажешь, а отпустят его – он тебя вообще зарежет.

И это – Закон?! И на это у меня вытягивают налоги?!

Что получается. Что народу не нравится его собственный Закон. Как же это так?..

Каков же удивительный механизм вечного конфликта между честным человеком и Законом?

Сначала разберемся, что такое вообще этот самый пресловутый Закон.

Закон – это представления народа о справедливости, оформленные в правила на случай всякого серьезного конфликта. Это в демократическом государстве. А если король, диктатор, власть олигархии – тогда государство построено «под них», и Закон выражает государственную целесообразность: народу она может казаться несправедливой, а дворянству – справедливой – мол, без нас пропадете, смерды, ну так платите налоги и слушайтесь. Мы сильные, знатные, мы имеем право на большее. Неравноправие, значит. Но мы-то все твердим именно о равноправии!

И вот картинки из жизни, а также литературы и кино, которые ее отражают. Мирные селяне не сдают конокрада околоточному надзирателю – они его забивают кольями. Таково их представление о справедливости: без лошаденки хозяйство разорится, а этот хлюст хотел пропить-прогулять, а суд что – даст пару лет, и он опять воровать будет.

Или: кучка мужиков с винчестерами запирает шерифа (которого сами выбрали!) в кладовку и деловито вздергивает вольного стрелка. По их мнению – воздают по заслугам. А то он в городе наймет адвоката и отвертится.

Что такое «самосуд»? Это суд в первой инстанции, самой низовой, так сказать. Чем он руководствуется? Да справедливостью!

Конфликт между самосудом и Законом – это конфликт между правом людей на справедливость и правом государства единолично вершить эту справедливость. Вот такая заковыка. Пока представления о справедливости добираются до верхов, они, понимаешь, каким-то образом меняются.

Каков был и как вершился Закон при, скажем, родовом строе, когда жили люди маленьким сообществом, тот же поселок? Собирались все вместе, разбирали дело и выносили решение. Выслушивали обвиняемого, потерпевшего, свидетелей, учитывали «за» и «против». Все просто и логично. Убил – казнить. Украл – конфисковать и избить. В таком духе.

Кровная месть – жестоко? Но общество признавало – да, но справедливо. Руку рубить за воровство – жестоко? Да, но воровать нельзя, а то что же будет. И преступлений, надо сказать, в таких обществах было мало.

Персы воровства не знали при таком законе. Абсолютная честность была нормой. И они презирали греков – что это за народ, который торгуется на базарах о цене, вместо того чтобы сразу назвать честную цену, пытаются обманывать друг друга да еще радуются, если выторговали в свою пользу. Тьфу...

Чеченец или корсиканец тысячу раз подумает и сдержится, прежде чем оскорбить другого. Потому что за оскорбление будет убит. И род его втянется в кровную месть роду убийцы. А убить – значит автоматически навесить на себя смертный приговор. Ну так они очень и очень предупредительны в общении, хамство меж собой там в принципе невозможно.

Такой закон понятен и прост.

Кто же сделался героем нового времени? А тот же мститель, вечный Робин Гуд. Полицейский знает, что по Закону убийца выкрутится, доказать невозможно, смертной казни нет, а он перебил кучу народа. И полицейский убивает его сам, и по Закону может огрести за это пожизненное заключение! У кроткого чиновника подонки убили жену – он выслеживает и убивает их сам, не веря в Закон и не в силах удовлетвориться его «гуманностью». И зритель всегда на их стороне: смерть подонкам!

Закон отчужден от общества, вынуждены мы констатировать.

Народ не сам устанавливает законы, вот в чем штука. Народ только выбирает своих представителей в государственные органы. А что такое любые выборы в большой стране? Спектакль, поставленный профессионалами. За каждым кандидатом стоит партия, команда, аппарат, имиджмейкеры, фонды, корпорации и толстосумы. На выборах народ покупает kota в мешке, расписанном заманчивыми лозунгами. А дальше политик-законодатель руководствуется собственными интересами, логикой фракционной борьбы, он подкупается, он наживает политический капитал, он хочет выглядеть красивым и т. д. Политическая борьба жестока, выживает в ней сильнейший. Поэтому политик соотносится с волей и интересами народа не больше, чем нужно и полезно ему, политику, для своей карьеры и своего положения.

Чем сложнее механизм воплощения идеи в жизнь, тем дальше реальный результат от первоначального замысла. Хотели гуманной справедливости, а получили попустительство хищникам.

Это первое. А второе: Закон судит не преступника, а преступление. Это старый подход еще древнеримского, юстинианова права, призванный обеспечить объективность и беспристрастность мнения, невзирая на лица. С одной стороны, это кажется справедливым. С другой стороны, плохой врач лечит болезнь, а хороший – больного.

Два бандита и убийцы поспорили из-за награбленного и решили спор обоюдной стрельбой. Один убил другого. Приговор суда: десять лет. Другой бандит придрался на улице к прохожему, который показался ему недостаточно почтительным, и убил его. Тоже десять лет. Это – справедливость?!

Бывает веселее: прохожий увидел, как мерзавец насилует женщину, ударил его кирпичом по голове и убил. Тоже десять лет. За превышение пределов необходимой самообороны. Ведь мерзавец не угрожал его жизни. Это – Закон?!

Что делает простой и праведный самосуд? Первого бандита закатает на добрый срок каторги, чтоб зря небо не коптил и на труде честных людей не паразитировал; а на убитого им бандита плевать, одного поля ягоды, меньше дряни будет. Второго – безусловно повесит, и поделом, и только так. Третьего безусловно оправдает, да еще похвалит, и за храбрость наградит, и другим в пример поставит: и да поступит так каждый честный человек.

Случилось страшное и случилось глупое.

Глупое: это мы впилились в буквальное насаждение христианской морали вселюби и всепрощения, а она соотносится не со справедливостью в нашей горестной юдоли греха и скорби, а с той праведностью, которая ведет к вечному блаженству за гробом. Невинный убитый младенец, значит, блажен за гробом. А убийцу мы пощадим, потому что тогда тоже будем блаженны за гробом?.. И будем добиваться от него, чтоб он искренне раскаялся, и тогда он тоже спасется, и за прозрение в любви к людям тоже будет блажен за гробом. Да провались он пропадом, гореть ему в аду вечно!

Страшное: не так важно, по каким причинам общество чего-то не делает – важно, что если оно реально чего-то не делает, это означает, что у него нет сил это делать. Потому что кажущаяся сила – это не сила, это ее видимость, призрак, сила – это то, что себя являет; по жизни так оно получается. А если у общества нет сил карать врагов и выродков, и оно делается беззащитным перед убийцами и террористами – это означает недостаток его энергии, означает энтропию общества. Иначе говоря – ослабление, упадок, развитие гибели.

Если преступники могут богатеть и безнаказанно глумиться над честными людьми, и общество с его Законом не в силах их карать – это означает стирание грани между честными людьми и преступниками. Стирание грани – это движение к усреднению, одинаковости, неупорядоченности, хаосу, это падение разности потенциалов между полюсами общества, – то есть общество выдыхается и издыхает потихоньку.

Мы, белая цивилизация, живем в гибнущем мире.

XX век был последним веком нашего расцвета и нашего господства. Черт с ним, с господством, хотя сознавать свою грядущую не то чтобы второсортность, но второзначимость, – труднопереносимо. Но растекаться песком в грядущем времени – вовсе невесело.

Азия, могучая Азия заступает на наше место. Плодовитая, трудолюбивая, жестокая. Она будет рубить руки и головы и долго-долго не позволит наступать себе на хвост.

Все чаще Закон предпочитает права личности – правам общества. Налицо разрушительная тенденция <...>

Коммунизм

Если вогнать человеку – нормальному, обычному, современному – дозу психоделика, хоть того же кетамина, то в трех случаях из пяти в нем обнаружится коммунистический идеал. Вскрываются пласты подсознания, и – он ходит в прекрасном и ярком воображаемом мире по грудам денег, обладает бесчисленными кинозвездами и купается в лучах мировой славы, это запросто, элементарно, это даже перестает быть особенно желанным; а в качестве высшего желания, высшего счастья – он хочет и грезит: «Счастья, для всех, даром, и пусть никто не уйдет обиженным».

Юнг назвал бы в этом случае коммунистический идеал «коллективным бессознательным»: вот на генетическом уровне живет в психике человека такая штука.

Я бы расценил это иначе. В наркотической эйфории человек испытывает максимальную положительную эмоцию. И грезящее сознание подыскивает этому ощущению адекватную форму на интеллектуальном и событийном уровнях: отчего мне предельно хорошо? что это такое, как назвать? чем это вызвано, чему это соответствует в «реальном» мире, в котором я сейчас живу? Богатство, секс, слава, грезящиеся под наркотой – это оформленный в понятия и представления адекват высшего наслаждения: мне очень хорошо, а хорошее ассоциируется в моем представлении с тем-то и тем-то, вот оно у меня сейчас и есть. (Это сродни механизму сновидений: эмоция, не контролируемая впрямую реальностью, возбуждает адекватный себе визуально-событийный ряд как бы реальных и одновременно фантастических событий.) То есть определенным мыслям соответствуют определенные ощущения с одной стороны – и определенные пласты реальной жизни с другой; воздействуя на одно звено, мы через него опосредованно воздействуем и на два других: новая картина жизни вызовет соответствующие мысли и чувства – а новое ощущение, без прямого контроля бодрствующего сознания, вызовет соответствующие мысли и картины реальности. Трехединая цепь: ощущения – сознание – реальность.

Раскрепостив и возбуждив психоделиком центральную нервную систему, сняв все препятствия и тормоза к ее стремлению испытывать максимальные положительные ощущения – мы и обнаруживаем, что в большинстве случаев максимум наслаждения ассоциируется со счастьем для всех, прямо-таки с мировой гармонией. Ничего непонятного, представляется, тут

нет. Лично ты уже предельно и идеально счастлив, все имеешь, – и больше этого может быть только сделать столь же счастливыми других, распространить на весь мир свое счастье (и одновременно, не удержимся заметить, свое всемогущество. Ты можешь их всех уничтожить, это тебе в добром трансе плюнуть раз, – но больше кайфа, больше свершения в том, чтобы их всех осчастливить так же невероятно, как хорошо сейчас тебе).

Что мы имеем? Мы имеем желание счастья для всего человечества как идеал предельной положительной эмоции. Сверхсчастье. Вот все для счастья у тебя уже есть – выше только это. И одновременно это – стремление к предельной значительности своей личности: сделать всему человечеству то, больше чего уже быть не может – осчастливить: да это богоравная задача!

Вот где сидит извечный источник коммунизма. Он не в экономических теориях. Он коренится в устройстве психики, в стремлениях к максимальным ощущениям и к самореализации, своей значительности.

А на уровне более абстрактном, несколько философском, – энергоизбыточный человек, всегда неудовлетворенный имеющимся, всегда строит себе идеал – действительность лучшую, иную, должную, желаемую и воображаемую. Горизонт, цель, оформление внутреннего импульса к переделке мира.

Коммунизм – это идеал человеческого общежития, всегда несовершенного и несправедливого (ибо и совершенство, и справедливость суть тоже идеалы, по определению и принципу противопоставленные реальной жизни. Достижение идеала означает слияние его с реальностью и тем самым исчезновение, есть только реальность, изменять ее больше не нужно, да и некуда, наступает равновесие того, что есть, с тем, чего хочется – а вот это для человека невозможно, он, повторяем, энергоизбыточен. Достижение идеала означает: стоп, приехали, больше ничего не меняем, поддерживаем все как есть. А вот тогда произойдет нарастание энтропии и пойдет регресс, ибо система всегда стремится к упрощению, а часть энергии всегда расходуется «на побочные эффекты», и даже чтобы просто поддерживать равновесие системы – необходимо расходовать дополнительную энергию, возмещающую непродуктивный расход, а для этого необходимо делать больше, чем кажется необходимым – вроде как брать поправку на снос течения при переправе через реку, а для этого надо прикинуть себе какой-нибудь ориентир на том берегу, определить какой-то угол своего движения чуть вверх по течению – а это и есть идеал: стремиться хоть чуть выше, чем на самом деле приплывешь).

Что из этого следует? Из этого следует, что: а) коммунизм человеку свойственен; б) коммунизм – вещь безусловно хорошая; в) реальный коммунизм невозможен.

Но смеяться над людьми, которые, свято веруя, действительно ведь отдавали жизни ради счастья всего человечества, как они разумели, – глупость и жлобство. Если вдуматься, все революции в истории, и вообще все социальные реформы – по сути были коммунистическими: люди хотели как лучше, стремясь максимально лучше, настолько ближе к идеалу, насколько получалось.

Конец XX века, накушавшегося досыта коммунизма в действии, навешал на многострадальное учение всех собак. И то сказать: результаты кошмарны, а жертвы бесчисленны.

Анафема! чур меня! – проклинаят антикоммунисты.

В основе лежит идея святая и светлая, а испортили ее конкретные нехорошие люди! – гнут свою линию упрямые и недодавленные коммунисты.

Кто не был коммунистом в двадцать лет – тот не имел сердца, но кто остался коммунистом в тридцать – не имеет мозгов, – вздохнули анатомы от философии.

Шо мы имеем? Мы имеем ярчайшую в истории попытку совместить несовместимое – смешать ценности идеальные и реальные.

Что здесь идеального? Лежащее в основе извечное человеческое стремление к счастью, справедливости и равенству – и пусть никто не уйдет обиженный. Коммунизм марксистский

часто возводят к коммунизму евангельскому – те же нравственные принципы. Возникли не на пустом месте и евангелия – люди всегда были несогласны с гадством жизни: господством силы, торжеством прагматизма и т. п. Идеал, понимаешь: жизнь недостаточно хороша, а иногда просто мерзка – и мы представляем себе, как она должна бы быть устроена, чтоб было хорошо, правильно, по уму и по совести.

Что здесь реального? А – не получается!!! – как завопил в отчаянии парикмахер, поло-суя с досады безнадежно исцарапанного бритвой клиента. Люди недостаточно хороши. Большинство малосознательно и эгоистично. Ничего, разберемся: отделим агнцев от козлиц. Пролетарии направо, прочие – пожалуйста налево, посередине трепещет тонкая прослойка интеллигенции. Реален конкретный государственный механизм с его экономической базой и законодательной и исполнительной властью.

Цель – счастье.

Средство – тотальное государственное убеждение и принуждение: газета «Правда», кор-мовой паек и маузер.

Вызывает восхищение та храбрость и вера, с которыми отцы-основатели решительно приступили к претворению извечного идеала в жизнь. Все остальное вызывает ужас и жалость.

Сейчас я выскажу одну очень простую мысль, применимую ко многим сторонам жизни:

Идеальные ценности существуют не доя того, чтобы господствовать в реальной жизни (что и невозможно). Они существуют для того, чтобы «уравновешивать» ценности реальные, в какой-то степени ориентировать их в сторону идеала, видоизменять и совершенствовать. Но что идеал принципиально недостижим – об этом мы уже говорили много раз.

Коммунизм есть идеал устройства человеческого общежития. Это понятно. А дальше – чем решительнее стремишься ты к идеалу, не считаясь с реальностью, – тем больше дров, естественно, ломаешь.

Так не существует идеального человека – и одержимый манией идеала «здесь и сейчас!» деятель изобретает и пускает в ход прокрустово ложе.

Коммунизм прекрасен и решительно бессмертен как абстрактная теория. Принципиальная недостижимость обеспечивает идеалу бессмертие. Все хорошие, всем хорошо – хотим-хотим-хотим! Тот самый случай, когда это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Коммунизм – это попытка подбить научно-практическую основу под извечную мечту человечества о Золотом Веке: мечту отцепить Добро от Зла и ограничить свое местопребывание лишь одной диалектической половиной бытия.

Что же в природе? В природе самые энергичные лезут наверх и, являясь одновременно самыми жадными, жестокими, хитрыми и хищными, придумывают способы обирать остальных и жить лучше, значить больше. Ничего нового, все как всегда. А если самый энергичный оказывается морально безупречен, как условный Робеспьер, то он в бескомпромиссной борьбе за всеобщее счастье так стрижет головы множющимся врагам, что потом сто лет от крови не отмыться.

Идеальное устройство предполагает идеальных людей. А их вот нету и не будет. Впили-ваясь в реальных людей, идеальное устройство впадает с ними в противоречие и старается привести к прокрустовой норме. Вот что такое практический коммунизм в действии.

Смотрите. Как только гонимое христианство стало господствующей и государственной религией – церковь погрязла в фальши, коррупции и крови. Значит ли это, что христианство вообще дурно? Да нет; просто место священника – в катакомбах! а не на золотом амвоне.

Не приведи Боже пускать коммунистов к власти. Стремясь устроить всю жизнь по морали – они утверждают примат морали над истиной, должного над сущим, теории над практикой. Результаты известны более, чем того хотелось бы.

Но когда наглый миллионер или продажный политик проповедуют с экрана, что они гра-бят народ исключительно по справедливости и для его же блага – очень полезно спустить на

него цепного коммуниста: дабы напомнить вору, что он вор. Припугнуть, чтоб подсократился. Плюнуть от имени миллионов сырых и обиженных.

Как мораль – вечная оппозиция голому прагматизму, так коммунизм – вечная оппозиция реальной политике. Критика тоже не без пользы. Чтоб карась не вовсе безмерно зажился.

Табу и его разрушение

В основе любого табу было принято искать рациональное зерно. Мол, изначально оно восходило к вполне рациональному запрету в интересах господствующего класса, или пола, или вождя, или в интересах всего общества и т. п.

Потому что табу отличается от закона именно невнятностью мотивации, неясностью смысла. Классические Десять заповедей – это скорее закон, нежели табу: смысл заповеди ясен, а ее нарушение предполагает внятное наказание – будь то по закону людскому или божескому. Заповедь «не убий» воплощается в статьи уголовного кодекса и обрастает параграфами и примечаниями.

Так. В любом обществе всегда была система регулирующих запретов, более или менее рациональная: регламентация действий и отношений между людьми.

Но в любом обществе была и система запретов весьма бессмысленных и на первый взгляд необъяснимых. Как, скажем, табу для полинезийского вождя какого-то племени касаться чьего-либо тела или питаться самому: касаться его могли только жены, а кормили его «с ложки», вкладывая куски в рот. Зачем? Ну, иначе он будет осквернен, скажем. Фрэзер мог бы привести представления туземцев о том, что так подчеркивается божественная сущность вождя.

Собственно, любая власть и любая религия всегда создают свой ритуал, включающий свод запретов – запретов на нарушение каких-то специальных правил или вообще на совершение каких-то поступков. И вот христианство, религия поначалу демонстративно простая, аскетичная, за пару тысяч лет обросла в католической конфессии ритуалом, огромным и ветвистым, как лес позолоченных баобабов. Масса незаметных для непосвященного мелочей обретает огромный смысл.

Любой религиозный человек приведет тьму доводов в защиту и объяснение рациональности ритуала и любого запрета. При том что жить без этого ритуала и запрета явно можно, и вполне неплохо, ни для чего он не нужен.

Вот для полинезийца табу ходить на ту гору. Нельзя, и все тут. А то убьют, съедят, изгонят. Простодушный ученый объясняет: ну, там когда-то кого-то деревом придавило, народ решил, что это злые боги там живут, и людей видеть рядом не хотят, карают, вот и не надо туда ходить. Допустим пока... Они темные, эти дикари, что с них взять.

Но вот явное и ужасное табу – плюнуть на знамя части. А что будет? Армейский бог покарает? Нет, военно-полевой трибунал в Бога не верует, вломит два года дисбата своей властью «за оскорбление святыни, символа» и т. д.

А знамя, как вздыхал еще Толстой, это просто тряпка на палке. И чего образованные люди с ним носятся? Да напилел палок, нарезал тряпок – и дал хоть каждому по охалке знамен.

То есть: в деталях ритуала, в разнообразных табу – мы всегда имеем перенос значения на какое-то условное действие, условный предмет. Знамя и его неприкосновенность – есть свидетельство значительности воинской части. Плюнув на знамя, человек тем самым говорит: «Да вы слабаки, дураки, я не считаюсь с вами и вашими чувствами и мыслями, я значительнее вас». Вот этого негодяю уже спустить нельзя – да он завтра приказ не выполнит, в атаку не пойдет, к врагу перебежит: расстрелять перед строем под барабанный треск!

Что означает вполне бессмысленный жест: вложить большой палец руки между указательным и средним и направить в чью-то сторону? Ну и что? Мало ли пальцев на руках у каж-

дого. Но этот жест значит «фигу»: я тебя не уважаю, по-твоему не сделаю, ты дурак, я значительнее тебя.

Значит, так: жизнь человека в обществе регулируется массой мелких и менее мелких деталей, а ритуал и запрет – это внешний механизм саморегулирования отношений человека с окружающим обществом, а шире – вообще с окружающей средой (жертвы богам, соблюдения заветов Бога и пр.).

А с ходом времени, как обычно бывает, смысл ритуала и запрета растворяется в ежедневной повторяемости, над ним уже не задумываются, и остается самодовлеющая форма.

Возьмем-ка табу российских зеков в зонах: вот уж пример удобный, наглядный и современный, и прекрасно доступен наблюдению. Масса идиотских и жестоких табу! Особенно малолетние зоны свирепствуют. Так.

Нельзя ходить на парашу, когда кто-то ест. Понятно? Понятно. Ход мысли естественный? Вполне. Дальше имеем развитие мысли: если ты – один, сам! – ешь, а в небе летит самолет – надо прикрыть еду и подождать жевать, пока он не пролетит: там кто-то в этот миг может сидеть на унитазах. Гм. А если через дорогу дом? Там ведь тоже сейчас за стеной кто-то может в туалете сидеть. Ну, если дом, то это ничего, это не считается. Почему? Потому!

Нельзя есть помидоры. Почему? Они красные, а красный цвет – табу, «западло» – это цвет посадившего тебя государства, врагов-ментов, волков позорных. Красные трусы – нельзя, и т. п. А кровь красная?.. Ну, тут ничего не поделаешь.

С земли ничего поднимать нельзя, особенно с плаца. Западло. Запушишься. Вот поднимешь зимой с плаца упавшую с головы свою шапку – и через это можешь «запушиться», оказаться опущенным. Почему?! Могут пробормотать, что нельзя кланяться, работать на земле и проч. ерунда.

То есть люди сами усложняют себе жизнь. Зачем? Такой ритуал соблюдать любой шибзик может, силы и ума не надо. Наука социопсихология в ответ бормочет невнятно, не в курсе дела.

Дорогие мои! Да именно в этом усложнении себе жизни собака и зарыта. Зек не может костюмчиков закупить, музыку послушать, модной машиной похвастаться, ни такси, ни метро он не пользуется, и социум, в котором он существует годами долгими, прост и примитивен до ужаса: ну, пахан, блатные, мужики, опущенные, феня, кум, татуировки, и изо дня в день, из года в год одно и то же. И он придумывает и создает себе более сложную жизнь, условности в нее вводит и значение им придает. И через то жизнь его делается полнее и интереснее, разнообразнее, забот у него больше, поводов для переживаний больше, – короче, его центральная нервная система получает больше ощущений, для этого она поводы к ощущениям и придумала. Только и всего. Неясно еще?

Вот две дамы на пляжу. Одна в купальных мини-трусиках топless: меж ягодиц у нее ленточка, на лобке у нее треугольник уже ладони, мужики на нее глаза пялят вождеюще, но – приличия соблюдены: так ходить на пляже сейчас принято. Кое-где. В Европе. А вторая дама в прекрасном кружевном белье, и панталоны у нее с оборочками, и бюстгальтер с цветочками, и прелести ее прикрыты гораздо основательнее при этом, чем у первой. Но выглядит она, по всеобщему мнению, неприлично, неподобающе. В таком белье перед любовником раздеваются, а не на пляж ходят. Первая обнаженная, а вторая – раздетая, разницу улавливаете? Назначение иное, ассоциации возникают немного разные.

А пусть-ка они обе на дипломатическом приеме снимут только юбки, а все остальное останется – оживления-то сколько будет! Потому что нарушение условностей вызывает сильную эмоциональную реакцию прочих граждан, эти условности соблюдающих. Это нарушение уже – вызов, вольность, шокинг, хамство, неприличие, оскорбление.

Если ты на пляже в плавках, еле прикрывающих гениталии – это нормально. А в длинных кальсонах с пуговицами – идиот и посмешище. А вы говорите об отсталости дикарей с их табу.

Но. Но. Масса условностей и запретов *напрягают* человеческую жизнь массой мелких смыслов и дают массу поводов для забот и переживаний. Общая сумма ощущений при этом увеличивается. Надо соблюдать, и стараться, чтоб у тебя в этом смысле было все в порядке, как надо, как принято, как у всех, тогда ты чувствуешь себя уверенно, ты не хуже других, а иначе – ты не такой, как все, тебя не уважают, тебе дискомфортно.

Ритуал и табу обогащают твою жизнь дополнительными представлениями и ощущениями.

Это первое. А второе: что значит усложнение жизни? Это значит, что она более структурирована, более упорядочена, дальше от хаоса, чем при беспорядочном и вседозволенном смешении всего и вся. Это та организация, которая противоположна энтропии.

Избыточная энергетика человека и есть истинная причина ритуала и табу. Эта энергетика выражается во всем, в том числе и в ритуально-запрещающих формах организации человеческого общежития.

Чем меньше хаоса – тем больше энергии. Масса идиотских и условных предписаний на все случаи жизни – одно из воплощений избыточной энергетики человека, один из ее аспектов.

Это происходит на уровне инстинкта, на уровне витальной силы, а уж смысл к этому подстегнуть можно всегда, для рефлексирующего разума это дело нехитрое.

Один из сильнейших примеров – соблюдение ортодоксальными евреями всех многочисленных предписаний ветвистого Закона. Боже! Нельзя того и нельзя сего, надо так и надо эдак. Это же ведь надо додуматься, что в субботу можно все-таки ехать на лифте, но нельзя самому нажимать его кнопку, потому что это включение подпадает под запрет на работу в субботний день. А пешком топать – хоть на сотый этаж, сколько влезет, на это запрета нет. Это же ведь надо было додуматься, чтобы из библейского запрета «не вари козленка в молоке его матери» вывести не только запрет на бутерброд с колбасой, потому что масло молочное, а колбаса мясная, но и вообще на употребление мясного и молочного в одну трапезу, и запрет на использование под мясное и молочное одной и той же посуды, и холодильников под них надобно держать два, и если нельзя два стола – то необходимо две разные скатерти, и странно еще, что не два разных комплекта вставных челюстей.

Явная бессмыслица, да? Но с каким нечеловеческим упрямством из века в век, из тысячелетия в тысячелетие соблюдают верующие евреи все свои предписания! А теперь скажите, что евреи – народ с пониженной энергетикой. Да нет, все сходятся на том, что напротив, с повышенной. А делать ортодоксальному еврею нечего, кроме как ревностно соблюдать закон и выискивать в священных книгах все новые скрытые указания к новым соблюдениям всего на свете. И вот немалая его человеческая энергия прет на дальнейшее разветвление и строжайшее соблюдение ритуала (ибо, полагает иудаизм, «если все евреи хоть два шабата подряд будут свято соблюдать все, что велел Господь», то придет Мессия и настанет счастье Израиля и Царство Божие. Что вряд ли, уже по той причине, что разные течения иудаизма придерживаются немного разных взглядов на соблюдение и исполнение массы мелочей).

Жесточайшая и подробнейшая структуризация иудаизма – система антиэнтропийная, высокая степень порядка противостоит хаосу. Эта структуризация – суть энергия народа в одном из аспектов своего воплощения.

Чего в основном касаются ритуал и табу?

Всяческое регулирование сексуальных отношений.

Естественно связанные с ним степени и условия оголения тел.

Степень лояльности господствующей идеологии общества.

Поведение в обществе.

Получается, братцы, что масса смешных, нелепых, условных вещей – связаны, однако, с базовыми ценностями существования человечества. Ух ты.

То есть:

Не в том дело, что ритуал и табу условны и бессмысленны, а в том, что смысл их – в самом их существовании: повышении энергетических связей человеческого сообщества на главных направлениях – размножение и взаимодействие в деятельности.

И что же мы видим сейчас?

Мощной мировой силой является исламский фундаментализм. Он энергичен, агрессивен. Фанатичная вера, жесткий религиозный ритуал, масса запретов и ограничений, резкое разделение женской и мужской функций. Воеют непримиримо, жертвуют жизнями, наглы, ни черта не боятся. Общество энергично – и структура его жестка: это аспекты одного и того же.

Кем считает исламист голых белых баб на пляже, которые по обстановке не прочь трахнуться? Шлюхами. Их можно драть с презрением, но жениться на такой – Аллах избавь от дикой мысли. Европейцы считают кавказцев и арабов, которые в стриптизах и на пляжах истекают слюной, но плюются, дикарями: отстальные взгляды, понимаешь.

А кем европейцы считали голых полинезийцев – когда сами европейцы взглядов придерживались суровых, и дамская ножка, по щиколотку публично обнаженная, была пикантной вольностью? Опять же, дикарями.

Оценочка малость хромает: получается, что дикарь – это не такой, как ты, только и всего.

...Собственно говоря, табу – величина негативная. Это понятно. Запрет не существует сам по себе, запрет – это противодействие. Есть ритуал – позитивная величина, свод предписаний к действиям, и запрет – это его, так сказать, запретительная половина. Запрет на какое-то действие – это, во-первых, подразумевает, что импульс к такому действию уже имеется, и, во-вторых, означает, что действовать надо не так, а как-то иначе. То есть:

Табу свидетельствует о наличии энергии на этом участке – и регулирует, направляет эту энергию, ставя заслон в одном направлении и оставляя пространство для выхода ее в другом направлении. Это можно уподобить системе шлюзов, плотин, клапанов и т. п., аккумулирующих массу и силу воды и пускающих ее в определенном направлении, где она может совершить определенную работу – будь то мельница или гидроэлектростанция.

А если убрать все перегородки? Свободно растекающаяся вода никакой работы совершать уже не будет, не сможет.

Запрет (см. «Искушение») уже сам по себе рождает противодействие. Он привлекает внимание, возбуждает протест, и энергия противодействия, если не взламывает его, то ищет себе применения в другом направлении, на другом участке.

Тогда можно сказать:

Табуирование – это способ повышения человеческой энергии, как индивидуальной, так и в сообществе.

Самая простая аналогия – это известная теория творчества и вообще многих видов и способов деятельности как сублимация энергии сексуальной при запрете или вообще невозможности реализовывать сексуальную энергию напрямую. Строго говоря, это даже не аналогия – это один из примеров основных, генеральных табу и их следствий.

Возьмем еще для примера армию – в мирной и военной обстановке. Мирный армейский ритуал был изощрен везде и всегда. Сложные и поступенчатые формы отличий и наград, подробности экипировки и вооружения, формы отдачи приказа и формы изъявления подчинения и т. д. – отдание чести, соблюдение распорядка и масса разных изгибов, доводящих до изнеможения новобранцев и держащих бездельничающую армию в таком напряжении, что римские легионеры вообще рассматривали войну как отдых от всего этого кошмара.

И вот армия в действии, в бою. Мгновенно и «автоматически» слетают глупые ритуальные предписания. Вся энергия устремляется в одном направлении – победить и выжить. Все, что способствует победе в бою – всячески культивируется. А чистка пуговиц, парадная маршировка, обязательное единообразие не только обмундирования, но и заправки постелей – фронтовиками отбрасывается с глумливым пренебрежением: глупо, ненужно, не до этого. (Отчего

фанатики армейского блеска типа Вильгельма I и констатировали со вздохом: «От войны армия портится.») Фронтовик гордится своей внешней расхлябанностью, своим неуставным, но эффективным и удобным оружием, своим полным пренебрежением к ритуалу. И хороший командир так же гордится своей толпой оборванцев, которые могут привести в ужас инспектора, но в бою перегрызут глотку любому врагу.

На кой же черт в мирное время ритуал? Любой приличный командир это знает прекрасно. «Чтоб поняли службу». Иначе разложившаяся в безделье и вседозволенности армия не будет пригодна к бою: духа армейского не будет, напряжения энергетического не будет. Дисциплина ритуала переходит в ту дисциплину, которая заставляет выполнять приказ – уже приказ на тяготы огромные, на бой и смерть.

Могут спросить: а если замордовать армию ритуалом? Конечно, тогда тоже ничего хорошего не будет. Измученный задолбанный солдат будет еле дышать, и место ему не в бою, а в санатории для восстановления сил. Все хорошо в меру. Не надо заставлять дурака так богу молиться, чтоб он лоб расшиб.

Точно так же в тоталитарном обществе можно залудить такой всеобъемлющий ритуал на все случаи жизни, что народ будет просто задыхаться среди перегородок по клеточкам, и нормальная деятельность быстро станет невозможной.

Но сейчас евроатлантическая цивилизация находится в другой стадии – грубо говоря, вседозволенности. Шо мы с этого имеем, и шо это означает?

Поедем не спеша и с разбега.

Когда-то пойти в театр – это было событием. Люди соответствующе одевались, и настроение было соответствующее, и буфет в антракте, и вообще праздник в храме искусства. Пойти в театр в ежедневной обычной одежде, не говоря уже о мятых штанах и старом свитере, было хамством, да одетый так человек и сам бы чувствовал свою ущемленность, неполноценность, бедность как жалкое неприличие (спец-богема и эпатажники не в счет, они на этом и играли). И как-то постепенно это исчезло (в СССР – на рубеже начала 70-х годов). И поход в театр приобрел характер чего-то обыденного или даже рабочего – билеты недороги, ходить можно часто, все после рабочего дня, буржуев у нас нет, и т. п. Интересно, что именно в это время и происходит закат советского театра, который в конце 60-х был очень хорош, а лучшие театры были невиданно блестящи, гениальны были.

Да весь театр с его условностью и держится на ритуале! С вешалки он начинается, как фабрикант канительной фабрики Станиславский справедливо заметил! Падение искусства начинается с пренебрежения к нему, и поначалу это всегда пренебрежение к мелочам.

Нет, не потому, конечно, театр загнил, что зрители хуже одеваться стали. Это явления одного порядка – уравнивание всего пошло, исключительность всего происходящего стала снижаться, энергия института театра стала уменьшаться, энтропия пошла нарастать. Зал и сцена – они ведь вместе, две стороны одного явления, взаимозаряжаются и т. д.

Заметим, что было это не только в СССР. К нам с опозданием на несколько лет докатилось то, что на Западе было отмечено видимой чертой 1968-го года, с ее студенческими волнениями, революцией хиппи и т. п. – мода на небрежность, неряшливость, грязность, утрированную «демократичность» поведения и раскованность манер.

Была отменена «ханжеская», «буржуазная» языковая цензура, и мат вылез в обыденную речь, на сцену, страницу, экран. Это что? Это языковая энтропия. Выматериться перестало быть экстраординарным выражением экстраординарных чувств – а так, вообще, выражение. В славном и глобальном американском английском вместо «скотина!», или «чтоб ты сдох!», или «черт тебя возьми» вошло в общем в языковую норму «я тебя ебал!». Если раньше такое брякнуть в приличном обществе, у людей глаза выпучивались и дар речи пропадал. А теперь – нет, ничего, привыкли. А что теперь можно сказать в приличном обществе, чтоб у него глаза выпучились? А нечего уже сказать!!! Вот это и называется языковая энтропия, вот это и есть

снижение энергетика языка – когда ты убираешь перегородки запретов, и накопления и концентрации сдерживаемой энергии уже не происходит, и введением слова в обыденный оборот ты лишаешь его исключительности и взрывной силы, и если раньше ты мог выразить им сверхсильные эмоции, то теперь тебе нечем их выразить – потому что слово, которое было для исключительных случаев, стало для обычных случаев, и сравнялось по употреблению со словами, которые раньше были гораздо более слабыми выражениями, чем табуированные.

Удивительно умственное убожество сексологов и сексопсихологов, которые с научным видом поучали, что надо свободнее и без ограничений разговаривать о половых органах и половых отношениях, используя медицинскую лексику, и нечего придерживаться ханжеских табу, надо просвещать население. Надо-то надо, да ведь смотря как. Одно дело – поголовно обеспечить школьников бесплатной книгой, исчерпывающе дающей необходимые им основы всего, связанного с полом, а другое – присылать в класс сексолога, да еще мужского пола, и проводить занятие на тему дефлорации, да еще в смешанной аудитории.

А что тут плохого, спросите вы? А то, что стало больше импотентов и извращенцев, с сожалением констатируют сексологи, не будучи в умственных силах провести прямую зависимость между снятием сексуальных табу и понижением сексуальной напряженности общества. А понижение напряженности – это в переводе на механический уровень означает, что стоит хуже и хочется меньше, неужели не ясно.

Боже мой, да люди всегда знали: чтобы хотелось – надо, чтоб было нельзя. Еще Екатерина Великая так ввела картошку на Руси, которой раньше не знали и сажать не хотели, даже если из казны крестьянам раздавали бесплатно сажать: ну его к черту, фрукт гадкий бусурманский. Поля велели охранять солдатами, картошку давать только аристократам! А на ночь охрану снимать. По ночам крестьяне стали воровать картошку и сажать у себя. В президенты Академии психологических наук Екатерину!

Если бы я был председателем Всемирного общества импотентов, я бы через ООН добился запрещения повсеместной рекламы презервативов и менструальных прокладок, которая гремит со всех каналов телевидения круглые сутки. Потому что если женщина, которую приучено рассматривать как источник менструации и вообще мокрых и пахнущих выделений из половых органов, с вежливой улыбкой и светским тоном предлагает презерватив, чтобы надеть его перед половым актом на эрегированный половой член, дабы избежать возможной инфекции, – то нормальному мужчине хочется избежать инфекции вместе с самим половым актом, а по возможности избежать и акта, и инфекции, и самой этой женщины, а лучше выпить лимонаду, или водки, или сыграть с друзьями в бильярд, или в лучшем случае попытаться заняться онанизмом, воображая сексуальные сцены с прекрасной принцессой, которая и слово таких не знает, а если и пользуется прокладкой, то мама-королева ее научила в нежном возрасте, что говорить на эти темы неприлично, а в обществе – просто невозможно.

Но сегодня мы имеем то, что имеем. А имеем мы не только понижение рождаемости белой цивилизации, но и понижение ее сексуальной энергии.

Невозможность развода при церковном браке – это бывало ужасно. Сейчас жениться вообще необязательно: живи с кем хочешь, хоть ночь хоть всю жизнь, хошь рожай, хошь не рожай, – права человека. Никакой девственности, никакой простыни на дворе после первой брачной ночи, и статьи в газетах о пользе внебрачных связей для укрепления брака.

Порнография, наркомания, отмена смертной казни за убийство, гомосексуализм, пособия безработным, провозглашение отсутствия социальных, расовых и национальных перегородок и т. д. – всем явно, что маятник либерализации от положения крайних зажимов качнулся в другую крайность – узаконенной вседозволенности. (Не полной, полная невозможна. Где мера, как ее определить? Мы лишь констатируем перегиб.) И в институте брака, и буквально во всех прочих социальных институтах мы имеем сегодня резкую либерализацию – иначе это можно

назвать свободой допусков, люфтом, разбалтыванием. А можно сказать так: упрощение ритуальности и резкое сокращение запретов.

Комплекс табу белой цивилизации резко сократился по сравнению с тем, что было во многовековой истории и что было еще полвека назад.

Это означает: упорядоченность жизни сообщества уменьшилась. Уменьшилось разделение всех поступков на можно-нельзя. Можно сказать и так: степень структуризации поведения снизилась.

Что это означает уже само по себе?

Это означает повышение энтропии сегодняшней белой цивилизации. Понижение энергетики. Закат, упадок, разложение, гибель.

Снятие ограничителя с дроссельной заслонки двигателя ведет к его быстрому износу, падению мощности и приведению в негодность. А если насверлить дырок в стенках цилиндров, чтоб газ при сжатии мог выходить куда хочет, а то его давит сильно, он тоже имеет право – то степень сжатия упадет и автомобиль не поедет, а может мотор вообще работать не будет.

Табу – это ограничители энергии в двигателе человечества, которые в суммарном результате и общем историческом итоге направляют человеческую энергию в созидательное русло.

Сегодняшние снятия табу – отчасти причина, а отчасти следствие, а отчасти свидетельство, а отчасти аспект – взаимосвязь тут сложная, всякая бывает, одно с другим сопрягается и взаимопроникает, взаимообуславливает, – аспект упадка цивилизации.

Интеллигенция и ее уход

Эта частность вообще не заслуживала бы рассмотрения, но уж больно много вокруг интеллигенции сейчас разговоров – притом, что до сих пор никто не в силах оказался определить, что же это, собственно, такое. Сходятся лишь на том, что это явление свойственно именно и только России, и что в самом конце XX века оно, похоже, кончается.

Кого же мы имеем в виду под интеллигентом? Сейчас мы выделим все черты и отличия, а затем резюмируем результат.

1. Это человек со сравнительно высшим образованием. Образованный человек.
2. Это человек более или менее интеллектуального труда.

Но этого мало. Интеллектуалы были всегда во всех странах.

Русский же интеллигент отчаянно пищит о своей исключительности в мировой практике, да и интеллектуалы других стран это подтверждают. И само понятие «интеллигент» есть только в русском языке.

Чем же просто интеллектуал отличается от пана интеллигента? И вообще когда и как это понятие возникло?

Иногда первым интеллигентом называют Радищева, который был в жизни неплохо устроен в конце XVIII века при Екатерине, и пострадал за свое антиправительственное сочинение «Путешествие из Петербурга в Москву», где возопил о страданиях крестьянства, т. е. «простого народа», при законах проклятого царизма. Сам он, значит, «простым народом» не был. Он имел средства и не бедствовал. Но он имел совесть и сострадал.

Черт возьми, почему Гай и Тиберий Гракхи, которые сострадали бедному люду и жизнь отдали за улучшение его положения, не были никогда названы интеллигентами? Разберемся и в этом.

В XIX веке, когда оформилось понятие «интеллигенции», общество было устроено так: был царь, дворянство, духовенство, чиновничество, армия, промышленники, купцы, торговцы, ремесленники, увеличивающийся пролетариат, свободные крестьяне, крепостные крестьяне (до 1861 г.). Так. Еще кто?

А еще были работники интеллектуального труда, количество которых стремительно росло, и значение их труда тоже росло. Это учителя, врачи, адвокаты, университетская профессура, а также растущее количество инженеров и вообще «синих воротничков», образованных служивых технарей. Плюс бухгалтеры, счетоводы, землемеры.

Кто же в эти профессии шел? Обедневшее и деклассированное дворянство. Дети мелкого торгово-промышленного люда (дети богатых семей шли в более крупную, значительную и денежную карьеру – золотом ворочать, дома строить и т. п.). Ну, и дети представителей тех же профессий – по стопам отцов, так сказать.

Теперь соотнесем с табелью о рангах. А она примерно названа полустраницей выше. Куда шел человек, распираемый энергией и честолюбием? Шел он во врачи или учителя? Э, нет. Он мог сделать карьеру в армии, поступив в юнкерское училище или записавшись юнкером прямо в полк, прогибаться перед начальством и рваться к подвигам, первый офицерский чин давал ему личное дворянство, чин майора уже позволял передавать дворянство детям. Суворов, Аракчеев, Нахимов, Ушаков, – эти громкие и славные в русской военной истории фамилии принадлежат выходцам из разночинцев, в общем, т. е. бедных людей, имевших минимальные средства и возможности, чтоб сунуться наверх с нулевого уровня.

Он мог начать с лакея или швейцара – и стать купцом, ресторатором, миллионером. Миллионер булочник Филиппов был пекарем, миллионер кондитер Ландрин был уличным лоточником.

Он мог сколотить состояние торговлей, а потом, используя свои деньги, пойти по служивой лестнице, в политику, – так всегда делалось в разных странах.

Итого: в эти интеллектуальные профессии, в «средний класс» (!), шли не самые жизнелюбивые и честолюбивые люди. Потому что по-настоящему энергичный человек в XIX веке (да и всегда почти) мог выскочить наверх, быть личностью крупной и делами ворочать крупными, мог реализовать свои силы в делах больших.

Что мы имеем? Мы имеем «среднюю» энергетику среднего класса. Престиж класса средний, значение его среднее. В работяги-простолюдины для него идти мелко, скучно, малозначительно. В губернаторы или миллионеры он идти не может или не хочет, по тем или иным причинам – это не его уровень.

А на дворе – век технического прогресса! Капитализм везде обороты набирает, образование и наука становятся производительной силой, значение интеллектуалов растет! А в России – царизм вместо демократии и вообще масса элементов феодального строя. Несоответствие!

Образованный же человек – он повякать любит. Он умный, он мыслит, книжки читает, и по разным вопросам имеет свое мнение. И в этих мнениях – обязательно сколько-то «перпендикулярных», нон-конформистских, самостоятельных, – он самоутверждается! А вякать не могли. Это в лондонском Гайд-парке свобода слова и газеты без цензуры, а в России цензура и дисциплина. Власть крепка и весьма всеобъемлюща. О!

И русский интеллигент автоматически становится в интеллектуально-духовную оппозицию власти. Источники его оппозиционности таковы:

- 1). Государственное ограничение свобод;
- 2). Вышесредний уровень интеллекта и образования;
- 3). Невозможность применить свои идеи и чаяния на практике, невозможность активно влиять на судьбы государства;
- 4). Сравнительно высокий материальный уровень, оставляющий время и силы для размышлений и разговоров, – потому что оплата была сравнительно приличная.

Пункт 3 тут главный. И невозможность (вернее, конечно, очень большая трудность, уж кто крайне хотел – умел найти возможность) – невозможность эта была характера как объективного, устройство государства такое, так и субъективного, энергии взлома мало у него было, у интеллигента.

Что мы имеем? Мы имеем невостребованность его возможностей. Наверх ему особо не дернуться, вниз тоже особо не опуститься, не так трудно на своем среднем уровне по инерции грести тихонько. А время, а силы, а мысли есть.

А как самореализовываться? Как самоутверждаться? Как быть значительным в глазах собственных и окружающих? Что делать человеку в, условно говоря, клетке? Если через власть, деньги и крупные действия он по разным причинам не может? В каком аспекте, в какой плоскости он утверждаться может?

В интеллектуальной, в моральной, в духовной.

А). Я понимаю все лучше вас, я знаю больше вас.

Б). Я по-человечески значительнее и лучше вас, гуманнее, духовнее, я живу по морали.

Вспомним: христианство возникло как религия рабов. Ты можешь меня избить, продать, лишить всех благ – но мое достоинство я нахожу в другом, мне ведома высшая истина, и сгинешь ты в грехах своих, а я возвышен Господом через свою истинную веру.

Вот так русская интеллигенция объявила себя солью земли. Интеллект и образование здесь не главные, не отличительные черты, – они лишь база для духовности, для социального положения интеллигента, для скромного достойного достатка, они позволяют читать книги, грамотно выражать свои мысли, анализировать все происходящее.

Посади умника в клетку и заверь, что его советы на фиг никому не нужны – кем он будет? Критиком он будет. Он будет язвительно говорить тебе: вот я в клетке, а ведь ты все делаешь не так, надо иначе, я лучше знаю, и вообще ты дерьмо, ты наживаешь деньги на людских страданиях, заставляешь их работать сверх сил, гонишь на войну, и воюешь-то бездарно, ты же тупой жлоб, а мой друг Вася из соседней клетки – приличный и мыслящий человек.

Онегин – вот первый русский интеллигент!!! Лишний он, что делать не знает! Он пока еще байбак, плэйбой, и деньги из имения есть, – а вот разорится, сносится, постареет – и, если не сопьется, книжки начнет читать, и дети его, критики наслушавшись, в разночинцы пойдут. Это, конечно, шутка, однако не совсем.

Невостребуемая энергия интеллигента идет в критиканство, а вернее – в законное человеческое несогласие с имеющимся положением. Это несогласие имеет два аспекта – интеллектуальный и моральный. Он *хочет* быть интеллектуальным, и он *хочет* быть моральным. И в своих мыслях и чувствах он всемогущ!

Как дивно заметил Мелихан, «человек может все, пока он ничего не делает». Как не менее дивно заметил Достоевский, «истинно умный человек вообще ничего не способен делать, ибо всегда предвидит скверную, нежелательную сторону любого своего действия, а без такой стороны никакое действие вовсе невозможно». Как заметил журнал «Крокодил», «стоит посадить обезьяну в клетку, как она воображает себя птицей».

Чем больше человека распирает энергия – тем активнее он действует. Чем активнее он действует – тем больше он не в ладах с моралью, ибо мораль – идеал поведения, а идеалы в жизни всегда видоизменяются при реализации, пачкаются, опускаются и т. д.

Итак, интеллигент – это мыслящий носитель моральных ценностей, утверждающий в теории и на практике примат морали во всех поступках. Дикси. Это – определение. И пусть кто может попробует сформулировать лучше.

Именно здесь зарыта собака, свинья, и куча прочих домашних животных.

Интеллигент отличается от интеллектуала следующим:

1. Он не просто физик-теоретик или инженер. Он – *мыслящий* по жизни, как сейчас выражаются. Он всегда немножко философ, пусть доморощенный. И не абстрактный философ, он может в философии как таковой ничего вообще не понимать. Он стихийный философ-прикладник, он вечно соображает насчет устройства жизни, сложности и противоречивости человеческих отношений и т. д.

2. Он всегда оппозиционер, критик, более или менее. Ибо *мыслящий* всегда означает *инакомыслящий*, ему потребно иметь собственные взгляды, собственную точку зрения на все. Он участвует в переделке мира, в вечном процессе энергопреобразования – своим извечным человеческим несогласием принимать все в мире так, как оно уже устроено. Но участвует в этом не делом, к делу его не подпускают настолько, насколько силы его требуют, а словом, – это тоже аспект необходимый, важный, стадия понимания, стадия переделки мира на уровне высказанного взгляда, мысли, плана, пусть безумного, но все равно – мир должен быть не таким, как есть сейчас, как требует человеческая сущность!

3. Он моралист, и он идеалист. Мораль его гуманна, и идеал гуманен. Он не станет строить счастливое общество, в основании которого лежит детская слезинка. Он никого не пошлет на костер – предпочтет взойти сам. Он предпочтет в идеале самоубийство любому убийству. Он первый пойдет на работу и последний – за стол, и возьмет себе меньший кусок, а больший отдаст другому.

И если мораль противоречит прагматике – он всегда предпочтет прагматике мораль. Он готов проиграть в жизни в плане любых материальных ценностей – сохраняя моральные, и поэтому обычно и проигрывает прагматикам.

И все, что противоречит морали, ему не нравится.

И вот тут таится страшная вещь. Вот тут его ахиллесова пята, слабое место, глиняная нога колосса.

Потому что интеллигент утверждает примат морали над истиной.

Ему не нравится, что солдат должен быть в бою цепным волкодавом, что человечество когда-нибудь погибнет, что часто жестокость может быть побеждена еще большей жестокостью, что с сажей играть – руки замарать, и что чем больше ты хочешь в жизни совершить – тем большее зло явится оборотной стороной каждого совершенного тобой добра. Ему не нравится, что выигрывая в силе – неизбежно проигрываешь в расстоянии, фигурально выражаясь. Ему не нравится диалектика. Ему не нравится все, что не по морали, и он старается отрицать все, что не по морали, насколько он может это отрицать.

В идеале он стремится быть монахом, по сути – лучше буддийским монахом. Надеюсь, это понятно, речь о векторе стремления.

Поэтому он не может быть военачальником, руководителем, политиком, строго говоря, если быть последовательным, он вообще ничем не может быть, если вы вспомните того же Достоевского двумя страницами ранее.

И вот этот примат морали над истиной я не приемлю.

Поэтому, очевидно, я не интеллигент.

Хотя в жизни, конечно, любой интеллигент идет на компромиссы, определяя для себя границы этих компромиссов – либо просто не задумываясь над ними.

...А теперь обратимся к советской интеллигенции. Уже тем, что она честно работала на это государство с его преступной политикой с преступной КПСС во главе, она соучаствовала в преступлении. Уже этим была безнравственна. Но всячески договаривалась со своим подсознанием и своей совестью: в милиции служить нехорошо, а в армии нормально. Писать доносы нехорошо, а в мерзкие лживые газеты – ну что ж, допустимо.

Конечно, были диссиденты.

Но уже тем, что они ели хлеб, выращенный рабским подневольным трудом государственных рабов, крепостных, колхозных крестьян, – они принимали «сучий кусок», как выражались воров в законе – кусок из рук преступной власти.

Увы, нет идеала на Земле. Повторим еще раз вслед за де Картом (которого русские корректоры упрямо желают писать по традиции «Декарт» в одно слово – наследие борьбы с мировыми эксплуататорскими классами) – давайте повторим: «Давайте же честно и добросовестно

мыслить – в этом и заключается высшая нравственность». Если уж вам так дорога нравственность.

Повторим: неостребованность интеллектуальных и моральных сил образованной части общества, неостребованность большей части его энергии – вот что было основой советской интеллигенции.

...И вот клетки открыты и сломаны: обезьяны направо, птицы налево. И обнаружилась естественная и кошмарная вещь – что птиц мало, а обезьян много. Да и то: рассуждать легче, чем делать. И добродетельным быть несложно, если порочность свою проявить все равно невозможно. По клеточкам сидели, братцы, вся жизнь разграфлена, как лист в тетрадке по арифметике.

Воля!!!

И всю свою энергию можно прикладывать куда угодно, и еще свободные места для ее приложения останутся, такое время – реформы, понимаешь.

И энергия, уходившая в морализаторство и анализ окружающего, у одних ринулась в полезное русло: политика! бизнес! управление! строительство! книгоиздание! путешествовать, богатеть, все переделать, познать, перечувствовать! Таких – меньшинство.

Большинство жестокой конкуренции нынешней эпохи не потянуло. Вписаться и приспособиться не смогло. Бедствует.

Но и не это главное. Запреты рухнули, вот в чем кошмар. Журналисты говорят абсолютно всё. Книги издаются абсолютно все. Говорить на кухнях стало не о чем...

И не с кем. Все делом заняты, деньги зарабатывают, свое дело делают, всю энергию прикладывают, устают.

И незачем. Ибо то, что было ясно только интеллигенции – теперь и так все из телека знают.

А то, чего не знают или не понимают журналисты, интеллигент сам тоже не понимает. Это он советских газет был умнее, что несложно было при потоке бредовой лжи. А нормального журналиста он отнюдь не умнее. Был бы умнее – сам бы стал телезвездой ток-шоу.

И церковь православная с христианской моралью прямо-таки на глазах пытается замещать Моральный Кодекс строителя коммунизма, от которого тошнило со всех стен.

Мы вынуждены констатировать, что для русской интеллигенции сегодня исчезла база.

Ум, образованность и мораль больше не являются особенностью, или принадлежностью, или прерогативой какой-то более или менее определенной или аморфной социальной прослойки.

Есть интеллектуалы и неинтеллектуалы.

Есть люди хорошие и честные, и есть плохие и нечестные.

Жестокий профессионализм современного общества разобрал агнцев и козлищ по породам и сортам: на шерсть, на мясо, на молоко, на племя.

Как невозможность дела была причиной задумываться, причиной трындежа, причиной внутреннего протеста – так возможность дела стала причиной любого действия либо бездействия с любыми оправданиями.

Склоним знамена. Или плюнем через плечо. Кому как больше нравится.

Глава III Отсюда и в вечность

Продолжительность жизни

Часто приходится слышать или читать: «Жизнь слишком коротка», «Человек создан так, чтобы жить сто двадцать лет», «В будущем человек будет жить дольше, свой настоящий век» и прочие благоглупости. Означают они только одно: человек обычно хочет жить и не хочет умирать.

Почему – «сто двадцать лет»? Почему не четыреста восемьдесят? Речь не о неких абстрактных цифрах. Речь о продлении конкретного срока. Если взять средние семьдесят лет или условно-предельные девяносто, то мечтают о прибавке семидесяти или тридцати процентов. Плюс сто процентов выглядят уже даже теоретическим пределом.

Если бы люди жили в норме двадцать или двести лет, процент желаемой прибавки был бы тот же. Просто исходят из имеющегося. Что есть – то и мало.

Вопрос о бессмертии рассматривать, разумеется, незачем – это из области метафор. Солнце не вечно, а человек вечен, как же.

В Библии сообщено, что первые люди жили по девятьсот лет – вот, мол. Если взять поправку на поколения трепетных переписчиков, и считать срок лунными месяцами вместо солнечных лет, как и делали в древности большинство народов, то у нас получится как раз семьдесят пять лет, что и выглядит вполне соответствующим действительности.

Тут еще стали пропагандировать идею, что человек умирает обычно не от старости вообще, а от конкретных болезней – кардио, онко и др. Искоренить болезни, научиться с ними бороться – и лет до девяноста пяти протянем все.

Предположим, что мы искореним всех вредных микробов и станем вести до крайности здоровый и рациональный образ жизни. А стрессы? – Никогда не волноваться и не перенапрягаться. Мирно, спокойно, умеренно и регулярно.

А страсти?! А всепоглощающие идеи?! А жажда свершений и приключений?! А врожденная потребность в сильных ощущениях, которые сокращают жизнь, ох сокращают!

Если бы человек как таковой мог поставить во главу угла продление своей жизни, а не максимальные ощущения и максимальные действия, мы имели бы другую историю, а правильнее сказать – никакой бы не имели. Инфаркт – расплата за свершения, хотя жрать, конечно, можно меньше.

Регенерация, обновление клеток – вот основной механизм продолжительности жизни. Количество обновлений, количество внутренней работы организма за всю жизнь, направленной на поддержание и продолжение деятельности – величина довольно постоянная, запрограммированная генетически.

Организм, подобно двигателю внутреннего сгорания, имеет свой ресурс. Вот он может совершить столько-то оборотов в таком режиме, столько-то в эдаком, это минимальные обороты, это максимальные, это – оптимальный режим. Если двигатель сделан хорошо и используется в оптимальном режиме, износ частей будет равномерный, и в конце концов они сносятся, затлепаются и перестанут работать – тихо и постепенно. Ремонтировать уже нечего, вези на свалку.

А горы? А грязь? А виражи? Идеальных дорог в жизни не бывает.

Что рекомендует наука? Фрукты-овощи-вода, легкий голод, легкое регулярное движение, ноу проблем и лучше без половых сношений.

Пищеварение изнашивает очистительные и выделительные системы, нервные напряжения изнашивают центральный координирующий аппарат, физические нагрузки изнашивают сердце и сосуды, секс изнашивает репродуктивную систему, нервы и сосуды. Все, что сверх минимума, необходимого для поддержки жизнедеятельности организма – укорачивает срок жизнедеятельности.

Что такое рак в пожилом возрасте? Организм выкидывал дефективные клетки вон, выкидывал, определял и выкидывал, а новые и нормальные делал, делал, – и утомился, устал. Много уже поработал в жизни, больше не может. Дефективные-то клетки, примитивные и жадные уродцы, растут быстрее и легче хороших, различать их и разрушать, выбрасывать, – дополнительный труд. А трудиться так, как раньше, сил больше у организма нет: ресурс его кончился, свою норму работы по этой части он уже выполнил.

Организм что соображает? Столько-то пищи он уже переварил, столько-то груза перетащил, столько-то сношений произвел, столько-то нервных клеток потратил. Закуривай, приехали.

Вот добротный йог, находящийся в состоянии, близком к анабиозу, и может жить черт-те сколько, чуть ли не веками. Он же не только не жрет и не трахается – он уже почти не дышит, все процессы в организме страшно замедлены.

Противоречие в следующем.

Организм за свою жизнь способен «перекачать», преобразовать определенное количество энергии – будь то в аспекте психическом, физическом, сексуальном или любом другом. Есть оптимальный режим для длительной работы – а есть предельные нагрузки, сокращающие срок.

Так вот потребность организма в ощущениях и действиях не совпадает с оптимальным режимом его эксплуатации. Человек создан не для того, чтобы предельно долго существовать как биологический индивидуум, а для того, чтобы следствие его существования в мире было как можно значительнее. Перерабатываемая им энергия идет на изменение мира.

И создан организм, для производства этих изменений, с запасом. Понять, сделать, организовать, продвинуть! Без резерва возможностей куда дернешься, как устоишь. Да у любого живого существа есть резерв, запас прочности; просто у человека он гораздо больше. Без резерва и невозможно. Чуть что – как устоишь.

Мы будем продолжать совершенствоваться в косметическом и капитальном ремонте организма. Но в общем срок человека на земле пребудет неизменным.

Конечно: антибиотики, прививки, вставные зубы и пересаженные сердца. – Подтягиваем к верхнему сроку, латаем прохудившиеся места. Но характер, суть, количество преобразуемой через человека энергии остаются те же.

Ведь все животные проживают срок, соизмеримый и весьма сходный с человеческим. Вот так устроена клетка, такова структура ее организации в организм, таков энергопотенциал биологического устройства.

Медленно тянется, но быстро проходит.

Объективно середина жизни – это лет тридцать пять. Но мы-то свою жизнь воспринимаем субъективно. Все главные события в жизни обычно происходят до тридцати. И воспринимаем, переживаем мы все в молодости сильнее, полнее, богаче. День юноши и день старца отнюдь не равновелики в восприятии, даже если были с объективной точки зрения равно насыщены событиями.

После тридцати годы летят, и чем дальше – тем быстрее и незаметнее. В двадцать лет – год огромен, в шестьдесят – вроде как всего несколько месяцев двадцатилетнего.

Год двадцатилетнего – одна двадцатая жизни. Год семидесятилетнего – одна семидесятая.

И середина жизни по своему «внутреннему самоизмерению» приходится лет так на двадцать пять. Невредно понимать и помнить, что в двадцать пять – полжизни прожито.

Понятно, что смена образа жизни, смена стереотипа, обстановки, занятия, места, окружения – делают жизнь больше, субъективно длиннее.

Избранники богов умирают рано. Мало кто из великих, даже не нарвавшись на нож или пулю, не глуша себя стимуляторами, дотянул до шестидесяти. Слишком большие напряжения. В интенсивности выработали себя.

Но и сама смена стереотипа изнашивает организм и сокращает срок жизни. Любые изменения внутренних режимов организма – это переналадка за счет невозобновимого ресурса. Освежение остроты ощущений – перерасход нервной энергии.

Богатая жизнь и длинная жизнь – вещи разные, и по самой природе своей человек выбирает первое.

Детство

Человек обычно помнит себя более или менее связно лет с пяти. А вообще он помнит себя паршиво: меняясь со временем, погружен в настоящее.

Даже талантливые педагоги, декларируя, что дети – такие же люди, как взрослые, и строя отношения на принципах равенства и уважения, все же относятся к этим истинам умозрительно. Влезть в шкуру другого, ощутить мир его глазами – вообще трудно.

А ребенок имеет весь комплекс мироотношения такой же, как взрослый. И ценности у него те же. Просто вывески на них другие.

В первые же годы сознательной жизни (четыре-восемь лет) ребенок переживает весь круг человеческих проблем.

Познавая мир в вопросах «как?» и «почему?», он задумывается над устройством мироздания и ежится от крошечности своего места и роли в нем. И начинает, «играя», обсуждать с другом-сверстником проблему типа: «А может, все мы просто живем у великана в банке».

Он холодеет в ужасе от непостижимой пустоты неизбежной смерти.

Этого взрослые, как правило, не знают (не помнят).

Он сексуально тяготеет к противоположному полу. Взрослые это обычно глупо и лицемерно называют «испорченностью» и «нездоровым любопытством». Во-первых, любопытство не бывает нездоровым, это тяга к познанию, знать – в природе человека. Во-вторых, что естественно, то не испорчено, а познание естественно и в мотивации не нуждается – оно есть аспект инстинкта жизни человека как такового. В-третьих, объективно существует детская эрекция и детский онанизм: влечение приходит раньше половой зрелости (чувство, преобладание чувства заложено в человеке! размножаемся мы ведь не из чувства долга или во исполнение разумного плана, а повинувшись ощущениям!).

Ребенок самоутверждается среди сверстников как личными качествами (сильный, храбрый), так и социальным статусом (интересные игрушки, хорошо – в соответствии с представлениями окружения – одет, привозят на дорогой машине), и принадлежностью к клану (семье) – (мы богаче, мой папа самый сильный, мой старший друг избьет всю твою компанию).

Когда ребенок скандалит и капризничает в семье – он тоже самоутверждается. Он зависим от старших во всем – но не может же он никак не заявлять значимости своего я! с ним тоже должны считаться!

Можно, конечно, придавить, – и вырастет с поломанным характером и безынициативный. Можно, в соответствии с нынешним американизмом, дать независимость по Споку, одновременно оградив от него собственную независимость, и вырастет внутренне одинокий человек, а по душам он станет потом разговаривать за деньги с психоаналитиком.

Главное что. «Капризы» ребенка – это обычно сильные, страстные желания взрослого человека, просто направлены они на вещи, которые взрослому (в силу ограниченности или эгоизма взрослого) представляются незначительными. Но других-то вещей у ребенка нет! А все чувства и потребности внутренние есть! Так какая разница, в чем причина горя – суп жидок или жемчуг мелок.

Заставить рыдающую девочку одеться на день рождения к подруге не так, как она хочет, а так, как считает лучше мать (часто из самолюбия перед знакомыми) – все равно что эту мать отправить на пляж в вечернем платье или в театр в рабочем комбинезоне, короче, насильно одеть так, что ей будет казаться, что она выглядит нелепо, в нелюбимые и не идущие ей вещи, и все смотрят на нее как на идиотку.

Существует блюдо, от которого вас тошнит? Ешьте до конца, улыбайтесь и благодарите. Причем не в гостях, а в собственном доме. А сблюете – накажут. Вот таково приходится ребенку, которому дают то, чего он не любит.

И травма от этих детских горестей, этой безысходной несправедливости, остается на всю жизнь! И в подсознании оседает, и вам еще так или иначе аукнется, будьте спокойны.

Прежде чем в конфликте настаивать на своем – взвесьте, одинаковое ли значение это имеет для вас и для ребенка. Для него не пойти к друзьям – все равно что всем коллегам дадут медали и пригласят на банкет, а вас обойдут. Недельная депрессия и вечная обида.

При этом – при этом вот такая вещь... Как и взрослые, дети больше любят тех, кто – по справедливости – наказывает. Не спокойно и взвешенно, а в сердцах, пусть сгоряча, но из глубокого, несдержимого равнодушия к ним, к их поступкам. Нельзя вовсе без скандалов, обид, слез и примирений – главное чтоб конец был хороший и справедливый. Любви без эмоций не бывает. Сплошное балование и благодушие всегда воспринимается как некоторый оттенок слабости и равнодушия, а от родителей ожидается совсем не это.

Потребность в лидере, в надежности, защищенности и обязательно силе, даже если порой эта сила направлена на тебя – есть неотъемлемая часть любви к родителям.

Потребность в наказаниях и ограничениях тоже существует – это исконная человеческая потребность в отрицательных эмоциях. Если дети никогда не плачут – это не есть показатель правильных отношений. Есть потребность плакать! – и должен быть найден повод к ней! Так пусть это будет правильный, благой повод.

Молодость

Молодость – это много чувств и мало опыта; из чего все и следует.

С полным созреванием организма жизненная энергия достигает максимума. К 20 годам жажда переживаний и действий разрывает человека.

Я лично в 20 лет мечтал завербоваться в Иностраннный легион и отправиться воевать куда угодно за что угодно. Но такой возможности в СССР не было, поэтому я шлялся по полудиким окраинам империи, хватаясь за экзотические и трудные, порой опасные, занятия вроде профессиональной охоты в Арктике или ковбойства в алтайских горах.

Тезис о счастливости молодости выдвинут людьми пожилыми, и не от большого ума (но это уже будет к разговору о старости). В молодости больше и счастья, и горя.

Известно и понятно, что:

озорство, хулиганство, задиристость, драчливость молодости – проистекают из необходимости приложить куда-то кипящую энергию. Это нормально. Друзья романтического Ромео вспоминают, как задели, вызвали на дуэль и прикололи прохожего просто от нечего делать, для развлечения. Шалопай – это молодой человек, и ему многое простительно. Сорокалетний шалопай – это идиот и мелкий хулиган, он несимпатичен, его поведение неуместно;

юноша ищет свою судьбу, свое место в мире, хочет путешествовать и познать все. Младший сын садится на коня и ищет долю в дали, сражается с тиранами и драконами, женится на принцессе и занимает вакантный трон. Совершает максимум того, на что способен;

надо вовремя перебеситься. Немецкий студент гордился шрамами от дуэлей, нажирался водкой и пивом, дрался со стражниками и соблазнял девиц. В тридцать лет ему полагалось жениться, найти себе достойное занятие и остепениться в качестве полезного и уважаемого члена общества. Энергия сброшена, удовольствия получены, опыт приобретен, пора работать, теперь наступит черед твоих детей.

«Надо повеселиться в молодости, как черт, чтобы в старости работать, как дьявол», – сообщил Вольтер (разница между чертом и дьяволом в этой формуле мне всегда была не совсем ясна). Седой и великий Чарльз Дарвин отвечал журналисту: «В студенческие годы в Кембридже я входил в компанию молодых людей, с которыми мы проводили время в пирушках, карточных играх и развлечениях. Казалось бы, сейчас, на склоне дней, я должен сокрушаться об этом столь драгоценном, совершенно бесполезно потраченном, утерянном для работы, для науки, времени. Но друзья мои были такие милые юноши, нам было так весело вместе, что и поныне я вспоминаю это время с наибольшим удовольствием».

В молодости чувства острее, вот и счастье с горем, – понятно. В молодости делаются главные дела – создание семьи, завоевание своего места для начала пути, – понятно.

Но почему молодость великодушнее, благороднее, щедрее старости? Почему более склонна к идеалам? Почему чаще совершает самоубийство?

«Глупость молодости» придумана глупой старостью. Все великие открытия в теоретических науках делались молодыми людьми; спросите у физиков, они вам расскажут, все гениальные идеи приходят в голову до тридцати, а после – инерция. Старые шахматисты не тянут против молодых. Память лучше, соображение быстрее и богаче, и тесты это отлично иллюстрируют.

///зрелость – это замена идеальных величин реальными///

Потому что молодость в основном, не набравшись опыта, имеет дело не с реальными величинами, а с идеальными.

«Ничто в жизни не бывает ни так хорошо, ни так плохо, как люди обычно себе воображают», – писал Флобер молодому Мопассану.

Рисуя в вождеющем воображении любовь, карьеру, дальнюю страну – и впервые познав это реально, молодость обычно, кроме прочих чувств, испытывает некоторое разочарование: «Как, и это все?..»

Как только идея обретает реальность, она неизбежно несколько «портится» – в чем-то недотягивает, в чем-то изменяется, в чем-то приобретает неожиданные черты или детали. Или кожа недостаточно гладкая, или аудитория недостаточно просторная и сияющая, или слава оказывается обыденной суетой, трудом и грызней.

///перебеситься – значит избавиться от соблазнов, последовав им///

(человеку свойственно стремиться самому познать, каково то или это. Умозрительная информация, полученная через кого-то, здесь мало что дает. Познать надо ощущения, т. е. пережить самому.)

Все это потому, что у молодости есть больше нервных клеток, и работают они мощнее. Сильнее инстинкт жизни – сильнее стремление к самоутверждению! Благородство, щедрость, великодушные – расписка в своем внутреннем превосходстве.

Самой дорогой монетой – отказом от внешних благ ради внутреннего ощущения своей значимости – платит молодость за осознание своего превосходства в какой-то ситуации.

Как справедливо заметил умный Бальзак: «До 30 лет некоторым людям еще можно верить; но после 30 верить нельзя уже никому».

(Крушение старости – это частность. Ничего принципиально нового. Так создан мир. Да многое уже и прожито. Да не так уж все и было идеально.

Крушение молодости – это крушение мира. Крушение Вселенной. Мало того, что рушится вся жизнь – много-много счастливых лет впереди, наполненных познанием, ощущением, всеми теми деталями, которые и есть жизнь; это подобно «принципу домино», рушится не одна костяшка, а весь длинный ряд их – поездки, новые квартиры, покупка вещей и мебели, премии, праздники, рождение и выращивание детей и внуков, походы в театры и кино, – рушится вся длинная линия судьбы. И все это было идеально хорошо. И все это было еще не познано, не прожито, не совершено!!! Вот что такое облом молодости. А вы говорите – счастливый возраст...)

Ощущение и сознание своих сил, возможностей, времени впереди позволяют молодости быть благородной и великодушной – «я еще все успею сделать себе, наверстать, иметь».

И кроме того, молодость более самодостаточна, чем старость. Веселье, беспечность, привлекательность, общительность делают нужными для нее меньше вещей, чем нужно старости. Друзья уважают, девушки любят, о здоровье и не думаешь, сам себе нравишься, возможности впереди и выпить можно – чего еще. От богатства бытия своего молодость щедра.

Кроме того. Человек редко доволен своим положением. И редко полностью доволен собой. Но старец себя уже знает и с собой свыкся, примирился. А юноша нет.

А в воспитании всегда присутствует какой-то идеал. И юноша куда более стремится к этому идеалу, чем старец. Он более *переделыватель* мира, чем старец. И внутренне он самоутверждается через приближение себя к идеалу, он являет сам себе, что он значителен.

Он обычно ведь думает о людях лучше, чем они на самом деле. И даже не потому, что сам очень хорош. Он часто полагает других лучше себя! Они ведь в его глазах ничем не проявили себя с плохой, недостойной стороны (конкретные люди, пока), (пусть даже просто случая не было – в том и особенность молодости, что мало еще было случаев увидеть людей в разных ситуациях – еще не съеден с другом пуд соли).

Он более соотносится с идеалом поведения – потому что избыток энергии определяет для него большую значимость идеала, чем для человека вялого: он более в состоянии стремиться к чему-то, а идеал – как раз ориентир стремления.

Он более самолюбив, для него больше значит публичное поражение, публичное свидетельство его несостоятельности: самоутверждение!

Почему так силен и всеобщей пресловутый подростково-юношеский **конформизм** – одеваться как все, разговаривать, вести себя, проявлять и культивировать те качества, которые ценятся в его среде, группе, команде? Взрослые кривятся: вы инкубаторские, никакой индивидуальности, и т. п. Глупости!

Во-первых, относительно сверстников оценивает свою значимость молодой – а ценности и условные критерии задает не он.

Во-вторых, самый сильный или богатый и так утверждён. А слабый, некрасивый, бедный? Он утверждается через свою принадлежность к стае, утверждается в силе через то, что лишь часть ее большой силы – и старательнее других блюдет ее законы: моду, словечки, обычай; он рьян и ревностен в этом. «Шестерка», шелупонь, но по всем приметам – такой же крутой, как вожак, имеет право на защиту своих, на страх врагов.

В-третьих, идеалы общества вообще – размыты и весьма абстрактны, да и видишь постоянно, как сами взрослые носители и насаждатели этих идеалов их не соблюдают. А идеалы своей стаи – просты и конкретны! А без идеалов – никак: идеал – это то, что нужно внутренней энергии, чтоб переделывать, это свидетельство того, что нет равновесия, нет неживого покоя между тем, что есть – и тем что должно быть.

В-четвертых, молодежная мода противопоставляет себя взрослой: мы – есть! другие, значительные, заметные, и делаем не то, что уже сделали вы.

У молодости есть еще одна характернейшая особенность. Многое, что она видела, испытала, знает, она не понимает. Картины конкретной несправедливости, скажем, не складываются в картину общей несправедливости страны или системы: молодость обычно полагает, что в целом все неплохо, если ее так учили. Молодость может совершить жестокий и несправедливый поступок, не отдавая себе отчета в сути своих действий: высмеять кого-то, сурово решить чью-то судьбу, и вообще рубить сплеча.

Если эгоизм зрелости сознателен, зрелость обычно отдает себе отчет в своих поступках, то эгоизм молодости часто бессознателен: она уверена в своей правоте просто потому, что ей некогда задумываться. Потребно скорей лететь дальше и познавать все.

Жадная до прямых ощущений молодость из нескольких решений обычно принимает то, которое позволяет ей более самоутвердиться непосредственно здесь и сейчас, через само принятие вот такого именно решения. (Отсюда благородство, болезненное самолюбие, обостренная соревновательность.) Не потому, что хочет сделать себе лучше, а кому-то хуже – а потому, что именно вот такое решение позволяет ей сейчас чувствовать себя человеком, значительной по сравнению с другими личностью.

Не-ет, молодость не бездумна, она постоянно занята самоанализом – и ее ощущения настолько сильны и многочисленны, что чуть не полностью занимают ее сознание, и другие люди ей уже менее интересны, и потому менее понятны. И то сказать – созревающий или только что созревший человек познает себя, разбирается в себе, своих реакциях, своих чувствах и сознании, – и только потом все больше начинает разбираться в окружающем мире, в других людях.

Молодость неизбежно субъективнее зрелости или старости. Именно поэтому со своим мощным и свежим интеллектом, созревшим полностью к шестнадцати годам, она может совершать гениальные вещи в точных науках или искусстве в двадцать с небольшим лет, как только наберется какая-то необходимая информация и станет возможной постановка задачи, – но быть девственно глупой в понимании важнейших жизненных проблем. Это называется: «Жизни ты еще не знаешь...»

Споря с тем порядком вещей, который навязан ей старшим поколением, она спорит по частностям, – но в целом картина мира, вложенная в нее при воспитании и образовании в детстве и ранней юности, остается прежней: для самостоятельного пересмотра не было еще времени, нет знаний, а главное – нет еще возможности к анализу окружающей жизни: она занята анализом своего сугубо внутреннего «я», а надо еще скорее выпить, покурлесить, купить модную тряпку и потанцевать.

Если молодость даже бунтует «против всего», бунт ее все равно базируется на вложенных с детства вещах: счастье, справедливость, удалство – т. е. ей может категорически не нравиться этот мир, но она придерживается одной из трафаретных, заемных, готовых схем его устройства.

Озорство и безоглядность молодости – это примат ощущения над анализом.

Романтика

Романтика – это вариант желания жить не так, как ты живешь. По сути – это аспект сенсорного голода, потребность в новых и более сильных ощущениях, которые всегда сильнее в молодости. Что безусловно полагается достижимым через внешние впечатления и собственные поступки.

Романтика – это не здесь и не так. Обычно это – далеко, непривычно, ново, очень часто – трудно и рискованно, опасно. Это преодоление трудностей и испытание себя в них.

Романтика – это стремление к свободе, осуществление свободного выбора.

Романтика – до крайности показательный случай того, что все дело не в вещах, а в нашем отношении к ним. Для благополучного горожанина в столице жизнь лесоруба в далекой тайге весьма романтична. Да еще если палатка, костер и так далее. Для профессионального лесоруба же, который вынужденно довольствуется палаткой вместо дома и костром вместо газовой плиты, ничего романтического в этом нет, есть только привычные и обыденные неудобства. Работа трудная, комары жрут, развлечений никаких, стирка и готовка – трудоемки. Постоянный груз житейских проблем. А главное – все кругом всю жизнь так живут, нормальной жизнью, и другой не знают. И сказочной романтикой ему представляется жизнь в большом далеком городе, где он никогда не был: огни, бары, метро, чистота и люди со всего мира.

А пальмы, а берег южного океана?.. о!.. Влажная духота, царапины гниют, москиты как шилами тычут. И та же жизнь, как везде, те же проблемы, грязь, труд, деньги, болезни, склоки.

Романтика папуасов и эскимосов – жизнь друг друга.

Там хорошо, где нас нет. А если где есть, то это ненадолго: попервоначалу, пока не обвыклись, пока экзотика в новинку и в охотку, свежие впечатления захватывают и достижение мечты сердце греет.

Уж верх романтики – белый парусный корабль в синей дали. Ну, влазь на борт, ступай в кубрик. Черт... Паруса вообще-то не совсем белые, они серовато-желтоватые, грубая вылинявшая холстина. Смолой и дегтем пахнет. В кубрике темновато и тесно, пахнет несвежим бельем и потным телом. Все отсырело, преет, просушки требует. Краска облуплена, под ватерлинией осклизлые водоросли выросли, тянутся. Теснота, жратва однообразная, народ хамоват, офицеры звери, отношения напряженные, несправедливые, устают все сильно. Тяжелая жизнь, и все как везде.

Романтика – жажда иной, лучшей доли. Там – это как бы антиздесь: все, что здесь не устраивает, там воображается не таким.

Но понимание этого ничего не меняет. Все равно хочется.

Почему?

Романтика – это идеал существования: борьба, свершения, открытия, приключения. А наличие идеала означает, что человек не удовлетворен нынешним существованием, что есть разрыв между тем, что он есть и имеет – и тем, что он хотел бы мочь. Это следствие и свидетельство избытка сил и возможностей. Это энергетический потенциал человека.

Маяк возникает только там, где есть импульс к движению.

Отсутствие романтики в молодости говорит только о незначительности личности. Вялости, неэнергичности, лени, низкой потенции. О малой жажде жизни, о *неинтересности*. Здравое благоразумие молодости – это природное убожество.

Если умелый, сильный, предприимчивый человек в юности мечтает только о личном благополучии, делает деньги, покупает машину, строит дом и основывает банк, а мечтатель-романтик остается в результате у разбитого корыта – это не означает преимущества первого. Кто-то первым кидает мысль, намечает направление, глупо прет в неведомую даль, надеется сначала и плачет потом – и мостит собою дорогу к тому, чего раньше не было. Он наивен и нерасчетлив, но ловит несравненный кайф, ставя на карту свою жизнь в вере на огромный выигрыш! Вот с романтиков и авантюристов любое движение и начинается. Это аристократы духа.

Но чаще отчаянные романтики в свой срок становятся отчаянными прагматиками и, направляя энергию в деловое русло, оставляют позади тех, кто раньше начал.

Зрелость

Возраст с 30 до 45 лет. Уже все знаешь, еще все можешь и всего хочешь.

Если в наше время низкой рождаемости и высокой продолжительности жизни пятидесятилетнего человека могут назвать «находящимся в расцвете сил» – это смесь комплимента, утешения, лицемерия и глупости.

Врачи и спортсмены знают, что после 30 замедляется нервная реакция, уменьшается скорость сокращения и выносливость мышц, понижаются обменные процессы. Спортивные результаты и медицинские приборы – объективные показатели.

Конечно, Горди Хоу до 50 играл в хоккей, а Бобби Чарльтон – в футбол, и это по классу чемпионов, а Джо Фрэйзер в 37 отыграл титул чемпиона мира по боксу в тяжелом весе, но эти исключения – за счет профессионализма, опыта, техники, режима постоянной тренировки, которыми компенсировалось снижение силы и быстроты.

После 45 начинает уменьшаться рост за счет межпозвоночных хрящей, ослабевают зрение, набирает ход атрофия и перерождение тканей, ослабевают функции органов и т. д. Человеку кажется, что по части мыслить он еще ого-го, но озарений больше нет, и интеллектуальная выносливость уже не та. Шахматисты в этом возрасте знают, что после четырех часов игры пятый час партии в полную силу они уже не тянут, устали.

Вольтер, Гете, Раушенбах и в 80 думали и работали отлично. Но это люди исключительной интеллектуальной потенции, которые тянули за счет огромной пожизненной тренировки и меньшими, короткими дозами, а все вершины взяли до наступления старости.

Шекспир написал все лучшее с 31 до 37 лет – от «Ромео и Джульеты» до «Гамлета». Дюма написал «Трех мушкетеров» в 42. Толстой делал «Войну и мир» с 35 до 40. Шопенгауэр завершил «Мир как воля и представление» в 32. Ницше написал все до 45, Спиноза в 45 умер.

Французскую революцию делали 30–40-летние люди. Наполеон был владыкой Франции и Европы с 30 до 46.

Такие орлы-авантюристы, как Фрэнсис Дрейк или Генри Морган, вскоре после 50 умирали от пневмоний и лихорадок. Все главное было давно сделано. А сопротивляемость организма уменьшается...

Христу было недаром 33, а многим ушедшим гениям – 37. По вершинам...

Почему во многих странах высшие должности разрешено занимать только после 30 или даже 35 лет? А в древнем римском сенате возрастной ценз был определен выше 40? Ну, ясно: опыт, благоразумие, взвешенность.

Что означает: «молодость горяча и опрометчива»? Что до 30 чувственный, витальный элемент преобладает над сугубо рациональным, внешне прагматическим. А когда речь идет о судьбах страны, требуется максимум рассудка при минимуме эмоций – это гарантирует разумность и стабильность.

Состоявший из стариков совет старейшин Спарты обеспечивал неизменную незыблемость державы 700 без малого лет. Думать им было особенно нечего, страна была мала и проста: не поддаваться никаким эмоциям, ничего не менять, строго сохранять имеющееся, как завещал Ликург.

Когда от обычных винтовок перешли к полуавтоматическим и автоматам, понадобилось уменьшить мощность патрона, чтобы отдачей-перезарядкой не разбивало скользящий затвор, а уменьшенной мощности порохового заряда и так хватало для прицельной дальности и убойной силы, это уменьшение с лихвой перекрывалось скорострельностью, если брать эффективность оружия. Хотя результаты одиночной стрельбы из обычной винтовки лучше. Так и возраст...

Соображает зрелость отнюдь не лучше молодости. Знает – больше. Испытала больше. А сила ощущений – меньше, энергетика – ниже. Это позволяет в большем объеме видеть и представлять задачу, предвидеть причины и следствия, и не дергаться по пустякам.

Молодость чаще предпочитает получать ощущения через удовольствия «напрямую» – секс, алкоголь, игры, развлечения, новые впечатления от путешествий. Зрелость, с понижением ощущений, понижением энергетика, как бы «сбрасывает излишек» и скорее предпочитает

тает внешние действия, будь то управление, политика, строительство, создание и обретение материальных благ и т. д. Те есть все большая часть ощущений приходит через рациональный аппарат. Радость и горе через сознание своих действий. Потому и полагалась всегда «порой созидания».

Условно говоря, «обструганная» энергия «направляется в полезное русло», и на таком, вполне высоком, уровне работает лет пятнадцать.

Отцы и дети

Не было в истории страны более процветающей, чем Америка в шестидесятых годах XX века. Изобилие: каждой семье дом, пара автомобилей, груды еды и склады одежды, высокие заработки и низкие цены, возможность так или иначе любому получить любое образование и заниматься любым делом, и так далее. Короче, вот он, наступил Золотой Век.

И молодежь, вступая в жизнь, имела перед собой неограниченные возможности.

И что же она – была счастлива и прочувственно благодарила старшее поколение за создание дивной базы для прекрасной жизни? Большая фига!

В шестьдесят восьмом году грянуло во всю силу движение хиппи. Грязные неряшливые юнцы обоих полов не желали учиться, не желали работать, потребляли наркоту, демонстративно совокуплялись на улицах и скверах и заявляли: «Мы в гробу видали ваше общество процветания, ваши лозунги порядочности и добросовестной работы, вашу благополучную семью и ваши вонючие деньги! Подите от нас прочь, мы вас презираем; мы не знаем, может быть, чего мы хотим, но мы не хотим жить так, как вы!» При этом исправно сосали деньги из государства и родителей.

Государство и родители несколько растерялись. «Какая же у вас все-таки позитивная, так сказать, программа?..» – виновато спрашивали они.

– Люди должны быть друг другу братьями, жить надо в любви, производить и потреблять излишние ценности ни к чему, гонка за должностями и престижем бессмысленна, вы делаете людей несчастными, а мы по взаимной склонности совокупаемся с кем хотим, потребляем марихуану и ЛСД для удовольствия, постигаем сущность мира через дзэн-буддизм, братски и бескорыстно помогаем таким же, как мы сами, никому не приносим вреда, никого ничему не заставляем, это и есть правильная и настоящая жизнь, – отвечали великовозрастные дети.

Они рожали коммунальных детей в грязных трущобах и хором их «воспитывали» по своему разумению. Они пытались коммунарами переселиться на сельское лоно и затевали дикие фермы, где могли засеять поле манной крупой, полагая, что из нее вырастет готовая манка на стеблях – такова была наивность.

Психоаналитики пытались найти корни их бунта в сексуальной подавленности в детстве, нормальные люди вздыхали: «И чего им не хватает», а самые простые ругались: «Зажрались! горя не мыкали, не знают, почему хлеб достается».

Американский культ успеха в зарабатывании денег сыграл с Америкой скверную шутку. Брызжащая энергией молодежь не смогла найти достойное, полное применение своим силам. Быть еще одним богачом, директором завода или сенатором, – мало чести и интереса для того, кого удовлетворили бы настоящие трудности, подвиги и открытия. Мир освоен и заселен, все налажено и окультурено, поставлено на поток и приспособлено к зарабатыванию денег: чего интересного-то? Скука и отвращение завладели поколением...

Им надо было что-то делать! Изменять, создавать, задвигать свое собственное! А делать было по большому счету и нечего.

А где ты ничего не можешь утверждать – ты должен отрицать. Где ты ничего не можешь создать – ты должен разрушить. Но ты должен явить себя, свое «я», свою волю и значимость. Вот ребята и выступили. По миру шлялись, кварталы и районы столичных городов

оккупировали, испражнялись на газоны и тротуары, затевали драки с полицией и закидывали бутылками с бензином полицейские фургоны и водометы.

Результат? Со временем часть стала обычными гражданами, часть вымерла от наркомании и вообще сгинула, а самая малая часть попыталась сохранить свой образ жизни в тихих уголках мира, живя за счет разнообразных подаяний и мелких приработков. Плодов это искаженное дерево не дало.

Это, пожалуй, самый мощный и массовый образец конфликта поколений в негативном аспекте: «Долой вашу жизнь, долой ваше все, мы будем иначе». Этому поколению перед лицом следующего нечего было в свою очередь отстаивать и передавать, созидательный момент практически отсутствовал.

Но тут, значит, общий уровень богатства общества позволял жить и выпендриваться сотням тысяч бездельников. А уровень образования и информатики позволял хоть как-то теоретически обосновывать свои действия.

А если общество глубоко патриархально и темп материального прогресса столь низок, что на протяжении жизни двух-пяти поколений вообще незаметен, как в Средние века, или у ведущих натуральное хозяйство горских народов? Если уклад неизменен и таковым представляется, дармоеды невозможны, мораль строга, закон прост и жесток?

Тогда протест, отрицание уже имеющегося, носит характер чисто психологический, семейный, родовой. Подросток мыслит свою будущую жизнь в уже имеющихся рамках: он создаст свою семью, будет воспитывать своих детей по обычаям, построит дом, будет пахать свой участок, – а куда денешься, иного ничего нет. Он спорит по мелочам, в которых может и не разбираться, он критически воспринимает старших, их поучения и привычки, он жаждет самостоятельности.

Что мы слышим во все века? Что молодежь хуже, чем раньше. Еще бы. Мы своим умом и трудом плюс наследие предков дошли до того-то и того-то, и по опыту знаем, что лучше и правильнее всего думать и поступать так-то и так-то, это же для нас просто очевидно, а они несогласны! А раз лучше-то по жизни выйти не может, то иначе – значит хуже.

В общем – старшие всегда являют сохраняющее, консервативное начало, а молодые – новаторское, отрицающее и развивающее. И корни этого – не в правильном или неправильном устройстве общества, семьи, государства, не в уме-глупости или добродетели-порочности родителей, а в том, что повышенная энергетика юности требует самореализации, самоутверждения. А во взглядах и действиях это проявляется: я что-то значу, от меня должно что-то зависеть, я что-то должен изменить, благодаря самому моему существованию что-то должно быть не так, как есть, как было бы без меня. Только и всего.

Дай им волю – они тебе наворотят, сто лет не расхлебаешь! Пока сами не убедятся, что все в общем было верно, и не начнут делать то же самое.

А не давай – и вырастет со всем согласный тюфяк, который на истины твои не замахнется, пороха не выдумает, и станет благонаравно таскать сучья в пещеру, где вы до сих пор живете всем племенем.

Но это – крайние, так сказать идеальные результаты «чистого опыта». В жизни это повсеместно принимает форму семейных драм разной степени накала и разного калибра летящих слез и искр. А когда непокорный сын, не уступив, грохает дверь и выскакивает в никуда, то остывший, успокоившийся и впавший в элегическую задумчивость об устройстве жизни отец с оттенком мазохистского удовлетворения и уважения произносит: «Характер!., весь в меня».

Иметь собственную точку зрения и настоять на ней – вот вся суть конфликта. А об чем спич – дело десятое. Не стрижено, а брито! и плевать, кого бреем.

«Конфликт отцов и детей» – обязателен и закономерен, как прорезывание зубов. Дети – продолжение родителей, и детское отрицание – продолжение и развитие родительского утвер-

ждения. А поскольку хозяева жизни, родители, в основном занимают позицию утверждения, то детям остается в основном позиция отрицания.

Молодой делает свой шаг вперед. Где перед – черт его знает. Но явно не здесь, не на этом же месте. Шагаем!

Еще одна вещь. Старшие не идеальны, и жизнь их не идеальна. Улучшить!! Молодые судят старших с позиций идеальных возможностей, всех сложностей и трудностей на своей шкуре они еще не познали: совершенно естественно, что со многим они не согласны и желают сделать иначе.

Своя мода, свой жаргон, свои манеры. И – ниспровержение авторитетов, все истины пробуются на зуб. С замечательно наглой уверенностью молодость замахивается на все.

Так движется история, так развивается человечество. И начинается с того, что ребенок не желает делать то, что ему говорят, упрямый спорщик.

Но это все больше об инициативе детей; так ведь и отцы хороши! Вот делает молодой что-то, что к старшим не относится, сам делает, для себя, по своему разумению. А вот тебе совет, а вот тебе указание. Какое вам дело, оставьте меня в покое! Увы – старшее поколение тоже самоутверждается, ему тоже до всего есть дело, оно тоже хочет, чтоб все делалось по его представлениям. И ломаются копыта дураков по поводу одежды или музыки.

В конкретных отношениях всегда ищется компромисс и взаимопонимание, лад в семье. Но в принципе это ничего не меняет: полное согласие принципиально недостижимо, каждый хлебнет из своей чаши радости и горя. Бывали века родительского диктата, когда супротив пикнуть не смей, ходи по струнке замуж за кого я укажу. В нынешней Америке – противоположность: «автономность» комнаты, максимум свободы, а в восемнадцать – вообще можешь сваливать и жить сам как хочешь. О результате «свободы» говорилось в начале главы, и масса родителей в 68 незабвенном году вздыхала о жестоком зажиме патриархата, видя буквально гибель повзрослевших детей...

Изменение характера с возрастом

Кто ж не знает, что характер с возрастом меняется. А прямее сказать – портится. А почему, собственно?..

По достижении некоего пика зрелости – лет 37–40 – в человеке вдруг начинают нарастать негативные эмоции. Все более он начинает переходить от оптимизма к пессимизму: не то чтобы менялось мировоззрение, но любое событие все больше является поводом для отрицательных эмоций, нежели положительных. То, что в молодости явилось бы поводом для радости и ничего больше – с возрастом может вызывать вздохи и печаль, под разными соусами: поздно произошло, мало платят, недостаточно уважают, и вообще включаются ассоциации на тему: жизнь горька и несправедлива и люди сволочи. Что немало отравляет жизнь себе и окружающим.

Окружающие говорят: да у тебя все хорошо, да ты и сам еще ничего, да чего ты кривишься – ведь произошло хорошее. Да, кисло отвечает убеждаемый, действительно хорошее... но немножко не так, и немножко не тогда, и вообще все это немножко не то. Жизнь может быть той же самой или даже идти на подъем – а вот отношение к жизни меняется, «идет на спад».

Молодости не нужны причины для радости – в том смысле, что радость – ее дежурное состояние, и поводов всегда будет полно. Выспавшийся человек открывает глаза с хорошим настроением. И даже если груз на душе лежит – он еще сначала должен вспомнить, проснувшись, про этот груз, а пока не вспомнит – настроение хорошее.

Старость спит плохо. Она ворочается в постели и припоминает былые несправедливости и обиды. Боже! – вдруг вылезает из памяти то, что казалось давно забытым. Вдруг бешеное раздражение вызывают сущие мелочи давно прошедших лет. А через неделю они сменяются другими древними мелочами. Таки у вас невроз?

Можно сказать про перспективу молодости и близость смерти в старости, силу молодости и слабость старости, про износ нервных клеток, которые не восстанавливаются, – это не ново, но ничего по сути не объясняет.

Правильнее говорить даже не о старости – под старостью обычно представляют седину, немощность, смирение, покой, воспоминания и какой-то уровень стабильности жизни: уже ничего нового не будет, можно на солнышке тихо радоваться бытию. Правильнее говорить о пути с вершины: жизнь вполне продолжается и внешне даже может идти на подъем по «закону эскалатора» в карьере, но силы и личные возможности идут на спад; а это процесс постоянный и непрерывный.

Молодость активна, и активно ее отношение к жизни. Ее желания могут реализовываться в большой мере. Ее жизнь в своей будущей покуда несовершенности и неопределенности огромна и прекрасна. Ее самоутверждение тяготеет к экстенсивности: совершать, изменять, реализовывать. Она рвется вперед и вверх, ища и торя пути, и любое событие склонна рассматривать с точки зрения победы – этапа на пути к главным победам. Поэтому она не мелочна, не злопамятна, не мстительна.

Каждое событие может иметь для нее положительный смысл – даже как приобретение отрицательного опыта, полезного на будущее. Цель высока и далека, жизнь впереди длинная, и смысл событию придает именно разворачивающаяся великость всей системы и структуры настоящих и будущих поступков. Любое событие работает на более общее пространство жизни и усилий.

Старость слабеет. Меньше сил, желаний, возможностей, меньше интереса к жизни. А жить надо! Хочется. Инстинкт, потребность. По-прежнему необходимо самореализовываться и самоутверждаться в максимально возможной степени.

А теперь припомним, что нормальное соотношение потерь наступающих и обороняющихся – три к одному. Обороняющемуся легче, он врывается в укрепленную заранее местность, и тем как бы равен по силе действия (противодействия) трем наступающим.

Отсюда консерватизм старости. Не могу уже открыть новое – но тебе, щенку-новооткрывателю, еще могу свернуть шею. Как бы по индивидуальной силе, по величине отдельно взятого поступка – я еще значительнее тебя. Нет, это, конечно, не рассудочное стремление – это инстинктивное, безусловное стремление индивида делать тот максимум, который он может. Ведь на весах – взять город и отстоять город есть равновеликий поступок с разными знаками.

А силенок-то где взять для действий? Где нервная энергия, где побудительный мотив, где ощущение, которое требует реализации в действии? А активное негативное отношение ко всему, чему можно противодействовать, сидя в своем окопе. Раздражение, неприятие, стремление к противодействию.

Дежурное отношение молодости: все не так, я это переделаю!

Дежурное отношение старости: все не так, но я не могу это переделать (опыт, забота о детях, малость сил, плетью обуха не перешибешь, мир все равно не переделаешь).

Вспомним, что страдание – это кнут к действию. Чем меньше энергии – тем больше сил надо мобилизовать индивиду для действия. Вот страдание – сильное отрицательное ощущение по какому-то поводу – и заводит старика: давление скачет, предынфарктное состояние, а он все кричит, слюной брызжет и добивается какой-то ерунды. Ибо он создан не для того, чтобы беречь здоровье и предельно продлить свое индивидуальное существование, а для того, чтобы ощущать и делать максимум возможного.

Страдание и переживание «ни с чего» вышибает резервы сил, которые могли бы пойти на мирное тихое существование. Но человек не создан для тихого существования, он, понимаешь, «мятежный, ищет бури»! А буря в первую очередь – это буря в душе, сильные ощущения.

Заметьте: любая весомая и реальная причина к страданию мигом вышибает у старости мелкие и надуманные поводы страдать. Смещение доминанты.

А поскольку кнут страдания всемогущ и куда сильнее пряника радости (которая в определенном смысле и есть избавление от страдания, как долдонил Шопенгауэр) – страдание есть способ старости ощущать и делать максимум. Я не могу улучшить твою жизнь – зато я могу ее попортить десятком слов.

Старость утверждается через отрицание – но уже не в силах толком реализовать его через действие: закон... мораль... сил нет. Очаг возбуждения отрицательных эмоций не снимается, мало снимается. А как его снять?..

Старость утверждается через критику. Вот ты что-то делаешь – а я уравниваюсь с тобой и даже встаю выше: тем, что я умнее тебя и сделал бы это лучше, просто возраст не позволяет, тут вины нет, а ты слабак. Твой реальный пик я измеряю по своему прошлому (воображаемому), и мой пик выше.

На спуске с вершины нарастает негативная реакция на раздражители. Что означает: нарастает недовольство существующим положением вещей. Что означает по сути: нарастает несогласие с этим миром. Чтоб было хорошо, надо чтоб было как-то иначе. Нарастает субъективная потребность в том, чтоб мир был не таким, каков есть.

Это подстегивает силы по мере их убывания, это должно побуждать все больше концентрировать силы на переделке мира: за счет, так сказать, мобилизации внутренних резервов. Все старику не так, все ему надо иначе, ну же надоел всем!..

Это можно считать компенсаторной реакцией центральной нервной системы на старение организма. Продолжай ощущать и действовать!

(Вообще мы имеем здесь, конечно, интересный комплекс причин:

– невроз цивилизованного человека. Многие проявления отрицательных эмоций вечно сдерживаются законом, моралью, инстинктом самосохранения, преобладающим желанием достичь своей цели. С возрастом подавленные желания все меньше и труднее компенсируются рассудком, волей и другими, отвлекающими желаниями и поступками, и масса подавленных в течение многих лет отрицательных эмоций начинает прорываться наверх в сознание – с интенсивностью, никак не соответствующей малости поводов. Недаром есть присказка у пацанов-хулиганов: «Пьяный мужик страшнее танка». В драке и на войне никакой пацан не звереет так, как поживший мужик: да мужик озверел от всей предшествовавшей жизни, вот он теперь зверство и выдает наружу. Раздражитель, нейтральный или даже положительный (!), все более воспринимается «подсознанием» как возможность прицепить к нему и выплеснуть наружу накопившиеся отрицательные эмоции. Ну, типа: треснул собаку, потому что вчера тебе нахамила продавщица.

– сравнение реального события (положительного) с тем, каким оно когда-то рисовалось в воображении. Поскольку мечта всегда превосходит действительность, сравнение не в нашу пользу. А ведь в оценке значимых для нас событий мы всегда исходим из сравнения того, что есть, с тем, что должно быть по нашему разумению. Мы часто и постоянно обманываемся в своих ожиданиях – ибо ожидаем черт-те чего, раздутого и раскрашенного рефракцией неопределенной перспективы мечты и воображения. Должное вечно превосходит сущее, идеал – реальность, и осадок разочарования печален, отрицателен.

– недовольство собой: убывают силы, красота, потенция, время жизни с возможностями и действиями. Человек никогда не может достичь всего, чего хочет, – а с возрастом все меньше иллюзий, что «когда-нибудь» он добьется всего, т. е. будет абсолютно счастлив через достижение внешних факторов: возникает комплекс хоть частичного, но «поражения в жизни». Увеличивается роль такой негативной формы самоутверждения, как зависть. И этот отрицательно-эмоциональный комплекс тоже проявляет себя при касании внешних раздражителей в сторону негативной реакции – строго говоря, не «на» раздражитель, а «в связи» с раздражителем.

– и это все входит в базовые потребности в ощущениях, самореализации, самоутверждении, суммируясь в итоге.)

Но действовать трудно и как бы не строго обязательно, а от ощущений никуда не денешься! Грузнеет человек, мышцы не те, эндокринная система не та, полежать чаще тянет. Уже не дашь врагу по морде – изувечит; надо другие способы изыскивать прижучить его, а для этого эмоция должна быть стойкой, сильной, а то плюнешь через полчаса – и будешь жить побежденным и униженным.

«Нет новостей – тоже хорошая новость», – только старость могла придумать подобную поговорку. Вы чувствуете? Отношение к нейтральному, возможному, неизвестному еще раздражителю заранее опасливое. Наполучал щелчков за жизнь, теперь лучше спокойно дома сидеть. Это тебе не молодость, жаждущая новостей и событий.

В потребности ощущений, безопасности и самореализации одновременно старик все более погружается в воспоминания и воображение, все более находит там точек к самоутверждению – и одновременно все более неожиданных гадостей и обид, а! Так это две стороны одной медали – положительные и отрицательные ощущения, под которые и для которых подводится конструкция памяти и воображения.

А в реальности – в общем получается так: уже нет сил переделывать мир – но все равно еще есть силы быть с ним несогласным. И невозможность переделать усугубляет это несогласие, оно нарастает, суммируется, портит жизнь, заставляет страдать – то есть заставляет по возможности хоть как-то стремиться к тому, чтоб было не так.

Рак

Страшное такое слово, приговор, неизлечимость, загадка, глубинная причина неизвестна, и так далее.

Дело же обстоит в принципе довольно просто – не всегда, но в большинстве случаев, поскольку под этим «общим» диагнозом в его расхоже-бытовой формулировке объединены весьма разнообразные формы новообразований.

За исключением случаев решительно непонятных, за исключением рака, развивающегося в молодом возрасте как после травм, так и без всякой видимой внешней причины, рак – это болезнь пожилого возраста.

Суть его в общем в том, что нормальные клетки заменяются клетками дефективными, примитивными, «агрессивными» и «жадными», которые не выполняют никакой функции в организме, активно размножаются, распространяясь из очага возникновения во все стороны, и довольно быстро лишают организм возможности нормально функционировать: внутренние органы, сосуды, нервные пути заменяются грубой «бессмысленной» тканью.

В чем дело?

Организм – штука настолько сложная, что, как на всякой фабрике, на каждом большом и разнообразном производстве, механизм производства новых клеток всегда дает некоторый допустимый процент брака. Организм зашлаковывается остаточными продуктами распада пищи, особенно от «тяжелого» питания типа свинины и животных жиров, – это кроме собственных дефективных клеток. И вот ОТК и служба контроля организма следит: где там «чужие» болтаются? где «вредные» и «бракованные»? Лимфатическая система бросается их уничтожать, печень их фильтрует через себя и перерабатывает, почки их фильтруют и выбрасывают вон, потовыделительная система выбрасывает. Короче, организм их убивает, частично по возможности хаает на пищу себе, в основном же выбрасывает вон. И все в порядке.

Но. Но. Фокус в том, что раковые клетки по сравнению с нормальными очень низко дифференцированы. То есть примитивны. Вот такие уроды, вроде как урод без мозга, пальцев и т. п. по сравнению с нормальным человеком.

Естественно, что построить такую дефективную клетку гораздо проще, чем нормальную, сложную и хитро функционирующую. Это как старику Хоттабычу проще создать телефон из куска цельного черного мрамора, чем настоящий телефон со всей электрической начинкой, катушками и проводами. Цельномраморный телефон красивее, прочнее, тяжелее, страшно примитивен по устройству – нет там устройства, – технологически прост и совершенно нефункционален.

Естественно, на создание раковой клетки требуется гораздо меньше энергии. Меньше труда затрачивается. Чего там особенно-то строить, в «телефоне без механизма».

На ее формирование тратится меньше питания. А питание разносится по организму довольно равномерно, в том смысле, что две соседние клетки – нормальная и примитивная – его получают поровну.

Отлично, говорит примитивная клетка и начинает расти быстрее нормальной, ей это проще – абы массу нарастить, устройство и функция ее не интересуют.

При этом она, сволочь, активно размножается – а что ей еще делать, своих размеров она уже достигла, а питание продолжает получать.

Здоровый организм, энергичный, с «запасом прочности», с хорошим иммунитетом эту дрянь выкидывает быстро, сразу. А усталому, ослабшему, старому, который уже много раз такие клетки выкидывал, много раз себя ремонтировал, уже трудно.

Не только потому трудно, что охранно-уничтожительная система устала и ослабла. Не только потому, что «ремонтный ресурс» подходит к концу.

А еще и потому, что такие клетки строить легче, меньше труда затрачивается. Организм начинает «халтурить» – делает не то, что надо, а то, что легче, что экономичнее.

Почему нормальные клетки начинают замещаться дефективными? Да, те – жадные, агрессивные, растут и плодятся быстро. Верно. А с точки зрения всего организма? А их кормить легче, растить проще, и если «сделать вид», что ты не различаешь нормальные от дефективных – так ты вроде бы отлично делаешь свою работу, а труда меньше затрачиваешь. То есть с количеством образующихся клеток у тебя все просто отлично. Вот, правда, качество дерьмовое, но организм как бы машет рукой: а, черт с ним, устал я, и так сойдет.

Что мы имеем? Мы имеем энтропию организма, падение общего уровня его энергетики.

Все давно согласились, что стресс является одним из пусковых механизмов рака. А что такое стресс? На уровне физиологии – это сбой в функционировании, расстраивание слаженности организма – подобно расстраиванию фортепиано: каждая клавиша дает звук, но мелодии уже не выходит. А на уровне психики к чему он сводится? А в общем жить меньше охота: радости меньше, печали больше, ты чувствуешь себя уже менее в силах переворачивать мир. Падение энергетики, что и наблюдается и на психическом, и на физиологическом уровне. Ага, в здоровом теле здоровый дух.

Операция может помочь – выбросить очаг гадских клеток вон, а в остальных местах все идет пока в пределах допустимого. А может не помочь – очаг ты убрал, а сил у организма все равно мало, пройдет короткое время – и повторится та же история в другом месте.

Медикаментозное, химическое, лучевое воздействие – это лечение болезни как следствия, но без лечения причины. Давить гадские клетки всеми возможными способами. Способы эти сродни артобстрелу по площадям. Организм в целом травмируется страшно, нормально работать он в таких условиях не может. Медицина как бы подменяет своими сторонними, искусственными средствами то, что он должен был бы делать сам, но не может. И как правило это дает только временное излечение, временное улучшение, а через короткое время процесс идет вновь, и не просто идет: всегда уцелевает незначительное количество самых выносливых и живучих раковых клеток – низкодифференцированных даже по сравнению со своими уничтоженными родственницами. И они потом идут в рост. Логично: им требуется еще меньше пищи, еще меньше энергии, они еще примитивнее, и еще живучее – им

требуется только существовать и размножаться. И организму еще «легче» замещать ими нормальные ткани, с которыми столько труда и хлопот.

Единственный способ кардинальной борьбы с раком в каждом конкретном случае – это резко поддержать вверх энергетику организма в целом. Ну, условно говоря сделали мы это – что тогда? Тогда помощневшая иммунная система начнет давить и жрать «чужих» и т. д. А у энергичного организма не будет оснований халтурить и кормить и ремонтировать свои клетки «по линии наименьшего сопротивления». Он будет стремиться не «обмануть судьбу» и прибежать к финишу, срезав дистанцию через лесочек – а честно стараться идти первым в группе лидеров, утверждая свои возможности и испытывая от этого удовлетворение: потому что в силах.

Поэтому разнообразные парапсихологи и экстрасенсы (те из них, кто не шарлатаны, а настоящие) действительно могут помогать раковым больным, и очень значительно иногда. Накачать организм энергией! – а дальше он будет работать сам, как здоровый. Потому что здоровье – это и есть достаточно высокий уровень энергетики. Отсюда и старая поговорка «Здоровый человек не болеет».

Но парапсихология и экстрасенсорика – это дело хитрое и туманное, механизмы воздействия здесь мало ясны. А вот случаи самоизлечения от рака – это демонстрация энергетического принципа ну ужасно же явная и убедительная.

Почему ряд авторитетов-онкологов утверждает, что «самоизлечения» не может быть, «потому что этого не может быть никогда»? И заявляет, что, значит, имела место ошибка в диагнозе, и это был не рак. Просто потому, что это «дискретно» мыслящие люди, которые не в состоянии понять характер, принцип, тенденцию процесса: они принадлежат к тому большинству врачей, которые имеют дело с болезнью конкретно, а не с больным человеком и всем его организмом. В то время как все хорошие врачи (которых меньшинство, как меньшинство хороших специалистов в любой области, особенно чем она сложнее) всегда знали, что лечить надо больного, а не болезнь.

Сэру Френсису Чичестеру поставили диагноз «неоперабельный рак легкого» вполне приличные врачи, он был не нищий и жил не в Монголии. И было ему тогда хорошо за семьдесят: пакуй чемоданы, приятель. И он купил яхту, и лично ее переоборудовал, работая на верфи дни и ночи, и пошел в первую в мире одиночную кругосветку.

А плевать ему было на все, и смерти он не только не боялся, но даже вдохновляла его такая возможность: умереть – так мужчиной в борьбе с океаном один на один, а не тушкой на больничной койке. И он прошел вокруг света, через ураганы, через пролив Горн у мыса Бурь, и сделал то, что до него считалось невозможным. И вернулся домой здоровым, к изумлению врачей. В этой удивительной истории, строго говоря, ничего удивительного: морская вода, морской воздух – и чудовищные физические и психологические нагрузки. Он шел на победу, любой ценой – и психический настрой вкупе с физическим так поддержали энергетику организма (а иначе действовать ему было невозможно, коли впрягся в это дело), что она, помощнев (и как бы помолодев) «взялась за ум» и, вытягивая экстремальные условия, «заодно» задавила болезнь, схавала и выкинула из организма дрянь.

Так выздоровел в бегах от соответствующих органов бывший зек и неслабый писатель Чабуа Амирэджиби – тоже приговоренный, к раку горла. Так выздоровел Солженицын, человек фантастически высокого самомнения и фаталистской веры в свою судьбу и предназначение: он был настолько твердо убежден в том, что ему еще надо сделать великое дело, в том, что фортуна ему не изменит – что этот настрой поднял его энергетику до уровня, нужного для задавливания рака. И еще сотни людей с именами менее громкими.

Здоровый образ жизни и экстремальная ситуация, в которой необходимо победить – вот что может уничтожить рак, не «чудом», нет тут никаких чудес, а исключительно через подъем

энергетики. Но это уже вариация на тему: «Человек может все, что хочет, если умеет сильно хотеть».

Смерть

Жизнь и смерть можно представить в виде бескрайнего поля мрака, по которому скользит пятнышко света, вроде как от луча фонарика. И когда новая зона попадает в область света, под лучом начинается шевеление жизни, рождение, развитие, процесс, пробуждение бесчисленных существ и вся их деятельность. С передней кромки движущегося светового пятна жизни все живое постепенно оказывается все ближе к середине пятна, затем – к его задней, уходящей кромке; и вот пятно света уходит дальше, пробуждая к жизни все новые пространства – а то живое, что было в нем, постепенно оказывается вне света, в бесконечном мраке послежизненного времени: замирает с моментом перехода из света во тьму, застывает, перестает быть различимым, перестает быть. А луч ползет все дальше, и новые оживающие существа проходят свой жизненный цикл в малом и кратковременном пятне света, пока оно проходит через участок тьмы, где эти существа были ничем и в ничто в преддверии его – и вновь уходят в ничто, когда свет минует их, идя дальше.

1. Вся сложность смерти – в том, что познающее сознание может познать что угодно, кроме одного – своего же собственного отсутствия. «Когда ты есть – нет смерти, когда придет смерть – уже не будет тебя!» – воодушевляют командиры бойцов. Как же, черт возьми, познавать то, чего нет – или познавать то, что есть, но нет уже самого познавателя.

2. Вся простота смерти – в том, что она удастся любому, и даже без всяких усилий с его стороны. Этому не надо учиться, и напрягаться не надо: все само устроится.

3. Весь страх смерти держится именно на непредставимости для сознания этого состояния отсутствия себя. «Оттуда еще никто не возвращался, чтоб рассказать».

И случаи тех, кто вернулся из состояния клинической смерти, тут ничего не меняют. Ну, сохранила память некоторых картину света в конце туннеля и вид своего тела со стороны – и что это меняет? Вариант загробной жизни.

4. Все варианты загробной жизни, присущие человеку на всех этапах его истории, есть умозрительные постройки, причин у которых две. Первое: не в силах познать состояние отсутствия себя самого, сознание рисует себе состояние смерти как состояние некоей особой жизни, продолжающей жизнь эту, земную, знакомую, – основываясь так или иначе на законах и представлениях этой жизни. Второе: инстинкт жизни, избыточный у человека по сравнению с другими существами, не просто противится смерти, но и пытается через разум найти какой-то приемлемый выход. А если нельзя победить смерть конкретно, в реальной жизни, физически, – так можно создать такой ее образ, с которым легче примириться. Воображаемая загробная жизнь – это следствие нежелания умирать.

Загробная жизнь – это интравертное решение конфликта, не разрешимого экставертно.

5. Познавая и осознавая жизнь, ребенок – кто в семь лет, кто в десять, темп развития во многом индивидуален – «пробивается» страхом смерти: невозможностью познать это вечное и неизбежное в будущем состояние отсутствия собственного бытия, состояния, категорически противоречащего жажде жить. Это состояние безысходного ужаса постепенно скрывается под кирпичами и постройками новых впечатлений, ощущений и мыслей, – но никуда не девается и в той или иной мере помнится всегда.

Вот тут примитивные формы религиозных представлений о «жизни на небе» могут оказать ребенку бесценную услугу, смягчить травму и примирить с действительностью. Правда, это не имеет отношения к познанию истины.

6. Смерть как индивидуальный акт имеет две стороны: одна – последнее и важнейшее действие в этом мире, другая – вступление в «тот мир».

Тем миром занимаются вера и религия (см. «Вера и религия»), и подготовка себя к «той жизни» и обустройство «того мира» – есть желание жить, ищущее выход и как бы продляющееся в интеллектуальных постройках воображаемо-желаемой «жизни после смерти».

А вот смертью как последним действием в этом мире занимается вся «философия жизни», которая в каких-то формах есть у каждого, даже если он вообще не слышал слова «философия».

«Смерть есть последний подвиг в доблестной жизни самурая», – кратко говорит бусидо. Да неважно, что будет потом – важно то, что есть и останется здесь.

7. О человеке важно знать три вещи: как он родился, как он женился, и как он умер, – справедливо судит древняя народная мудрость.

Примечательно, что в наше время небывалая публичная откровенность во всем, что касается секса – тема, обычно жестко табуированная в историческом обществе – сочетается со старательным умолчанием деталей и подробностей смерти. Мол, как бы это неэтично, нехорошо, нездоровое любопытство. Телевидение кормит зрителя горами трупов – но правила хорошего тона предписывают стыдливо уклоняться «мелочей» типа точного диагноза и сопутствующих обстоятельств. Хотя изустно передаются «неофициальные» подробности.

Человеческое острое любопытство ко всему, связанному со смертью, абсолютно естественно. Какое же событие в жизни человека может быть значительнее? Какое же событие может дать ощущения более сильные? Ощущения жаждут информации, а информация, в свою очередь, служит к возбуждению дополнительных ощущений.

Отношение белой цивилизации XX века к смерти можно назвать ханжеским. По возможности делать вид, что этого нет. Свести место смерти в культуре к минимуму. Не думать, не говорить, стараться не обращать внимания.

Культура смерти очень многое говорит о цивилизации. Отношение к смерти есть очень важная часть отношения к жизни вообще, а отношение к жизни непосредственно связано со всеми действиями.

8. Сегодняшняя белая цивилизация не любит говорить о смерти. (Репортажные сенсации с целью получения прибылей масс-медиа здесь ничего не меняют – это зарабатывание денег, бизнес на виде крови, не имеющий отношения к духовным движениям, к осмыслению смерти и отношению к ней конкретного человека.)

С одной стороны, это свидетельствует о высочайшей степени экстравертности белой цивилизации: действовать, энергопреобразовывать, производить и потреблять, – и пусть вся энергия, все мысли и чувства будут направлены на это, незачем отвлекаться на смерть, коли сам еще жив. Смерть воспринимается как досадное гадство, очень нехорошая помеха, – а слова, мысли и действия должны быть о продлении жизни (незачем омрачаться неизбежным).

С другой стороны, это свидетельствует о духовной истощенности белой цивилизации – или, иными словами, об отсутствии энергетического потенциала (внутричеловеческого, понятно, а не технического) для дальнейшего роста и развития. Нет больше ничего, за что стоило бы отдавать жизнь. Вся энергия идет на то, чтоб продолжать катить машину цивилизации – что для каждого индивидуума обозначает полностью погрузиться в повседневщину, работу-карьеру-быт.

Это уже не те доблестные ребята минувших времен, которые почитали достойную смерть венцом достойной жизни, а угасание в постели – несчастьем, недостойным мужчины. В бою! За победу! За утверждение себя, своего народа, своего дела, своего идеала!

Сегодняшняя белая модель индивидуальной жизни не включает в себя наличие и требование идеала, к которому следует стремиться ценой жизни. А что это значит? А это значит, что должное не очень-то отстоит от сущего; что нет того запаса энергии, который требует ставить цели, достижение которых забирает все силы и саму жизнь. Ослабление человеческого напряжения. Рассеивание энергии, выдох.

9. Бытие по сравнению с небытием различается настолько, что у врат смерти человек должен ощущать: да решительно же неважно, как жить, но жить бы; даже увечный и бездомный нищий – дышит, видит, ощущает, думает, ест, и так мала разница между нищим и царем по сравнению с разницей между царем живым и мертвым.

Тем не менее лишь отдельные исключения делают своей профессией продление собственной жизни любой ценой. Человек гробит здоровье и сокращает жизнь часто вполне сознательно. Он боится смерти, он хочет жить – и все-таки действовать оказывается важнее, чем жить.

10. Смерть сразу «приобщает к большинству», как выражаются со своим холодным юмором англичане. Сразу возникает дистанция между мертвым и живым. Сразу человек превращается в образ, уже не соотносимый и не сравнимый с ним реальным: все, рядом не встанешь, словом не перекинешься. Сразу личность и деяния ее встают в единомасштабную систему всех прошлых деяний человечества.

Неопределенность назавершенной жизни исчезает. Ждать больше от него нечего: можно лишь оценивать то, что уже сделал. Линейка дошла до второго конца.

И «вдруг» оказывается, что кто-то был великим. Реже – кто-то «великий» оказывается ничтожеством.

Смерть проводит через Пантеон каждого, просто мало кто в нем задерживается.

Смерть словно чертой подчеркивает все деяния ушедшего; все личные мелочи снижают значение; внимание к деяниям увеличивается, а область оценки переходит из сравнений с ныне живущими, которых много, которые слитны и связаны друг с другом массами связей, деяния которых спорны и еще подвержены изменениям, – область оценки переходит к сравнению с мертвыми, а вот там уже остались только деяния значительные, мелочи канули. И если деяния ушедшего выдерживают это сравнение – вот он, «оказывается» (ах, мы ж и не думали!), великий, который жил среди нас.

Смерть как увеличительное стекло деяний. Смерть как сито деяний. Смерть как право на равенство с великими прошлых времен.

11. Конечно, Наполеон или товарищ Сталин и при жизни были куда как велики – но здесь было и влияние бешеной пропаганды и чеканки мозгов. Мы имеем в виду «естественное», «самотечное» положение вещей с по возможности максимальной мерой самостоятельной оценки каждым.

12. Если человек способен отдать жизнь за какое-то дело – значит, его действие было индивидуально максимальным, его субъективный созидательный акт был максимальным. Ты можешь не разбираться в его делах – но смерть однозначно дает тебе понять, что тут как минимум есть что предъявить к самой серьезной оценке. Если что-то имело для ушедшего такое значение, что он жизнь отдал, – очень возможно, что в этом действительно «что-то есть». Уже сама крупность поступка – умереть – внушает уважение и серьезность; и вот это уважение и серьезность начинают простираться на отношение к деяниям и всей личности покойного.

Смерть прибавляет значительности. Хотя бы на время.

13. Судьба тоже есть по-своему произведение искусства, воздействующее на окружающих. А конец – он делу венец. «Концовочку!» – вопит тренер боксеру.

Поэтому так важно умереть правильно и вовремя. Потомки автоматически подстегивают твою смерть ко всей личности и делам, воспринимая все в комплексе.

А если умер рано – «ушел безвременно», – то воображение оставшихся дорисовывает все, что ты мог бы еще сделать за годы, оставшиеся до какого-то солидного, среднестатистического возраста, и все не сделанное автоматически пишется в твои возможности, которые были.

Представьте Пушкина, который дожил бы до восьмидесяти, пища все хуже и меньше – и вот Лермонтов (тоже долгожитель!), Достоевский, Толстой, Некрасов оттеснили, задвинули, превзошли. Не та была бы слава, ребята, не то место, и даже не та оценка.

14. Притворяться можно во всем, кроме умирания. Это все-таки вещь серьезная, а также однократная и необратимая. Да, тут и видно, кто чего стоит.

И становится неприятно за художников, умиравших трусливо, малодушно, жалко. И уважаешь жестокого и храброго Миниха, распорядившегося на плахе собственной казнью. Надо уметь умирать, куда денешься; все равно придется. Римляне это хорошо понимали.

Замечание на полях:

Есть один феномен, необъясненный викгимологией – наукой о жертвах. На огромном материале она свидетельствует, что непосредственно перед уже неизбежной насильственной смертью жертва вдруг испытывает пронзительную любовь к убийце. Ничего себе? В чем дело...

Какие чувства владеют человеком под ножом убийцы? Ужас смерти и отчаянное желание избежать ее во что бы то ни стало. Дикое желание жить. Сильнейшее, предельно отрицательное ощущение.

Типичная картина такая:

Фаза первая. Опасность! Пульс учащается, адреналин выбрасывается, кровь отливает от покровов, пустой звон в голове, легкая слабость в коленях: страх – который может перейти в отчаянное убегание, перелетание через стены, или бешеное беспорядочное трепыхание в сопротивлении. Либо – страх парализует, функции разлаживаются от чрезмерно сильного и «хаотично» отрицательного ощущения.

Фаза вторая. Борьба и надежда. Убегание, трепыхание, сопротивление. Уговоры, мольбы, готовность на все ради спасения, невозможность поверить в сиюминутную смерть, невозможность смириться.

Фаза третья. Смирение. Опустошенность, бессилие, обезволенность, послушность. Надежды нет, возможности сопротивляться нет, смерть очевидна и ты психически к ней уже подошел.

Все три состояния аффективны, рациональное мышление искажено страхом, эмоции базируются на рефлексах и доминируют: речь именно о жертве, а не о бойце, противнике, вступающем в схватку. Хотя и побежденный боец может быть психологически сломлен, и его также можно привести в состояние третьей фазы, чтобы он ощутил себя бессильным, а противника – уже не противником, а всесильным убийцей.

И тут – происходит смена психологической доминанты! Ты должен бы испытывать к убийце предельные отрицательные эмоции: страх и ненависть, злобу и омерзение. А вместо этого – любовь...?!

Это сложная трансформация, но составляющие ее просты.

Первое. Субъективный уход от нежелательной ситуации. Типа: если ты не можешь делать то, что тебе нравится – пусть тебе нравится то, что ты делаешь. Ты не можешь изменить ситуацию – но она настолько тебе нежелательна, что ты меняешь отношение к ней, тем самым субъективно ее смягчая. Еще один аспект того, что во всех действиях человек руководствуется прежде всего ощущениями, и прежде всего живет в мире ощущений, ему свойственных и потребных. Как будто человек мгновенно и подсознательно уверяет себя, что все не так плохо и не так страшно. (Так что не смейтесь над страусом, решающим уход от опасности методом сования головы в песок.)

Второе. Это последняя трансформация надежды, последняя форма борьбы за жизнь. Он видит, как я принимаю свою долю, он видит, как я его люблю, он видит, что я заодно с ним во всем, до конца, я же с ним, за него, – он должен понять и оценить мою любовь и мое благородство, понять, что я ему

не враг, а друг и брат, самый близкий, лучший и верный, и в последний миг он не станет меня убивать – он хороший, благородный, добрый, он имеет право убить меня, но может вот сейчас прекратить, не станет делать этого, потому что он хороший, я люблю его. Примерно так можно изложить на рациональном уровне это чувство.

Третье. Будучи уже никем, не имея сил воли и рассудка хоть как-то явить свою значительность – хоть ругательством, плевком, гордой позой, будучи парализован безнадежным отчаянием и страхом, психологически жертва являет свою значительность себе тем, что поднимает себя к уровню победителя-убийцы: через любовь к убийце она как бы уравнивает себя с ним на одной доске, являет себя себе самой значительной и достойной равных отношений с победителем, ибо сейчас принимать его и любить его – это единственный способ, ничем не грозящий, от которого не может быть хуже, но может быть лучше, чтобы даже в предельной слабости, зависимости и незначительности все-таки явить себе и ему свое достоинство и значительность.

Четвертое. Подключаясь с внутренней готовностью и любовью к действиям убийцы, жертва – субъективно! – делает максимум того, что она еще может делать: она соучаствует в собственном убийстве! (Вот, вот что такое инстинктивное стремление к максимальным действиям, гражданин читатель.)

Пятое. Последнее максимальное ощущение перед смертью – это перегнуть предельное отрицательное ощущение

в предельное положительное. Животный ужас в любовь. Это последнее проявление инстинкта жизни на уровне ощущений, это максимум субъективной жизни, которую жертва еще проживает в последние миги.

Шестое. Любовь означает: я все могу сделать для этого человека. Мои силы и возможности не только для меня лично – обращая их на другого, я в большей степени переделываю мир, распространяю на внешний мир свои действия, чем если все делаю только для себя. Любовь к убийце – это последний порыв индивида к максимальным действиям в этом мире. Это последнее проявление жажды жизни в безнадежном положении. Любовь как первопопозыв и предоснова максимальных действий.

Седьмое. Любовь и смерть вообще вечно ставятся рядом. Максимальное положительное и максимальное отрицательное. «Я так люблю тебя, что хотел бы за тебя умереть». (См. «Любовь».) Предельное страдание как диалектическая противоположность и единство пары наслаждению. Ну, так это может возникнуть с «другого конца» – ассоциацию на любовь пробивает со стороны страдания.

И все это вместе может быть сформулировано: сильнейшее ощущение, превосходя меру и переходя свой предел, переходит в свою противоположность.

Вера и религия

§ 1. Понятно, что это не одно и то же.

Под верой понимается внутреннее состояние, внутренняя убежденность – в некоем Высшем Существо, Высших Силах. Понять и объяснить человек чего-то не может, через рациональное знание и понимание «это» ему не дается, не достижимо – а все-таки он полагает что «это» – так. Верит.

Под религией понимается весь внешний атрибутивный комплекс проявлений веры: обрядовость, храм, догматы, институт священнослужения. При этом религия включает в себя веру: вера – тот внутренний духовный фундамент, на котором зиждется грандиозное здание религии.

Религия и вера находятся в соотношении обратном тому, в каком находится раковина с моллюском к заключенной внутри жемчужине. То есть не раковина с моллюском здесь основа и причина жемчужины, но лишь наличие жемчужины обуславливает обстройку ее моллюском и раковиной.

§ 2. Верующий человек может быть нерелигиозным, или очень мало религиозным. Он может не придерживаться ни одной из существующих конфессий: они его чем-то не устраивают, он полагает их ограниченными или скомпрометированными, ему может быть не нужна их условность. В отношениях между собой и Высшими Силами он обходится без посредничества, напрямую. Его вера очень мало нуждается во внешней атрибутике, в каких-то сторонних подкреплениях.

В свою очередь, религиозный человек может быть очень мало верующим. Он может рьяно соблюдать всю внешнюю религиозную атрибутику – и полагать, что этого в общем достаточно. В его поведении может отсутствовать внутренний импульс веры – и заменяться внешним предписанием религии: то есть поступать не по внутреннему велению, а по внешнему указу, заповеди, закону и т. п.

§ 3. У религии и науки есть то общее, что обе они оперируют условными величинами, произвольными допущениями.

В плане теоретическом – это прежде всего в постижении и объяснении мира. Что такое «постоянная Планка» физики не знают – никто ее не видел и не щупал, это некая условная величина, выражающая постоянную зависимость между другими, реальными величинами. Но без нее ничего не получается, не сходится, не понятно. А прими и учти постоянную Планка – и все сходится, получается.

Аналогично человек может мучиться вечной проблемой – отчего же в мире существует Зло, если все понимают, что оно плохое и его не надобно – а вот все равно поступают во вред себе и человечеству: ну не получается логическое решение, не сходятся концы. И тогда вводятся условные величины – допустим, Бог и Дьявол. От одного все хорошее, от другого все плохое, они борются между собой с переменным успехом – о, все делается ясно и логично: человек творит нехорошие и самогубительные вещи, потому что это Дьявол его наущает и подталкивает; Дьявол хочет погубить людей, завладеть их душами и править миром по своим дьявольским, антибожьим, нехорошим законам. Порядок: ничего больше не надо объяснять в человеческих поступках: все сводится к борьбе божьей праведности с дьявольскими кознями.

Прелесть в том, что это сильно успокаивает. Недостаток в том, что это лишает необходимости думать и понимать самому. Познанию мира перекрываются пути – «по религии» ты можешь познавать, как же устроена жизнь в плане психологии человеческой и связи ее со всем мирозданием, только в одном направлении: распознавать во всем козни Дьявола или промысел Бога. Вот как бы все сводится в конечном итоге к этим двум началам. Хорошему и плохому. А профессионалы-священники, на основе прецедентов и «специлитературы», выносят вердикты: то-то происходит так-то и так-то, потому что расклад сил божественных и дьявольских таков-то и таков-то. Аминь.

То, что наука не может объяснить дальше, вглубь, то есть разложить на более мелкие составные части и вскрыть внутренний механизм – сегодняшний предел познания вглубь – она объявляет Законом Природы. Природа так устроила, говорит ученый. Природа-то природой, но все это Бог устроил, возражает священник. Строго говоря, никакой принципиальной разницы. Два названия одной и той же стенки.

Разница в другом. С помощью условных допущений наука продолжает познавать реальный мир. Религия же старается познавать мир идеальный, условный, собою же и созданный.

В плане же практическом и наука, и религия действуют способом предписания как бы через «черный ящик». Пояснение. Надо сделать то-то и то-то, скажем, так-то построить баллисту, взять канаты из такого-то материала, заложить в ложку камень такого-то веса, натянуть канаты с таким-то усилием, и камень полетит туда-то и туда-то: результат – проломит стенку. Силы упругости, законы механики, конечно, но последнее «а почему?» всегда упирается в «черный ящик»: «а потому». «Закон Природы». Религия предписывает: надо делать то-то и то-то, так-то и так-то, и тогда будет хорошо: праведно, благо, душа спасется и т. п. Почему? Конечный ответ, после цепочки промежуточных объяснений насчет любви к ближнему, праведности, спасения души и т. д. – всегда один: «А потому что Богу угодно вот так». И финиш.

§ 4. Поэтому в основном так наивна и поверхностна «русская философская мысль серебряного века». Здесь непонятно только, почему она называется «философской», а не «теософской». В принципе она ничем не отличается от религиозно-иудейской философской мысли, которая, принимая Священное Писание за Абсолют, сосредоточена на все более глубоком и полном познании всеобъемлющего промысла Божия, явившего себя через Пятикнижие. Продолжай ковырять и дополнять понимание Книги, только там Истина, причем вся: это и есть мудрость, постижение мира, главное в жизни. В Книге все есть, все содержится, все предсказано: надо только постигать, как Он все устроил и что на все случаи жизни повелел, и тогда все будет правильно и хорошо.

«Русская философская мысль» аналогичным образом берет за Абсолют Евангелия, и все на свете норовит соотнести с христианством, если не так, то эдак, если не в прямом приближении, то в косвенном. Но если тебе заранее известно, где Истина, то об чем тут философствовать?.. Можно ли добросовестно постигать мир, танцуя от общей и старой расхожей догмы? Можно ли строить собственное здание на чужом фундаменте? Можно ли с самого начала, от истока, на уровне исходных предпосылок, не подвергнуть все сомнению и добросовестному самостоятельному анализу? И вообще: с чего бы это православному изводу христианства иметь большее право на истину, чем христианству римскому, или исламу, или буддизму, или любой другой солидной религии, имеющей многочисленных и вполне разумных приверженцев?

В конце концов, верить можно во что угодно, что человечество на протяжении всей своей истории и делало.

Но истина не может базироваться на вере – потому что сама вера есть предмет постижения и анализа.

§ 5. **Что такое вера? Почему она есть? Откуда она берется?** Если понять это, со всем остальным разобратся уже проще.

Люди верили всегда. Даже сто тысяч лет назад, у неандертальцев, которые, бедолаги, оказались тупиковой ветвью человечества, были верования, отраженные как минимум – что известно с абсолютной достоверностью – в обрядах захоронения. Не просто зарывали своих мертвых, а как-то снаряжали их в загробный мир.

Если самого неверующего человека сильно прищучит – он начинает, хотя бы про себя, как-то молиться. На грани смерти, под угрозой трагической потери, в безвыходных обстоятельствах, когда человек уже ничего не может поделать, уже ничего от него не зависит, – человек обращается неизвестно к кому и неизвестно к чему, и даже он вроде и сам не верит своим словам и мыслям насчет того, чтоб все было как-то получше, – а вот все-таки есть что-то внутри него, какая-то искорка надежды вопреки очевидности даже, и цепляется он за эту искорку, раздувает ее, убегает в нее, сосредотачивается на ней.

Кто там чего знает о загробном мире или бессмертии?.. А вот всегда люди об этом думали.

«Пока живу – надеюсь». «Надежда умирает последней». Вера и надежда ставятся рядом часто, это соседство обычное.

Что такое надежда? Это человек хочет, чтоб что-то было не так, как есть сейчас, а лучше, желанным ему образом. Причем такой исход не абсолютно вероятен, сколько-то сомнителен, подвержен случайности, не полностью в его власти. Или даже очень сомнителен, маловероятен. Или представляется вообще почти невероятным – почти, но все-таки не абсолютно, есть хоть один шанс из тысячи. А кто его знает, этот один шанс из тысячи, все ведь может случиться – и миллион в лотерею выигрывают, и с самолета падают и в живых остаются, в заснеженный овраг попал.

Надежда означает: я не властен над какими-то факторами, но хочу, чтоб они сложились в мою пользу, и признаю это возможным. А крайняя степень: я вовсе не властен над неблагоприятными факторами, желанный исход почти-почти совсем-совсем невозможен, но все-таки какие-то случайности, которые я могу вообразить себе, сыграют в мою пользу, мне может фантастически повезти, и итог будет желанен для меня. Я приговорен к смерти, в темнице, хана, – но вдруг революция, или землетрясение, или друзья похитят самого президента и обменяют меня, или конвоир вдруг так сжалится, что отпустит – о, я умолю палача, зацелую его сапоги... Господи, помоги мне, сделай что-нибудь, ты ведь все можешь!..

Вглядимся же внимательно в знаменательную грань перехода.

Надежда переходит в веру – там, где для надежды уже вовсе не остается места, но зато веру – ничто не может поколебать, умалить, уничтожить. Я знаю, что надежды нет – но я верю, что все может быть хорошо, и все тут.

Я знаю, что умру. Я знаю, что загробного мира нет. Но я не хочу умирать. Не хочу – и поэтому не согласен с этим. И я верю в загробный мир – там все будет хорошо, там будет вечная любовь, и вечное счастье, и не будет разлук. Я в него не верю. А все-таки одновременно и верю. Очень хочется. Вопреки всему. Плевать я хотел на очевидность. Кто его знает, в конце концов, что там может быть.

Вера – это несмиримость человека с существующим положением. Это воплощение желания – вопреки знанию, очевидности, всему.

Отношение к смерти – вопрос ключевой. Собственная смерть занимала размышления человека всегда. И то сказать – самый серьезный, как-никак, шаг в жизни. И никто еще его не избегал. Сознание, которое субъективно есть весь мир, тщится постичь, как же это так, что его не будет – вообще, никогда, ничего. И вот это – та пограничная – последняя и главная – ситуация, где обнажаются ответы на многие вопросы.

Состарившееся животное умирает спокойно. Не дергается. Инстинкт жизни затухает, слабеет, гаснет. А до того – инстинкт повелевает всячески избегать смерти, но никак не отравляет жизнь сознанием ее в будущем. Рефлексирующего сознания у животного нет, оно себя картинками будущей смерти не растравливает и в деталях ее не воображает. В этом смысле ему легче.

И только человек – уж и старенький, и на ладан дышит, и сам, вроде, говорил, что зажился на свете – но хочет пожить еще бы хоть до завтра.

Так вот. Мы энергичнее, чем требуется для простого выживания. Наша центральная нервная система активнее, мощнее, чем требуется для простого выживания. Мы не вписываемся равновесно в окружающий мир, не находимся в гомеостазе с природой – нам всего мало, все не так, все надо изменять и переделывать. Мы никогда, в принципе, не смиряемся с существующим положением вещей. Мы – переделыватели, энергопреобразователи.

Наше сознание – острое нашей энергоизбыточности, оформление ее, орудие, которым мы не соглашаемся с положением вещей и изменяем его. Само-то оно потребляет очень-очень мало энергии – а главное всего остального, весь организм только и нужен по большому счету, чтоб оно работало – а он выполнял его приказы. Собственно, сознание и есть человек как таковой. Организм уже ни к черту, на капельницах, на аппаратах, в параличе – а сознание еще работает, и человек как таковой еще есть, живет, личность.

И покуда сознание есть – есть этот человеческий избыток энергии, который никогда не соглашается с тем, что есть. А есть уже только одно – помираю, братцы. И человек, один из всех живых существ на Земле – не смиряется. Не хочет. Не устраивает его это вполне естественное положение вещей.

Что он может сделать? Ничего он уже не может сделать, рукой не шевельнуть. Но он может еще – повернуть ситуацию, изменить, переломить, сделать так, как не было! Может сделать: я буду жить за гробом, я не умру никогда, все будет хорошо, я встречу с теми, кого люблю.

Последнее, что он может сделать – это гигантское действие: в воображении построить целый мир, остаться жить в этом мире, и победить саму смерть.

Вот что такое вера, ребята. Все прочие ее аспекты – это мелочи и следствия, проистекающие из главного.

Вера – это избыток желания. Избыток нервной энергии. Избыток сверх необходимого для жизни. Этот избыток желания направлен, как всегда направлен избыток энергии, на изменение системы «я – мир», на передел соотношения «я – мир». И там, где человек уже не может никак переделывать окружающий, внешний, объективный мир – ну так он переделывает мир внутренний, субъективный, воображаемый. Главная суть – он переделал его по своему желанию.

Вера – это аспект внутренней, принципиальной, имманентной непримиренности человека со всем положением вещей в этом мире.

§ 6. Вот это и есть вера как противоположность знанию. Сферы знания и веры – различные. Это и есть противопоставление рационального познания мира – и его над-рационального, над-чувственного постижения.

Хочу – могу – делаю снаружи себя.

Хочу – не могу – но могу внутри – делаю внутри себя.

Тот самый избыток энергии, который позволяет и велит человеку переделывать окружающий мир – велит и позволяет ему переделывать мир внутри себя: так, чтоб внутренний мир не был просто точным, зеркальным, адекватным отображением мира внешнего, реального – но трансформировался внутри человека, был переделан там настолько возможно (а внутри-то можно насколько угодно!), был другим, измененным, не таким, как внешний, но таким, каким ему хочется.

В конце концов, что бы мы ни переделывали, мы переделываем свое представление о мире. Вера – это переделывание представления о мире: переделаем представление – и тем самым переделаем мир.

Вера – это субъективное преобразование мира внутри себя по своему желанию. Не умо-зрительному, рациональному желанию, уточним сверх необходимого, для туповатых, – а по желанию чувственному, по психической потребности. Не игра калейдоскопа – хочу так переделал, хочу – иначе, – а как если перестроить изображение в зеркале, чтоб оно, в первоначальной основе адекватно отображающее реальность, из тех же в общем элементов составило новую картину, отличающуюся от реальности и уже независимую от нее.

Вот наше «рефлексирующее» сознание – это двойное зеркало: оно одновременно отражает и реальный мир – и одновременно содержит в себе перестроенную картину этого мира, наш внутренний мир, идеальный, воображаемый, в дополнение и противовес реальному, построенный из тех же отраженных элементов – но уже на базе чувственных потребностей и образов.

И как порядочный пулеметчик имеет на огневой точке несколько площадок, соединенных ходом, что позволяет ему уходить от ответного огня – так верующий (верящий) человек всегда может перейти в свой личный, внутренний, собственный, воображаемый мир, который для него по-своему так же реален, как этот наш реальный, просто как бы находится в другом

месте, в другом измерении, – и быть удивительно стоек, силен, непоколебим в этом мире – потому что в том, своем, он неуязвим и бессмертен, вечен и всемогущ, – так фиг ли ему какие-то гадости в этом мире, временном, неглавном.

§ 7. Вот так у него появляются ценности большие, чем жизнь. Вот так, через создание того мира, он делается сильнее в этом, – сильнее и значительнее вообще.

Верующий претерпит муку. Взойдет на костер. Примет смерть – во утверждение своей веры, истины, правоты. Утвердит свою значительность перед палачами, и вообще перед всеми враждебными силами мира.

Вера – аспект самоутверждения человека. Я верую – и тем силен: могу делать то, что хочу (полагаю нужным для себя) – даже если это стоит мне ужасных лишений и самой жизни; могу презреть саму смерть.

Вера – аспект стремления человека к самореализации в чувствах, самоутверждению в поступках, к совершению максимальных действий. (Не бойся сделать то-то и то-то – ты можешь, ты не умрешь, в раю тебе будет очень хорошо.)

Вера укрепляет и подпирает человеческий дух, придает решимости, – и тем самым увеличивает реальные возможности человека.

Верующий сильнее и значительнее неверующего. У него есть дополнительный стимул к действиям – во имя веры. У него есть дополнительное мужество – обусловленное «Высшей страховкой». У него всегда наготове «индивидуальное убежище» – тот идеальный мир, куда нет входа земному врагу.

§ 8. Итак:

Вера – это одна из форм неудовлетворенности человека этим миром. Одна из форм изменения этого мира. (Изменение достигается путем дополнения его другим миром в своем сознании.)

Вера – это одна из форм энергоизбыточности человека, стремления его к самореализации, самоутверждению, к испытанию сильных ощущений и свершению значительных поступков.

Вера всегда существует именно потому, что человек энергоизбыточен и в принципе не удовлетворен существующим положением вещей, не удовлетворен реально имеющимися возможностями, каковы бы они ни были.

В каждом отдельном человеке вера возникает и строится именно из его индивидуальной энергоизбыточности, т. е. из «излишней» силы психики.

На уровне инстинкта жизни – вера есть оформление избыточной силы этого инстинкта: стремления выжить, не умереть, победить – всегда, в любых условиях, даже вопреки очевидности.

Кроме того – на уровне космогоническом – вера есть форма познания и объяснения устройства мира; а потребность в познании есть первый, исходный и необходимый, этап переделки мира.

§ 9. А далее, грубо говоря, люди обмениваются соображениями насчет разных разностей жизни. Спорят, самоутверждаются через свои умственные способности, размышляют над услышанным. Более умные и ловкоговорящие как-то внедряют свои взгляды в головы окружающих. Происходит определенная универсализация взглядов и представлений. Оформляется комплекс верований для рода, племени, народа.

И вера приобретает «наведенные» формы: ребенок еще мал и не шибко соображает, а в него уже вкладываются догматы веры. И энергоизбыточность человека вполне удовлетворена тем, что может «прицепиться» к уже кинутым в сознание «точкам привязки». В сущности, какая разница, во что именно верить и как именно, главное – чтоб «избыточные» чувства были как-то оформлены, чтоб на основные вопросы жизни было как-то отвечено.

И возникает общий для группы людей «тот мир», и люди вступают с ним в какие-то отношения: разговаривают, задабривают, приносят жертвы и посвящают высшим существам свои подвиги. Оформляется свод этих взаимоотношений, религия принимает подробные формы, и выделяется слой профессионалов, посредников-переводчиков-ходатаев перед высшими силами – от шамана до Ватикана.

И эти профессионалы сосредоточивают свои силы на постижении замысла Высшего Существа, их энергия тоже требует каких-то действий и свершений, и они придумывают все новые обряды и святыни, и внешняя сторона, внешние проявления веры все увеличиваются, усложняются, все дальше отходят от первоначальной сути веры, всегда нехитрой, несложной. И вот уже всем, в общем, плевать, как ты веришь – ты, главное, соблюдай все обряды, это означает, что ты веришь правильно, раз правильно совершаешь все сопутствующие вере действия, а какие действия – это ученым «святым отцам» виднее, они только этим вопросом и занимаются.

И в конце концов Церковь – это получается одно, а религия – немного другое, а вера – немного третье. Изошренные церковные схоласты найдут высший и истинный смысл в любой мелочи любого обряда – но это ведь дело несложное (сродни концептуальному искусству), любой человек с развитым ассоциативным мышлением может быстро и без труда, такое занятие даже развлечет, придумать целый обрядовый комплекс для служения какому-нибудь Высшему Существо: скажем, сплевывание будет означать извержение из себя скверны вон, почесывание гениталий – напоминание о первородном грехе совокупления, кукиш – единство пастыря (большого пальца) с паствой (остальными четырьмя пальцами), а битье головой о камень – Его твердость и незыблемую силу. Пуркуа па?

§ 10. Поэтому самые энергичные, значительные люди из лона Церкви – еретики, реформаторы, раскольники. Фанатики, люди повышенной энергии, они ударялись в религию со всей страстью – и неизбежно приходили к несогласию с чем-то в ней. Им надо изменять и переделывать! Обряды формальны, священники – карьеристы, суть веры отплыла далеко от мишурной суеты религии, – давай реформацию!

В конце концов, гораздо более заслуги создать новую религию, нежели послушно следовать тому, что уже придумали до тебя.

Да и откуда вообще взялись все религии? А очень просто: кто-то первый взял и заявил, что дело обстоит не так, как полагали раньше, а иначе – вот так и так. Ему это сообщил Бог, или ангел, или ему это приснилось, или он пришел к этому по долгому размышлению. Его сожгли (удавили, закопали, распяли), но народ призадумался: что-то в его словах есть, тем более если он за них принял смерть.

§ 11. В принципе любая церковь и любая религия существуют для стада, толпы, не способной к самостоятельному мышлению и самостоятельной вере. Потребность в вере есть, а оформить самостоятельно ее трудно, осознать самостоятельно что к чему – мозгов не хватает. А вот тебе, милоч, и готовые объяснения и предписания на все случаи жизни. Да? Отлично! Дух подкреплен, ответы на вопросы о мироустройстве получены, потребность в несогласии со многими моментами этого мира удовлетворена, и за всем этим вдобавок стоят авторитетные люди и вековые святыни. Ведите меня к крещению, причастию, молитве, обрезанию, будем читать Тору, Евангелие, Упанишады, Лао Цзы – короче, приспособьте меня в какую-нибудь ладью, а то я болтаюсь под ветрами мира, как цветок в проруби, и как-то мне ненадежно, одиноко и беспокойно. Мир тебе, брат во миру.

§ 12. Кроме того, люди всегда объединялись в большие группы, чтоб творить сообща великие дела и обламывать рога другим группам. Религия и церковь работали тут объединяющим фактором. Мы вместе, потому что нам ведома истина, она правильная и хорошая, а у других неправильная и нехорошая. Мы – орлы, эй ухнем, Бог с нами, а этих собак сейчас пережем, у них бог неправильный.

Зараза, а если у них тот же самый Бог?.. Тогда мы отыщем в их действии нехороший поступок, которым они сделали пред лицом Бога то, что ему неуютно; по глупости и дьявольскому наущению сами они не ведают, чего натворили, но уж мы-то порядок наведем и грешников на голову укоротим. Что, с той стороны такие же проповеди?! Мерзавцы... Они неправы, они упорствуют в своем заблуждении, – рубай их, хлопцы! Отче, благослови оружие на святое дело!.. Отче благословляет, а как же, в каждом полку свой собственный представитель Бога, причем с обеих воюющих сторон.

Практически всегда религия как объединяющий фактор работала на совершение людьми больших действий.

То есть существование религии обусловлено не только ее произрастанием из веры, не только адаптацией веры для толпы, – т. е. потребностью в духовном массокульте, – но и просто потребностью людей в объединении для усиления себя. Чего повторять, что общность религии скрепляет своих и противопоставляет чужим, это ведь ясно. Необходимо отметить:

Потребность в религии как потребность в крупных действиях. Как стремление усилить себя через усиление своего сообщества.

§ 13. В конце XX века в России разумному человеку быть религиозным – пожалуй что несколько стыдно, несерьезно, смешно. Стыдно – потому что придерживаться православия сейчас стало модно, стало конформизмом и общим местом. Когда матерые коммунисты вдруг встали в храме со свечками, а жуликоватые священники, в прошлом информаторы КГБ, т. е. доносчики и предатели, делают в их сторону жест пальцами и дают целовать кусок металла крестообразной формы, а в это время телекомментатор ведет репортаж со служения с интонациями и оборотами спортивного репортажа, – порядочному человеку подобает объявить себя атеистом.

Несерьезно – потому что обрядопоклончество и идолопоклончество, составляющее внешнюю, атрибутивную сторону религии, слишком уж условно; и никакого прямого отношения к сущности веры не имеет. Это театр для толпы – толпа таким образом реализует свою потребность в ощущениях «чего-то высшего и святого», а актеры зарабатывают себе на хлеб с маслом.

Только тот, кто не может обрести веры внутри себя, нуждается в приобщении к ней снаружи, через стояние в толпе, соучастие в условных действиях обряда.

Смешно же то, что человек может полагать в другом человеке посредника и ходатая меж собой и Богом. Он что, знает что-то, чего по жизни не знаешь ты? Или Бог лично ему что-то сказал и уполномочил на представление своих интересов на земле? Если взглянуть в деловитые лица священников, прислушаться к деловитым интонациям их молитв, – послушайте, да у них же работа такая! Акт отправления веры не может быть работой – служение Ему есть акт откровения, душевный порыв, подъем духа, откровение, экстаз, раскрытие сокровенного. Заниматься этим по расписанию изо дня в день?.. Не знаю, не знаю...

А выговариваться духовнику – примерно то же самое, что выговариваться психоаналитику, врачу, другу. Избывание комплекса вины.

§ 14. Надо отметить психогигиеническую функцию религии. Избавление от камня в душе. Приведение в норму своего внутреннего соотношения между сущим и должным.

Что это значит? Человека насколько-то не устраивает он сам и его действия. Он хочет изменить положение: изменить свои ощущения. Либо чувствует, что хочет сделать «не то» – и идет к духовнику за поддержкой, пусть тот его отговорит, иначе по натуре своей тещу отравит или конкурента-обидчика пристрелит, очень сильное желание подмывает.

Религия как средство изменения соотношения «я – мир».

§ 15. И последнее. Религия всю дорогу брала на себя право и функцию определять мораль. Через устройство «высшего мира» объясняла и предписывала, почему так, а не иначе, надо поступать в этом мире.

Вера и мораль – вещи частично взаимонакладывающиеся, совпадающие. Мораль во многом иррациональна, с точки зрения целесообразности в реальном мире кое-что и многое в ней представляется необъяснимым.

Когда религия (церковь?) повелевала истреблять инаковерующих вместе с семьями – насчет морали можно и призадуматься. Но когда религия (вера?) велит соблюдать Десять заповедей – это тот самый моральный кодекс.

Люди никак не могли сообразить, почему же надо (сами же себе постановили это «надо»!) поступать в любом случае не так, как целесообразно и выгодно в этом реальном мире, а как-то иначе. И ввели условное допущение: «Потому что Бог поведал, что это хорошо и похвально, а иначе Он накажет». В сущности, это объяснение морального императива ничем не хуже любого другого.

Но возможен другой взгляд на категорию морали, который представляется, наконец, верным.

Глава IV

Решение вечных вопросов

Смысл жизни

Вот уж вопрос вопросов.

Чтоб не впасть в патетическое (либо скептическое) словоблудие, разделим сначала этот вопрос на «ступеньки», конкретно оговорив каждую:

- что такое вообще «смысл»?
- что такое вообще «жизнь»?
- что такое в частности жизнь человека?
- почему человеку нужен смысл жизни?

(Вкратце об этом уже говорилось в ч. I, гл. 8, а также в эпилоге «Звягина».)

§ 1. Вообще «смысл» – это решение (ответ) задачи, в рамках которой для ее решения совершается действие (существует процесс), конечная цель которого ведет к или способствует решению этой задачи, более общей, чем предпринятое частное действие.

То есть смысл отличается от цели тем, что достижение цели опосредованно ведет к обретению смысла. Цель по отношению к смыслу – не «самоцель», но лишь средство. Смысл – это цель второго рода, «сверх-цель», «над-цель». Смысл оправдывает и объясняет, зачем вообще нужно было ставить цель и достигать ее.

Смысл относится к цели, как общее к частному, конечное к промежуточному.

Цель заливки бензина в автомобильный бак – наполнение бака. Смысл – работа двигателя. Если двигатель не исправен, наполнять бак бессмысленно. Цель работы двигателя – вращать вал и колеса. Смысл – передвижение. Если поддомкращенные колеса не касаются земли, работа двигателя бессмысленна – автомобиль не движется. Цель движения автомобиля – доставить вас к нужному месту. «Нет смысла ехать туда на машине» означает: дороги забиты пробками, путь недалек, погода хорошая, быстрее и приятнее дойти пешком, – то есть цель-то будет достигнута и на машине, но смысл – быстрота, удобство, комфорт передвижения – будет отсутствовать.

Цель атаки – захватить высоту. Смысл – выигрыш сражения через обладание господствующей высотой. Цель сражения – захватить плацдарм для форсирования реки. Смысл – развитие наступления всего фронта. Цель наступления – окружение вражеской армии. Смысл – сокрушение его военной мощи и победа в войне. Если ты окружишь врага, а у тебя кончатся боеприпасы, горючее и провиант, окружение бессмысленно: никого ты не уничтожишь, тебя самого уничтожат. А смысл победы в войне – твоих людей не будут больше убивать, твоей стране не будет грозить враг, с побежденного можно содрать репарации и жить сытно, мирно, счастливо, и быть могущественным.

Как правило, в обыденной жизни вся цепочка промежуточных целей, задач и смыслов опускается сознанием человека, как нечто само собой понятное и разумеющееся. Начальное исходное действие «закорачивается напрямую» на конечную цель, т. е. ряд промежуточных задач объединяется в общую задачу, и решение этой общей задачи является смыслом, выступает в качестве смысла – как исходного действия, так и всех промежуточных, по отдельности и вместе. Смысл заливки бензина – в быстром комфортном передвижении в автомобиле. Смысл рисковать жизнью в атаке – победа в войне. Смысл конечной цели – это то, что мне надо, я этого хочу, тогда мне будет хорошо (или моей семье, родине, человечеству, которых я люблю, и за их благо готов отдать жизнь).

§ 2. Мы имеем смысл как целесообразность всей цепочки целей и действий от начала до конца. Эта целесообразность нам видна, понятна. Понятно, для чего нужно каждое промежуточное усилие, действие, и к чему оно ведет. Причем – причем – конечная цель человека как-то устраивает, он с ней согласен, она для него приемлема. В какой-то степени желанна. Овчинка стоит выделки. Потопаешь – зато и полопаешь.

§ 3. Жизнь вообще – это эволюция Вселенной, ее энергопреобразование, во всем многообразии существующих форм.

§ 4. Жизнь человека объективно – острое этого процесса. Энергоизбыточному человеку всегда всего мало, ему все не так, все всегда надо переделывать.

Субъективно это проявляется в постоянной неудовлетворенности, несогласии, в ощущениях – а через ощущения в сознании – что «что-то не так, неправильно, недостаточно хорошо».

§ 5. Когда человек больше всего озабочен поиском смысла жизни? В подростковом и юношеском возрасте. Это возраст формирования личности, формирования взглядов и представлений о мире. Возраст познания себя и мира. Это возраст наибольшего энергетического подъема.

А вот старцы к смыслу жизни относятся гораздо спокойнее. Хотя он у них есть (полагают они), хоть его вообще нет (полагают они), но как-то они внутренне уравнились, успокоились...

Что мы имеем в юности? Энергии много, а понимания еще маловато. Сил много, а полностью они не заняты. Хотя ты пацана на пятнадцать часов в сутки в шахту уголь отбивать загоняй – силы у него восстанавливаются быстро, и в свободные минуты он все равно может размышлять, на кой черт нужна эта пахота и какой смысл во всей этой жизни. А уж если «золотой молодежи» вообще делать что бы то ни было необязательно – здесь поиски смысла жизни могут часто вести к опустошенности, нигилизму, наркомании и т. д. А зачем все, если жизнь по большому счету смысла не имеет?..

Кроме того. Молодости необходимо утверждать себя, а для этого нужно подвергнуть сомнению и в чем-то отрицать старшее поколение – его ценности, его достижения и образ жизни. И молодой ставит вопрос себе и старшим: «Вот, пахали вы всю жизнь, накопили и сделали то-то и то-то, – а какой в этом смысл? Может, лучше было бродяжить, на пузе в тени лежать. Мне предстоит всю жизнь работать, семью заводить, дом строить – а какой, по большому счету, в этом смысл?»

Отсутствие смысла жизни, кто о нем задумывается, именно в молодости больше всего гнетет, пригибает, и – и! – заметьте, гонит в авантюры. На войну, в наемники, в Иностраннный легион – и даже не мир посмотреть и себя показать, а – рисковать, испытывать напряжения, убивать врага (какого врага?., неважно!..) и рисковать жизнью самому. В экспедиции, в горы, через пороги, вокруг света. И вот как тебя прищучит покрепче, что аж дух из груди вышибает, – вопрос о смысле жизни как-то растворяется, забывается, исчезает. Вот смысл сейчас в том, чтобы выжить и победить, это важно и безусловно, это берет все силы: ох туго, ребята, превозмочь надо, ни фига, прорвемся.

Вопрос: это поиск смысла жизни – или это уход от поиска смысла жизни, а? Правильный ответ такой: и то и другое одновременно. Это уход от поиска смысла жизни вообще, в высшем и всеобщем понимании – зато это обретение смысла своей жизни конкретно, здесь и сейчас, вот в этом деле и в этих ситуациях. Ситуации трудные, забирают все силы, риск для жизни – но есть какая-то общая цель, общая для взвода, политической партии, страны: установить более справедливый политический режим – или хотя бы открыть месторождение нефти, и людям будет тогда теплее и лучше жить. То есть: ты ощущаешь свое соучастие в каком-то большом деле, конечные цели которого далеко выходят за рамки твоих личных интересов, и сознание этого тебе отраднo, дает удовлетворение, ощущение своей значительности.

Ребята, но ведь это романтика. Это условность, в конце концов. Работа, скажем, бухгалтера тоже по большому счету необходима. Да, но уж больно скучна и неинтересна молодому... в чем смысл жизни бухгалтера? Считать деньги миллионера, чтоб тот продолжал наживаться? Спасибо.

§ 6. Смысл жизни подразумевает, что имеется какая-то здоровенная задача, общая и достойная, куда не жалко и стоит подключать все свои силы, все возможности, все помыслы.

Но где же границы этой задачи? Где конечная сверх-цель, которая придает смысл всему?

Вот, условно говоря, ты строишь огромный дом, в нем будет жить масса людей, им будет тепло и сухо, удобно, хорошо, и в этом большой смысл твоей работы (не считая конкретного смысла, который можно считать твоей личной целью – заработать на жизнь). А если подумать – эти люди лживы, эгоистичны, подловаты, и пошли бы они к черту, какой смысл ради них горб ломать?.. Да пусть сами устраиваются как хотят.

О`кей – это сплошь хорошие люди, добрые, честные, самоотверженные, и вообще твои друзья, которые тоже тебе как-то помогают в жизни. Построим им дом, ладно. А что в итоге? Все равно все они когда-нибудь умрут. А их дети? И дети в свой час умрут, и внуки, и правнуки, и все когда-нибудь умрут. Эх... Вот все живут-живут, работают-работают, радуются, огорчаются – и какой в этом в конце концов смысл?.. Все умрут... Так для чего же оно все вообще в жизни вертится?..

Постижение конкретным человеком смысла жизни – как бы всеобщего, главного, Высшего Смысла – имеет такой механизм: к любому действию, к конечной его точке, человек приставляет вопрос: «А зачем это?» Зачем – строить дом, создавать семью, крепить страну, способствовать процветанию человечества? Все равно – человечество когда-нибудь прекратит свое существование, и Вселенная когда-нибудь прекратит свое существование, и ничего когда-нибудь не будет. Хоть ты дергайся, хоть ты не дергайся, что ты жил на свете, что ты не жил на свете, – конечный итог один, по большому счету твое существование ничего в жизни Вселенной не решает, и существование всего человечества тоже ничего во Вселенной не решает. Возникли, посуетились и сгнули. Хо-па.

И тогда получается, что никакого Высшего Смысла в существовании человечества нет. И нет никакого смысла жизни. Закуривай.

§ 7. Религия отвечает на вопрос о смысле жизни в духе бессмертного пожелания кайзера Вильгельма I: «Не рассуждать!». Есть Бог, рай, ад, вечная награда, вечное наказание, и данные Богом законы. И смысл жизни в том, чтоб жить так, как он велел, и тем самым выполнять свое предназначение на земле согласно Его замыслу, и тогда тебе потом вечно будет хорошо. А если тебе неохота? Вася, тогда ты не прав.

Смысл – в служении Ему. Просто и внятно. Лучше всего принять схиму, уйти в аскезу, посвятить всего себя Ему, вот и смысл жизни. А зачем – Он лучше знает.

Или – смысл в пожизненном и все более глубоком постижении Его замысла и заветов, а замысел Его бесконечно всеобъемлющ, и дела тебе хватит на всю жизнь. И с каждым шагом в своем постижении ты приближаешься сам и приближаешь человечество к постижению Его истины и к жизни по этой истине, и эта жизнь делается тем самым все лучше и правильнее, а в конце концов она должна стать вообще царством Божиим на земле, и тогда все будут счастливы, а плохие ребята будут наказаны, и настанет вечная справедливость, и счастье, все будет очень хорошо.

А если ты в этом сомневаешься? Тем хуже для тебя, несчастный.

Ну, настало царство Божье. А дальше что? А чего тебе дальше, еретик неблагодарный?! Хватит, уже будет отлично!..

В более общей форме: смысл жизни в том, чтобы на стороне Добра бороться со Злом, добро должно в конце концов победить. И что? И тогда все будет хорошо. Ладно, а зачем? А

дальше что? А чего тебе еще? Да это и есть цель всего человечества: вечное торжество справедливости, блага, Добра.

Тогда вопрос смысла жизни упирается в веру. Вот если твоя вера более или менее имеет такие религиозные формы – смысл жизни у тебя есть, и он тебе ясен.

§ 8. Большинство людей заявляют, что они придерживаются той или иной религии. Но по большей части их религиозность носит весьма поверхностный и формальный характер. Отправление основных обрядов, в христианстве – крещение, причастие, исповедь, пост, венчание и т. п. Тем не менее люди, формально принадлежащие какой-либо религии, могут страдать от отсутствия смысла жизни. Вот как-то внутренне не устраивает их то, что известно им от отцов церкви. Знать-то они это знают, понимать-то вроде понимают, и даже вроде верят... им кажется, что верят, ну похоже, что верят. А смысла в своей жизни не видят.

Ну согресишь, ну покаешься. Ну, в рай попадешь, ну, в ад попадешь. А что это по большому счету меняет?.. Все равно грешников кругом полно, все равно твоя жизнь по большому счету ничего не изменит. И таких людей – обычных, нормальных – всегда было большинство. Крепко и «подробно» верующих людей, т. е. законченных ортодоксов того или иного рода-вида, всегда было меньшинство. Все должны к этому стремиться? Положим даже так. Но по жизни так никогда не получалось. Какие основания полагать, что получится когда-нибудь?

Добро со Злом боролись всегда. С чего вы взяли, что Добро должно победить? Да это диалектическая пара, единство противоположностей, одно и определяется через другое, отдохните от ваших абстракций.

Если человек начинает сомневаться в том, что проповедует религия, и хочет разобраться сам – ага, он впадает в грех сомнения, неверия. Вы ему советуете перестать думать? Большое спасибо. Этот номер не пройдет. Думать – удел человека, познавать – его неотъемлемое свойство.

Опять же, религия говорит одно, а практическая жизнь другое. По религии надо жить так, а на практике все живут эдак, и священники ловко подгоняют теоретическую базу – что, мол, ничего страшного в такой практике нет: ну, дает банкир деньги в рост, ну, посылает политик солдат на убой, ну, пашет трудяга, чтоб иметь барахла не меньше, чем соседи, – и все это отлично согласуется с религией. Богу Богово, а кесарю кесарево не отдашь – кишки выпустит. Отдаешь... Какой в этом смысл жизни?..

§ 9. Представления человека о жизни – *шире* религиозных. Можно говорить еще о представлениях научных, философских, практических. Ограничение поисков смысла жизни религиозным аспектом большинство людей не устраивает. Можно бесконечно вести теоретические споры об этом – но практика такова, и все тут. Вот большинство людей так устроены. И замучишься их изменять. Нет у меня для вас другого народа, справедливо заметил Господь.

Мы лишь констатируем, что обретение смысла жизни по религии многих людей совершенно не устраивает. Не видят они такого смысла.

§ 10. Смысл жизни по религии – это достижение Идеала. А насчет достижения идеала мы уже говорили неоднократно. Не будет вам достижения идеала, граждане. Религиозный идеал – не более чем одна из разновидностей идеала вообще. Недостижим идеал. Потому что он идеал. Противоположность и противопоставление реальности.

Чего хочет религия? Маненечко не того, что мы имеем в жизни. Ага. Все то же самое стремление изменить, переделать то, что мы уже и так имеем. Аспект все того же самого стремления человека переделывать мир.

Смысл жизни по религии сводится все к тому же самому преобразованию мира. К созданию не того мира, который мы имеем. Э? Этот передел мира возводится в абсолют, объявляется самоценным, идеал объявляется достижимым, в это категорически предлагается верить.

Верить – это невредно. Но мы хотим знать.

§ 11. Вот террористы захватили заложников. Они понимают, что шансы на успех не гарантированы, и изначально готовы погибнуть. Еще более готовы они перебить заложников, хотя по натуре могут быть отнюдь не садистами. У них есть цель – освобождение своей родины, скажем. Может, это никакое не освобождение, а наоборот выйдет мерзкое порабощение, но они искренне полагают, что это освобождение, цель благая и великая. Как у них насчет смысла жизни? Хорошо. А иначе фиг бы они себя взрывали. Они обретают в своей борьбе, в стремлении к своей цели, смысл жизни. Для них – это так.

На войне, в сплошной критической ситуации, в условиях труднейших, в постоянном нервном и физическом перенапряжении, при постоянном риске смерти, у солдат со смыслом жизни в основном все более или менее понятно. Выжить, победить, обрести мир вместе со своей страной – вот и весь смысл жизни, и он солдата куда как устраивает.

Всегда? Нет. Это если он полагает войну необходимой, справедливой, дело свое – правым. Условно – Великая Отечественная, а также все народно-освободительные движения, «неприказные» партизанские войны. А если в целях войны есть сомнения? Тогда в периоды затишья, когда можно перевести дух, отдохнуть чуток, солдат неизбежно задумывается: чего же ради люди друг друга истребляют, да ведь эти «враги» лично ему ничего плохого не сделали, они такие же точно люди. Тогда насчет смысла жизни солдат не убежден...

То есть:

- а) для обретения смысла жизни человека полезно ткнуть в такую ситуацию, чтоб все его силы и помыслы были заняты, напряжены, целиком работали на конкретную задачу;
- б) цель задачи должна представляться человеку желанной и достойной;
- в) цель общей задачи, в которой он соучаствует, должна быть ему ясна и должна его устраивать, – выходя при этом за пределы его чисто эгоистических интересов.

§ 12. Теперь вернемся к § 6 и повторим некоторые его положения. Где границы нашей «самой общей задачи»? Где последний, итоговый ответ на вопрос «а зачем?», который постоянно приставляется пытливым человеческим умом к ответу-решению каждой все более общей задачи? – этот вопрос «а зачем?» превращает общую задачу в конкретную, промежуточную, не конечную, не всеобъемлющую.

Ну, обеспечишь своей стране свободу, независимость, процветание – но ведь нет в мире ничего вечного, пройдут века, тысяча лет, две тысячи, четыре, – и не будет твоей страны, твоего народа, сменится цивилизация. Где Ассирия, Вавилон, Египет?.. Великая Эллада стала мелкой третьестепенной Грецией, и нынешние греки – не те эллины, а малозначительные потомки растворивших их и смешавшихся македонцев, балканских славян, персов и тюрков. Остались лишь название, память и хилая инерция. Великий Рим стал второстепенной Италией, крикливой, жуликоватой и трусоватой, веками успешно проигрывающей все войны, в которые ее втягивали, и итальянцы давно не имеют почти в себе той римской крови – наслоились и перемешались германцы, кельты, левантинцы. А какие страсти кипели, какие жертвы приносились, какое величие духа являли борцы! И что?.. Руины, туристы, кодак и сникерсы.

Ради чего, по большому счету, жить? Ради мирового прогресса? Это что значит? Чтоб потомки больше и слаще жрали? Вот – мы потомки. Ну и что? Много нам смысла в изобилии жратвы?

Ради прогресса науки? Наука идет на потребительство и войны: груды барахла и водородная бомба. А смысл?

Ради прогресса культуры? Послушайте эту поп-музыку, посмотрите эти голливудские махаловки, почитайте эти глянцевого триллеры – или вкусите зауми «интеллектуалов». В создании этого подкрашенного и ароматизированного дерьма в качестве пищи для духа – смысл жизни? Яду мне, шприц мне дайте, трубку с опиумом!

Нравы улучшаются? Ознакомьтесь с полицейской хроникой – эта иллюзия сразу пройдет.

Как горели глаза фанатичных революционеров всех времен и народов – и на морях крови, пролитой в результате в землю, фермеры собирают урожаи пищи, которая красиво упаковывается, жретя и испражняется либо выкидывается. А дети фермеров тоскливо ищут смысл в своей жизни. Хау.

Раздвинем границы задачи до краев планки – до пределов познания, до границ Бытия. До последней черты. До последней Цели, за которой уже вовсе ничего нет.

И в неизмеримой дали времени мы увидим гибель нашей Вселенной.

Конец мира.

И все тут.

И никакого более смысла за этими пределами нет. Ничего за ними нет.

Нет в жизни никакого высшего смысла.

Увы и ах. Зараза. Кто б мог подумать.

Если бы не одно «но».

§ 13. До сих пор наука практически не придавала никакой роли существованию человечества в существовании Вселенной. Удивительно, трудно поверить, но это так. То есть что Вселенная породила человека и он есть часть Ее – это давно стало общим местом. А вот что человечество есть значимая часть Вселенной, реальная сила, которая что-то может, что-то делает, как-то на все существование Вселенной влияет – этим наука как-то свои помыслы не занимала. Потрясающе.

Масштабы Вселенной казались уж больно несопоставимы с масштабами возможностей человеческих. Ну ничтожная же пылинка в необозримых пространствах колоссальных сил. Спасибо, что вообще существует.

В XX веке Циолковский сообщил, что человечество «не останется вечно на Земле, но проникнет к звездам». Не он первый сказал это в веках, но заявление пришлось вовремя: воздухоплавание обрело свою теоретическую науку и подступало к ракетостроению. Мысль о том лишь, что человек может – реально, «по науке», – выйти за пределы Земли в межпланетное и межзвездное пространство, выглядела дерзкой, революционной, грандиозной. Не переделять – куда там! – но хоть добраться куда-нибудь и жить там, – о, это выглядело фантастикой, пьянило умы.

В XX веке другой естественник, геохимик и биогеохимик Вернадский, увязал геологическую эволюцию Земли с разумной деятельностью человечества: преобразование земных пород, как органического происхождения, так и «косных» (неживого происхождения), посредством деятельности человека пошло гораздо быстрее, активнее; разумная деятельность является тут весомым геологическим фактором. Никакой «космической экстраполяции» Вернадский не проводил: он был добросовестнейший ученый, скрупулезно обрабатывавший достоверно подтвержденные научные факты, и проблем более общих, характера космофизического, старался не касаться. Психология в круг его интересов вообще никак не входила, философию же он, с корректным (и справедливым!) пренебрежением за науку вообще не считал. То есть: человек здорово перелопачивает Землю – и баста; больше науке пока ничего не известно. (Ну, а поскольку он разумный – он должен в будущем Землю преобразовывать разумно, во благо себе и планете, полагал Вернадский, рассматривая разум как некий самодовлеющий фактор и никак не вдаваясь в его анализ.)

На этом – все. «Дальнейшее – молчанье».

То есть один полагал, что мы по Вселенной в конце концов разбредемся, расселимся, но «делать с ней» ничего не будем, кроме как на уровне колонизации, мелкого приспособления Ее для своего выживания: на Марсе будут яблони цвести, в созвездии Альфа Центавра построим Нью-Москву, и красивые космические корабли будут на радость людям бороздить бескрайние просторы мироздания.

Другой полагал, что мы «разумно» преобразуем планету максимально удобно и полезно для себя, и это полностью соответствует ускорению ее геологической эволюции. Может, и похоже, Земля для того и создана. А космос – это дело темное, сомнительное, никто ничего толком не знает.

А ведь эти еще из лучших, с сожалением заметил Атос. Без смеха – поклонимся великим умам.

Но все это – на тему, зачем Вселенная нужна человеку. Но – в свою-то очередь, с другой-то стороны – зачем человек нужен Вселенной?! Что он в ней делает, что он может, куда крутится этот крошечный винтик, в какое место механизма всажен и с какой целью: вот он есть – ну и что с того будет? Взаимосвязь-то какова? До сих пор связь была какая-то односторонняя, полупроводниковая, в одни ворота: Вселенная сделала человека, а человек все делает для себя. Ага. Больше у Вселенной и дела нет, как создавать человека, «венца творения», для его блага. Или наоборот, по теориям пессимистов: для его страдания, в результате.

По одним теориям – сплошной антропоцентризм: вот пуп мироздания, и все рассматриваем с его точки зрения, с позиции его нужд и пожеланий. По другим теориям – «бессмысленный объективизм» – ну есть такое явление во Вселенной, как человек, это достойно изучения и обмозгования, как и все явления Вселенной: как, что, почему, для чего. А зачем?! Ну, это ненаучная постановка вопроса, мы имеем объективную реальность, этого достаточно. Таковы законы природы. Каковы законы природы?! Таковы.

Господа, глаза же лезут на лоб: ну ни одна же научная падла неким не понятным даже образом не ставила себе задачей рассмотреть *все* устройство и *всю* деятельность человека в неразрывной, совокупной, взаимной, двусторонней связи со всем устройством и всеми процессами Вселенной.

(Возможно, я самую малость преувеличиваю. Возможно, меня обвинят в стремлении к вульгарному детерминизму. Но сути это не изменит!)

Наука рассматривала существование человечества как наличие некоего милого и дорогого тупикового отростка в общей кишке: вот он так-то выглядит, такого-то размера, цвета, из таких-то клеток, которые так-то функционируют, ужасно он занимательный и очень сложный. Организм его питает, а он организмом немножко пользуется в своей жизнедеятельности. А вообще, если его ампутировать, кишка будет работать дальше. Организм огромный, кишка длинная и толстая, этот отросток на общем фоне и заметить-то трудно.

А отросток вопит: зачем я нужен, в чем смысл моего существования, не может быть, чтобы я организму был ни за чем не нужен!!!!!!

И он прав, этот отросток, прав более, чем отдельные микробы, которые считаются окружающими клетками за самых умных и образованных.

Полета лет назад сильно умные американцы додумались, что аппендикс не нужен ни за чем, кроме аппендицита, т. е. своего воспаления. И стали его младенцам поголовно удалять. И очень быстро оказалось, что как раз младенцам-то аппендикс и нужен, чтобы толком переваривать материнское молоко. Бросили удалять. И стали скромнее. А не учи отца ебаться. Не мни себя мудрее природы. Она лучше знает, что к чему.

Мал золотник, да дорог.

Крошечного, в несколько граммов весом, взрывателя достаточно, чтоб, хлопнув, инициировать взрыв гигантской многотонной бомбы, хоть всего склада боеприпасов, были бы они соответственным образом уложены.

Внимание.

Вот человечество – крошечный боек этого взрывателя. А бомба – вся Вселенная.

И по всему судя, взорвем ее именно мы. Больше, вроде, и некому. И – тем самым действием – Новую Вселенную создадим тоже мы.

Это – Максимальное Действие, Самая Общая Задача, Предельное Сверхшение.

Это – тот Идеал максимального энергопреобразования, к которому стремится человечество – изначально, постоянно, без пределов, по одиночке и все вместе.

(См. ч. I, гл. 8 – невредно перелистать там сейчас несколько страниц, если кто плохо помнит.)

Таким образом, если кто хочет правды, реальности и логики – Смысл Жизни Человечества – в том, чтобы, уничтожив Вселенную, создать Новую Вселенную.

§ 14. Энергопреобразующая деятельность человека есть часть и острее энергопреобразовательной деятельности Вселенной.

Посредством самого энергомощного – «запального» – своего создания – человека – Вселенная преобразует себя. Вот роль человека во Вселенной.

Если человечество Земли во Вселенной одиноко – тогда вообще все в порядке.

Если есть цивилизации более «энергомощные», чем наша – возможно, тем хуже для нас: мы, быть может, тупиковая ветвь во Вселенной, типа неандертальцев, а Вселенная создала несколько человечеств, чтобы «подстраховаться»: кто-то вымрет, чья-то звезда раньше времени погаснет или взорвется, а кто-то должен выжить и развиваться до конца, чтобы исполнить свое предназначение. Но в принципе – в принципе – это ничего не меняет в нашем устройстве, наших стремлениях.

Если человек – или вообще жизнь – «имплантированы» на Землю с какой-то другой планеты – это также ничего не меняет в принципе. Ибо это никак не меняет суть энергетической эволюции Вселенной, Земли и человечества. Не меняет направленность этой эволюции.

§ 15. Кстати, такая роль должна весьма льстить представителям человечества, которые сильно огорчаются, если им говорят, что они не пупы мироздания и не цари природы. Ибо в имеющемся устройстве Вселенной человеку принадлежит столь важная роль, что он «имеет полное право» считать себя если не хозяином Вселенной (Хозяин – это круто будет) – а все-таки чем-то вроде главного оперуполномоченного, главнее всех прочих на своей – видимой и достижимой – территории.

Привет, начальники!

§ 16. У Платона было много друзей. И все они говорили: «Платон мне друг, но истина дороже». Опечаленный этим Платон собрался в конце концов на поиски истины и отбыл надолго. Когда он вернулся, друзья пили древнегреческое вино и пели древнегреческие песни. И усталый, грязный, постаревший Платон спросил: «Так кто вам дороже – друг или истина?..» – И друзья упрямо и терпеливо повторили: «Платон мне друг, но истина дороже». – Платон вздохнул, плюнул, снял с плеч мешок и вытряхнул на стол Истину. Звякнули разбитые черепки, пролилось вино. – «Ну?» – спросил Платон. Друзья мрачно молчали. Потом один сказал хмуро: «Уходи, Платон. Ты нам больше не друг».

Я глубоко неуверен, что истина в данном случае может кому-то облегчить жизнь или улучшить настроение.

«Ты этого хотел, несчастный Жорж Данден».

Поиск смысла жизни подразумевает оптимистическую установку ищущего. Он хочет иметь такой смысл, чтоб опереться на него духом. Чтоб жить было лучше – не ему лично сейчас, так хоть другим, любимым, или вообще людям, – тогда и ему будет морально легче и лучше.

А тут... Хрен ли нам Новый Супервзрыв неизвестно когда в будущем. Вдохновляться тут нечем. Что – когда-нибудь в Новой Вселенной будет новое человечество? Тоже временное, да? Большое спасибо. Да иди ты на хрен, пророк хренов. Вася, давай выпьем!..

Слушайте, ну же вы зануды. Ну же вы привереды. Вот вам конечный результат, вот вам конечная цель, вот вам конечный смысл – в самом-рассамом общем плане смысл вашей жизни.

Таки вы знаете? Они не хотят!

§ 17. Безвыходным мы называем положение, выход из которого нам не нравится, сказал великий Станислав Ежи Лец.

Ушибленный правдой человек злобно соображает, что вовсе не это он имел в виду, когда требовал истины.

Такой хоккей нам не нужен, возмущенно завопил телекомментатор.

Под смыслом жизни человек желает иметь некую положительную величину. То есть: он хочет, чтобы это была истина, но еще он при этом хочет, чтобы эта истина ему нравилась. Чтобы сознание ее грело его, вдохновляло, помогало переносить трудности, добровольно идти на лишения и т. д.

Под смыслом жизни человек подразумевает истину, которая для него имеет положительную эмоциональную окраску. А законы природы не могут иметь никакой эмоциональной окраски. Как может нравиться или не нравиться Второй закон Ньютона? Или Закон всемирного тяготения?

А где же моя свобода, возмущенно вопит человек. А для чего же мои прекрасные моральные качества?

§ 18. Вы знаете? Человек может прекрасно это все понимать (я полагаю, что хоть теперь уже может) – но внутренне это его все равно как-то не устраивает, да. И вот тогда может, опять же, возникнуть вера. Он *знает* – но все равно очень *хочет* иначе (см. «Вера и религия»). И из этого «хотения вопреки разуму» он формирует себе веру – систему иррациональных представлений, которая удовлетворяет его эмоциональной структуре. И в этой системе желательных иррациональных представлений находит моральное убежище, подкрепление своему духу, положительные эмоции.

А вера «договаривается» с его сознанием: старик, это обстоит вот так-то, это вопрос мой, вопрос веры, мы с тобой верим ведь, что это так, – и тогда такие-то твои мысли, представления, поступки обретают понятный смысл: ты только установи ножки этой мебели на мне, поглубже – и тогда мебель отлично будет стоять, все будет объяснимо, логично, хорошо, полезно, во благо.

Это дивно, прекрасно, – верить в бессмертие души, в окончательную победу Добра, в грядущее пришествие царства Божия и т. п. – и на этой почве, на почве веры, сознание утвердит ножки всех своих рациональных конструкций насчет пользы, целесообразности, правильности и праведности. И, главное, насчет **Смысла Жизни**.

Веруйте, кто может, вам же будет лучше.

§ 19. Причина и источник поисков смысла жизни лежит в эмоциональной сфере. Как всегда, как всегда – сознание ищет рациональное объяснение эмоциональному стремлению. Сознание хочет подбить рациональную, целесообразную базу под «хотение» и действие.

Рефлексирующего человека не устраивает просто «хотение» – ему потребно его осознать. Я не просто чего-то хочу – я должен знать, что хочу правильно, истинно, и что это хорошо. А иначе вступает в действие обратная связь, обратное влияние: если это не истинно, если в конечном итоге в этом ничего хорошего – так и делать неохота: «хотение» теряет свою направленность, теряет конкретность, исчезает точка привязки во внешнем мире, и нереализуемая эмоциональная энергия приобретает форму общей неудовлетворенности, разочарованности, беспокойства.

Механизм здесь на самом деле несложный. Потребность в ощущениях первична и безусловна – первична и безусловна нервная энергия человека, устройство его центральной нервной системы задано природой. Потребность в действиях – тоже безусловна, тоже задана природой, но по отношению к потребности в ощущениях вторична: потребность в ощущениях, в удовлетворении ощущений – предшествует действиям. А между ощущениями и действиями у человека помещается сознание, разум, – это трансформатор, трансмиссия, коробка передач, преобразователь. Только физиологические потребности первого порядка удовлетворяются напрямую: дышать, испражняться, а уже даже есть и пить – напрямую только тогда, если пища

и питье тут же, под рукой, чтобы не надо было напрягать разум насчет прокорма, увидел – съел; а чаще подумать надо, как прокормиться. А уж вся «человеческая» деятельность – только через осознание психические возбуждения переходят в действие.

А ответной, обратной реакцией является: через осознание получить ощущения от действий. Иначе заработать миллион или создать шедевр не принесет ни малейших ощущений: а на кой черт тут торчит что-то, что я же и сделал, если я и так могу существовать.

И вот это до ужаса умное «посредническое» сознание стремится: в одну сторону – переводить ощущения в максимальные действия, а в обратную сторону – получать от них максимальные ощущения.

А как через сознание получить максимальное ощущение от действия (к чему сознание и стремится)? А это осознать действие таким образом, чтоб оно явилось для тебя предельно важным, значительным, желанным, нужным. О радость, о счастье, пляшет поэт, написавший гениальный стих. Чего ты радуешься, пожимает плечами жлоб, вот если б ты хорошую машину в подарок получил, а то – ну, какие-то слова сложил в рифму, зачем это надо. Я завоевал всех, гордо объявляет император. Все равно это через триста лет развалится, а сам ты скоро умрешь от язвы желудка, усмехается мудрец, три обеда не съешь, во всех дворцах одновременно жить не будешь, всех баб не перетрахашь, ты уже вообще импотентом стал в этих походах и волнениях.

Все «человеческие», «созидательные» ценности – условны, и таковыми ценностями являются только через осознание; только через осознание способны доставлять какие-то эмоции, ощущения. (А если нет никаких эмоций и ощущений, то и делать никто ничего не будет: как может прийти в голову делать то, что необязательно, для выживания не нужно, не дает никакой радости, никакого удовлетворения, к чему нет ни малейшего желания, даже от скуки. Ведь даже пол веником подмести – и то: в результате этого действия твоим эмоциям чуть комфортнее – либо в чистоте приятнее быть, либо в детстве в тебе привычку к порядку вбили, либо от движений тонус приподнялся хоть на микрон.)

И вот наше умное и логическое сознание стремится от всех действий получить максимум ощущений.

И именно поэтому стремится придавать всем действиям как можно большее значение.

А как этого добиться? А это – через сознание подключиться, осознать себя как-то причастным, как можно к большему количеству разных действий, и этим разным действиям, к которым ты осознал свою причастность, придать как можно большее значение. Чем больше действий, чем более значительными они осознаются, тем лучше – тем в большей мере удовлетворяет сознание потребности центральной нервной системы в ощущениях.

Смысл жизни – это Максимальное Значение, Максимальная Ценность чего-то, к чему ты осознаешь свою причастность. Через эту причастность твои собственные действия также приобретают Максимальное Значение, как часть великого общего. Через осознание своей причастности к великому делу тут осознаешь собственную значительность, ощущаешь удовлетворенность своей самореализацией, своим самоутверждением. О, тебе не вовсе безразлично будущее твоего народа и всего человечества – хотя сам ты и слабоват, и глуповат, и помрешь скоро.

§ 20. Поэтому наличие смысла жизни увеличивает твои силы, стимулирует, прищипоривает, придает «активную жизненную позицию»: ты не пыль на ветру, от тебя тоже в этом мире кое-что зависит, что имеет значение, нужно, потребно, желанно. С обретением смысла жизни у тебя появляется «так или иначе дополнительный» стимул к действиям – а вся-то жизнь есть действия, есть преобразование мира.

Стремление к смыслу жизни – это стремление к своей значительности. И не только субъективно – через осознание своей причастности к общему великому делу, но и объективно – это придает желание больше делать, активнее действовать. Это позволяет совершать зна-

чительные поступки, большие действия, даже ценой предельных напряжений всех сил, даже ценой самой жизни.

Стремление к смыслу жизни – это аспект стремления к максимальным действиям.

§ 21. Прекрасный пример субъективного, «пассивного», «внутреннего» стремления к смыслу жизни – это придание большого значения таким условным ценностям, как победа спортивной команды для ее оголтелых фанатов. Только не надо про «гимн человеческому телу и духу»! Искалеченные в схватках гладиаторы, с гипертрофированными группами тех или иных мышц, щерясь от «спортивной» злобы к соперникам и норовя вывести их из строя «в рамках правил» или вне рамок, пихают круглый предмет в большую деревянную рамку или маленькое металлическое кольцо. Фанаты ревут и стонут! Ездят за ними из города в город, тратят деньги, празднуют победу, оплакивают поражение, лупят фанатов другой команды, учат наизусть биографии кумиров и гордятся своей преданностью. Кому, чему, для чего?! Они находят в этом смысл. Самый ничтожный, безмозглый и бесполезный индивид «подключается» к огромной толпе себе подобных и вместе с толпой – к сильным, жестоким, храбрым и богатым парням на спортивной арене. У мозгляка появляются основания для радости, горя, экстаза – и ощущения своей значительности как части общего: да мы сейчас разнесем весь стадион, весь город, проломим головы фанатам соперников, посмей меня тронь – толпа моих корешей-болельщиков тебя ногами забьет! «Спар-так чем-пи-он!!!» – и мы люди вместе со «Спартаком», а вы дерьмо, пошли с дороги вон, и вообще вы ничего не стоите, вы и в футболе-то не разбираетесь; вот такие мы ребята, вот такие у нас ценности, а лучшие из нас готовы правую руку отдать, лишь бы наши выиграла, вот!

Убога тупая толпа, а ведь и у нее потребность иметь смысл жизни.

§ 22. «Я не знаю, в чем смысл жизни» означает: я осознаю эгоистическую ограниченность своих действий, мне этого мало, меня это не устраивает, я хочу осознавать свою причастность к большому, нужному, важному делу, которое могло бы меня устраивать.

«Я знаю, в чем смысл жизни» означает: я полагаю, что мне известно такое очень большое общее дело, нужное, истинное, хорошее, для которого действия отдельного человека нужны, целесообразны, полезны, и осознание этого дает удовлетворение и ощущение своей значительности.

«В моей жизни есть смысл» означает: в чем-то главном я живу хорошо и правильно (пусть даже трудно, бедно, страдаю): мне есть за что себя уважать, я осознаю свою внутреннюю значительность, и – и! – моя жизнь хоть чуть-чуть, хоть немножко, идет на то, что значительнее меня лично, что больше меня, сильнее меня, главнее меня, находится вне меня, ради чего я готов добровольно пожертвовать какими-то личными, сугубо эгоистическими, интересами, и от этого я же испытываю удовлетворение. Примерно.

Это все так. Именно так. Но не всегда и не только так.

§ 23. Можно быть врачом, и не видеть смысла в своей жизни и работе, хотя и заключается она в принесении блага другим людям, больным, что им безусловно нужно: а вот подумаешь, что в конце концов они все равно умрут, а кроме того, все они сволочи. Какой смысл?

А можно сбежать с любимым человеком на необитаемый остров, и никого никогда больше не видеть, кормиться, наслаждаться природой, любить друг друга – и обрести в этом смысл жизни, и быть совершенно счастливым и удовлетворенным своей жизнью.

Более того: жить отшельником, вообще уйдя от всех людей, созерцать мир, размышлять о жизни, и находить в этом великий смысл своей жизни. Даже при этом не только не веря в Бога, но и полагая, что и человечество отнюдь не вечно, и весь мир к концу идет.

Как же так? Где же причастность к большому и благому общему делу, а?

§ 24. Ай-я-я-я-я-я-я-яй, закричал глупый король, потому что слов от возмущения у него уже не было. Мы не короли, нам приходится выражать свои мысли через членораздельную речь.

Получается страшная вещь, получается нехорошее ругательное слово под названием «релятивизм». Получается, что насчет смысла жизни многое весьма относительно.

Получается, что смысл жизни может быть для каждого свой собственный. Получается, что смысл жизни человека – штука субъективная. (Буквально навроде счастья.)

Вот два врача. Живут, работают и зарабатывают совершенно одинаково. У одного есть смысл жизни, а у другого нет. Э?

Вот два книгочея. Один читает мудрые мысли, глаза у него горят, что-то такое значительное в них светится, и смысл жизни у него есть. Другой читает мудрые книги, глаза у него делаются все печальнее, никакого смысла в своем занятии он уже не видит, и от отсутствия такового смысла жизни лезет на свой книжный шкаф и вешается.

Можно взять людей любой профессии и с любой судьбой, и найти такую во всем одинаковую пару, где один будет полагать в своей жизни смысл, а другой – нет.

Из справедливости и добросовестности заметим, что в разных профессиональных, социальных и возрастных слоях процент «страдальцев без смысла жизни» различный. Их больше среди молодых, и меньше среди старых. Больше среди богатых и благополучных, и меньше среди бедных и плохо устроенных. Больше среди живущих в безопасности, и меньше среди живущих «под прессом» опасности – солдат-наемников в работе, профессиональных революционеров, спасателей. Больше среди «думающих», и меньше среди «бездумных» конформистов.

И еще одно примечательно и принципиально. Жил-был человек, работал-работал, и вдруг обнаружил, что смысла в его жизни нет, – а раньше вроде как-то был, не очень он задумывался об этом, но вообще смысл в своей жизни и в жизни вообще видел, полагал. Ничего в его жизни не изменилось – а смысл пропал! И обратный вариант: страдал-страдал человек в поисках смысла своей жизни – и как-то со временем его обрел, нашел, ощутил; ничего не изменилось, а смысл появился. Хорошо стало.

Смысл жизни конкретного человека субъективен.

§ 25. Что такое «смысл жизни»? Это категория сознания. Через осознание себя и своих действий, через осознание устройства мира, через осознание связи своих действий с устройством мира и происходящими в мире процессами – человек обретает для себя какую-то Высшую Ценность, и осознание своей «пристегнутости», причастности к работе на эту Высшую Ценность и есть для него лично смысл жизни.

Но придает чему-либо Высшую Ценность он сам!!!

Это можно называть «обретением смысла», можно «нахождением смысла», а можно «созданием смысла» – разницы тут никакой. Осознал смысл – есть он у тебя, не осознал – нет его у тебя.

Потому что объективно, вне человека, никакого смысла не существует. Если из мира условно изъять человечество – то абстрактно, вне человека, не применительно к человеку, никакие человеческие действия никакого смысла никак не имеют и иметь не могут.

(Ибо остается только «внегуманизированное» энергопреобразование Вселенной на уровне естественного закона – а человеческое сознание категорически отказывается признавать «Взрыв-Уничтожение-Созидание» за смысл своей жизни, о чем мы уже говорили.)

И вот один врач втолковывает другому: да ты что, у нас самая благородная работа в мире, пусть сами мы и грешные, и люди плоховатые, но мы лечим людей, избавляем от страданий, спасаем от смерти, да ты посмотри в глаза матерей, которым мы спасли детей, – и сразу поймешь, что мы делаем великое, прекрасное, необходимое дело, и в этом великий смысл нашей жизни! А второй ему горько возражает: и те из этих спасенных нами детей, которые вырастут умными сволочами, будут помыкать и доставлять страдания тем, которые вырастут хорошими людьми, и пороки мира исправить мы не в силах, и правительство наше дерьмо, и любое правительство всегда было и будет дерьмо, и перестанет человечество вообще когда-нибудь суще-

ствовать, и нет в нашей работе по большому счету, по самому большому, никакого смысла, потому что нет по большому счету смысла вообще в существовании человечества и в существовании самого-то мира.

Кто прав? Оба правы.

Кто живет лучше? Тот, у кого есть смысл жизни.

§ 26. А у кого есть смысл жизни?

Когда Эварист Галуа перед дуэлью, в свою последнюю ночь, спешно записывал свои формулы – в этом был для него великий смысл его жизни. Сделать, сказать, явить свое и оставить людям.

В тридцать шестом году мятущиеся интеллигенты разных стран ехали в сражающуюся Испанию, сводились в Интербригады и клали жизни, воюя против Франко – за свободу Испании, как они ее понимали. И в этом обретали смысл своей жизни, которого не видели ранее.

Когда летчик сажает неисправный лайнер с сотней пассажиров, со смыслом жизни у него все в порядке. Ворочая штурвалом, он об этом не думает, не до того, цель проста и неогнбаема, пот рукой и все чувства на пределе, – потом, когда сядет, выпьет, успокоится, время пройдет, в любой момент своей неладной и заковыристой жизни он может себе сказать: есть в моей жизни смысл, да для того я, видимо, и был создан, чтоб в черной ситуации спасти жизнь сотни человек.

Смысл жизни был у каждого, кто сам и добровольно свою жизнь укорачивал ради своего дела, которое полагал нужным и благим – солдаты и ученые, врачи и революционеры, художники и изобретатели. Всегда их была масса, и сейчас много.

§ 27. Итого, *один вариант обретения смысла жизни – экстенсивный*. Найти, организовать себе, прилепиться к такому делу, которое способно забрать все твои силы, все помыслы, всю энергию (ну, не вовсе всю, если говорить добросовестно, но много, совсем много).

И тогда происходит такая вещь. Смысла в мироздании ты не видишь. Но конкретная цель твоей работы – и цель ближайшей общей задачи, в которую входит твоя работа одной из составляющих – тебе ясна, тебя устраивает, ты полагаешь ее достойной, хорошей, большой. И чем больше сил ты отдаешь своей работе, чем больше проходит времени, чем больше ты сделал и чем лучше оно у тебя получается – тем меньшее значение для тебя начинает иметь устройство мироздания вообще, и тем большее значение имеет для тебя твое конкретное дело и его конкретный результат. И твоя работа начинает становиться для тебя смыслом жизни. Понимать тщету мира ты можешь так же, как раньше – но тебе на это делается как-то плевать, эта высшая проблематика перестает тебя мучить, слегка рассеивается, как туман – а конкретное твое дело увеличивается в твоём сознании и ощущении, делается само по себе важным, большим, начинает становиться для тебя *самодостаточным*, оправдывает смысл твоего существования.

Делай самое большое, на что ты способен; рецепт стар и верен.

§ 28. Но при этом твое сознание должно позаботиться о «точке прицепки» твоего конкретного дела к более общей задаче.

Чтобы цель обрела смысл – надо как минимум прилепить к своей личной задаче еще одну «ракетную ступень», хотя бы «однопороговую» удаленность общей цели от твоей конкретной – эта хотя бы одна степень возвышения общего дела над твоим частным и сделает то, что на порядок более общая цель выступает в качестве смысла по отношению к твоей конкретной цели и «осмысливает» ее.

Если миллионер полагает, что все – дерьмо, его миллионы нужны только ему самому для его хорошей жизни, – в один прекрасный день он может ощутить отсутствие смысла в своей жизни, и тогда в лучшем случае он отправится к психоаналитику и начнет принимать антидепрессанты, а в худшем – пустит себе пулю в лоб.

Если же он полагает, что он дал работу тысячам людей – а с другой стороны внес свою нужную лепту в движение мировой экономики, которая без таких, как он, пришла бы в упа-

док и ничтожество, – о, тогда он имеет основания видеть в своей буржуйской деятельности смысл своей жизни. Дергается, нервничает, инфаркт наживает, но для него лично жизнь его осмысленна.

§ 29. *Второй вариант обретения смысла жизни – интенсивный.*

Грубо говоря, это означает: «Если ты не можешь делать то, что тебе нравится – пусть тебе нравится то, что ты делаешь». (Этим примерно и занимается логотерапия: психоневропатолог не может переделать мир для пациента – но пробует переделать его отношение к этому миру, чтоб бедолаге стало лучше и он обрел смысл в жизни своей многогрешной.)

Вглядишься в свою жизнь, «прицепи» конкретную цель (цели) своей работы и вообще любой своей деятельности, своей семейной жизни, отношений с друзьями и т. п., к чему-то более общему, чтобы цель этого более общего сама по себе тебя устраивала и «давала смысл» твоей конкретной деятельности – и «ставь перегородки». Отгораживай свое сознание от проблем более общих.

Ты ночной сторож, жена – сука, дети – шпана, а охраняемая тобой фабричка выпускает упаковку для собачьего корма. Зарплата дерьмо, никто не уважает. (Вероятнее, кстати, такой человек весьма вял и туп от природы, и вопросы смысла жизни его волнуют очень мало. Но предположим волнуют.) – Э. Зато твоя жена держит дом в кулаке и не дает тебе пропивать зарплату. А дети энергичны, может их дети станут великими людьми. А собака – друг человека. Но это пока – просто положительный взгляд на вещи, который тоже куда как невретен. А самое главное – ты стоишь на страже честности. Ты один из тех винтиков, которые не дают грабителям и хищникам отбирать все у честных простых людей. Без тебя ограбили бы фабрику, и простые честные люди, работяги с этой фабрики, остались бы без работы и заработка. Да ты – соль земли, простой мужик, на таких все и стоит, порядок только на таких и держится, вас таких большинство, это для вас все и производится. Да убрать всех ночных сторожей – это что тогда будет?.. Не-ет, без таких, как ты, государству никак. Оно тебе еще должно в ножки кланяться, что ты за такую маленькую зарплату честно работаешь. Ну, спишь иногда на посту, но ведь, с другой стороны, жизнью рискуешь, мало ли какой наркоман захочет спереть что с фабрички и даст тебе по башке.

Вот примерно в таком духе. Что называется, меняем установку.

§ 30. Каждый, кто когда-нибудь в составе небольшой группы участвовал в экспедиции, зимовке, сезонной работе на выезде, знают: через несколько недель мелкие хозяйственные работы по самообслуживанию команды, вроде носки воды и колки дров, начинают как-то обременять сознание каждого. Даже забавно. Отношения в команде приятельские, условия жизни и труда тяжелые, никто не отлынивает и на чужом горбу ехать и не думает, все друг другу помогают, – а такую ерунду, как принести вдвоем за сто метров четырехведерную флягу воды или потратить четверть часа на колку двух охапок дров, никто почему-то не горит желанием делать... неохота, мнутя, начинают считать, кто сколько раз уже это делал. Поэтому человек бывалый с самого начала устанавливает строгую очередность исполнения этих малых, но необходимых обязанностей. В первый день все, такие друзья горячие, кричат ему: да ты что, считаешься в такой ерунде, да давай я сейчас сделаю, нам еще вместе пахать и пахать. А через месяц ругаются, если кто-то пытается отлынивать от своей очереди: тут тебе и справедливость, и желание полежать, и неприязнь к тому, кто ссылается на какие-то причины, чтоб этой мелкой дребедени не делать.

При регулярном повторении эта малость начинает занимать в сознании больше места, начинает казаться тяжелее, важнее, «нагружает». Хотя, повторяем, по сравнению с тяжестью основной многочасовой ежедневной работы – это семечки, пустяк, причем на основной работе каждый пашет от души, в полную силу, и если товарищ слабее или неумелее – никто не осуждает, не проявляет недовольства: работает добросовестно, в полную меру своих сил – молодец,

все хорошо, а если я делаю больше – мне только приятнее, что я здоровее, умелее и значительнее. Это при том, что денег все получают поровну.

Место, которое занимает твоя постоянная работа в сознании, можно уподобить тому, как газ полностью занимает объем помещения, в котором содержится. Независимо от давления газа и размеров помещения – но по всему объему он распространен. Поначалу струя выходит из баллона, лежащего в комнате – подумашь, баллончик, места кругом до фига. Ан проходит немного времени, давление во всем объеме уравнено, и весь объем «при деле» – газ, значит, заключает в себе и содержит.

Поступает человек на пустяковую работу: сидеть в будке на входе и пропуска проверять у входящих. Да он раньше в горячем цеху вламывал, на износ. Там не повольнишь! А тут – и покурить можно, и чайничек на плитке, и книжка на столике, и телефончик, поболтать можно, – да это же сплошной отдых, ребята. Хе! Во устроился. Еще и деньги платят. И даже внутренне неловко чуток: почти ведь задаром платят.

Проходит год. И человеку уже отнюдь не кажется, что платят ему задаром. И работа давно уже не кажется отдыхом. Неким удивительным образом стал от нее слегка уставать. И в выходной наслаждаешься тем, что на работу идти не надо (чай пить, книжку читать, в пропуска взгляд кидать время от времени). И чувствует себя уже человек не бездельником, который ловко устроился – на грани обмана работодателя, – а тружеником. И сидение на стуле для него уж не отдых, как год назад в первые дни, а труд. Так-то.

Вот так устроена человеческая психика. Вот так «саморегулируется» загрузка ощущений и сознания. Дело в том, что «объем пространства» ощущений и сознания – величина довольно постоянная. И требует загрузки. А загружается «подручным материалом». Что имеет, то и использует. И даже самая легкая и малоответственная работа со временем воспринимается человеком как все-таки значительная.

Перестраивается восприятие. И перестраивается сознание. И уже больше пици для ощущений, для эмоций.

Дело не меняется. Количество труда не меняется объективно. А субъективно – меняется. Потому что сменилась установка. Сменилось отношение к труду. И, заметьте, происходит это без всякого сознательного вмешательства самого работника. Напротив, в сознании своем он предпочел бы, чтоб его труд оставался отдыхом.

Почему сменилось отношение к труду? Сменилась самооценка себя как трудящейся единицы. Потому что человек, хоть тресни его сознание, стремится к самореализации, самоутверждению, значительности. Для его психической структуры противоестественно быть менее значительным, чем он может.

И если он не идет по экстенсивному пути, все увеличивая важность своего труда объективно – он идет по интенсивному, увеличивая важность своего труда субъективно, в своем восприятии, через свое отношение.

Советские редакторы старались исправлять любой текст, даже у блестящих писателей-стилистов. Потели, работали, доказывали свою правоту, ругались, переживали, валидол принимали вместе с авторами. «Я имею право! – вопил автор. – Так тоже можно! Ну почему ты за ту же зарплату не хочешь ничего этого не делать, сдал в типографию – и отдыхай спокойно!» А старые умные авторы поучали: «Потому что редактор – тоже человек, ему надо отдать что-то на его исправление». При этом редакторы отлично знали, что все шедевры мировой литературы созданы без всякой стилистической правки-редактуры. Что с того? Малооплачиваемым этим литературным неудачникам была непереносима мысль о своей ненужности, бесполезности. Им тоже было необходимо самоутверждаться! Они могли быть умны и образованны во всем, кроме одного – как только речь заходила об их деятельности, они свято верили в ее нужность и важность: они искренне полагали, что делают лучше. Больше они ничего не могли, больше от них ничего не зависело, советская редактура – это образец бессмысленности

человеческой деятельности. Так они находили в ней смысл: они «улучшали» литературу! Они обретали самоутверждение: ощущали себя умнее, грамотнее писателей. Реализовывали свои возможности: штудировали словари и грамматики, прочеркивали рукописи вдоль и поперек, напрягали свои мозги и потели.

§ 31. То есть. Человек может даже не заботиться о том, чтобы осознать важность своего труда. За него это сделают время и природа. Система его ощущений со временем «подкорректируется» так, что возникнет ощущение значительности его работы – и это ощущение будет «подано наверх» в сознание – и сознание оформит это ощущение в аргументы, почему его работа достаточно важна и значительна. Аргументы могут быть на любом уровне – от «Сегодня не моя очередь таскать воду!» до «Куда прешь, нельзя, у тебя на пропуске печать не с той стороны!».

И мудрый старый лингвист будет снисходительно пояснять зеленому первокурснику: «Вначале все филологи допытываются ответа на вопрос, в чем смысл посвящать жизнь истории редукации большого и малого юсов в старославянском языке. Но потом часть из них становится лингвистами, и начинает заниматься этой наукой, и со временем они уже не задаются вопросом, зачем это надо, а просто этим занимаются; и иногда достигают больших успехов».

§ 32. Вот поэтому у стариков неплохо со смыслом жизни. Они давно свыклились со своей профессией, и полагают ее более или менее значительной, и любят порассказать о секретах и тонкостях своего ремесла, ловят на этом кайф, и во владении своим делом обретают значительность сами.

Старики, как правило, давно бросили искать смысл жизни в чем-то таком общем и большом. А вот то малое, что у них есть (или было в жизни конкретно, и делается смыслом их жизни – часто ретроспективно.

Человеку, когда перспективы уже нет, возможностей изменить свою прожитую жизнь уже нет, совершенно несносна мысль о том, что в жизни прожитой не было смысла. «Что пройдет, то будет мило» – человек обычно изменяет чуток свое прошлое в сторону своего хотения. Он по-прежнему хочет изменять мир и свою жизнь – но впереди и реально такой возможности у него нет. И старик стремится к своему прошлому – это его субъективное изменение мира, его субъективная самореализация. Он по-прежнему хочет того, чего нет у него сейчас – но теперье хотение направлено назад, в прошлое, в память.

Он ревизионист. Он ревизует свое прошлое.

Он эскейпист. Он убегает в свое прошлое.

Он идеалист. Память о прошлом ему часто дороже реальности, и имеет значение большее, чем небогатая и нерадостная реальность.

И он очень хочет, чтоб жизнь его прошедшая была хороша. Он уже ничего не может изменить – но может изменить свое отношение к прошедшим событиям и отношениям, и тем самым обрести сейчас в своем прошлом то, чего не было у него раньше.

И ретроспективно он начинает ощущать и оценивать иначе. Какая радость была в прекрасной связи с девушкой (хотя скоро от нее стало воротить). Каким счастьем было быть молодым, сильным, здоровым (тогда не задумывался). Как много он трудился (не больше других).

Вот теперье – плевать ему на мироздание. Жизнь его обретает смысл сама по себе – в массе случаев и поступков, в напряжениях сил и нервов.

И это ощущение смысла жизни старику отрадно.

Это – одна из немногих привилегий и радостей старости.

§ 33. Что же молодость? А у нее дело обстоит наоборот.

Старость интенсивна – молодость экстенсивна (в аспекте поисков смысла жизни). Старость имеет жизнь как свершившуюся данность, и может обрести смысл только в прошедшем. Молодость имеет будущую жизнь впереди – возможности этой жизни еще не тронуты, не растрачены, еще ничто не отвергнуто, еще все может быть, – эта жизнь огромна, это *идеал* жизни,

который покуда еще включает в себя абсолютно все. Жадная, энергичная, жизнелюбивая молодость хочет все, хочет как можно больше, хочет максимум. Она боится что-то упустить – ведь тогда замечательная предстоящая жизнь будет неполной. А от чего-то отказываться придется неизбежно, всего одновременно не получишь, и любой выбор – это отказ от чего-то другого. Молодость стремится определить для себя главное.

А самое главное – то, что с наибольшей очевидностью имеет смысл жизни. Что же это, что, что??? – мучится в поисках молодость.

Поиск ее экстенсивен. Воображая грядущее, она перебирает варианты действий и ищет, к чему их «прицепить». Мало, мало, мало! Где великая цель, где высший смысл, как и ради чего надо прожить, потратить, свою единственную жизнь?..

Вступающая в жизнь молодость имеет покуда идеал жизни, включающий возможности всего (насколько можно себе реально вообразить) – и ей нужен идеал смысла, Высший Смысл.

Если старость – время обретать смысл в том, что уже есть, то молодость – это время искать смысл в том, что еще только предстоит сделать. И идет перебор вариантов. Реализуется стремление предельно приблизиться к идеалу.

Стремление молодости к абсолютному, высшему смыслу жизни – это стремление к максимуму того, что может быть. А максимума быть не может. Потому что максимум – это идеал.

Поиск смысла жизни проистекает из стремления к максимальным действиям, из неизбежной человеческой неудовлетворенности тем, что есть на самом деле.

А кроме того, это аспект стремления к идеалу познания – познания вообще и своей жизни в частности. А стремление к идеалу познания – тоже коренится в сущности человека, ибо познание – необходимый предварительный этап действия.

Пресловутый юношеский максимализм имеет то основание, что в своем воображении грядущего молодость, еще не вступившая в действия, еще не растратившая силы, не ободравшая бока и не сломавшая зубы на препятствиях, ощущает свои силы безграничными и полагает неограниченными свои возможности.

Не имея опыта, молодость сверяет и сравнивает реальность не с другими проявлениями реальности, еще не изведенными ею, а с идеалом. И получается до поры до времени: шедевр искусства не так потрясающ, как ожидалось; красавица не так прекрасна, как грезились; великий ученый не так мудр, как можно было вообразить себе всеведущего титана мысли; и даже суровые испытания не так трудны и мучительны, как описывалось в книгах или показывалось в кино, жить все-таки можно. Нужно время, опыт, сравнение, чтобы все изведенное соотносить с другим и правильно оценить.

Отчаянная энергия молодости, отчаянная потребность реализовать себя максимально, – направляют полет выше планки, берут прицел выше цели. Дашь идеал. Покуда еще я все могу!

(Поэтому, кстати, самооценка молодости всегда завышена. И поэтому же человек практически никогда не достигает в жизни всего, чего хотел. А потом может горько вздыхать о том, что «каждого в жизни постигло крушение». Да ни фигя не каждого. Просто каждому хочется больше, чем возможно по жизни.)

Старик обнаружил в своем курятнике нетощего цыпленка – и рад, не зря курятник стоял. А молодой хочет – почему нет? – Синюю птицу, да посадить ее в золотую клетку, да сварить потом из нее сказочного вкуса суп, да еще чтоб на суп к нему собрались короли и его славили. Лови птицу. Может, попадется фламинго или слон.

§ 34. На уровне же ощущений – поиск смысла жизни дает немалые отрицательные ощущения, «чувство глубокой неудовлетворенности». В молодости потребность в любых ощущениях сильнее, острее, и эта в том числе.

Пересади юношу из условий жизни весьма трудных, со всякими ограничениями, в условия райские (или просто гораздо лучшие и легкие) для тела и духа – и по прошествии месяцев, пары лет максимум, он начнет ощущать угнетенность и опустошенность какого-то неопреде-

ленного, общего, абстрактного характера. В своей личной жизни его все будет устраивать – ну так его не будет устраивать то, как «вообще» обстоит все в жизни. Его будет угнетать общее несовершенство жизни и ее «бессмысленность по большому счету».

Свинья грязи найдет. Пардон за цинизм, вырвалось. Все были молоды, ничего. Короче – если нечем мучиться, то будет мучиться отсутствием смысла жизни; и не просто мучиться, а может дойти до депрессии, удариться в наркоту, покончить самоубийством. (Привет от процветающих и склонных к самоубийству шведов из первой части книги.) Что сказал народ, носитель мудрости? Народ сказал: когда все хорошо – это тоже не очень хорошо.

А когда юноше было трудно и плоховато, он что, не задавался смыслом жизни? Задавался, но не так остро, не заикливался, это для него такого тяжелого значения не имело.

Мы имеем следующее – и очень простое:

Если ощущения не имеют конкретных точек привязки – они найдут себе абстрактную точку привязки. Не страдаем из-за цензуры, или трудностей прокорма, или болезни, – так будем страдать из-за отсутствия смысла жизни. А вот с ним-то разобраться потруднее, здесь наметить себе ясные пути решения проблемы и приложить все силы к ее разрешению – вряд ли выйдет...

В конце XX века кто больше всего мучится отсутствием смысла жизни? Студенты из благополучных семей. Вот вам и самый счастливый и беззаботный период жизни. Черная меланхолия бессмысленности – обратная сторона такой беззаботности и обеспеченности.

Что делать? Что делать? Что делать? – как сказал Ленин, выдвигаясь из часов вместо кукушки.

Пороть!! – сказал суровый сержант.

Вот, не приведи Бог, погибнут у него родители, и останется он без средств, и придется кормить-поднимать младших брата-сестру, и пойдет вкалывать на две работы, и переведется в своем университете на заочное, и будет считать копейки на еду и ночами готовиться к экзаменам – и не сразу он вспомнит, что мучился смыслом жизни и был на грани самоубийства. Как-то этот вопрос о смысле отойдет на второй и третий план. А в конкретной его жизни сразу появится некоторый смысл – вместе с появлением обязанности кормить того, кого любишь и кто без тебя пропадет. Ага.

Британские аристократы знали, что делали, когда веками дети из лучших и богатейших семей воспитывались в закрытых школах с суровыми порядками: жесткая жизнь, большие нагрузки. Оттуда и выходили ребята, веками державшие в ежовых рукавицах великую империю, и рефлексии их не мучили.

Ибо, как сказано в Библии, кто потекает младенцу – тот губит его.

Свобода, сытость, достоинство личности и культ индивидуального успеха, браво возвращенные Америкой, дали в качестве побочного эффекта отсутствие смысла жизни со всеми прелестями типа наркомании. Оставшаяся без обязательных нагрузок молодежь сбивается в банды, или орет на футболе, или ширяется, или в лучшем случае вступает в «Гринпис» и ратует за вегетарианство. Ищет себе такую жизнь, чтобы были нагрузки, трудности, переживания.

Рецепт мракобеса, реакционера и ретрограда:

Убрать бесплатность образования и бесплатную медицину для бедных, убрать пособия по безработице, ввести уголовное наказание за тунеядство, ужесточить наказания за любые антиобщественные действия, усилить государственное регламентирование всех сторон жизни, – т. е. сделать жизнь беднее, труднее, неувереннее, чтоб любой шаг давался большим трудом, напрягом, риском и выхода из этой ситуации для отдельного человека не было, – и сразу станет гораздо лучше со смыслом жизни у молодежи. Масса отрицательных ощущений, масса конкретных трудностей и недостатков, невозможность жить хоть в какой-то расслабухе, и есть с чем конкретно бороться, – и будет в глазах злоба, и голод, и подавленность, и усталость, и жажда борьбы, но не будет мировой скорби по отсутствию смысла.

Плюньте на заботу о молодежи, обвалите на нее трудностей, пусть она потеет и упирается – ей же будет лучше, это ей необходимо.

§ 35. В концлагере, тюрьме, армии, тяжелом плавании – жить трудно. Гадостей масса. Энергия человека направлена на выживание, победу, исполнение своих обязанностей, от которых невозможно отвертеться, а жестокая кара всегда наготове.

Но тут отсутствие смысла жизни человека не мучит. У него мучений и без того хватает. Устает как собака. Но на жизнь смотрит без рефлексий. Мог бы безнаказанно – убил врага. Мог бы – сбежал. Все конкретно. Смысл всего куда как прост – но важен.

Ты хочешь смысла? Так не забудь о трудностях.

§ 36. У последней черты мучения по смыслу жизни отлетают напрочь. Узнав о смертельной болезни, скажем, человек резко теряет интерес ко многому в жизни. Почти каждый становится несколько ипохондриком, и прежде всего озабочен своим здоровьем. Это не есть плохо хорошо, но это факт, а не реклама.

Жизнь сама по себе сразу представляется человеку такой ценностью, такой замечательной штукой, таким невероятным счастьем, что он уже воспринимает ее только с положительной стороны. Какие мучения о смысле, о чем вы говорите! Быть, видеть, сознавать, ощущать, – какая разница, богат ты или беден, красив или уродлив, все равно живешь, какая невероятная благодать!

Обычно для смертельно больного смысл жизни – в том, чтобы просто жить, и этого вполне достаточно! ведь жизнь включает в себя все на свете, и даже размышлять о смысле жизни – это прекрасно, хотя так до смешного неважно, можно ведь просто смотреть на белый свет, и этого достаточно.

И надо сказать, что если человек выкарабкался из опасной болезни – это очень способствует сохранению здорового духа на всю оставшуюся жизнь. Он заглянул за последнюю черту – и оценил ни с чем не соизмеримое счастье жизни. И сразу она обретает для него смысл! Боже, сколько великого смысла даже в мимолетном взгляде на паршивую помойку из окна! Там бывают люди, там лежат вещи, там где-то сверху светит солнце или идет дождик, и дует ветерок, и ты все это воспринимаешь, ты жив, ты видишь, чувствуешь, понимаешь – и оцениваешь благо бытия.

Пусть знакомый доктор с тобой пошутит. Пусть у тебя похолодеет под ложечкой, пусть тебе небо покажется с овчинку, и ночку-другую ты посмотришь в темноте в потолок. Вот тогда ты взглянешь на смысл своей жизни с другой стороны. С этой другой стороны он оказывается такой хорошей и большой, что аж плакать хочется.

§ 37. Однако есть еще неприятная ситуация, которую я бы назвал *«синдром достигнутой цели»*.

Жизнь рядового человека чаще всего складывается так. В подростково-юношеском возрасте он думает о смысле жизни. С этими думами он взрослеет, отслуживает армию, кончает институт (или обходится без этого), начинает свою трудовую биографию, женится, рождает детей, обзаводится жильем, мебель, машина, быт, рост по службе, да как-то уже не до смысла жизни, повзрослел; и вот лет в тридцать у него уже все более или менее налажено. Или в сорок – дети подросли, возни с ними куда меньше, квалификацию повысил, должность уже пристойная, да и заработок побольше. И тут на него с новой силой обрушивается сознание того, что жизнь бессмысленна! Вот зачем, по большому счету, нужно все то, что он сделал и делает? А главное – зачем продолжать это все делать?..

Возникает такое размышление: все, что он жизни «должен был» сделать, он уже сделал. Что теперь? И зачем, к чему, ради чего жить?..

В молодости и первой зрелости было проще: ясные конкретные желания, ясные конкретные цели, и все как-то шло путем. Можно было не очень задумываться, да и уставал, да

и вообще как-то все веселее было: жизнь налаживалась, то-другое делалось, приобреталось, строилось, мелкие жизненные мечты исполнялись. И вдруг обнаружилась пустота.

Кстати о том, что конкретные привязки успешно забирают на себя ту энергию ощущений и размышлений, которая иначе идет на привязки абстрактные и в сущности неразрешимые.

Мы имеем ослабление напряжения. И «внутренний вред» этого ослабления.

Кстати об «английском сплине» – «байронической болезни». Подростково-юношеский возраст проведен в суровой закрытой школе. Налаживание всех внешних условий взрослой жизни совершенно в соответствии с жестко определенными традициями. Регламентация всех сторон жизни оставляет много времени и сил без применения, ибо жизнь британского аристократа старых добрых времен была очень размеренна и без напряжения: этот клуб, этот портвейн, эта охота на лисиц, эта прославленная английская точность времени во всем, а в сущности делать нечего, механизм жизни тикает сам с исправностью швейцарских часов. Легко, просто, и не хрен делать. Вот вам английская хандра. А вот если труба призовет – колонизаторы, путешественники, мореплаватели, солдаты – были отменные.

Что делать?

Терпеть. Ждать. Утрясется. А ты что хотел – прожить жизнь не мучаясь? Так не бывает, парень. Считай свои мучения по смыслу жизни платой за достижение цели, которой сам хотел и добивался.

А также ищи всяческий смысл в том, что у тебя есть и что ты уже сделал.

А также учти, что твоя неудовлетворенность отсутствием смысла жизни означает: тебе потребна новая цель, возвращение напряжения, усилия по достижению. Шагай дальше, бери круче к ветру.

«В чем смысл этого всего?» означает: я способен на большее! Так тебе что, плохо, что ты способен на большее? Хорошо-то хорошо, да не знаешь, на что именно, и обстоятельства не позволяют, да? Мучайся, думай, ищи, борись – вот твой удел и вот твой крест, так неси его и не ной.

§ 38. «Синдром победы» — так можно назвать частную разновидность синдрома достигнутой цели. Это чувство опустошенности внутри себя и бессмысленности происходящего снаружи себя, это то же отсутствие смысла жизни, которое хорошо знакомо вернувшимся с войны солдатам. Причем война не обязательно должна закончиться победой – она может быть проиграна, но для тебя лично достаточно того, что ты честно воевал и вернулся с войны живым, т. е. сугубо личная цель как бы и достигнута.

На войне все было очень трудно, опасно, – и просто: все ясно, конкретно. Жизнь – смерть. Труд – отдых. Опасность – безопасность. Свои – чужие. Пусть даже командир сволочь, приказ идиотский, работа зверская, но постоянная опасность смерти на передовой по прошествии краткого времени так придавливает психику, что на абстрактные поиски смысла жизни никаких сил и желаний уже не остается.

И вернувшийся солдат – человек в цвете молодой энергии – не может найти в мирной жизни себя, своего места, достойных ценностей, которые его устраивают, т. е. нравятся и забирают достаточно много психической энергии. Он смотрит по сторонам: и это тот мир, о котором мы в окопах мечтали, за который ребята жизни клали?! Где награда, где счастье, где справедливость, почему вечно процветают ловко устроившиеся сволочи, в чем же смысл этого всего?..

И он пьет. Ширяется. Дебоширит. Идет в бандиты. Хочет вернуться в армию – к той жизни, где всё проще, честнее, труднее. Но если ничего этого и не делает – все равно война остается главным в его жизни, он ее вспоминает до смерти, ничего более крупного и значительного у него уже не было.

Что мы имеем? Резкое падение напряжения. Резкое снятие категорически необходимой цели (выстоять, победить, выжить). Высвобожденная энергия не находит точки привязки, кото-

рая дала бы возможность совершать такие же значительные действия, испытывать такие же сильные ощущения, как раньше.

Хоп – сунь его на новую войну. В первые часы и дни он будет почти счастлив: вот она, страшная и трудная, но настоящая и ясная жизнь! Через пару месяцев он снова возмечтает о мире и гражданке: какой я был идиот, что не оценил комфорт, безопасность, свободу, все прелести нормальной жизни!

И так далее. Ибо человеку всегда надо не то, что у него есть.

Смысл жизни – это название (или следствие, или аспект, все равно) разрыва, несоответствия между ощущениями своих возможностей и осознанием своего положения.

Поиск смысла жизни – это стремление через осознание мира обрести такие ценности, которые могут дать ощущения и напряжения на уровне максимальных, на уровне тех, что ты имел на войне.

Но ничто в мирной жизни тебе этого не даст. Даже работа полицейского, спасателя, пожарного – «плоха» тем, что ее, в конце концов, в любой день можно добровольно бросить, эти опасности и напряжения искусственны тем, что от них в любой момент можно, в сущности, отказаться.

Есть рецепт, доктор? Нет рецептов. Страдай, паши, цепляйся за большие и опасные дела.

Примечательно, что из крутых солдат, профессиональных головорезов, выходили подчас известные священники, монахи, праведники, – энергия и страсть обретали точку привязки в религиозном идеале.

§ 39. Аналогичное отсутствие смысла жизни обнаруживает часто профессиональный спортсмен по завершении спортивной карьеры. Все трудности и проблемы перед ним стоят те же самые.

Что интереснее и типичнее, чаще, – отсутствием смысла жизни нередко страдает человек, который страстно любил, страдал, добивался любви – и вот наконец добился, женился, и зажил мирно и счастливо. (То, что происходит после концовки любовных романов со счастливой свадьбой, ага: старая шутка.) Так все хорошо, так все замечательно, – так отчего же через какое-то время приходит мировая тоска, мысль о самоубийстве, желание встрять в какую-нибудь авантюру и т. п.?

Как только на его голову обрушится измена жены (слегка наскучившей), разорение (презирал деньги), революция (презирал это государство), тяжелая болезнь (не видел смысла в своей жизни) – всё, чему он «особого» смысла не придавал, не находил, не видел и страдал из-за отсутствия упомянутого смысла – мгновенно займет его помыслы и чувства настолько, что на «смысл жизни вообще» ему резко станет плевать, не до того.

Что же это значит?!

Это значит, что человеку потребны конкретные трудности, конкретные страдания, конкретные переживания, конкретные желания чего-то. Если удовлетворить все конкретное, что можно себе представить – настанет та самая вечно известная и многократно испытанная скука. Силы есть, а приложить не к чему (не знает, к чему). Вечная неудовлетворенность принимает абстрактный характер.

Поиск смысла жизни – абстракция неудовлетворенности.

Тебе нужен смысл жизни? Конкретизируй свою жизнь, тащи себя за шиворот к трудностям и через них, все и образуется мало-помалу.

Строго говоря, практически все трудности жизни человек ведь сам себе и устраивает. «Для проживания» ему ведь очень мало надо.

§ 40. Многие-многие люди нередко и всю жизнь слегка мечтают бросить все к черту и в идеале поселиться на необитаемом острове, просто жить там, наслаждаться бытием, природой, не знать всей дребедени, происходящей в «большой жизни», не знать ее суетности и треволнений, купаться, плоды собирать... как хорошо.

Глупые психиатры и всякие психоневропатологи говорят, что это невротическая реакция на жизнь, это недостойно человека, человек должен созидать, жить в обществе, приносить пользу и всякая такая гуманистическая мутотень. Вот он и так живет и созидает, а только все это ему нередко противно, неохота, а вот на необитаемом острове так было бы хорошо... бросить все к черту и просто жить, дышать, отключиться от бессмысленного напряжения окружающего гадства и труда.

Если это невроз, то я китайский мандарин, причем не тот, который во дворце, а тот, который в кожуре и разделен на дольки.

Первое. Это естественное желание человека иметь не то, что он имеет, жить не в том мире, в котором он живет сейчас: стремление к переделыванию мира и своей жизни.

Второе. Если бы люди этого действительно хотели, то владельцы судов, обслуживающих линии «Большие города – необитаемые острова» гребли бы деньги бульдозерами. А так люди отдельно – острова отдельно. Остров здесь не является реальной и конкретной целью, поселиться на нем не так сложно. Это некая субъективная, условная величина, это оформленное в какие-то реальные черты желание. Это форма неудовлетворенности имеющейся действительностью. Что как нельзя более естественно для человека.

Третье. Психика человека регулярно переутомляется от того, что он постоянно делает. Устает человек. Недосыпает, пашет, нервничает. А если даже бездельничает – психика может устать оттого, что он никак не может найти смысл жизни, своей и вообще, и он устает от своих мыслей и отрицательных ощущений. Необитаемый остров – это просто «формула ухода» от психических перегрузок.

Упомянул я это потому, что желание ухода на необитаемый остров связано у человека с безуспешными поисками смысла жизни. А поиски смысла жизни могут быть связаны не только с недогрузом психики, но и с перегрузом. Противоположности сходятся, тот самый случай.

Зрелый человек под сорок, успешно устроившийся в современном мире, обычно работает довольно напряженно. Работа, жилье, семья, масса бытовых мелочей, и все ложится на нервы, и времени «пожить просто в свое удовольствие» не хватает. И человек спрашивает себя: строго говоря, на кой оно мне все надо? Зачем я пашу? Почему не лежу под пальмой? Ради чего кручусь, как белка в колесе? Какой смысл в этом всем, если задуматься?.. Не лучше ли было бы бросить это все, и жить на том самом необитаемом острове? А?..

Не переутомляйтесь. Вот что из этого следует. Полежите. Бросьте все, что можно бросить без особых катастрофических последствий. Определите для себя самый необходимый минимум дел и обязанностей. Хрен с ним, с вылизыванием квартиры, сменой мебели и погоней за всеми благами, чтоб «быть не хуже других».

Самоутверждение заставляет человека влезать в гонку. Поиск смысла жизни – побочный эффект и расплата за эту гонку.

Человек сам устраивает свою жизнь, чтоб мучаться. Никто его не заставляет искать смысл жизни.

Фокус в том лишь, что рефлексирующий человек хочет мучаться и не мучаться одновременно. Сознанием – не хочет, а потребностью в ощущениях – хочет. А задача в том лишь, чтобы вытащить ощущения на уровень сознания.

Слова жестокосердного:

Пусть мучится! Господь терпел, и нам велел. Мучась и размышляя, человек додумывается до разных разностей и совершает всякие поступки.

Поиск смысла жизни – разновидность потребности в страдании.

§ 41. Человек может обрести смысл жизни в одиночестве на необитаемом острове.

В любви.

И даже просто в мужественном перенесении своих страданий.

Это значит лишь, что он примиряется со своей жизнью. Не вынужденно, под пистолетом, под давлением, когда и рад бы сделать иначе, да не можешь. Примиряется внутренне – признавая, что его жизнь, какая она есть, ценна, достойна, ему есть отчего испытывать удовлетворение, есть за что уважать себя, есть чем гордиться, есть в чем находить муки и радости.

Он наполняет все помещение тем газом, который имеет, употребляя это смешноватое сравнение в значении, упомянутом выше. Он приемлет свою жизнь, выражаясь иными словами.

Он ликвидирует разрыв между ощущением своих возможностей и осознанием своего положения. Его сознание придает достаточную ценность тому, что у него есть – и через осознание того, что есть, в качестве ценностей, он получает ощущение значительности своей жизни, значительности достаточно большой, чтобы она соответствовала его представлению о смысле жизни.

§ 42. Резюме, а то было много слов.

Что такое смысл жизни? *Это вечное несоответствие между тем, что ты есть – и тем, чем ты в идеале хочешь быть.* А хочешь ты быть всегда еще значительнее, реализоваться еще полнее, утвердиться еще больше. И для этого – через сознание подстегнуться к максимальному, идеально великому действию; вектор твоего стремления всегда направлен вперед и вверх, к Идеалу, не существующему в реальности. Ты всегда ощущаешь, что «может быть еще что-то, должно быть еще что-то», и твое сознание стремится сформулировать это вечное ощущение не полной, не абсолютной удовлетворенности тем, что есть – и даже тем, что может быть.

Как найти (обрести) смысл жизни? Дать себе ощущения такой силы, чтоб этот вопрос растворился (любовь, война, подвиг, трудности). Тогда сильное ощущение от чего-то превратит это «что-то» в ценность – а сознание уравнивает это ощущение тем, что подтвердит: да, это здоровенная ценность, я это могу понять, я ведь ощущаю это; сознание и ощущение придут в равновесное согласие – а это и есть обретение смысла жизни. Это первый путь, а второй – направить свое сознание на что-то, что ты имеешь или делаешь, и всячески искать, рассматривать, доказывать себе, что это важно, ценно, что это можешь только ты, что ты просто уникал, есть чем гордиться, есть за что уважать, – и тогда твое сознание, как увеличивающий напряжение на выходе трансформатор, поставит твоей потребности в сильных ощущениях ощущение такой силы, что, оценивая его силу и положительность, сознание скажет: да, это вполне соответствует тому, что я вижу и имею, это вполне смысл моей жизни.

Найти смысл своей жизни (это все равно что «найти себя», «найти свое место в жизни», «обрести себя») – **означает лишь привести в равновесие потребность ощущать свою значительность – с потребностью осознать свою значительность.** Вот как все в жизни просто, если спокойно разобраться. Это максимальное душевное равновесие. Это ощущаемое и осознанное – в общем и главном – удовлетворение собой, своими делами, своей жизнью.

Это ощущение и осознание **самодостаточности** такого равновесного состояния: «Пусть даже весь мир провалится в тартарары, плевать мне на все, я сделал все, что мог, и то, что хотел, и то, что был должен, я любил, я страдал, я совершал храбрые поступки, но трусливых тоже отведал, делал добро, но и зло бывало, я немало всего вкусил, я многое упустил, но без этого не бывает, и жизнь моя – это кое-что, смысл в ней есть, будьте спокойны, я это знаю, и достаточно этого». А уж если ты оставил хоть какой-то след на земле и в душах людей – ну, тогда вообще неплохо.

Обретение смысла жизни – это оправдательный приговор суда над самим собой. Твое Я отвечает твоему Сверх-Я: о'кей, в общем я в порядке.

Чем крупнее задача, к которой ты сумел «подстегнуться» – тем лучше. Но если ты не утвердился в осознании ее как «осмысливающей» ценности – толку в ней никакого.

§ 43. Так вот же вам в заключение конфетка за внимательное чтение и хорошее поведение.

Ведь по большому счету случайностей в жизни не бывает. И по большому счету всегда происходит то, что должно было произойти – так или иначе, здесь или там, раньше или позже. Нет случайности в появлении человека во Вселенной. Об этом мы уже много говорили.

Вселенная создала человека. А человек создаст новую Вселенную.

Мир крутит человеком. Но мир и крутится посредством человека.

Ты – необходимое условие, необходимый пункт эволюции Вселенной, всего ее существования. Ничего более сложного, хитромудрого и совершенного, чем ты, во Вселенной пока не обнаружено; очень не исключено, что ничего такого больше и нет.

И в этом плане весь смысл Вселенной, всей ее деятельности до сего дня – это создание тебя. Со всеми твоими потрохами и кандибоберами.

А весь смысл деятельности твоей – чтоб вся эта вселенская механика не прекратилась, чтоб вообще не прекратилось Бытие. Было человечество в прошлой Вселенной, будет оно и в будущей.

А устроен ты так, как устроен, механизм сложный, его функционирование и самомотивация этого функционирования очень сложны. Зато и КПД огромный, не сравнимый ни с чем больше в той же Вселенной. Неизбежен тут и «коэффициент трения», и «побочные эффекты». Без этого невозможно.

Но в результате – все твои действия, все твои переживания, мучения, страдания, радости – суммируются в то общее движение человечества, без которого по большому счету, опять же, мир не может крутиться. Все, что бы ты ни делал – это твой личный вклад в то, чтобы мироздание вертелось и продолжалось.

Тебя лично может не быть, ты можешь вдруг утонуть, повеситься, делать что угодно, и в общем ничего не изменится. Но коли уж ты есть – ты делаешь именно то, что ты делаешь, и все это – крошечная слагаемая, пусть кривая, пусть раздрызганная, но все равно – слагаемая общей деятельности человечества по кручению мира и обновлению его.

Вот куда складываются все мысли, и чувства, и поступки. Они взаимогасят друг друга в огромной степени – но не полностью. Они не имеют смысла, если рассматривать их изолированно от существования и эволюции Вселенной – но суммарный смысл всей деятельности человечества в том, чтобы мир вертелся, в общем и целом.

Без всех твоих переживаний – не могло бы быть всей деятельности человечества. Они – неизбежные проявления той самой деятельности, той самой энергоизбыточной центральной нервной системы человека, которая и есть энергопреобразующий Вселенную фактор. Ага?

Можно ли проще все устроить? Видимо, нельзя. Не будешь переживать – не будешь думать – не будешь стремиться – не будешь действовать – не будешь перелопачивать мир.

А если суммировать все твои действия – итоговый импульс всегда будет в общем тот же: стремление к максимальному действию. Все прочее – разнообразнейшие «наведенные токи»: механизм подготовки, обеспечения, мотивации, стимуляции и т. д.

Вот тебе осознание твоей связи со Вселенной и взаимообусловленности вашего с ней существования. Вот тебе высший смысл твоей жизни, но более – жизни человечества.

Можно перевести дух и подумать.

Свобода

«Повязали чувака, а он в уважухе, пахан – крутой, спрашивает: хочешь тачку любую? – Нет, – говорит. – Ну, хочешь бабу любую? – Нет, – говорит, – тоже не хочу. – Ну, – пахан говорит, – бабок немерено отстегну, пойдет? – Спасибо, – грит, – не хочу. – Так что ж ты, –

пахан в атасе, – тля, хочешь?! – Свободу, – говорит, – хочу! – Верешь ли, вся камера до утра рыдала!» Опера «Князь Игорь» в тюремном пересказе.

Вот она, свобода! Вот они, безумные мечты, реющие знамена и гордо поднятые головы! Приходит нагая, и уходит нагая, и как с ней жить, и с чем ее едят?! И всегда готовятся восстания, и смазывается оружие, и даются клятвы, и горят глаза. И ломают головы себе мудрецы-философы, себе и другим – борцы-свободолюбцы: хотим! горят бойцы; шо це таке? докапываются мудрецы. Все знают, что это такое, а как начнут рыть поглубже, чтоб сформулировать и осознать во всем объеме – чем глубже роют, тем здоровее яма, тем больше в этой яме темных углов и непонятных теней, и тем меньше можно понять.

По-простому. Свобода – это когда можно делать все, что тебе ни заблагорассудится, и ничего тебе за это не будет. Никаких ограничений ни в каких действиях. И что? И тогда, конечно, хорошо. А могу делать абсолютно все, чего хочу.

А чего хочу в первую очередь? А в первую очередь и хочу иметь возможность делать все, что хочу. Свободу.

1. Никто не имеет и не может иметь возможность делать абсолютно все, что он хочет. Невозможно устроить бессмертие себе и всем, кого любишь. Невозможно сделать счастливыми всех хороших и наказывать всех плохих. Невозможно провести всю жизнь в сплошном наслаждении и блаженстве. Невозможно создать на всей планете идеальный, по своему разумению, климат. Невозможно стать птицей, звездой, Юлием Цезарем.

В своих действиях человек ограничен как минимум законами природы. Он их познает, использует, расширяет свои возможности. Но в принципе дело не меняется. Возможности всегда ограничены. А желания и мечтания всегда могут быть безграничны.

То есть абсолютная свобода есть абсолютное всемогущество. Вот захотел вывести людей с тремя ногами – и все вокруг побежали на трех ногах. Абсолютная свобода есть неограниченность исполнения своих желаний ничем вообще.

Абсолютно свободным мог бы быть лишь Бог. Демиург, Создатель, Всевышний. Вот все в руке Его. Или Суперволшебник, Верховное Существо, один черт. Вот этот неограничен ничем и может все.

Поскольку Мир, Бытие, имеет некоторые законы своего существования, и вопреки им, по своему хотению, творить ничего невозможно, то никакой абсолютной свободы, как понятно, не существует.

2. Так что «свобода» – понятие условное, относительное. Свобода всегда существует внутри каких-то рамок, границ. Вся разница только в пределах возможностей, объеме, пространстве возможностей, так сказать. Свобода зека ограничена тюремным уставом: в пределах камеры и инструкций он свободен, предположим (в шибко хорошей тюрьме) петь, расхаживать, писать мемуары и т. п. А свобода начальника тюрьмы ограничена уставом Внутренних Войск, Уголовным и Гражданским кодексом, определенным радиусом места службы, выйти за который без разрешения командования он не имеет права, и пр. А свобода президента ограничена Законом страны, политикой и вооруженными силами соседних государств, и пр.

Мало того, что свобода любого человека ограничена законами природы: срок жизни, силы гравитации и т. д. Так она еще ограничена в сфере собственно межчеловеческих отношений.

Извне она ограничена Законом, а внутри личности – Моралью.

А если ты хочешь и рыбку съесть, и на елку влезть? А уж вот-то ни фиги подобного. Жутко тебе понравился редкий автомобиль на улице, а мужик его не продает, да у тебя и денег нет. И либо ограничен ты в средствах и возможностях, нет у тебя такой свободы, чтоб ездить на вожделенном автомобиле – либо ты его угоняешь, и тогда в случае поимки огребаешь срок. Это с внешней точки зрения. А с внутренней – либо ты остаешься бедной и моральной личностью, либо ты разбогател на стоимость машины и стал вором, аморальным человеком.

И это вы называете свободой?!

А как же, дружно отвечают Спинозисты, экзистенциалисты и еще несколько железных когорт мозгоносителей. Ты ведь свободен поступить либо так, либо эдак, на то уж твоя воля, любезный. Доводя такое представление о свободе до логического завершения, мы должны прийти к анекдоту, где осужденный свободен выбрать между виселицей, гильотиной и расстрелом. Свобода у его есть, тильки очень малэнька.

Итак, под свободой обычно подразумевается свобода выбора – между реально возможными вещами со всеми проистекающими из этого последствиями. Вот тебе, бабушка, и вся свобода. Гм. Иногда довольно грустно быть человеком, господом.

3. Безвыходным мы называем положение, выход из которого нам не нравится, – сформулировал однажды (повторяем) великолепный Ежи Лец.

Поскольку человеку ничто, с точки зрения физических природных возможностей, не мешает покончить с собой, а также со всей своей родней (да и прецеденты случались), и даже со всеми плодами трудов своих, – можно говорить, что у него всегда есть выбор. И то сказать: харакири – акт добровольный, результат свободного выбора между смертью и бесчестием.

Любое желание в своей реализации обязательно приходит к простой дилемме: либо делать так, либо делать этак. Конкретные жизненные точки принятия решений.

Выбор происходит по извечному и несложному принципу: из двух желанных вещей выбирается более желанная; это если смотреть на вещи оптимистически, а если пессимистически – то из двух зол выбирается меньшее.

Вот вам свобода! вот вам там-там! как сказал каннибалам Василий Иванович Чапаев, протыкая себе шкуру гвоздем.

4. Человек делает такой выбор, а не сякой, потому что необходимость есть, сообщают философы. Вот он сознает необходимость и делает выбор под ее давлением, в том и сказывается его свобода. А что такое, чтоб им всем провалиться, эта необходимость?!

Если человек оступился и сыплется с кручи – это необходимость – в том смысле, что уже не обойдешь: сила трения мала, сила противодействия опоры не уравнивает силу земного тяготения, и летишь вниз. Что оступился – дурак, или неумеха, или толкнули, но уж когда полетел – тут ничего поделывать не можешь. Где есть необходимость – там уже нет выбора!

А вот ты с ужасом и отвращением, но исправно работаешь в расстрельной команде: иначе убьют самого и семью впридачу. Можешь выбирать. Выбираешь жизнь. А что, жить настолько необходимо? Хочется, конечно, но многие так не считали, особенно самоубийцы. «Сейчас мне необходимо плыть, а не жить!» – гаркнул Гней Помпей на опасавшегося бури кормчего.

Да в ряде случаев долг, честь, приказ, любовь просто-таки предписывают умереть! Жизнь индивида отнюдь не всегда рассматривается как необходимость. А коли человек всегда свободен предпочесть смерть – о какой такой «необходимости» можно говорить?!

«Необходимость» означает: обязательно надо поступить так-то и так-то. Для чего?! А для того, чтоб получилось то-то и то-то.

О. Это уже ближе. Это не «необходимость». Это целесообразность с точки зрения получения желательного результата.

Питаться необходимо? Только для того, чтобы жить. А если жизнь тебе вовсе обрыдла, можно слечь в депрессии и бросить есть. Коли же тебе жить охота – ты, пусть под мощным давлением инстинкта жизни, начинаешь совершать действия к пропитанию: трудиться над выниманием рыбки из пруда. Это не необходимость, ты свободен сдохнуть с голоду. Коли решил жить – необходимо есть, коли решил есть – необходимо удить рыбку. Необходимость как составная часть и элемент целесообразности.

Человек свободен: не вылезать из дома, дезертировать из армии, уехать на край света, на всех плевать и всех предавать, испражняться в храме и оскорблять святыни, следовать любому

искушению и не следовать никакому человеческому правилу и закону. Может? Может. Сделать выбор и уплатить цену, или попытаться избежать платы.

И только когда желание, хотение, стремление к самореализации и самоутверждению подвигают его на какие-то действия к достижению какого-то результата – он вдеается в цепь необходимостей для достижения этого результата.

Необходимость – это целесообразность для достижения потребного результата.

Сам же этот результат отнюдь не с очевидностью представляется необходимым. Необходимым – для чего? Ну, повесятся все разом – и хрен с ними. Зато, может, будут благородными, высокоморальными, и горя в жизни больше знать не будут.

5. И вот человек, который всегда свободен умереть, который всегда свободен поступить так, а не иначе, – в общем и целом, в суммарном среднем, вечно поступает так, что и сам часто несчастлив, и окружающие бедствуют, и зла в мире полно, и глупостей масса. Дурак, что ли? Свобода делать глупости и вредить себе самому?

В чем видит конкретный человек ограничения своей свободе и диктат проклятой необходимости над судьбой своей горькой и жизнью многотрудной?

Вообще – в Законе и Морали (см. п. 2). Ни украсть, ни гада пристрелить, ни жить себе в свое полное удовольствие без мук совести и общественного презрения. Соотносить все свои действия так или иначе приходится с Законом и Моралью, заразами.

В частности – необходимо трудиться, чтоб жить прилично и семью содержать: пот лить, горб ломать. С начальством ладить, под сильных мира сего подлаживаться. Против господствующего мнения не переть, а то жизнь сломают.

Получается: прагматизм против безудержности личных желаний. Прагматизм против самолюбия и собственного достоинства. Преобладает желание занимать приличное место в людской иерархии, иметь материальные ценности, продлевать род, реализовывать свои возможности и утверждать свою значимость.

А если – вспыльчивый гордец, мстительный хам: избил начальника, оскорбляет все мнения, и вообще в бандиты пошел? Суд, Сибирь. Почему один сдерживается и пашет, а второй не сдерживается и прет пыром? Второй – свободнее, да? не боится выбрать скандал, преступление и даже не боится сесть в тюрьму: необходимость меньше давит на него.

А нам скажут: у него такой характер наглый и горячий, что он раньше или позже нарвался бы на грубого начальника и его пришиб; никак он не мог раньше или позже попасть в такие обстоятельства, а уж в этих обстоятельствах был не волен над своим характером, – так что, строго говоря, не было у него свободы выбора, он таким родился, таким воспитан, в такой стране жил.

В определенных обстоятельствах определенная натура неизбежно поступает определенным образом, так что все это сплошная необходимость, диктуемая обстоятельствами и натурой, а он не властен ни над тем, ни над другим. Нет свободы выбора у бедолаги на деле-то...

А люди скажут: сволочь. А суд скажет: в камеру.

Если он в аффекте, по чистой горячности: ну, не волен в своих поступках, потому что не волен в силе своих чувств. Тут суд людской и государственный может смягчиться: мол, свободы выбора как бы и не было...

А если обдуманно и хладнокровно? Значит, вся его натура такова, что в данной ситуации мог поступить только так. Опять же: вроде, на деле-то у него свободы выбора и не было, видимость одна, а по сути – сплошная необходимость ведь, коли иначе не мог.

А в чем необходимость? Чего стерпеть не мог? Чем руководствовался? Местью, злобой, раздражением, негодованием, справедливостью, гордостью.

А если это вор? Жадностью, корыстью, желанием денег и благ, желанием хорошей жизни. Натура плюс воспитание плюс все условия плюс конкретная ситуация. Почему все не воруют?

А люди разные и ситуации разные. Жил честный человек, а сел на должность – и приучили его брать взятки, мало бы кто устоял, власть развращает и т. д.

Что мы всегда имеем? Поступок. Чем определяется выбор поступка в ситуации? Натурой. Одна натура выберет так, а другая – эдак.

А чем руководствуется любая натура в любой ситуации? А тем желанием, которое преобладает. Которое сильнее. (Убить – или продолжать трудиться и растить детей.)

А что значит – более сильное желание? А это более сильные ощущения. А что такое более сильные ощущения? Это большая степень реализации возможностей нашей центральной нервной системы.

При внешней видимости свободного выбора необходимостью мы называем диктующую потребность центральной нервной системы индивида в максимальной суммарной (для него лично) самореализации и самоутверждении.

Обыватель слаб и реализуется через конформизм: жалуется, слушается, наживает добро и растит детишек.

Бандит храбр и нетерпелив и реализуется через войну с законопослушным обществом.

Принципиальный моралист силен духом и реализуется через внутреннюю победу, моральную победу над сильным противником.

И, совершая выбор под диктатом доминирующего желания, каждый платит за его реализацию потерями в других областях.

6. Получается так:

Свобода – это возможность выбора по своему хотению. Эта свобода у человека есть всегда. И каждый сам отвечает за свой выбор.

Выбор реально ограничен только законами природы, против которых не попрешь; эти законы можно только как-то познавать и использовать, и тогда границы выбора расширяются, типа: хочешь летать – изобретай самолет.

Необходимость – это ограничения выбора законами природы. Типа: ты свободен купить любую игрушку – но только из тех, которые есть в магазине.

Все? И весь сыр-бор?

7. Отнюдь. Это только внешняя сторона вопроса. Соотнесение хотения с возможностями и вариантами.

Но. В сугубо конкретных обстоятельствах сугубо конкретный человек (на сей миг именно и во всем такой, каков есть) поступает именно так, а не иначе. Интриган и политик элементарно предвидят свободный выбор многих людей: наобещать, поманипулировать информацией – и толпа дружно и свободно действует согласно прогнозу: голосует, громит, бастует. Они хотят того, что от них требуется. Формирование конкретного хотения через внешнее воздействие.

Обстоятельства в жизни нашей многочисленны и постоянны, и сплошь и рядом от индивида никак не зависят: неурожай, зубная боль, нашего короля оскорбил ихний король, страх наказания и зов долга – и один селянин в результате свободного выбора идет на войну, другой прячется в подвале, а третий подается в лес, в разбойнички. Весь склад натуры при столкновении со всем складом обстоятельств диктуют им выбор. Хотение доминирует у каждого свое.

И ни фига они, получается, не свободны в своем хотении. И знает это падла-король! – капралы с палками за строем следят, полицейские ищейки подвалы роют, воинские команды леса прочесывают – чтоб предельно сузить для их хотений границы выбора: армия или виселица.

В самом хотении человек не свободен! Это что значит? Что любой его поступок предопределен всей его предыдущей жизнью, опытом, переживаниями, темпераментом, интеллектом, внешностью и моралью, наличием родни и друзей; бесчисленными связями связан человек с внешним миром, и бесчисленными связями внутри себя связана структура его личности, и каждый миг – это единственная, особая и неповторимая комбинация всех элементарных

частиц, из которых он состоит, и его выбор как результат свободного хотения зависит от всей этой суперсложной комбинации, каковую являет его личность во взаимосвязях со всем миром. О'кей, примерно это – точка зрения фаталистов и детерминистов: все обусловлено и предопределено, и будешь ты делать то, что из всей твоей личности следует, в тех обстоятельствах, которые не от тебя зависят. И никуда не денешься. Судьба, значит.

8. Чем слабее взаимоисключающие желания – тем незначительнее выбор, и тем он свободнее: хотению плевать, убогаторить сытый желудок марципаном или соленым огурцом. Денег полно, люблю и то и другое, некоторое время колеблюсь – и цапаю одно из двух. Ничто над моим хотением не довлеет.

Свобода хотения проявляется в чистой случайности выбора: ну совершенно же мне безразлично, что выбрать.

Когда человек решительно не знает, как поступить, когда его желания того и другого равновесны, равнозначны, – можно кинуть жребий. Вот это свобода! – может быть то, а может быть другое, и с равной вероятностью. Предсказать невозможно, ни от чего не зависит.

Но как только начинается хотение – э, человек ему подыгрывает, следует ему. И чем сильнее желание – тем больше сил прикладывается, чтобы его реализовать.

Чем сильнее желание – тем больше определяется им выбор. Тем меньше человек свободен поступить так либо эдак. Это если ему неясно, что именно ему охота, – он колеблется.

Свобода выбора обратно пропорциональна силе желания. Можно так сказать. В ком страсть бушует и безумствует – тот выбирает только между вариантами, как бы эту страсть полнее удовлетворить, реализовать. Здесь выбор – сродни решению задачи: требование ясно, надо лишь определить самый рациональный путь к удовлетворению.

Полная свобода хотения – это только один вариант: вариант Бурданова осла. Чувство голода и равное расстояние до двух равных охапок сена. Выбор случаен и произволен, и от него абсолютно ничего не меняется. Бедолага осел сдох с голоду, не умея этот выбор сделать. Свобода!

«А по-моему, – философски сказал Боб Тидбол, – дело не в дорогах, которые мы выбираем. То, что внутри нас, заставляет нас выбирать наши дороги».

9. Чтобы разобраться в том, волен или нет человек в своих желаниях – невредно же сначала разобраться, чего он желает вообще и в частности.

Достоевский как-то задумался, что живет вот где-то в глуши человек, и не собирается никогда свою глушь покидать, – а вот запрети ему ее покидать навсегда, и он мучиться начнет из-за этого запрета, несчастным себя начнет чувствовать, хотя ничего в его жизни не изменилось.

В жизни рядового человека ничего, в сущности, не меняется оттого, остается его страна, скажем, дальней колонией Британии или обретает независимость. Тот же труд, те же стихи, те же прогибы перед чиновниками, тот же уклад жизни. Одно название, что свобода и независимость.

Меняется лишь набор теоретических, чисто даже гипотетических возможностей в его сознании. Крестьянину с глухого хутора вовсе не хочется никуда ехать – ему хочется знать, что он может поехать, если захочет. И это знание для него очень ценно.

Свобода – это наличие возможностей. Реализация возможностей отнюдь не обязательна.

Сейчас в России большинство людей не могут ездить по миру. Что значит «не могут»? А денег нет. И некоторые говорят: значит, они не свободны, это только иллюзия свободы, раз все равно не могут ехать по бедности своей. Оу нет!! Деньги можно заработать, одолжить, украсть, выиграть в лотерею, – просто есть ежедневные и более насущные желания, они же потребности: квартира, дети, одежда, лечение; но если заклинило, засвербило – можно поехать. А вот знать, что никогда тебя власти за границу не выпустят – это совсем другое дело: хоть ты в лепешку

расшибись, а мир тебе не повидать. Запрет извне или добровольный отказ на неопределенное время – сугубо разные вещи.

Восстания за свободу совершались ведь не ради еды, одежды или крова. Да во многих завоеванных провинциях народ жил куда лучше, чем в самостоятельных государствах. Так ради чего? А чтоб быть самому себе хозяином, чтоб никто мне не указ ни в чем. То есть: не сметь ставить ограничения моему хотению! Чтоб я мог все, чего захочу: ездить, управлять, праздновать – чтоб я мог сам во всем командовать собой. Ради этого я согласен поголодать, повоевать, пострадать и потерпеть.

Свобода как отрешение к своей максимальной значительности. Максимальному самоутверждению.

Свобода – это осознание человеком своего положения таким, при котором он имеет максимум возможностей. При котором только от его свободного хотения зависит реализация этих возможностей.

10. А теперь просьба перечитать Ч. 1, гл. 3, п. 5, §§ 4–6.

Свобода – это состояние, при котором человек обладает максимумом свободной энергии и может максимально ее преобразовать.

11. А теперь вернемся к свободе и несвободе всякого конкретного хотения индивида.

В основе Вселенной лежит эволюция энергопреобразования.

В основе истории человечества лежит рост энергопреобразовательной деятельности.

В основе всех действий человека лежит стремление к максимальному энергопреобразованию, к максимальным действиям. Субъективно это проявляется через стремление к «максимальным оптимальным» ощущениям.

И изменить это человек не волен. На то его свободы нет. Это тот самый закон природы, который не обойдешь.

А он и не хочет. Этот закон и проявляется через его субъективные желания. Человек хочет получать удовольствия, быть сильным и красивым, быть здоровым и богатым, жить подольше и поинтереснее. А одновременно и более или менее неосознанно хочет страдать, быть несчастным, влипнуть в разные беды и выпутываться из них: его психике потребны максимальные ощущения и максимальные действия.

Свобода заключается в следовании своему хотению. Чем незначительнее конкретное хотение – тем больше свободы в выборе вариантов. Так реке все равно, куда прокладывать свое русло на плоской равнине. Но в результате извилистое и произвольное русло все равно сбегает вниз, к морю. Точно так же сумма хотений человека сводится к тому, чтобы наощущать и наделать как можно больше за период жизни.

Но с чего бы свободе означать изменение хотения? Почему, для чего, ради чего? С какой стати? Я хочу того, чего я хочу! И чем сильнее хочу – тем сильнее мне потребна свобода исполнить мое желание.

А свобода изменить мое хотение мне на фиг не нужна. Как изменить, куда изменить?

12. Э, нет... Проблема свободы действия и выбора ясна и естественна, так сказать. Любой зверь свободы жаждет – ему тоже потребен максимум самореализации и энергопреобразования. А вот проблема свободы воли, то есть свободы хотения, возникла по той причине, что обладающий разумом человек давно призадумался: чего ж это он хочет сплошь и рядом того, от чего самому же потом и плохо?

По своему хотению неким образом люди войны затевают, глотки режут, горбы ломают и пупы рвут. По своему хотению страдают и делают гадости. И не хотят, вроде! – а хотят! Както в результате хотений выходят гадости против хотений. Тут и зашла речь о том, что, может, неволен человек в своих хотениях, вот такова его натура, а вообще все предопределено.

Какова роль разума в координации хотения? Насколько разум над ним властен?

Если бы он был вовсе властен – мы все были бы счастливы: мы ведь обычно знаем, как надо жить, чтоб все было хорошо, и охотно учим этому других... только вот у самих не очень получается.

Если бы он был вовсе не властен – мы бы тут же разбивали обидчикам головы палками и камнями и тащили к себе все, что хочется, прямо и честно.

Все желания наши идут не от разума. Идут они от ощущений, оформляемых в желания. Вот разум и оформляет наши ощущения в желания все более изощренные и условные – и всячески ищет и строит пути и способы удовлетворения этих желаний. И он способен отказаться от ближнего желания ради дальнего – что означает отказ от меньшего ради большего. Он может давить искушения ради большой цели – подавлять менее сильные ощущения ради более сильных.

Разум определяет «тактическое» хотение, подчиненное генеральному, «стратегическому». А «стратегическое» – это стремление к предельной самореализации и предельному самоутверждению: что в конечном, суммирующем, общечеловеческом плане означает максимальное энергопреобразование мира.

Разум лишь определяет пути к вершине, а вершина – это пережить и переделать в жизни самое большое, на что ты способен. Изменить это положение разум не в силах. Это уже тот самый закон природы, который есть необходимость.

Человеку глубоко наплевать на этот закон природы. Он хочет делать то, что он хочет. У каждого есть свои личные цели и желания. А вот через это свободное хотение, через личные цели и желания этот закон природы и проявляется. Ты можешь его осознавать сколько влезет – и все равно: что бы ты ни делал – мир ты будешь преобразовывать. Это и есть жизнь.

13. Субъективно, психологически, индивидуально – человек свободен. Сам хочет – и сам пусть отвечает.

Объективно, в среднем, в сумме – человек несвободен. Он выполняет свое предназначение во Вселенной, и изменить его не может, как не может изменить свою собственную сущность: все, что он есть, проистекает из этой его сущности.

Вот эта объективная общечеловеческая и среднечеловеческая необходимость в рассуждениях о свободе как бы остается за скобками, не учитывается и никак не может учитываться в каждом конкретном человеческом случае.

Раз человек может покончить с собой, уйти отшельником в лес, противостоять в одиночку тоталитарному режиму – ну так никому не возбраняется делать по своему хотению при участии своего разума любой выбор. И будьте все хорошими, падлы, потому что вы можете.

Но. Но. Это свобода мыслящих капель, которые стекают по стеклу разными путями, хитрыми и извилистыми, но все равно стекают в одном направлении. Некоторые ползут вбок, некоторые на время – чуть ли не вверх. А результат один. Только вместо гравитации они при этом увлекаемы хотением и корректируют свои маршруты разумом. А при этом – разборки промеж себя, споры, одних ставят в пример другим: вот эта же капелька поддала вбок-вверх, ну так и все могут! почему нет?..

Еще раз. Человек не в состоянии осознать ту необходимость, которая им властвует, потому что эта необходимость проявляется через его свободу – через его свободное хотение и свободный выбор. Каждый индивидуальный выбор свободен!!! Но в каждом индивидуальном выборе всегда присутствует, подобно магнитному полю, влияние всеобщего и постоянного фактора на твоё хотение – стремление наощущать лично тебе как можно больше в жизни, и переделать всего от тебя лично зависящего как можно больше в жизни, и все человечество через это делает все больше и больше в этом мире.

Повторяю. В каждом конкретном случае каждый конкретный человек способен этот общий фактор преодолеть – и хоть повеситься, хоть в святые пойти. Но поскольку фактор этот постоянен и неубираем, то в сумме он всегда работает в свою пользу. (Это как в казино: ты

всегда можешь выиграть, но сумма вероятностей складывается в закон больших чисел, и по этому закону в общем выигрыше всегда остается казино.)

Ты свободен выбирать что угодно. Но твое свободное хотение всегда, всегда «подправляется» инстинктом жизни и в нем реализуется тот избыток энергии, который есть суть человека.

Слава

К тому времени господин Мольер с некоторым удивлением убедился, что слава выглядит совсем не так, как ее обычно себе представляют, а выражается преимущественно в безудержной ругани на всех углах, – справедливо отметил Булгаков.

Яркая заплатка на ветхом рубище певца, – хмыкнул не без романтизма Пушкин.

С детства я мечтал о том, о чем мечтают все мальчишки – о славе (и о любви), – честно вздохнул Томас Вулф.

И прославленным в веках остался пострадавший по собственной неквалифицированности Икар – несправедливо затмив в людской памяти надежного пилотагу Дедала, сумевшего без летных происшествий дотянуть до цели, – саркастически пожал плечами испытатель-ас Марк Галлай.

Но скрипит карета: «Слава, слава...» Сочтемся славою, ведь мы свои же люди.

Хотим-хотим-хотим!

1. В 356 г. до Р. Х. Герострат сжег храм Артемиды Эфесской. Это знают более или менее все.

Что храм через двадцать лет был полностью восстановлен, простоял еще шесть веков, пока не был разрушен готами, и только еще век спустя был окончательно прикрыт императором Феодосием – известно как-то менее; это уже не так интересно.

А имя того, кто построил другое чудо света, Александрийский маяк, вполне сохранившаяся, и вовсе не дотягивает по знаменитости до уничтожителя славного храма. Так чего вы хотите – справедливости? логики? заслуженной славы или согласны на любую?..

Кто строил храм Артемиды – помните? А кто восстанавливал – помните? Ну-ну... А ведь эти имена история тоже сохранила.

«Забыть Герострата!» – постановили суд и общее собрание Эфеса. «Замучитесь забывать», – прошептал поседевший под пытками Герострат. И он оказался прав.

Приговор суда был беспрецедентно остроумен и справедлив: лишить злодеяние смысла! Судьи тоже понимали в славе и категорически не хотели оставлять ее Герострату. Так сильно не хотели, что именно благодаря знаменитому приговору мужик и прославился. Кто сжег Александрийскую библиотеку? Кто сжег Москву? И вообще – кто утопил Атлантиду? Чем меньше шуму вокруг конкретного имени – тем меньше и славы.

Герострат не сделал ничего хорошего. И даже ничего уж очень ужасного: не Ирод все же, младенцев не губил, людей не резал.

Он сделал *необычное*. И всего лишь – всего лишь! – вызвал много шума и задел воображение. Вот ни с кем в истории его не перепутаешь. Золотая страница Книги рекордов Гиннеса: сжечь одно здание (без человеческих жертв, без войны, без лозунгов и демонстраций) – и навсегда войти в историю наравне с величайшими воителями, учеными, изобретателями и путешественниками.

Как вы думаете – войдет в историю парень, который завтра взорвет вдрызг на мелкие крошки пирамиду Хеопса? Не сомневайтесь.

Дети: так что же такое слава? и на кой черт она нужна?

2. См. Ч. 1, гл. 2, п. 6, «Слава».

3. Человек самореализуется – проживает свою жизнь настолько полно, насколько может. Меря свою самореализацию относительно других людей – самоутверждается через поступки:

я делаю, вот что я могу, вот чего я стою. Я крутой? я значительный? а, как вы думаете, я ведь много стою, да? ну скажите же, что это так!

Слава – это внешнее, стороннее подтверждение значительности человека – для него ценное, лестное, нужное; он хочет быть значительным, и его уверяют – о да, ты значительный. Хорошо.

4. *Гордость* — это такая степень уверенности в своих высоких достоинствах и возможностях, уверенности в значимости собственной личности, что никакие внешние порицания или хвалы ничего не меняют в самооценке человека. Он знает себе цену, цена эта высока, и подите все к черту. Гордый человек внешне может быть очень скромным: да я и так выше вас, я собой и так доволен, и есть чем: и это настолько бесспорно, что ваши мнения мне до фени. Мне даже приятно делать вид, будто я такой же, как вы все – по контрасту со своим поведением, внешне выражающим якобы мое с вами равенство – да я внутренне кайфую от того, насколько я на самом деле выше; внешней скромностью я сам себе подчеркиваю, насколько я на самом деле выше – и в любой момент могу это явить, показать. Это огромное внутреннее превосходство истинно гордого человека служит для него, при скромном поведении, источником сильного наслаждения.

Своей скромностью он играет с окружающими, как сытая кошка с мышью. Он растягивает удовольствие до бесконечности. Он постоянно держит в кармане возможность показать всем, что он значительнее. Он не может уронить и умалить себя никакой скромностью, никакой простотой – да он настолько выше, что не нуждается ни в какой атрибутике.

Это просто верх гордости – отказываться от любых внешних почестей и признаний. Это уже максимум того, что может быть – вот мог бы иметь черт-те какие почести, так мне и этого мало: я словно издеваюсь над незначительностью окружающих, притворяясь таким же, как они; да кто они такие, мелочь несчастная и малоразумная, чтоб пытаться сделать мне приятное своими глупыми суждениями.

Вопрос: так зачем же и гордый человек равнодушен к славе? Почему он хочет стоять высоко в мнениях людей, чьи мнения презирает?

5. *Тщеславие* же изо всех сил старается произвести впечатление на окружающих и отчаянно боится хоть чем-нибудь уронить себя в их глазах.

Тщеславный человек может быть пуст и неуверен в себе, и тогда высокой внешней оценкой он жаждет компенсировать низкую самооценку, корректировать ее в сторону повышения и вообще принимать за истинную. Падок на лесть и почести. Я хочу быть как можно значительнее, а эту значительность определяю через мнения и оценки других.

И однако. Тщеславный человек может быть умен и даже талантлив, может быть силен и красив. Богат может быть. Но он придает очень большое значение любым внешним проявлениям и свидетельствам своей значительности – вплоть до смешных и незначимых мелочей и откровенной и грубой лести. Не менее ли он богато и модно одет, чем кто-либо из окружающих? На лучшее ли место его усадят? Отдадут ли ему почести, подходящие его рангу и достоинствам?

Он стремится не просто к славе – он болезненно чувствителен к мельчайшим ее проявлениям, ему нужно в любой ерунде подчеркивать свою значимость.

Он готов врать, приписывать себе чужие и вовсе не существующие заслуги, носить фальшивые или одолженные драгоценности, выдавая их за свои, и вообще всеми способами и каждый миг демонстрировать окружающим свою значимость.

Он настолько жаждет до славы, что не в силах удержаться, чтобы не собирать бережно в ладонь мельчайшие ее крошки.

При этом он готов на тяжкие лишения, готов терпеть бедность, голод, унижения, – лишь бы эта теневая сторона его жизни была скрыта от посторонних глаз, и все это ради того, чтоб пускать пыль в глаза. Зачем?

6. *Честолюбивый* отличается от тщеславного только масштабом устремлений. Крошки его не интересуют, хотя обиды помнит и переживает, если где почестью обошли.

Он хочет летать высоко, срывать лавровые венки и овации, быть главным, вершить судьбы: пусть дела его будут всем явны, пусть имя его не сходит с уст, а судьба вызывает зависть.

Это высокая степень потребности в самоутверждении – которое, опять же, неразрывно связано со сторонней оценкой, с мнением людей, которые будут смотреть на него снизу вверх.

Прибегая к нехитрому сравнению, если честолюбие – это Наполеон, то тщеславие – это африканский царек, щеголяющий в мундире французского капрала и гордящийся крестом Почетного легиона.

7. Ни гордость, ни тщеславие, ни честолюбие в чистом виде, разумеется, в природе не разгуливают и в конкретных носителях не воплощены. В каждом есть и то, и другое, и третье, – в разных пропорциях. Разделение этих понятий отчасти условно: удобно.

И все это так или иначе входит в понятие, которое можно назвать – славолубие.

Людей, вовсе равнодушных к славе, не существует.

8. Честолюбивый скажет: *воздайте мне по заслугам!* Они есть, я совершил, я предьявляю: мне причитается! И я буду прикладывать усилия не только к свершениям, но и к получению почестей, соответствующих этим свершениям: я хочу войти в славу!

Тщеславный скажет: *воздайте мне!* У меня тоже должны быть заслуги, а если нет – я их найду, придумаю, проташу... в конце концов, это не так важно, внутри-то себя я согласен на славу без заслуг, а вообще-то давайте говорить о моих заслугах, вот они как будто и будут. Раз все считают и говорят, что заслуги есть, – значит, все в порядке, чего еще, слава ведь и заключается в говорении и превознесении заслуг, все так делают, этого всем охота, а уж мне особенно.

Гордый скажет: стану еще я перед вами унижаться, говоря о своих достоинствах и заслугах, если вы сами их не видите и не можете оценить... тупицы и быдло, вечная история. Увидьте же их, жлобы! Мне плевать на ваши мнения и вашу дурацкую условную иерархию – но по сравнению с прочими мое место высоко, очень высоко... А! вы увидели? заметили, оценили? наконец-то. Я хочу славы, но сначала сделаю вид, что мне на нее плевать, только бы не наплевать слишком густо – а так, для вида, чтоб показать свою небрежность и равнодушие к этому делу. Я даже согласен на всякие закулисные ходы, но чтоб внешне это выглядело, что славу мне поднесли на тарелочке с голубой каемочкой.

Отметим: даже умный и гордый, сознавая скоротечную бренность славы людской и пустое ничтожество тех, кто славит его, все-таки хочет славы. Уж ему-то зачем?

9. Что же такое эта чертова слава – кроме уже сказанного в пп. 2, 3 как самоутверждение через стороннюю оценку, через занимание высокого места в «неформальной» иерархии человеческого сообщества?

О. Приостановимся-ка на миг на этом. Усечем. По любой иерархической лестнице карабкаться довольно долго. А славу можно добыть одним ударом. Запрыгнуть сбоку да на самый верх. Слава ставит героя выше губернатора.

Слава ведь, надо заметить, переводима в материальный эквивалент денег, возможностей, власти. Это капитал своего рода! Тебя примет правитель и может последовать твоей просьбе: да за такую встречу деловые люди дают миллионные взятки. Политики платят тебе, чтоб твое мнение работало на их программу. Рекламщики платят за использование твоего имиджа в рекламе, а журналисты платят за интервью – это вздувает тираж газет, поднимает рейтинг передач.

То есть: *слава имеет такой аспект, как большая реальная значительность в реальных делах.*

Слава как реальная ценность, реальная величина. Вот вам и эфемерность.

Стремясь к славе – человек вольно или невольно стремится к такому положению, в котором он силен, значителен, многомогущ. Эге!

10. Но поэт готов душу заложить дьяволу и сдохнуть в нищете (что типично и происходило), лишь бы прославиться своими стихами. Певец, артист, вообще художник; да и спортсмен; да и много кто.

Блестящий врач, воротила-банкир, лауреат-ученый – ну просто что-то в лице у них вздрагивает радостно, если знаменитый журналист или тем паче телеведущий приглашает их «на публику». Все норовят книги писать, фамилию свою на обложках видеть, а рожу – в телевизоре. Ни денег, ни возможностей им это не прибавит. Славы хотят в чистом виде.

(Здесь необходимо сделать следующее отступление. Если человек хочет одного – а на самом деле, подсознанием и существом своим, стремится к другому – так это дело обычное, как мы давно выяснили еще в первой части. Что человек стремится «просто к славе», а на самом деле стремится к такому положению, где его реальные возможности и реальная значительность будут гораздо выше – это на данном этапе рассуждений вещь уже почти самоочевидная. Но не исчерпывающая вопроса.)

Что такое слава в чистом виде?

В «грязном» (полном, комплексном) виде – это значительность: поклонники и влюбленные, значительность сексуальная; возможность влияния на массы и на власть имущих, возможность влиять на судьбы страны, возможность иметь много денег и машин, видеть мир и испытывать разнообразнейшие впечатления и ощущения. Резкий подпрыг самореализации, самоутверждения, полноты жизни. Но это – в аспектах, проявлениях и следствиях. О'кей. А без них, голенькая, сама по себе?

Это значит: люди о тебе знают. Ты занимаешь какое-то место в их памяти, мыслях, чувствах. Ты вызываешь у них какие-то мысли и ощущения. Ты присутствуешь в их эмоционально-интеллектуальной сфере. Твой образ является частью их мира. Твой образ является одним из возбудителей для их центральной нервной системы. Твой образ есть какая-то часть действия, функционирования, жизни их центральной нервной системы.

Картина: миллионы мозгов, как миллионы солнц под черепами, и в каждом пылающем шаре – одинаковый крохотный протуберанец среди многих разных: это ты!

А это страшная сила. Это страшная энергия. Ничего более энергетически мощного, емкого, безгранично перспективного, чем человеческое сознание (имея сейчас в виду центральную нервную систему в совокупности всех функций) мы на сегодняшний день просто не знаем.

Если разум, как мы говорили, – это высший вид энергии, энергия второго рода, то владение и управление этими разумами, влияние на них – это самая высокая ступень этого высшего вида энергии. Человек силен наличием и использованием своего мозга, а сверхчеловек – использованием и влиянием на мозги многих людей. (Тысяча танков – и парнишка с рацией в бункере, который этими танками управляет, – примерное сравнение.)

Слава в чистом виде – это колоссальное энергетическое воздействие на мир. Это манипулирование энергией второго рода – энергией центральной нервной системы многих людей.

В славе ты изменяешь мир наивысшим образом: изменяя сознание людей, которые изменяют этот мир. Если назначение человека – оставить след в этом мире, ходульно выражаясь, то оставить след в сознании людей, которые оставляют след в мире – это уже сверхназначение. А изменяешь ты эти кучи индивидуальных сознаний уже фактором своего вторжения в них, своего наличия в них. Ты вошел в их субъективный мир – ты изменил мир для них, изменятелей и преобразователей.

Слава – это высшая форма энергопреобразования. Высшая форма воздействия на мир, преобразования мира. Ничего себе. А вы что думали, граждане и неграждане.

11. До сих пор люди этого не знали. Но всегда чувствовали и инстинктивно стремились. Эти люди – они вообще всегда все, что надо, чувствовали и инстинктивно стремились. Наше дело – только понять и объяснить.

Вот потому одаренные и талантливые, энергичные и честолюбивые, они клали жизнь ради славы, почитая ее выше всего. Правильно почитали.

Ибо *стремление к славе – это стремление к максимальному действию из максимальных*. Ибо слава – это состояние твоего максимального энергетического воздействия на систему «ты – мир».

Пусть нищ, пусть увечен, но слава все искупает и покрывает: ты сделал максимум в жизни.

12. А вот теперь вернемся к тщеславцам и честолюбцам и отделим один от другого два вида славы: один, который базируется на чем-то, каких-то очень незаурядных свершениях – от другого, который ни на чем не стоит, а представляет собой «наведенное мнение», писк моды, «раскрутку дутика».

Вообще вариантов три. Сделать дело и прославиться. Сделать дело и не прославиться. Не сделать дело и прославиться. Можно еще и не делать, и не славиться, но это уже к разговору о славе отношения не имеет.

Слава, базирующаяся на крупном свершении, сравнительно прочна и долговечна. Поступок говорит сам за себя. Такую славу обычно называют заслуженной.

И однако можно совершать поступки, казалось бы заслуживающие славы по всем, так сказать, параметрам и признакам, – а славы не снискать. Не то люди глупы, не то думают о другом и не обращают на тебя внимания, не то рожа твоя им противна и жизнь неинтересна.

А можно быть совершенной заурядностью, но уметь устроиться так, чтоб все о тебе говорили: это наука отдельная.

В наш век развития средств массовой информации создание славы кому-либо стало отраслью бизнеса: свои приемы и закономерности, свои принципы вложения и отдачи средств. Упрощенная модель – это покупка прессы, создание имиджа и вчеканивание в мозги масс информации и образа прославляемого. А там – избиратели голосуют за политика или зрители ломятся на концерты вновь надутой «звезды».

Костюм. Лицо и прическа. Манеры и хобби. Биография и семья. Похвалы и уверения в значительности новой фигуры. Все это внедряется в сознание человека толпы, потребителя. И все уже новую звезду знают. Вот вам и слава. При этом звезда может быть достаточно заурядна – а большинство потребителей этого все равно не понимает, не различает.

Завтра ее заменят другой звездой – и прежнюю никто не вспомнит.

Слава есть – а базы нет. Идеальная величина, существующая только в сознании людей. Сродни наркотику, гипнозу, внушению. Внушение производится искусственным порядком – через «внушителей». Сняли внушение – кончилась и слава. А сам по себе человек и его действия никому не интересны.

А если, значит, человек и его поступки привлекают внимание сами по себе, не раздуваемые чужими мнениями, то здесь хоть раздувай, хоть не раздувай – Александр Македонский в рекламе не нуждается.

Вроде как стоит реальный предмет – и будет стоять. А рядом – голографическое изображение другого предмета: электричество отключилось – и нет больше голографии.

Короче, слава настоящая и дутая.

Увы, все чуть-чуть сложнее...

13. Фокус в том, что даже при заслуженной славе образ героя отделяется от реального и становится легендой: образом идеализированным, приукрашенным и условным. И этот образ в сознании людей начинает жить своей собственной жизнью – и эта его собственная жизнь

подчас начинает не иметь ничего общего с реальным героем. Людское воображение, чаяния, представления о жизни трансформируют образ героя так, что он сам себя может не узнать.

Подобно тому, как вьюнок взлетает вверх и вкось по стене, цепляясь за малейшие неровности и далеко в сторону уходя от своего корня – а потом тень этого верхнего цветка вьюнка далеко отстоит и от него самого, и от корня, – так и слава, тень поступка в воображении людей, весьма косвенно прицеплена к своей настоящей причине.

Не поступок и герой, но образ поступка и героя в воображении людском – вот что есть слава.

А тогда возникает резонный вопрос: если в сознании сформирован образ – то не все ли равно, как он туда попал: через самостоятельное впечатление от поступка или через внушение?.. Проходит время, увеличивается дистанция, и уже невозможно различить: что было на самом деле, а что придумано.

14. «Заслуженная» слава может быть названа «реальной»: это реакция людей на значительный поступок, свершение, – будь то завоевание страны или открытие Америки, создание шедевра или научное открытие. Десятикратный чемпион мира и супер-предатель, погубивший родину, баснословный богач и сводившая с ума континенты красавица – есть чем потрясаться и о чем говорить; слава.

Но кто боролся с тем чемпионом? кто целовал ту красавицу? кто считал те миллиарды? Молва и игра воображения... И всякий представляет это себе немного иначе, по-своему.

Нам не нужны лысина Цезаря, длинный нос Клеопатры, узкие мокрые губы и геморрой Наполеона. Нам не нужно знать, что Михайлов пел лучше Шаляпина, а Робин Гуд стрелял из лука не лучше многих хороших стрелков. Изольда и Джульетта обязаны быть неслыханными красавицами, а Крез пусть хоть треснет – но будет богаче султана Брунея и Билла Гейтса вместе взятых.

Слава имеет ограниченное число пьедесталов в нашем воображении. И пьедесталы эти определенной и немалой высоты. И уж тот, кто попал в наш Пантеон Славы – водружается нами на эти пьедесталы и обязан соответствовать.

А попадают туда – образы, образы, образы!!! И если этот образ создан искусственно, но хорошо надут и раскрашен, и внедрялся в сознание масс долго и упорно, долго и эффективно, долго и тщательно, долго и убедительно – так, что стал уже в нашем сознании реальнее многих реальных людей, – ну так и хана «справедливости», долгая слава ему обеспечена. Он хорошо встал на пьедестал, он нас устраивает, он нам нравится: где-то там далеко внизу и сбоку он как-то соединен со своим реальным корешком, а поверху – замечательная легенда. Что и требовалось. И вот что такое слава.

15. Никто не достиг бы славы, если бы людям не требовались герои и кумиры. Что в них привлекательного? А причастность к их величию. Сотворив себе кумира, человек как бы ориентирует стрелку своего маленького личного компаса по большому компасу кумира: признавая его величие, восхищаясь им – он разделяет его взгляды, стремления, страсти, он как бы присоединяется к его войску в некоем идеальном пространстве. Признавая его славу, человек как бы и себя осеняет маленьким краешком этой славы – и встраивается в большой отряд его почитателей: нас много, нас объединяет понимание и признание этого величия, мы представляем собою немалую силу. Человек уподобляется своему кумиру тем, что, признавая и восхищаясь, он и себя представляет таким же, только меньше и слабее: он гигант, он смог, – я не гигант, но я хотел бы того же самого, и я тоже хоть кое-что могу, в воображении своем я к нему приближаюсь: и я значителен тем, что являюсь пусть очень слабым, но его подобием. Он – часть моего мира, и неслабая часть, и через то, что он вообще существует, мой внутренний мир богаче и сильнее.

Герой и кумир – это духовный лидер. И этот лидер объединяет нас через признание его славы и его достоинств. Из разрозненной мелочи пузатой мы превращаемся в организованное

и направленное сообщество, группу, народ: наши представления ориентируются и складываются воедино вслед за Ним, его достоинство подтверждает и наши достоинства – мелкие, но сходные с его. Причащаясь величию, мы обретаем часть этого величия для себя. Мы не чужие, не пасынки славы и величию – мы понимаем, разделяем, посильно соучаствуем.

Словно энергия кумира немножко перетекает и в почитателей, в фанатов, последователей, поклонников.

И если ты задеваешь моего кумира – ты оскорбляешь меня лично: значит, я глуп и плохо разбираюсь в вещах; значит, я слаб духом и восхищаюсь только потому, что мне нужно опереть об кого-то свой дух; значит, я мелок и напрасно пытаюсь осознать себя частью сообщества, сильного своим единством в некоторых представлениях о жизни.

Слава героя как символ единства и силы массы.

Кумир означает: вот что люди могут! Я поклоняюсь ему и тем самым вхожу кирпичиком в пирамиду, вершиной и острием которой является Он.

Вот почему людям нужна чужая слава. Приятна, желанна.

(А какова отрада многих – сказать небрежно и гордо: да мы с ним по корешам, да мы вчера пили, да мы вместе учились, и вообще, как из этого следует, у нас с ним много общего, он признает меня кое в чем почти равным себе, т. е. я тоже вообще-то почти ого-го.)

Так что поклоняться, восхищаться, прославлять, признавать и проповедовать чье-то высокое и безоговорочное превосходство – это потребность большинства людей.

Эта потребность есть всегда. И ищет, на кого обратиться.

16. Поэтому на протяжении жизни одного поколения герои и кумиры могут сменяться несколько раз. Фигуры условны – отношение к ним то же самое, просто переносится с одних на другие.

«Где, укажите нам, отчества отцы, которых мы должны принять за образцы???!»

Рыцари ЧК заменяются столь же сомнительными рыцарями Белого движения. Талантливые бандюги-коммунисты заменяются морально приличным, ничтожным и бездарным царем. Маяковский и Багрицкий заменяются на Пастернака и Мандельштама, конструктивист Брюсов утоп под грузом декадента Гумилева, Евтушенко и Вознесенского скрыли под помостом, на который торжественно водрузили Бродского.

Не анализ свершений – но символ веры. Не воздаяние по заслугам – но навешивание своих потребностей в кумире на подходящую сегодня фигуру. А какая в сущности разница, да? Читая любимым девушкам и друг другу «стихи гениального поэта» – просто прицепляют собственные чувства к подходящей внешней точке.

17. Во многом слава – аналог власти (см. «Власть»).

18. «Культурная фигура», «секс-символ» и тому подобные раздражающе кретинские формулировки нашего времени означают: так, есть свободный пьедестал для славы – ну, ребята, поглядим-пошарим, кого можно сунуть на это место: это ведь бизнес, бабки, туры и сборы. Так сверху по разнарядке спускают орден, и уже потом ищут кого поподходящее назначить в орденосцы: не пропадать же награде зря, подвигов, может, ни за кем и не числится, но уж кого-нибудь подходящего мы сейчас героем объявим.

19. Но при чем здесь Герострат? А при том, что слава и известность часто употребляются как синонимы. Побольше шуму, запасть в сознание, а уж как к тебе относятся – это неважно, главное – что знают. Сейчас я пристрелю битла, зато прославлюсь. А еще лучше – короля, президента, Папу Римского. Поступок! Шум, память! Они вон чего сделали – а я их убил и тем самым прилип к их славе намертво, во.

Скандалы, постельные подробности, дикие выходки – что угодно, лишь бы вылезти на глаза и напомнить о себе.

Сегодня Пугачева уже совсем, бедная, не может петь – но отчаянный шум вокруг себя производит всеми способами. Трудно так сразу назвать в русской культуре явление более

позорное, чем мальчиково-миловидный и стройно-пухленький юный певец и годящаяся ему в мамы крутая деляга-певица, в рекламных целях торжественно венчающиеся в Петербургском соборе под патронажем мэра, известного демократа и мецената. Деньги не пахнут, но пахнет слава – чем?.., тем.

20. Самая просто достигаемая слава – отраженная. Стань тележурналистом и приглашай в собеседники каждый день другого великого человека. Через полгода все будут понимать, что ты более велик, чем все они, потому что они появляются на экране редко и говорят каждый о своем, а ты торчишь в нем каждый день и говоришь каждый день о разном. А что ты дурак – это мало кому видно; дурак-то дурак, а свой тридцатник в день имеет.

Свет отраженных звезд.

Можно ли бревно в глазу считать звездой первой величины? Можно, если оно торчит из телевизора.

И тогда начинаются прелестные казусы: одна «телезвезда» приглашает на беседу в экране другую «телезвезду» – а сказать-то им и нечего, ибо из себя они ничего не представляют. Они мучительно мычат, с готовной и дружеской заботой поддакивая друг другу. Встретились два зеркала – а отражать-то и нечего.

И это тоже слава, а фиг ли.

21. Слава – это ведь не понимание или оценка аналитика, а легенда, легенда же создается по своим законам и есть продукт отдельного и специального творчества.

Нужен образ, нужна судьба, – нужно правильно бросить в раковину общественного мнения те песчинки, на которые моллюск людской массы и наматывает свои жемчужины, – будучи уверен, что эти жемчужины он получил в готовом виде.

Власть

Нет таких преступлений, которые не совершались бы ради власти. Убивали отцов и матерей, детей и братьев, своих людей без счета и чужих без меры. Вожди, цари, султаны и императоры понимали толк и вкус в этом деле. Шнурок на шею, камень в воду, голову на плаху и яд в стакан. Большая власть всегда стоит на крови – явной или тайной: чем выше к вершине пирамиды – тем беспощаднее конкуренция.

Но и на нижних уровнях – доносы, связи, подсижки и посадки. Всегда в избытке желающие занять место самого мелкого начальничка.

При этом достаточно понятно, что счастья власть не приносит. Она подобна скорее наркотику, чем лакомству: привыкание наступает быстро, и наслаждение обладанием тотчас сменяется разнообразными муками: страх потерять, трудность удержать, необходимость соблюдать массу процедур и выполнять кучу часто неприятных обязанностей; и чем больше ты делаешь, тем больше препятствий, несуразностей и всяких раздражающих моментов.

Ан – лезут! лезут!

Если считать благом доброту, совесть, душевный покой, любовь, уверенность в завтрашнем дне и предельную свободу в поступках и проявлениях чувств – то во власти ловить нечего. Властитель, чем выше стоит – тем в большей степени раб своего положения, и все его действия должны быть направлены к сохранению и упрочению своей власти, а то скovyрнут. Династические браки, политические дружбы, военные союзы и экономические решения: и окружение должно состоять из нужных и полезных людей, а не хороших и симпатичных.

Над феноменом власти люди ломали головы всю дорогу, в основном на тему: ну почему же никак нельзя обойтись без сволочизма и злоупотреблений. Или: почему правитель явный дурак и ведет дело к гибели, как же так, ведь всем видно. Итак:

1. В чем объективная сущность власти? Это самый простой вопрос. В координации усилий для совершения сообща максимальных действий. Чистый опыт: бригада шабашников на

работе, никаких формальностей не требуется, все равны, причем честны, умелы, и командовать нечего. Ан – выбирается старший, причем даже тогда, когда старшим быть никому неохота. В любом деле неизбежны какие-то вопросы, неувязки, разногласия, и по каждой мелочи устраивать общее собрание с разборкой и голосованием – и невозможно, и не хочется. Дело должно идти рационально, слаженно, для этого кто-то поопытнее и поумнее должен как бы чуть со стороны и сверху держать в виду весь процесс, и чуть сбой, или чуть видна возможность улучшения дела путем какой-то перестановки людей либо прибавки-убавки-изменения каких-то действий – руководитель первый это видит, понимает и дает распоряжения.

Характеры у людей разные, воззрения на мир могут быть разные, а понятно, что действовать надо воедино, – и вот люди как-то оговаривают общие правила действий, или даже просто себе их ясно представляют, если они несложны и очевидны, и для объединения себя в единую эффективную систему выбирают главного. И сами уславливаются в каких-то рамках его слушаться.

Структурирование сообщества. Сложить хаос в систему. Выдать максимальную равнодействующую разнонаправленных векторов сил, ориентировать эти векторы в одном направлении, вроде стрелочек компасов.

И чем экстремальнее ситуация, чем больше суммарное усилие необходимо развить – тем больше роль руководителя. Абсолютный пример – македонская фаланга: способна передавить и переколоть рассеянных противников без числа, но необходимо мгновенное и всеобщее исполнение единого приказа всеми шестнадцатью тысячами фалангистов, сила фаланги – именно в полной согласованности каждого шага, поворота, действия.

«Лучше сто баранов, предводительствуемых львом, чем сто львов, предводительствуемых бараном», – справедливо сформулировал Наполеон, вполне понимавший во власти и войне.

Команда дворовых пацанов, шайка бандитов, пиратский экипаж, экспедиция в пампасы, – требуется объединение усилий, для чего требуется централизация управления. Мы, значит, сложим себя в боевого слона, но кто-то должен быть слоновожатым – управлять, направлять, пришпоривать, говорить кого бить и куда бежать.

Оркестру нужен дирижер, короче. А вооруженной толпе – командир, чтоб дивизия не стала стадом головорезов, которых перебьет по частям одна штурмовая рота. А городу – голова, староста, комендант, мэр, или как там его называют. А государству – король, премьер, президент, генсек или лорд-протектор. Армия, полиция, чиновники, крестьяне, ремесленники, торговцы, судьи, и должен быть общий координационный центр – а самими координаторами тоже должен кто-то руководить, хотя бы на ограниченных договорных началах. Ну хоть временно, посменно, до выборов.

Объективная сущность власти – в централизации для совокупного совершения максимальных действий. В результате действие получается более значительное, чем если – кто в лес, кто по дрова.

2. Субъективная сущность власти. А тоже не сложно. Стремление индивида к своей максимальной значительности через совершение максимальных действий и через максимальное признание значительности своей личности всеми окружающими.

а). Интенсивный уровень. Внутреннее осознание лидером себя и своей роли. – А я крут, круче всех. Все мне кланяются, уважают, побаиваются, я имею право на первый и лучший кусок. Казню, милую, приказываю. Да я достиг в жизни максимум того, что вообще возможно, выше уже некуда, я могу делать больше, чем любой из людей. Если мерить свою самореализацию и самоутверждение через других людей, относительно них, – да это предельная самореализация и предельное самоутверждение. Инстинкт жизни проявил себя настолько полно, насколько вообще было возможно, – если, значит, пользоваться окружающим людским масштабом, которым человек и пользуется всегда. Я – номер первый, чемпион, победитель! Кайф.

б). Экстенсивный уровень. Уже не уровень субъективных ощущений, а уровень объективных действий властителя. Реальная значительность властителя огромна – ибо по своему усмотрению, желанию, приказу он может задействовать огромные людские массы со всеми их мозгами, силами умственными и физическими, наукой, техникой и деньгами. Античный раб совершает действия только посредством своей мускульной силы. Крестьянин – посредством также пары рабов и пары волов. Экскаваторщик подключает энергию сгорания солярки и посредством машины роет больше сотни крестьян с их двумя сотнями рабов. Властитель же роет канал посредством сотни экскаваторщиков. Строит город посредством десятков тысяч ремесленников, животных, рабов, машин. Завоевывает другое государство посредством тысяч воинов, и крестьян, которые вырастили им хлеб, и ремесленников, которые изготовили оружие, и т. д. Властитель реализует себя в предельной степени – через действия всего своего народа. По его желанию и замыслу явственно и на глазах переделывается мир! Миллионкратно увеличиваются все его личные усилия, передаваемые передаточным механизмом власти сверху вниз, в народ: тысячи людей устремляют свои мозги и силы во исполнение его усилия – строят, завоевывают, пашут.

3. Так что властолюбие – это естественная и предельная жажда самореализации и самоутверждения. Жить так, чтобы от моего желания в мире зависело как можно больше. Это предельное проявление инстинкта жизни – действовать посредством всех людей с их индивидуальными энергиями и возможностями. Больше уже просто некуда.

4. Заметим, что прямая власть – это экстенсивный способ самореализации, через явные и прямые действия, когда пирамида государственной власти служит редуктором, передающим и умножающим усилие, а весь народ – как бы рабочим механизмом.

Но есть еще два рода власти, вполне реальной, но не являющейся властью политической, властью в системе отношений людей.

Род первый – жена, фаворит, советник короля. Влияние на личность лидера, действие через него. Реже – потому, что ты умеешь доставить ему сильное удовольствие и вертишь им в своих интересах; чаще – потому что ты умный, и еще как сказать, использует ли король твой ум в своих интересах – или это ты посредством своего ума используешь короля в своих интересах. Доступ к постели короля и доступ к уху короля. Здесь вся атрибутика власти – королю, но есть сознание того, что он – марионетка в твоих руках, а реально миром правишь ты. Эге. То есть: можно не уметь подчинять себе людей, расправляться с врагами, заставлять выполнять приказы, брать на себя всю ответственность за содеянное, – но лишь умом изменять мир, используя чужую волю и силу.

Заметьте – советников всегда масса, не протолкнешься, и у каждого лидера – аппарат мозговиков. Вся энергия мозговика пошла в ум, условно говоря, – но важнее, по жизни, умение скручивать людей в бараний рог или внушать им любовь и доверие. Ум возьмешь и напрокат за умеренную зарплату, а качества лидера – увы, надо иметь свои. Т. е. – беспредельное властолюбие важнее. Но мощный и тонкий ум, стоя рядом с властью, реально делает умника тоже очень властным. «Серый кардинал» – тоже род власти.

Род второй – интеллектуал-ученый. Архимед, Бертольд Шварц, Оппенгеймер. Тихо сидя, изобретает такое, что аж мир переворачивается. Строго говоря, это тоже высшая форма самореализации, дающая ученому ощущение и сознание власти над миром. Вы короли? – а я кончу сварганивать эту установочку, положу палец на кнопку – и могу сделать такое, что вам не снилось. В общем ведь братья Райт больше сделали в этом мире, чем любой главнокомандующий ВВС вместе с министром воздушного транспорта. Власть человечества над воздушным океаном со всеми вытекающими, а вернее выпадающими и вылетающими отсюда последствиями, базируется на власти над воздушным пространством двух механиков из велосипедной мастерской. Это их власть!

Но говоря о власти, мы всегда имеем в виду в первую очередь и по преимуществу власть одного человека над другим – прямую и простую. Казнить «серого кардинала», отобрать изобретение у изобретателя. Просто, говоря о сущности власти как самореализации через максимальные действия, нельзя не упомянуть тех, кто изобретал порохи и подавал советы.

5. На чем стоит власть? С одной стороны – на добровольном и сознательном подчинении, с другой – на насилии и ломке любого сопротивления себе.

Власть может начинаться как сугубо добровольная: бригада единогласно избирает бригадира. Может как сугубо насильственная – завоеватель подчинил себе соседнее государство. Может быть власть как бы или почти большинства – демократические выборы с такими условиями процентной нормы для победителя, что достаточно бывает четверти населения «за» для победы: остальные голосуют кто во что горазд или просто плюют. А может быть властью сугубо меньшинства, когда узкий круг князей долго препирается, кого ставить главным.

Но как только серьезная, на государственном уровне, власть становится властью – мощный аппарат армии, полиции, чиновников и пропаганды устраивает «пирамидальную вниз» такую клетку для народа, что подчиняться приходится волей-неволей: деваться некуда, или в тюрьму.

А иначе и невозможно. Всем всего не объяснишь. На всех не угодишь. Со всеми дураками и эгоистами не договоришься. Со стороны-то, всех пружин не зная и ни за что не отвечая, умников всегда много, которые знают, как надо сделать лучше в чем-то конкретном – но тут же окажутся беспомощны и несостоятельны, посади их наверх в центросплетения финансов, интересов разных внутригосударственных и внешних групп, интриги и неувязки.

5-А. Но еще власть стоит на том, что людям **нравится подчиняться** и они **хотят подчиняться**. Они буквально-таки ищут подчинения.

Интеллигент-демократы при этом тезисе могут взвыть о свободе как исконной тяге человека ко всему хорошему. Но (см. Ч. 1, гл. 3, п. 5, § 4) свобода – это стремление человека к такому положению, при котором он может преобразовать максимум энергии, и не понимать это (а чаще всего этого не понимали – кажется, до сих пор вообще не понимали) – не более чем глупость. И – и: добровольно предпочитая подчинение свободе, человек использует свою свободу для свободного выбора такого положения себя среди других людей, которое дает ему возможность как раз реализовывать и преобразовывать максимум энергии и совершать максимум действий. В этом и состоит суть добровольного подчинения. И никакого противоречия свободы подчинению на самом деле здесь нет.

Индивидуальная свобода реализуется в свободном выборе подчинения. Это верно для подавляющего большинства людей. И чем экстремальнее ситуация – тем более явно и обязательно это проявляется.

Когда царит мир, благополучие, спокойствие, все хорошо – тут и подчиняться незачем, каждому охота делать, что он хочет, безо всяких ограничений, коли это ему ничем не грозит. Но при любых совместных действиях нужна организация. А организация требует поставить кого-то во главе. И встроить себя в организацию, исполнять приказы – значит стать сильнее и значительнее как часть общего целого: организация тебя защищает, организация умножает твои силы, все ее возможности и заслуги распространяются на тебя.

А тот, кто во главе – он сильный, решительный, храбрый, он берет на себя ответственность за решения, он способен сплотить толпу в мощную команду и протаранить любые препятствия. Встраиваясь в организацию под его началом – ты почти достигаешь его уровня храбрости и значительности, он теперь с тобой заодно, не даст в обиду, ты выживешь, победишь, а если и нет – имеешь на это максимальные шансы.

Это, значит, в том случае, если лидер делает или обещает делать примерно то, чего тебе и хочется. И ты согласен отказаться от мелких проявлений личной свободы – когда ложиться

спать, кого посылать подальше, как именно делить еду, – зато обеспечишь себе главное: значительность, победу, защищенность семьи, богатство, цель приличную и значительную.

«Командуй!»– кричит толпа вождю. «Придите и володейте нами!»– зывают ограбляемые всеми проходимцами селяне к конунгу с дружиной. И подчинение становится сладостно: теперь-то мы всем покажем! Каждый мелкий акт подчинения означает: я твой единомышленник, я твой друг, я знаю, что только через подчинение мы становимся единой силой, управляемой единой волей, твоя воля самая здоровая, босс, и всю свою волю я подключаю к твоей, которая теперь – наша единая и общая воля, и таким образом каждый из нас – часть большой силы, делающей большие дела, и умение подключать всю свою энергию к общей – это дело доблести и человеческой значительности.

Подчинение избавляет от нерешительности, незнания что делать, неуверенности в своих действиях и их результате, сознания слабости своих сил, – состояний бесплодных, вредных. Подчинение придает смысл твоим действиям – у нас общая цель, я работаю на всю команду, всем это нужно.

А одобрение босса и товарищей есть прекрасный показатель значительности – меня признают, хвалят, я много стою среди себе подобных, мне это нужно и комфортно.

Быть значительным объективно и ощущать себя значительным субъективно через подчинение. Вот в чем суть подчинения. Вот чем оно, черт возьми, сладостно. И вот почему девяносто девять процентов людей его ищут.

Для большинства, как давно и было замечено, полная личная свобода – тяжеловатое, плохопереносимое состояние: самому обо всем думать, самому за все отвечать, самому все знать. Для этого нужно много уверенности в себе, в своих силах, много храбрости и стойкости в одиночку противостоять другой силе, хотя бы силе природы.

Так заключенные в лагерях сбиваются в «семьи»– одному не выжить, загрызут, помыкать будут, а команда защитит, и пусть пахан командует. И лишь очень здоровые и храбрые могут не примыкать ни к какой семье – «масть» этих одиночек называется там «один на льдине», он же – «ломом опоясанный». Это мало кого привлекает, и мало кому по плечу.

И умные лидеры всегда знали: людишки власть любят, хаот и скрипят – а не могут без нее.

6. Почему люди подчиняются власти, даже если подавляющему большинству она совершенно не нравится?

А куда ты на фиг денешься. Выбор простой: или сломить голову – или в отведенных и разрешенных пределах жить сносно и реализовывать свои возможности: работа, карьера, благополучие, семья, подняться над некоторыми, и развлечься можно, и повеселиться.

Да и с детства вбивается всеми средствами, что верноподданничество – дело чести, долг, обязанность, это морально, это хорошо.

И даже если тебя гонят на войну, тебе не нужную и не понятную – можно выслужиться, подняться, прославиться, уцелеть и вернуться с добычей, да и кругом тебя толпы тебе подобных – ну так все нормально, ребята, что ж делать: а полевой трибунал с расстрельным взводом всегда наготове.

И энергии отдельных людей загоняются умелым правителем в нужные клеточки, и кресты Почетного Легиона для солдат и миллионные пенсии для маршалов подстегивают армейские колонны.

И всегда найдется место для храбрости, силы, ума, предприимчивости, любви, карьеризма, – то есть, опять же, жить-то можно.

Но еще одно. Верность родине. Дерьмовая страна, но моя родная. Я самоутверждаюсь как часть великого целого, и сам силен через принадлежность к этому целому. А раз в моей стране вот эта власть правит – что ж, это и моя власть. Вроде как дрянная у меня семья, ан все-таки свой дом, все-таки есть в нем и хорошее. Хуля мой дом – ты объявляешь ведь и меня

дерьмом, значит, глупым и неудачливым, мелким человечешкой. Но мне потребно осознавать себя приличным и немелким человеком!

И человек начинает уже сам отыскивать в своей власти положительные черты – тем более что пропаганда к его услугам. И находит. Тем более что всегда и во всем можно найти что-то хорошее. Психология, понимаешь...

Если человек не может действовать иным способом, чем тем, который ему оставлен – он со временем начинает видеть в этом способе хорошие стороны. И чем большего в отведенной клеточке он достигает – тем больше его устраивает, естественно, эта жизнь.

Он всегда измеряет полноту и достоинство своей жизни относительно жизни других: соседей в своем государстве и неких средних граждан в другом. И мысль, что он живет хуже, чем в других государствах, ему несносна, противна его психике, ущемляет его сознание, он стремится опровергнуть ее всеми возможными способами: нет, он более значителен, чем они! Они богаче? ездят по миру? могут высказывать свое мнение? веселее выглядят? – зато мы храбрее, и больше любим родину, и народ у нас умнее, вот просто по судьбе и истории нам не везет, понимаешь...

В обыденных условиях каждый норовит устроиться с властью так, чтоб жить получше, чтоб она мешала ему поменьше, а вообще плевать на нее, мы люди маленькие, а они там наверху все суки, похоже.

Но при столкновениях с врагом внешним верность власти – это форма верности дому и народу, форма предъявления своей личной значительности в противовес значительности врагов. Я не отрекись от своего короля – можете казнить! (сука неблагодарная этот король, и награды не дождешься, и страну профукал, – но мой король – это символ моего достоинства, моего величия через принадлежность к короне, моей значимости как малой части великого целого, противостоящего вам, засранцы, и головы мы перед вами не склоним, не дождетесь).

б-А. Власть, как всякая сила, к чему-то прикладывается, то есть чему-то противопоставлена: хоть враждебной группировке, хоть природе, в которой надо выживать через какие-то на ней действия.

И чем солиднее власть – тем сложнее она структурирована сверху вниз, в пределе – на государственном уровне. И каждый, кто занимает самую мелкую руководящую должность, самоутверждается не столько через подчинение (где как раз утверждаются над ним вышестоящие), сколько через свой маленький сектор власти.

Здесь в масштабах завода, города, а особенно, конечно, государства происходят дивные вещи, когда маленькие люди посредством своих должностей отыгрываются на всех, кто зависит от них по роду их деятельности. Мелкий чиновник, автомеханик, продавец – в силах попортить людям настроение либо улучшить, в рамках своих полномочий делая что-то или не делая. И так граждане демонстрируют друг другу свою значительность «по очереди», каждый в своем секторе.

Это немало мирит их с верховной властью, с которой они могут быть во многом несогласны. Нас давят – мы давим, жить легче.

Структурированная власть неизбежно организуется по принципу «разделяй и властвуй». Скажем, армия, военная полиция, политическая государственная полиция и криминальная полиция везде и всегда ненавидели друг друга, поскольку сферы их влияния всегда частично совпадали, накладывались краями, и каждая структура несколько давила на соседнюю, надзирающая за ней и будучи над ней в некоторой степени властной. В этой взаимной неприязни и столкновении функций они друг другу мешали, ослабляли, но одновременно и контролировали, не давая борзеть и угрожать власти верховной.

Борьба властей «второго уровня» между собой неизбежна. Она почти всегда вредит конкретному делу – но полезна стабильности верховной власти. А одновременно отвлекает от недовольства верховной властью, конкретизируя это недовольство «по горизонтали».

7. Может ли правитель быть дураком, и может ли он быть умным?

Если правитель – наследный монарх, то все возможно: родился идиотом, или родился гением. Но обычно имеются в виду лидеры выборные.

Полным дураком он быть не может, будь спок. Иначе бы не вылез. Если смог сделать такую карьеру – значит, не дурак. Если он кажется тебе дураком – ну, ты многого не знаешь из закулисной механики, стоящей за его действиями и словами.

Но и подлинно умный человек наверху – большая редкость. Почему? Потому что, *при прочих равных, цели достигает тот, кто к ней сильнее стремился и кто был больше способен ее достичь*. Достигший власти человек – как правило редкий умница по части достичь власти и удержать ее. Это дело первейшее – иначе обойдут конкуренты, скovyрнут, скомпрометируют. Умение говорить что надо где надо, ладить с нужными людьми, обольщать и обещать, нравиться и запугивать – тут он умен.

А вот по части распорядиться властью правитель может быть совершенно зауряден. И то: он ведь вынужден пускать все свои умения прежде всего на то, чтоб добиться и удержаться. А править – это дело другое, тут многое может не нравиться народу, а многое – окружению лидера, да и пока он занят государственными делами – конкурент может все силы употребить на скovyривание его.

Поэтому наибольшая удача для народа – это умный и энергичный абсолютный монарх. Ему не приходится думать (условно предположим) об удержании власти, и все силы и ум идут на собственно правление. Но поскольку и монархи чаще были идиотами, они больше не фурычат.

Обычно правитель – среднего же ума человек, безмерно властолюбивый, который очень умен и талантлив как карьерист – достичь места и сидеть на нем, в вопросах же отправления власти он тебя не умнее, в общем; огромный аппарат советников и профессионалов управления сидит под ним, и вообще может без него обойтись, но – нужен кто-то на это координирующее место.

8. Может ли правитель быть хорошим человеком?

Если у тебя еще были иллюзии – отдохни от них. Нет, не может. Есть желание – перечитай Макиавелли.

Во-первых. Хорошим – значит честным, добрым, верным, порядочным, высокоморальным. Значит, при столкновении прагматического интереса с моралью он должен предпочесть мораль. Ага. А победит в жизни тот, кто предпочтет расчет. Вот и всего делов. Выгодно для победы в деле и достижения своей цели быть хорошим – будет хорошим, а надо солгать, предать, убить, подкупить, чтоб подняться еще на ступеньку вверх – он и это сделает, и обойдет твоего хорошего человека.

Во-вторых. Властолюбец – человек резко вышесредней энергетики, ему много от жизни надо, он много может. А это сказывается во всех сферах чувств – властолюбец неизбежно жаден до удовольствий. Женщин! вина! украшений! вилл! Да, Сталин или Франко были весьма скромны в быту – но, во-первых, это немногие исключения из общего правила, и, во-вторых, они обладали столь огромной личной властью, целая страна и так принадлежала им, что пьянящее сознание обладания всем становилось своего рода психологической мастурбацией. Кроме того, они пришли к настоящей власти уже в весьма зрелом возрасте. Если же взять ребятков помоложе, либо одной ступенью пониже – вот там жадность ко всем проявлениям жизни разворачивалась обязательно. Перетраханый Кировым Мариинский театр, царские сокровища членов ЦК КПСС, постельные улады и коррумпированные миллионы американских президентов, и так далее.

В любом человеке сидит комплекс: если бы я был самым главным – ух я бы себя усладил, особенно если б были средства, чтоб никто не узнал. Правители в этом отношении – точно такие же ребята, как ты. Только у них в самом деле есть средства. Вот и блядуют, мстят личным

врагам, набивают карманы и продают друзей, если те уже не нужны или слово не так сказали. Нормальный ход.

А кроме того. Чем больше ты хочешь совершить, тем большее сопротивление тебе придется преодолевать – окружения, подчиненных, народа. Ибо у всех есть свои личные интересы, которые они хотят сохранить и умножить. А Петр I гонит их воевать, флот строить, город возводить, людишек разоряет, судьбы гнет по своему усмотрению. А был бы добр и хорош – снизошел бы к слезам и горю человеческому, и не стал бы реформировать государство.

Не говоря о войне, любые крупные военные учения – это неизбежные травмы и какие-то человеческие жертвы. А что делать, учений не проводить?.. За какое бы крупное дело ни брались люди – кто-то платил своими жизнями. Открытия земель, научные открытия и технические изобретения – и везде гибели, и везде лидеры, готовые брать на себя ответственность за смерть других. Какая ж тут на фиг хорошость.

Резюмируя. Наши пороки – суть продолжение наших достоинств (как бы за гранью на другой половине «цилиндра чувств» – см. Ч. 1, гл. 2, п. 5, «Полнота жизни»). Лидер, человек повышенной энергетики, имеет и достоинства и недостатки крупнее средних. Но достоинства-то должны лежать в сфере деловой, конкретной, – а недостатки в сфере моральной, что делам только помогает либо не мешает. Так что с моральной хорошостью есть большая напряженка.

9. Власть развращает. А еще бы нет. Если все можно, так приотпускаешь тормоза желаний – возможности огромные, а имеющегося человеку всегда мало. А привычка приходит быстро.

Вдобавок власти льстят, поддакивают, угождают, и тебе очень быстро становится просто невозможно оценивать свои поступки: остается только внутренний критерий «хорошо-плохо», а с внешним миром и соотнестись невозможно по моральной шкале: что ни делай – все объявят хорошим и замечательным. На сотый раз поверишь этому.

Чудовище Калигула был до трона чудным мальчиком, любимцем армии и народа.

А поскольку человек при любой возможности двигает свои поступки в сторону получения сильных ощущений, а с привыканием требуются для ощущений той же интенсивности все большие действия, – то человек во власти, границы возможностей которого изрядно расширены, наворачивает дел дальше-больше. Царствование многих знаменитых и страшных деспотов было вначале кротким и человеколюбивым. Тот же Нерон. «Дней Александровых прекрасное начало». И т. д.

10. Какого правителя любят?

Того, который всегда может употребить власть тебе во зло, однако по собственному усмотрению употребляет ее тебе во благо. Того, кого побаиваются, никогда не забывая страх перед возможностью его гнева и немилости. Это напрягает чувства. Это рождает благодарность и умиление уже потому, что мог бы тебя сожрать тигр, а он тебе мурлычет и мясо носит.

Никого не любят так, как сильных и страшных, если убеждены, правдой или неправдой, что правитель о них заботится денно и нощно и сам любит их превыше всего. Гитлер и Сталин пользовались такой любовью широких масс, какая Рузвельту с Черчиллем и не снилась.

Ограниченного демократическими законами президента любят очень мало, и уважают не больше. А недостатков полно. А говори что хочешь. А я тоже гражданин, хрен ли он мне сделает. А что он вообще может, что в нем толку, если собственным врагам не может головы откусить.

Масса уважает силу и обожает силу. Только меня не тронь! – и тогда я тоже за тебя душой и телом: я тоже велик и страшен хоть капельку причастностью к твоему величию и твоей страшности. А это мне лестно, приятно, значителен я.

Отношение массы к вождю – сродни отношению детей к отцу. Любить просто хорошего, доброго и заботливого – для этого надо подрасти, понять, созреть чувствами. А так – как

узнают дети, что отец сильный и грозный (значит, всегда оборонит от врагов, не даст пропасть), если на себе не чуют иногда его страшного гнева?

Того хозяина больше любит выросший щенок, который его не только любил и заботой окружал, но и наказывал больно и страшно. Это факт, а не метафора, психологи-кинологи знают. Напряжение чувств, сильные ощущения, вектор которых суммируется в сторону любви; как не любить-то, свой все же, родной, кормилец, член семьи, вожак, – складывается модель психологического приятия.

Что происходило везде и всегда, где умный вроде и сильный правитель отпускал вожжи и начинал по-доброму заботиться о народе, ослабляя наказания? Презирали, бунтовали, не любили, сковывали. Хоть Борис Годунов, открывший амбары народу и прекративший безбожные казни, хоть шахиншах Реза Пехлеви, смягчивший средневековые законы шариата, открывший бесплатные школы для всех, повысивший жизненный уровень затурканных подданных – вон кровопийцу! даешь аятоллу! – война, паранджа, строем, нищие.

Любовь – чувство сильное. Правителя любить не за что, он не отец родной и не жена. Управляй себе, а работаю-то я сам и кормлю семью. Надо вызвать сильное чувство! А сильное – это страх, это вызвать во власти вождя. Вот страх, если оказывается, что лично тебе бояться вроде – вроде! – нечего, и впредь только веди себя хорошо, – этот страх и переходит в чувство с другим знаком, положительным, но такое же значительное по абсолютной величине – в любовь. А складывается эта любовь, на самом деле, из благодарности, умиления, трепета и причастности к величию. (См. «Любовь».) Любви не существует без возможности страдания! Возможность страдания – вот необходимая составляющая любви к тирану.

Вот какая штука, ребята.

Мораль

С моралью понятно все, кроме одного: почему она так часто мешает жить и осложняет существование. На кой все это нужно, если высокоморальному человеку жить труднее, чем аморальному. Что ж это за такое немного гадское устройство жизни? И кем и почему это так заведено?..

§ 1. Что такое мораль. Просим к философскому словарю или словарю по этике: не прерывать же самим этические учения всех приличных философов, если это уже сделали другие. И прочтем, что мораль – это свод правил поведения в обществе, свод правил отношения к другим людям, свод предписаний – как правильно относиться к разным жизненным явлениям и коллизиям: к любви, к страху, к труду и т. п. Мораль оперирует такими категориями, как благородство, справедливость, верность, честность и ложь, доброта и черствость, и т. д.

Короче, мораль – это «что такое хорошо и что такое плохо», как кратко и четко сформулировал поэт.

§ 2. И вот есть два человека: моральный и аморальный. Кто из них в жизни сильнее, у кого больше возможностей к достижению своих целей, кто вероятнее победит? М-да!.. Аморальный выходит сильнее. Он может поступать по морали, а может – против, как ему выгоднее: в его действиях ограничителя нет.

Можно расценивать приверженность морали как своего рода кредит: моральному человеку, которого за такового знают, поверят, доверят деньги, помогут, будут с ним бескорыстно дружить – и он сможет пользоваться своими знакомствами и дружескими связями. А с аморальным все отношения могут строиться только на расчете, да и то: неизвестно, как он придумает обмануть, и вообще иметь с ним дело неприятно и неприлично.

Ага... Аморальный человек успешно может соблюдать-соблюдать мораль во всем, завоевывает всеобщую симпатию и доверие – а потом как забабхнет аферу – всех подставит, а сам

скроется с миллионами. И рассуждать при этом может так: «Да зачем же мне иначе вообще мораль, если с нее не получить никакой выгоды?..»

Противоречие между моралью и реальной, житейской, материальной выгодой ну просто же постоянно.

И ужас в том, что мораль выступает как аспект слабости, немощности, невозможности совершить действия к собственной выгоде, к удовлетворению собственного желания.

Нехорошо, скажем, спать с женой своего приятеля. Да почему же нехорошо, если она тебе нравится, и сама этого хочет, и все равно спит со всеми подряд?!

Нехорошо красть, даже если это плохо лежит, ну очень плохо лежит. И если не ты, то через пять минут это украдет другой. А тебе очень бы пригодилось, и вообще ты небогат. Вот и живи со своей честностью, и кому от этого лучше?!

Нехорошо бросать в беде. Да они все равно погибнут, без вариантов, спастись можешь только ты один, а помочь им не в силах, можешь только погибнуть вместе с ними. Да почему ж не спастись?..

Доброго, честного, правдивого и благородного человека облапошивают в жизни все буквально, кому не лень. А уж в критических ситуациях он вообще маложизнеспособен – не пойдет он на любые меры, чтоб спасти положение. И что ему толку с его высокой морали?

Мораль прагматична. «По жизни» она может быть и целесообразной – а может нецелесообразной, причем гораздо чаще. Прямо как гиря, ладно если на ноге, так ведь на шее: висит, давит, не пускает, ограничивает.

§ 3. Религия решает это противоречие просто. Мораль дана Богом, и за ее соблюдением Он зорко следит. Морального поощрит: может сделать ему что-то хорошее на этом свете – как бы в компенсацию за те блага, от которых ты отказался ради соблюдения морали, – и уж наверняка облагодетельствует на свете Том: поселит в раю, организует вечное блаженство, и вообще сделает тебе очень хорошо.

Это, конечно, прекрасное обоснование причины и необходимости соблюдения морали. Объяснение простое и неотразимое.

Но ведь это получается не мораль, а бизнес. Торговый расчет. Сделка. Кнут и пряник. Мне предоставляется выбор между временным благом в этом мире – и гораздо более основательным и долговременным (вечным!..) благом в мире Том. Я человек разумный, терпеливый, предусмотрительный, куда потерплю немного – но зато из двух благ выберу большее.

Здесь основой морали выступает внешнее давление. Так чем оно в принципе отличается от уголовного кодекса? Что судья далеко и наказание отсрочено? Зато уж этот Судья маху не даст, и возможности у него покруче.

Здесь моральным быть не надо. Здесь надо быть только богобоязненным и богопослушным.

И всегда делались попытки с Богом договориться, как-то ему поступок свой объяснить, задобрить Его раскаянием и молитвой, грех искупить; проще всего – купить индульгенцию. А священник выступит в посредничестве между грешником и Богом в качестве адвоката.

Для тупой толпы, конечно, такое положение вещей весьма доходчиво. Логично и внятно.

В таком случае атеист, безбожник, спокойно может быть аморален – никто Наверху его не поощрит и не накажет? На это религия отвечает: да, безбожник аморален, не признает Высшей необходимости морали, но Судья-то его все равно накажет, от Него не уйдешь.

Однако это не мешает существовать религиозным злодеям и высокоморальным атеистам. Убийца и садист идет молиться, а атеист гибнет, спасая друга. Религиозник может, конечно, объявить убийцу не истинно верующим, а атеиста истинно верующим, – но это уже схоластика, софистика, да просто наглое словоблудие.

По определению – тем Мораль и отличается от Закона, что действие ее обеспечивается не системой внешнего принуждения и поощрения, а внутренним побуждением, собственными внутренними чувствами.

Строго говоря, религиозная мораль – это вообще не мораль. Это закон. Со своими статьями, своим уложением о наказаниях и поощрениях.

Этот закон лишь объясняет и подкрепляет мораль, которая есть закон сугубо внутренний, свободный от любого внешнего наказания или поощрения. Морально поступает не тот, кто обретет вследствие этого какую бы то ни было выгоду, а тот, кто поступает свободно и независимо от вообще какой-либо выгоды, кроме собственного внутреннего ощущения, положительного ощущения, правильности, благодати, хорошестьи своего поступка.

§ 4. То есть мораль как бы самодостаточна. Она сама себе и предписание, и награда в случае соблюдения, и – для человека морального – наказание в случае несоблюдения.

§ 5. Сугубые материалисты до сих пор старались объяснить мораль с точки зрения прагматической. Мол, это для того, чтобы регулировать отношения внутри людского сообщества, чтоб не было анархии, хаоса и разрушительного для силы общества господства права сильного. Не есть друг друга, не убивать, не обкрадывать, не бросать в беде. Будем друг другу помогать, «ребята, будем жить дружно», и вместе будем многочисленнее, сытее, сильнее, будем побеждать врагов и делать большие дела. Будет справедливость, не будет внутренних распрей, будем процветать и строить цивилизацию.

И это будет хорошо, и таких моральных людей мы будем хвалить, любить, дружить с ними, уважать. А тех, кто будет поступать иначе, мы не любим, не уважаем, порицаем, не нравятся они нам.

Да, но ведь это опять же получается не Мораль, а Закон, только государственное наказание-поощрение заменяется общественным. Или, исторически глядя, общественное регулирование отношений путем Морали предшествует государственному регулированию путем Закона.

Человек поступает по морали, потому что иначе его будут презирать, будут плохо к нему относиться. Поставят его ниже себя в каком-то духовном отношении. А могут плюнуть в лицо. А могут дать по морде. А могут сказать: «Знаешь, вали-ка ты отсюда, ты нам больше не друг и не соплеменник». Так это же расчет.

В таком случае, если у человека будет абсолютная гарантия, что никто ничего никогда не узнает об его аморальном поступке, он спокойно может его совершать – а почему нет?.. Таки можно ли считать такого человека моральным? Да нет... Морален тот, кто поступает по морали – даже при полной гарантии, что никто и никогда не узнает и не оценит его хороший поступок. В том-то и фокус, в том-то и отличие, что моральный человек поступает по морали без всякого расчета на то, что его поступок будет оценен другими – либо наоборот, никогда не будет узан и порицаем.

Более того, он может потом вздыхать про себя: «Дурак я дурак, и на кой так сделал?.., никто бы никогда ничего не узнал, а мне была бы выгода, и вреда никому... и почему я такой бестолковый?..» Ну, взял чего бесхозного, или трахнул кого, или сделку провернул за спиной у кого, подумаешь. А так в результате его поступка (не-поступка) нет у него ничего – кроме известного удовлетворения, что он поступил «так, как надо».

§ 6. Материалисты пытаются задвигать идею целесообразности Морали для выживания и развития человечества. «Относись к другим так, как хочешь чтоб они относились к тебе». Как к себе самому. И в дружном сообществе люди сильнее, чем поодиночке: веник не переломишь, а по одному прутику разобрал – пожалуйста.

Так. Вот чистый опыт: команда в походе. Все свои, отношения регулируются моралью, ну какой тут закон в своей компании. И вот вделись, заблудились, провизию утопили на переправе. Голодают. Нашел кто-то гриб. Можно съесть самому – больше шансов выжить. Но

выжить и выйти к людям можно только вместе: один дорогу знает, другой охотиться умеет, третий умеет делать плоты для переправ, четвертый знает все приметы погоды – короче, команду надо сохранять. И несет человек свой грибок в общую кормушку, потому что так должен поступать каждый, сегодня ты кормишь, завтра тебя кормят, все друг другу доверяют, помогают, спасаются. О'кей.

А вот «грязный опыт». После крушения в Арктике полярной экспедиции Нобиле на дирижабле «Италия», итальянский офицер Цзаппи съел шведского исследователя Мальмгрена. Мальмгрен повредил ногу, ослаб, заболел, идти не мог, кругом льды, до людей далеко, тащить его невозможно, еда кончилась... чего ж Цзаппи задаром пропадать. Все равно Мальмгрена хана. А Цзаппи пропитался им и вышел к людям, выжил. Мальмгрена, вероятно, было уже все равно, кто его съел: Цзаппи или белый медведь. Поступок Цзаппи был совершенно целесообразен. Но моральным его назвать трудно... Хотя нелегко и осуждать, если сам не был в такой крутой переделке и не можешь судить с позиций личного опыта и лично проявленных своих достоинств. (Немало в истории кораблекрушений и авиакатастроф подобных историй людоедства, надобно заметить...) А вот если бы Цзаппи сказал: «Я не брошу тебя до конца, у нас одна судьба, не сомневайся» – это было бы благородно, крайне высокоморально, это нам понятно.

Конечно, если бы путешественники заранее знали, что в случае чего один из них съест другого, ни в какую экспедицию они бы не отправились, и до сих пор люди ничего бы не открыли. Можно говорить о целесообразности морали.

А вот участникам антарктической экспедиции Скотта и в голову не приходило бросить промеж себя жребий и одного съесть, чтоб остальным выжить. И благородно погибли все. Применительно к конкретной ситуации можно говорить о нецелесообразности морали.

Получается так: как бы вообще – мораль это всегда полезно. А в частности – мораль это более или менее вредно. В частности вредит интересам индивида соблюдение морали и приносит пользу нарушение.

Но человечество состоит из индивидов, а жизнь состоит из частных. Польза морали всегда имеет абстрактную форму, а вред – конкретную.

Польза морали остается условной, гипотетической, умозрительной конструкцией: «Если бы не мораль, то тогда-а... было бы плохо». Вред морали остается реальным, конкретным, осязаемым: «Поступаю по морали, и вот теряю блага, а аморальный процветает».

Противоречие не снято.

§ 7. Если бы все были моральными, то все было бы хорошо, – учит моралист. – Все беды от того, что люди недостаточно моральны.

Но если люди за тысячи лет не стали шибко моральными, то с чего ожидать, что они ими вдруг станут? – возражает скептик.

К этому надо хотя бы стремиться и делать все от тебя лично зависящее, – учит моралист. – Тогда будет получше, ну, хотя бы как сейчас. А иначе вообще был бы ужас, «война всех против всех».

Вот всю историю слабое большинство к этому и стремилось, – вздыхает скептик. – А сильное наглое меньшинство этой их моральностью и пользовалось в своих интересах.

М-да. Мораль ласкает слабого, но ложится под сильного.

И кто утверждает мораль, тот помогает сильным угнетать слабых.

§ 8. Регулирующая общественная функция морали несомненна.

Но тогда высшей моралью должно быть абсолютное законопослушание. На деле же закон и мораль сплошь и рядом противоречат друг другу. Закон велит доносить, а мораль запрещает. Закон Ришелье запрещал дуэли, а мораль повелевала дуэлировать. Закон велит наказать мстителя, а мораль его одобряет, коли за дело мстил. И т. д.

Ладно. Попробуем о другом. «Закон не занимается мелочами.» Нехорошо обижать слабого, брать себе первый и лучший кусок, отлынивать от работы, если работают друзья, и т. д. Иначе, опять же, всеобщая перегрызня. А так только самые наглые, хулиганы и сволочи, обижают людей, а в основном все-таки можно жить нормально. Верно, есть такое дело. Мораль ограничивает проявления твоего эгоизма – одновременно ограждая тебя как-то от эгоизма других.

§ 9. Но тогда, опять же, получается старая шутка: мораль для массы, толпы, заурядностей – а герой, супермен, повелитель миров выше морали, его она не сдерживает. Значит, если кто хочет быть сильным, властным, хозяином жизни – он должен стремиться к тому, чтобы презирать мораль. Должна быть двойная норма морали – для слабого большинства и сильного меньшинства. Привет от неврастеника Раскольников и привет от шизофреника Ницше. Просто у Раскольникова оказалась кишка тонка, рефлексии-то много, а жизненной силы мало, не в том неправ, что пришиб бесполезную старушонку, а в том, что в мандраж впал. Не можешь – не берись, не каждому по плечу быть Наполеоном или Волком Ларсеном. Да вон в Москве девяностых крутые ребята кучу старушек перемочили, чтоб завладеть их квартирками, и ни фи́га ни один из них каяться не пришел.

Если человек стремится к тому, чтобы полностью реализовать свои возможности в этом мире, больше всего сделать и быть как можно более значительным – у него должна быть «другая мораль»: «плюй на все и делай так, как тебе хочется». Но если он сильный, храбрый, решительный – тут можно лезть по головам внаглую, и быть победителем. А если слабый, нерешительный, но тоже хочется? Так зачем же внаглую, открыто, – можно быть хитрым, лживым, подлым, коварным, ловким, – и через это тоже добиваться своего, т. е. быть значительным. Но никогда – никогда! – никакая мораль этого не одобряла. Э?

Пусть слабым мораль позволяет держаться вместе и суммарно быть сильнее плохих ребят: слабый ощущает (и имеет) свою силу и значительность не сам по себе, а как часть сильного целого. Понятно. Но тогда – тогда – человек должен стремиться к тому, чтобы попирать эту мораль «осторожно», настолько, насколько ему по плечу, насколько это может быть полезно его интересам. Почему нет? А – нет... Соблюдает, балда.

Как ни кинь – есть мораль, которая мешает преуспевать, и есть аморальность, которая помогает.

В чем бы ты ни стремился преуспеть максимально – мораль как таковая противоречит преуспеянию.

§ 10. У политиков и властелинов мира нет «другой морали» – они плюют на эту. Обходят, лгут, притворяются, но конфликт между моралью и пользой всегда решается в «пользу пользы». А если нет – его обходит в пути наверх другой политик, только и всего.

Политик соблюдает мораль настолько, насколько это ему полезно.

Для победы в этой жизни достаточно видимости морали, явной окружающим, а ее внутренняя суть для дела только вредит.

§ 11. Но вот сильные, храбрые и решительные, которые противопоставляют себя обществу – профессиональные преступники. Они однозначно попирают мораль – крадут, убивают, насилюют, лгут, издеваются. Они свободны от морали? Ах, скажет моралист, их мучит совесть. Ни хрена она их не мучит. Ну, тогда они наказаны тем, что у них нет сознания хорошести своих поступков. Отчего же. Они тоже ловят кайф от своих поступков – своей смелости, удачливости.

Батюшки-светы, так и у них же есть своя мораль. Она входит в систему взглядов преступника на мир, которая сегодня на их языке называется «понятия». «По понятиям» нельзя не держать слово, данное своим, т. е. «коллегам», блатным или бандитам; нельзя иметь хоть сколько-то человеческие отношения с любыми представителями власти, только деловые; нельзя иметь никаких отношений с пассивными педами, их можно только использовать (во всех смыслах);

и т. д. И уважающий себя блатной эту мораль не нарушит – даже под страхом серьезного наказания, даже если никто не узнает.

Можно, конечно, толковать о целесообразности блатного «закона», регулирующего отношения внутри преступного мира. Но остается фактом: блатной способен предпочесть соблюдение блатной морали явной своей выгоде. И испытывать от этого гордость и удовлетворение.

Такие дела. Сами себе «придумывают» то, что самим же мешает жить так, как сами же себе постановили. На кой?

§ 12. Ни религиозная, ни прагматико-материалистическая трактовка морали, ее происхождения, сути и необходимости, не выдерживают серьезной критики.

Остается «категорический императив старика Канта», но сказать «потому что есть категорический императив» – все равно что сказать «потому что перпендикуляр». Просто вклеить слово в качестве названия означает лишь: «Это так, потому что это так, и все тут».

Это означает: «Вот некими Высшими силами так устроено, и нечего тут понимать, все равно не поймешь».

§ 13. Что такое мораль? Это идеал поведения.

Что такое идеал? Это диалектическая пара реальности. Противоположность реальности, противопоставление реальности. Это не то, что есть, а то, что должно быть.

Что означает наличие идеала? Оно означает, что человека не устраивает реальность, не во всем устраивает, не полностью устраивает, человек неудовлетворен существующим положением вещей. Он хотел бы лучше.

Что означает лучше? Это несколько иначе по желанию и разумению человека: не так, как есть, а так, как хочется, как потребно, как ему надо, как представляется более верным, более совершенным.

Вот и весь фокус, ребята. Проще пареной репы; можете смеяться.

Сейчас я заеду, для пущей объемности картины, от самого начала.

Причина и источник существования морали у человека – само наличие Бытия.

Бытие есть энергопреобразование через наличие материи, пространства и времени.

По мере увеличения энтропии расширяющейся Вселенной процесс энергопреобразования на планетах, на планете Земля в частности, идет с положительным балансом; энергопреобразование на Земле все активизируется, увеличивается. На микроуровне это означает все более активную миграцию атомов и элементарных частиц, составляющих поверхностные слои Земли и окружающего пространства.

С появлением человека этот процесс подскочил на качественно более высокий уровень: человек разумный перелопачивает вещество планеты со страшной силой и скоростью, преобразуя энергии все больше и все быстрее. Даже во вред себе как индивидууму и как биологическому виду. Такова функция человека во Вселенной, которая – вот сейчас, при нас! – все более преобразует себя, продолжает свою эволюцию посредством созданного ею человека.

Общее у человека с любой частью, любым порождением Вселенной, то, что он – один из механизмов энергопреобразования, наряду с химическими элементами и небесными телами: само его существование и следствия этого существования – энергопреобразование материи и полей: уголь превращается в тепловое излучение, камень – в песок и бетон, магнитная рамка крутится и образующееся электричество плюсует свою энергию в перемещение электроваза в пространстве, и т. д. Атомы складываются в звезду, звезда излучает свет в окружающее пространство; атомы складываются в человека, и человек через разумную деятельность излучает энергию вещества Земли в виде тепловой в окружающее пространство, – вот, к примеру, один из общих аспектов.

Отличает человека от любого другого порождения Вселенной, в том числе от любого другого животного Земли, то, что его энергетическая неравновесность с окружающим пространством находится на качественно более высоком уровне. Через разумную человеческую дея-

тельность энергопреобразование вещества Вселенной, до которого человек в силах дотянуться, идет с бешеной, на порядки большей скоростью, чем любым другим, «естественным», образом. Многие тысячи лет нужны, чтоб река проложила русло, – человек роет канал в несколько лет. Миллионы лет нужны для образования нефти и угля – человек сжигает их в десятилетия (а разово – в минуты), или в несколько недель превращает в ткани и т. п. Срывает горы, ставит города, изменяет весь ландшафт планеты, тратя десятилетия на то, на что «естественным» образом нужны миллионы лет.

Разность энергетических потенциалов человека и любого другого порождения Вселенной огромна. Насколько известно на сегодня, человек – самое энергичное, энергетически potentное порождение Вселенной. Посредством человека Вселенная преобразует энергию себя самой.

Эту резчайшую энергетическую разницу человека и окружающего пространства можно назвать энергоизбыточностью. Суть энергоизбыточности в том, что человек преобразовывает гораздо и гораздо больше энергии, чем необходимо, чем целесообразно для продолжения существования его как такового, как индивидуума, так и биологического вида.

Эта энергоизбыточность заключается прежде всего и преимущественно в энергоизбыточности его центральной нервной системы, его мозга. Человеку, без всякого принуждения со стороны природы, без всякой «естественной» необходимости для выживания и продолжения рода индивидуума и вида, потребно делать, совершать, преобразовывать, – причем через разумные действия индивида.

Человек может жить в идеальных условиях – и все равно очень недолго будет всем удовлетворен. Через считанные дни или в крайнем случае через считанные годы он ощутит неудовлетворенность. Если он решительно не знает, что ему делать, неудовлетворенность примет форму поиска смысла жизни и внутреннего дискомфорта. То есть его мозгу потребны еще какие-то ощущения, кроме ощущений удовлетворения полностью и всех физиологических потребностей.

Потребность в «сверх-обязательного», «сверх-необходимого» действиях субъективно выражается в потребности иметь и удовлетворять ощущения сверх, опять же, необходимого.

А говоря попросту, человеку всегда мало. Ему все не так. Ему всегда надо что-то делать. А делать – значит хоть что-то переделывать.

Человек всегда не удовлетворен тем, что он имеет и как он живет. Его избыточная энергетика требует: давай еще, давай иначе, давай новых ощущений, сильных ощущений, острых ощущений, приятных ощущений. Что по жизни означает: давай-ка еще что-нибудь сделаем, что-нибудь придумаем, совершим, начудим, откроем, изобретем, поедem куда-нибудь, что-нибудь в нашей жизни изменим.

Поэтому человек всегда имеет идеал. Даже если это очень мелкие идеалы: идеальное жилище, идеальная внешность, идеальный рабочий, идеальное общество либо идеальный климат. Идеал означает: мне потребны изменения, то, что я имею – не единственно возможное, можно лучше, можно иначе.

Вот мы и приехали к тому, что говорили двумя страницами выше.

Мораль как идеал поведения, как любой идеал, существует потому, что человек по сути своей – *переделыватель, изменитель, преобразовыватель*.

А идеал на то и идеал, в том и его сущность, что он противопоставляется реальности, какая бы она ни была.

Идеал никогда не может быть достигнут по определению. Если он достигается – он перестает быть идеалом, и возникает другой идеал. Это – горизонт. Направление стремления. Вектор импульса.

А энергоизбыточность человека постоянна, неудовлетворенность имеющимся – постоянна. Постоянно стремление переделать то, что есть.

Поэтому мораль *никогда* не может совпадать с реальными надобностями жизни. Мораль означает: меня не шибко устраивает эта жизнь, надо, чтоб она была лучше; иная. Но это надо будет всегда!

Возможность воцарения морали в реальной жизни – не более чем иллюзия. Выдавание желаемого за действительное. Ведь человеку не то надо, чтоб все, и он сам, всегда поступали так-то и так-то. Ему надо, чтоб ему было хорошо, чтоб он был внутренне удовлетворен. Но по сути своей он никогда не может быть удовлетворен тем, что есть!

Мораль – оформление потребности иметь иной мир, иные отношения, иную жизнь. Иллюзия возможности достичь этого – морковка перед носом бегущего осла.

Резюме – еще раз:

человечество имеет мораль, потому что человечеству всегда нужно переделывать свой мир. Улучшение, совершенствование – лишь иные названия изменения.

§ 14. Одновременно и тем самым мораль удовлетворяет потребности человека в сильных ощущениях, положительных и отрицательных. Одновременно всегда (часто, нередко) и радуешься, и страдаешь: получил выгоду – нарушил мораль, соблюл мораль – упустил выгоду. А ощущения в основе и лежат в основе всех действий, жизнь субъективно и есть сумма ощущений. Субъективная внутренняя потребность в ощущениях и есть то, что трансформируется, видоизменяясь превращается, прямо или косвенно переходит, во внешнюю потребность в совершении действий.

§ 15. Одновременно и тем самым мораль удовлетворяет потребности человека быть значительным, самоутверждаться, ощущать себя немелким человеком. Ты умный, сильный, храбрый, ловкий? Ты богаче, умнее, ловчее меня? И хрен с тобой. Я лучше тебя. Зато я честный, прямой, бескорыстный, добрый. Ты меня обскакал, победил? Зато по морали я выше, чище, значительнее, да мне противно лезть по головам, я нахожу счастье в том, чтоб быть хорошим человеком и сознавать это.

Увы, здесь часто мораль – это «сила слабых». Но все равно сила, черт возьми.

Есть победоносность того, в чьей руке в нужный момент поднят меч – и есть непобедимость того, кто встречает этот меч с гордо поднятой головой и открытыми глазами. Ты убил его – но как личность ты его не победил, он победил тебя: не дрогнул, явив свое моральное превосходство.

Подкрепленный, «подпертый» моралью человек скорее способен на самоотверженные поступки; его мужество, храбрость, стойкость увеличиваются; и помрет, но все возможное сделает.

Так что мораль – еще и аспект значительности человека, средство усиления, способ увеличить крупность поступков. А стремиться к этому ему категорически свойственно.

§ 16. Нецелесообразность и слабость морали – в ее антиэгоистичности, уязвимости на реальном житейском уровне.

Целесообразность и сила морали – в ее антиэгоистичности, неуязвимости на уровне идей, ибо она выводит ценности человека за пределы его эгоистических интересов, подобно тому как трос автомобильной лебедки цепляется за пень на краю болота, и машина сама себя вытаскивает из трясины, – так и человек, имея ценности и интересы за пределами своей личности и ценнее своей жизни, способен ощущать более сильные чувства и совершать более крупные и значительные поступки, чем без морали.

Справедливость

И что же такое эта ваша справедливость?

Можно сказать: это такое же отношение к себе, как и к другим. Объективное. Такой взгляд и на себя, и на все остальное, который исходит из одной и той же сторонней точки –

к поступкам и желаниям как собственным, так и других, подходишь с одной и той же мерой. Признаешь за другими те же права и желания, что и за собой. То есть: признание за всеми равных прав, желаний и возможностей. И тогда получается, что справедливость – это равенство.

Гм. Но в природе равенства нет. Люди рождаются слабыми и сильными, умными и глупыми, красивыми и уродливыми, и вообще – мужчинами и женщинами. Может ли быть справедливым с точки зрения зайцев, что волки ими питаются? Человек выходит с копьем охотиться на кабана – кушать хочет. И если кабан его задерет – человек должен признать это справедливым: кто кого, кабан тоже жить хочет, ты хотел взять его жизнь – не сумел, он взял твою... молодец кабан, он прав. Справедливый подход, равенство партнеров в их праве на жизнь.

И такой подход действительно имеет место! Первобытный человек мог просить прощения у духа убитого животного, стараться умиловить его лестью и молитвами, благодарить за то, что позволил себя убить и съесть: нужда, понимаешь, кормиться надо. Можно ощущать несправедливость своих поступков – даже если они решительно необходимы и природно естественны для сохранения своей жизни. Ух ты.

Но вегетарианцами люди все-таки не стали. Это при налаженном питании можно себе позволить вегетарианство из моральных соображений, а если в блокаде у тебя ребенок умирает, а ты крысу поймал – варишь суп из крысы, тут выбор простой – жизнь против жизни. Не говоря уже об энергетическом аспекте мясоедения – а энергетический аспект определяет в конечном счете все в нашей жизни.

Справедливость может расходиться с естественными поступками. С естественным устройством жизни. Ага.

Но жизнь человека и животного неравнозначны, могут возразить нам. Съел тигр человека или съел человек тигра – это не одно и то же, за человеком мы признаем больше прав, чем за прочими существами. А моралист-охранник животных завопит: тигр тоже тварь Божья, убивать его – тоже грех, несправедливость это – тигр же не виноват, что он не мыслит, он тоже кушать и жить хочет.

Так. Возникает относительность и субъективность справедливости. Возникает возможность разных точек зрения.

Одна страна напала на другую. Защищающиеся ведут справедливую войну: за независимость против захватчиков. А оккупанты тоже могут быть убеждены в справедливости своих действий: соседи грабили наши границы, оскверняли наши святыни, и вообще в одной древней книге написано, что наши предки жили здесь, пока эти вот не пришли и их не выгнали – так что по справедливости мы имеем право на эту землю. И в каждой армии священники объявляют, что боги за них и война справедлива.

Здесь примечательны два момента сразу. Во-первых, представление о справедливости поддается подтасовке, аргументации, становится предметом специально направленной агитации и пропаганды. Во-вторых, каждый из противников стремится выглядеть справедливым в собственных глазах. Ему мало просто убивать и грабить, он бы еще хотел, чтоб это было справедливо. Зачем? А тогда у него нет никаких сомнений, он не отвлекается на рефлексии, он проникнут сознанием необходимости делаемого дела, ему легче и готовнее совершать подвиги, рисковать и жертвовать жизнью и вершить свои максимальные действия.

При прочих равных – каждый предпочтет быть еще и справедливым. Так ему на душе комфортнее. И – это множит его силы, укрепляет его дух, придает уверенности и напора.

Так. И вот осадили превосходящими силами маленькую крепость врага. Гарнизон отбивается героически, нанося потери многочисленным нападающим. Последних героев захватили живьем. Их можно тут же перебить, и даже предать казни мучительной – это справедливо, вон сколько наших перебили, гады. А можно с почетом отпустить: их очень мало, ничего они в войне не решают уже, но дрались храбро, свой долг выполняли бесстрашно, несправедливо зря

теперь губить храбрецов, они ведь ни в чем не виноваты – война есть война; и такое милосердие тоже будет справедливо. Храбрый, стойкий, верный – заслуживает жизни, это справедливо. И вот вам две справедливости – подход зависит от степени ожесточения сторон, традиции, личных симпатий, личности военачальника.

Но в любом случае присутствует ощущение и осознание того, что ты делаешь добрый поступок. Благой, правильный.

Ага. Справедливость – это добро? стремление к добру? утверждение торжества добра?

Сейчас. Око за око, зуб за зуб, жизнь за жизнь. Зло порождает зло и наказывается злом. Обычные формулировки: «Суров, но справедлив», и даже: «Жесток, но справедлив». Справедливостью мы признаем воздаяние мерой за меру. Как ты, так и тебе. Казнят убийцу, боится он, не хочет, выкручивается, – а все-таки признает, что это справедливо.

Справедливость – это равновесие между поступком и воздаянием? Похоже. Допустим. А где те весы, где та рука, которая взвешивает? Божья? А вот не надо: вам привет от священников всех армий, когда-либо воевавших друг с другом, уж так они все убеждали свою сторону, что Бог и справедливость за них, что спасу нет.

Так. А давайте скажем: справедливость – это торжество морали, мораль в действии, стремление к постоянной реализации морали в жизни. (См. «Мораль».) А мораль – это идеал человеческих взаимоотношений и вообще идеал мироотношения. Но беда в том, что для понимания сути справедливости это нам ничего не даст, ничего не объяснит – кроме еще одного напоминания, что идеал, по сути своей противопоставленный реальности, принципиально недостижим, и, следовательно, справедливость тоже недостижима. Ну и что?

Справедливость рассматривает предмет (обычно человека) не изолированно – его качества, особенности, поступки берутся во взаимоотношениях с окружающим миром и в сравнениях с аналогиями. Можно сказать: справедливость – это идеал взаимоотношений человека (предмета) с системой (миром).

И эти взаимоотношения должны находиться в некоем моральном равновесии: добро за добро, зло за зло, наказание за преступление. Какое-то качество предмета (доброта, скажем) должно находиться в равновесии с некоторым богатством и здоровьем, а злобу хорошо бы совместить с несчастьем.

Словно есть какое-то количество наложенных друг на друга, но не совпадающих диаграмм, и в какую точку ни ткни – одной точке любой диаграммы должны соответствовать и все остальные точки той же самой диаграммы. Бандит – тюрьма, красавица – любима, доброта – благодарность, талант – слава, и т. д.

Это здорово, и в это можно углубляться, но по этой дорожке мы не пойдем, потому что она никуда не ведет. Эти условные, воображаемые, вымышленные самими людьми «диаграммы» не совпадают с данностью, с Бытием, вот в чем проблема.

Наши представления о справедливости и несправедливости кое в чем не совпадают с данностью Бытия, частью которого мы сами являемся и изменить которое – кое в чем, опять же – мы никак не в силах, как не в силах изменить закон тяготения, скажем.

Расхожие примеры. Несправедливо, что лучшие обычно умирают первыми. И вообще несправедливо, что люди, такие умные и хорошие, умирают, и живут-то недолго, меньше ворона или черепахи. Несправедливо, что таланты при жизни обычно подвергаются гонениям. Несправедливо, что хитрые, бесчестные и черствые больше преуспевают в делах, чем честные и добрые. Несправедливо, что одни рождаются умными, сильными и красивыми, а другие посредственными и убогими. Несправедливо, что женщины рожают в муках, а мужчины только получают удовольствие. А волки безнаказанно едят зайцев.

Короче, природа во многом не соответствует нашим представлениям о справедливости. Мы можем понимать, вздыхать, смиряться, но многие неизменяемые вещи не можем признать справедливыми.

Закономерно, естественно – и справедливо – это вещи разные. Не всегда. Но нередко. И вот это расхождение естественности и справедливости – принципиально и многое помогает понять.

Наши представления о справедливости во многом смещены от природного порядка вещей. Т. е. нереалистичны, нежизненны.

Это означает, что мы недовольны существующим порядком вещей. И нам потребно, чтоб было иначе. И мы хотели бы, чтоб мир был кое в чем иным. И это желание имеет следствиями некоторое стремление к установлению справедливости, т. е. к переделыванию мира. Для чего мы природой и предназначены. Наша избыточная энергетика – способ и средство передела этого мира.

Справедливость – это аргументация стремления к тому, чтоб мир был не таков, каков он есть. Это стремление к идеалу системы взаимоотношений «предмет – мир». Причина и основание существования этого идеала – в том, что мы всегда можем помыслить положение иным, у нас всегда есть хоть капля сил сделать минимальное усилие в том направлении, чтоб изменить существующее положение – уже тем хотя бы, что мы хотим иначе, что мы недовольны сущим.

Какие-то несправедливые вещи и события могут не иметь к нам лично ни малейшего отношения. Нет нам до них дела! Но, кипя жаждой справедливости – мы едем воевать за свободу чужой страны, или собираем деньги в помощь обиженным, или заступаемся за слабого и невинного. Мы вмешиваемся в жизнь, совершаем действия, изменяем что-то в мире – чего не стали бы делать, не имея представления о справедливости. «Да провались все, мир не переделаешь...»

Вот в чем суть справедливости. Мир не переделаешь, но мы все равно переделываем. Наши чувства жаждут вмешательства в мир – а наш разум обосновывает это стремление.

Ну, а как же быть с первобытным охотником, просящим прощения у убитого кабана, или убийцей, сознающим справедливость своего конца? А справедливость – это не такое простое и однозначное чувство, как может сначала показаться, в него привходит целый ряд мотивов. Один из них – «как мне, так и всем, как всем, так и мне» – это стремление к равенству и равновесию с окружающей средой и, тем самым, к безопасности: я никому не врежу, и мне тогда никто не вредит. Другой из них – инстинкт выживания рода и вида: да, я внутренне признаю, что мне надо сделать козью морду, потому что я действительно сделал плохо другим, а выживать надо всем, так что они имеют полное право сделать бяку теперь надо мной.

Вот все эти три перечисленные теперь мотива и определяют, в основном, каким желает видеть человек соотношение системы «предмет – мир», каковое соотношение в идеально-желаемой ему форме и называется обычно «справедливостью».

Совесьть

«Этюды о совести» составили бы прекрасную и нравоучительную книгу. Эта книга сводилась бы к тому, что поступать надо по совести, что и так все знают. А почему вообще надо поступать по совести, и что такое сама эта пресловутая совесьть, и для чего она нужна?

Вот русская творческая интеллигенция XIX века была «поколением людей с большой совесьтью»; Достоевский особенно. Что они говорили? Что куда ни плюнь – все равно что-нибудь сделаешь не так, кому-нибудь причинишь зло, обиду, несправедливость: посмотри получше по сторонам – и всегда найдешь причины для беспокойства совести. То есть мир нравственно несовершенен, и хороший человек всегда должен поэтому мучиться совесьтью – уже потому, что сосуществует с гадостями, как-то с ними мирясь. Идеал человека с большой совесьтью – это святой.

А идеал человека без совести – это Нерон или Калигула: да твори ты все, что хочешь – умей быть выше всех и косить головы для своего удовольствия.

1. Без совести жить, конечно, легче. Ничто не грызет, не мешает действовать в собственных интересах. С точки зрения достижения внешней цели – совесть нерациональна, антипрагматична. Да если человек хочет добиться чего-то значительного – на фиг ему совесть, нужен расчет.

Наличие совести означает, что кроме удовлетворения личных эгоистических желаний человеку свойственно и потребно что-то еще.

2. Совесть часто понимают как «голос морали внутри нас». (См. «Мораль».) Но этот странный голос подает свой голос совсем не всегда, когда, казалось бы, мораль должна взывать к человеку. Этот голос звучит как-то избирательно! Вот иногда человеку глубоко наплевать на аморальность поступка, предстоящего или уже совершенного. А иногда мучиться начинает. Как так?

Обокрал десять человек – и хорошо: прибыль и удовольствие. А одиннадцатого жалко стало. Не то он бедный, не то трогательный какой-то, не то человек хороший... да нет, и другие были не хуже, но горе вот этого именно человека тебя достает. И вдруг понимаешь, что ты бы хотел, чтоб этому человеку было хорошо, сочувствуешь ты ему, а своим поступком не очень доволен.

То есть. Совесть руководствуется не какими-то моральными конструкциями, а конкретным чувством. И это чувство в одинаковых ситуациях может проявляться по-разному.

Так-так-так. Совесть проявляется на уровне личных симпатий.

Вот симпатии уже могут быть разными: сильнее и слабее, к одному человеку или ко многим, к знакомым или незнакомым. Если человек неприятен и силен, можно ему в своих интересах и на голову наступить. А если приятен и слаб, так и нехорошо как-то подломаку ему делать.

3. Совесть – это самоограничитель силы. Я могу сделать тебе то-то и то-то нехорошее – умом, хитростью, ловкостью, связями, положением, жестокостью. Но внутренний голос против. Жалко мне тебя, нехорошо так с тобой поступать.

Ограничитель, понятно, не силы вообще – а тех ее проявлений, которые направлены против интересов других людей. И животных, кстати, тоже. Обидишь иногда меньшого брата, беззащитного перед тобой – и жалко его потом, и совесть мучит. И что характерно – на охоте застрелил, и ничего. А дал пинка собаке не по делу, или лошадь избил – и не знаешь потом, как извиниться перед бессловесной тварью.

Вот как. Можно убить – и совесть не мучит. А можно обидеть – и совесть мучит. Неадекватное у нее отношение к действительности, у этой совести.

4. Но в более общей форме, совесть – это просто позыв к добру. Добром может быть и несовершенство плохого поступка, и совершение хорошего. Можно не подать нищему, не помочь в беде другу, и тогда совесть будет мучить потому, что не сделал возможного добра другому.

Опять же: один нищий тебе противен, а второй – трогателен. Им равно плохо, умом это понимаешь. Но совесть больше подает голос насчет того, который затронул твои чувства.

5. А как тут определяется, что есть добро и что есть зло? А по собственным представлениям, ставишь себя на место другого.

И нередко в этом прокальываешься. Если речь идет о сохранении жизни, о деньгах, любви, карьере – эти ценности достаточно одинаковы для всех. А вот один мой друг купил нищенке, просившей на хлеб, батон – так она этим батоном в лужу запустила: она сшибала деньги на выпивку. Можно из лучших побуждений сделать человеку такое, что он тебя до гроба возненавидит. Черт, а ты слушался своей совести...

Мы имеем дело с образом другого человека, и к жизни этого воображаемого человека мы равнодушны. Образ может не совпадать с реальностью. Совесть бывает слепа, как бывает слепа любовь... и вообще чужая душа потемки.

6. Совесть соседствует с такими понятиями, как справедливость, любовь, доброта, альтруизм, жалость, сочувствие. И противопоставляется эгоизму, жадности, жестокости, равнодушию, агрессивности.

Ну и что? Это и так понятно. А то, что совесть заставляет свои собственные интересы распространять на интересы других. Это своего рода смазка в отношениях между людьми; это раствор, побуждающий скреплять отдельные камни людских душ в единые мощные постройки человечества.

Рациональный смысл совести в том, что люди расходуют меньше энергии, чтобы враждовать друг с другом, и больше – чтобы помогать друг другу жить и таким образом сообща делать общечеловеческое дело.

В конечном итоге общечеловеческое дело сводится к энергопреобразованию Вселенной. В качестве промежуточных величин, внутрочеловеческих следствий этого, можно говорить о культуре, цивилизации, науке, гуманизме и всяких прочих приятных и красивых вещах.

7. Совесть проявляется в личных столкновениях с другими людьми. Но само по себе количество и качество этих столкновений еще ничего не решает. Снайпер может перещелкать на войне сотню человек, и спать спокойно.

А вот человек живет себе тихо и мирно, никого не обижает. Но совесть мучит его потому, что он полагает, вот ощущает так: ему от природы даны и здоровье, и способности, и семья у него хорошая, и в доме достаток, а рядом есть люди нищие и несчастные, как же так: им плохо, а он наслаждается жизнью... несправедливо!

Совесть как комплекс вины. А направлен этот комплекс уже может быть на что и на кого угодно. Здесь невозможно провести четкую грань между психической нормой и неврозом, отклонениями.

Дело не в реальном положении вещей, дело в твоих представлениях и ощущениях. Да может твои «убогие» соседи в сто раз счастливее тебя! Вот русская интеллигенция с ее большой совестью мучилась комплексом вины перед мужиком – в восемнадцатом году некомплексующий мужик ей показал кузькину мать.

Каганович санкционировал расстрел родного брата, а Молотов – концлагерь для любимой жены. И жили до девяноста, и были всегда уверены в своей правоте, и совесть их не мучила никогда. Цельные личности, без комплексов и рефлексий; это вам не Достоевский.

То есть. Можно иметь тьму причин для мук совести – а она не мучит. Нет ее. Ну, почти нет. А можно не иметь никаких причин – ну, так отыскать их в чем угодно.

8. Совесть ведет к психологической «сшибке»: хочется и того, и другого одновременно. И деньги украсть, и человеку горя не причинить.

Поступишь эгоистично – будет мучить совесть. Поступишь по совести – можешь всю жизнь сожалеть о неполученном, более того – можешь возненавидеть человека, ради которого «по совести» сам отказался от чего-то.

И вот здесь начинается самое интересное. Казалось бы: вот у тебя есть совесть, и есть эгоистический интерес – ты взвешиваешь, делаешь выбор, следуешь ему, и все отлично! Так нет же! Следуешь совести – и потом всю жизнь можешь мучиться: э, надо было поступать эгоистичнее, надо быть в жизни проще и напористее, все бы потом утряслось, а так – без карьеры, или богатства, или любимого человека. Пожалел, проявил мягкотелость, не сумел быть жестоким и цельным, а тот, ради кого я так поступил, ни фиги не стал от этого мне благодарен, и вообще дурак я был!.. А чаще наоборот: поступил как хотел, а совесть не оставляет свои мелкие поскребывания, зараза.

В чем же дело с этой рефлексией? Зачем она нужна человеку? Почему и для чего так устроено?

9. Любимый коктейль человечества – это мед с дегтем. Не должно быть сплошь сладко, одновременно должно быть и противно.

Нет такой ситуации, которая человека полностью бы устраивала. Всегда еще чего-то хочется, а это значит – надо что-то делать, переделывать, устраивать хоть чуток да иначе. На уровне ощущений это значит: неизменный дискомфорт ощущений, что-то не так, что-то хотел бы иначе.

Совесьть – один из вариантов этого дискомфорта.

Совесьть мешает человеку спокойно наслаждаться жизнью. Не блаженствуй помногу, падла, шевелись, беспокойся, думай, чувствуй, мучься, сознавай свое несовершенство. Ищи выход, размышляй о жизни, дергайся.

10. Как стремление к добру – совесьть может быть стремлением к добру воображаемому, ложному, несуществующему. Почему бы Раскольникову и не кокнуть старушку-процентщицу, чтоб потом на деньги злобной и бесполезной твари совершать всякие благие дела? Почему бы и не убить доверяющего тебя короля – если сам ты станешь лучшим королем и совершишь всякие полезные для державы поступки?

Рыдающую невесту отобрали у убитого вечным горем жениха и насильно выдали замуж: так родился великий Чингизхан, гордость и легенда народа. Была бы у братьев его отца совесьть – не было бы на свете Чингиза.

Была бы у Давида совесьть – не родился бы от Вирсавии Соломон.

И вообще была бы у великих завоевателей совесьть – не было бы великих государств с их великой цивилизацией и культурой.

В больших делах совесьть противопоказана. Совестьливый человек высоко не влезет, его агрессивность и желание подчинять все и вся своей воле недостаточны для того, чтоб стать великим и править на верху пирамиды.

Зато внизу совесьть не позволяет подданным уклоняться от всяких тягот за счет других людей.

И. И. Совесьть – это инстинктивное, подсознательное стремление поступать так, чтоб быть в равновесии с окружающими, чтоб они тебя не обижали, любили, чтоб не имели по отношению к тебе таких желаний, которые тебе неприятны, нежеланны, будут во вред. Ты поступаешь по отношению к ним так, как хотел бы, чтоб они все поступали по отношению к тебе, и тем самым говоришь: я такой же, как вы, я люблю вас, как себя, я не делаю ничего плохого вам, и теперь могу и от вас не ждать ничего плохого.

Совесьть – это стремление к равновесию с окружающей средой. Это стремление к покою и безопасности.

Это противоположность, «противовес» стремлению к опасности, к самоутверждению через возвышение среди себе подобных, противоположность к желанию больших свершений, достижению больших внешних целей.

11. Эта противоположность во многих случаях и обеспечивает человеку диалектическую пару комплексов ощущений: обретение хорошо – с совесьтью плохо, и наоборот. Чтоб нервная система и получала потребные ей и положительные, и отрицательные ощущения.

Зависть

Из всех метафорических определений зависти (коих, разумеется, тьма) мне всегда было ближе прочих скрябинское «Зависть – это признание себя побежденным». Жаль, что метафоры мало помогают разбираться в жизни.

Самый вопиющий, пожалуй, пример зависти в мировой истории – это ход 2-й Пунической войны. Род Барка был самый богатый и влиятельный в Карфагене, а славнейший представитель его Ганнибал после Каннской победы стал кумиром народа. Но армия его в Италии таяла, а римляне набирали и выставляли против него все новые легионы. Ганнибал забрасывал карфагенский сенат просьбами о подкреплении, которое окончательно решит судьбу войны – от аргументированных требований он переходил к жалобным мольбам, он взывал и убеждал. И люто завидовавшие его славе, богатству и влиянию сенаторы вынесли, в конце концов, вердикт, вошедший в анналы: «Ты и так побеждаешь, зачем же тебе еще подкрепления». Прошло несколько десятилетий – и римляне смели с лица земли Карфаген, население было вырезано или продано в рабство, и плуг провел символическую борозду через пустошь на месте великого еще недавно города: отныне и вечно быть здесь пусто.

Зависть возобладала над благом государства и собственным. Сами сдохли, но и проклятый счастливец Ганнибал в конце концов отравился в бегах.

Это весьма близко к известному анекдоту о том, как Бог предложил мужику исполнить любое желание и дать что угодно, но его соседу то же самое будет дано вдвое. Дом – два дома, табун лошадей – два табуна, кубышка с золотом – две кубышки. Мужик долго пучился и озадаченно скрежетал зубами, пока в озарении не попросил: «А заведи у меня один глаз!»

Чтобы никакому адъютанту не пришлось сейчас в голову противопоставлять загадочную и раздолбайскую «русскую душу» трудолюбивой и педантичной «немецкой душе», уравновесим этот анекдот (кстати, интернациональный) вполне немецкой сентенцией: «Самая чистая и бескорыстная радость – это смотреть, как горит дом соседа». Нет, и тушить помогут, и покормят, а все равно приятно.

Трафарет римлянина – суров, прям, непреклонен, гордится выше всего величием Рима и ради него готов на бой и смерть, твердо глядя ей в глаза. А без трафарета – Помпей завидовал полководческим успехам блистательного Лукулла и вдумчиво и последовательно отобрал у него все плоды азиатских побед, фактически присвоив чужой триумф. После чего оскорбленный до сокровенной глубины души Лукулл плюнул на благо государства и ударился в ту баснословную роскошь частной жизни, которая и стала легендарной.

Молодой Сулла завидовал престарелому Марию и лез в самое пекло, лишь бы превзойти своего начальника славой. А Марий завидовал Сулле и охотно отправлял его в следующее безнадежное пекло, из которого этот супермен выходил сильнее прежнего.

Всемирная история зависти была бы интереснейшей и поучительнейшей энциклопедией. Уже в Ветхом Завете, на заре богоизбранного племени, находим мы массу примеров этого вечного и искреннего чувства. Ну не могли же братья стерпеть, чтоб сопляку Иосифу справили новый костюмчик, а им нет! Хотели скормить его какому-нибудь представителю дикой фауны, но проявили гуманизм и всего лишь продали в рабство, заодно и подработав, – тем самым последовав инструкции бизнесменов нового времени и выдавив лимонный сок из своего лимона.

«Белый генерал» Скобелев, герой Шипки, имел столько геройских ран на теле не только по причине своего неоспоримого геройства. Он был талантлив, решителен, храбр, любим солдатами и ценим при дворе. Могли ли это стерпеть коллеги-генералы?.. Раз за разом подставляли Скобелева генералы вышестоящие, нижестоящие и рядом стоящие: он получал невыполнимый приказ и не получал вовремя подкреплений, до него не доходили последние данные разведки и опаздывали к месту сражения определенные планом союзники и соседи, транспорты с провиантом заворачивали к другим, зато негодный порох получал именно он. Раз за разом тащили после боя упрямого вояку в лазарет – и раз за разом, со все более высокой степенью инвалидности, он вылезал оттуда обратно в строй. Генералы были в отчаянии. В крайнем случае можно проиграть сражение или даже войну – ну, отговоришься, нагребешь кучу причин, выставишь свое поражение доблестью пред лицом сильного и умного врага, вину сва-

лишь на других, еще и орденок схватишь, – но быть вечно в тени доблестного удачника, это ж невозможно перенести.

О зависти людей творческих и говорить не приходится. Каждый хочет быть лучшим, каждому несносен чужой успех, если он превосходит твой или хотя бы угрожает ему. «У поэтов есть такой обычай – в круг сойдись, оплевывать друг друга», – строчка давно стала хрестоматийной. Похвалить писателю другого писателя – означает нанести ему оскорбление; люди непосвященные и простодушные этого не понимают, и поэтому с непониманием и заботой смотрят, как на лице собеседника отражается разлитие желчи, осложненное приступом язвы желудка и ущемлением геморроя. «А что, он вам не нравится?» – с садистской наивностью интересуются они. Не приведи боже писателю, обласканному издателем, подслушать, как тот же издатель поет те же дифирамбы другому письмэннику, обольщая своих авторов. Ушибленным уйдет писатель, беспокоен будет его сон, и горькое разочарование в людях отразит утром бритвенное зеркало.

Но ладно еще, писатель сидит дома, и когда не видит коллег – иногда не думает о них и перестает ненавидеть. А что делать актеру, пролетарию подмостков, ежедневно входящему в этот храм искусства, совмещенный прихотью архитектора с пыточной камерой и серпентарием? Да и не подходит научное слово «серпентарий» к этому гадюшнику. Какая великая, какая гениальная актриса была Сара Бернар! так она же конкуренток загрызала одним шелканьем челюстей, сквозь видимые миру слезы и не видимую врачам кровь. Или была в Ленинграде юная талантливая красавица Татьяна Иванова, и взял ее в великий БДТ великий Товстоногов прямо после института, и ввел сразу в первый состав, и дал заглавную роль в новом спектакле, и был успех и овации, и три матерые актрисы сказали: «Щелк!» – и не стало великой актрисы Ивановой, а стало много водки.

Прекрасна также зависть в науке, она тоже могла бы стать темой отдельной и увлекательнейшей книги. Плевать на истину, лишь бы выгрызть кадык сильно умному. Ну – кто может сейчас вспомнить фамилию хоть одного академика Прусской Королевской Академии Наук первой половины XIX века? Э? А ведь их было сорок рыл «бессмертных». Но Гегеля они к себе не приняли, как ни бился философ в философской горячке. Ибо, как справедливо говорил старик Скотинин, «кто ж, батюшка, любит того, кто его умнее, а промеж своих свиней я сам самый умный». Но вот знаменитый литературовед Роман Jakobson был и сам бесспорно умный человек, фактически – создатель едва ли не большинства всех школ серьезного литературоведения XX века. И много лет он бесменно возглавлял кафедру русской литературы престижнейшего Гарвардского университета. Сильная была кафедра. И вот блестящий и даже в чем-то великий писатель Набоков подал заявление на кафедру – тоже захотел там работать: у него были оригинальные и вполне ценные литературоведческие идеи, зато, с другой стороны, не было денег, так что профессорское жалованье весьма не помешало бы. Старческой грудкой преградил вход на кафедру Jakobson, и молодой задор горел в его глазах, растопыренных природой в разные стороны. Черт, известность Набокова была выше известности самого Jakobsona, и стиль у него был лучше, и английский был блестящий... нэ трэба. И когда стесняющиеся сотрудники усовещивали Jakobsona, что ну, ну, крупный же русский писатель Набоков, стилист, эрудит, – ехидный Jakobson возражал: «Кит, знаете, тоже крупное водоплавающее, но мы же на этом основании не приглашаем его работать на кафедре ихтиологии!».

А как украсил бы книжную полку изящный томик о женской зависти. В качестве бесплатного приложения к нему хорошо подошел бы томик анекдотов, да еще пару томиков с описанием дивных случаев из жизни знаменитостей. «Милая, как смотрит на меня этот мужчина! – Это наверняка ювелир, – шипит подруга, злобно косясь на ее роскошное кольцо». Нет, это же надо – кинозвезда всеми правдами и неправдами выведывает, в каком платье пожалует к ней на прием другая кинозвезда, ухает массу денег на пять рулонов такой же, и крайне доро-

гой, ткани, и срочно обивает ею полквартиры, так что несчастная, схватившая вчера приз на фестивале, выглядит в этом доме идиотским самоходным предметом домашней обстановки.

«Белая зависть» – ладно: «Он обладает чем-то, чем не обладаю я, мне это доставляет страдание, я тоже хочу этого, буду добиваться, пока не добьюсь». Стимул к соперничеству и достижению чего-то. И вот – сам превзошел знаменитого спортсмена, или ученого, или еще кого. Позитивно, целесообразно. Понятно.

Но вот сосед надстроил свой дом, или купил новую машину, или шубу жене и т. п. Жил ты без этого всего – отлично, и век бы не тужил. Но как стерпеть, что у него есть, а у тебя нет? И ты лезешь из кожи вон и в долги, и утираешь нос соседу: дом выше, машина новее, шуба дороже. На кой черт тебе такая зависть? одно беспокойство.

А не можешь этого сделать – грызет тебя, хуже тебе живется, чем раньше. Чего у тебя убыло?

А сгорел у соседа дом, угнали машину, моль съела шубу, – выражаешь ты ему свое сочувствие в подобающих словах, а сам давишь на роже удовлетворенную ухмылку, в пору лимон в рот совать для приличия. Чего у тебя прибавилось?

У тебя прибавилось ощущения своей значительности. А что такое этот пресловутый краеугольный камень нынешних рассуждений о человеке – «ощущение (или сознание) своей значительности»?

Последовательно и от яйца – еще раз. Инстинкт жизни. Проявляет себя в том. Что человек стремится реализовать свои возможности. Настолько, насколько можно. А насколько можно? А черт его знает. Гору не поднимешь, через дом не перепрыгнешь. И человек измеряет свои достижения относительно достижений других людей. А свои возможности – относительно возможностей других людей.

А энергетика человека избыточна. Ему нужно больше, больше, больше. Делать, делать, делать. Изменять, изменять, изменять. Он стремится выше, выше, выше. Инстинкт жизни в человеке проявляет себя в том, что человек стремится делать максимум того, что он может. Всего мало, еще.

В идеале человек стремится быть значительнее всех остальных людей. В идеале он хочет: я почти бог, весь в белом на Олимпе, а остальные – в дерьме внизу в болоте, и по сравнению с их ничтожностью я огромно, предельно значителен.

Позитивная половина стремления – сделать себя выше всех.

Негативная половина стремления – сделать всех ниже себя.

Вот эту негативную половину мы и называем завистью.

Зависть – это негативный аспект стремления к самореализации, который выражается в стремлении опустить всех как можно ниже, чтобы тем самым быть как можно выше всех.

Зависть – это стремление к своей максимальной значительности через минимализацию значительности других.

Прекрасный случай теории относительности. Если ты не можешь различить, потому ли ты круче всех, что велик, или потому, что все прочие мелки, – то какая тебе разница. Суть едина: система «ты – окружающие» в твою пользу. А кроме как по окружающим, мерить ее не по чему.

И тогда становится понятен и логичен самый черный вариант зависти: «У меня есть много, а у него мало – ну так я хочу, чтоб у него даже этого не было». Еще бы. Тогда ты будешь относительно него еще значительней.

Именно отсюда, кстати, большая или меньшая примесь «нехорошего» удовлетворения при всяких известиях о катастрофах, авариях и прочих бедствиях, которые тебя лично никак не затрагивают. Чем больше бед на стороне – тем значительней становишься ты сам для себя относительно ущемленных в чем-то окружающих. (Это «аморально», зато логично и истинно.)

Что говорят родители? «Завидовать нехорошо, некрасиво, не надо!»

Что говорят окружающие? «Он завистлив, значит – слаб, сам такого добиться не может, он неприятен и смешон в своей бессильной и ядовитой злости к тем, кто значительнее его».

Что говорит моралист? «Он завистлив – значит недобр, ненадежен, эгоистичен, он желает другим того, чего не желает себе – желает им зла.»

Что говорит собственный разум? «Не надо завидовать, это бесплодное и вредное чувство, от него страдания, хлопоты, суета, оно отравляет тебе удовольствие от жизни. Разве, если кто-то чего-то лишится, у тебя чего-нибудь прибавится?..»

Что говорит инстинкт жизни, повелевающий стремиться к максимальной значительности? «Он значительнее тебя, ты не можешь быть к этому безразличен, ты ведь сам должен быть значительнее всех, ты ущемлен самим фактом его значительности, постарайся же сделать хоть что-то, чтоб изменить положение в сторону своей большей значительности!!!»

И мужики ночью жгут амбар самого богатого соседа. А жюри, состоящее из писателей, дает премию не тому, кто талантливее их, а вполне серому, и убеждают друг друга, что серый – хорош, а талантливый – плох, и радостно соглашаются друг с другом, и все в душе отлично знают, что к чему.

Человек с очень высокой самооценкой независтлив. Он и так полагает себя очень значительным. Но все равно завидует, если окружающие полагают кого-то другого выше, чем он!

Абсолютно независтливых людей не существует.

Почему же мы стыдимся своей зависти? Вернее – стыдимся показывать ее? Потому что это означает признать, что уровень твоих возможностей ниже уровня амбиций. Что ты не можешь того, что хочешь. Это означает публично расписаться в своей малозначительности, слабости, в признании другого лучше себя. «Зелен виноград». Обнародовать свою зависть – значит обнажить неуважение к своей значительности и позволить другим не уважать тебя, это значит самому себя публично «опустить».

Человек может смириться со всем: со своей бедностью, хилостью, некрасивостью, неудачливостью, но всякий имеет какой-то пункт, по которому он себя уважает и оценивает высоко: это может быть умение нищего собирать милостыню или умение знаменосца чеканить парадный шаг. И уж в этом они жаждут признания! И если хвалят и объявляют лучшим не его, а другого – будь это в масштабах полка или роты, города или переулка, неважно, каждый сам выбирает себе масштаб, в котором уважает и ценит себя, – о, если и тут лучшим признают не его, а другого, вот тут он завидует, тяжело, болезненно, смертельно.

А кто самый большой завистник? Наверное, тот, чей уровень амбиций как можно выше, а уровень возможностей как можно ниже? Вот он и хочет опустить всех до себя и ниже. Не-ет, тут все чуть сложнее. Тут разум подсыпает нам тот еще песок в шестеренки.

Гениально же выразился юморист Костя Мелихан: «Человек может все, пока он ничего не делает». Так вот, человек может быть достаточно умен, чтобы верно понимать, как надо что-то делать. Ум как способность к анализу и оценке у него может наличествовать в высокой мере. И что же он видит? что другие, менее умные, совершающие явные ошибки и глупости, преуспевают в жизни более него: деньги, слава, свершения. Они хуже и глупее! Он мог бы сделать все гораздо лучше, если б захотел!

«Если бы захотел». О. Вот точка преткновения. Почему же он не хочет? Ну, тому найдется масса причин.

Ума как способности к анализу еще мало для действия. Нужна энергия, витальная сила, жажда действий – нужно креативное, созидательное начало. «Профессиональный» завистник лишен созидательного начала. Он болтлив и ленив, даже если суетлив внешне. Почему?

Потому что подняться до вершины – и опустить вершину до и ниже себя – с точки зрения «индивидуума оценивающего» одно и то же. Работать трудно. Выше всех не станешь. А доказать себе и всем, что прочие, которых полагают выше, на самом деле ниже тебя – это проще,

легче, дает больше удовлетворения. Все дерьмо! А кто думает иначе – идиоты! Таким образом, умный я на самом-то деле значительнее всех, просто люди этого не понимают.

Человек идет по линии наименьшего сопротивления в достижении своей максимальной значительности. И делать ничего не надо. Он самореализуется через негатив: оценочно опускает всех ниже себя.

В этом большое преимущество профессии критика.

Мы имеем диспропорцию между действенным и чувственным началом. Способность к абстрактному мышлению играет с человеком дурную шутку: можно не делать ничего, ощущая себя всем. Это сродни наркомании или онанизму: получение ощущений «напрямую», без всяких действий во внешнем мире. Рефлексивная способность представлять себе и оценивать внешний мир заменяет человеку действие как таковое.

Негативно направленная мысль как источник ощущения своей значительности заменяет завистнику действие как источник значительности.

Такой завистник – это пустоцвет. Пустоцвет, кстати, может цвести очень красиво. А что ему еще делать, плодов-то давать не надо.

Почему независтлив нищий мудрец? Да он полагает себя самым мудрым, он превзошел всех в познании истины! Так это мудрец, законченный продукт примата рацио над вита.

Но вот один из самых бессмысленных, на первый взгляд, случаев зависти – дурнушка завидует красоте красавицы. Зачем?! Она знает, что никогда и близко с ней не сравнится никакими ухищрениями медицины. Она знает, что ум, способности, воля ее заурядны. Она знает, что проиграла ей на арене жизни, и все тут. И знает, что кислотой ей в лицо не плеснет, бомбу в самолет не подложит, жениха ее не застрелит. Ну вот такая гарантия дается – заведомо бесплодное чувство. Так зачем оно?! Не лучше ли изжить его в себе и жить счастливее и спокойнее?

Нет. Не лучше. Зависть означает – никогда человек не смирится со своим поражением! Никогда не будет душе его покоя, если кто-то значительнее его. А кто-то значительней, будьте спокойны, отыщется всегда.

Грызение зависти и стремление к свершениям – это две стороны той медали, которая никогда не может иметь только одну сторону, только и всего. Страдание от своего несовершенства – и утверждение себя в работе, науке, хитрости, богатстве, геройстве, создание огнестрельного оружия слабым и пластической хирургии некрасивым, и т. д. Свершения и зависть – это выстрел и отдача. Гадость эта орудийная отдача, прах из-под сошников летит и прыгающие колеса ноги отдавливает, но иначе снаряд не летит, такое дело. Может и пришибить, может снаряд и мимо улететь, а что делать.

Избавиться вовсе от зависти можно только с избавлением от желаний вообще, а для этого надобно или в нирвану погрузиться, или повеситься, однако ни то ни другое в наши задачи никак не входит.

Зависть означает: меня не устраивает существующее положение вещей, и я хочу изменить его в свою пользу. Баста! И сколько угодно разум может твердить, что это ни к чему, не надо, маета одна – он, разум, не для того создан, чтоб указывать, что делать, а для того, чтоб обслуживать желания. Он, как старый сержант-профессионал, может материть командира сколько влезет и объявлять приказ идиотским и невыполнимым, но сводятся его ругань и рассуждения всегда к одному – как этот чертов приказ все-таки выполнить. Нет, он тебе на словах докажет, что такой приказ не нужен, но – отменить его не может. Либо же – рано или поздно настигнет его карающая лапа полевого трибунала.

Да если бы не он, разум, мне и завидовать было некому – только тому, у кого длань тяжелее. А ему что завидовать – давай, подчиняйся сильному, и всего делов. Разум ведь сам насоздавал бесчисленных поводов для зависти! Да мы ведь только через разум и получаем поводы и мотивы к зави... <...>.

Мечь

Что ни тема – то материал для всемирной энциклопедии или хотя бы монографии...

Когда буря разметала в Геллеспонте понтоны Кира, готовые к переправе – то царь, хладнокровно дождавшись утихомиривания стихии, повелел море наказать. И триста исполнителей в полный мах выстегали море дублеными плетьюми. Никто и ничто не смеет безнаказанно идти поперек воли и замысла царя. Был ли Кир маньяком или идиотом? Ни одного свидетельства в пользу такого предположения. Он твердо знал: он – самый главный, и всем это должно быть явно.

Анекдот: грузин с сыном идет по Красной площади, и мальчик, читая на Мавзолее: «Ленин», спрашивает: «Папа, а это кто?..» – «О, сынок, здесь лежит самый великий абрек в мире. Царь убил его брата, и он ему так отомстил, так отомстил!»

Чем отличается мечь от наказания вообще? Во-первых, причина наказания – проступок, который может быть направлен не против тебя или твоего рода, а против общества вообще, или еще более абстрактно – против Закона. Человек мог из лучших побуждений нарушить какую-то инструкцию, конкретного вреда никому не причинил, все вздыхают – а сажать надо: Закон, понимаешь... Такое наказание с мечью не имеет ничего общего. Во-вторых, наказание обычно несет в себе хоть какой-то позитивный смысл, целесообразность: оградить общество от преступника, дать пример другим, чтоб неповадно было, укрепить неотвратимостью наказания силу и обязательность Закона, или вообще перевоспитать преступника, чтоб осознал, раскаялся, исправился, больше так не делал. В-третьих, в результате наказания пострадавшему должно быть лучше, чем преступнику: оштрафовать одного в пользу другого, посадить одного в тюрьму, а другой будет наслаждаться свободой, и т. п. В-четвертых, наказание дозируется и соизмеряется с тяжестью проступка – либо уложениями и кодексами, либо здравой традицией типа: «Око за око, зуб за зуб». Но никто не предписывал за синяк отрывать голову, скажем. И в-пятых: наказание не лишает наказываемого и наказуемого возможности впредь иметь какие-то отношения: ну, был проступок, последовало наказание, все нормально, можно как-то сосуществовать и сотрудничать дальше (если смертной казни не было, разумеется). То есть: наказание стремится к объективности, рассудочности, внеэмоциональности. Оно целесообразно. Для пользы дела, так сказать. Чтоб все шло путем в семье, или городе, или армии, или государстве. Для общего улучшения положения сейчас и впредь.

Что же мечь? Во-первых, она всегда носит личный характер. Задет, оскорблен, пострадал ты лично, или твой род, или твоя группа (друзья, двор, полк) – ты лично морально ущемлен, прямо или косвенно. И даже во время войны, когда между бойцами враждующих сторон нет и не может быть личных отношений – солдаты мстят врагу за убитых товарищей, разоренные города, пострадавшую родину; и идеологи всячески культивируют это личное чувство, личную ненависть, – она делает человека сильнее, беспощаднее, бесстрашнее, и побуждает наносить максимальный вред врагу даже ценой собственной жизни. Второе: мера мести определяется только чувством мстителя. Вот насколько я тебя ненавижу, настолько и постараюсь тебе отомстить – унижить, разорить, убить. Исключение тут составляет только обычай кровной мести – обычай, значит, предписывает меру мести; но кровная мечь – это не совсем мечь в обычном смысле слова, это одновременно и Закон (даже если он противоречит официально писанному закону), и здесь, как правило, убийство является ответом на убийство, реакция адекватная. В-третьих, мститель может пострадать не меньше того, кому он отомстил: он сам может быть избит, ранен, разорен, убит либо казнен по Закону, если совершенная им мечь подпадает под наказание смертной казнью. В-четвертых, мечь, как правило, сильно осложняет жизнь самого мстителя: надо тратить время, силы, средства, порой – рисковать судьбой семьи и своей собственной; и все это вместо того, чтоб заниматься своим делом. В основном одни

хлопоты и дополнительные потери. В-пятых, цель мести ограниченная и чисто негативная: плевать, в общем, на ограждение общества от преступников, на закон и порядок, не говоря об исправлении самого преступника-обидчика, – нет, наказать его как следует, чтоб ему мало не было, и все. И шестое: какие тут дальнейшие отношения между мстителем и жертвой, что вы, лишь усиление вражды, углубление непримиримости – одно совершённое зло усилилось встречным ответным злом. Как итог: месть эмоциональна, нерациональна, нецелесообразна, не дозирована.

А коли мы в этом разобрались, то уместен вопрос: если достаточно разумный человек все это понимает, то на кой черт он сам осложняет и ухудшает себе жизнь, тратя ее вместо позитивных целей, удовольствий и обретений, на то, от чего не получит ничего хорошего – на месть?

Вот великий Талейран, при всех своих пороках, был напрочь лишен мстительности. И это сильно облегчало ему жизнь. Он не портил себе нервы, держа в памяти причиненное ему зло и лелея планы отмщения (а нервы у него были стальные). Он всегда стремился вперед и вверх, не отвлекая напрасно время, силы и средства на месть, которая никак не помогала бы ему достигать целей. Он не умножал мезтью количество своих врагов. Он был прагматик, и все его поступки были рациональны и целесообразны. При этом он был знаменитый и величайший в истории предатель и, при всей своей власти и богатстве, весьма презираемый человек. Человек без чести. «Грязь в шелковых чулках!» – как прилюдно бросил ему в лицо Наполеон.

Мезть как защита чести – это отдельный разговор.

Что такое мезть вообще? В основном – причинение ответного зла. И не очень важно, каковы будут последствия. Причинение зла здесь есть ценность самодовлеющая, достаточная. Почему все приличные религии, от буддизма до христианства, мезть категорически не приемлют.

У тебя украли – ты избил. Тебя избили – ты ему переломал трубой кости. Соблазнили жену – ты его убил. Убили несправедливо близкого – лично казнил убийцу страшной смертью. Здесь все понятно. Зло за зло. Кроме одного: тебя поймали и впаляли здорвенный срок каторги. И раскаиваешься ты только в одном: что попался. Совершенное тобой ты воспринимаешь как справедливое и правильное. А закон в данном случае к тебе несправедлив. Такие дела. Допустим. Так вот: на кой черт ты идешь на заведомые неприятности? Тебе их до этого мало было? А – нутро горит, спать не можешь, изводишься, худеешь от ненависти, и мезть делается главной задачей жизни. Ух ты.

На уровне ощущений произошло следующее. Чье-то действие причинило тебе сильнейшие отрицательные ощущения. Эти отрицательные ощущения направлены на того, кто послужил их причиной. От этих отрицательных ощущений центральная нервная система стремится избавиться. А для этого, «рассуждает» она, надо устранить их причину. Устранить врага, ликвидировать.

А если враг случайно утонет в бассейне? Это хорошо, но не совсем. Потому что лучше и правильной было бы утопить его самому, чтоб знал, кто его топил и за что.

Тебе мало того, что враг просто перестанет жить. Тебе надо продемонстрировать себе и ему, что ты – сильнее, главнее, что ему не сошло с рук, ты скрутил его в бараний рог.

На уровне моральных категорий – тебе необходимо, чтоб восторжествовала справедливость, то есть твои представления о том, как должна быть устроена жизнь, чтоб в ней все было хорошо.

Гм. Но человеческие представления о справедливости бывают весьма несовершенны. Как сообщил один воинственный масаи, «когда у меня угоняют скот – это плохо; а когда я угоняю скот – это хорошо». Представления о справедливости сильно зависят от личности представляющего: его разумности, эгоизма, темперамента, социальной роли, как он ее себе представляет.

Хулиган оскорбит прохожего, получит оскорбление в ответ, даст по морде, огребет сдачи, – и начнет мстить! За что?! За то, что его оскорбили. Что он оскорбил – это не считается, он крутой, ему и полагается всех оскорблять, а им – молчать в тряпочку. А о чем думает избитый прохожий? – как сладко и замечательно было бы пристрелить гада, да пистолета нет и жизнь себе поломаешь. Долго мечтает, потом успокаивается.

Не станет мстить прохожий (за редким-редким исключением) – у него дел много, ему вся его жизнь дорога, и так есть за что себя уважать... и живет дальше с унижением. А у хулигана дел мало, он рискованный, ему мало чего есть терять в этой жизни, а уважает он себя прежде всего за то, что любому может явить свою крутизну, оскорбить, ударить, и чтоб все молчали! Боятся – значит, уважают, значит я значительнее их. Батюшки-светы: да хулиган по сравнению с благонамеренным прохожим выходит идеалист: он готов ради каких-то своих представлений о жизни рисковать свободой и даже самой жизнью – а порядочный гражданин не готов. Как же так?..

Вот какая штука, братцы-новобранцы. Какое бы зло тебе ни причиняли – от мимолетного уличного оскорбления или начальственного высокомерия до доноса в органы или убийства любимого человека – тут всегда есть общий знаменатель, это для тебя сводится в итоге к одному. У тебя отбирают, нагло, силой, незаслуженно, часть твоей жизни – будь то вещественные блага, или ее внутреннее пространство, или круг любимых людей, или вообще счастье, или самоуважение. Обидчик нарушил или разрушил твою жизнь, явил себя властелином над тобой – и продолжает жить. Вы столкнулись в жизни, и он оказался значительнее тебя в этом столкновении.

А жизнь твоя – это то, что ты о ней думаешь, и то, что ты при этом ощущаешь. И могло от обиды не измениться в твоей жизни ничего, кроме одного – ты был человеком, и вдруг стал дерьмом. Нет, не целиком, не в главном, но ложка дегтя портит бочку меда. Достаточно и того, что ты оказался в чем-то и насколько-то дерьмом.

Кто хочет быть дерьмом – два шага вперед и поднять руку.

И дело не в том, что тебя уговаривают: «Будь умнее, не связывайся, пойдем отсюда». Что тебе толку с твоего ума, если он – здесь и сейчас – значительнее тебя? На черта быть умным, чтобы чувствовать себя дерьмом.

Мстя, ты являешь ему свою значительность, свою волю. И никому на свете это не надо, кроме тебя самого. Чтоб ощущать себя человеком.

Здесь возникает соблазн объявить месть свойственной только человеку, с его стремлением к самореализации и самоутверждению. Но добросовестность заставляет отметить, что это отнюдь не только «человеческое, слишком человеческое». Разные животные, от маленькой кошки до большого слона, могут быть весьма злопамятны и мстительны. Претерпев незаслуженную обиду, слон может выжидать удобного случая месяцами и годами, и при первой возможности воздаст обидчику: треснет, придавит, обрушит что-нибудь на голову. У кошки возможностей меньше, но изорвать что-то, украсть, а пуще всего – написать в важное место, типа обуви или подушки, это всегда пожалуйста. Причем отлично знает, что она сделала, от хозяина укрывается и добра в ближайшее время не ждет. Ну уж а обезьяна – эта может вытворить что угодно, и удовлетворенно потом скалится и ухает: вот так-то.

Это что? Во-первых, это протест: мне что-то не нравится, я этого не заслужил, и теперь я тоже сделаю тебе то, что тебе не нравится. Во-вторых, это тоже своего рода самоутверждение: я тоже кое-что могу, не думай, что можешь безнаказанно делать со мной то, чего я не хочу. В-третьих, это вид реакции самосохранения вида: лучше не обижай меня – может, со мной ты и справишься, но это тебе кое во что обойдется, в следующий раз задумаешься с другим слоном или с другой кошкой, стоит ли так делать.

Так что в мести человеческой всегда можно вычлени́ть рудиментарный праэлемент целесообразности: никто не сме́йте так поступать, суки, никогда, иначе вот что может быть: и сам подохну, но уж ему-то кишки по кустам размотаю.

В мести, явной окружающим, элемент целесообразности понять легче: защита чести, пример обществу, исправление несправедливого положения для хоть какого-то улучшения положения дел.

А вот месть «в чистом виде»: вариант «Бочонка амонтильядо» Эдгара По. Мститель и жертва скрыты от всех: оскорбленный замуровал оскорбителя, и дело с концом. Самоутвердился. Он главнее! Будешь знать, падла.

А каков граф Монте-Кристо! И нашел же себе дело в жизни: масса трат, сил, времени, изобретательности, но – всех достал.

«О, как сладка радость справедливой мести!» – поведал небу Спартак, заставив триста пар плененных патрициев драться и умирать на могиле убитого друга – так, как недавно дрались несчастные гладиаторы для развлечения этих самых патрициев.

И вообще справедливый мститель был любимой фигурой фольклора всех времен и народов. Так что чувство это человечеству свойственно как нельзя более. А иначе бы в каждом втором голливудском боевике, делающем кассу, благородный мститель не мочил подонков направо и налево, к радости и одобрению зрителей, голосующих за такой вариант разрешения конфликтов своими кровными денежками.

Что из этого следует? А это еще раз подтверждает, что человек – крупный идеалист. В том смысле, что деньгам, славе, покою, свершениям и развлечениям, и даже свободе, и даже самой жизни, он способен предпочесть некое ощущение, некую мысль, некое состояние духа – своей рукой сделать плохо тому, кто сделал плохо ему. Немалая человеческая ценность, стало быть.

Что сказал по этому поводу знаменитый специалист товарищ Сталин? Товарищ Сталин сказал: «Самое большое удовольствие – это, спокойно выждав, раздавить врага, а потом выпить бокал хорошего вина». А уж он-то понимал.

Вот матерый блаत्याга обещает обидчику – наедине, наедине! – когда-нибудь его еще повстречать и убить. И ведь убьет, раз пообещал, такое дело. И на пятнадцать лет лес валить пойдет, и под вышку угодить может, – а вот иначе не будет мира его душе.

А вот, условно говоря, совсем крайний вариант: нормальный гражданин, честный труженик, спокойно и обдуманно готовит убийство и совершает его, казнив «энкаведешным» способом палача бериевских пятилеток. Палач уже стар и безвреден. Об акте мести никто никогда ничего не узнает. Мстителю своему он вообще ничего плохого не сделал, он других пытал. Зачем убивать, что толку? дети и внуки отставного палача ничего не знают и ни в чем не виноваты, в обществе этим актом ничего не исправляется, даже назидания обществу никакого нет, раз общество об этой казни не знает. Смысл?!

Смысл в торжестве справедливости. Есть смертные грехи, которым нет прощения никогда. И достаточно того, что о воздаянии будет знать только один человек: сам убийца перед смертью. Ибо муки его невинных жертв живут в душе каждого, кто знает о них. И тому, кто отомстил, будет лучше, правильнее жить на свете. В воображении своем он может сказать жертвам: «Он не ушел безнаказанным, ребята. Ваша кровь не осталась неотомщенной».

Поэтому мусульманин постарается на могиле убитого родственника зарезать его убийцу и бросить труп на съедение собакам. И будет прав.

Справедливость, достоинство, честь – ценности идеальные, существуют только в человеческом сознании. И месть человек совершает (в общем и как правило) из соображений идеальных, для души.

Ибо не хлебом единым.

Предательство

Всемирная История Предательства – вот достойный аспект рассмотрения истории, психологии и социологии. Потому что вряд ли жил на свете человек, который – хоть на секундочку и по мелочи – вовсе бы никого и ничего ни разу не предал. И хотя бы в мыслях своих не был вовсе знаком с предательством.

«Моя вина» – назвал свой некогда знаменитый роман норвежец Сигурд Хуль, нобелевский лауреат. На единую минуту и только в мыслях предал герой романа свою любовь: черт, они оба молоды и бедны, ну куда ж тут жениться и рожать ребенка, который у нее, оказывается, будет. Он даже не сказал об этом ни слова – предательство было только в его глазах, на лице. Через минуту он уже искренне сказал ей все те слова любви и верности, которых она ждала; сказал то, что действительно чувствовал после минутного приступа малодушия. Но минуты оказалось достаточно... Она исчезла из его жизни. Он не знал своего сына. И увидел его впервые много лет спустя – когда в оккупированной немцами Норвегии его сын, квислинговец, коллаборационист, предатель, руководил арестом его, бойца Сопротивления. Такая история.

«Ведь каждый, кто на свете жил...»

Предателей Данте и законопатил в девятый круг Ада. Дальше уже некуда.

Доносчику – первый кнут. Предательство доверившегося всегда расценивалось как дело гнусное – даже тем, в чью пользу оно совершалось. Самым цельным и здоровым образом к этому относилась, на уровне Закона, Яса Чингиз-хана: это дело заслуживает исключительно смерти, и никаких гвоздей. Монголы времен великой и грозной славы своего народа отличались замечательным психическим здоровьем.

Античные греки, в войнах с персами захватывая пленных, с собственно персами обращались в рамках тогдашних правил войны: пленных можно было обменять, отпустить по заключении мира, интернировать и поселить на дальнем краю своих земель, пусть в земле ковыряются, их внуки уже почти своими людьми будут; можно было, наконец, продать в рабство – это также почиталось делом законным, прибыль опять же. Но если в плен попадались союзные персам малоазиатские греки – этих неукоснительно предавали казни, как предателей общего дела борьбы с персидским завоеванием.

Равно и римляне славной эпохи величия Республики бывали способны – это во время войны-то! – отказаться от услуг предателя, дабы победить доблестью, а не низким коварством. Ну ужасно были гордые и уверенные в себе ребята.

Но вот в истории остался более знаменитым случай с библейской блудницей Раав, которая ради спасения своего рода предала родной Иерихон. И хотя Пятикнижие безусловно одобряет все, что делалось к пользе евреев и во исполнение заветов Бога, давшего им эту землю – заметьте, что единственная предательница была блядью.

Когда же римляне от развалившейся республики перешли к диктатуре, предварившей империю – на место былых доблестей пришло предательство как норма поведения. История великого триумvirата Помпей – Кресе – Цезарь – это история клятвопреступлений, надругательства над родственными узами, убийства доверившихся и прочих прелестей гражданской смуты.

Тоталитарное государство вообще норовит возвести предательство в ранг государственного закона. Будьте верны только государству и предавайте друзей и родных во имя его. Тут СССР переплюнул всех: от Ассирии до наполеоновской Франции еще никто не смел объявить благим и примерным делом предательство родного отца: всем привет от несчастного придурка Павлика Морозова, героя-пионера из всесоюзных святцев. Каков же был блистательный результат столь патриотического воспитания советского юношества? Небывалый по масштабам во всей истории России переход солдат на сторону врага – и это в Великой Отечественной

войне!.. Переходили поодиночке и группами, отделениями и взводами, уползали за нейтральную полосу целыми караулами, дозорами и боевыми охранениями. Эта история, надо полагать, не будет написана никогда – поскольку никто не собирается открывать архивы СМЕРШа. Но в семидесятые еще годы ветераны-мемуаристы «не для печати» (чего уже старику бояться? ничего у него нет, кроме пенсии сегодня и смерти завтра) поведали такие истории, что рот раскрывался и волосы шевелились.

(Российские традиции вообще недурны – хотя и прочих идеализировать не надо. Но не сразу сможешь найти в истории другой пример, когда сыну предложили купить жизнь ценой крови отца, которому он для этого должен перерезать горло. И перерезал. Федор Басманов при Иване Грозном.)

Как «предательство века» часто упоминают сдачу немцам генералом Власовым 2-й Ударной армии. Менее часто упоминают, что от армии остались рожки да ножки, и сам факт сдачи абсолютно ничего не менял. Еще реже пишут, что причиной уничтожения армии были идиотизм и самодурство высшего командования, которое всегда преследовало одну главную цель: делать только то и только так, чтоб заслужить хорошее отношение товарища Сталина, это было даже и гораздо важнее, чем избежать поражения: убитых-то спишем, а вот если победишь, но вызовешь неудовольствие товарища Сталина – шлепнуть могут как пара пустых. Нетрудно представить эмоции Власова, которого неделями бомбили глупыми и ведущими к гибели приказами, отвергая его аргументы, а когда уничтожение окруженной армии подходило к концу – ему, значит, по положению «живым в руки врага не попадать» следовало застрелиться. Сволочи и идиоты в Москве уничтожили его армию, а теперь он же еще должен стреляться! Не захотел он стреляться. Смертной ненавистью ненавидел он к этому моменту советское Главнокомандование. И все равно, все равно – предательство его в истории не оправдывается ничем.

Вообще мы никого и ничего оправдывать не собираемся, мы не райсуд. Нас интересует понять.

С чего стал предателем знатный и удачливый вельможа князь Курбский? Во-первых, с того, что польский поход, задуманный как авантюра, провалился, и добра от Грозного ждать не приходилось. Во-вторых, с того, что армия разбежалась, дезертировала. В-третьих, с того, что Грозного боялись и ненавидели – и порешили, что лучше остаться жить в Польше, чем вернуться домой и угодить на плаху. Опять же – ну правы же ребята были! А вот все равно – не совсем хорошо пахнет.

Удивительно к месту процитировал Священное Писание Линкольн в геттисбергской речи: «Дом, разделившийся внутри себя самого, не устоит». Это относится не только к гражданским войнам. Ибо любое предательство – это разделение на две враждебные части того, что на уровне отношений почиталось как бы за единое целое.

Что такое предательство? Можно сказать: это прагматическое решение конфликта между идеальным и реальным. Непонятно; недостаточно. Попробуем разобраться.

Предательство всегда совершается по отношению к кому-то. Ан тоже не совсем, не абсолютно. Иначе не говорили бы: «Он предал свой талант», или «свои убеждения», или «свое прошлое». Здесь имеется в виду, что человек отказывается от каких-то своих взглядов, или возможностей, ради выгоды конкретной: денег, карьеры и т. п. Как бы он «разделился внутри себя самого», и более низменная, корыстная, жадная половина предала благородную половину. А вот если стяжатель и карьерист отказался от денег и карьеры ради благородного, бескорыстного поступка – тогда никто и не подумает сказать, что «он предал себя».

Здесь работают моральные категории. Совесть, честь, благородство, верность, честность. Вот если человек нарушил их, пренебрег ради цели низменной, корыстной, шкурной – тогда он предатель. Гм, а какая же корысть была Павлику нашему Морозову предавать отца? Он же это сделал из идеальных побуждений, ради счастья родины, как он полагал.

Кроме того, если объяснить одно слово, подставив на его место другое, также достаточно неопределенное и неоговоренное конкретно, что оно такое обозначает, то это ничего не прояснит.

Так... Предают что-то свое, близкое, родное, отечественное – в пользу чего-то менее близкого, чужого, даже враждебного, – чтоб получить личную выгоду: жизнь, деньги, власть и т. п. Предать можно только свою семью, группу, страну – а чужую нельзя, можно лишь ущемить ее интересы. То есть предать может только свой, только друг, – а чужой он чужой и есть.

Ладно, но почему, если ты предал своих врагам, то враги тоже тебя презирают? Обидно, понимаешь. Потому что враги тоже уважают моральные категории... но про моральные категории мы уже упоминали, они ничего, к сожалению, не объясняют, более того – они сами требуют объяснения.

А каковы мотивы предательства? Корыстные. А если бескорыстные: оскорбили человека, или ненавидит он, или завидует, и в результате предательства ничего не выигрывает, живет хуже, чем раньше, но – хотел насолить своим и насолит. Где корысть, строго говоря?

Кого предавал Талейран? Всех, кому служил. Зачем, почему? А они все равно шли к гибели, а он успевал хорошо устроиться, был на плаву, при деньгах и власти. Действовал в свою пользу.

Но какую пользу извлекала из своего предательства «кембриджская пятерка», работавшая на советскую разведку из высших, идеолого-политических соображений?.. И денег не брали. Идейные борцы. Сплошной риск и убытки.

Если объявить предателя просто потребителем – тогда все ясно. Нет у него великих ценностей, за которые он может отдать жизнь: незначительный он человек, не способный на самые крупные поступки, ему прежде всего лишь бы выжить и тепло устроиться. Поэтому его презирают: немного он стоит. Он не может противостоять силе, он может лишь перебежать на ее сторону. Он выживает не потому, что победил, а потому, что примазался к победителям, сам таковым не являясь. Он труслив, слаб, мелок. Он существует не потому, что являет другим свою волю и утверждает ее вопреки сопротивлению – он существует по милости сильного и заискивает этой милости: собака, сказал бы мусульманин. Он зависим, у него душа раба.

В любой очереди, при конфликте чиновника или кассира с кем из публики, всегда находится доброхотный защитник кассира от «принципиального» покупателя: эдакий подхалим, желающий задобрить представителя власти, чтоб тот к нему потом лучше отнесся. Мелкий бытовой вариант расхожего предательства. Угодливое подсмеивание шутке хама-начальника, издевающегося над несчастным из подчиненных. Любой подхалимаж, любая угодливость – мелкий вариант предательства: ты «поступаешься моральными принципами» ради того, чтоб начальник к тебе лучше относился, т. е. из шкурного интереса.

А вот – храбрый солдат, профессионал, бесребреник, который из рядов побеждающей армии (именно!) переходит в стан проигрывающего врага и честно сражается там. Он, может, патриот маленькой побежденной страны. Он, может, антифашист, или антикоммунист, или антиамериканист. Все равно: для вчерашних братьев по оружию он предатель, хуже и ниже честного врага. Присяга, верность, оно все конечно... но – почему?! Доверие обмануто, и т. д. – но все-таки: в чем тут дело?..

Почему предавать всегда нехорошо: сильный ты или слабый, получил выгоду или не получил, перебежал на правую сторону или виноватую, предал из низких побуждений или возвышенных? А?

Тут впору вспомнить о юнговских *архетипах*, но в архетипы мы не верим и теорию сию полагаем наивной, поверхностной и спекулятивной философией, которая тем и отличается от науки, что ее невозможно научно ни доказать, ни опровергнуть – она существует как бы сама по себе, законченная конструкция условных рассуждений и допущений.

Можно ведь сказать так: предатель противопоставляет грубой силе – ум (хитрость, коварство, изворотливость, изобретательность). Почему же мы не уважаем его человеческий ум?..

Да нет, иногда и уважаем. Сэр Варвик, «делатель королей», только и делал, что бегал от Ланкастеров к Йоркам и обратно. Его обидели – он изменил – принес победу вчерашним врагам против вчерашних «своих» – и пошел следующий цикл: сам возвел короля на престол – сам сверг и возвел другого. Был талантлив, храбр, мощен – и самолюбив. Союза с ним искали, перед ним заискивали. Предатель? Хм. Не без того... Но здесь еще одна вещь: любого, кто бросил бы ему в лицо обвинение в предательстве, т. е. в данном случае в нарушении чести, он был готов в любой миг вызвать на «Божий суд» – честный поединок, где Бог явит правого через его победу. А боец он был редкостный. И людишки язык придерживали.

Как быть? Вот человек в одном стане. Имеет некие убеждения. Получает дополнительную информацию, переваривает ее, искренне меняет убеждения. Переходит в другой стан. Попахивает предательством. А в каком случае не попахивает? Ну вот не может он больше сражаться за то, во что не верит теперь! Застрелился; не предатель. Открыто объявил свои взгляды и понес наказание вплоть до казни; не предатель. Вместе со своим станом довел борьбу до победы, и отвалил только тогда, когда свои в нем уже особенно не нуждались; не предатель. Благородный человек.

Предательство всегда целесообразно. Предать можно из шкурных интересов, из явной выгоды. А можно (куда-а реже) из идейных соображений, тогда ты идейный предатель, это классом выше, грех твой меньше, но – все равно предательство... И вот в принципе эта целесообразность, логичность – людям не нравится. Люди полагают, что поступать следует против такой целесообразности.

Теперь можем помянуть кантовский категорический императив, и тут же отставим его в сторону, ибо он абсолютно ничего не объясняет: он только дает название, т. е. приклеивает к бутылочке ярлык с существительным и прилагательным, но на вопрос «а почему это так?» отвечает кратко: «А потому». Большое спасибо.

Можно поискать исторически-рудиментарную целесообразность, и попытаться противопоставить целесообразность сообщества целесообразности индивидуума. Типа: до конца защищать свой род, свое племя, невзирая ни на что, иначе враги напугают, подкупят, победят, подчинят, уничтожат, хана генам твоих предков, которые живут во всей твоей родне. На уровне стаи – быть сильнейшим и выжить. Да? А если единственный способ сохранить гены рода – предать заведомо и безусловно обреченных и спасти себя? И выжил, и размножился, и тем сохранил род, – а сам предатель. Тьфу.

Итак. В отношении к предательству мы имеем яркий пример анти-целесообразной настроенности человечества, его анти-рациональной ориентации. Расчет верен – а чувство выше, и хоть ты лопни.

Предателю нельзя доверять, на него нельзя полагаться – предал другого, предаст при случае и тебя? Э, он свалил в туман, его больше нигде не видно и не слышно, и вообще – вот тебе, допустим, абсолютная гарантия, что больше он никогда никому вреда не принесет; все равно ты его презираешь.

В чем же дело?

А в том, что он – недочеловек. Он может быть храбр, богат, силен и знатен – и все равно он унтермен. Любой акт предательства есть акт слабости. Предатель ослабляет то, частью чего он был. Одновременно он ослабляет себя, отделяясь от целого – а равновеликой частью другого целого он стать уже не может, ибо явил свое качество – возможность по собственному усмотрению отделяться от целого. Он неполноценен, ущербен, недоделок.

Предательство – это нарушение верности единству. Единство же есть величина как реальная, так и моральная – одно скрепляется другим.

Не в том дело, что предал твоего врага, а в том, что вообще предал. Негодный человеческий материал. Его можно использовать, но с ним нельзя быть воедино. Не доверишься, спину не прикроет.

Предатель отсоединяет свою личную волю от суммы воли группы, тем самым вредя группе в пользу своих, так или иначе, но собственных желаний и интересов. Внутренний враг. Раковая клетка. То, от чего надо избавляться в принципе.

Внутренняя слабость предателя в том, что он не способен на ощущения, желания и поступки столь значительные, чтоб предпочесть их своей индивидуальной эгоистической потребности. В пределе – он не отдает свою жизнь за то, за что отдают их другие. Причем – здесь принципиален сам момент ухода от единства, перехода его границы вовне. Если ты пришел к врагу из леса – твое дело. Если от нас – ты хуже врага, просим к стенке. Дезертирство – это «пол-предательства», вторая половина – приход к врагу – превращает первую половину в предательство. Даже если ты разделил убеждения врага и отдал жизнь в борьбе против «своих» – в процессе ухода из единства твой интерес был эгоистичен: ты сам так захотел, решил, сделал. Ты не стал напрягаться, страдать, бороться за то, за что готовы они.

Когда ты с чужой стороны стреляешь во вчерашнего своего – в этот миг своя жизнь тебе дороже, чем его.

Верность означает: «Быть с вами и делать вместе это дело для меня дороже всего, и дороже жизни». Так держалось племя, город, страна. Предательство означает: «Нет, я передумал, я стал считать иначе, уже не дороже; мне теперь дороже другое». Ах ты мелкая сука!..

Предательство оскорбительно по сути; и не так важно, кто оскорблен, уж больно мерзок оскорбитель. Оскорблено наше представление о верности, чести, долге, благородстве, справедливости. Предательство аморально.

Ну и что, что аморально?

А то, что мораль противостоит расчету и целесообразности. И более того – стоит выше их. Руководствуясь и подстегиваемый моралью, и одновременно раздираемый желанием поступить целесообразно по расчету, человек достигает огромных нервных напряжений: ошибка, стресс, страдание, поступок «вопреки своему желанию», гордость тем, что смог поступить так, сознание значительности своего поступка и своей личности. Вот это та внутренняя гордость, то ощущение внутренней значительности, которых лишен предатель – лишен в сознании тех, кто не предавал.

«Он изменил!» – гудит хор жрецов в «Аиде», и этого обвинения достаточно.

«Я сумел быть верным, а он нет, хотя мне было нелегко», – вот тот пункт, по которому честный человек чувствует себя значительнее предателя; а каждый стремится быть как можно значительнее, и отыскивает к тому любые поводы. Поэтому предатель может убить тебя в честном поединке, быть сильнее и умелее тебя – и все равно ты его презираешь, ты выше, у тебя есть неоспоримый пункт превосходства.

Жестокость

Слово нехорошее. Непривлекательное. Ассоциируется с ощеренными в усмешке зубами и чем-то вроде ножа в жилистой руке, плюс сверху холодный прищур глаз. Смыкается с понятиями беспощадности, агрессивности и садизма. Мрачноватая радость от того, что заставляешь другого страдать. Возможность власти над кем-то, употребляя эту власть ему во зло: причинение зла.

Однако есть в понятии жестокости и что-то привлекательное. Сила привлекательна, и власть как проявление этой силы. Ее побаиваются, она немало может: сломить, уничтожить, навязать свою волю. Победить, заставить считаться с собой. Враги есть у каждого, мордой в лужу тыкали каждого, и каждый в воображении рисовал себе сладкие картины праведной рас-

правы. Растравленный оскорблением человек в воображении жесток, мечтая о страхе и унижении врага. Даже мягкосердечный и слабодушный ощущает, что быть «или хотя выглядеть» жестоким бывает приятно: пусть боятся и считаются, ты крутой.

Жестокость – это способность причинять другому то, что для него является злом, по своей воле и сверх необходимого для собственного благополучия. То есть убить врага в честном поединке – это нормально, а вот живьем содрать шкуру с поверженного – это уже жестоко.

Жестокая работа – убойный цех мясокомбината. Ан мясо жрут все, кроме вегетарианцев. И люди в цехе могут работать хорошие и добрые. Просто работа такая. В жизни вообще без жестокости не обойдешься: не сожрет леопард антилопу – сам сдохнет с голоду.

Жестокое зрелище – гладиаторы на арене. Хотя и по-честному – а все равно режутся до смерти.

Так вот: где «разумная мера» жестокости и как к ней относиться?

Во времена старинные в перечень обязательных эпитетов вождя входило что-нибудь типа «жестокий с врагами»; и это считалось хорошо и достойно уважения и подражания. Чтоб боялись и уважали! Однако мы давно привыкли, что мораль решительно осуждает жестокость, иногда со вздохом соглашаясь мириться с ее вынужденностью.

Итак. Жестокость бывает мотивированная и немотивированная, а мотивированная бывает вынужденная и излишняя.

Хулиган от не фиг делать изуродовал прохожего. Это жестокость немотивированная, и все негодуют. А хулиган поддал и бахвалится пред друзьями, как он его отделал: вот он какой крутой, жестокий, страшный, доволен собой: самоутверждается.

Прохожий кое-как оклемался через полгода, подкараулил хулигана пьяным, переломал все кости и отбил потроха, помер хулиган в страшных мучениях. Это жестокость мотивированная: сам мужика достал, ни за что изуродовал. И все говорят: жестоко, конечно, но вообще мужик прав.

А вот если он так же насмерть забьет воришку-карманника, то будет менее прав. Мотивированная жестокость, но излишняя. Паразит, конечно, карманник, семью его хотел на месяц без средств оставить, но ведь на жизнь все-таки не покушался.

А вынужденная – это солдат, убивающий в бою: а куда денешься. Вне сражений – добрый и кроткий может быть человек.

Значит. Если ты режешь корову на мясо, то вообще можешь быть человеком не жестоким, добрым. Есть надо, жить надо, а вообще ты эту корову даже любил и жалко тебе ее. Прямо плачешь, а режешь. А рука не поднимается – соседа попросишь. Гуманист. А если ты кошку просто так взял да повесил – ты человек жестокий и вообще гадкий. Должна ли корова, в отличие от кошки, оценить твою жалость и признать твой сравнительный гуманизм?..

Получается: жесток не тот, кто совершает жестокие поступки ради чего-либо, а тот, кто творит жестокость из удовольствия и ради нее самой.

Наполеону очень не хотелось расстреливать четыре тысячи пленных турок в Палестине; долго вздыхал и кривился, но провианта не хватало, людей для охраны не хватало, планы наполеоновские с этими четырьмя тысячами пленных никак не увязывались... выругался, наорал на офицеров и отдал приказ о расстреле. Но египетские деревни, если там убивали хоть одного солдата, вырезал под корень и жег без колебаний: чтоб и другим неповадно было, в тылу должен царить порядок. А уж о повешенных и расстрелянных армейских интендантах при наведении порядка в Итальянской армии и говорить не приходится.

Человек истинно военный относится к жизни ясно и просто: творит меньшую жестокость, чтобы избежать большей. Повесить двоих и пресечь грабежи, чтоб в грабежах не зарезали сотню. Перестрелять зачинщиков, чтоб избежать кровавого восстания. И т. д.

Генерал авиации Полюнин, воевавший в 29-м году в Китае, с удовольствием (сталинская школа) вспоминает, как Чан Кайши лично отдал приказ рубить головы часовым с постов даль-

него оповещения, которые прозывают японские самолеты, идущие бомбить китайские аэродромы. И после этого драконовского приказа, отмечает Польшин, наши потери на земле резко сократились.

Есть несколько дежурных вопросов-утверждений, о которых необходимо упомянуть.

Правда ли, что жестокий человек – это слабый и трусливый человек? Ответ: нет, доля правды в этом утверждении невелика. Обер-палач Грозного Малюта Скуратов был человеком сильным и храбрым и погиб в бою. Но большинство опричников выказали отменную трусость при осаде Москвы в 1571 году крымскими татарами, после чего разъяренный Иван отправил ребяток на плаху; а ведь беззащитных они резали отменно и в охотку.

Жестокий преступник бывает силен и храбр: читайте уголовные хроники. Но и забытые трусоватые крестьяне, поймав конокрада, предавали его лютой казни.

Здесь надо говорить о жестокости как аспекте силы и аспекте слабости.

Сильный человек, стремясь к своему и утверждая свое, неизбежно проявляет жестокость в конфликтах с окружающими. Преодоление и подавление сопротивления. Если ты ему не мешаешь, не встаешь на пути – живи спокойно. Простейший пример – набить морду сопернику, чтоб не подходил к твоей девушке. Любой карьерист жесток с конкурентами, если они опасны. Именно поэтому без жестокости невозможен государь – чтоб энергичные претенденты не удавили и вообще не мешали делать то, что он полагает нужным. Действию приходится подавлять противодействие.

Сильному может не нравиться жестокость. Но если он не способен на жестокие поступки – он тем самым перестает быть сильным: его сила встречает преграды, непреодолимые иначе. Дело не сделано: упорные и несогласные с ним люди продвигают свою точку зрения. Чем выше к солнцу, тем меньше места на вершине. Ученые, артисты, военные, политики – везде борьба, грызня, конкуренция, и везде нужно уметь перекусить соперника.

Если же человеку нравится борьба, нравится перекусывать соперников – жизнь такая ему легче и приятнее, чем гуманисту, и наверх он идет быстрее и вернее. Вот товарищ Сталин любил уничтожать конкурентов – и вполне преуспел в своем деле. Это он-то, жестокий, был слаб – от рысьего взгляда которого боевые маршалы чуть в обморок не падали?!

А может быть сильный человек, который никак не знает, к чему прицепить, куда устремить свою силу: то он боксом занимается, то водку пьет, то прожекты строит. И самоутверждается он, как злой подросток: избирая себе жертву из окружающих и портя ей жизнь. Ах, ты умный, богатый, известный, благополучный? А я высмею тебя при всех, наставлю тебе рога, оскорблю, и ничего ты со мной не сделаешь – я значительнее тебя. Самоутверждение через жестокость. Таков толстовский Долохов из «Войны и мира» – сильный, храбрый и жестокий человек. Э?

А жестокость трусливого и слабого, имея в основе ту же самую природу – стремление к самоутверждению – проявляется через иной механизм, вытекает наружу через несколько иное русло, так сказать. Трусливый и слабый человек закомплексован. Он не рискует, не идет на опасность грудью; скрывает жажду мести, глотает оскорбления, поджимает хвост, – выживает среди более сильных. А тоже хочет быть сильным, значительным, чтоб его боялись, уважали, считались с ним. И уж когда он, в безопасной ситуации, дорывается до того, что может явить свою власть и силу – о, вот тогда вся его многолетняя жажда отомстить многочисленным обидчикам вылезает наружу! Тем, кто красивее, сильнее, богаче, удачливее, кто плевал ему на голову и гонял на побегушках. И вот тогда он может наслаждаться унижением другого, его болью, зависимостью и беспомощностью, резать из него ремни, мучать, разрушать его жизнь.

Поэтому, как говорили те же римляне, худший господин – это вчерашний раб. Поэтому упаси Боже ставить над собой в начальники маленького, вежливого, затюканного человека: он расправит крылья – и всех начнет жрать с дерьмом, непререкаемым и жестоким образом!

Известный пример: в поединке за самку волки никогда не убивают друг друга: побежденный падает на спину и подставляет горло – знак полной зависимости, этого достаточно. Но когда дерутся за самку самцы канарейки – победитель не успокоится, пока не продолбит своим клювиком черепок побежденному. Всех боюсь, но уж на этом-то сейчас отыграюсь!

Сильный и храбрый, явив побежденному сопернику свою силу, идет дальше: и цену он себе знает, и дел впереди полно. Слабый и трусливый, получив власть над соперником, стремится выжать из этой власти максимум самоутверждения: по жизни ты значительнее меня, но уж сейчас я каждый миг буду доказывать нам обоим, какое ты дерьмо – вой, кричи, пресмыкайся передо мной, я сотру тебя в порошок, сломаю всю жизнь, покажу, насколько я значительнее тебя, вообще уничтожу.

И. И. Тяга к жестокости сидит в каждом. Вспомним милых студентов, которые последовательно нажимали все кнопки «электрорубильника», при гарантии абсолютной тайны от всех заставляя корчиться за стеклом актера, изображающего приговоренного к казни на электрическом стуле. Жутко, любопытно, манит: посмотреть, как он будет дергаться при повышении напряжения, вместо того чтоб умереть сразу. Этот старый американский эксперимент в свое время немало озадачил добрых психологов.

Стремление к сильным ощущениям – вот что такое жестокость на уровне ощущений.

Стремление к самоутверждению – вот что такое жестокость на уровне личности.

Стремление к большим действиям – вот что такое жестокость на уровне действий.

От любовного треугольника и до войны: или плохо будет другому – или тебе. Пряники на всех никогда не хватает – люди специально делают такие пряники, чтоб обладание пряником выделяло тебя из прочих, и стремление к прянику делают целью своей жизни.

Практически все великие люди бывали жестоки – а куда денешься. Побежденные враги, сломленные конкуренты, несчастные любовники. Даже добрейший Дарвин – даже он! – лишил заслуженных лавров высокопорядочного Уоллеса, дав добро своим друзьям в Лондоне уговорить колониального служащего Уоллеса не печатать свою статью о происхождении видов и предоставить приоритет Дарвину, который раньше начал работу... Дарвин, конечно, напал больше и начал действительно раньше, но главную публикацию Уоллес подготовил первый – и кто теперь его помнит, кроме специалистов?..

И последнее. Правда ли, что все жестокие люди сентиментальны? есть такая расхожая сентенция.

В общем неправда – но отчасти правда. То есть:

Обычно жестокими, как мы говорили, называют не тех людей, которые способны на жестокие поступки или даже творят их. А тех, кому это дело нравится само по себе. И не просто нравится «в среднем», как всем (привет от студентов-электронажимателей) – а так нравится, что в реальной жизни они ищут жестоких поступков.

Это что? Это повышенная тяга к сильным ощущениям. Вот такого «нехорошего» рода. Садист, понимаешь, отклонение от нормы.

А что такое сентиментальность? Это тоже повышенная тяга к ощущениям, но уже иного рода – сладостно-печальным, слезливо-отрадным.

Жестокость – удовольствие от причинения другим зла. Сентиментальность – удовольствие, опять же, от того, что на других свалилось зло, но здесь уже удовольствие приходит через сочувствие.

Умер бедный влюбленный – это сентиментально. А разрезали на куски бедного влюбленного – это уже жестоко. Первое сладко – второепряно. Можно сказать, что сентиментальность – это негрубая и эстетически оформленная жестокость. Жестокий громила – тоже человек, печаль и сочувствие ему тоже свойственны, а жажда ощущений у него повышена. То есть: он клюет на малую и милую сентиментальность острее, чем нормальный «средний» человек – но при нарастании боли, насилия и т. п. у нормального человека приятное чувство стопорится,

исчезает – а у него чувство более сильное «перепрыгивает» барьер: сентиментально-жестокый человек может плакать над птичкой, сломавшей крыло – а потом оторвать ей к черту голову, суке, надоела, сердце рвет.

Опять же – жестокие люди бывают очень одиноки часто, а потребность любить кого-то есть: и вот он любит свою собачку и заботится о ней трогательно после работы, на которой ногти клиентам вырывает.

Садист в камере может с паучком дружить и заботиться о нем, ничего такого, – правда, для этого быть садистом не обязательно.

Нормальный человек посочувствует бедной Лизе и пойдет ужинать. А садист может залиться слезами, и потом сказать: надрываешь ты мое сердце, сука, – и изрезать ее на куски, пьянея от совершаемого: и любить ее хочется, и одновременно мучить и резать хочется. Повышенная потребность в сильных ощущениях. Повышенные реакции на чужие муки. И вот эта повышенность реакций включает в себя как радость от них, так и горе, обе половины сферы, но поскольку сам себе сознательно ты горе творить не станешь – то радость получаешь от того, что творишь сам, а сладкое горе – от мелочей, которые к тебе непосредственного отношения не имеют. Есть такой механизм.

Но чаще люди жестокие – душевно грубое быдло. Хрен ли им клумбы с цветочками и музыка Вагнера, пользительные для слез пресловутых эсэсовских комендантов концлагерей.

Вот женщины менее склонны убивать животных, чем мужчины. Охотой как хобби увлекались всегда мало. Но давно подмечено: втянувшаяся в охоту женщина становится очень жестоким охотником. Прямо как тот кенарь. Почему? А – коли полетели сорванные сдерживающие центры и нервная система вкусила силу ощущений от убийства живых существ – началась своего рода наркомания: мозг хочет, требует этих ощущений! Так, в общем, развивается садизм, зерно которого есть в каждом. Да и на зонах бабы между собой еще более жестоки, чем мужики, – тот же механизм.

Доброта

«Брат мой, если подданные говорят, что король добр – это означает, что царствование не удалось...» – писал Наполеон Жозефу, которого пристроил мелким королем. Жозеф пытался оправдывать свои малые успехи тем, что зато он хороший человек, любимый народом.

Все знают, что быть добрым – хорошо. Еще все знают, что добрым людям живется плохо и трудно. Пользуются и часто злоупотребляют окружающие их добротой. Несправедливость жизни, понимаешь.

Что такое доброта? Это способность принимать чужую нужду в сферу собственных интересов и действовать добровольно и бескорыстно в интересах другого человека. Как бы чужая нужда становится своей собственной.

Понятно, что есть разные степени доброты. Попросту говоря, любая доброта имеет свои границы.

Легко быть добрым, если чужая нужда никак не ущемляет твою собственную. Ты богат, а явно нуждающийся человек робко просит у тебя десять рублей. И ты даешь – не чтоб он от тебя отцепился, а из искреннего сочувствия. Недельную зарплату ты уже незнакомому человеку просто так не дашь, самому надо сводить концы с концами. Эта мелкая бытовая доброта твоих интересов, в общем, никак не ущемляет – даже наоборот, наряду с вежливостью и приличными манерами облегчает общение с окружающими, подобно смазке детали в механизме. Они довольны, ты собой доволен, жить лучше и легче. Здесь не приходится делать выбор «или – или» между своим интересом и чужим.

Поэтому говорят часто о доброте сильных и талантливых. Да отчего ж не сделать добро другому, если у самого и так все круто в порядке. Даже приятно лишний раз ощутить свою

значительность, решив трудные для другого проблемы «почти без отрыва от производства»: знай наших, будь здоров. Набить кому морду, помочь в работе, подкинуть денег: вот такой я хороший и здоровый парень, если что – обращайся, все в жизни сделать можно. Здесь доброта не лишена отчасти аспекта самоутверждения: «могу и делаю, я значительнее тебя». А потери времени и труда сравнительно невелики, не принципиальны. От такой доброты у тебя, в общем, ничего не убыло.

Поэтому, кстати, и существует старая поговорка «Ни одно доброе дело не остается безнаказанным». Человека самолюбивого может ущемлять, что он оказался менее значителен, чем его благодетель, и по ситуации зависим от него. И, мелкопузый, не в силах отплатить равной мерой добра – он может стремиться (даже подсознательно) освободиться от психологической зависимости и доказать свою значительность, отплатив за добро злом. Я не могу тебя спасти, как ты спас меня – зато смогу тебе такую подломаку устроить или вообще погубить, что и тебе, и мне ясно будет, что я тоже очень значителен и даже значительнее тебя. Ты за меня поручился и устроил на работу в свой отдел – я на тебя напишу донос и сяду на твое место. Боже, сколько было подобных случаев! Так что если ты силен, талантлив, богат, – твори добро с оглядкой, милый... смотри, с кем имеешь дело.

От десятирублевой доброты перейдем к сторублевой – то есть к такой, где уже размеры чужой нужды соизмеримы со своей собственной; здесь ты уже поступаешь чем-то осязаемым. Вместо того, чтоб отдохнуть выходные на рыбалке, скажем, вкалываешь за камрада, у него жутко важное любовное свидание.

Тут что получается? От того, что в эти самые минуты в Африке неизвестный тебе человек умирает от голода, ты от обеда не отказываешься. Всех не накормишь, а самому кушать надо. Но если голодающий рядом, а больше кругом никого, то свой обед ты ему безусловно отдашь: ему нужнее. Ты и так обойдешься, ничего страшного.

Так вот, значит. «Условно недобрый» человек всех окружающих с их нуждами норовит зачислить в разряд безвестных голодающих Африки: всех не пережалеешь и не облагодетельствуешь, а своя жизнь одна, и прожить ее надо так, чтоб всего ухватить. А «условно добрый» к нужде всякого встречного-поперечного, коли она серьезна, готов подойти с меркой: «кому это нужнее – ему или мне?». Друг, товарищ и брат.

Истинно добрый человек способен уступить другому очередь на бесплатную квартиру, лучшее рабочее место, вообще что-то нужное и важное, что существует только в одном экземпляре на них двоих – если сочтет, что другой имеет на это больше прав или более нуждается. Он честно взвешивает нужду другого и собственную на одних весах – и честно делает выбор в пользу справедливости. Он вообще привык брать себе за столом меньший кусок.

Вот тут ему и хана. Вот тут его и взнуздают, оседлают, затянут подпруги и начнут ездить верхом. Потому что всех, да, не пережалеешь. Всегда найдется тот, кто беднее и несчастнее тебя. И чем выше ты поднялся – тем шире толпа более нуждающихся. Но опасение это напрасно – добрый человек не поднимется высоко нигде, где есть какая-то конкуренция – а она есть везде. Богат? – разорят. Сильный? – уговорят. Талантливый? – ограбят.

Доброго человека всегда используют менее нравственные окружающие, которых всегда полно. И чем ты добрее и честнее – тем менее нравственны окружающие относительно твоего совершенства.

А «условный идеал» доброты – это вообще отдавать все по первой просьбе и без просьб. Вот Святой Маргин отрезал прокаженному нищему половину своего плаща – а ведь мог бы отдать весь. Был бы, вероятно, еще святее. Но даже отцы церкви сочли, что половины плаща достаточно.

И вот добрый человек часть своей жизни (в форме времени, денег, труда, имущества или еще чего) отдает просителю (вымогателю, проходимцу, нищему, сослуживцу, другу). Он, может, и не собирался это делать, но он же добрый, его уговорили, объяснили, доказали, разжа-

лобили – он проникся и поставил чужую нужду выше своей. То есть – доброта отчасти сродни слабохарактерности. Очень часто добрыми называют людей, которых легко уговорить поступить вопреки своим интересам в интересах других.

Есть ли грань и различие между добротой и слабохарактерностью? Различие есть – грани нет. Все-таки добрый человек в разбойники не пойдет и прохожих резать не будет, а слабохарактерного друга могут уговорить. (Потом мать на суде рыдает: «Да он всегда был такой добрый, мухи не обидит, это дружки все сбили с пути!..») Слабохарактерный человек легко уступает внешнему давлению, и тогда уже может поступать против собственных интересов. Слабохарактерность можно считать «наведенной», «локальной» добротой – убедили человека принять чужую нужду как собственную, а фактически – подчинили.

Слабохарактерный идет по линии наименьшего сопротивления: ему легче отдать свое, чем отстаивать. Добрый отдает добровольно – но границы этой добровольности не существует: его можно разжалобить, убедить опять же, да и просто ему непереносим вид чужих страданий, а изобразить страдания всегда можно («пользоваться добротой»). Суть одна – принятие чужой нужды как собственной.

Слабохарактерный человек способен на зло – а добрый, очевидно, нет, даже если его будут очень просить, плакать и умолять, например, поступить в палачи. Да?

Внимание! Добрый человек впиливается в ситуацию: из двух зол надо выбрать меньшее. А это в жизни на каждом шагу, тут никуда.

Чистый опыт: надо оставить на смерть арьергард, чтобы связать противника боем и спасти, увести остальных солдат. Как нельзя более обычная на войне ситуация. Сам с арьергардом остаться и умереть не можешь: обязан командовать остальными. Арьергард помирать не хочет, жить всем охота. Будь ты трижды добрый, а людей на смерть посылать надо. Можно, конечно, застрелиться и тем снять с себя груз проблемы, но это ничего не изменит.

Что делает «идеально добрый» человек, идеально свободный в своих действиях? Он договорится с противником: ребята, хрен с вами, мы отдаем вам такую-то территорию, принимаем такие-то ваши условия, платим репарации, но убивать больше никого не надо, уж очень это ужасно, неприемлемо. Лучше уж будем мирно и по возможности дружно жить под вами, лады? Хана армии, хана государству, уж в рабстве нахлебаетесь счастливой жизни.

В жизни разные нужды разных людей вечно противоречат друг другу, и быть добрым для всех невозможно. И противоречия решаются через того или иного рода суд, от внутреннего до уголовного. И суд этот руководствуется справедливостью, оформленной в закон. А закон отнюдь не добр – «закон суров, но это закон», чеканно и на тысячелетия сформулировали римляне. И в этом суде, как ни верти, добрый человек – адвокат, а не прокурор.

И возникает другая сентенция: «Добро должно быть с кулаками». Знакомо, да? И маузеры добрых чекистов начинают работать по подвалам, потому что чекисты очень-очень добрые и сжигают себя на тяжелой и грязной расстрельной работе, ставя выше своей личной нужды в хорошей жизни – счастливую жизнь всего грядущего человечества.

Как только мы оправдываем конкретное сегодняшнее зло стремлением к абстрактному завтрашнему добру – само понятие доброты теряет смысл и превращается в пустую софистику и словоблудие. Можно ли назвать добрым палача, который не мучит казнимого, а убивает сразу и безболезненно? Не будет добрый человек палачом, и все всегда это знали, и отношение к этой профессии всегда было соответствующее. Добрый человек скажет: «Не могу я его, беззащитного, хоть и гада, убивать... ну его к черту, пусть живет, скотина». И что? И гады будут дальше резать невинных и жить себе.

Я не противник смертной казни. Я противник того лишь, чтобы считать смертную казнь актом доброты. Справедливости – да, целесообразности – да, но доброта тут ни при чем.

А если тебя семь убиенных просят казнить убийцу – как же их праведная нужда в справедливости, противоречащая отчаянной нужде осужденного пожить еще? Что делать в такой

ситуации доброму человеку? Отвечаю: добрый человек в такой ситуации сойдет с ума. Но таких добрых людей практически нет, и с ума тут сходят весьма редко. А человек «нормально» добрый пусть выдаст убийцу родне убитого – казните сами, ваше святое право. Что часто и делается.

Я гну вот к чему. Любое действие в жизни рождает противодействие. Все новое рождается в борьбе со старым и так далее. И что бы ты ни делал – обязательно наступишь кому-нибудь на хвост. Уже самим фактом своей удачи, открытия, нового слова, красивого и хорошего супруга, интересной работы, богатого дома – у тебя есть то, что могло бы принадлежать другому, или принижает другого. Твое мнение чьему-то противоречит, твой поток воздуха мог бы вдохнуть другой.

И всегда найдутся люди, которые скажут: я не хуже тебя, дай мне то, помоги мне в этом, уступи мне се, поступи по-моему, иначе мне плохо. «На», – скажет добрый человек, и останется никем и ни с чем.

Доброта есть аспект слабости. Ибо добрый человек все противоречия между собой и окружающими решает в пользу окружающих – он принимает их нужды как свои и следует им.

Вся история прогресса в определенном аспекте есть история подавления победителями интересов побежденных. Централизованные государства, без которых невозможно развитие культуры и цивилизации, давили интересы отдельных людей: плати налоги! иди в армию! строй пирамиды! подчиняйся власти! не противоречь! а для несогласных – тюрьма и плаха. А иначе невозможно... Добрый же король, кот Леопольд, призывающий жить дружно, – открывает народу амбары, распускает рекрутов из армии, уменьшает налоги до предела – и захиревшее государство погружается в смуту, разруху, исчезает. Вот зараза.

Учтем и запомним простую вещь: делать добро не означает быть добрым.

Как? А вот так. От государя, скажем, требуется, чтобы подданные процветали – вот его задача, вот его добро. А для этого необходимо ему железной рукой сокрушать захватчиков, давить заговорщиков, вешать воров и понукать бездельников, чтоб общее добро зря не прожирало. А иначе ухватистые авантюристы растащат все по своим уделам, и корми голодных своей добротой, пока не вымрут.

На пять веков заложил Цезарь все основы процветающей Римской империи – а был взяточником, клятвопреступником, карьеристом и головорезом. Добрым людям в больших делах ловить нечего.

Привет от всех крупных политиков – крутые были ребята, и пробы на них ставить негде.

Тут вот еще какая штука. Если человеку ничего такого особенного в жизни не надо – ему легче быть добрым, т. е. следовать нужде другого, отдавать ему свое время и силы. А если он горит своей целью – отвлечения от пути к цели ему несносны, цель ему дорога, он ей всю жизнь подчинил, и поступаться ею он не хочет.

Доброта – обычно аспект вялости и бесцельности. Тот, кому безразлично, что делать – при прочих равных скорее откликнется на нужду другого, чем фанат своей идеи, пашущий на нее день и ночь. Обычно добрые, истинно добрые люди – весьма заурядны и ничего такого в жизни не добиваются. Не шибко хотят, не очень и могут: энергетический заряд не тот.

Добрые (и слабохарактерные) люди – обычно таковы большинство алкоголиков. По трезвянке – славные и порядочные. Да вот ничего им особенно не охота.

Такие люди, помогая другим, даже приободряются, подзаряжаются энергией других, мелкая промежуточная цель в жизни появляется, жить им делается интереснее.

Если человека распирает энергия свершений и он отчаянно самореализуется через свои дела – ему как бы некогда быть особенно добрым. Поделиться без ущерба для себя еще можно, а ход свой замедлять ему несосно. Может, он телефон изобретает, или лекарство от СПИДа – для блага человечества. А сам сука честолюбивая и жадная, – талантливая, правда. А начнет быть добрым и всем помогать – и ни хрена не изобретет.

Доброта – это собственная энергия, пущенная в чужие русла. Излишек – пожалуйста, а если много выходит – задумайся о том, что твоя жизнь неполноценна, что ты не знаешь, чем толком в жизни заняться.

А сила действующая и созидательная вечно отдавливает пальцы тем, кто оказывается рядом. Такое дело...

Но. Но. Но...

Всегда, однако, добрые люди ценились и почитались. На частном житейском уровне, вне политики и великих свершений, доброта всегда была вещью хорошей и желанной. Э?

Первое. Каждый хотел бы иметь вокруг себя побольше добрых людей. Добрый человек – благо для тебя, с тем и ассоциируется.

Второе. Добрый человек увеличивает твои силы и возможности своей помощью. Еще бы он тебе не нравился.

Третье. Доброта окружающих смягчает их же эгоистичность, противоположностью которой является. Среди стопроцентных эгоистов жить уж вовсе мерзко и непереносимо, ну до костей же обгрызут. Если вовсе никак не вникать в нужды друг друга, так и вообще выжить невозможно. Человек все-таки существо стайное.

Четвертое. С точки зрения уже доброго человека. Через доброту (а она сродни великодушию) человек внутренне самоутверждается: я могу сделать другому то-то и то-то, я могу другого осчастливить, я могу сделать другому то, чего он не может сделать сам, или даже вообще никто не может, – я довольно значительный человек. Мне это приятно, желанно.

Пятое. Я хороший человек. А это не каждому по плечу. Я могу то, что довольно трудно: оторвать от себя и дать другому, это значительный поступок; и ощущения от этого неслабы и приятны, опять же.

Шестое. В человеке, которому я делаю сейчас добро, я люблю это самое добро, и жизнь моя от этого в общем делается богаче и лучше. Недаром же мы обычно лучше относимся к тем, кого благодетельствовали, чем к тем, кто благодетельствовал нас.

Все то же, что всегда: эмоции и поступки, и стремление к ним. Отнять у себя и дать другому – это и отрицательные ощущения потери, и положительные ощущения своей значительности, и поступок как результат и одновременно источник ощущений. Ведь если двое делают что-то каждый для себя – или каждый для другого, – это не одно и то же. Внешний результат один, а внутренний – разный: дать и принять – гораздо больше, чем сделать себе.

Доброта – это распространение «напрямую» своих ощущений, помыслов и действий на других людей, – т. е. все то же самое пресловутое увеличение своей значимости в этом мире.

Доброта – это то, что как бы скрепляет и цементирует отдельных людей в человечество – не на уровне конкретных и реальных связей через поступки и взаимные услуги и их действия (я охочусь – ты варишь, я пашу – ты строишь), а на базовом и исходном уровне ощущений (ты мне, я тебе, мы вместе). В услугах и действиях-то можно ведь и автономии достичь – вот те натуральное хозяйство, и провались все пропадом, как вы мне надоели. Единство человеческой цивилизации организовано не механистически – оно базируется на уровне психологической структуры, к ней восходит.

Понятно ли? Не потому вместе, что иначе не выжить; не потому вместе, что это продуктивнее; но – выживание и дальнейший рост цивилизации сообщества обусловлены и обеспечены, на уровне индивидуальной психологии человеческой особи, способностью самостоятельно и добровольно принимать нужду другого как свою собственную – и испытывать от этого положительные эмоции. Ага.

Остается только пустячок: как же совместить доброту как слабость и доброту как силу, да?

Во-первых, ясно, дело в пропорции: не отдавай другим много, но если вовсе ничего давать не будешь – заплюют, отвернутся, в лес изгонят или убьют в закоулке дворца.

Во-вторых, сила индивидуума не означает силы народа или страны: крутых и сильных сейчас, скажем, в России много, а страна слаба (все всех и гложут).

И в-третьих: чтоб сильные строили свои высотные замки, нужны добрые, чтоб внизу тоже была человеческая жизнь: в пустыне-то замки никому не нужны.

И четвертое: если все будут очень сильными, будет сплошная анархия, резня и развал; для общей силы сообщества излишек индивидуальной силы необходимо сбрасывать, а то котел взорвется и осколки полетят; в ту же доброту, в этом нашем конкретном разговоре, определенный излишек силы и сбрасывается, пускается: кирпичам необходима связка раствором.

А уж блок ты гранитный, кирпич, цемент в растворе или вода для него – это вопрос личностный, кто на что годен, кому что.

Одни делают свое. И они необходимы.

А другие, добрей и попроще, обеспечивают им возможность делать свое, и тоже живут посильно, и часто даже не так плохо, часто даже лучше по-человечески-то, чем эти сильные, многодеятельные и малодобрые. Такие дела.

Добро и зло

В неживой природе есть лишь естественные процессы, идущие по естественным законам, и не имеющие отношения к морали вообще и к добру и злу в частности. Извержение вулкана, рождение и гибель галактики – при чем здесь мораль.

Добро и зло могут существовать лишь для субъекта – в его восприятии, отношении, оценке чего-то: будь то сторонний процесс или объект, конкретное событие или какой-то общий аспект бытия, или же какие-то собственные черты и особенности.

Если извержение вулкана накрывает город – это страшное зло для жителей. А влажная теплая весна и сухая осень – большое добро для крестьян. Если же изъять из этих зон всех людей – плевать тогда на природные катаклизмы и особенности, нет в них ни добра ни зла, природа она природа и есть.

Если изъять из мироздания разумную жизнь (отчасти разумными придется счесть и животных...), то вместе с нею исчезнет добро и зло – ибо какая, в сущности, разница, что и как происходит?.. ну, вспыхивают и гаснут звезды, разлетается и усложняется материя – сплошная физика. Вот одна звезда столкнулась с другой звездой – взрыв ужасный! это что, добро? или зло? для кого-чего, с какой точки зрения? А нет никакой точки зрения.

В неодушевленной природе, никак не воспринимаемой разумным субъектом, добра и зла не больше, чем в учебнике физики, который вдобавок некому читать.

Если попробовать перечислить основные формы добра, получится примерно: справедливость, гуманность, доброта, любовь, счастье, благодарность, богатство, здоровье, радость... Если же к каждому слову прилепить приставку «не», то получатся формы зла.

Обычно принято считать, что добро и зло – категории моральные. На самом деле они шире, выходят за пределы морали. Ум, красота, сила, богатство, слава, удача, – эти понятия (добра) выходят вообще за пределы этики. Добро и зло могут принимать совершенно вещественные формы чемодана с деньгами или пистолета.

Но сами по себе и деньги, и оружие – ничего не значащие предметы. Добро и зло возникают тогда, когда появляется человек, для которого эти деньги и оружие что-то значат. То есть: они могут как-то изменить его жизнь, будь то объективно – построить дворец и убить врага, или субъективно – наслаждаться сознанием возможностей, которые даются деньгами, и перестать бояться врага.

Короче – добро и зло существуют лишь постольку, поскольку они имеют какое-то значение для человека. Добро – это то, что должно быть, для того, чтобы жизнь была хорошей.

А что значит «хорошей»? Это не только чтоб мои личные эгоистические интересы были удовлетворены – но и чтоб всем было хорошо, причем чтобы это было справедливо.

Можно сказать так: Добро – это счастье плюс справедливость. (Ибо нам могут сейчас заметить, что порядочный человек не может быть счастлив, творя несправедливость или просто мирясь с нею, хотя Толстой честно сказал, что «можно зарезать, украсть, и все-таки быть счастливым», но последнее трудно счесть добром; вот мы и ставим знак «плюс».)

Добро – это торжество справедливого счастья.

А теперь просьба перелистнуть разделы «Стремление к счастью» и «Справедливость» – и еще раз понять и повторить себе, что ни счастье, ни справедливость не достижимы «вообще»: они достижимы в конкретных случаях и на какое-то время, но «принципиальное торжество» их невозможно, потому что они – идеал состояния и идеал отношений, а суть идеала в том, что он отстоит от реальности, «работает маяком», диалектически противопоставляется действительности.

Почти любое конкретное добро достижимо, и почти любое конкретное зло можно победить; разумеется. Победить врага, наказать преступника, освободить родину, добиться любви, заработать денег, накачать мышцы и сделать пластическую операцию. И увенчать себя венцом царя природы, если не будет сильно голову жать.

Но. Добро «вообще» – это все то в жизни, что человек полагает хорошим и справедливым. А Зло «вообще» – все в жизни нехорошее и несправедливое. И вот есть в жизни вещи, с которыми ничего нельзя поделаться, а человеку они категорически не нравятся.

В конечном итоге ему нравится жить и не нравится умирать. А поскольку поделаться со смертью ничего все-таки нельзя, то уже по одному этому Зло получается неискоренимо.

В принципе само существование понятий добра и зла говорит лишь о равнодушии человека к миру: что-то ему нравится, хочется, нужно, и в самой общей и абстрактной форме он называет это добром, а что-то не нравится, не хочется, представляется скверным и несправедливым, и он называет это злом.

Из чего следует вечное сосуществование и борьба диалектической пары «добро и зло», обсуждение какового тезиса обычно принимает тупую и раздражающую форму обывательского сюсюканья.

Предположение возможности «окончательной победы Добра» означает, что таки все уже хорошо, нет больше того, с чем нельзя мириться, нет причин для страданий: ну так можно кончать переделывать мир, чего упираться-то помногу. А конфликты будут только между хорошим и лучшим, ага.

«Полная победа Зла» означает то же самое с обратным знаком: просто меняем розовую краску на черную.

Подобный наивный бред мы с чистой совестью оставим тупым массам, которые ничего не в состоянии понимать на абстрактном уровне и поэтому нуждаются в простых готовых формулах, служащих им вместо объяснений на все случаи жизни. Догматы религии и официальной морали как раз являются такими формулами.

Но почему вообще постоянно заходит речь о «силах Добра и Зла», которые борются в мире, причем человек является ареной борьбы этих сил? То есть Добро и Зло абстрагируются, отделяются от человека и выступают самостоятельно, как бы вне сознательных желаний человека.

Во-первых, потому что человек способен творить добро вопреки личным чисто эгоистическим интересам. Значит, делает вывод незатейливый мыслитель, есть какая-то сторонняя сила Добра, которая может захватить, увлечь, подчинить себе человека и побудить его действовать в интересах стороннего, общего, лично ему кровно не-необходимого и даже вредного (жизнь отдать!) Добра.

Во-вторых – и это основательнее и весомее! – человек способен творить зло, хотя при этом понимает, что творит зло, и более того – этого зла, вроде бы, никто особенно не хотел и никому оно необходимо-то не было. Это относится прежде всего к захватническим войнам, без которых захватчик мог прожить неплохо, к разным формам грабежей, когда грабитель не помирал с голода, и вообще к гадостям, которые не диктовались насущными потребностями гадящего. Значит, заключает незатейливый мыслитель, есть отдельная от человека сила Зла.

Так возникают абстрактные понятия, которые при повторении быстро и легко превращаются из понятий в неанализируемые и бессмысленные фетиши, догмы.

Так возникает самое простое и понятное объяснение мира: религиозно-идеалистическая космогония с борьбой сил Добра и Зла, которые могут для пущей понятности и простоты персонифицироваться в Боге и Дьяволе и т. п.

А религия тут хороша и эффективна тем, что выступает в качестве потребной человеку психотерапии. Первое: человек перестает мучиться непонятым – он получил пару этикеток в качестве объяснения и обрел душевное равновесие, снял нервное напряжение и раздражение: о, вот как устроен мир, ясно, логично, я познал, чего мне и требовалось – оказывается, людьми владеют борющиеся силы добра и зла. Второе: теперь человек может свое желание «всего хорошего» реализовывать в какие-то действия – молиться, совершать обряды, накладывая на себя ограничения, побуждать себя к каким-то усилиям: и ему делается легче, увереннее, спокойнее, а то раньше – желание есть, а что делать для добра (удачи, счастья) – непонятно, это нежелательное, дискомфортное состояние, оно ведет к неврозу.

Религия как космогония и психотерапия одновременно.

Философия тоже, кстати.

Познание вообще имеет психотерапевтический аспект: понять, успокоиться, и знать теперь, что можно делать дальше, чтоб получилось в жизни так, как ты хочешь.

Психотерапевтическая функция познанной истины.

Чем же плоха религия? Да нет, для верующих ничем не плоха. Но для тех, кто все желает проверить и пощупать, кто решительно предпочитает вере знание, есть одна закавыка.

Мы и так-то имеем дело не с миром, строго говоря, а так или иначе с нашим представлением о мире. В религиях же, как и в тех философиях, которые принято называть идеалистическими, мы имеем дело даже не с нашим представлением о реальном мире, а с нашим представлением о мире, который есть отражение и порождение другого мира, «Горнего», «Высшего» – т. е. мы имеем дело с нашим представлением лишь об отражении реального мира, главного и первичного мира, который есть мир идей. И этот высший и первичный мир идей непознаваем непосредственно нашими органами чувств. Органы чувств, воспринимая наш мир, воспринимают лишь следствия и отражения высшего мира – а мы посредством интуиции и разума делаем выводы: что же там, за гранью нашего мира, как выглядит то, что и управляет нашим миром.

И вот тут – свобода для фантазий. Философ выбирает те точки в реальном мире, на которых и строит основание своей философской конструкции – которая уходит вверх, в свободу и пустоту «непознаваемого чувствами». Любая философия вполне логична, стройна и закончена. От науки ее отличает то, что хрен ее опытом проверишь и физикой-математикой подтвердишь.

Поэтому и астроном, и физиолог, и психиатр могут быть верующими людьми (см. «Вера и религия»), но когда речь заходит о сфере их компетенции, они только прощающе улыбаются: не дело религии лезть в то, чем занимаются они, здесь они сами с усами.

А поскольку психология и космогония есть два края одной линейки – то в том, что начинается наукой и кончается наукой, нет места религии и идеалистической философии. Мир веры не пересекается с нашим реальным миром. Мир идей – это качественно иной мир, который может существовать только в сознании человека и с точки зрения человека.

Наша же задача – показать человека в связях именно с реальным миром и реальной Вселенной, и понять и объяснить человека именно как естественную, органичную, неотъемлемую часть реального мира, реальной Вселенной. И в этом понимании мы не нуждаемся в искусственных подпорках, условных величинах и спекулятивных умопостроениях религий и идеалистических философий. Человек – он от мира сего, и все его мысли, чувства, поступки – от мира сего.

А в мире сем устройство и функция человека: чувствователь – пониматель – делатель. А понимание включает в себя: осознать, проанализировать, уловить связи и закономерности, причины и следствия, связать с общей картиной мира, сделать выводы для практических действий.

Познавая мир, человек и столкнулся давно с тем, что вроде бы все хотят одного, а получается то и дело другое. Все хотят счастливо жить и в общем представляют себе, как именно. А почему-то, из мелких и частных неистребимых желаний отдельных индивидуумов, получается войны, убийства, разорения и прочее зло.

Потому что Бог и Дьявол, сказали религии.

Потому что борьба идей, сказали философы.

Потому что зов любви, зов смерти, сублимация и замещение эмоций, сказали психоаналитики.

Потому что человек энергоизбыточен и переделывает мир, сказал я.

Добро и Зло означают: человек считает, что вот так должно быть, а вот так не должно быть. Это он считает на уровне своего разума и осознаваемых чувств. И вот все должное по уму и чувствам он в самой общей форме называет Добром, а недолжное – Злом.

Но поскольку он энергоизбыточен и резко неравновесен с окружающим миром – он всегда сочтет что-то недолжным.

Поскольку он энергоизбыточен и принципиально неравновесен с окружающим миром – он принципиально считает недолжным кое-что неотъемлемо присущее этому миру. Он принципиально несогласен кое с чем в этом мире – ибо он вечный переделыватель, в любых условиях и на все времена, пока не уничтожит эту Вселенную и не создаст тем самым следующую.

Этот его инстинкт не контролируется разумом. Сам разум и есть этот инстинкт в его конечном и крайнем (на сегодняшний день) развитии, и призван именно обслуживать, реализовывать этот инстинкт – переделывать мир все активнее и эффективнее.

Но преобразует Вселенную человек не потому, что выполняет долг. Преобразование Вселенной – побочный эффект его деятельности, с точки зрения человека. А действует он в своих интересах и из своих побуждений: голод, любовь, честолюбие, и вообще самореализация и самоутверждение.

(См. Ч. 1, гл. 2, п. п. 3–6.)

И Добро, и Зло имеют своим основанием стремление человека к максимальным ощущениям и максимальным действиям. Стремление это имеет единую природу – инстинкт жизни, принимающий вид инстинкта действия, – а форму добра или зла принимает в зависимости от многих объективных и субъективных обстоятельств: кому что по плечу, какая историческая погода на дворе, каково соотношение рацио и вита в индивидуе, как его воспитывали, куда он попал и т. д.

Человек хочет и делает не то, что он по своему разумению должен был бы хотеть и делать, а то, что ему в результате и в сумме необходимо для получения максимальных ощущений и совершения максимальных действий.

Как созидание и разрушение есть две стороны одной и той же потребности в действиях и изменениях, так добро и зло есть оценочное отношение к одной и той же деятельности человека – мироизменяющей.

Человек разграничивает и противопоставляет добро и зло, как идеал и антиидеал бытия в совокупности его конкретных проявлений по отношению к себе.

Понятно, что и добро и зло коренится в природе человека.

Представление же о добре и зле коренится в несогласии человека с имеющимся миром – и в потребности иметь ориентиры в этом мире: для выживания, познания, сосуществования в общности, уяснении для себя мотивов своих действий и объяснении для себя самих своих желаний, которые разуму могут «не нравиться».

Глава V Любовь зла

Любовь

Любовь!! Волнует кровь!! Кто еще хочет комиссарского тела?!

Что там насчет божественной страсти? Где там библиотеки любовных романов? А как хороши разделы «Любовь» в бесчисленных сборниках афоризмов «В мире мудрых мыслей»! Прочитал – и обогатился. Поразмыслил, оценил... И все равно не стал умнее. То понял, сё понял, многое понял, и все равно ни хрена не понял.

Либо она есть, либо ее нет. Это в конкретном случае.

А вообще – все знают, что она есть, и никто не знает, что это такое. Или еще: все знают, что это такое, но никто не знает, как это сказать. Можно сказать одно, другое, третье, пятое, и все это будет верно, но не полно. Не исчерпывающе. Не всеобъемлюще.

Есть многое на свете, друг Горацио, что часто снится нашим мудрецам, и пробуждаясь ненадолго от грез, они одаряют нас формулировками насчет того, что непостижимы пути слияния сердец.

Хотя практики-эмпирики, профессиональные соблазнитель и многоженцы, по этим путям ходят, как по тротуару возле собственного дома. Легко и беззаботно. Зная все повороты наизусть.

Есть любовь к родине, родителям, деньгам, славе, украшениям, риску, вину, работе, развлечениям и ковырянию в носу. Эти виды любви мы сейчас рассматривать не будем. Равно как и страсть нежную и бесплодную сексуальных меньшинств: мы предоставляем им наслаждаться равноправием и скромно отводим глаза в другую сторону – в необъятную сторону, где громоздятся друг на друге люди нормальные.

Любовь женщины и мужчины интересует нас.

Удивительные вещи происходили вечно по причине ея. Рыцари совершали подвиги во имя Дамы, а Антоний предал войско и потерял полмира и жизнь. Хозе убил Кармен, а Ромео убил себя. Парис похитил Елену – и этим уничтожил свое государство в Троянской войне.

Чем сильнее любовь – тем больше наломано дров. Вечно какие-то препятствия, вечно какие-то страдания, и чем трагичнее страдания – тем более прекрасные и проникновенные песни слагают поэты. Пострадал старик, пострадали пассажиры.

Понятию «любовь» придается какое-то магическое значение. Если человек в личных интересах нарушил государственный долг – он кто? Вообще-то изменник. Нехорошо он поступил. А если из непреодолимой и великой любви нарушил? Тоже, вообще-то, изменник, но у него была уважительная причина, надо его понять, пожалеть, сострадать ему. Такова великая сага о Тристане и Изольде.

То есть: влечение достигает такой силы, что переходит в некое иное качество. И этим все можно оправдать. В крайнем случае можно казнить, если он совершил нечто ужасное – но все равно сила его чувства внушает уважение, симпатию, жалость, зависть. Леди Макбет Мценского уезда.

1. В основе любви лежит половой инстинкт. Это понятно и не заслуживает разъяснений.

2. Любовь обычно выглядит культурной надстройкой на половом инстинкте. Человек не кошка, чтоб просто совокупляться. У него есть речь, обычаи, представления о мире, – и вот он переживает, произносит разные слова о своих чувствах, совершает разные поступки, демонстрируя силу своих чувств. То есть обычно представляется, что тупой и грубый человек, о котором иногда говорится «да это просто животное», не способен к такому высокому

и прекрасному чувству, как любовь, – ему лишь бы похоть удовлетворить. Для любви необходима некая душевная тонкость, духовность, так сказать, что и отличает человека от животного (такова традиционная точка зрения).

3. А есть ли любовь у животных? Один партнер может оберегать другого, помогать в добыче пищи, заботиться при ране или болезни. Это, предположим, можно списать на тот же простой половой инстинкт – забота о появлении и выживании потомства.

Полагаете, любовь у попугаев или кошек не существует? Да? А вот вам элементарный волнистый попугайчик в клетке, тоскует один, бедняга, семечки не клюет и перья теряет. Ветеринар выносит заключение: бабу хочет. Езжай на птичий рынок за самочкой.

Подсаживают в клетку самочку – а он ее не хочет. Не дружит, не покрывает. Меняют самочку. Разборчив жених, эту тоже не хочет. И только следующей начинает перышки поправлять, семечки ей лугать и принимать перед ней обольстительные позы. Понравилась.

Точно так же не всякого кота подпустит мяукающая в течке кошка. Орет, катается, не жрет неделю – а ухажера когтистой лапой по морде! Потребен ей мужик – но всякого первого попавшегося она не хочет. Может и первый понравиться – а может и второго спровадить.

Это любовь или нет? Нет, гневно ответит высокодуховный моралист. Это говорит только об избирательности полового инстинкта. Не с кем попало потомство давать, а с подходящим – а уж насчет подходящести природа диктует и направляет.

Без всякой возможности выбора любая пара кот-кошка в конце концов, не с первого раза, примирятся и начнут делать котят. Так это и о паре людей сказать можно. А есть возможность выбора – выбирают.

Мы имеем избирательное действие инстинкта. Это пока тоже элементарно.

4. Половой инстинкт – это оформление биологической энергии, он направлен на существование и размножение вида. Он совершенно целесообразен.

Да? Сейчас! Общеизвестна масса вариантов в животном мире, которые выглядят вполне «очеловеченным» проявлением любви – это гибель особи, потерявшей партнера. Овдовевший лебедь набирает высоту, складывает крылья и разбивается о землю. То же может сделать и голубь, а может зачахнуть и умереть от тоски. Попугайчик в клетке с собой не покончит, но может впасть в такую меланхолию, что тоже сдохнет. Вот разлученный с подругой волк в зоопарке: есть отказывается, лежит неподвижно, глаза погасшие и шерсть лезет клочьями. И относится это ко многим животным.

В чем тут целесообразность? По логике целесообразности – надо немедленно искать другого партнера, а если его нет – как минимум поддерживать себя в наилучшей физической форме: на случай встречи, увеличивая тем самым шанс возможности размножения, или уж как минимум сохранять себя как полноценную и жизнеспособную особь своего вида. Инстинкт жизни должен повелевать именно это.

Инстинкт размножения может противоречить инстинкту жизни индивидуальной. То есть: инстинкт сохранения вида может доминировать над инстинктом самосохранения. Вид – важнее! Да – но это если жертвовать собой ради потомства.

Мы констатируем такую доминанту полового инстинкта в животном мире, которая выглядит анти-целесообразной: умереть без всякого толка вместо жизни и возможного в будущем размножения.

Как же так?

5. Наблюдаются и другие «нецелесообразные» проявления полового инстинкта у животных. Скажем, гомосексуализм селезней или мартышек. Или кобелек, пытающийся совокупиться с диванной подушкой или вашей ногой. А яснее всего – онанизм высших обезьян.

Животное не шибко рассуждает. Оно хочет. Ему потребны ощущения. В данном случае – доминирует потребность полового удовлетворения.

Дети от этого не рождаются. С точки зрения размножения это нецелесообразно. Но для особи это целесообразно с точки зрения удовлетворения непреодолимой потребности в ощущениях.

6. Целесообразность размножения – через особь являет себя как целесообразность получения половых ощущений.

Животное, при отсутствии «рационального мышления», стремится к этим ощущениям гораздо «прямее», чем человек. Заменить секс ему нечем, оно спортом и бизнесом не занимается и в кино не ходит.

А ощущения эти и потребность в них так сильны, что сильнее некуда. Ведь в основе их – базовый инстинкт жизни всего вида.

7. Поэтому потребность в партнере сильнее потребности жить, в общем, в принципе. Перефразируя старую римскую поговорку: размножаться необходимо, жить не так уж необходимо.

Наличие партнера, постоянная возможность обладания им – для животного есть самый главный момент жизни, более ценный, чем индивидуальное существование. Эта «главность» и «ценность» живут в животном на уровне ощущений: есть партнер – желанно, хорошо, положительно, нет партнера – нежеланно, плохо, отрицательно.

Индивидуум стремится испытывать одно и не испытывать другое.

А что такое пара ощущений «хорошо-плохо»? Это кнут и пряник. «Хорошо» – природа манит к этому ощущению пряником. «Плохо» – гонит кнутом от этого ощущения к противоположному, к «хорошо».

«Хорошо-плохо» – это диалектическая пара, одно определяется через другое и одно не существует без другого. Как бы ты узнал, что это хорошо, если бы никогда не испытывал ничего другого.

«Хорошесть» наличия секса соответствует «плохости» его отсутствия. Способности к этим ощущениям заложены в устройстве центральной нервной системы. И – такая штука – они взаимнеобходимы!

Нет боли – как узнаешь, что необходимо лечиться? Отсутствие понятия «болезнь» влечет за собой и отсутствие понятия «здоровье» – одно определяется через противопоставление другому. Нет голода – как узнаешь, что необходимо насытиться? Не страдаешь от отсутствия секса – как узнаешь, что надо совокупиться?

Нам нужен кнут. Поймите и запомните это хорошо. Через кнут мы ощущаем необходимость пряника. Через избавление от страдания познаем наслаждение и счастье.

Нежелание, избегание, боязнь кнута – есть вечная и обязательная половина потребности в прянике, где вторая половина – положительные стимулы: желание, стремление, радость.

Стремится ли сознание особи к тому, чтобы кнута вовсе не было, чтоб оно о кнутах даже не подозревало? О нет! Оно именно стремится к тому, чтоб кнут был, чтоб было знание о возможности подстегивания, чтоб угроза кнута наличествовала всегда, ибо через степень болезненности кнута постигается степень сладости пряника. Равнозначная равновеликость и взаимообусловленность.

Короче: индивид не мог бы испытывать такую радость от наличия партнера, если бы не мог испытывать такое горе от его отсутствия.

Это своего рода «зеркальный» комплекс «дву-ощущения». Чем больше растет одна половина – тем больше и точно так же растет и другая. Как сила действия и противодействия, как два равных груза на перекинутой через блок веревке.

Вот таким макаром внушает животному инстинкт размножения, что партнер ему важнее жизни. И когда животное чахнет и гибнет без партнера – целесообразность здесь не в наличии-отсутствии механической возможности размножения. Эта целесообразность, повторим еще раз, заложена и являет себя на уровне психологических побудительных мотивов, на

уровне положительных-отрицательных ощущений. А отрицательные ощущения здесь необходимы, потому что без них невозможны положительные.

И вот – нет партнера. Отняли, застрелили, волки съели. Мышка устроена просто, она утешится быстро, ее все хавают, ей надо размножаться любой ценой. Но мозги у всех, даже маленькие, устроены чуток да по-разному. И маленький волнистый попугайчик, куда менее плодовитый, чем мышка, уже может и вовсе не утешиться, и однажды утром будет лежать в клетке лапками кверху. Не говоря о лебеде.

Затухание сенсорной доминанты. Это по-научному. А по-простому – жить больше незачем. Исчезло то, что было самым дорогим в жизни, самым ценным, дороже собственного существования.

Вот вам и «избирательный половой инстинкт». Не так все просто.

Метафора «без любимого не жить» становится простецкой реальностью. *Ценность партнера определялась мощью положительных ощущений. И одновременно – мощью возможных отрицательных ощущений от его отсутствия.* Мощь эта такова, что сбивает нормальное функционирование всей центральной нервной системы. Гибель организма.

Самоубийство лебеда – предельно конкретизированный случай этой общей закономерности для многих существ.

8. А теперь вернемся к людям с их вечной головоломкой «загадочности» любви.

Является ли любовь условием, необходимым для размножения? Отнюдь, скажет каждый, и первые ряды будут состоять из мужчин.

Является ли любовь условием, необходимым для социального института брака и семьи? Тоже нет, повторит эхо, и на этот раз первые ряды будут состоять из женщин.

Кто ж не слышал и не знает, что брак по расчету устойчивее и прочнее брака по любви. Что для брака предпочтительней дружба, похожая на любовь, нежели любовь, похожая на дружбу. Что «брак по любви – белые ночи и черные дни».

Общность взглядов и целей, общность ценностной ориентации, как выражаются социопсихологи, – это главнейшее для долгого и прочного союза. Когда люди здраво и трезво, рассудочно, оценивают и анализируют ситуацию – они вернее создадут устойчивую семью. Ведь характер, ум, привычки, душевные качества – они остаются навсегда в том человеке, с которым живешь. А страсть – искры летят, а приостынет – и что там будет, как будет? Влюбленный не заглядывает в будущее с линейкой и калькулятором, он мечтает, он грезит и верит, а, все устроится, как-нибудь, главное – быть вместе.

Читатели, критики, социопсихологи давно стали задавать идиотскую задачу: все романы о любви кончаются свадьбой, а вы опишите их жизнь через пятнадцать лет – денег мало, он шляется по друзьям, она неряшлива и плохо ведет хозяйство, первый огонь любви остыл, ничего завидного.

А их друзья, женившиеся без такой «ах-любви», живут не хуже них, а, скорее, лучше: без скандалов, без разочарованности, и быт лучше налажен, и карьера успешнее.

Естественно: друзья, вступая в брак по расчету, думали об удобстве его для создания своего дома и рождения детей, для успехов материальных и карьерных. Добыть денег с приданого, обрести родственные связи в верхах и пр. Материальную базу никак со счетов не спишешь. Влюбленным же гони мигом рай в шалаше! И вот любовь прошла, а шалаш остался. А расчетливые друзья во дворце.

И более того, более того! Можно влюбиться в человека, который не в состоянии иметь детей! Сколько на свете влюбленных бездетных пар, стоящих в многолетней очереди на усыновление чужого ребенка! И ведь тот из двоих супругов, который сам не бесплоден, но уже давно осведомлен о бесплодии другого – продолжает любить его, коли брак был по любви, жалеть, заботиться, опекать. А ведь имеет возможность развестись и вступить в другой брак, где будут и дети, и деньги.

А девушки, любящие знаменитых старцев! А те, кто продолжает обихаживать любимых жен или мужей, ставших безнадежными калеками в результате несчастных случаев или болезни!..

Итак, любовь не только не необходима для размножения и брака. Любовь может противоречить самой своей основе, самой своей биологической сущности, на которой она же и базируется, – противоречить деторождению.

9. Хорошо. Любовь – начало чувственное, а не рациональное. И чувство ориентируется не на рациональный прогноз желательных результатов – умом вычислять здоровье будущих детей и материальный достаток семьи. Чувство ориентируется на сумму явных признаков, которые воспринимаются как залог того, что с будущими детьми будет все в порядке. Тогда – в основе лежит сексуальная привлекательность...

Женщина должна быть стройна, красива, с большой грудью и широкими бедрами. Готова качественно выполнить предназначение природы – рожать детей. Мужчина должен быть рослым, мускулистым, с мощными плечами и руками – добытчик и защитник. Он должен быть силен, храбр, энергичен, а также невредно быть умным, – самец первого сорта, преуспеет в жизни, и дети от него будут хороши. Ей желательно быть кроткой, привязчивой, верной, хозяйственной, не давать первому встречному – надежная хранительница семейного очага.

Вот примерно так вульгарный позитивизм рассматривает целесообразность половых признаков и особенностей.

Действительно, на таких особей повышенный спрос, конкуренция претендентов – казалось бы, казалось бы... Тогда все должны любить самых красивых, и никто не должен любить самых некрасивых. И тогда что? Некрасивые вымрут, а красивые размножатся, тем лучше для человечества в целом. Ан на деле этого не происходит.

Некрасивые тоже хотят размножаться, и успешно это делают. Мало того: они тоже любят друг друга, и не слабее красивых. Более того, и что характерно:

Красивая пара – большая редкость. Обычно хорош только один из двоих. И все судачат за спиной: «Такой мужик, да за него любая пойдет, чего он в этой мымре нашел», или: «Да она могла отхватить себе кого угодно, на что ей этот дохляк сдался...»

Если у красивого есть возможность любого выбора, почему он не выбирает неукоснительно себе в партнеры тоже самую красивую? Другие достоинства перевешивают? А если нет там никаких особых достоинств – как чаще всего и бывает?

И почему, наконец, красивые так же часто (если не чаще!) несчастливы в любви, как некрасивые?..

И тогда мудрецы качают головами и говорят о неисповедимости любви.

Но подождем качать головой, чтоб не отвалилась. Она не для того, чтоб ею качать, она для того, чтоб ею думать.

10. Вот добрачная связь: женщина любит мужчину, а он лишь позволяет любить себя, ему с ней неплохо и только. Она красива, сексуальна, умна, порядочна, эта связь ему приятна и льстит и он прекрасно понимает, что она будет прекрасной женой, ну во всех же отношениях устраивает. Но не любит он ее, и все тут. И хочет не очень-то почему-то. И проходит время, и они расстаются, и благополучно живут в браке с другими, и вот годы спустя он вспоминает ее и недоумевает: да почему же он ее не любил? Да ведь она была лучшей женщиной в его жизни. Причем он это и тогда понимал. А вот не тянуло...

А ведь и счастлив бы с ней был, она и в постели была прекрасна, и всем хороша. Да ему явно должно было быть с ней лучше, чем с последующими, и чем с нынешней женой. Вспоминает, мечтает и вздыхает. Ах, хороша. Эх, опять бы. Вот незадача, не хотелось.

Аналогичным образом и женщины отшивают достойных воздыхателей, чтобы потом раздумывать иногда о собственной незадачливости и превратностях любви.

Резюме. В условиях полной свободы выбора человек выбирает («любит») не идеального и не лучшего (и на свой собственный взгляд не лучшего!!!) партнера. И говорит: «Не по хорошу мил, а по милу хорош». И терпит некоторые физические и нравственные недостатки избранника, а у отвергнутого этих недостатков не было.

11. Обыкновенная вещь: она его не любит, а упрекать его не в чем, и ей даже самой как бы неловко, что она его отвергает, и со всей искренностью она говорит: «Ты очень хороший, лучше тебя я никого не знаю, но...» Это «но» означает: всем ты хорош, а вот не люблю. И никого сейчас не люблю. Чего-то не того мне надо. Или второй вариант: а люблю Ваську из соседнего дома, он выглядит во всем хуже тебя, но люди просто не понимают его, а на самом деле он хороший, но я не умею этого объяснить. И рвется за него замуж, и уж он ей покажет супружеское счастье, будет ей и любовница на стороне, и синяк под глаз.

И с тупым Васькой она будет изредка счастлива донельзя, а чаще рыдать будет и участь свою проклинять. Но будет жить. А с тобой, таким хорошим, все будет гладко, но будет подташнивать от твоей хорошестьи, и счастья такого не будет.

В чем же смысл такой любви? Разводят руками мудрецы и бороды себе дергают.

12. Вы думаете, привлекательная и очень темпераментная женщина остановит выбор на мужчине, который в постели обеспечит ей небо в алмазах? Если бы. Чаще она полюбит такого, с которым (о, у него масса своих достоинств, конечно!) она все больше остается сексуально неудовлетворена. И у нее невроз. И она мастурбирует. И наставляет мужу рога. И живет, и любит!! За душу, за деньги? Если бы. Как обычно – неясно за что. Либо она считает его красивым, либо лихим и храбрым, либо благородным и беззащитным, нуждающимся в опеке и ласке, либо непризнанным гением, с видимыми ей недостатками мирится, а видимых ей достоинств не видно никому, кроме нее самой.

А по ней такие орлы сохли! Ау, любовь, где твоя целесообразность?..

13. Вы думаете, мужчина в результате женится на женщине, близкой к его идеалу? Смотри пункт 10. Он почти всегда устроится так, чтоб испытывать дискомфорт от недостатков жены по сравнению с желанными достоинствами женщины, которая могла бы у него быть. Причем не в расслабленных грезах могла бы быть, а и реально запросто и несложно. Или уже была. Это может относиться и к физическим, и к духовным данным избранницы.

Почему ж ты не полюбил другую, балда, не женился на другой? Из двух одно: или она не нравилась (постфактум-то понравилась), или «любовь не получилась». И всегда найдутся причины и объяснения!

14. Подытожим, что у нас пока получилось:

Для размножения любовь необязательна, а бывает вредна.

Для брака любовь необязательна, а бывает вредна.

В любви редко выбирают наилучшего из возможных партнеров.

В любви редко получают то счастье жизни, которого хотят.

15. Любовь зла, полюбишь и козла. В этой народной мудрости дивно отражена нецелесообразность любовного выбора. С другой стороны, гуманисты человеколюбиво утверждают, что каждый человек достоин любви. Они тоже правы, гуманисты, – опыт практики на их стороне.

В большом городе и выбор большой, и можно считать, что твой избранник – один из миллиона. А в деревне – выбор маленький. А замуж надо – семья, хозяйство, как же жить без этого. А парней всех девять человек. Так что, и любить некого? Да нет, конечно, если избранник кажется единственным в мире, а мир состоит из еще восьми его конкурентов – то размер этого мира никакого значения не имеет.

Можно не встретить свою любовь в Москве, и найти ее в геологической партии, скажем, где всех баб три, и все три страшнее пленных румынов, в Москве ты бы на них и не взглянул никогда. Условия, обстоятельства, сотрудничество, узнать человека, и др. и пр.

Сколько Любовей начиналось на пляжах и в турпоходах, на танцах и вечеринках. Ну, условия такие, располагающие. А что, не было бы этого пляжа – и не полюбила бы никогда никого?

В ком живет любовь – в любящем или в любимом? В любящем, да? Дело ведь в субъекте чувства, а не в объекте. Миллион в городе или десять в деревне – выбор условен.

Сколько бывало случаев, когда девушка влюблялась в кого-то заочно, а потом вместо него «подставлялся» не тот, ошибочка происходила, ждала на площади героя, а подклеился проходимец – и бац! получал проходимец всю дозу любви, сначала предназначенную совсем не ему, но когда любовь уже оформилась в чувство к определенному объекту – заменять его поздно, первоначальный избранник опоздал, поезд ушел, место занято.

Объект случаен, выбор произволен, диапазон выбора весьма широк. Успех в любви во многом подпадает под универсальный рецепт успеха – в нужном месте в нужное время. Выбирают из того, кто есть.

Способность к любви, возможность любви – заключается в самом любящем. Есть у человека потребность в таком чувстве, кто ж этого не знает. И чувство ищет объект своего приложения. Оно разума не слушается, у него свои законы, ждать в «законсервированном» состоянии «достойный» объект ему трудно. Невтерпеж! Вот и подворачивается порой черт знает кто.

Размножаться, говорите, пора? Смотри пункт 14.

16. Любовь редко бывает взаимной. Посмотрите по сторонам, послушайте друзей, обратитесь к опыту мировой литературы и истории. Чего тут доказывать, это факт, а не реклама. Вот так она устроена. Чем больше женщину мы любим, тем меньше больше нам она, как удачно выразился классик.

...А взаимная любовь редко бывает счастлива и благополучна. Какие-то препятствия, разлуки, моральные нормы и законы, неодолимые барьеры, свои и чужие дети и родители, приказы начальства и государственные границы.

В чем дело???!!!

17. А теперь вернемся к белым лебедям. И спросим себя, что такое любовь.

Двое хотят быть друг с другом, ласкать друг друга, спать друг с другом, вместе рожать и воспитывать детей, наживать добро, смотреть мир и разговаривать обо всем на свете. Это любовь? Еще нет. Все компоненты наличествуют, но любви тут может и не быть. Взаимное влечение, симпатия, склонность, общность взглядов, естественная потребность иметь свой дом и свою семью, детей, близкого человека. Можно любить ребенка и не любить его отца (или мать). Хотеть переспать, но можно спать и с другой. Хотеть разговаривать, но можно разговаривать и с другим.

А если тебе откажут? Не получилось? Печально, но мир не перевернулся. А заменить кандидата другим можно? Можно, особенно если тот еще и лучше. И вообще в жизни много хорошего и интересного.

Вроде бы любовь и есть – но (это очень важно! принципиально!) человек не выходит за пределы своих индивидуальных, эгоистических нужд и желаний. *Его чувство не выходит за пределы направленности на себя самого.* Его чувство обслуживает интересы его личности. Оно рационально: все, что он хочет, естественно, полезно и приятно. Заботиться о другом приятно, и жертвовать какими-то удовольствиями ради другого нетрудно, это естественно, это входит в общее устройство жизни.

Любовь – это та степень чувства, когда оно достигает нерациональной силы. У человека «съезжает крыша». Он находится как бы в состоянии постоянного аффекта. Очаг возбуждения центральной нервной системы так активен, что становится постоянной психической доминантой. Это совершенно сродни тому, что психиатры называют «синдромом сверхценной идеи» – придумал человек какую-то ерундовину, а возбужден так, будто совершил мировое

открытие, искренне считает так и только ради этого и живет... бедолага. Истинно влюбленный – это параноик, маньяк, что с него взять.

А доминанта центральной нервной системы подчиняет себе и гасит другие очаги. Есть не хочется, пить не хочется, спать не хочется. Отвлечься ничем невозможно. Смотреть кино неинтересно, путешествовать неинтересно, работать и зарабатывать деньги неинтересно, и все помыслы только о своей любви и любимом.

Что с него взять? Сумасшедшего даже суд не казнит, отправить его в камеру на лечение, несчастного.

Никто любимого не заменит, ничего с другим не хочется. Как давно замечено, «влюбленный – самый целомудренный мужчина, ему нужна только одна женщина».

Если все хорошо и благополучно – то любовь от просто удачного взаимосимпатичного союза не отличишь, без любви даже может быть больше расхожей внимательности, ласки и вежливости. А вот если что плохо, то любовь – это там, где летят искры и трясутся стены. «Если ты никогда не будешь меня бить, как же я узнаю, что ты меня любишь?» – простодушно спросила папуаска. Нет, не жлоб-алкаш, который всегда жлоб, а тот, который может заваливать цветами и сдувать пылинки, а вдруг размолвка – и темпераментный итальянец бьет посуду об пол, а голову – об стену, а флегматичный удмурт идет в сарай вешаться.

Самая дежурная характеристика любви: «Я не могу без него/нее жить». И сразу все понятно.

«– А ты можешь ради меня прыгнуть с моста? – Да! – А ты можешь ради меня совершить преступление? – Да!» и т. д.

Ушел бы честный Хозе из солдат в разбойники, если бы не любил Кармен? Убил бы он ее, если бы не любил? Да на фиг бы она ему сдалась, подпоил бы после службы любую девку и завалил на лугу.

Суицид из-за несчастной любви – обычный вариант. Вешаются, стреляются, бросаются с мостов и на рельсы, пьют снотворное, уксусную эссенцию и крысиный яд. Боже!

Убийство из несчастной любви, как правило в ситуации ревности, – чего обычнее. На улице и на кухне, ножом и гантелей, обдуманно и вдруг, – тома уголовной хроники.

Есть в этом чего рационального? Разве что момент избавления от страданий.

А и ничего не делает с собой – может угаснуть безо всякого стороннего вмешательства. Нарушается обмен веществ, снижается иммунитет, не проходит депрессия, человек становится добычей туберкулеза, пневмонии, язва желудка развивается и все что угодно вплоть до инфарктов.

Чувство делается самодовлеющим. Человек из эгоиста превращается в раба своего чувства, обслуживает его, подчиняется ему. Невыразимое блаженство ему наградой, ужасные страдания вплоть до смерти – карой.

Это больше твоих эгоистических интересов. Это больше тебя самого. Любимый для тебя – значительнее и главнее тебя самого.

18. Степень чувства бывает трудно определить через позитивные проявления. Ну, ласки, совместное времяпрепровождение, все хорошо и отлично, но есть и иные радости и ценности. Но через негативные проявления – через страдание, если невозможно быть с любимым, разделить с ним свое чувство, обладать им, – степень чувства определяется очень ясно.

Без страдания человек не мог бы определить, насколько он любит, и любит ли вообще.

Массу примеров может привести себе каждый: когда все было хорошо, он/она не ценил/а то, что было, этому не придавалось особого, сверхценного значения, а как потерял/а, так стало понятно, как много это чувство для человека значит. Ага.

19. Стремясь избавиться от страдания, человек развивает большие душевные усилия, чтобы сделать свою любовь счастливой, разделенной, быть с любимым и обладать им. Работает «кнут». И здесь счастье определяется через свою противоположность, как избавление от стра-

дания. Чем больше страдание – тем больше счастье от него избавиться. (Поэтому «пессимист» Шопенгауэр и полагал счастье вообще категорией негативной: страдание всегда наготове как стимул к любому действию и к исполнению любого желания, а счастье – всего лишь избавление от страдания.)

20. Поэтому многие люди нередко декларируют, или даже действительно стараются, избегать любви – чтобы не подвергать себя вероятным страданиям. «Я больше не хочу страдать», – вот обычный аргумент девушки, которая однажды уже обожглась на несчастной любви.

Но от человека это зависит очень мало. А в конечном итоге – вообще не зависит. Можно волевым усилием подавить в себе хрупкие ростки только-только зарождающейся любви, еще не любви даже, а только ее возможности, которая вырисовывается из первых шагов к сближению. И сожигательствовать с ровным удовольствием, без скандалов и страданий. Пройдет время – и другой человек, в другой ситуации, вызовет у тебя это чувство. А у натур сильных и волевых будет еще хуже: подавляемые эмоции раньше или позже вылезут депрессией, нервным расстройством, физиологическими нарушениями, и страданиями уже на более абстрактную тему: бессмысленность жизни, отсутствие цели, невозможность насытить жизнь положительными эмоциями – короче, в жизни человека не оказывается того самого счастья.

И партнер есть, и деньги, и все благополучно, а мечется человек внутри себя, и все ему плоховато.

Ты не хотел счастья через страдание? Так ты получишь страдание без счастья. С этим делом у природы не заржавеет. Ты что, ее обмануть решил? Балда.

21. Каждая вещь стоит ровно столько, сколько за нее заплачено. Дивный тезис. Как все банальные истины, подтвержден веками.

«А теперь, чтоб любовь разгорелась, создадим им препятствия». (Читайте, читайте Шекспира, вот он понимал жизнь.)

«Разлука гасит слабую любовь и раздувает сильную». Ну, и далее по «Миру мудрых мыслей».

Выражаясь простым языком – страданиями человек платит за счастье любви. Трудности, препятствия, разлуки, вариантов масса.

За все надо платить, без труда не вытащишь рыбку из пруда, любишь кататься люби и саночки возить, и т. д.

«Если тебе нужно что-то – возьми это и уплати положенную цену», – сказал Эмерсон. А за что ты ничего не заплатил – то для тебя ничего не стоит, отозвался народ.

22. *Стремясь к любви – человек стремится к такому чувству счастья, которое всегда способно обернуться страданием.*

23. Почему во всех великих произведениях мировой литературы о любви, любви прекрасной, высокой, непреодолимой, – изображаются всяческие страдания двух влюбленных (реже одного, несчастно влюбленного)? Почему вообще произведения о великой любви тяготеют к жанру трагедии? А если даже «конец хороший» и любящие счастливо соединяются – то перед этим они страдают и терпят всяческие лишения, преодолевая массу препятствий?

А потому что иначе никак не показать силу их любви. Ну милуются, ну заботятся... Когда все хорошо и благополучно, каждый может выглядеть любящим (см. п. 17). А вот когда прищучит покруче, становится видно, кто чего стоит, и каково было чувство на самом деле.

«Вот на что способна любовь, вот какова ее власть и сила», – говорят трагедии и легенды. И плачет публика, и завидует, и мечтает каждый о таком же прекрасном чувстве для себя.

24. Но в мировой литературе страдают от любви всё больше люди, у которых есть на это страдание время и деньги. Или они рыцари, или они дворяне, а если даже и работают – от работы не переламаываются: условные пейзажи среди лугов и венков, наемные служащие с изрядным досугом и гениальные поэты, для которых страдание – просто-таки тема творчества, рабочий материал, так сказать.

Любовь окружена какой-то роскошью, некоторой праздностью, она приподнята над бытом. Знаки проявления любви оттачиваются и изошряются культурой. Наворачиваются всякие ритуалы, манеры, обычаи, груды красивой атрибутики. Цветы, драгоценности, стихи и подвиги. Серенады и поединки.

То есть: чем выше уровень культуры общества, тем больше у влюбленного возможностей выразить свою любовь через внешние проявления. Возникает отдельная культура любви: речи, музыка, вздохи, подарки, прогулки, и несть числа.

Это обычно и позволяет сделать традиционный вывод, что любовь – это сильно «окультуренный» человеком половой инстинкт. И что «любви удостаиваются высокие души». А низкие души женятся по расчету и совокупаются из похоти.

И то сказать, представьте себе двух нищих косноязычных уродов на тряпках в углу – это любовь?! От этого тошнит... Любовь – это бархатный камзол, бездонные глаза и вечная разлука. Вот примерно такой ассоциативный ряд.

И вообще чтобы мечтать и страдать, тоже нужно время. Чтобы испытывать блаженство любви, тоже нужны силы. Загнанной ломовой кляче не до любви, она от отдыха кайфует, и ни о чем больше не мечтает. Это Вертер может страдать и плакать. А если ты по двенадцать часов корячишься в шахте, чтоб прокормить братьев и родителей, тебе мечтать некогда.

Получатся так: с развитием цивилизации жизнь делается безопаснее, сытнее, высвобождается часть времени для досуга, уже не все силы расходуются на физическое выживание среди стихий и хищников, и некоторая часть чувств дополнительно направляется на базовый половой инстинкт. И постепенно «окультуривается».

Опять же получается: половой инстинкт превращается в любовь по мере «окультуривания» человека с развитием цивилизации.

25. В пользу этого говорит и тот известный факт, что тяжелая работа, особенно если она обязательна, отвлекает от страданий любви и уменьшает их. Это знают и прачки, и архитекторы. Тебе плохо, тяжело, нет сил переносить страдание, разлуку, потерю? Меси тесто! Стирай белье! Грузи мешки! Устанешь до изнеможения – станет легче.

Логично: любое действие координируется очагом возбуждения в мозгу, и этот очаг возбуждения «отсасывает» часть возбуждения от доминирующего очага, чувство страдания уменьшается.

Поэтому ложится в постель и угасает от страдания любви тургеневская барышня, Наташа Ростова, дама в замке. А крестьянской девке, страдай не страдай, пахать надобно: скотину затемно напоить-накормить-подоить-в поле выгнать, воды нанести, печь истопить, еду приготовить, белье постирать, к вечеру ноги не носят, ей лежать и угасать некогда. У нее жизнь и без того тяжелая, дела полно.

Она, конечно, страдает тоже, но разве так сильно, как ее барыня?..

26. Так вот, на всю эту «культуру любви» можете наплевать с того этажа, на котором живете; можно с крыши. Ерунда это все, милые. Вы еще не забыли разбившегося лебедя и сдохшего попугая?

Во-первых, человеку естественно хочется ассоциировать любовь с праздником, показывать неординарность, показывать красоту этого чувства. И в культуре, в литературе красота чувства передается через красоту всего, чего касается любовь, чем она сопровождается: прекрасны влюбленные, их лица и одежды, их жилище и их вещи, их слова.

Второе: чем значительнее и заметнее человек, тем и все его чувства заметнее людям и интереснее им. Герой, рыцарь, правитель, как сейчас – политик или кинозвезда, оказываются в центре общественного внимания, его браки-разводы, его постели и страсти через газеты и телевидение входят в мозги масс, на его биографии наживаются издатели. Вот он застрадает, впадет в депрессию – и рухнет его финансовая империя, завалится многомиллионный кинопроект, есть о чем поговорить.

Третье: в страданиях героев персонифицируются страдания всех. Перефразируя газетную шутку-истину: страдания одного – это человеческая трагедия, страдания миллионов – это статистика. Мы помним пятерых повешенных декабристов – где скорбь по сотням расстрелянных солдат, которых вывели под картечь эти горе-переворотчики? Где страдания и смерть десятков тысяч солдат, которых уложили в землю великие триумвиры Цезарь, Помпей и Кресе? Солдаты Плутарху неинтересны... Плач по Ромео и Джульетте – это ведь плач по всем влюбленным мира.

Четвертое: вся мировая культура – это «барская» культура. Умные, образованные, высокодуховные люди почти всегда – почти всегда! – писали о себе подобных. Или о тех, кто выше, потому что любой человек стремится наверх, а не вниз, и ему интересна жизнь верхов, она влечет его к себе, а не жизнь низов. В конце концов, любой литературный герой – это одна из ипостасей самого автора, а автор – он человек, а человек – он ограничен. Косноязычные простяги книг не писали и легенд не слагали. Если они весьма обойдены вниманием мировой культуры, которая предпочитает людей чем-то примечательных и выделяющихся, из этого еще не следует, что они недочеловеки, верно?

И пятое, пятое, пятое! Самоубийства из-за несчастной любви у «простолюдинов» отнюдь не реже аналогичных суицидов у «культурных»! Трех слов увалень связать не может и норовит избранницу за задницу в сарай заволочь... хам. А выдадут ее за другого – он пойдет и повесится. Тупая у девки рожа, и руки мозолистые, и сохнет она по парню неинтересно и молча, без отрыва от производства. А потом наложит на себя руки, побежит и утопится в омуте. Неумение выразить свои чувства еще не означает их отсутствие, верно. Как ей их выразить? Вздыхает, да из рук все валится.

27. Мало кто из людей был занят больше, и работал более напряженно, чем Наполеон в Итальянскую кампанию. Он уже переворачивал мир, и все висело на нем, и все проверял лично, и речь шла о жизни и смерти. И каждый день он писал пылающие любовью письма к Жозефине, томясь разлукой и страдая от ревности! История знаменитая. А вы говорите – занятость... Аспирин, конечно, помогает при головной боли, но туберкулез холодной повязкой на лоб не вылечишь.

Уж пехотинец на передовой работает тяжелее любой скотины. Получает письмо об измене любимой – и начинает откровенно искать смерти в бою. Или вообще стреляется – это на фронте-то! Истории нередкие. Посоветуете ему дрова колоть, чтоб отвлечься?..

Никакие путешествия, приключения, опасности и труды не перешибали в человеке страдания любви. Отвлекали, ослабляли, помогали переносить – но в принципе ничего не меняли.

28. Короче, любовь – это страшная сила; и губительные последствия ее неисчислимы.

Теперь перечитайте пункт 14 и прибавьте к перечню в нем еще несколько положений:

Сила любви определяется через силу страдания.

Сила любви не зависит от степени «культурности» человека.

Страдания любви очень мало поддаются излечению.

Попытка избежать страданий волевым подавлением самой любви ведет к неврозам, т. е. расстройству центральной нервной системы.

Любовь есть гипертрофия полового избирательного чувства сверх разумной индивидуальной целесообразности.

29. Вот с этой целесообразностью у нас пока выходила незадача.

А вы слышали когда-нибудь: «Замуж хочу – дом сворочу»? А о том, что любовь горы переворачивает, тоже слышали?

На что готов влюбленный, чтоб счастливо соединиться с предметом своей любви? На все он готов.

А силы откуда? А найдутся. Все забросит, а соединением с любимым будет так заниматься, что без экскаватора пророем тоннель под Ла-Маншем. Да ему на месте не сидится, не

спится, он расхаживает непрерывно, обмен веществ резко увеличивается и он быстро худеет, иммунитет резко подпрыгивает, никакая хворь его не берет, давно сказали: «Солдаты и влюбленные не болеют» (это если есть надежда, конечно, но в большинстве случаев она есть, смерть одного из двоих или гарантия пожизненной разлуки – это в меньшинстве случаев).

Ресурс энергии организма, как мы знаем, у человека изрядный. В любви мы имеем сильнейшее перевозбуждение центральной нервной системы. Протуберанец нервной энергии! А если получается направить его в мирное русло? На целенаправленное достижение цели?

О, каких только невероятных подвигов не совершали в истории влюбленные! Какие феноменальные возможности человеческого тела и духа демонстрировали!

Способность к страданию – это ресурс прочности брачного союза.

Способность к страданию – это ресурс дополнительной энергии человека, преобразующего окружающий мир «попутно» со стремлением к единению с партнером.

В обыденной жизни любящий подобен вооруженному воину в латах: меч на боку топорщится, копьё занимает руку и задевает люстру, панцирь рвет обивку дивана, а шпоры царапают паркет. Вилку держать в железной рукавице неудобно. Шлем мешает слышать, забрало мешает видеть, чисто слон в посудной лавке, каждое неловкое движение чревато ущербом домашнему хозяйству: чуть что – звон и треск. Но если запахнет угрозой – он во всеоружии, хана врагам, семейный очаг надежно защищен.

На случай опасностей и трудностей – это отлично, а пока все в порядке – только мешает. А что делать?.. Жизнь всегда готова выдать неожиданные гадости, на тишь да гладь природа не рассчитывает.

На поединок? Выйдет против сильнейшего, без любимой все равно не жизнь, любые рассуждения тут побоку. Заслонить собой от опасности? Да за счастье почтет. Спасти из огня, из воды, из пропасти? О чем вы говорите, сам погибнет, но спасет. Да любовь удесятерит силы, он берсеркер, он же одержимый! Деньги необходимы? Заработает, выиграет, найдет, украдет. Он ногтями выроет подкоп из темницы, руками медведя задушит, море переплывет.

Вспомните испытания женихам в мифах и сказках. Победитель делает то, что нормальному человеку просто не по силам. Он готов объявить войну соседнему государству, мечом добыть королевскую корону, стяжать славу и заработать миллион.

Да это тот же естественный отбор. Побеждает сильный. Тот, кто способен развить большую энергию. А энергии у влюбленного – хоть отбавляй.

Соперник сильнее тебя? Ее могущественные родители против? И вообще ты ей не нравишься? Двадцать четыре часа в сутки будет думать влюбленный, как исхитриться и обломать всем рога, как уничтожить соперника, вывести из игры, победить неожиданным приемом. Из кожи вон вылезет. Кроме любви для него ничего не существует.

Желающий лишь удовольствия с партнером – на рожон не поперет, жизнью не рискнет, все на свете не отдаст. На фиг надо, не свет клином сошелся. И проиграет вероятнее.

А в природных, первобытных условиях? В критических ситуациях? Не любящий предпочтет спасти себя. Любящий будет спасать любимого, покуда жив сам.

При любви – к инстинкту размножения подключается весь инстинкт жизни совокупно с инстинктом самосохранения. А без любимого все равно не жить. Хочешь жить сам – делай что угодно, но соединишься с любимым.

«Нецелесообразная» смерть ради любимого – это лишь частный случай совершенно целесообразных усилий по соединению с любимым (вроде как состояние покоя – лишь частный случай равномерного прямолинейного движения).

Все мы – потомки тех, кто умел любить великой любовью. Потому и выжили. И способность к этому чувству сидит в наших генах.

Сражаться с врагами и хищниками, отбивать пещеру и отмахиваться дубиной от конкурентов, гоняться за опасной добычей и спасаться от стихий, выкручиваться из неожиданных

напастей и невероятными порой усилиями обеспечивать выживание семьи – вот к чему должны были быть постоянно готовы наши предки, устроенные точно так же, как мы с вами.

И при равной силе и равном уме выживал тот, чье желание было сильнее. Чья страсть была сильнее. Тот, для кого любовь значила больше.

...Понять явление можно лишь тогда, когда проследишь всю тенденцию до логического завершения, упора, конца, крайнего случая. Так можно понять суть столба электропередач, лишь если дойдешь до электростанции с одного конца и лампочки с другого.

Поставим чистый опыт в крайних условиях. Мужчины отдельно, женщины отдельно. Между их территориями – полоса препятствий, проволока под током, минные поля и ловушки, и везде таблички честно предупреждают: «Стой! Стреляют без предупреждения». И действительно стреляют, суки, погибнуть – пара пустых.

Что делают здравомыслящие? Риск погибнуть велик, и избежать его по условиям задачи невозможно. Здравомыслящие налаживают возможно хорошую жизнь. Жилье, кормежка, досуг. В качестве удовлетворения половой потребности есть гомосексуализм и онанизм. И показывают друг другу трупы на полосе препятствий.

Что делают любящие? Страдают, чахнут, лелеют безумные надежды и вынашивают безумные планы. И лезут преодолевать полосу, потому что шанс ее преодолеть все-таки есть, а здесь они в разлуке со своей любовью жить не в силах. Желание их отчаянно!

И часть из них действительно достигает «территории любви»!

Кто-то бесшабашный и рискованный ползет и без любви. А кто-то любящий, но робкий и трусливый, зачахнет здесь. Но в основном соединятся любящие.

А полос препятствий в жизни до фига... И рядом с каждой всегда найдутся спокойные местечки.

Что ж гонит людей на полосы препятствий? Заманчивость пряника или непереносимость кнута? Если речь идет о том, чтобы преодолеть инстинкт самосохранения? Не в том дело, что пряник сладок, а в том, что без него жить невозможно.

Итак, для преодоления критических ситуаций, для мобилизации всех ресурсов организма, для вернейшего достижения цели – страдание целесообразно.

Это заградотряд с пулеметами позади наступающей цепи: в бою с противником ты можешь победить и уцелеть, но уж при отступлении свои пристрелят наверняка.

30. Другой «чистый опыт» – представим себе абсолютную первобытную анархию. Кто сильнее, тот делает все, что хочет. Гарем красавиц у самого сильного, «средние» подбирают тех, кем тот пренебрег, всем мужчинам женщин не хватает, слабым плохо, да и некрасивые питаются объедками.

Слабый не может занять место сильного. А если слабый полюбил красавицу из гарема сильного? Он думал дни и ночи и придумал, как свалить с горы камень сильному на голову. Или просто побежал с яростью отчаяния драться с сильным, сам изувечился до полусмерти, но и врага отделал, ну его к черту, такого претендента, себе дешевле обойдется, отдам ему одну, у меня еще есть, обойдусь и так неплохо. Или украл ее ночью, заткнул рот, взвалил на плечо и развил такую прыть, что не догнать, свалил за тридевять земель и стал там с ней жить.

В условиях обнаженной дочиста первобытной конкуренции получается так: нет большого желания – остался без бабы и не размножился. А силен не только мышцами и умом: страсть и отчаяние делают сильным.

А баба? А бабе без мужика хана-а, и детям тоже. Защитник и кормилец. Подложи лучший кусок, обереги сон, стереги костер, стань рядом в битве, если туго. Он за тебя и детей постоянно жизнью рискует, все ему отдай и мало будет, чем в лучшей форме сумеешь его содержать – тем вернее семья выживет. А мужик твой хорош, другие-то, безбабные, слабее, хилее, глупее, где им толком семью прокормить или с врагами справиться. А уж и какой достался, береги,

на всех приличных спрос, если что – уже имеющиеся жены зашибут тебя и вон выкинут, им с детьми самим еды еле хватает, чтоб на тебя отделять. Вот в таком примерно духе.

Нет, в условиях первобытной скудости, суровости и конкуренции целесообразность любви с ее ресурсом энергии и кнутом-страданием понять вполне можно. И самоотверженность ее понятна. Будь спокоен, любимый, будем вместе, выживем, прорвемся любой ценой, я не дам тебя в обиду, раньше сдохну.

31. «Чистый опыт» номер три. Один мужчина плюс одна женщина среди бескрайней и далеко не всегда приветливой природы. Для продолжения рода нужны двое. С точки зрения целесообразности природы тут единица равняется нулю. Если остался один – хоть тебя вообще не будь, природе уже все равно. И – «или выживем вместе, или не выживет никто».

За собственную жизнь борешься всем инстинктом самосохранения. За жизнь другого – инстинкт самосохранения прибавляется к инстинкту размножения.

32. «Куда же девается любовь?» в длительном благополучном супружестве, которому ничего не грозит – вот один из вечных вопросов. А уже нечего добиваться, нечего познавать и нечего хотеть. Семья создана, дело сделано, сверхнапряжения некуда прикладывать, да и поводов для них нет. Отсюда сентенция «Привычка убивает счастье».

33. В счастливом, благополучном, спокойном браке любовь (если она есть) живет как бы в «законсервированном» состоянии – оружие разряжено, смазано и спрятано в сейф. Но чуть что – малейший повод к обиде, сомнению, подозрению не в неверности даже, а только в возможности неверности – оружие вылетает на свет и затвор щелкает: у любящего начинаются бурные переживания и страдания. Любящий мнителен, воображение его гипертрофировано, он обидчив до невероятности, он из всего норовит устроить мелкую сиюминутную трагедию и скандал.

«Они любили друг друга так сильно, что частые размолвки между ними были неизбежны», – сказал мудрый Стендаль.

Жить в браке по большой любви психологически весьма трудно, а иногда просто невозможно: страсть требует выхода, а никаких позитивных выходов и целей уже нет. И двое изводят друг друга бесконечными и мучительными придирками, претензиями и сомнениями. Обычная причина размолвки любящих – просто потребность поскандалить и пострадать. О, вдвоем против целого мира, в борьбе с окружающими стихиями и врагами они бы выстояли и были счастливы вдвоем, а так что делать? Куда энергию любви девать, если все в порядке?

Размолвка, скандал – это малый предохранительный клапан для сброса излишка энергии (страсти).

Некоторое взаимное охлаждение, успокоение, уменьшение страсти в браке – это просто-таки защитная реакция организма. Во-первых, он не может долго и сколько-то нормально функционировать в состоянии любовного аффекта. Во-вторых, сколько-то долгий и прочный брак с воспитанием детей и т. п. также невозможен на перегретом котле воспаленной страсти и распаленного воображения.

34. И наконец, наконец, наконец, после всех этих многочисленных выкладок, рассуждений и анализов мы подъехали к тем двум главным вопросам, которые так волнуют в свое время всех нормальных людей:

Почему любовь так редко бывает взаимна?

Почему любовь вообще так редко бывает счастлива?

Ответ: потому что любовь есть степень чувства, превосходящая эгоистическую меру, за которой наслаждение переходит в свою диалектическую противоположность – страдание.

Ответ: потому что любовь и познается через страдание.

Ответ: потому что любовь – это желание такой силы, что неудовлетворение его есть страдание (вплоть до смерти).

Ответ: потому что любовь – это инстинкт размножения, превосходящий инстинкт самосохранения.

Ответ: потому что любовь – это чувство такой силы, которое способно преодолеть любые препятствия, даже ценой жизни, причем преодоление их сулит наслаждение, а непреодоление гарантирует страдания.

Ответ: потому что любовь – это наслаждение такой силы, что любое нарушение его есть страдание.

Ответ: потому что любое желание порождает страдание при невозможности его удовлетворить, и чем сильнее желание – тем сильнее и страдание.

Ответ: потому что стремясь к любви, мы стремимся к наслаждению такой силы, любое неполучение которого есть страдание.

Ответ: потому что наслаждение и страдание любви диалектически неразрывны, одно суть продолжение другого.

Ответ: потому что любовь – это та главная ценность жизни, потеря которой не возмещается ничем.

Вся эта страница с десятком ответов – по сути один и тот же ответ, выраженный чуть разными способами. Полезно это только с точки зрения пущей обстоятельности и вразумительности.

35. Совет философов. Это советовал и Будда, и древние греки, и Шопенгауэр. Да, говорили они, желание всегда как-то трудно толком удовлетворить, а неудовлетворенное желание – это страдание. А счастье – это, собственно, частный случай страдания: ты удовлетворил желание, пока удовлетворяешь – счастлив, а потом – и страдания нет, и желания нет, из-за чего был сыр-бор?.. Отдохнул – и тут же возникло другое желание, и все по новой. Страдать и добиваться – трудно и долго, а удовлетворить и быть счастливым – это ненадолго. Получается, что желания и страдание возникают сами собой, а счастье – просто в том, чтобы избавиться от страдания путем удовлетворения желания. Итак, счастье – это, строго говоря, избавление от страдания.

Но ведь можно избавиться от страданий, и, значит, быть счастливым, другим и простым путем – а избавиться от желаний с самого начала. Нет желания – нет страдания – вот и счастье безо всяких хлопот. Сведем желания к минимуму: кроха еды, рубашка, навес от дождя, жив – и хватит: желаний нет, страданий от их неудовлетворения нет, вот и то самое счастье. А половой инстинкт надо изжить, погасить: аскеза, пост, молитвы, физические упражнения. И ничто тебе не страшно, и ничто не заставит тебя страдать.

Логично. И случаев таких полно. Съездите в Индию, съездите на Тибет. Да и приличный христианский монах недалеко от такого мировоззрения.

Накладочка только в том, что таким образом на протяжении жизни одного поколения человечество вымрет, вместе со своими страданиями, разумеется. А вымирание человечества в задачи природы никак не входит.

Этот советик *противоречит энергетической эволюции Вселенной*. На минуточку.

Аргументов тут много, но совет людям бросить совокупляться вызывает здоровый смех аудитории. Это, значит, для того тебя предки на свет произвели, чтоб ты понял, что лучше б они этого не делали, а вымерли еще сорок тысяч лет назад? Съемка окончена, всем спасибо.

Мы нормальные люди, и оскопляться не хотим. Мы хотим любить и быть счастливы. И ждем от вас советов, как быть счастливыми, а не как вымереть. Нас интересует в частности, как быть счастливым в любви, а не счастливым без любви.

Мы даже согласны, что любви без страданий не бывает. Мы это знаем. Мы уже согласны и пострадать, но по возможности не очень сильно, не до смерти.

Так объясните нам, раз взялись, почему страданий в любви много, а счастья бывает так мало? Почему диспропорция такая? Ну было бы хоть пополам как-то.

Вы говорите, что наслаждение и страдание – суть одно и то же, в смысле одно переходит в другое и одно обусловлено другим. Ладно, можно понять и это. Но почему страдание без счастья встречается сколько угодно, а счастье без страдания – огромная редкость, если вообще встречается?

Ведь любовь должна бы быть взаимна если не в 50 % случаев, то хотя бы, ну, в 30 %, что ли, если следовать той логике, что счастье переходит в несчастье и прочее. Страдание подгоняет к наслаждению – ладно, понятно, – но почему так долго гонит и редко пригоняет?

36. Человек получает счастье и страдание «в одном флаконе». «В пакете». Он стремится к чувству, которое включает в себя и счастье, и страдание. Одного он хочет, другого он не хочет. Но стремясь к одному, он тем самым одновременно стремится и к другому. К счастью он стремится сознательно. К страданию он стремится подсознательно, бессознательно, иррационально, называйте как хотите, это неважно.

Он способен испытывать страдание? Так уже поэтому будет страдать! Реализация имеющейся способности – это уже жизненная потребность сама по себе. Его центральной нервной системе нужны сильные ощущения – и положительные, и отрицательные!

Влюбленному дороги его страдания! Понимаете? Он «не хочет» их, но вовсе выкинуть не согласен, в воспоминаниях они ему дороги, он находит в них отраду, черт возьми.

Любящий страдает потому, что это ему тоже нужно.

37. Но ведь страдания – не самоцель? Ладно, пострадал, подбивался, но ведь надо и добиться наконец, и счастливым побыть с любимым. А что за смысл страдать по неразделенной любви всю жизнь? Что за смысл всю жизнь прожить отдельно от любимой, скрывать чувства, перебирать бедные минуты свиданий?

Поехали.

Страдание – это неисполненное желание.

А как оно исполнится – это уже не желание.

А желания владеют человеком всю жизнь!

Еще раз, еще раз, еще раз, вспомним, вспомним, вспомним, что человек устроен с избыточным энергетическим балансом; что ему всегда всего мало; что функция его природная – передельватель мира, и он всегда хочет не то, что есть, всегда ему нужно сделать иначе, чем уже есть; это неравновесие человека с окружающим миром и есть суть эволюции, прогресса, истории: еще, еще, еще! больше, больше, больше!

Из этого следует, что неудовлетворенность – нормальное, дежурное, естественное состояние человека – «человека передельвающего», «человека изменяющего» (каким он и является в первую очередь, а «человек разумный» по отношению к «человеку передельвающему» находится в положении подчиненном, служебном, разум обслуживает передельвание, но ни в коем случае передельвание не обусловлено разумом, это принципиально, это предельно важно понимать: разум есть орудие, форма, способ передельвания мира человеком, а в основе разума лежит не безжизненная «способность понимать», а избыточный энергетический баланс центральной нервной системы, избыток энергии человека как такового, избыток энергии заставляет человека все делать и передельвать, это приказ природы, а разум только обслуживает этот приказ, разум сам по себе велит лежать и ни фига не делать, самозерцаться).

Человеку нужно не то, что у него есть. Человеку нужно то, чего у него нет. Что бы ни имел – ему нужно другое, иначе, не то, еще. Вот вам и страдание.

На уровне ощущений – есть потребность в таком ощущении.

На уровне действия в мире – это психологический аспект передельвания мира человеком.

38. В экстремальных условиях любящий, подгоняемый кнутом страдания, ради избавления от него и достижения наслаждения с любимым свернет горы, осушит пустыню, переплывет океан, победит всех врагов.

Человек создан с огромным ресурсом энергии на случай преодоления и выживания в самых экстремальных ситуациях. Человек создан с гораздо большим энергетическим запасом, чем любое другое существо, в чем и отличие его.

Любовь, инстинкт размножения, ценность № 1, обладает гигантским энергетическим ресурсом – на случай любых катаклизмов.

А что делать с этим ресурсом в обыденной и безопасной цивилизованной жизни????!!

39. Вот она, вот она простая истина:

Человек сам, добровольно, создает себе такой вариант любви, чтобы страдать.

40. Все обстоятельства, которыми он оправдывается, все аргументы, которые выставляет, – вранье. Всегда можно полюбить другого, всегда можно поступить иначе, всегда можно чем-то пожертвовать – если смотреть со стороны и оценивать ситуацию рассудочно. Пожимая плечами, мы говорим: «Любовь!..» – и это означает, что рассудок тут ни при чем, тут имеется страсть и потребность. А это потребность устроить себе именно такую жизнь, как вышла, будьте спокойны!

Кто заставлял? Только природа. И только потребность ощущать то, что он и стал ощущать. А уж обстоятельства он подтасует, за уши подтащит, не сомневайтесь.

41. Так что, человек создан для страдания? Старая песня...

Нет!

Э? Для счастья?

Тоже нет!

Человек создан *для всего*. И будет счастлив, и будет страдать, и с удивлением обнаружит ценность и отраду в своем страдании, и будет клясть свою жизнь, и все равно не захочет умирать.

И придерживался всегда примерно такого взгляда: жизнь плоха и тяжела, потому что я легко представляю себе жизнь легче и лучше, и хочу ее, и жаль, что она не легче и не лучше; но жизнь хороша, потому что в ней есть то-то и то-то, и самое главное, что она вообще есть, это так здорово, ведь меня могло не быть.

Страдать плохо. Но зато даже просто мечтать о любимой – это так хорошо!..

42. Умение быть любимым сводится всегда к полутора крайне простым и известным вещам:

Умей заставить другого страдать.

Умей казаться другому значительным. Этот второй пункт можно считать за пол-пункта: если любит, всегда найдет в тебе значительность, которую ты и сам не подозревал; но вначале надо же привлечь внимание и дать пищу воображению – мол, да, герой, достоин, можно открывать шлюзы чувств и обращать их на избранника.

Разумеется, есть много путей привлекать и привязывать к себе избранника позитивными ценностями: физическое наслаждение, удовлетворение тщеславия, подарки и путешествия, комплименты и внимание, «класть мир к ногам» и давать всячески почувствовать избраннице (избраннику) ее ценность и значительность – о, как человек ценит того, кто дает ему ощущение и сознание его значительности и всемогущества, как привязывается к тому, с кем делается крупной и влиятельной личностью, – поэтому женщины так сходят с ума в романах с ухарями-миллионерами, мировыми плэйбоями с их огромными материальными возможностями, – не за то их любят, что башлями осыпаны, а за то, что он делает ее царицей мира, он делает ее жизнь чудесной, и эти радостные чудеса перемешиваются с любовью, принимаются за нее, переплавляются с ней (трезветь, страдать, принимать яд и разводиться она будет уже потом). Поэтому мужчина так любит милую и кроткую, для которой он – гений, бог и герой в одном лице.

Но все это – ничто, если при этом ты не можешь дать ей страдание – так или иначе, вольно или невольно, через потерю всего или только угрозу этого в ее мыслях, ревность или

пренебрежение и т. п. Она может жить с тобой из жажды благ, из дружбы и благодарности, симпатии и сексуального наслаждения – но любить будет того, кто даст ей страдание, даже если не уйдет к нему.

Ей (или ему, без разницы) потребно страдать, ибо такова суть любви и суть человека.

43. Вот поэтому любовь так редко бывает взаимна. Для этого нужен темперамент специальный и предшествующий опыт жизни особенный. Если оба раньше уже сильно «пострадали» и очень боятся потерять друг друга (хорошо помнят «кнут»). Если характеры достаточно вялы и люди склонны удовлетворяться в жизни тем немногим, что имеют (в житейском смысле). Если по врожденности натуры дают друг другу в общем ровно столько поводов для страданий, что и температура чувств поддерживается, и перегрева нет, разбежаться нет желания.

Но, как давно вздыхали умудренные опытом знатоки, даже в счастливом браке любит только один, а другой только позволяет любить себя. Короче, из двоих всегда (почти совсем всегда) один любит больше.

Значица. Для любящего невыносимо, больно, противоестественно, нежелательно доставлять страдание любимому. (Я употребляю оба слова в одном роде не из намека или приверженности к однополю любви, а исключительно из равноправия двух полов перед лицом страсти. Мужчины и женщины равно несчастливы насчет взаимной любви, в смысле равно редко счастливы.) Любимый дороже себя самого. Его желание, счастье, защищенность от всех опасностей мира – первейшее желание любящего.

Вот тут-то он и вдевается, как бабочка на булавку. Любимый ощущает полную власть над любящим. Может дать счастье, может дать горе, может заставить сделать что угодно. А где мое страдание? что хочешь – всегда будешь иметь... чего желать?! спокойствие, скука, уверенность в обладании и благополучии отношений... как тут любить?.. Если война, разлука, страх потери, опасная болезнь, случайная ревность – о, страдание есть, чувство раздувается.

Эгоист, эгоцентрик, самолюбивый гордец – о, это страдание даст. О расчетливом оболстителе говорить не приходится.

Но чем сильнее ты любишь, чем больше свет клином сошелся на единственном в мире человеке, тем больше ты теряешь голову, тем настойчивее вручаешь любимому поводок от твоего ошейника. А ему самому потребно зависеть от другого! А здесь вся твоя жизнь зависит от манования его мизинца. Да ему больше нечего хотеть от тебя!!! А ему потребно такое чувство, чтоб он вечно недополучал того, чего хочет – чтоб любовь его воспринималась и ощущалась безграничной, чтоб жажда была неутолимой даже при бесконечном питье – вот что такое любовь, черт возьми!

Брак полезен для успокоения чувственности, для успокоения любви он бесполезен, сказал мудрый японец Акутагава. Ты можешь постоянно обладать любимым, но если любовь твоя в равной мере не разделена – нет тебе покоя, нет избавления от страдания, и недолгие миги блаженства обладания еще больше оттеняют страдание в остальное время.

В период сближения, в начальный период двое могут стремиться друг к другу с равной силой – но вот разделенная страсть постепенно уменьшает накал, и один ощущает (получает, берет) большую власть над другим. И – начинается процесс перетекания власти от более любящего к менее любящему, все полнее и полнее.

Ты можешь бросить, уйти, жениться на другой, убить – наплевать: любимая отлично знает, что в ее власти поманить тебя и получить в любой миг, ибо чем сильнее ты любишь – тем менее можешь противиться ее зову.

Не было в мире романа о любви лучшего, чем «Красное и черное»; тем и славен. Его можно было бы воткнуть в эту главу целиком, пересказывать бессмысленно. Безумно любя, он безумно страдает, ибо разумом давит свое чувство настолько, насколько необходимо, чтобы заставить ее страдать – иначе она не будет любить его. Но другая, любимая прежде, любила его открыто и беззаветно – почему он разлюбил, ушел?.. И эта невозможность счастья без

страдания разрушает его, ведет к убийству и самоубийству. Читайте, перечитывайте Стендаля, это был великий гений любви!

А вы тысячелетиями удивляетесь, почему любовь так редко бывает взаимна. Да потому что человек, энергоизбыточное существо, переделыватель Вселенной, *никогда* не удовлетворяется тем, что уже имеет. И всегда стремится к тому, чего еще не имеет. В этом состоянии вечной неудовлетворенности – его вселенская, биологическая, физическая, психологическая, человеческая и философская суть.

Человек стремится к такому состоянию. Выше, больше, иначе, еще.

Десять мужчин складываются в штабель у ног женщины – и она выбирает одиннадцатого, который стоит и смотрит в другую сторону. Можете говорить о гордости, самолюбии, любопытстве – все это мелочи, частности, промежуточные понятия. Ей нужно не то, что есть.

«Чистый опыт»: О, как он страдает, как он любит. И вот – чудо! – она падает ему в ноги и молит в слезах: милый, я вся твоя, делай что хочешь с верной рабой, только будь счастлив. О, какое счастье. День счастье, год счастье, гарантия абсолютного счастья дана пожизненно. И этот говнюк через пять лет трахнет случайную знакомую, да еще и увлечется ею!!! Да как же, с любимой-то все в порядке, куда она денется, а жизнь всего одна, и полна разных разностей и удовольствий, и всего хочется отведать, жаль же умереть не отведав, да и вообще, не слишком ли он погорячился, женившись на ней, на него и другие красивые бабы смотрят... а хочется всего, разного, еще. Да... а когда подышал от любви – так ничего больше не хотел... животное. Чо уж так – животное; человек есмь.

Надо ли еще формулировать в заключение? Или достаточно перечитать пункты 34, 36, 37, 39.

44. И вот почему в наше время, отнюдь не дикое и не первобытное, что бы ни выплакивали пессимисты, так много долгих и даже пожизненных любовных связей в стороне от брака.

Имеются в виду не мимолетные и ни к чему не обязывающие сексуальные контакты – а отношения серьезные, длительные, глубокие, с переживаниями, с редким счастьем и постоянным некоторым страданием.

Юность тут рубанет с прямой Ивана Грозного: «Любишь? Так женись!» Нет... – жена, муж, дети, родители, квартира, карьера, его или ее здоровье/нездоровье... вздыхают и объясняют: «Жизнь!» И друзья/подруги кивают сочувственно: «Жизнь». Обмениваются паролем, понимаешь.

Слушайте. Из любви люди жертвовали короной, честным именем, родиной, всем! Значит, у наших любовничков не любовь, а так – связишка?.. Ну, если моногамность-монотонность брака приелась и покувыркаться всласть охота – да, тогда понятно. А если трогательно заботятся друг о друге, переживают, жалуется, расцветают при встрече, плачут от тоски, что не вместе – и счастье, и страдание, и все признаки любви. Но – не очень сильной. Не насмерть. Но любви. Той, которой в собственной семье уже нет. Но – дети, работа, (см. выше).

Вот вам любовь. По классике – не шибко счастливая. Возлюбленные не вместе. Разлучены суровой судьбой и прозой жизни.

А кто им мешает развестись с прежними и жениться?! Но – дети, родственники, (см. выше).

Они имеют то, что им надо. Только и всего. В семейной жизни им не хватает соли, перчику, патоки и прочих горько-сладких приправ. Если они поженятся – будет точно то же самое, только уже с другими партнерами. Не сразу. Через время. А может быть, и не будет. Но тогда им будет этого не хватать. И поэтому они трогательно обнимаются в гостиницах и чужих квартирах и говорят о своей любви. И жизнь их от этого полнее и счастливее – через получение своей умеренной дозы страдания они получают свою умеренную, но очень желательную дозу счастья.

Их можно было бы назвать малодушными недоделками, но... человеческое, очень человеческое... не у всех же хватает решительности на сколько-то крупные поступки.

45. А если разведутся и соединятся? Развод и брак сейчас – дело недолгое и обычное, акт гражданского состояния, только и всего. Реальных примеров – тьма, уж в мире звезд кино и эстрады – это просто норма жизни.

В реальной жизни и наблюдаем: раз брак, два брак, три брак... кой черт суетиться, если результат один. Вот уже люди делают конкретные шаги, чтоб их любовь была счастливой. А все равно... то им оказывается, что любовь не та, то – ошибочка произошла, то – «я повзрослела и переросла его», то еще что-нибудь.

46. Счастливая любовь да, бывает, но редко, зато говорят о ней много – так, в мире мало миллионеров, но много разговоров о них, и все хотели бы мультон. Да кишка тонка.

И счастливая любовь не бывает идеальной, разумеется, – идеальной ее делают молва, легенда и биографы.

Кто хочет все, тот не получает ничего, – в любви счастливы скорее люди умеренных требований, нежели максималисты-идеалисты.

Как же быть счастливым в любви?

Вот вопрос вопросов.

Это ошибочный вопрос. Это ошибочный подход к предмету.

Ты никак не можешь изменить количество и соотношение счастья и страдания в любви своей жизни – это сидит внутри тебя. (Когда годам к 12 ты сможешь сам влиять на формирование своей личности – ее формирование в основе будет уже закончено; а воспитание детей так, чтобы они были потом счастливы – это разговор отдельный.) Под этим вопросом понимают обычно: как прожить жизнь с тем, кого любишь, – или, подойдя с другого конца, как любить того, с кем проживаешь свою жизнь. А это уже вопрос характера, такта, терпимости, доброты, мудрости, силы, заботливости и т. д. Свою долю страдания и счастья ты получишь все равно, как ни исхитришься.

Как добиться любимого человека – это вопрос тактики, техники, хитрости, ума, самообладания; вопрос отдельный. Тому посвящены массы романов, пособий и брошюр. (Я ничего не могу добавить к существу предмета, кроме того, что когда-то писал в рассказе «Разбиватель сердец» и той главе «Звягина», которая называется «Любит – не любит».)

Как быть счастливым в постели – этот вопрос сейчас в моде и фаворе, книжные полки ломятся (причем все больше от видеокассет). Техника секса – важная, но только частность.

Как находить во всем – и в человеке, и в явлении, – хорошую сторону, – этим усердно и иногда не без успеха занимаются психологи и психоаналитики (хотя всегда знали умудренные опытом мамки-сваты и батьки-ходоки).

«Ошибок» в любви не существует: она есть то, что есть, и рациональному подходу принципиально не поддается. (Хотя в какой-то мере корректируется.) Ты неизменно и неукоснительно напарываешься на то, за что боролся.

Философский подход «будь счастлив тем, что имеешь» обычным людям помогает очень мало.

Любовь – это не синоним счастья, это счастье и страдание в одном флаконе. Господь терпел, и нам велел. А что же делать, потому что надо! «Нет у меня для вас другой любви», – поморщился Всевышний.

Держись, понимаешь.

Ревность

«Жестока, как ад, ревность», – пожаловался Соломон, и через некоторое время Отелло задушил Дездемону, Хозе зарезал Кармен, а Российский уголовный кодекс признал ревность смягчающим обстоятельством при убийстве.

Мужу улюлюкать бабу, конечно, легче – он здоровее и агрессивнее. Привычка к оружию, опять же. Но она берет сообразительностью: грибками с кашей угостить, толченую лампочку в котлетку подсыпать, крысобою в вино капнуть. А также удобно у спящего отхватить тот торчащий орган, единоличное обладание которым и представляется ревнующей стороне справедливой целью.

С ревностью тоже не все ясно народу. В эпоху всеобщей социалистической ясности ее попытались просто объявить «буржуазным предрассудком» и «отрыжкой собственности». Привык буржуй к собственности, вот ему и отрыгивается. У нас свобода. Каждый свободен распоряжаться собой по собственному усмотрению. Она с другим? И ты иди к другой. Две счастливые пары лучше одной несчастной.

«Какое ж вы имели право убивать?!» – надрывается судья. «Не имел», – соглашается убийца. «Но вы понимали, что ее не будет, а вас казнят?!» – «А как же». – «Но ведь всем же хуже, и вам тоже!» – «А как же».

Из установившейся потребности неукоснительно расковыривать исследуемый предмет до конца, чтобы понять, что у этой игрушки внутри и как она действует, мы попытаемся рассортировать варианты ревности по разным полочкам. Для простоты рассмотрения возьмем в качестве ревнующей стороны мужчину – он активнее дергается.

1. Он жлоб, невнимательный эгоист, ей от этого обидно и плоховато, и она дает ему повод к ревности. Он взвизгивает, бьет головой об стенку, чашкой об пол, кочергой об жену, кочерга сгибается, жена не сгибается, прямо разъяряет ему, что он (см. выше) жлоб и невнимательный эгоист. Выпив, опохмелившись и уйдя на работу, он соображает, что можно вечером добить жену, но вообще жалко; можно достать и добить соперника, но тот сам может тебя добить, и вообще может тогда вся жизнь рухнуть; можно выгнать ее, можно уйти самому, но лучше всего – это чтоб все было хорошо. Может, он и правда (см. выше) жлоб и невнимательный эгоист? Саня, одолжи двадцатку. Муж бреется, гладит брюки, покупает жене цветы и билеты в театр, и пока она радуется улучшению своей жизни, он кается и убирает квартиру. Это самый мирный вариант ревности, плодотворный вариант, можно даже сказать. Такая ревность нам нужна. Такое чувство целесообразно.

2. Соперника надо отвадить. Встретить, пугнуть, набить морду, пусть держится от нее подальше, понял?! Он здоровый, сам тебе ноги переломает. Гм... Найти ребят, можно им и заплатить, пусть ему сделают козью морду на пару месяцев больницы. В идеале надо соперника убить, это самое лучшее и верное – и так, чтоб никто тебя и не заподозрил. Это, может, против закона и даже против морали, зато очень хорошо.

Если этот вариант проходит – такая ревность тоже целесообразна. Ты устранил препятствие к постоянному единению с партнером. Молодец, возьми себе с полки пирожок.

Номер первый и номер второй – это, так сказать, позитивные случаи. Ревность побуждает изменить жизнь так, чтоб быть вместе с любимой.

3. Он вообще очень ревнив, а она вообще очень кокетлива, хотя без ничего такого. Жить невозможно. Скандалы, упреки, подозрения, дерганья, сил нет. А вдруг там чего у нее и есть? Нет, пока дров не наломали – надо разбежаться. Ну, не сошлись характерами. А если б она вправду изменила, а он ее убил? черт их знает... Тут ревность – это частный случай неподходящих людей друг другу. Тут все к лучшему, быть может...

4. Любит, ревнует, убил соперника в открытую. Она его проклинает, суд его приговаривает, всем хуже. Где логика?! Хорошо, тут можно списать на атавизм, схватка самцов за самку, здоровое соперничество на уровне инстинктов. Не смог владеть собой, слишком сильное чувство. Целесообразность проглядывается, в условно-первобытном обществе он был бы в выигрыше.

5. Любит, ревнует, хочет убить соперника в открытую, ну вроде вызывает на поединок, хотя понимает, что тот здоровее. И погибает сам. А здесь где логика?.. Ладно, это тоже можно списать на атавизм и первобытный инстинкт – сильное чувство, уже не до рассуждений, конкурентов не потерплю, с таким страданием жить не в силах, или сам сдохну, или его боги помогут уничтожить... ну, не помогли.

6. Любит, ревнует, мучится, сил нет, убивает ее. Вопрос решается по методу товарища Сталина: «Нет человека – нет проблемы». Тут где изволите найти логику и целесообразность? Тут человек, решаясь на поступок, отлично понимает, что никакого счастья больше быть не может.

(Честь, требования общества и морали, насмешки окружающих – это мы все оставляем в стороне, за скобками, не привносим и не рассматриваем, учитываем и берем только ревность в «чистом» виде.)

6-а). Убил, скрыл, отдохнул от страданий, живет спокойно без раскаяния. Убрал источник сильных отрицательных, нежелательных ощущений. По крайней мере, понятно. А разве не лучше было выгнать ее в чем есть вон подальше, с гарантией, что на глаза больше не покажется? Она ведь все-таки никого не убивала, ему смерти не желала, она ж не для того гуляла, чтоб его мучить, а чтоб себе удовольствие доставить, – не по вине кара получается.

Нет, когда он ее убивает, он на такой вариант не согласен, ему этого мало. Если он будет знать, что она жива, – ему покоя не будет, а если она еще и счастлива будет – он просто зачухнет от разлития желчи: не смеет она жить хорошо, если заставила его так страдать.

Более всего слабодушный ревнивец мечтает, чтобы изменница попала под трамвай. Тогда все решится само собой, и ему сразу наступит облегчение. Вспомните бедолагу Каренина.

Ее судьба, черт возьми, ему отнюдь не безразлична! Он к ней не равнодушен! Ему необходимо, чтоб ей было плохо, лучше – очень плохо, еще лучше – чтоб она умерла. Он уже думает не столько о своем счастье, сколько мечтает о ее несчастье. Он ее ненавидит. Даже если знает, что никогда ее не убьет, воображает тяпнуть ее палкой по башке или сунуть в петлю гадину.

С точки зрения первобытного атавизма можно рассуждать так: а чтоб все бабы знали, что мужик – хозяин, и если что – убьет, и вели себя соответствующе. Так... а если это баба замочила муженька? Гм, по-первобытному – чтоб все мужики знали, что он со всеми потрохами принадлежит семье и подруге, а на сторону косить не смей.

А анализируя на уровне чувств – мы имеем ненависть. Любовь как половое чувство достигает такой силы, что переходит в свою противоположность. Почему? Потому что в сфере положительных ощущений реализовать ее невозможно. Сильнейшее возбуждение центральной нервной системы не снимается ничем (можно, конечно, в дурдоме аминазином глушить до животной тупости и флегмы, но как рецепт против ревности это малореально по жизни). Это перевозбуждение взывает к действию, требует его! Да убедись он, что она его любит и верна, – он ей в ноги упадет и сам не свой от счастья будет.

6-б). Убил, скрыл, а потом сам всю жизнь мучится и страдает. Но живет. Так зачем убивал, дурак? Сил не было терпеть. Она была падла, но без нее все равно не жизнь. Хотя со временем, конечно, чувства несколько успокаиваются, и жизнь нормальнее.

Э-э-э... Тут получается, что даже убийство ее не избавляет тебя от страданий. А все равно она любила не тебя! А все равно в ее глазах ты не был достоин! А все равно ты не победил ее – убил, но не добился того, чего хотел: любви, обладания, верности. Каешься (но понимаешь,

что иначе в тот миг поступить не мог, и более того – и не хочешь иначе!) – и одновременно полагаешь себя правым. А больше не полюбишь, нет в жизни счастья.

И так – нет его, и сяк – нет его, но есть покой и воля, в мечтах ты счастлив, в воспоминаниях счастлив... короче – тогда ситуация требовала разрешения: или свалить, или убить, и из двух зол ты предпочел убийство. Ну... значит, теперь тебе все-таки жить легче, согласно логике своих чувств ты поступил целесообразно.

б-в). Убил и явился с повинной: судите, сажайте. А-а, грех на душе, знает, что поступил нехорошо. Но сам жить хочет, стервец-страдалец. Тоже, значит, ненавидел, но не так сильно, как тот, что скрыл и вздохнул с облегчением. Хочет принять теперь страдание, замолить грех. Это вариант, сходный с предыдущим: перенести страдание ревности не мог, а убить и понести наказание мог. Все равно была ненависть, которая требовала выхода и разрешения.

б-г). Убил ее и убил себя. Или сразу застрелился, или набежавшим закричал, чтоб закололи, или полиции сдался на верную смерть.

Слушай, а почему ты сразу тогда не покончил с собой? И не было бы тебя, и не знал бы ничего, какая тебе разница?... Значит, есть разница, чего уж там, и большая, принципиальная, можно сказать. *Жить* без нее не могу и не буду, но и ей не спущу. Убью гадину любимую, и сам своею рукой себя накажу и избавлю от всего.

Ведь каждый, кто на свете жил, любимых убивал, тот, кто смел – кинжалом наповал; классики много писали о ревности.

Нет, мы понимаем, что так оно часто бывает, что вот так оно природа создала, что ревность мучительна, но почему, почему, для чего, зачем?

б-д). Убил себя. Хлоп – и нет больше мучений ревности.

Часто в этом есть элемент мести: «А, теперь она поймет, как я любил ее, оценит, заплачет, но поздно будет, вот». Какой-то частью сознания человек жаждет любви ценой собственной жизни: я умру, я не узнаю, но хоть сколько-то ты будешь меня любить. Со вздохом надо сказать, что нелюбимый самоубийца получает по смерти очень мало признания, обычно следует лишь чувство досады и раздражения, что этот проклятый идиотик доставил своим поступком еще одно неудовольствие, заставил ощутить некоторый душевный дискомфорт, что вот привязался со своим высоким чувством, а теперь я виновата в его смерти, хотя на самом деле я ни в чем не виновата, и знакомые что скажут... вот дурак, лучше б я его вообще никогда не знала.

Если любящий не мог соединиться с любимой – это самоубийство из-за несчастной любви, это на самом деле вариант другой, здесь срабатывает логика природы «1 = 0». Но мы сейчас говорим именно о ревности, что не есть вовсе одно и то же.

Здесь у нас тоже выглядит просто: сильное страдание, невозможно перенести, на любимую руку поднимать не хочет, не может, не смеет и не мыслит, лишь бы она, дорогая, была счастлива, о, как я страдаю, как мне больно, где мой револьвер, я прекращаю эти непереносимые муки, в моей смерти прошу никого не винить. Как вариант: в моей смерти прошу винить только ее; пусть хоть теперь поймет, помучится, оценит. Убрать источник непереносимого страдания, каким стала жизнь. Но – но:

7. Вот в семье все хорошо. И в постели отлично, и мир, лад и взаимопонимание. И он узнает, что она ему изменяет. Боже, как мешают ему жить эти невидимые рога, сколько мук и терзаний. Почему? Ничего не изменилось. Он имеет ее сколько хочет. И даже – ему может быть гарантировано, что она никогда его не оставит. И он – даже! – не сомневается в своих материальных, физических и моральных достоинствах. И она – даже – дает ему на словах и на деле все мыслимые доказательства того, что любит его. Так чего ему еще надо, несчастному кавалеру де Грие, возлюбленному прекрасной и неверной Манон?! И, предположим, никто об ее связи не знает, так что его честь и пр. (еще раз повторяем) никак не страдает.

Так чего ж он так отчаянно дергается? От него же ничего не ubyло, он ничего не потерял. Ну, мало ли почему она развела там с кем-то шуры-муры; от любопытства, от нефиг делать, или лестно ей, или скучно было, да подумаешь.

Нам говорят: он собственник, он хочет владеть ею безраздельно, он не современный человек, не признает ее права на свободу. Он вопит: я не собственник, я признаю свободу, я современный человек, но мне больно, я не хочу, переживаю, нервничаю.

Нам говорят: он боится, что другой чем-то лучше его – как мужчина или еще чего. Он отвечает: ничего не боюсь, я знаю, что я самый лучший... как она может с какой-то дрянью путаться!

Энгельс вступает: он, говорит, не хочет воспитывать чужих детей и отделять им наследство. Наш мужик в сторону Энгельса плюет: у меня, говорит, двое усыновленных негрят из детдома, а жена пользуется надежным противозачаточным.

И он начинает иногда хамить жене, он хуже спит и меньше ест, он роняет вещи, и вообще по вине его ревности хорошая жизнь кончается.

А Энгельс втыкает в бородищу сигару и говорит: это у него атавизм, рудименты первобытного инстинкта, когда мужчина никого не подпускал к своей самке. А с инстинктом ничего не поделывать, понимаешь, – мы-то культурные, а он вылезает, это надолго.

8. Так вот же вам крайний вариант.

У них был роман. Она ему надоела. Он дал ей отставку. Он живет с другой и увлечен ею. Прежнюю он не видит и она его не колышет.

И вот они неожиданно встречаются. Она живет плохо без него, одна. Ему немного тяжело, маленькое чувство вины есть, что он ее оставил, теперь ей плохо. И хочется скорей расстаться.

Или: она живет неважно. Есть у нее один, так, от безмужичья, не фонтан, наш-то был конечно лучше, с ним хорошо было, чего там. И нашему приятно, что он такой хороший, и она хорошая, ценила, но немного неловко, что он ее бросил, и т. д.

Или, наконец: она живет отлично! У нее теперь мужик – хана всему, орел! Хорошо, что она с ним рассталась, а то бы так и сгнила по мелочи. О-о! Вот тут наш уеден... Как же так. Почему ей так хорошо без него, и более того – так хорошо не с ним, а с другим? И в нем вспыхивает ревность. Ему неприятно, ему больно, что она живет с другим и ей так хорошо.

Это что? Нам ответят – это мужское самолюбие. А что такое самолюбие? Это утверждение чувства своей значительности. А что такое значительность? «Я все могу, я самый». Ну, все не все, но изрядно, достаточно весьма. А тут вдруг оказывается, что ты не самый и можешь не все. С другим лучше. Тебя не хотят. А!

...Да, ревность – это и боязнь потерять, и уеденное самолюбие, и опасение, что другой лучше, и ущемление твоего внутреннего сознания и ощущения своей значительности. Но еще, еще:

9. Она стала всячески его не устраивать, или не всячески, но все равно – просто не устраивать, и он решил твердо ее оставить. Завтра днем он ей это скажет – и расстанется. Вот.

И вдруг завтра, не днем, а утром, он узнает, что она его только что оставила и предпочла другого. Он ревнует, он жаждет объяснений и изменений! Он хочет оставить ее – но сам, когда он решит и как сам захочет! А теперь он хочет, чтоб сначала она рассталась с этим идиотским новым хахалем и приползла к нему на брюхе, виляя хвостом, и вот тогда он с ней расстанется! и уйдет гордо и не оглянувшись.

...Это приводит к странному на первый взгляд выводу: может любви не быть, а ревность вдруг может быть. Э? А возникает ревность – возникает и желание ее объекта, и вдруг этот «объект» обретает в твоих глазах ценность, которой не было миг назад.

Предмет тот же самый. И отношение к нему то же самое.

Бросил сам – и хрен с ней.

Бросила она – не хрен с ней.

Что изменилось?

Твоя собственная ценность в твоих собственных глазах.

Ты мог все – а теперь ты можешь не все.

Ты был свободен, мог делать что хотел – а теперь ты не свободен и не можешь делать что хочешь, ты ограничен, вариант тебе навязан, ты менее значителен, ты не можешь реализовать свои желания.

(Собственно говоря, любой аффект можно рассматривать как «первобытно» целесообразный, – но вряд ли это само по себе исчерпывающее или даже удовлетворительное рациональное объяснение. Фокус состоит в том, что в наше цивилизованное время человек, отнюдь не стремясь к результатам первобытного разрешения аффекта, сам вводит себя в состояние аффекта и поддерживает в нем. То есть человеку как таковому потребен не результат разрешения аффекта, а сам аффект.)

10. Подводим итоги и делаем выводы.

Ревность как состояние аффекта позитивно в том смысле, что ревнивец способен развить отчаянные усилия по сохранению для себя ревнуемой.

Ревность как состояние аффекта всегда негативно в том смысле, что ревнивец не способен адекватно оценивать ситуацию и совершает неправильные, ненужные, порой трагические и непоправимые действия. С точки зрения прагматической целесообразности лучше бы он был хладнокровен и рассудителен – чем крепче нервы, тем ближе цель, вернее и легче добьешься своего.

Но фокус в том, что ревнивец подчас не стремится ни к каким прагматическим целям (вар. 7), или даже вообще ни к каким целям (вар. 8 и 9). Ситуация, объективно глядя, его может никак не волновать. Его волнует только самоощущение в этой ситуации.

Недаром моряки и представители прочих профессий, связанных с долгими и постоянными отлучками из дома, нередко ставят женам такое компромиссное условие: «Делай что хочешь, только чтобы я ничего не знал». Он все понимает, он допускает возможность чего угодно, но не хочет скандалов, ухудшения отношений и т. д. В семье все хорошо? – и слава Богу. Никаких конкретных оснований для подозрений и ревности нет, ситуация его устраивает, а своим самоощущением и отношением к этой ситуации он справедливо дорожит. Все, чего он хочет, он имеет. Рассудочный вариант. Для буйного темперамента он не подходит.

Что же отнято у ревнивца, у которого на самом деле ничего не отнято? Свобода. Свобода как состояние возможности любого варианта, свобода как состояние максимальной энергетической значимости человека, свобода как потенциальное состояние максимальной самореализации всех своих сил и возможностей. Любое физическое тело стремится к свободе – как к состоянию, где оно может выделить максимум обладаемой им энергии. Это один из аспектов великого Второго закона термодинамики, и человек ему подчиняется безусловно, поскольку он тоже часть Вселенной, тоже физическое тело, а если это тело обладает чувствами и разумом – то только для того, чтобы выделять больше энергии. Ага.

А отвлекаясь от языка физики, это можно выразить словами менее точными и исчерпывающими, но более привычными в быту: невозможность полностью контролировать ситуацию, умаление своей значительности, ущемление своего самоутверждения. И этого достаточно! Это – основа! Плевать мне на эту бабу или ее нежный взгляд в сторону идиота – я не могу стерпеть своего унижения, умаления, ущемления.

Повод к ревности означает: я менее хозяин жизни, чем полагал, чем могу или мог бы, я менее всемогущ, чем хочу и полагаю возможным. Вот чего человек перенести не может!!!

11. Кто не ревнив (или ревнует предельно мало, скажем так)? Тот, кто предельно уверен в себе, и эту уверенность невозможно поколебать ничем. Она гуляет с другим? Вот уж презренная дура. А уж он просто даун. Она смотрит на кого-то? Ерунда, пусть смотрит, куда она

от меня, такого крутого, денется. Предельно уверенный в себе человек взревнует только тогда, когда явно и однозначно от него собрались уходить – и то может плюнуть вслед высокомерно и брезгливо: на кого меня променяла, шлюшка.

Почему говорят, что муж замечает свои рога последним? Потому что мужская самооценка вообще завышена.

12. Кто ревнует больше? У кого больше комплексов. Если бы Отелло был белым, молодым, красивым и куртуазно образованным, он бы высморкался в этот проклятый дареный платок и лег к Дездемоне в койку заниматься любовью, всех и делов.

13. А поскольку всегда сколько-то примешивается честь, мораль, мнение окружающих, весь комплекс «сверх-Я», то ощущение своего умаления от повода к ревности усиливается. Нонконформист, плюющий на мнение общества и традиции, менее ревнив.

В эпоху дивного распутства Луи XV связи супругов на стороне были делом обычным и нормальным, «так было принято», и ревность была связана или уж действительно с любовью страстной, или с довольно простым самолюбием в свете. А кавказец может и не любить, но любой намек на урон его мужской чести легко приводит его в состояние той ревности, которая есть самозабвенная ярость.

14. И разумеется, никакие проповеди «личной свободы» и «современных отношений» тут ничего в корне не изменят, поскольку устройства центральной нервной системы человека они затрагивать не могут.

А поскольку человеку всегда мало, он всегда неудовлетворен, ему всегда надо что-то изменять – эту нехитрую, но вечно забываемую истину я долблю с наивностью дятла и последовательностью молотка, – он всегда сумеет устроить себе переживания, и ревность в том числе.

Всегда найдется кто-то лучше тебя. Всегда накопятся отрицательные эмоции, которые требуют какого-то выхода, привязки к какому-то внешнему объекту, повода, персонификации. Всегда захочется, чтоб любимая была тебе «еще больше что-то», ибо нет в мире совершенства и нет совершенству предела. Всегда найдется платочек, чтоб накинуть его на шейку – хотя бы в мыслях, хотя бы на миг.

А вы что решили – что можно прожить нормальную жизнь, никогда не ревнуя? Успокойтесь, покой нам только снится, как заметил на заре веселого XX века поэт.

Заметки на полях:

Ревность – это реакция на угрозу для твоей биологической энергии, реакция на ограничение воспроизводства себя в потомстве. В идеале и мужчина, и женщина стремятся к такому положению, чтобы *свободно*, т. е. в любой момент и по собственному желанию, иметь возможность зачать потомство с любым партнером по своему выбору, без всяких ограничений. Если на данный момент, на «сейчас» выбор уже сделан и прочие особи как кандидаты не рассматриваются, то на них плевать, ревности быть не может. Но любой, с кем ощущаешь и в принципе допускаешь возможность сексуальных отношений, может вызвать ревность той или иной силы, если возникает хоть видимость возможности того, что сейчас тебе предпочтут другого, хоть ненадолго, на раз, хоть без особого желания.

Того, кто недоступен – кинозвезда, кумир, – можно любить заведомо безнадежно и без ревности: ревности нет там, где нет абсолютно никакой надежды. Но на концерте ты прорвалась к кумиру, удостоилась взгляда и слова, возникла реальная возможность познакомиться и провести вместе – о, не жизнь (хотя кто знает!..), даже не месяц – но хоть ночь, час, полчаса – призрак возможности, один шанс из тысячи, ты старательно вычитала это из его взгляда – и вот тут ты бешено, яростно ревнуешь его к любой из толпы поклонниц, друзьям, менеджеру и всему миру.

Ревность предполагает ту или иную вероятность доступности.

Страдание

Как-то на пресс-конференции в Японии Фолкнера спросили, считает ли он, что жизнь в основе своей трагична. «Безусловно», – без колебаний ответил Фолкнер.

Жизнь наша земная – юдоль страданий и скорби, учат практически все религии.

В жизни вечно нам чего-то хочется, и мы страдаем от неудовлетворенности своего желания, а как чего добьемся и получим – на минуточку счастливы, а потом снова страдаем из-за чего-то другого, так что жизнь – это сплошные страдания, а счастье – просто временное избавление от страданий, и лучше всего, чтобы не страдать, вовсе не жить, – заключил изобретатель философского пессимизма Шопенгауэр.

Однако человек устроен так, что у него есть потребность страдать, а поводы к страданию он найдет всегда (см. Часть I, гл. 2, раздел 5). Даже если у него все-все хорошо-хорошо, он то найдет какую-то обиду в прошлом, то захочет быть не таким, как он есть, и уж в любом положении может начать страдать от невозможности отыскать смысл жизни.

Что такое страдание? Это более или менее сильная отрицательная эмоция. Ногу сломал, любимая бросила, сладким куском обошли и тем перед всеми унизили, голод замучил до полусмерти.

Что лежит в основе страдания? Некомфортное для нас положение вещей. Что-то имеющееся здорово не нравится, и хочется, чтоб было иначе. Упрощенно говоря – неудовлетворенное желание (достаточно сильное, конечно, – неудовлетворенное желание съесть пирожное обычно мы страданием не называем).

Люди вечно задавались вопросом: на кой черт нужно страдание? и как устроиться так, чтобы не страдать?

Во-первых, отделим причину от повода. Для этого сначала различим виды страданий.

Страдания бывают физические, нравственные и физические как следствие и продолжение нравственных (болезнь от горя).

При страдании физическом (боль, голод-холод) повод одновременно является и причиной: ногу сломал, жратвы нет. Таких страданий избежать нетрудно, что от древности даже мудрецы и советовали: удовлетвори желания необходимые, физиологические, без этого никак.

При страданиях же нравственных, душевных, поводом может выступать что угодно: одет хуже других, награду не дали, предприятие лопнуло, – здесь уже не удовлетворено желание физиологически не обязательное. Теоретически рассуждая, от всех этих необязательных желаний можно отказаться – и не будет тебе никаких страданий. А не хоти. Зелен виноград. Врачи, кардиологи и психологи, инфарктникам и советуют: плюйте на все свои хлопоты, ерунда все это необязательная, и берегите здоровье.

Повод для душевного страдания всегда может меняться – от супа жидкого до жемчуга мелкого. Относителен повод. Причина же всегда одна, и сугубо внутренняя: энергоизбыточный человек всегда чего-то хочет и всегда ему что-то не так.

Чтобы не страдать, человек должен не хотеть ничего, кроме необходимого удовлетворения чисто физиологических потребностей: воздух-вода-пища, защита от непогоды, секс. Все. Но это получается не человек, это получается вполне животное. Но можно же еще наслаждаться мыслью, воскликнут мудрецы-аскеты! Увы, тоже нельзя. Неправы мудрецы-аскеты. Во-первых, мыслитель начнет мучаться несовершенством мира и неотвратимостью беспощадной смерти. – А я избавлюсь от всех чувств и привязанностей, отвечает Будда, и даже от мыслей избавлюсь и погружусь в нирвану: сливаюсь я с миром на чувственном уровне, ничего не желаю и полностью счастлив. Дай тебе Бог, ответим мы, но для большинства нормальных людей этот номер пройти не может, пахать надо и плодиться-размножаться, так уж устроено; факир может

спать на гвоздях, но это не повод менять кроватные заводы на гвоздильные; исключения, в том числе людские, лишь подтверждают общее правило. Во-вторых же, о наслаждении нестрадающего аскета мыслью, сама мыслительная способность есть аспект избыточной энергетики нервной системы, в основе этой способности – то же самое избыточное желание: мыслить ведь для выживания не обязательно. И начнет страдать мудрец от того, что понять чего-то не может, или от того, что другой мудрец с ним не согласен. Возраст утишает страсти и мудрец успокаивается – но откуда страсти есть, они себе выход найдут, и что подходит старику – не может подойти юноше.

Короче, ты не избавишься от страданий, потому что они тебе свойственны и потребны. Почему потребны?

Первое. Страдание как сигнал. Боль, голод, похоть. Это означает: лечись, питайся, размножайся, а то вымрешь. Страдание как стимул заботиться о своем и рода выживании. Страдание как проявление инстинкта жизни.

Второе. Страдание как стимул к размышлению. Пока все хорошо, можно ни о чем особо не задумываться – и так жить можно, нет проблем. А как тебя прищучило – начинаешь думать, как заикленный: как же так мир-то устроен, что плохо тебе, больно и несправедливо? что в нем к чему? где причины, каковы закономерности?

Страдание – это ведь возбуждение центральной нервной системы. Вот она и начинает усиленно думать о чем ни попади: очаг возбуждения, откуда не снят повод, плавает по коре и подкорке, возбуждение передается на соседние участки.

Третье. Страдание как стимул к действию. Избавиться от него, от заразы! Можно, конечно, избрать способ «интенсивный»: убедить себя, что виноград зелен, и подавить желание разумом и волей: да не хочу я вовсе вашего поганого винограда. Именно это рекомендовали мудрецы. На что уже в новые времена психиатры ответили: ничего хорошего от подавления желаний не будет, а будет невроз, болезни и преждевременная смерть в конце концов. Но человек, тварь самолюбивая, стремясь реализовать в жизни все свои возможности, избирает как правило способ «экстенсивный»: добиться желаемого, хоть тресни, тогда, мол, и страдания не будет, а будет, наоборот, счастье.

И вот страдающий человек усиленно думает и усиленно действует, стремясь изменить положение вещей таким образом, чтоб было не так, как сейчас, а так, как он хочет. И тогда он сможет счастливо перевести дух. Дух он, бедолага, переведет ненадолго, но что-то в жизни сделает.

Страдание, таким образом, – это кнут, которым избыточная энергетика человека подстегивает его: давай-давай! чувствуй! думай, действуй! тянись выше, делай больше!

Можно ничего не делать, и все равно страдать (от безнадежной любви или неизбежной смерти). Бессмысленно? Нет! Ибо ощущения могут не выливаться в действия – но действия невозможны без начального импульса на уровне ощущений. Часть страданий ведет к действиям, часть не ведет, но заранее знать всего невозможно, и невозможно всегда определить границу своих сил и достижений. Здесь свой КПД, так сказать. Сначала начнем хотеть и страдать, а там посмотрим, что из этого выйдет. А кроме того, страдающий человек, как уже сказано, острее чувствует и больше начинает понимать – а это, по общему счету, в масштабах человечества, уже движение к действиям в их первом приближении.

Несчастные люди делали открытия и изобретения, писали книги и осваивали земли: сублимация своего рода: потребность избыть свое страдание выливалась в то, что повышенная энергетика эмоций перекидывалась в другую сферу действий. Страдаю, не могу добиться желаемого, хочу отвлечься и забыться – ищу смерти в борьбе и путешествиях, не жалею себя в работе, совершаю подвиги и т. п.

А если сломался и зачах от страдания, или вообще повесился? Плохо. Но это крайности, без которых невозможно, это крошатся и осыпаются края пряника, а общее генераль-

ное направление – строить свою жизнь сверх физиологически необходимого и двигать вперед цивилизацию.

Почему много сказано в истории о благотворности страдания (и христианской религией едва ли не в первую очередь)? Потому что счастливый и не познавший страданий человек весьма глух к нуждам окружающих: он упоен своим счастьем, да и трудно представить себе то, что сам не испытал. В страдании он познает, почем фунт лиха, ощутит и увидит свое сродство со всеми несчастными – и будет добрее и поумнее, душевно чутче будет. И о жизни задумается, и в отношениях людских больше поймет.

Заметьте: вся человеческая культура по большей части замешана на страдании. Трагические мотивы преобладают над комическими. Среди художников редко-редко встретишь счастливого человека. Страдание будит душу, выражаясь метафорическим языком литературы.

Что влечет зрителей в трагедии, что тут возвышающего и очищающего? Первое – сила ощущений: в страдании больше мощи, чем в счастье, оно в своем роде острее, богаче, сильнее счастья, оно в трагедии стремится к самому пределу человеческих возможностей; счастье переносимо почти всегда – жестокая пытка непереносима почти никогда. Второе: в страдании и борьбе с ним проявляется вся сила человека и величие его духа – и принадлежность к роду человеческому наполняет зрителя гордостью, он всегда частично отождествляет себя с героем действия – и, ощутив величие своих возможностей в принципе, делается крупнее и значительнее в собственных глазах: вот что люди могут, я тоже так могу, а если и не могу – то хотел бы быть таким же сильным, а все мои реальные трудности – пустяки по сравнению с тем, что бывает, их перенести нетрудно, легче, чем я думал раньше. Пример для подражания и сравнения. Третье: почему он плачет? Ему жалко хороших людей, он добр, благороден и справедлив – в театре за цену билета каждый может позволить себе быть добрым, благородным и справедливым, и ему это нравится. Четвертое: а почему же слезы его сладки, черт побери? А потому что он хочет страдать! ему нравится страдать! Это подсознательное желание – а сознательного он хочет, чтоб у него все было хорошо, – вот театр и удовлетворяет его подсознательной и сознательной потребности одновременно.

В реальном сильном страдании человек уже не плачет – не может: впадает во внутреннее оцепенение от неизбывной боли. «Поплачь – легче будет»; со слезами сбрасывается часть напряжения, кто ж этого не знает. При этом – воображаемыми картинками горя нередко расправлял себя каждый, и слезы были близки. В театре (кино, книга) человек реализует свою способность и потребность страдать, при этом безо всякого ущерба для себя, – и одновременно сбрасывает опосредованно через свое переживание часть реального страдания, которое у каждого в чем-то имеется. И жить после этого становится – хоть на самое первое время – легче и лучше. Собственная несчастная любовь, собственные потери и обломы увеличивают чувствительность от театральной картины; потому и рыдают сибирские доярки над страданиями красиво одетых мексиканских рабынь: чувства-то прямо как свои, а антураж-то отвлеченный, ничего общего не имеющий с прозаической действительностью, где все погрязло в удушающем вонючем быте, и душу-то расслабить в свободном страдании нет возможности – и не поймут, и не принято, и дел много, и крепиться перед людьми и собой надо, а уж перед телевизором с не нашей жизнью можно не крепиться.

В театре на трагедии не надо бороться, ничего делать, тебя это все не касается по жизни – сиди себе и страдай, затем и пришел. Своего рода наркотик, суррогат, заменитель. А хороший актер, хороший писатель – работает так, что чувства его передаются зрителю (читателю), проникают, заражают его – и он начинает чувствовать то, что автор и хотел в него вложить. То самое частичное отождествление, воздействие искусства. А хотели в него вложить, через картины страданий, благородство, доброту и величие духа – вот ими он и возвышается.

А когда некрофил-режиссер наворачивает на экране два часа кровавой мясорубки с массой страданий своих героев – никакого возвышения и очищения зрителя не происходит, а

только тошнит. Нервы щекочет, а слез нет. У психики свои законы. Можно плакать над собачкой, потерявшей хозяина, – а на мясокомбинате уже не страдаешь, только жутковато и противно с непривычки. Но здесь уже надо говорить о законах искусства и его восприятия: прямое изображение страданий еще не обязательность со-страдания зрителя. Заставить его страдать тоже уметь надо.

Итого вышесказанное.

1. Потребность в страдании коренится в психике человека. Человек хочет страдать.

2. Страдание есть возбуждение «сверх среднего» центральной нервной системы человека в области отрицательных ощущений.

3. Повод к страданию условен и относителен, и определяется выбором поставленной себе цели, цель же как правило для жизни не обязательна и поставлена посредством разума.

4. Причина страдания – в избыточной энергетике человека, которому необходимо всегда стремиться сделать не так, как уже есть.

5. Благотворность страдания и даже его человеческая необходимость – в том, что оно есть внутренний стимул к многочувствованию, размышлению и свершениям действий, что и есть суть человека.

Секс

§ 1. *Сексуальная энергия.* Водоросль растет и размножается, при благоприятных условиях может заполнить собой весь водоем – на эту работу идет вся ее энергия, получаемая из воды, содержащихся в ней (и в грунте дна) веществ, и солнечного света. Больше водоросли делать ничего не приходится.

Чем сложнее организм, тем большую часть энергии он расходует на собственное индивидуальное выживание и на все действия по изменению окружающей среды в процессе своей индивидуальной жизни.

Уже моллюск открывает-закрывает створки раковины. Олень – поедает траву, взрывает копытами грунт, удобряет почву пометом, переносит себя в пространстве с большой скоростью и на большие расстояния. Здесь только «пассивным» ростом и размножением не отделаешься. А сытый и благополучный волк на отдыхе любит бегать и играть «для удовольствия». Не говоря уже об обезьянах, которые в благополучном состоянии любопытны, предприимчивы и совершают множество «излишних» действий, никак не необходимых для простого выживания и размножения.

Если предположить, что водоросль или волк существуют только «сами для себя», и «цель» каждого вида – максимальное утверждение себя, тогда главное – размножение: стремиться к тому, чтобы заполнить своим потомством весь мир.

Если рассматривать Вселенную в ее эволюции и, в этой связи, жизнь на Земле от одноклеточной водоросли до человека, то «цель» природы крупней и выше «цели» любого отдельного биологического вида: все более активный процесс энергопреобразования вещества Земли. Размножение вида здесь не самоцель, но лишь средство.

Сексуальная энергия животного – лишь один из аспектов его общей энергии, которая идет не только на действия по размножению, не только на действия, необходимые для индивидуального выживания, но и на действия сверх необходимых: взрослые волки играют друг с другом просто от избытка энергии, когда все их потребности удовлетворены.

Если обезьяна в благополучных условиях имеет возможность совкупляться чуть не целыми днями, она этого однако не делает: она играет, ковыряет что-то и т. д. – ее сексуальные потребности ограничены.

Животного с безграничными сексуальными потребностями не существует.

В условиях «чистого опыта» высокопотентный мужчина в роскошном гареме не сможет, да и не захочет проводить в занятиях сексом все время, свободное от сна и еды. Он будет, допустим, совокупляться (особенно юный) до грани полового истощения, станет вял и расслаблен, но, во-первых, это дело ему несколько поднадоест, во-вторых, ему будет хотеться хоть в нарды сыграть, хоть кино посмотреть.

Создай человеку идеальные условия для безграничных занятий сексом – все равно он будет хотеть делать хоть что-то еще.

Это к тому, что рассматривать любую деятельность человека, кроме необходимых для личного выживания действий, как сублимацию сексуальной энергии – при добросовестном рассмотрении невозможно.

Фрейдовская теория либидо и сублимации условна и формальна – в том смысле, что психика и физиология человека рассматриваются изолированно вне взаимосвязей с окружающей средой, вне роли человека на Земле и во Вселенной. Своего рода антропоцентризм. Только, мол, природе и дела, чтоб человек – пуп мироздания – размножал свой вид.

Человек в мире все более активно переделывает мир. Энергия размножения играет здесь все более служебную, подчиненную, обеспечивающую роль.

Сексуальная энергия – это самый простой и «прямой» канал направленности общей энергии, общей «витальной силы» организма – прямо биологический (самый «прямой» после обеспечения жизни особи).

Но энергия человека превышает необходимую для выживания и размножения. Что и делает его человеком. Что и есть основание всех его свершений.

§ 2. *Сублимация.* Это значит перегнать часть сексуальной энергии в «культурно-рабоче-человеческую» энергию. Воздерживается человек от секса – и лучше думает, активнее работает, показывает более высокие результаты в спорте. Сил больше. Это рекомендовали, хоть на время серьезных дел, и древние иудеи, и древние греки, и многие современные «физиологические учения».

Действительно, если в мозгу есть активный очаг возбуждения, то если перекрыть ему возможность «прямого разрешения желания» и одновременно возбудить другой очаг, то «пятно» сильного возбуждения частично «переползет» на него. Это с точки зрения физиологии.

С точки зрения упрощенной энергетики – энергия человека, вся, имеет общий, универсальный характер – и ищет выхода, где может. Как бы – запруживаем реку плотиной и с высоты накопившегося водохранилища отводим воду каналами для орошения полей. И вместо того чтобы «бесполезно» течь прямо вниз-дальше, вода «совершает полезную работу».

Следует ли из этого, что энергия любой «культурной» деятельности человека – это сублимированная сексуальная энергия?

Вот тренеры и массажисты вечером накануне ответственного матча поголовно удовлетворяют женскую баскетбольную команду – такие вещи не рекламируются. Оттраханная команда играет лучше! Нет, не все и не всегда, это достаточно индивидуально – но вполне часто. Потому что слишком сильный очаг возбуждения может «не хотеть» переползть с сексуального центра в «игральный», а наоборот – тянет на себя часть возбуждения с «игрального». Ослабить его надобно.

А вот менеджер накануне матча боксеров провожает своего питомца в бордель и следит в щель, поганец, чтоб – кончил он только один раз! Точно тот же случай – ослабить сексуальное возбуждение, снять излишек сексуальной энергии. Иначе фиг тебе пройдет «сублимация».

Кому не знакомо чувство огромного *подъема* сил после хорошего акта с подходящим партнером. Усталости – на четверть часа, а подъема – на целый день. Индивидуально? Отчасти. Но – сублимация не получается...

Двадцатилетнего солдата можно уматывать так, что у него неделями не будет эрекции даже по утрам. Откуда и идут вечные солдатские слухи о «нестойне», который подсыпают в

компот, и т. п. Сублимация? Эдак можно и импотенцию узников Бухенвальда объявить сублимацией, знаете. Здесь вечный дефицит общей энергии от недосыпа, недокорма (несбалансированное питание, «пустые» калории) и физических перегрузок. Вся энергия с трудом покрывает потребности по жизнеобеспечению индивида. В условиях дефицита энергии вся она идет в первую очередь на простое выживание, энергия-то берется из еды-питья-воздуха, плюс отдых необходим для нормального снабжения клеток питанием и кислородом и для выведения шлаков. Никакая сексуальная энергия здесь на марш-броски и наряды не перекачивается – энергия просто перестает поступать в сексуальные центры! Ведь сексуальная энергия – это не какая-то данность, не какая-то постоянная величина, это часть энергии организма, а энергия эта должна постоянно возобновляться! Здесь мы имеем не сублимацию того, что есть, – мы имеем простое отсутствие. Мы не откачиваем энергию из, условно говоря, секс-центра – мы перекрываем входы для энергии в секс-центр, и туда ни фи́га не поступает. Не мозг сам по себе источник энергии, но питание для мозга.

§ 3. *Секс и творчество.* В сущности, любая человеческая деятельность носит творческий, «разумно-изобретательный» характер – и чем эта деятельность «более творческая», тем творец более могуче-похотлив. Есть такая милая закономерность, замеченная давно. То есть не всякий половой гигант – гений, но среди гениев очень велик процент половых гигантов.

В дневниках Добролюбова есть примечательнейшее место – молодой интеллигентный мужчина, гуманитар, литератор, моралист, сидит дома и читает изящное и высокоэстетичное сочинение про высокие и отвлеченные материи. Худ, питается плохо, чахл. Был бы аскет, но скудные гроши носит в дешевый публичный дом – очень хочется. Да, так читает он, эстетически наслаждается и умиляется, увлечен, захвачен. «И вдруг, – пишет он, – у меня произошла эрекция. Вот и говорите после этого об идеальности эстетических переживаний и о том, что высокому искусству чуждо половое чувство».

Великий физик Ландау не пропускал ни одной юбки и набирал сотрудниц исключительно по принципу сексуальной привлекательности, справедливо полагая, что по сравнению с ним в физике они все равно мелкие тупицы. Не менее великий физик Оппенгеймер норовил совкупиться с любым женским существом в пределах досягаемости.

Тургенев зашел в гости к Дюма и обнаружил его катающим очередной роман, в то время как на коленях у него шалит полуобнаженная блондинка. «Александр, а она, гм, не мешает тебе работать? – Отнюдь, – жизнерадостно отвечал Дюма, – если бы на втором колене у меня сидела вторая такая же, я бы работал в два раза быстрее».

Распутство поэтов, художников, музыкантов – тема неисчерпаемая. Пушкин и Некрасов, Толстой и Достоевский, Бунин и Блок – это в великой-то и считающейся целомудренной русской литературе. Что ж говорить о да Винчи, Рембо и прочих Пикассо.

Творец – человек с повышенной нервной энергетикой, он работает на сильнейшем перевозбуждении, и очаг этого перевозбуждения «плавает» по коре мозга. А по силе это возбуждение соизмеримо с сексуальным, по абсолютной величине они близки. И ощущения такой же силы, как он получает в творчестве – он жаждет вообще, во всем, и в сексе в первую очередь – наслаждение, экстаз, эйфория. Здесь в мозгу происходят сходные химические процессы, гуляют те же элементы в тех же концентрациях.

Творчество и секс, если брать на уровне ощущений и физиологии мозга – это своего рода наркомания. Ты возбуждаешься на одном – и переезжаешь на другое с той же силой.

А кроме того, секс – это наилучший способ снятия нервного перевозбуждения после творчества, что с кокетливой мужской прямоотой справедливо отметил Хемингуэй. Ты перетягиваешь очаг возбуждения на другое место, и там его сбрасываешь и гасишь.

Пишешь картину – и вдруг хочется бабу. Лежишь с бабой – и вдруг осеняет идея, и вскакиваешь писать картину. А творчество – это акт не волевой, а интуитивный, а интуиция требует некоторой расслабленности, ты отдаешься на волю своих чувств, и если чувство хочет

бабу, а ты ему фигу вместо бабы, то можно, конечно, заставить себя перестать о ней думать и «сублимировать», но чаще – организм говорит тебе: «Твори, падла, сам, а я хочу бабу, ну ужасно хочу, дай, не могу о другом думать». Дает. Кувыркается. Работает.

Что такое «богема» с ее распутством? Это образ жизни художников – только без их творчества. Внешние-то детали прихлебатели секли отлично, и очень их это устраивало, они вообще образ жизни художника и считали сутью. А что делать – таланта нет, а жизни художнической хочется.

Аскеты и одиночки, «сублиматоры» типа Микельанджело и Ван-Гога – те немногие исключения, которые вечно подтверждают общее правило.

§ 4. *Сексуальность великих.* Великий и премудрый царь Соломон был отменно женолюбив – три сотни жен имел, и без счета наложниц. И это с таким-то расходом сексуальной энергии – отлично соображал и славно управлял государством – именно при нем достиг Израиль расцвета и могущества.

Величие Цезаря покруче будет – встал во главе полумира. В зените своего могущества, будучи человеком уже весьма зрелым, мог, диктуя государственные распоряжения на несколько секретарей одновременно, прерваться на четверть часа и удалиться в одну из ниш, отделенных от зала занавеской. Там всегда были наготове несколько мальчиков и девочек – на случай того, чего именно захочется императору в этот момент. Через четверть часа император возвращался удовлетворенный – и продолжал диктовать с того самого места, на котором оставился. А Цезарь, нельзя не заметить, заложил законодательные и исполнительные основы Римской Империи, с которыми она просуществовала еще пять веков – именно этим он, «Отец отечества», был славен в римской истории, а не своими военными победами, которых Рим имел без счета, было много побед куда круче и важнее цезаревских.

Очень похоже, что именно из подражания Цезарю устраивал сходным образом свои сексуальные дела две тысячи лет спустя честолюбивейший из смертных – Наполеон. Блеск его славы и величия обеспечивал ему обожествленное поклонение толп красавиц, почитавших за счастье близость с императором на любых условиях. В походной палатке, пища за складным столиком очередной приказ или декрет, он мельком бросал взгляд на впущенную поклонницу и делал пером жест через плечо в сторону койки: она могла раздеваться и ложиться. Наполеон дописывал до точки, вставал и «овладевал ею, лишь опустив лосины и не снимая ботфортов». После чего вставал, поправлял одежду и возвращался к столику, продолжая писать. Дама была свободна.

Иван Грозный фактически создал Россию как империю, воюя татар, шведов, поляков и присоединяя к себе все что ни попадя, до чего длань царская достигала. Его кошмарные оргии тщательно и стыдливо умалчиваются почти всеми историками – буен и невоздержан был царь во всем, перепортил девиц и опозорил честных жен великое множество. Полагая себя полновластным хозяином державы со всеми ее потрохами, желал обладать и всеми женщинами, которые могли ему понравиться – и, бывало, при проезде царского эскорта через селение жители получали приказ: «Бабам молодым и девкам стоять всем у окон, заголив и выставив срамные места».

Екатерина Великая с немецкой рациональностью пропускала кандидатов в любовники через «проб-даму»: каковы-то красавцы в постели? Не сдавшие «экзамен» до монаршего алькова не доходили. И сдавших хватало. До последних дней жизни вела престарелая императрица «активную сексуальную жизнь», как выразились бы сейчас. Что нисколько не мешало ей в масштабных преобразованиях огромной страны.

Вышеупомянутые, как и многие другие великие деятели в истории, имели столько актов, сколько им хотелось, безо всяких ограничений. А дел наворотили – будьте-нате. Так как там насчет «сублимации»? Ерунда. Огромная энергия являет себя во всем. А поскольку человек – создание биологическое, и энергия индивида в основе имеет биологический характер, то

совершенно естественно: чем мощнее энергия – тем мощнее ее прямое биологическое проявление.

Интеллект и честолюбие зависят от условий формирования человека, от наложения внешней среды, «фенотипа», – но «генотип» задан с рождением, и в сексуальной мощи являет себя «автоматически». Импотент не может быть великим человеком – не потому, что у него плохо с эрекцией, но потому, что его проблемы с эрекцией – следствие общей вялости, общего недостатка энергии. (Случаи импотенции как явной болезни, которая может быть излечена медицински, без изменения общего уровня активности организма, сюда, разумеется, не входят.) Недаром едва ли не у всех народов на первобытном уровне развития общества вождем мог стать только тот, кто был сексуально мощен, а когда его половая сила ослабевала – подлежал замене. Насколько он мудр и хороший организатор – в обычных условиях судить бывает трудно, но в основе всего – энергия, а ее сексуальный уровень – как манометр, измеряющий по отдельному выходу общее давление.

Все ведь так просто. Если центральная нервная система способна к сильному возбуждению, а общее состояние организма позволяет возникать этому возбуждению – и позволяет реализовать его в действиях, вывести его с уровня ощущений на уровень физических проявлений – этот человек potentен в широком смысле слова, он годен и способен на многое.

Высокопотентный свинопас в сельской глуши не может стать великим человеком, потому что его энергия в период формирования личности, в детстве, не получила должного оформления – умственного развития и волевой закалки. Но уж драть он будет подряд своих свиней, если баб не хватит, этому учиться не надо. То есть – мы имеем годный материал, испорченный плохим раскромом, а качество-то ткани отличное.

Григорий Распутин – выдающийся пример того, как человек малограмотный и отсталый может подняться к управлению большим и сложным государством вопреки законам и, казалось бы, логике – через энергию свою, при этом половая его феноменальная энергия быстро стала притчей во языцех. Такой вот исключительный прорыв. Ну о-очень сильно он всегда хотел и сильно мог.

Поэтому отчаянно блудили Генрих IV и Луи XIV, Геббельс и Берия, Кеннеди и Онассис.

Гм. А вот титан товарищ Сталин в быту был весьма скромн и умерен и, кроме мало-счастливого, но вполне целомудренного брака, ни в каких амурных похождениях не замечен. Как же с сексуальной мощью? И с подавлением либидо? Да, но дело в том, что у нас есть достоверные сведения об аскетизме товарища Сталина, но нет и не может быть никаких сведений об онанизме товарища Сталина. Возможно, он был половой гигант, но любил только сам себя – этого мы уже никогда не узнаем. А организму, в общем, все равно, истощается он неумеренными половыми актами или неумеренным онанизмом – идет один, в общем, и тот же сброс энергии через сексуальный канал.

Так что примеры Черчилля, Фридриха II и Авраама Линкольна ничего не доказывают. А скорее доказывают нашу точку зрения, и вот каким образом.

§ 5. *Гиперсексуальность*. Обычно так называется высокий сексуальный уровень юношей в 18–24 года. Придуманно это понятие людьми зрелого возраста, и носит какой-то завистливый и ханжеский оттенок. По ощущению самих молодых людей, их сексуальность нормальна и естественна. И постоянная способность к нескольким бурным половым актам ежедневно ими отнюдь не воспринимается как «гипер» – наоборот, скрипуче рекомендуемая разными учебниками «норма» в 1–2 акта в неделю – с удивлением и насмешливым превосходством расценивается молодостью как убогая малосильность на грани полной импотенции. Еще одна иллюстрация того, что все относительно...

Просто у молодости вообще очень высокий уровень энергии, такие силы распирают, что мир можно перевернуть. Она все схватывает на лету, быстро думает, быстро действует, выдает

идеи, бросается в авантюрные прожекты, остро чувствует и бурно переживает – сексуальная энергетика лишь находится в соответствии с энергетикой вообще.

И при этом в знакомстве с противоположным полом молодость часто скована, зажата, стеснительна и застенчива. Юноша так обуреваем страстью, для него это имеет такое значение, что он волнуется, дергается, заикается. Да на свете масса неудовлетворенных женщин, которые мечтают о горячем неутомимом любовнике – и одновременно масса этих любовников, которым «что-то внутри» мешает прямым ходом укладывать этих вожделеющих дам в постель.

Юноши повзрослеют, поостынут, успокоятся, сделаются развязнее и равнодушнее – и начнут преуспевать на полях Венеры больше, при том, что мочь уже будут меньше.

Если ты хочешь чего-то *слишком* сильно – это только мешает тебе добиваться этого в натуре. перевозбуждение приводит тебя в состояние некоторого аффекта, ты неадекватно оцениваешь ситуацию, и не в состоянии совершать адекватные поступки, с наибольшей вероятностью ведущие к желаемой цели.

Так в известном старом анекдоте жокей последовательно раскрашивает свою лошадь во все цвета радуги, мечтая привлечь этим внимание прекрасной дамы, чтобы хоть с чего-то завязать разговор: вот она его спросит, зачем он так размалевал животное, и тут-то он ей и предложит переспать – пока, наконец, она сама не подзывает его и не предлагает переспать, интересуюсь после этого, зачем, кстати, он так раскрасил лошадь. А затем, что так сильно хотел переспать, что от волнения впал в застенчивость и не мог просто подойти и предложить это напрямик. Изрядная доля истины в этой шуточке.

Из того, что далеко и далеко не все юноши ведут нормальную регулярную половую жизнь, никак не следует, что они сублимируют сексуальную энергию в «мирное русло». По всем исследованиям и статистикам 95 % юношей регулярно и усердно мастурбируют – 95 % означает все здоровое и нормальное поголовье. А иначе «сперма на мозги давит» так, что ничего делать нормально невозможно, все время только о сексе и думаешь.

Внешне же такой примерный и аккуратный юноша может выглядеть, с точки зрения ученого, историка, биографа и моралиста, аскетом и пуританином: ну словно только и думает о труде, науке и добре.

Это – о юношеских делах.

И – второе, второе, второе.

Вот один из обычных вариантов:

Мужчина очень хочет женщину, она ему очень нравится, давно нравится, но все никак – и наконец ему удастся лечь с ней в постель. И тут он с изумлением обнаруживает, что у него не стоит. Как же так, почему?! Опытная женщина все поймет, опытный мужчина тоже дергаться не будет: слишком сильно и долго хотел, бывает. перевозбуждение ведет к обратному результату: словно щелкает и срабатывает некий предохранительный клапан в мозгу, и слишком высокого напряжения энергия сбрасывается и уходит.

Это сродни чувству разочарования, усталости и опустошения, когда достигаешь наконец цели, которой добивался очень страстно, долго и тяжело. Никакой радости, никакого подъема и энтузиазма – нервная реакция типа приступа истощения и упадка сил. Отдохни, отвлекись, через недельку помалу придет та радость, какой когда-то и грезилось это достижение цели.

Так и в постели: отвлекись, «поговори о природе и литературе», засни до утра и успокойся – пообвыкнув, вы будете скакать на простынях, как гибрид кролика с молотилкой.

Ибо все, что «слишком» и «через», переходит в свою противоположность; только и всего.

Гиперсексуальность может приводить к частным случаям импотенции, что давно знают сексологи. Любимую девушку в брачную ночь сделать женщиной не может – а с проститутками пожалуйста: мудрый доктор и советует научно и цинично: сходите, батенька, к бляди, все у вас в порядке, это просто сбой от волнения.

... Теперь и вернемся к тем великим людям, о повышенной сексуальности которых истории ничего не известно. Если не известно – это ведь не означает, что там ничего не было. Они могли требовать, «для общего порядка», жесткого соблюдения морали и порядочности от подданных, как Октавиан Август или Фридрих Великий. И считали необходимым служить примером для остальных. И страсть их никак не выставлялась напоказ.

Именно гиперсексуальность, перехлестывая меру ощущений, и могла им мешать вести «нормально-очень-активную» сексуальную жизнь.

Ведь:

Верный признак влюбленности: «он» на «нее» старается не смотреть и делает вид, что не обращает внимания. (Ох и нравится она ему! так нравится, что он боится показаться ей слишком доступным, слишком на все готовым, ведь тогда ей неинтересно будет, а кроме того, она ему кажется уж такой желанной, такой привлекательной, что он делается не уверен, что сможет ее добиться, а в таком случае гордость и самолюбие велят не показывать вида, что она для него много значит. И все это только от волнения, от избытка желания. А в результате ее подклеивает развязный пошляк, которому она до фени, она ведь обыкновенная женщина, и он с ней спит и ею пренебрегает, а наш страдалец не спит ночи и выглядит аскетом, равнодушным к женщинам.)

Ведь:

Верный признак сильного сексуального воздействия женщины на мужчину: «он» старается никак не показывать, что у него аж глазки застилает при виде ее. Он с равнодушием пропускает мимо себя ее кокетство. Он не только не стремится коснуться ее, но и тогда, когда она, испытывая свои чары и шая, касается его, никак не реагирует на ее прикосновения, ну словно вовсе равнодушен. И тут же может гладить по волосам или шлепнуть по попке особу, не вызывающую у него никаких чувств: ему несложно на публике изображать невинные ласки с той, которая его никак не волнует. Гм... А много времени спустя часто оказывается, что он действительно нравился той, которая нравилась ему, а она, бедолага, была уведена, что он к ней так равнодушен. А его просто слишком сильно трясло от ее вида и касаний.

Максимумом сексуальной энергии наделен не только тот, кто пашет все, что шевелится, – но часто и тот, кто выглядит умеренным и добропорядочным, а сам в истошающих одиночных оргиях обладает всеми в мире гаремами, сералями, гинекеями и женскими банями.

Бесстрастные люди не могут совершать великие дела, ибо на хрена им великие дела с их потом, риском и муками, если и без них можно устроиться благополучно. Страсть – это высокая степень желания – это сильное возбуждение центральной нервной системы – это энергия требует выхода, реализации, приложения.

А возбуждение не может всегда возникать в одних очагах мозга и никогда не возникать в других. Оно «плавает» по коре полушарий, и сексуальный центр «проплывает» регулярно. Или что, сексуальный центр в мозгу можно новокаином обколоть, чтоб не беспокоил?

Сексуальность великих могла проявляться внешне, и могла не проявляться внешне, но не могла быть незначительной. Как равнодушием прикрывают волнение и заинтересованность – так подчеркнутой умеренностью и добропорядочностью прикрывают клочкотание страстей.

Известен аскетизм неподкупного Робеспьера. Но лишь дочь столяра, в доме которого он жил, знала, что выделявал и на что был способен всемогущий председатель Якобинского клуба! Так в конце концов он сделал своим любовником еще юного красавца Сен-Жюста, назначенного как бы боссом их КГБ.

§ 6. *Асексуальность.* А как же насчет великих стариков, которых возраст избавил от любовного пыла, а дела они воротили? Господа, старики просто слишком поздно добрались до вершины, к которой лезли всю жизнь. Ничего великого в старости они уже не совершили. В лучшем случае – на них работал имеющийся государственный (или иной, промышленный и т. п.) механизм, и в лучшем случае они реализовывали идеи своей молодости...

Все великие дела совершались людьми в цвете всех сил. Назовите человека, который великое творил в старости. Долго-долго будете рыться в памяти и в книгах.

Да и продолжительность активного возраста у людей разная. Чарли Чаплин, известный трахальщик, в 52 года женился на 18-летней Уне О'Нил и, прожив хорошо за 80, еще наделал кучу детей. Иной и после 60 способен устроить молодой женщине хорошую ночь.

А как же с советами старейшин и т. п.? Не только у спартанцев, но и у многих народов было принято вручать именно старикам изрядную власть. – От спартанского правления требовалось одно – всеми силами и мерами сохранять в неприкосновенности законы Ликурга, воздерживаясь от любых нововведений. Старик – он всегда консерватор, он всячески склонен сохранять то, что уже есть. Великие люди, всегда новаторы, взломщики имеющихся порядков и положений, отчаянно лаялись со старейшинами, норовившими их укоротить.

Старость обрастает связями, забирается за всю жизнь вверх по социальной лестнице, зарабатывает уважительную репутацию, набирает опыт, имеет знания, знакома с прецедентами. Старик хорош как судья, учитель, консультант. Он может возглавлять отлаженную структуру, которая чем лучше собрана и отлажена, тем менее нуждается в управлении – смотри себе сверху, чтоб все шестеренки работали и смазывались. Поэтому Брежнев мог быть начальником огромного, великого, страшного СССР, даже «не приходя в сознание» – пирамида власти функционировала себе потихоньку без всякого руководства, все было и так расписано, главное – ничего не менять.

Не потому старик дел великих не воротит, что импотент, а потому импотент, что органон вообще увял и силов нема ни физических, ни духовных – не тот обмен веществ, не та возбудимость нервов.

Так. А евнухи, которые, бывало на Среднем Востоке, правили государствами?

Здесь такая вещь. Холостят барашка или борова. Что получается? Тело нагуливает быстрее, толстеет, жиреет. Холостят коня – мерин тоже упитаннее выглядит, он спокойнее, в хозяйстве работает лучше. Почему? Грубо говоря, от его биологической энергии отсекали фактор размножения. А особь оставили. Органы еще молодые, нервные клетки неизношены, ресурс самовозобновления клеток еще велик. А обмен веществ резко изменился, гормональная система искажена. Теперь энергия уже пускается только на сохранение индивида. Пускай он будет покрупнее, помясистее, пожирнее – его «личный» энергетический запас собирается и копится активнее, поддерживается на более высоком уровне.

Жирный тонкоголосый евнух – может быть хитер, коварен, жаден, но энергетика его подрублена непоправимо. Он может стать фактическим правителем – только если стоял «по службе» очень высоко к самому верху: был, скажем, начальником гарема и доверенным лицом султана. Чтоб вместе с парой друзей-евнухов удавить султана шнурком, а нескольких военачальников подкупить парой сундуков с золотом, много энергии не надо. Евнух может наслаждаться властью, захватив ее в каком-то готовом виде – а вот чтоб он совершил что-то заслуживающее внимания в мире – таких случаев не известно.

Импотент может быть богатым ростовщиком, если закон на его стороне и армия с полицией его защищают. А вот разбойничком, с ножичком и кистенем, на большой дороге состояние себе сколотить – это он уже не может. Он может быть значителен «по закону», а «по жизни», сам по себе в голом виде – нет-с, слаб.

Чиновником – может, рэкетиром – нет.

§ 7. *Кастрация.* Для любого нормального мужчины ужасна одна мысль о ней – даже если он обречен на пожизненное одиночное заключение, и с гарантией ему никогда уже не будет ни женщин, ни детей. Пообещай такому «условному зеку» в темнице – дать свободу, денег, ну любых благ, но – при условии кастрации: похолодеет несчастный от такого выбора, ох, а нельзя ли лучше ноги отрубить...

Особь лишается возможности иметь потомство. Заведомо убиваются все твои дети, внуки и правнуки. На биологическом уровне твое существование на земле лишается цели и смысла, ты в таком виде в природе уже как бы не существуешь. Тебе режут инстинкт сохранения вида – который в общем сильнее инстинкта сохранения индивидуума, т. е. инстинкта самосохранения. Сильнее понятно в каком смысле. Перефразируя Помпея, «оставлять потомство необходимо, жить самому не так уж необходимо».

Человек может не собираться иметь детей (тем более если уже имеет), и даже согласен дать обет целомудрия. Но инстинкт-то все равно остается при нем, куда ж он денется. И для его биологической сущности – это самое кошмарное, что может быть.

Трепетное отношение человека к своим гениталиям служит неисчерпаемой темой для шуток и анекдотов. Как бы и тема скабрёзная, и органы неприличны для обсуждения, и служат только для личного наслаждения.

На самом деле любому ясно, что ничего смешного тут нет, да? Страх кастрации – это вариант страха смерти. Но если есть культ смерти и этика умирания – для воина, храбреца, христианина, философа и т. д., если смерть – это, как ни крути, дело житейское, естественное, ее никому не избежать, и жертвовать жизнью во имя того, что тебе дороже жизни – дело обычное, то, то, то кастрация – это категорически неестественно, необычно, ненормально, противоестественно. Ведь это как бы вырезают все твое многочисленное потомство – поголовно, до скончания веков, со всеми их жизнями, свершениями, бедами и радостями. Но в подобных выражениях эту мысль не формулируешь, а просто холодеешь и с невероятной энергией стараешься избежать такого несчастья любой ценой.

Инстинктивный страх кастрации – это страх за уничтожение всего рода человеческого, здесь вопит не инстинкт самосохранения особи, но инстинкт самосохранения всего вида. (Ведь даже если останется всего одна пара людей на свете, как было с Адамом и Евой, даже потомство только одного человека, как было с Ноем, то человечество не погибло, существует, продолжает жить, все еще поправимо.) И каждый, каждый, каждый инстинктивно отвечает за существование всего человечества, каждый инстинктивно воплощает в себе будущее всего человечества.

§ 8. *Продолжительность жизни сексуальной и биологической.* В конце прошлого века возобладали теории, согласно которым мужчина был способен совершить в течение жизни определенное и ограниченное число половых актов – назывались цифры от 3 до 8 тысяч. Из этого следовали рекомендации беречь свою мужскую силу, а то израсходуется.

В середине этого века построили другую теорию: темперамент – вещь индивидуальная, поэтому ранняя и очень активная половая жизнь не ведет к половому истощению – напротив: кто рано начал и часто продолжает – тот сексуально более энергичен от природы, и закончит свою половую жизнь в возрасте более позднем, чем умеренный – умеренный потому и умерен, что менее энергичен, потому и начал позже, и продолжает реже.

А кроме того, постоянное упражнение развивает органы и поддерживает их в активной форме, такие «рабочие» органы будут функционировать дольше. Как бы – трахайтесь на здоровье, чем больше – тем и далее сможешь больше и дольше.

К концу XX века подоспела еще одна теория (основанная все больше на опытах с мышами и морскими свинками, но вполне обоснованная теоретически): в воздержании особи живут дольше, поэтому для долголетия полезно сводить секс до возможного минимума.

Ученые – отличные и добросовестные ребята, и все у них здорово, но наряду с достоинствами имеется и недостаток: они углубляются в узкий вопрос и перестают видеть его связи с остальной жизнью.

С одной стороны: постоянный сброс семенной жидкости вынуждает и стимулирует половые органы вырабатывать вновь и вновь соответствующие клетки взамен покинувших организм. Этот ресурс возобновления не безграничен, организм «считает» свой биологический возраст по количеству возобновлений: совокупился, скажем, 9642 раза – и баста, организм

решает: так, мой половой век прожит, моя функция на Земле выполнена, завязываем. В этом смысле старая теория права.

С другой стороны: без постоянного использования органы слабеют и частично атрофируются, тут организм «рассуждает» так: раз они не работают, так не больно и нужны, нечего зря на них энергию расходовать. Не упражняешь мышцы – хиреют мышцы и тают. Не упражняешь половой аппарат – мозговой центр не возбуждается, регулярный приток крови не происходит, запирающие мышцы не напрягаются, питание соответствующих клеток происходит слабее, половая функция ослабевает раньше. Вроде, ресурс возобновления половых клеток и близко не выработан, по этому показателю организм должен считать себя еще молодым и жить дальше и дальше. Но организм «судит» о своем возрасте еще и по состоянию активности своего полового аппарата. А он без постоянной тренировки ослаб и угас раньше. Ага – ослаб? угас? – значит, мы с тобой уже старики, давай стареть и готовиться к смерти.

Половая гиперактивность может вести к половому истощению и раннему старению, преждевременной смерти. Половое воздержание ведет – «с другой стороны» – также к преждевременному угасанию половой сферы и смерти раньше возможного предела. Ку-ку. (Не говоря о неврозах как следствии воздержания, а неврозы всегда «расшатывают» функции организма и укорачивают его век.)

А как же целомудренные отшельники, живущие в воздержании святые старцы? Верно, истощение укоротит твой век куда быстрее воздержания. Но не существует сведений, согласно которым все главные долгожители воздерживались от половой жизни. Все эти ветхие и славные столетние старички и старушки в свой срок делали свое дело и рожали детей. И ни фи́га им это жизнь не укоротило.

Короче – тут аналогия очень близкая: лошадь можно заездить неумеренными нагрузками, и она быстро сдохнет, но если ей вовсе не давать нагрузок – она тоже быстро сдохнет, хотя и не так быстро. В первом случае сдохнет от истощения мышц, от отравления тканей неудаленными продуктами распада, выделяющимися при работе, – во втором случае сдохнет от ожирения, перерождения мышечных тканей в соединительные, ослабления сердечно-сосудистой деятельности, падения сопротивляемости организма.

Или: обжора и лентяй рано помрет от ожирения и гиподинамии, а чемпион мира по бегу или по штанге рано помрет от разнообразных функциональных нарушений в организме вследствие когдатошних больших и явно вредных перегрузок. А долго будет жить тот, кто умеренно питается и умеренно двигается, регулярно занимаясь физкультурой для здоровья. Просто, банально, очевидно.

После всех великих научных открытий сексологов мы с изумлением приходим к древним рецептам: вот те самые с древности рекомендуемые 1–2 акта в неделю и есть оптимальный ритм с точки зрения продолжительности как половой жизни, так и жизни вообще. Это ритм той самой оздоровительной физкультуры в отличие от губительности рекордных перегрузок, когда можно умереть прямо на помосте (на дистанции), и в отличие от полного безделья с грядущим кондратием и захирением.

Так, но это все про шовинистов-мужчин, а что же про женщин, у которых половая жизнь с потерей и возобновлением клеток не связана?

Интермедия и интерлюдия. Наука давно ломает голову и строит объяснения следующему явлению. Мужчина обретает способность оплодотворить женщину к 15 годам (допустим), и сохраняет ее в среднем, ну, пусть до 60 (вполне бывает и дольше, и много дольше). А живет в среднем, возьмем на сейчас, 70 лет (батюшки, сегодня в России и до 65 не дотягивает, и даже еще меньше, – но, предположим, это мужчина, которому в нашем случае созданы хорошие условия для жизни, извержения вулкана не считаются). 45 лет из 70 он годится в дело – 0,65 примерно от всей жизни, 2/3 то есть. А возраст плодородия женщины – ну, 13–48, лет 35–37, и это из 75 лет всей жизни, – 1/2 жизни женщина есть женщина. В чем дело, почему

несправедливость? Конечно, рожать – это тебе не оплодотворить, это нагрузка огромная. И – однако, однако, однако... В животном мире не так!!! В животном мире половозрелая особь всю свою взрослую жизнь именно половозрелая – рождает до конца, а с угасанием материнской функции угасают и все прочие: не можешь больше размножаться – не нужна больше природе. Такие дела.

М-да...

Это еще раз подтверждает, что: 1. Чем сложнее существо, тем меньшая часть его общей энергии реализуется как энергия размножения (см. § 1). 2. Биологически женщина с ее материнством сложнее мужчины (с чем никто никогда, вроде, и не спорил). 3. Избыточная сверхполовой энергетика человека сказывается у женщины в том, что и по завершении материнской функции она еще долго функционирует неплохо во всех прочих отношениях. 4. Рождение человека – акт настолько энергетически значительный, что, в отличие от прочих животных, способен только в расцвете всех возможностей организма. 5. Избыточная сверхполовой энергетика человека сказывается у мужчины в том, что он ведет половую жизнь как бы «между прочим», не отрываясь от совершения всяких больших дел внебиологическим путем.

То есть. Половая энергия человека гораздо выше, чем у любого животного: он способен к акту круглый год в любое время суток без всяких ограничений, это тебе не весенний гон раз в году и не течка пять раз в году. Половая энергия человека вообще выше необходимой: самка уже беременна, а самца не только подпускает, но даже и зовет часто до последних недель. Мужчина вообще энергичнее женщины, больше переделывает мир, раньше снашивается и умирает – а половая функция его от функции животного самца практически не отличается: он только сдает женскому организму мужскую зародышевую клетку. Но период внутриутробного развития сверх-энергичного существа – человека – требует от женщины столь высокого энергетического потенциала, что всю жизнь она выдать такой уровень энергопреобразования не может. Слониха родить слоненка может, а женщина человека – уже нет. Старость. А жить можно.

Условно говоря – как будто энергию размножения всей жизни слонихи собрали в одну половину жизни и тем самым удвоили по величине – и только тогда слониха обрела возможность родить качественно более энергичного, на *порядок* более энергичного ребенка – избыток энергии которого образует разум и несет в себе переделку мира.

И уровень этой энергетике таков, что когда она снижается ниже уровня возможности размножения – это одновременно ниже уровня жизни индивида, ниже уровня жизни особи. А у человека уровень энергии высок настолько, что когда она снижается ниже уровня размножения – на жизнь особи ее еще долго хватает.

Потому что это только внешне, только биологически эмбрион человека похож на эмбрион рыбы, свињи и т. д. на разных стадиях своего развития. Но передать ему человеческий энергетический сверх-заряд, вырастить в нем этот сверх-заряд – для этого потребен *качественно* более высокий уровень энергетике материнского организма.

Как это определить на уровне клеток, на уровне их электропотенциалов, на уровне снабжения зародыша питанием и минеральными элементами – этого сегодня наука не знает, не умеет, не в курсе дела. Но в принципе дело обстоит именно так, закономерность соотношений чадородной и бесплодной частей жизни человека объясняется именно таким образом.

Однако вернемся к продолжительности сексуальной и биологической жизни женщины. Считается известным, что проститутки стареют раньше женщин порядочных, в том числе раньше монашек. Раньше это часто приписывали сверх-активному образу половой жизни.

Однако прославленная и блистательная Нинон де Ланкло вела жизнь уж куда более разгульную – однако и за пятьдесят прельщала красотой мужской стар и млад. Э? Если много и постоянно выпивать и вообще вести беспорядочный и нездоровый образ жизни – состаришься раньше времени без всякой проституции.

Благотворная роль беременности и родов для женского организма медицине ясна и споров не вызывает. Клетки обновляются, организм имеет себя лучше. Это так считается. А если рожать каждый год? Тогда в сорок лет будет дряблая старуха. Изношен органон, да; он, по мнению природы, свое на земле уже нарожал.

«Биологический возраст» сорокалетних женщин – нерожавшей, дважды рожавшей и двенадцать раз рожавшей – разный.

Что такое рак шейки матки у проституток, а у них процент заболевания этого выше, чем у прочих женщин – и стопроцентное отсутствие его у монашек, не живущих половой жизнью? Это ткани соответствующего места у проститутки выработали свой ресурс «ремонта»: было много микрповреждений и их нормальных самозаживлений. Защитный механизм сообщает: э, уже сто ремонтов и семь капитальных, мы уже старые, с дефективными клетками бороться больше не можем, мы свое уже прожили – и примитивные клетки, более активные и агрессивные, чем нормальные и здоровые, идут в рост и давят все кругом.

Слишком большая работа уже произведена этим местом. Слишком много энергии – энергии *вообще*, а в частном случае она тут носит и механический, и психический, и биохимический характер, и прочие аспекты найдутся – слишком много энергии уже преобразовано через это место. Жизненный цикл выработан, и запас его превышен. Ведь рак – это в основном болезнь износа, в ремонтном бюро кончились клетки-запчасти, а иммунная система израсходовала определители «свой-чужой» и на исходе у нее уничтожители «чужих» клеток.

Монашка скудно ест, ведет абсолютно регулярную жизнь (кроме половой, которой вовсе не ведет), работает в садике-огорожке, и у нее все условия жить долго. Правда, у нее часто невроз от воздержания, но она молится, постится, это отвлекает и помогает.

А главные долгожительницы все-таки не монашки. Хотя и не проститутки. А нормальные женщины.

Благотворное влияние спермы на женский организм также общеизвестно. Белки, гормоны, питание и обмен веществ – масса благ.

(История «не для детских энциклопедий» утверждает, что секрет несравненной и неувядавшей красоты легендарной египетской царицы Нефертити состоял в следующем. Насладившись на завтрак вкусом изысканной трапезы, она после десерта извергала ее в поданный служанками золотой тазик – после чего на пустой, но подготовленный и освобожденный от растворяющих кислот желудочного сока желудок выпивала чашу спермы пятнадцатилетних мальчиков, штат которых специально для этого содержали. Мальчики были девственны, жили в строжайшем воздержании и питались «экологически чистой пищей», состоявшей из фруктов, дичи, настоек целебных трав и кореньев и ключевой воды. Не лишено.)

...Получается, что для мужчин, что для женщин – одинаково; все хорошо в меру. Сдержанно. Без излишеств. Выходит польза для здоровья и долголетия. Ах: ничего принципиально нового наша хваленая ультрасовременная медицина не открывает.

§ 9. *Запах.* У всех животных запах половых выделений самки является приманивающим и возбуждающим самца. Только не у человека.

Там, где культура секса была утончена и изощрена, как в древней Индии или Римской Империи, для женских половых органов перед любовным актом употреблялись благовонные «дезодоранты» на основе запахов мускуса, жасмина, розы или бергамота. В крайне редких случаях, что является индивидуальной спецификой обмена веществ, половые органы женщины могут так пахнуть «естественным образом». Но везде и всегда гигиена, если она на этот счет вообще существовала, справедливо предписывала тщательное подмывание перед тем, как.

После подмывания запах может быть нейтрален, и может быть в той или иной степени неприятен, вплоть до отвращающего мужчину и лишаящего его эрекции. Без подмывания запах неприятен практически всегда, порой просто непереносим. В таких случаях мужчина

проводит половой акт, стараясь держать нос как можно дальше от половых органов женщины, предпочитая «абстрагироваться» от него и не думать, как бы его и нет вообще.

Почему, собственно? Зрение, осязание, слух (при разговорах на тему) работают на возбуждение и привлечение, а запах – первейший возбудитель в животном мире – работает скорее на отвращение и отталкивание, или, в хорошем случае, отнюдь не отвращает, но и не привлекает явно, а так, нейтрален (повторим, природное благовоние крайне редко, но и оно само по себе никак не стимулирует мужскую активность).

Предположение, что привлекательность запахов женских выделений для мужчины и есть индивидуальная избирательность и индивидуальная привлекательность разнополых особей, приходится отбросить ввиду явной его несостоятельности, это не получается. Во-первых, гинекологи и донжуаны подтвердят, что такой редкий приятный запах не субъективен, а объективен: не встречается такого, чтоб одному благоухало, а десяти воняло – если воняет, так уж для каждого, и если благоухает – тоже. Во-вторых, мужчина может очень хотеть женщину и возбуждаться ею, но запах выделений для него не более чем нейтрален – а может она ему нравиться весьма мало, но запах в том редком привлекательном случае скорее приятен, однако в их отношениях ничего не решает; и, стремясь видеть тело женщины, осязать его, говорить о нем, даже стремясь обонять запах ее кожи, волос, дыхания и даже пота подмышками, он совершенно не стремится обонять запах половых выделений.

Феномен «полового запаха» еще раз подтверждает избыточную энергетику человека и понятен только с этой точки зрения.

Во-первых, человек – это единственное «сверх-энергичное» животное, которое всегда переделывает окружающий мир, настолько оно «сверх-заряжено» энергией. А самый волнующий, сильный и привлекательный аромат всегда находится на грани благовония и зловония, что отлично известно парфюмерам, создателям запахов. В человеческом случае запах «избыточно привлекателен», в него «переложено» возбуждающей приманки, словно парфюмер «перестарался» с благовонием и свалился за грань зловония. В этом запахе «слишком много» того заряда, который в более слабом виде дал бы приятный букет. Это можно сравнить с тем, как слишком энергичный массажист переломал бы клиенту ребра и хребет. Или слишком обильная трапеза убила бы посредством заворота кишок. Словом, пущенная в запах энергия перешла меру.

Во-вторых, человек совершает акт не благодаря запаху, но скорее вопреки ему. Запах не подстегивает половую энергию – напротив, является препятствием. И для того, чтобы все-таки совершить акт, половая энергия должна быть «с запасом», выше необходимой. Вот животные – бегают и нюхают друг у друга под хвостом, и очень от этого возбуждаются. Если бы люди скакали на четвереньках и нюхали друг у друга под хвостом – то, будь они животные, вообще могли бы перестать совокупляться. Животное понюхает – воспламенится – совокупится. Человек же понюхает – аж заколдобится – но все равно совокупится. Что мы имеем? Мы имеем тормоз – там где у животных «ускоритель». Чтоб совершить акт «по запаху», нужно меньше энергетики влечения, чем совершить акт «против запаха». Нужна дополнительная сила влечения, чтоб иметь «вопреки» запаху. Запах – это дополнительная «заслонка» в человеческом резервуаре с энергией, и, преодолевая эту заслонку, энергия содержится и выходит под более высоким давлением.

В-третьих, изменение функции полового запаха связано, разумеется, с прямохождением человека. Медицина знает, что от этого прямохождения вообще много бед: внутренние органы давят вниз, вместо того чтобы располагаться свободнее и вольготнее в грудной и брюшной полостях и тихо себе отвисать по направлению к груди-брюху, как оно по животной нашей анатомии первоначально и «предусмотрено». (И это лишь один из аспектов скорее отрицательных – с точки зрения биологического здоровья.) Ходить на своих двоих куда труднее, чем на своих же четырех. Это тоже свидетельство подскока энергетики человека. Этот подскок биологиче-

ской энергетики существа сказался во всем (мышление, работа и т. д.) – в том числе и вот в таком подскоке энергетики запаха – и этот подскок энергетики и определил изменение его функции, о чем мы только что и говорили выше.

§ 10. *Извращения.* Не было бы никакой надобности на них останавливаться – после того как сексология и сексопатология в течение ста лет пропахали интимную жизнь человека вдоль и поперек. Если бы только до сих пор не оставалось непонятым главное – это также свидетельства и аспекты избыточной энергетики человека, и в корне своем могут быть поняты только с этой точки зрения.

1. Гомосексуализм. Те 3–5 процентов населения, у которых, к несчастью, генный сбой – органы сформированы по мужскому типу, а влечение по женскому, – можно оставить в покое: брачок-с природы.

Гомосексуализм зеков в зонах и тюрьмах тоже понимать особенно нечего: невозможность полового удовлетворения естественным путем, во-первых, и самоутверждение себя через унижение, «опускание» другого, во-вторых: тут «прилично» быть только активом, позорно – пассивом (в точности как у некоторых обезьян – господствующий самец трахает в анус подчиненного самца, дабы тот знал, кто в стае хозяин, и не вздумал бунтовать и покушаться на самок, – анальный акт этот утверждает господство актива).

А вот в чем дело с гомосексуализмом «наведенным», «благоприобретенным»? Жил себе мужчина с женщинами, имел семью и детей, и вот как-то попробовал – и понеслось. На фига?

Стопроцентный гей женщину не хочет, она ему сексуально неприятна, он называет ее брезгливо «щель» и вожделеет к мужчинам. А наш «развращенный» орел в общем бисексуален, он может и с женщиной, и с мужчиной, причем мужчины предпочтительней – он ведь к ним от женщин и пришел.

Остренького хочется. Новенького. Запретненького, невозможненького. В нормальном сексе с женщинами – привычка сложилась, острота ощущений притупилась, пресыщение некоторое наступило. А поначалу-то – ахал, обмирал, голова кружилась, не может быть. И вот возникает, слабенькая поначалу, тяга: попробовать, познать, преступить запрет, взломать табу. Въехать в еще одну сторону жизни: а что ощущает женщина, имея дело с вожделенным ей половым членом?

Хочется новых ощущений и новых действий. Познать еще не познанное и сделать еще не сделаное. Это может быть даже и несколько противно, а все-таки манит.

Из ничего может получиться только ничего. Какое-то зерно гомосексуализма сидит в каждом нормальном мужчине. Внешне это часто проявляется в детском и подростковом возрасте, когда мальчики сравнивают и исследуют половые органы друг друга, иногда совместно мастурбируют и т. п. Здесь три момента: «интересно», «возбуждает» и «познать». Но при возможности выбора между сексуальными экзерсисами с другом либо с подружкой мальчик без мига колебаний предпочтет подругу: о, сила желания и ощущений тут несравнима, просто обычно возможности нет и выбор такой не стоит. Приходит время – и он нормальный гетеросексуал.

И вот этот нормальный гетеросексуал в бане или общественном туалете обязательно бросает мгновенный взгляд на члены других мужчин. Сексопсихологи обычно поучают: это он подсознательно стремится сравнить свою мужскую мощь с достоинствами других, подсознательно хочет убедиться, что у него достаточно большой и толстый член, он всегда закомплексован на неуверенности в этом. Оно бы все и так, но иногда чужой член представляется мужчине привлекательным, и на какой-то ма-аленький процент он в ощущениях своих не прочь немного иметь с ним дело. Ага.

Юный девственник, имея возможность свободного выбора между мужчиной и женщиной для половых контактов, при всех прочих равных – не просто выбирает женщину, но и сами колебания на эту тему для него невозможны, не существуют. Если гей соблазняет юношу

и делает его своим любовником – он обольщает всячески, лезет в душу и уговаривает, убалтывает, представляется лучшим другом, защитником, покровителем, заваливает подарками и оказывает разные услуги. А потом часто плачет, если был сильно привязан, и жалуется на неблагодарность и коварство любовника: все принимал, сволоочь, а теперь взял и женился, гаде-ныш подлый.

А взрослый нормальный мужчина, имея тот же свободный выбор, может предпочесть женщине мужчину. И с хромосомным набором у него все в порядке, и с потенцией, и с любовницами. И главная, принципиальная причина здесь одна: ощутить, познать, сделать – то, чего еще не было, то, что обстоит не так, как сейчас, «до того».

(Гомосексуализм среди несчастных балетных танцовщиков «не считается». Лет с 11, как раз начало созревания, мальчики начинают делать поддержки, поднимая и нося девочек под бедра, ягодицы, низ живота – естественно, где центр тяжести. А в приличном хореографическом училище традиционно существует весьма безжалостное правило: две жалобы девочки на то, что мальчик, нося ее, касался не только как груза и балерины, но с любым намеком на что-нибудь еще – и мальчик от греха подальше отчисляется из училища. Шутите, что ли? Закрытый пансион, общее житье, а беременность ученицы – это насмарку годы труда педагогов и брак вместо выпуска юной звезды балета: и это лишь чисто прагматический аспект проблемы. Нагрузки-то ужасные в русском балете, тот же большой спорт: отстал в тренировках – и аут. Они ж практически все бездетными остаются, приличные балерины, только средний кордебалет может позволить себе детей. Итак, что делать мальчикам, которые в возрасте вспенивания браги ежедневно часами общаются с девочками, одетыми в коротенькие белые трусики, и носят их за попку, ляжки и животик – а ничего и близко не смей, а система житья довольно закрытая, казарменная? Мальчики начинают производить опыты друг с другом... и склоняться к, гм, общению с преподавателями и взрослыми танцовщиками, которые это уже давно проходили. Бедолаги.)

(Однако что бы ни говорили сегодняшние призывы «гуманистов» к полному равенству сексуальных меньшинств с сексуальным большинством – в общем то самое физическое влечение мужчины к женщине имеет своей неотъемлемой обратной стороной физическое антивлечение мужчины к мужчине: нормальный гетеросексуал может партнерствовать и приятельствовать с гомосексуалом, умом соглашаться с равноправием, но физически чувствовать брезгливость и неприятие. Генерал Шварцкопф довольно справедливо выразился: «Солдат в бою должен быть спокоен за свою спину, прикрытую товарищем, а не бояться повернуться к нему задом».)

И вот здесь миф о «порочности господствующих классов» не лишен известных оснований. Богач, красавец, плэйбой, не имеющий никаких затруднений и препятствий с женщинами, пресыщается быстрее, конечно, чем бедняк, работяга, урод, – если кому и захочется «остренького», то ему скорее, чем другим.

2. Нарциссизм и эксгибиционизм. Если человек влюблен в свое тело и балдеет, лаская себя перед зеркалом, предпочитая это нормальному сексу, – это патология. Но если он вообще себе не нравится, норовит при акте свет гасить, одеяло натягивать и полностью не раздеваться – это тоже не есть здорово и нормально.

Секс – это наслаждение на двоих, «давать» и «брать» здесь одно и то же, две стороны медали, две половины целого. Почему от возбуждения партнера увеличивается возбуждение собственное? Потому что ты больше получаешь – и одновременно это означает, что ты больше даешь. Самоутверждение, самолюбие и самолюбование, нарциссизм в дозе здесь присутствуют всегда: ты должен быть убежден, что тебе таки есть что давать. Вы составляете в акте единое целое, и ты возбуждаешься от обеих половин этого целого, от всего происходящего. Ты желаешь того, в чем участвуют два тела, и наслаждаешься тем, в чем участвуют два тела – при этом невозможно наслаждаться только одним телом и вовсе не наслаждаться другим. Наслаждаясь

другим, ты одновременно наслаждаешься и самим собой. В сексе ты любишь не только другого, но и себя самого.

Вот люди часто и переживают, что они недостаточно хорошо, по их мнению, выглядят, и такое недовольство собой весьма уменьшает возбуждение и наслаждение.

В норме человек нравится себе в сексуальном отношении, его устраивает его тело, самооценка достаточно высока, он считает, что тут есть на что посмотреть и что показать. Зеркала в ванной, в спальне, на потолке – к тому же: партнеры дополнительно возбуждаются видом своих тел и происходящим.

Вопрос: нужно это животным? Ответ: а на черта им это нужно.

Человек способен наслаждаться сверх необходимого, и способен предпринимать сознательные действия для возбуждения сверх необходимого. Еще раз кстати об избыточной энергетике.

В нормальной психике и нарциссизм, и эксгибиционизм присутствуют – в сбалансированных пропорциях. Патологией они становятся только при гипертрофии – когда влечение и удовлетворение только и сводятся к тому, чтобы обнажиться и продемонстрировать себе и другим, а больше ничего не надо. Перекосило, заклинило.

Движения нудистов, все эти лиги «Долой стыд», лозунги «природной естественности» и нудистские пляжи с их смешными и наивными попытками подбить философскую базу под обнажение половых органов, потуги доказать пользу загара лобков и сосков – на деле не более чем «цивилизованная» разновидность эксгибиционизма. И вуайеризма. Ну нравится людям себя показать и других посмотреть. Интересно, приятно. Это познание: ну-ка, посмотрим между прочим, у кого там что между ног и как у каждого устроено. Это самоутверждение: пусть-ка все увидят, как привлекательно все устроено у меня. А то что ж зря жизни проходить, добру пропадать. Хочу увидеть всех!

В сущности, это как бы крайняя разновидность сексуально привлекательного женского костюма: все эти обтягивающие юбки, поднимающие бюстгалтеры, шпильки и декольте придают женщине значительности: вот я такая, меня все должны хотеть, я многое в жизни могу, как скажу – так будет сделано, я ого могу вызывать какие ощущения. Любая нормальная женщина испытывает приятные ощущения, удовлетворение собой, уверенность в себе от демонстрации своих сексуально привлекательных прелестей в тех рамках, которые на сегодня дозволены обществом.

Конечно, на нудистском пляже (как и на обычном) ощущения довольно быстро притупляются: привычка приходит, элемент новизны и взлома табу уходит. Но не вовсе ощущения притупляются, будьте спокойны. Если бы половые ощущения могли вовсе притупляться, то все гинекологи были бы импотентами, чего в натуре отнюдь не происходит.

3. Вуайеризм. Если бы возбуждение от вида обнаженных, а также совокупляющихся людей было патологичным, порнография не существовала бы – или же нужно признать, что все, кто хоть сколько-то потреблял когда-либо порнографию, психически ненормальны. Тогда ненормальные могут составить большинство, судя по тиражам и доходам порнографии, а нормальным останется меньшинство, – что поставит само понятие нормы с ног на голову.

Другое дело, что для нормального человека «лучше делать это самому, чем смотреть, как это делают другие», но кто же сказал, что одно обязательно должно исключать другое?

Если человек предпочитает смотреть, вместо того чтобы делать это самому – болен, бедолага, перетащило у него все сексуальное возбуждение на зрительный центр. Но обычно вуайеристы – люди с «неудачной сексуальной судьбой» – уроды, импотенты, закомплексованные неудачники – которые смотрят за неимением большего. При возможности нормальной половой жизни они предпочитают ее.

Сексологи и проститутки хорошо знают, что порнография может дополнительно возбуждать тех, кто слабо возбуждается естественным образом. Равно как наблюдение в натуре акта или его имитации.

У животных этого нет. Если оно хочет – так хочет, а не хочет – так не хочет, и никакие наблюдения тут ничего не изменят. Только человек с его рефлексивной центральной нервной системой, богатыми ассоциативными связями и избыточной энергетикой ощущений, способен возбуждаться и наслаждаться зрелищем и только. Вот уже дряхл и бесплоден старик, импотент давно – а «в воображении» желание все равно есть, смотреть все равно хочется и приятно.

4. Групповой секс. Аналогично предыдущему пункту. Способен давать большее возбуждение и большую разрядку – через большее количество возбудителей визуального и акустического ряда. Причем все это происходит сверх необходимого и целесообразного с точки зрения естественной природы и репродуктивной функции. Человек желает и способен испытывать ощущения более сильные, чем потребно просто для жизни, для «нормального» удовлетворения и размножения.

5. Транссексуалы. Вот уж чудо нашего времени. Очаровательная девушка обнажает свои сексапильные формы, снимает трусики – а там, вместо ожидаемого, основательный член. Неподготовленного партнера это способно ввергнуть в столбняк.

Самые дорогие проститутки – именно они. И то сказать, чудо стоит дороже обычного товара, даже экстра-качественного. Опять же – спрос рождает предложение. Есть, стало быть, спрос. И изрядный.

Все познать, познать даже чудо небывалое – это первый стимул, понятный.

Второй стимул чуть сложнее и, как бы выразиться, забавнее.

Древние греки были не вовсе неправы – они вообще ни в чем не были вовсе неправы, – полагая «условным идеалом» человека не обычного, земного, однополого, а гермафродита. Не обычного, реального то есть, а как высшее создание, соединяющее в себе женское и мужское начало одновременно. (От этого очень близко до того самого древнекитайского «Инь и Янь».)

Обладая транссексуалом (разумеется, он должен казаться достаточно красивым и привлекательным), мужчина как бы обладает женщиной и мужчиной одновременно. Здесь кроме «нормального» секса присутствуют также элементы гомосексуализма. (А зернышко гомосексуализма, повторимся, есть в каждом, причем – причем – оно естественным образом связано с зернышком же нарциссизма; нормального человека сколько-то привлекает собственное тело, и стремясь – пусть чуть-чуть стремясь, на тысячную долю процента стремясь, – обладать телом партнера своего пола, он одновременно стремится как бы к своему зеркальному отражению, воплощенному в другое тело.)

Противоестественное и невозможное сочетание женского тела с мужскими гениталиями – потрясает и может привести в сильнейшее возбуждение. (Отметим, что при нормальной психике и нормальном влечении это должно быть только при изрядном пресыщении традиционным сексом: приелось, остренького надобно.)

Что мы здесь имеем? Биполярность. Совмещение женского и мужского начал в одном человеке. Повышение энергетики объекта – не с точки зрения его биологического естества, тут-то как раз падение энергии, сведение полюсов воедино, разрядка и энтропия, по жизни транссексуал – и не мужчина, и не женщина, а так, существо третьего пола, унтерменш, мул, бессмысленное и бесплодное создание, ошибка природы. Повышение энергетики объекта влечения к себе. (Это аналогично повышенному влечению к женщине, выглядящей секс-бомбой и невинной девочкой одновременно: припомним гимназические платица некоторых проституток.)

Общение с транссексуалом как бы снимает запретность и неприятие с гомосексуализма: вроде бы мужчина и с женщиной, а в то же время вроде бы можно и по ситуации естественно иметь дело с половыми органами партнера и удовлетворить любопытство, тягу к ним, ощутить

себя в чем-то женщиной и познать, каково же удовлетворение от обладания членом партнера. (Аналогично это и любви втроем в варианте мужчина, женщина и юноша.)

(Под транссексуалом мы имеем здесь в виду, заметим во избежание ошибочного понимания, не лицо, полностью сменившее пол на противоположный, но того, кто полностью обрел женский облик за исключением мужских гениталий.)

Ни одному животному такие фокусы не могут быть нужны – незачем. Но человеку, избыточная сексуальная энергия которого есть аспект общей избыточной энергии – подавай то, что еще сильнее может возбудить его чувства; подавай то, что необычно, чего не может быть.

6. Онанизм. О нем уже столько всего написано, что, опять же, и упоминать незачем было бы, тем паче его уже не считают не только извращением, но и вообще поощряют как естественный начальный этап половой жизни. Если бы не пара моментов, оставшихся вне рассмотрения.

Онанизм – подготовка к нормальной жизни, утверждает современная сексология. О'кей. Но онанизм и нарциссизм – взаимонакладывающиеся кое в чем понятия. Рассматривание гениталий, мастурбация перед зеркалом, одобрительная оценка своих интимных подробностей – присутствуют всегда. Естественным образом совмещается это «краешком» и с эксгибиционизмом: мне нравится собой «заниматься» и на себя смотреть, у меня все неплохо устроено, – пусть и другие увидят и оценят (положительно), я неплох по сравнению с другими и с тем, что вообще требуется (я самоутверждаюсь через демонстрацию себя, сексуально значительного и привлекательного).

Вот вам, кстати, и нудистские пляжи. И стриптизерши, получающие от этого известное удовлетворение. (Сказки о страшной вынужденности бедолаг заниматься стриптизом и проституцией оставим моралистам: ни одна работа не может вовсе не доставлять человеку удовлетворения, особенно если неплохо получается, такова психика человеческая, он не может ощущать себя униженным животным, он во всем будет находить элементы кайфа и точки опоры для своего достоинства; да и если работа вовсе не нравится, долго ею никто заниматься не будет, всегда есть хоть какая-то другая.)

А отсюда недалеко и до «транссексуалофилии»: с прекрасной девушкой, тяга к которой естественна, обсуждать ее член, тяга к которому тоже в известной мере естественна (вот только мужика в придачу к этому члену вовсе не хочется).

7. «Флорофилия». Зачем распутнику обязательно девочки – есть такой разряд? А это более значительное действие, чем просто переспать с женщиной. Та и красива, и опытна, и темпераментна, и наслаждение умеет доставить – ан подумаешь, еще один акт, делов-то.

Ты делаешь девушке больно, ты делаешь ей это в первый раз, ты делаешь ее женщиной, она после тебя не такая, как была до тебя, и т. д. Первый раз для нее – это не то, что потом.

Девочку может быть и обольстить трудно, и в постели как холодное полено, и неприятностей потом не оберешься, если лет ей недостаточно – и вот, привлекает: трудность предприятия, сознание себя орлом, удовлетворение самолюбия, самоутверждение через то, что ты – первый, тебя не забудет.

Она меньше подходит для секса, чем искушенная зрело-молодая дама. Это и привлекает. Она меняется под тобой. Это и привлекает. Для нее это имеет большее значение, чем для женщины. Это и привлекает.

Что забавно – возбуждение здесь приходит через рассудок: да, так, – потому что именно рассудок анализирует расхождение между объектом и его предполагаемым назначением «девочка-секс», и именно рассудок оценивает величину поступка, величину действия: изменить существующее положение вещей, после тебя уже будет не то, что до тебя.

8. Аналогично может распалать некоторых мужчин сопротивление женщины: о, ты делаешь то, чего она не хочет, сейчас ты получишь наслаждение, пройдя предварительно через сламирование ее сопротивления. Да это почти то же самое, что изнасиловать первую приглянув-

шуюся на улице красотку. Познакомишься, привыкнешь, склонишь, распалишь, получишь – э, это уже рядом, все постепенно, не та острота ощущений, не тот путь пройден. А вот она еще незнакома, воображение вспыхивает, и тут же заголяешь ее и имеешь.

Ты получаешь то, что тебе не предназначалось, что считалось невозможным, ты развиваешь дополнительные усилия, от тебя требуется дополнительное возбуждение (не так легко взять сопротивляющуюся женщину, не потеряв в процессе борьбы эрекцию).

...Все как всегда, все как всегда: сильные дополнительные ощущения через значительные действия. И биполярность «сопротивление – соитие» как энергетический фактор, возбуждающий действие.

Но это патология? Да. Но – патология как гипертрофия зерна, которое содержится в любой нормальной психике. А иначе бы не было кокетства как завлекающего приема. Дозированное сопротивление увеличивает желание – какая же женщина этого не знает. Просто здесь (как и везде в патологии) мы имеем психический перекос – возбуждает уже не милое и невинное женское кокетство, ах, что вы делаете, противный, я этого совсем не хочу, не уходите, куда же вы, глупый, – а «кокетство» крутое, сильное: сейчас я сделаю тебя вопреки всему, вот это да, с ума сойти, аж голову пьянит, брыкается, ненавидит, какое наслаждение обладать ею.

§ 11. *Секс и культура.* Только человеку из всех животных потребно что-то выделять сверх нормальной половой жизни при полной возможности оной. Ему нужны еще какие-то ощущения, и в результате он предпринимает еще какие-то избыточные, сверх нужного, действия. Он додумывается до диких, удивительных вещей, и все это идет исключительно по линии «изменить то, что есть», «сделать не так, как было». А потом накручивает на эти изменения, произведенные им из его сущностной потребности изменять, витиеватые рациональные объяснения: мол, это очень нужно для чего-то.

1. Фаллические обряды. Из них самый распространенный и в наше время – обрезание. Ислам перенял его у иудаизма.

Вряд ли древний кочевой народ, имевший смутное представление о гигиене, ввел обрезание из гигиенических соображений. (У обрезанных практически не встречается рак головки полового члена. Медицина объясняет это отсутствием смегмы и продуктов ее разложения в складке крайней плоти под венчиком головки. А также огрублением нежной слизистой оболочки головки, что делает ее более стойкой к мелким механическим повреждениям. Многократные напряжения и мельчайшие незаметные повреждения уздечки, крайней плоти по круговой линии прикрепления к члену под головкой, и самой головки при мастурбации и сношениях вырабатывают ресурс восстановления ткани нормальными клетками, и в конце концов могут вести к появлению злокачественных новообразований. Заметим еще раз, что рак – болезнь преимущественно пожилого возраста – это болезнь снижения энергетики организма; примитивные раковые клетки менее дифференцированы, чем нормальные, им требуется меньше энергии на построение себя.) Воды мало, колодец – охраняемая ценность рода, мытье не шибко принято у полудиких пастухов, медицина как таковая отсутствует. Да в аналогичном климате жили и до, и одновременно с древними иудеями такие высокоцивилизованные народы, как египтяне, ассирийцы, персы, культура быта у них была намного выше, и прекрасно обходились они без обрезания.

Обряд в сущности варварский. Имеет что-то общее с обычаем некоторых океанийских островитян, где мужчины ходят нагими, упрягивать член в этакую берестяную трубочку – иногда длиной до полуметра и изогнутую, подвязанную самопальной веревочкой к талии. Чтоб в джунглях не повредить ответственное место? Но соседние племена и без таких чехольчиков упомянутое место неплохо содержат в целости.

Наиболее загадочным и бесполезным представляется ученым обычай австралийских аборигенов: юноше по достижению зрелости делается вдоль нижней стороны члена продольный разрез, рассекающий мочеиспускательный канал почти от основания до головки. Таким обра-

зом моча (и сперма) изливаются в основном через этот разрез, а не через мочеиспускательное отверстие в головке. На фига?! И австралийский абориген присаживается мочиться на корточки, как женщина. Ну никакого же тут смысла усмотреть невозможно: ни тебе гигиены, ни тебе никаких дополнительных удобств при сношении, ни тебе украшения себя (все равно этого в общем никому не видно).

Дорогие друзья. Чем, кроме всего многочисленного прочего, отличается человек от животных? Он себя украшает. Как же он себя украшает? В основе, в принципе – он делает себя не таким, каков он «по-простому», в натуре. Тряпочки, камушки, шнурочки, блесстки, раскраски. Он себя *изменяет*. Через это он ощущает себя более значительным, и таковым же его оценивают и остальные.

У первобытных народов, живущих в теплом климате, не требующем одежд, все сводится к изменению своего тела: надрезы, татуировки, раскраски, подпиливания зубов.

Взросление подростка-дикаря сопровождается атрибутикой: вместо наручных часов, или автомобильных прав, или вечернего костюма – соответствующие насечки, узоры и т. п.

Фаллические обряды как часть и разновидность инициации, т. е. перехода-посвящения во взрослое состояние, в принципе ничем не отличаются от насечек, подпиливаний, татуировок и т. п. – тело человека должно подвергнуться какому-то изменению и обрести какие-то внешние знаки отличия. Что и насколько урезаем – один черт, если это не мешает жить и получать удовольствие от жизни.

Но чем отличается фаллос от прочих органов? Это «корень жизни» – вся биологическая энергия рода человеческого, который «в идеале» стремится заполнить своим потомством, т. е. своим веществом, всю планету, как бы сосредоточена здесь. Именно этим и обусловлено для мужчины ощущение необыкновенной ценности фаллоса по сравнению со всеми прочими органами. Здесь сосредоточен весь смысл его биологической жизни за пределами самой себя, т. е. за пределами собственной особи – толпы грядущих потомков и все их свершения; здесь твои будущие дети и внуки, их свадьбы и подвиги, любовь к ним и забота о них, и вообще в твоих чреслах все будущее человечества, часть которого и порождение ты есть, слуга и господин одновременно, звено в цепи. Нет звена – нет цепи, и природа позаботилась, чтоб пуще всего ты берег себя как это звено.

А что такое религиозная жертва? Это дать неким условным высшим силам что-то хорошее и ценное – чтоб их задобрить, чтоб с ними дружить, чтоб они тебя не забывали, помогали, покровительствовали. Смотри, Бог, – я дарю тебе часть своей еды, одежды, драгоценностей, я тебя люблю, верю в тебя, я твой верный слуга, делаю тебе добро всем, чем могу, – ты знай это и относись ко мне соответственно, я этого заслуживаю.

А чем больше я буду тебе давать – тем ты будешь иметь больше всего, и будешь могучее. И с обратной же стороны – чем ты могучее, мой Властелин, тем большая доля всего добра причитается тебе с меня, так заведено в мире, а то ты разгневаешься на жадного и нерадивого раба своего, и отвернешься от него, и покарать можешь, и будешь прав.

Я на все готов ради Тебя – вот убиваю пленных и рабов, теперь они будут твои в Высшем мире. Плохи наши дела, мало мы тебя умилостивили, грозного, – так мы отдадим тебе наших первенцев (Ваал) – самое дорогое, что у нас есть, бери.

А можно – крайний вариант – посвятить своему Богу член, а можно член вместе с яйцами (скопцы): возьми все, возьми будущее, возлюби меня, ибо я возлюбил тебя превыше своих потомков и главного наслаждения, и теперь страсти не будут отвлекать меня от главного и единственного занятия – любить тебя и служить тебе.

Слушайте, евреи очень хитромудрые. Они решили принести в жертву своему единому, суровому и всемогущему Богу самое интимное и драгоценное, свой мужской корень жизни вечной народа – но не целиком, а только кусочек. Так, чтобы себе тоже осталось и жить не очень мешало; чтоб, опять же, можно было «плодиться и размножаться», как Он же и завещал, – не

то вымрет избранный народ, и некому будет служить Ему и исполнять заветы. Смотри, возьми, я жертвую Тебе от плоти своей, причем от самой драгоценной ее части. (Все справедливо, – «Если от многого отнять немножко, это не грабеж, а просто дележка».) А теперь мы с тобой родственники, правда? (Вариант стариннейшего обряда братства на крови.) А для отца – это как бы жертва Богу своих сыновей, их плоти и крови. (Авраам уже практически принес Исаака в жертву, но Бог явил, что достаточно и готовности к этому в сердце своем, и символически подменил в последний миг на алтаре под жертвенным ножом сына агнцем, которого тут же охотно и принял: то есть все в порядке, если ты для Меня на все готов – так ведь и Я же тебе отплачу добром, нечего сыновьями разбрасываться.)

Опять же: мы Тебе отрезаем понемножку, но всем народом, так что у тебя в общем больше этой плоти и крови в сумме, чем у любого из нас.

Да вообще: как ты доказываешь свою любовь и преданность любимому существу, товарищам, делу, Родине (а также Партии из советских анекдотов)? – А вот готов сделать то-то и то-то, пожертвовать ради него (нее, них) тем-то и тем-то, «а если надо – не колеблясь отдать саму жизнь», как говорилось всегда во всех присягах на верность королю, царю и т. д.

(Японцы вот в знак преданности начальнику в некоторых ситуациях мизинец себе рубили, и иногда на письме ставили им кровавую печать, – якудза и сейчас так делают. А русские зеки, клянясь в крутом споре, могут рубать ножом себе по предплечью, тоже шрамы на всю жизнь на руке остаются.)

Что такое клятва на крови? Это клятва, подкрепленная жертвой собственной крови, – причем кровь тут всегда является синонимом жизни.

Так что обрезание – это жертва собственной плоти и клятва на своей крови.

Все остальное придумано и накручено талмудистами и гигиенистами.

...Ну, а с прочими разнообразнейшими обрядами – от языческого (мужчина орошает весеннюю пашню своим семенем) и древнеегипетского (молодой жрец или доброволец на празднестве отсекает себе эрегированный член и публично посвящает его богине плодородия Изиде) до современных японских фаллических шествий – дело обстоит несложно, тут загадок и противоречий нет. Или это явная и понятная разновидность жертвоприношения, или символика жизни и плодородия, над чем тут голову ломать.

2. Вагинальные обряды. Вагинальные в строгом смысле этого слова с точки зрения познания, опять же, малоинтересны, ибо достаточно понятны. Типа: египетская жрица на религиозной церемонии всовывает во влагалище член принесенного в жертву животного (коня, осла, барана), и это символизирует оплодотворение лона царицы небесной, которая теперь должна одарить земных подданных всяческим плодородием природы.

У некоторых южноамериканских индейских племен девочке по достижении зрелости пожилые женщины разрывают девственную плеву. Тут тоже все понятно: ты уже большая, вступаешь в половую жизнь.

Интереснее обычай некоторых африканских племен, где принято девочке, приближающейся к возрасту зрелости, отсекают клитор с малыми половыми губами. Операция достаточно калечащая и, как нетрудно догадаться, очень болезненная. Рациональное объяснение: муж – он воин и охотник, часто отсутствует по необходимым мужским делам, ну так жена не должна быть похотлива, чтоб ждала спокойно в верности и воздержании, а то у африканцев темперамент горячий, сдерживающие центры слабые, и она может от сексуального голода под любого залезть, в отсутствие мужа-то. Эдакий дикарско-драконовский вариант пояса верности.

Почему, интересно, народы более развитые до этого никогда не додумывались? Да и соседние черные племена живут без этой вивисекции вполне благополучно.

Нет, ребята. Природа создала женщине самые эрогенные зоны и органы полового чувства совсем не для того, чтобы старуха с острым обломком раковины или бамбуковой щепкой их отрезала и выкидывала.

Что мы здесь имеем? Человек «подправляет» природу – изменяет, делает не так, как было. Причем на самом главном, «причинном», интимном и нежном месте.

Это разновидность инициации; так. А что такое любая инициация? Это: потерпи боль, показав свое мужество и готовность к трудной взрослой жизни, и получи знак, отметину, что ты прошла обряд и теперь взрослая, достойная. А где ж можно получить отметину более болезненную и значимую, чем на половых органах.

И это сродни украшению; так. Изменить свой естественный вид каким-то намеренным обрезом. Иначе будет некрасиво, противно, подруги будут смеяться, а юноши – брезговать.

Главному в природе это не противоречит: совокупляться, рожать и мочиться можно. Что касается наслаждения от секса – ну, так оно приобретает чисто вагинальный характер. Наружные ласки и возбуждения уже не те? Ну так при мужском обрезании головка члена покрывается вместо крайне чувствительной слизистой оболочки грубоватым эпителием, это тоже снижает чувствительность, но ничего, народ обходится.

Принцип, мотив, побудительный импульс в основе женского обрезания лежит все тот же: энергоизбыточное существо человек желает делать над собой что-то, изменяющее его. Он голый дикарь в Африке, возможности к изменению мира и себя у него очень скудные. И вот он смотрит по сторонам, размышляет, прислушивается и присматривается к себе; что бы такого сделать значительного? Он инстинктивно ощущает (как ребенок), что сделать такое женское обрезание – это дело значительное, серьезное, что-то будет изменено: вот есть в этом какой-то смутный смысл. Понять этот смысл он не может, и выдвигает объяснения, лежащие на поверхности (в чем, надо заметить, не отличается от ученых-этнологов).

Смысл же только в том, что он еще раз являет свою человеческую сущность: совершать избыточные действия, которые он сам придумал, и через это ощущать свою значительность, свою над-природную сущность. Примерно так сосредоточенно играющий ребенок придает важный смысл каким-то финтифлюшкам, и поднимает отчаянный рев, если не въехавший в смысл его действий взрослый что-то нарушает.

Черт возьми, да «человеческий мир» вообще очень условен, но сколько смысла для человека в этих условностях!

Гениталии – это важное место. Всему, что с ними происходит, человек придает важное значение. Любое их изменение для него очень важно. О них он особенно заботится, бережет, ухаживает, прикрывает, услаждает. Иногда как бы почти очеловечивает, а в некоторых религиях вообще обожествляет. Место жизни, как ни верти. Вот и изгиляется: татуировку на член, шарики под кожицу, «прическа» на лобке, колечки в половых губах. Ну и у дикарей аналогично.

3. Религиозные оргии. Все эти сатурналии, дионисии, ночи на Ивана Купалу с обнаженными игрищами и массовыми совокуплениями и пр. – в ту же струю. Человек ощущает огромное значение совокуплений – большее, чем просто наслаждение и рождение детей. Насчет повышения энергообмена, передела мира и смерти-рождения Вселенной он еще ничего не знает, – зато его инстинкт знает, что будущее человечества – это ключ и запал к самопреобразованию Вселенной. И вот этому дивному удовольствию траханья придается мистическое, над-человеческое значение. Формы выражения – смешные, наивные, зато и приятные. А суть: товарищи боги, силы всевышние, мы живем, плодимся-размножаемся по вашим заветам, посвящаем вам свои самые главные действия, в этом есть нечто высшее. Гм, и попробуйте им возразить.

4. Половая стыдливость и акцентирование внимания на гениталиях. Почему собственно, да? Какая условность, мы же люди цивилизованные и все понимаем. Долой стыд! Что естественно, то не стыдно, чем член в принципе отличается от локтя или живота, что его прятать надо?! Можно не прятать, можно...

Вот, значит, старая история, как блаженствовали невинные Адам и Ева в раю, отведали яблока с того самого древа познания добра и зла, узрели свою наготу – и прикрылись фиговыми листочками. Прикрыли именно те места, которыми друг от друга отличались.

Именно что отличались. Заметьте, до обнаружения этих отличий они не размножались и ничего не делали. Строго говоря, да они еще не были людьми. Никакой функции, никаких действий. Где биологическая энергия, где передел мира, где энергопреобразование, где познание и где созидательно-разрушительная деятельность? Так, гибрид полубогов с беспольными трутнями.

«Процесс пошел» с обнаружения полового различия; есть энергия, запущено действие! Разнополюсь как биполярность, как основание наличия энергии.

Стыдливость, табу на показ и разговор о гениталиях – это подчеркивание их значения, верно? «Наибольшей ценностью у людей полагается совокупление, но об этом не принято упоминать», – как отметил Марк Твен, не вдаваясь в анализ.

Чем больше разность потенциалов – тем больше заряжена батарея. Чем менее изолированы друг от друга ее полюса – тем больше перетекают заряды с одного полюса на другой, и батарея разряжается безо всякого совершения работы.

Прикрыть гениталии – и, естественным образом, если остальное тело голо, взгляд прежде всего устремляется туда: прикрытие одновременно работает украшением и приманкой. А воображение всегда рисует нечто более манящее и привлекательное, чем может быть на самом деле, ибо вообще воображение имеет дело с неизвестностью и поэтому для него нет пределов, оно ожидает чего угодно, оно рисует идеально желаемый объект, а идеал всегда превосходит реальность, она-то ограничена конкретной формой, а он-то «подогнан» в точности под желание, плюс «люфт» неизвестности обещает тебе возможность получить еще больше и лучше, чем ты даже можешь себе представить.

Не видишь желаемого и интересующего – еще больше хочешь видеть. Не познал этого – еще больше хочешь познать.

Здесь мы имеем запрет как стимул. Дополнительная плотина для накапливания более высокого уровня энергии.

Прикрывание и неупоминание гениталий – это 1. Признание и подчеркивание их исключительной важности. 2. Дополнительная стимуляция полового влечения. 3. Действие сверх необходимого, что есть аспект избыточной энергетике.

4. И одновременно подъем энергетике (человека) на более высокий уровень посредством искусственного сознательного действия.

5. Секс и табу. Вот уж ни на что не было столько разнообразнейших запретов у человечества, как на секс в самых разных его аспектах. (О сути табу см. главы «Табу и его разрушение» и «Искушение».) Оно и понятно. Главное наслаждение, главная ценность и главное направление биологической энергии к размножению.

Табу на показ гениталий. Хотя у спартанцев юноши и девушки занимались гимнастикой обнаженными и совместно, но такая нагота «не считалась». Так же, как в скандинавских странах вплоть до I Мировой войны были совместные общественные бани.

Табу на совокупление замужней женщины вне брака. Много веков в христианской Европе, а во многих исламских странах и сейчас это каралось смертью.

Табу на совокупление вне брака вообще, что также в ряде стран средневековой Европы каралось смертью.

Табу на совокупление с недостижими зрелости по закону, даже если биологическая половая зрелость достигнута и все произошло по взаимному влечению – в большинстве стран за это можно и сейчас огрести тюремный срок. Обычно закон смотрит на такие вещи сквозь пальцы, но если кто дал жалобе официальный ход – пиши пропало: он плачет, она плачет, судья вздыхает, руки держать за спиной и под конвой.

Табу на полигамию – везде, кроме ислама и дикарей.

Табу на обнажение различных частей тела в разные времена – ног, бедер, бюста, плеч, ягодиц. Еще в начале века ведь мужчины щеголяли на пляжах в комбинезончиках до колен, а дамы – в изящных рубашках до ступней.

Табу на групповой секс – почти всегда и везде, формулировки лепили типа «нарушение общественной морали», «развратное поведение», «порча общественных нравов» и т. п.

Табу на однополую любовь – эти статьи сняли из уголовных кодексов только в конце XX века, и только в «белых» странах.

Табу на онанизм. За это не сажали, но порицалось всячески, считалось постыдным, мерзким и безнравственным. А Бог за это Онана вообще пришиб.

Табу на изображение обнаженного тела, половых органов, совокуплений.

Табу на совокупление с животными.

И так далее, и тому подобное, и др., и пр. Из каких-то запретов следует, что некоторые люди всегда стремились так поступать – иначе и запрещать незачем было бы.

И даже у первобытных племен в райских лесах и на блаженных островах, где люди наслаждались друг другом почти вовсе свободно и бегали почти вовсе нагими, табу существовали. Скажем, племя делилось на четыре клана, и мужчины одного клана могли совокупляться с женщинами только другого определенного клана, а за нарушение полагались репрессии – изгнать, побить камнями, зажарить и съесть.

Или – женщины племени ходят голыми, а мужчины обязаны прикрывать перед и зад, и если приходит малознающий гость из другого племени, где ходят с голым задом, то вовсе голые женщины бешено хохочут и тычут пальцем на его ягодицы.

Сторонники табу норовят доказывать, что они имеют смысл, а противники норовят доказывать, что все это глупости, пережитки и суеверия.

Смысл некоторых табу очевиден и безусловен. Прежде всего – во избежание инцеста, браки между кровными родственниками ведут к вырождению, штука известная.

Некоторые же запреты явно условны – типа что можно обнажать и что нельзя. Относительность их подчеркивается зависимостью от места и времени: на пляже или на дипломатическом приеме, сейчас или в Средние века.

Но все они сводятся к искусственной, через разум, регуляции всего, что связано с половой жизнью и половыми различиями.

Что служит причиной этой регуляции? Повышенное внимание ко всем вопросам секса, ощущение их важности, потребность вмешаться в «естественный», то есть в «свободно-желательный» ход вещей и тем самым явить свою значительность через изменение мира, изменение «свободно текущего» процесса бытия. Энергоизбыточность, действия сверх необходимого.

К чему ведет эта регуляция и что она означает? Она означает более высокую степень структурализации общества, усложнение поведения – что ведет к повышению энергетики общества, как более высокая организация в противоположность энтропийному хаосу. Можно – нельзя, хочется – запрещено, поощряется – наказывается, хорошо – плохо: мы имеем сдерживание, накапливание, регулируемость энергии, направляемой уже под более «высоким давлением» по определенным каналам.

Абсолютно свободный секс может «съесть» изрядную часть всей энергии человека, пускающая ее в чисто биологическое русло (на уровне ощущений, размножение здесь «автоматически подстегнуто» природой к субъективному желанию человека). Ограничения же одновременно и возбуждают энергию, и ставят ей заслонки, аккумулируя. Что остается делать энергии? Идти на всякие дозволенные «человеческие действия». (Это очень близко к «теории сублимации», ошибочность ее лишь в том, что человек и его психика – не перпетуум мобиле, который генерирует энергию сам из себя и выдает наружу, а скорее турбина, которая преобразует энергию через себя, получая ее извне и выдавая наружу же. Так что «созидательная» и «творческая»

деятельность – это воплощение не сексуальной энергии, которая пускается в другие русла и трансформируется в другие виды, а общая, универсальная, так сказать, энергия человека, которая приходит с пищей, водой, воздухом, светом, преобразуется в организме, но ей перекрываются «широкие» ходы через сексуальные центры, и она может идти только на что-то другое. Разница такая же, как если выгнать бесшумных и фанатичных профессиональных танцоров из танцевального зала в поле копать картошку – или закрыть двери зала на замок и оградить пикетами, которые погонят в поле на картошку людей, которые вообще-то шли с желанием потанцевать, это приятнее полевых работ, но раз не пускают в зал и гонят в поле, так что ж делать... силы и время есть, раз не танцевали. Но из того, что люди больше хотят танцевать, чем копать картошку, еще нельзя делать вывод, что энергия копания картошки – это сублимированная энергия танцев: это одна и та же энергия, которая пускается на то либо другое.)

А теперь давайте уберем к черту все табу, и посмотрим, что из этого получится.

Чего так сразу убирать, у некоторых народов их и так почти нет. У эскимосов не было запретов на половую жизнь детей, на публичное совокупление – дети весело и принародно играли пипками друг дружки, а взрослые тут же с рычанием друг друга имели, не снимая мехов. И то сказать, много ли радостей у эскимосов в ледяной заполярной Гренландии. И что? И вот вам аморфный и вялый народец, сил которого еле-еле хватает на выживание в этих суровых условиях, У папуасов не было табу на обнажение, на свободные любовные игры (муж жене может, конечно, морду набить, но это и все) – и они сладко резвились друг с другом, «объедаюсь лотосом», – на хрена что-то делать, если и так хорошо.

Упрощение структуры системы ведет к понижению ее энергии. Это движение в сторону хаоса, энтропии, бессилия.

Что такое «разврат и упадок Римской империи»? А это – все можно, живи в свое удовольствие, так на хрен что-то делать, да и сил и желания уже меньше.

О. Вот то, что мы сейчас, в конце XX века, имеем в «белой цивилизации». Лесбос – пожалуйста, гомосексуализм – пожалуйста, онанизм – приветствуем, сожительство вне брака – святое и законное право личности, порнография – кто смеет ограничивать взрослых людей в их безвредных для других желаниях, стриптиз – почему же нет, проституция – древнейшая профессия, почти абсолютное обнажение на пляжах – не надо стыдиться своего тела, непристойные упоминания половых органов и соития в кино и литературе – мы не ханжи, и вот уже «художник» какает на вернисаже, объявляя это «хэппенингом», актом искусства. И то сказать, нагадить под чужой картиной проще, чем нарисовать свою.

Приходят гости, нарядно одетые люди пьют за накрытым столом чай или вино, говорят друг другу всякие приятные вещи, и в это время телевизор рекламирует им женские прокладки, чтоб слизь и моча не пачкали трусы и не воняли. И каждый невольно задумывается, какая прокладка в трусах у миловидного создания рядом. Приятного аппетита.

И что? И то, что мусульмане натягивают на своих баб паранджу, сплевывают с гневом и презрением в сторону европейцев, захватывают и взрывают самолеты с пассажирами и готовы отдать жизнь за то, что почитают ценностями большими, чем жизнь. А евроамериканцы не могут посулить своим людям ничего, кроме потребления и личного благополучия. Кто более энергичен? Кто способен больше дел наворотить? Кто более готов умереть, но защитить свою «честь», «закон» «благопристойность»? Ага. За тем и будущее.

«Культурный» русский считает «дикого» чечена да, именно дикарем и бандитом. Обнажит чеченка бюст публично, хоть и на пляже? Да вы с ума сошли, это позор рода, ее камнями забьют. Дикость? Гм. Но одновременно – это высочайшая энергетика народа. И не может победить стотридцатимиллионная Россия менее чем миллионную Чечню. Духу не хватает.

Табу и позор его нарушения – это повышенная энергетика. Вседозволенность – это пониженная энергетика. А, все можно, и нечего переживать, и не надо дергаться.

И вот выясняется, что у нынешних скандинавов, потомков отчаянных и яростных викингов, у этих современных пионеров гомосексуальных браков и бесплатных шприцев для наркоманов, у мужчин и объем эякулита меньше, и содержание сперматозоидов в нем ниже, чем еще полвека назад. Вырождение-с. Зато все можно.

Вот кубический деревянный ящик. В нем под давлением содержится энергия. И под этим избыточным давлением выходит в дырочки в стенках. Давление высокое, струйки аж свистят. И совершают всякую работу – турбинки крутят, тросы на блоки наматывают и так далее. И вот мы взяли – и убрали стенки. И энергия пошла во все стороны. И ее избыточное давление рассеялось в окружающем пространстве. И больше она ничего не может. Считай, нет ее.

Похожим образом обстоит дело с обществом и табу.

Рост импотенции. Рост бесплодия. Рост сексуальных меньшинств. Падение рождаемости. Упадок института брака и семьи. Всеобщий пофигизм. Это мы, Господи. Зато мы современные свободомыслящие люди, и всяких глупых табу у нас почти уже не осталось.

Короче, снятие сексуальных табу является показателем снижения биологической, психической, человеческой энергетики общества – и, одновременно, само снятие снижает эту энергетику. Ку-ку.

6. Культура секса. Изощрение, продленность и т. п. Все это прекрасно, и все за. Инструкций, пособий и наставлений – полно. «Что мы будем делать теперь, когда ты затащил меня в спальню». «Как удовлетворить и сделать счастливой любую женщину». «Эрогенные зоны и предварительные ласки». Увеличение члена хирургическим путем и восстановление девственной плевы (если она кому нужна) таким же путем, но уже гораздо дешевле (и то сказать, всему своя цена).

Заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибет. А также икону, киот и стену в церкви. Потому что лоб у него удивительно твердый, а усердия хоть отбавляй. Мир в основном состоит из дураков. Таки что можно сделать, остается констатировать.

Культура секса – это прекрасно. «Но есть же, черт возьми, вещи, которые не говорят вслух!!!» – завопил выведенный из себя Наполеон.

Открытое и публичное акцентирование внимания на культуре секса – это один из моментов общего сексуального детабуирования, того же падения энергетики общества.

Другой момент: продление акта ведет к ускорению импотенции мужчины и развитию опухолей простаты. От природы этот орган не рассчитан стоять по часу и полтора: застой крови и секретов внутренних органов, функциональные нарушения ведут к физиологическим.

А пресыщение ведет к уменьшению желания. Так же как прозаические и неэмоциональные, «деловые» обсуждения сокровенного. Волнующая и возбуждающая сокровенность частично подменяется эдаким бытом типа урологически-гинекологического обследования.

Ничего не уметь – плохо. Но гнать обсуждение и научение сексу на уровне кулинарной книги и обретения приличных манер – тоже идиотство. Цивилизованные народы, склоняясь с вершины к упадку, отлично умели все делать в постели – но будущее было за нематыми варварами, неискусными, но с грубой и напористой силой.

К чему я призываю? Я ни к чему не призываю, я не призыватель, у меня другая специальность, я отыскиваю в темной комнате кошку и называю ее кошкой.

Культура секса отделяет ощущение от действия – наслаждение соитием от деторождения. Пилюли и безопасные дни. Все большее «окультуривание» природы. Все более энергоизбыточные действия сверх необходимых, причем здесь действие идет по линии получения ощущения «напрямую», сродни онанизму, наркомании и нажиманию педальки столь знаменитой крысой. Рассеивание энергии без результата в окружающем мире.

Кое-где в древней Индии культура секса находилась на необычайной высоте. «Кама сутра» и храмовые барельефы стали учебником секса для белого мира XX века. И где величие той Индии, где ее энергия? Рассеялись в пространстве. Индия пошла по интравертному пути:

ощущать и осознавать, но не делать и изменять мир. И в свой час стала легкой добычей грубых и энергичных европейских варваров, чья культура чувств и интеллекта индусским в подметки не годилась.

Почему культура секса существует? Потому что человек стремится к ощущениям, а здесь достигаются ощущения «высшего сорта».

Почему культура секса – ценность и часть общей культуры? Потому что ценностная шкала человечества субъективна, оно все оценивает с точки зрения хорошеи, приятности, желанности для себя.

Почему культура секса – выпуск пара в свисток? Потому что ощущения и разум «с точки зрения природы» нужны лишь для того, чтобы переделывать мир, совершать максимальные действия, все больше повышать уровень энергопреобразования всего окружающего.

Наслаждаться всеми преимуществами упадка цивилизации бывает необыкновенно приятно, но надо же и отдавать себе отчет в том, что к чему и почему.

Мужчина и женщина

Хотел бы я знать, что было написано в раззолоченном томе с аналогичным названием, который так любил почитать Васисуалий Лоханкин. Но поскольку каждый человек в свой срок задается мучительными вопросами типа несправедливости природного и социального неравенства полов, поскольку наше время дает примеры удивительного стремления уже не к равенству, но к одинаковости полов в их социальных функциях, есть смысл обозреть все опорные точки проблемы и сделать вывод.

1. Возникновение полов. У простейших живых существ деления на мужские и женские особи нет. Нет микроба-самки и микроба-самца. Амеба размножается делением. У низших организмов деление происходит на клеточном уровне.

Но уже у растений появляется разнополость, не говоря о фауне начиная с простейших насекомых. А усложнение организации особи и повышение ее энергетичности – суть одно и то же. Уже само по себе разделение живой системы на два пола – есть повышение ее внутренней энергетичности, определяемой самим наличием дупольности.

Здесь дупольность подобна разделению энтропийного Хаоса Демиургом на свет и тьму, материю и пустоту и т. п. Абсолютная однородность не просто ничего не может – она вообще в принципе не существует, ибо в ней (при ней) нет самого пространства-времени.

Можно, конечно, разделить нечто не на две половины, а на несколько или множество равных или неравных частей, но это уже будет усложнение сверх необходимого, что противоречит генеральному принципу природы: энергетической целесообразности процесса. Множество частей всегда будут испытывать две противоположные тенденции: увеличить свое число и разделиться на еще более мелкие – и слиться воедино в одно целое; причем обе тенденции «с разных концов» ведут к одному и тому же: сплошной однородности, то есть бесплодности, энтропии. Предельно крупная и минимально возможная часть целого – половина, противоположная другой половине: ее единственный возможный «союзник» для слияния – одновременно является отталкивающим ее «врагом». Два полюса батареи и т. п.

Так что допущения фантастов о существах с пятью и более полами – не более чем мелкая интеллектуальная игра.

Понимание сущности двух половин целого в Природе давно нашло выражение в символическом Янь и Инь.

Дупольность возникла по мере повышения энергопреобразования вещества Земли и есть ее логичная эволюционная стадия.

2. Развитие полов. Вынашивание, развитие, рождение организма – или, говоря шире, вся подготовительная работа материнского организма по явлению на свет организма дочернего

– процесс куда более сложный и трудоемкий, чем собственно акт зачатия. А природа, еще раз повторяем, очень экономна, просто скупердяйка иногда, и своих целей достигает минимально возможными средствами. Итого – что мы видим у насекомых? Мы видим, что самец – это просто самодвижущийся придаток для оплодотворения самки. Кто летает, жужжит и пьет кровь? Комариха. А комар-муж? Малявка однодневная, подлетел, сделал свое дело и сдох. Комариха и сама отлично выживет и размножится, ее только оплодотворить надо.

И жрет новобрачная богомолиха женишка-богомла, и закусывает ошастливленная паучиха молодым мужем. Осы, пчелы, стрекозы, еще много кто – используют отдельную мужскую особь только для оплодотворения. Потому мужичок мал и ничтожен.

Но чем сложнее организм – тем сложнее процесс деторождения, тем больше на него требуется энергии. И мужская особь подключается к процессу: кормить самку, сидящую долгие дни и недели на яйцах, оберегать гнездо от конкурентов и хищников. И тогда уже оказывается, что родить-то – дело сравнительно нехитрое, тут уже природа сама обо всем позаботилась, а вот отвоевать себе место под солнцем – потруднее будет, и от твоих личных качеств многое зависит. И вот мы видим у птиц и животных, что самец – крупнее и сильнее обычно.

Чем проще организм, тем больше его биологическая энергия являет себя через простое его размножение. Что может комар? сосать да размножаться. Чем сложнее организм – тем сложнее механизм его взаимодействия с окружающей средой, тем большая часть его биологической энергии идет на энергопреобразование окружающей среды через целесообразные действия индивидуума. От вороны отбиться, от ястреба удрать, мошек наловить, гнездо построить, соперников отгонять – аж спина мокрая, гуаном с ветки – кап! – почву удобряем. И тут на самца приходится большая нагрузка, чем на самку. И «по жизни» зависит от него больше.

И вот уже здоровенный бизон, или лев, или орангутанг обзаводится целым гаремом самок: оплодотворить недолго, да и выносить и родить несложно, а вот прокорм и безопасность семье обеспечить – это потруднее, тут конкуренция, опасности, надо проявлять умение и силу. И мышцы его массивнее, и скелет, и, гм, мозг тоже чуток побольше будет.

А чем сложнее организм и чем выше его «энергопреобразовательная рабочая мощность» – тем дольше он развивается: месяцы и годы, сравнимый с человеческим срок.

3. Детство. Несколько общеизвестных фактов. При рождении в среднем мальчик весит чуть-чуть больше девочки. Но развивается девочка быстрее. Раньше начинает ходить, раньше начинает говорить, раньше достигает половой зрелости, перед этим некоторое время обгоня мальчишка в росте и весе. Вообще-то это говорит о том, что мужчина устроен чуть-чуть сложнее и достигает «общей жизненной мощности» чуть-чуть большей.

4. Конформизм. Девочки послушнее – мальчишки капризнее. Девочки – в младших и средних классах как правило – лучше учатся. Девочки старше своих сверстников не только биологически, но и умственно: они легче и быстрее усваивают устройство мира в том виде, в каком получают все сведения о нем от старших. Они усидчивее и старательнее, они аккуратнее, они не хулиганят (в среднем, в среднем...).

То есть: они легче вписываются в этот мир, органичнее, он устраивает их больше, чем мальчишек, у них меньше моментов несогласия и протеста. И в детстве они за счет этого преуспевают больше мальчишек.

У мальчишка же больше пунктов несогласия с этим миром. Еще в младенчестве он был крикливее девочки, орал больше и дрыгал ногами по любому поводу. Он спорит, озорничает.

Девочка более утверждает себя через свою «взрослость», рассудительность, «правильность», она значительна именно своей инкорпорацией в мир «настоящих» взрослых ценностей и представлений. И оценки и похвалы и согласие взрослых укрепляют ее в этой самооценке. Ведь взрослые, умные и значительные, хозяева мира, и она ближе к ним, чем мальчишка.

5. Негативизм. Об этом написаны библиотеки для социологов и педагогов, а слезы лил каждый родитель независимо от того, умел ли он вообще читать. Мальчик-подросток – это же

тихий ужас! Он вечно имеет свое мнение, он выкидывает фортеля, у него ужасная компания во дворе, у него синяк под глазом и запах табака изо рта. И т. д.

Мальчика не устраивает этот мир. Он хочет «чегой-то» делать не так, как есть. Его негативизм – не более чем проявление избыточной энергии – той самой, благодаря которой через несколько лет он действительно начнет переделывать мир.

6. Физические данные. У мужчины значительнее. А вдобавок, черт возьми, у него в среднем крупнее голова и мозг.

7. Умственные данные. Следует ли из этого, что мужчина умнее женщины? Если брать показатели в науках и искусствах – да, мужчина получается интеллектуальнее. Но давно отмечено, что женщина мудрее мужчины. Не насчет философии, а насчет жизни. В решении семейных, бытовых, житейских проблем и споров женщина как правило достигает своей цели чаще и вернее мужчины. Трудно сказать, мужчины или женщины впервые пустили в оборот выражение «женский ум», что означает простую хитрость, здравый расчет, наблюдательность и высокую способность к анализу простейших окружающих вещей. Во всем, что касается семейной жизни, устройства своего положения, рождения и воспитания детей – женщина более «здрава», чем мужчина.

Если ум мужчины более направлен на преобразование мира, то ум женщины успешнее справляется с обеспечением сохраняющей функции. Здесь умнее она.

Разница в некоторых функциях левого и правого полушарий мозга у женщин и мужчин – следствие обеспечения разницы в их функциях в жизни.

8. Социальная разница. Перед законом, слава Богу, во всех цивилизованных странах мужчины и женщины сейчас равны. Из этого часто следуют глупости эпохи – но какая эпоха обходилась без глупостей, – типа женщин-полицейских и женщин-солдат, успешно побеждающих мужчин в рукопашных боях; правда, это происходит в основном в голливудских фильмах, нежели в действительности, и направлено на то, чтобы удовлетворить чувство социального равенства женской аудитории и вызвать у мужской симпатию к победе слабого над сильным.

В политике, управлении, бизнесе – т. е. там, где энергия индивидуума резко увеличивается путем подчинения и использования энергий множества других индивидуумов – женщина крайне редко достигает заметных вершин, а исключения типа главы крупной фирмы или государства лишь подтверждают общее правило. Честолюбие, властолюбие, потребность самоутвердиться через высокую социальную роль у женщин в среднем гораздо слабее, чем у мужчин.

Матриархат где-либо и когда-либо в прошлом есть скорее произвольные умпостроения историков – никаких достоверных аргументов в его пользу нет. То, что женщины меньше рисковали жизнью и поэтому дольше жили – лишь повод к предположению, что именно по женской линии могли передаваться знание и имущество, а вместе с ними и власть. Равно как и фантастично-недостоверны мифы о разнообразных амазонках: если мужчина в бою, в том числе и как лучник, в принципе в среднем сильнее женщины, то с чего бы взяться этим легендарным женским «легионам смерти», наводящим ужас на врагов-мужчин.

Материнская, сохраняющая, функция женщин определяет все.

9. Секс и двойная мораль. Главная часть собаки зарыта именно здесь. Именно двойная мораль возмущала всегда чувство справедливости думающего человека: почему общество позволяет мужчине больше, чем женщине?!

По порядку.

А). *Сластолюбие и чувственность.* Мужчина гораздо более женщины вообще стремится к наслаждению, к получению сильных положительных ощущений. Сладкоежки в основном мужчины, а не женщины, вопреки трафаретному обычаю дарить лакомства именно женщинам, а не мужчинам. Среди как гурманов, так и обжор, женщины среди подавляющего большинства мужчин встречаются крайне редко.

Подавляющее большинство пьяниц, алкоголиков, наркоманов – мужчины, а не женщины.

Склонность к игровым развлечениям – картам, нардам, костям, домино, кеглям и т. д. – гораздо более свойственна мужчинам. Социальная заданность или просто общественная традиция здесь ни при чем: в настоящее либеральное время равенства, в равном коллективе типа студенческого и т. п., мужчины все равно предаются развлечениям гораздо больше, женщины гораздо пассивнее и менее азартны.

Почти все спортивные болельщики – мужчины.

Из всего этого следует вывод, что центральная нервная система мужчины активнее, мощнее, требует больше нагрузок, и если их нет – изобретает для их получения условные поводы.

Мужчина – энергичнее.

Б). *Самоудовлетворение.* Статистика свидетельствует, что в период созревания и ранней половой зрелости онанизмом занимается 95 % юношей и лишь 30 % девушек. Юноша гораздо чувственнее.

В). *Диапазон раздражителей.* Почти вся эротическая и порнографическая продукция производится для мужчин и потребляется ими.

Вид обнаженного женского тела, будь то на сцене, на фотографии или на экране, возбуждает почти любого мужчину.

Бизнесмены, наживающиеся на издании порнографии, давно решили гнать порно для женщин, с упором на мужское тело, мужской стриптиз и т. п. Результаты исследований оказались малообнадёживающими: лишь 5–7 % женщин возбуждаются при виде специально для того обнаженного тела «мужчины вообще», пусть даже очень сексуального, но «абстрактного».

То же относится к порнографической литературе.

Часто говорится, что «мужчина любит глазами, а женщина – ушами». Глупости! Мужчина любит ушами еще больше, чем женщина. На всех «горячих» телефонных линиях обслуживаются почти одни только мужчины, чрезвычайно возбуждаемые вербальной порнографией в свой адрес. Почти любая женщина может возбудить почти любого мужчину, просто говоря ему эротические вещи. Просто обычно мужчина уже и так возбужден, а женщину ему еще надо возбудить, вот он ей и наборматывает, нашептывает. (Механизм возбуждения женщины от комплиментов иной, он связан с избирательностью ее сексуального чувства.)

Крайне редко встречается у женщин фетишизм, т. е. возбуждение вплоть до оргазма при лицезрении или касании каких-то предметов, которые через ассоциативные связи задействуют сексуальные центры.

По старому анекдоту, рядовой Иванов думает о женской половой штуке, глядя на кирпич, потому что он о ней всегда думает. Мужские сексуальные ассоциации гораздо богаче женских по простой причине большей вообще мужской сексуальности.

Г). *Извращения.* Несравненно чаще мужчина живет с козой, нежели женщина с кобелем. Мужчине больше хочется, вот он и сдвигается на заменителях чаще.

Д). *Избирательность.* Обычный мужчина не прочь перетрахать всех женщин, которые кажутся ему сколько-то симпатичными. Они могут быть вообще ему незнакомы: шел, увидел, поимел. Женщина же испытывает к мужчине влечение с первого взгляда отнюдь не в большинстве случаев. Ее физическое влечение, как всегда все знали, более связано с узнаванием, его умственными и духовными качествами и т. д.

С точки зрения целесообразности продолжения рода, отношения к созданию семьи и воспитанию детей это совершенно понятно и многократно проговорено: он может оплодотворить кучу женщин, а ей надо иметь поддержку и защиту для их рождения и выращивания и т. д.

То есть: он накидывается на все подряд, его роль от природы активна, ему больше хочется – а она отбирает себе подходящего кандидата. Почему и говорится, что на самом деле выбирает не мужчина, а женщина: ему откажут из двадцати девятнадцать, а она предложит себя почти кому хочет – и ляжет он с ней, как миленький.

Мы опять же имеем большую от природы активность мужчины.

Е). *Сила чувства.* Оргазмы мужчины весьма нивелированы по своей остроте и силе ощущений. Зависимость высоты пика оргазма от способа удовлетворения и партнерши разумеется есть, но разность этих пиков вполне соизмерима, а акт достигает оргазма практически всегда (мы берем нормальных мужчин и женщин, разумеется).

Женщина испытывает оргазм далеко не всегда (не говоря уже об условных 30 % фригидных женщин). Но «зато» сильный оргазм темпераментной женщины гораздо мощнее мужского, сильнее потрясает ее чувства: женщина буквально теряет сознание, не может сдерживать непроизвольные стоны и крики и т. п.

В принципе, на уровне ощущений, нервная система женщины реагирует на «желанный» половой акт сильнее, чем мужская. На уровне первичном, базовом, уровне прямых ощущений, для женщины акт есть большая величина, чем для мужчины. Для нее это большее событие, больший поступок, он имеет больший вес, большую ценность. (Это отнюдь не в большинстве случаев, разумеется, это в том лучшем варианте, о котором каждая женщина мечтает, и который практически для каждой нормальной женщины возможен; уже другое дело, что на практике это бывает далеко не всегда – но как бы потенциально существует.)

Так что уже вне зависимости от морали, социума и целесообразности для продолжения рода, а на уровне самих ощущений (а уровень ощущений прежде всего вылезает в подсознательный уровень!) половой акт есть для женщины большее, чем для мужчины.

Ж). *Степень готовности.* Мужчина «может» только тогда, когда он «хочет», а хочет он почти всегда (если только партнерша не приелась, это у мужиков, увы, дело обычное...). Женщина хочет гораздо реже, ну, далеко не всегда – зато всегда способна выполнить роль второй стороны. От природы женщина способна к выполнению пассивной роли практически всегда, и на способность к зачатию и деторождению это сказывается мало и непринципиально.

Увы, можно констатировать «природное неравноправие»: мужчина готов всегда, когда он хочет – а женщина готова всегда, когда, опять же, он хочет. Чисто технически, так сказать, на уровне физических возможностей.

А наоборот нельзя?..

З). *Степень активности.* Если мужчина хочет, а женщина нет, он ее всегда может (физически): подпоить, изнасиловать, подкупить, уговорить и т. д. Если женщина хочет, а мужчина нет – хоть ты тресни, она его не получит, эрекции у него не будет.

Она может вызвать его желание разными способами: возбудить руками, распалить речами, стриптизом, алкоголем, – но у него должно возникнуть желание, и все тут, добивайся хоть как. Против желания она его иметь не может.

Как мужчина насилует женщину. Просто: всовывает.

Как женщины насилуют мужчину? (Что случается в женских колониях, общежитиях и т. п. при резкой нехватке мужчин.) Механически возбуждают половой член и перетягивают его у основания шпагатом, леской и т. п., чтоб воспрепятствовать оттоку крови, после чего могут «пускать на хор». Процесс уже сложен, поступенчат. Последствия обычно тяжки, вплоть до некроза и ампутации. И случаи изнасилования женщиной мужчины редки, исключительны.

И). *Степень ответственности.* Саночки возит женщина, тут с природой не поспоришь... Ей беременеть, ей носить и рожать, ей поднимать детей одной, если мужика нет.

Вопрос: так может ли женщина соревноваться с мужчиной в том, что свойственно более мужчине, а не женщине? Ответ: может-то она может, да результат будет не в ее пользу.

Есть два полюса, два начала, два пола, с «маленькой разницей» в устройстве и предназначении. «Двойная мораль» отражала и культивировала эту разницу.

Как самоутверждается мужчина в сексуальном плане, чем он может выделиться как значительный среди себе подобных? Сексуальной мощью, количеством связей, числом женщин,

которыми обладал. Да все это в основном по молодости, когда влечение огромно, а у большинства юных женщин влечение еще толком не развилось, и если ты ею обладал – значит покорил, уломал, добился, обольстил, потому что она ведь под каждого не ляжет, нет, ну ты гигант, твоя сексуальная значимость велика.

А если женщина равным темпом пойдет по мужикам? Да любой и так готов, и переспать со всеми подряд ничего не стоит. Здесь и достигать нечего, и никак свою значительность ты этим не утвердишь. Вместо уважения и зависти окружающих ты получаешь пренебрежение.

Слон и гепард не могут самоутверждаться через одно и то же, условно говоря. Один утверждается через силу и величину, другой – через скорость бега, и каждый может гордиться этим перед другим.

Женщина не может самоутверждаться в сексе «мужским» способом – это означает пытаться переть против очевидности природы. Если один пол противопоставлен другому, то и самоутверждается он через противопоставленное поведение. Наряды, прически, косметика, украшения, кокетство, обольщение – увлечь и распалить как можно больше поклонников, и никого не подпустить! Они все сходят по мне с ума, на все готовы, а я верчу ими как хочу, и выберу того, кого захочу и когда захочу.

К). *Двойная мораль.* Итак: есть активный, неизбирательно чувственный мужчина – и пассивная, избирательно чувственная женщина. И утверждается каждый через то, в чем он сильнее другого. Мужчина сильнее в том, чтобы взять, – кого угодно, независимо от ее желания. Женщина сильнее в том, чтобы не дать – кому угодно, независимо от его желания. И чем больше эта разность между двумя полюсами – тем выше энергетика напряжения.

Сильное – слабое, активное – пассивное, большое – маленькое, твердое – мягкое: эта диалектическая пара подобна паре полюсов заряженной батареи. Больше разность – больше энергии – возможность совершить большую работу.

Люди это всегда знали, более инстинктивно, нежели осознанно. Больше энергетика – больше жизни, всегда хорошо и правильно; меньше энергетика – меньше жизни, всегда плохо и неправильно.

Двойная мораль – лишь аспект половой дуполярности общества, которая противостоит хаосу и гибели, небытию. Зафиксировать, культивировать, развить противопоставленность одного другому!

Заметки на полях:

(Голова и шея. Можно сказать, что мужчина переделывает мир посредством себя, а женщина – посредством мужчины. В этом плане женщина является высшим существом, более сложным, способным на большее энергопреобразование путем использования многих мужчин, и путем небольших усилий заставляя мужчин делать большие усилия.

Культ прекрасной дамы – один из случаев и примеров – рыцарь посвящает свои подвиги и т. п.

«Лисистрата» – женщина может добиться от мужчины чего угодно, в этом ее сила.)

(А двойная мораль есть мораль двух начал, призванная увеличить их разницу и дать большее энерг. напряжение между ними.

И – если ты не можешь утвердиться в одном, то можешь утвердиться в другом. Суть – выбрать, найти, определить аспект, в котором ты сильнее других. Женщина сильнее мужчины в том, чтобы не дать. Соблазнить ее труднее и т. п.)

Несовпадение вершин

Пик мужской сексуальности приходится на 18–23, а женской – на 30–35. Зачем, почему, отчего?

Таким образом юноша страдает от неудовлетворенности. Он готов к совокуплению всегда и в любой момент. Постоянной партнерши у него как правило нет. Устройство жизни несет его в армию, в путешествия, в замкнутые мужские коллективы, где отсутствующими женщинами просто бредят. По ночам у него поллюции. Семью содержать ему не на что. Социально он еще незрел. Общество ранние мужские браки в принципе не одобряет, уклад и обычаи им не способствуют.

Когда же он в этом возрасте женится, он стремится иметь несколько сношений за ночь и в любое время суток. Молодая жена мощь его страсти обычно разделить не в силах. Ее сексуальная потребность гораздо меньше. От столь активной половой жизни она часто чувствует себя разбитой, ей столько не надо, она относится к этому как «к исполнению супружеского долга», тяжелой женской повинности. Скандалы делаются обычны: он крайне болезненно реагирует на то, что она сейчас совсем не хочет, а ее достает и возмущает то, что вот он вдруг опять захотел, а с ее решительным отсутствием желанья в данный момент ну никак же не желает считаться, что за гадский мужской эгоизм.

Проходит десяток лет, и ситуация меняется. Женщины жалуются подругам и врачам на неудовлетворенность. Их сексуальная потребность теперь выше того, что они получают от мужа.

Вопрос: а где же гармония природы, черт возьми?

Традиционно, почти всегда и везде, мужчине рекомендовалось вступать в брак около 30, а женщине – около 20. С социальной точки зрения это понятно: он должен «войти в силу», «стать на ноги», найти свое место в обществе, иметь возможности обеспечивать и защищать семью. А она к 20 давно полностью готова ко всему, чего ж ей зря вянуть и пропадать.

О'кей. Тогда почему бы, черт возьми, ее половому влечению не достигать полного развития в 20, а его – в 30?..

Опять же: девушка формируется и взрослеет раньше, не только физически, но и, в силу женского конформизма и лучшей обучаемости, умственно раньше, в 18 лет она уже взрослая женщина, рассудительная и зрелая, по своему мировоззрению она готова к самостоятельной жизни гораздо лучше горячих и незрелых сверстников. Где же ее половое влечение, равное мужскому? И – на кой черт ей нужна в 35 лет большая половая потребность? Казалось бы: солидная замужняя особь, семья есть, дети рождаются, что получила от мужа – на том и спасибо.

И почему бы тогда мужчине в 20 лет не быть полуфригидным, а в 40 становиться сперматозавром и ломать с женой супружескую кровать? Увы, увы.

А что, если женить 20-летних юношей на 30–35-летних женщинах? Не получится. Все приличные женщины до 25-летнего возраста (ну, в среднем, условно) будут разобраны, обольщены, соблазнены, взяты замуж. Да и что ж ей, основную и лучшую часть жизни полноценным человеком не быть и детей не рожать?..

Тогда логично узаконить сексуальные связи юношей со зрелыми женщинами. Муж им покажет связи! Головы отвинтит! И общество всегда будет на его стороне.

Вождедеющий юноша и истомленная женщина могут счесть, что вообще общество устроено неправильно, несправедливо. Зарабатывание денег, барахло, положение – короче, частная собственность виновата, что не могут милые любить друг друга в шалаше свободно и без забот. На теплый остров бы, под пальму с бананами, любить друг друга на песке у прибоя, свободные и невинные, как дети природы.

Много вы понимаете в детях природы. Увы-увы, нет гармонии и там. Моржи и волки, обезьяны и львы, лошади и антилопы – тоже несчастливы. Могучий матерый вожак гоняет прочь горячих юных самцов и сам удовлетворяет гарем самок. А юноши страдают, облизываются и мечтают его свергнуть, самим занять сладкое место.

Там, скажете вы, естественный отбор. Самый приспособленный передает свои гены. Логично.

У людей, получается, тоже всегда попахивает естественным отбором. Сначала докажи по жизни, что ты мужчина! Стань могуч, влиятелен, знаменит – и тогда появится масса претенденток на тебя, и свои победительные гены ты передашь кому нравится, да еще и не одной.

Это, конечно, хорошо, ну а где же мощное половое влечение юных претенденток? Они готовы и замуж, и просто в постель, но не потому, что им с победителем именно совокупляться хочется, а вот как-то более абстрактно и платонически: быть с ним, принадлежать ему, разделять его судьбу, иметь с ним семью... А он трах – и поехал в следующий город.

Если разбираться в чисто социальном аспекте, то все понять нетрудно. Целесообразность вступления в брак в разном возрасте обусловлена общеизвестным: деньги, возможности, положение, мы это все только что говорили.

Биологический аспект с социальным связан плотнее некуда, ибо все социальные действия в конце концов основаны на энергии биологического происхождения. Первое: перекрыть юноше сексуальные каналы реализации энергии, и он пустит свою энергию в разные дела: путешествия, войны, открытия, зарабатывание денег, карьера и т. п. Условно говоря, сублимация. Недаром тренеры часто не допускают своих спортсменов до женщин, а обычаи разных эпох и народов рекомендуют мужчинам в период серьезной работы и всяких свершений воздерживаться от супружеской спальни. Тут можно сказать, что юношеская «гиперсексуальность» – это юношеская гиперэнергия вообще, которая самым «природным» способом направляется первым делом в естественное биологическое русло размножения, а цивилизованное человечество норовит направить эту гиперэнергию в осмысленное, человеческое, созидательное русло. А также – второе. Раз девушка не хочет, а юноша – хочет, ему надо приложить немало усилий, и даже изобретательности, чтобы преодолеть ее сопротивление и приступить к процессу, от которого рождаются дети. То есть лишь сильный, приспособленный, значительный будет допущен к лону. И здесь его сверхжелание и ее нежелание способствуют естественному отбору.

Очень хорошо. Логично. Правильно. Но некоторые вопросы остаются.

Если уж она его приняла – то почему ее сексуальному аппетиту не достигнуть полной мощи и сравняться с мужским уже после первых сношений? К чему эти несовпадения, скандалы и головная боль в голове и животе? Нет же – пик достигается лишь через много лет обычно.

Второе: зачем же ее аппетит растет по мере того, как его аппетит убывает? Какая такая в этом целесообразность?

Можно зайти с такой стороны: ее повышение компенсирует его понижение. Теперь уже она его тормозит, провоцирует, стимулирует, и он лучше осуществляет свою медленно остывающую половую функцию.

Да? А почему он на сторону смотрит, скотина? Ну, это отдельная тема, и о ней – в другом месте, рядом: о женском постоянстве и мужском непостоянстве, и о силе и следствии привычки у мужчин и женщин. Это не меняет того, что он все равно может и хочет меньше, чем в молодости.

Дорогие мальчики и девочки. Мы тут ничего не поймем, и ученые дяди из университетов нам тут ничего не объяснят, пока мы не обратимся к, так сказать, сути и кульминации проблемы: к разнице в ходе полового акта для мужчины и женщины и к разнице мужского и женского типа оргазмов.

Уж этот вопрос ныне исследован так, что дальше некуда. Правда, выводов не сделано, как обычно.

«Дикий», «естественный» мужчина приступает к половому акту быстро и с короткой «подготовкой» или вовсе без подготовки, без предварительного разогревания и возбуждения женщины. Проводит акт очень активно и быстро, стремясь напрямик к достижению оргазма. Оргазма достигает в норме всегда, и если никак не сдерживается – то «естественным» путем через несколько минут. После достижения оргазма резко делается пассивным: падает пульс, давление, возбуждение, хочет он только покоя и часто непроизвольно засыпает.

Женщина возбуждается медленно. Это возбуждение до оргазма поднимается медленно. И с «естественным» мужчиной она часто вообще не успевает дойти до оргазма. И лежит рядом страдающая и неудовлетворенная. А если и дошла – то снижается ее пик возбуждения гораздо медленнее, чем у мужчины. И после сношения ей потребны всяческие ласки и понижающиеся возбуждения, соответствующие ее медленно приходящему успокоению. А он? Он уже храпит, скотина. А у нее слезы на глазах от его эгоистичного жлобства.

Черт, а где же природная гармония физиологии?! Поэтому современная сексология настоятельно рекомендует мужчине ласкать долго и изощренно и до, и после, а сам акт затягивать, сдерживая себя и думая о наслаждении женщины, и тогда ей будет хорошо. И пачками выходят наставления по технике секса. И «сексуально культурный», высокопотентный и умелый мужчина может вести один акт, с прелюдией и эпилогом, по часу и более. И все говорят, что это хорошо.

Все говорят, кроме урологов. Они говорят, что от этого развивается опухоль простаты. Еще полета лет назад она встречалась сравнительно нечасто. А сейчас у мужчин, вступающих в пожилой возраст – буквально у каждого второго, если не чаще, простата патологически увеличена. Что часто ведет к операции по ее удалению, операция типовая, «поточная».

Потому что мужской половой аппарат не рассчитан на столь долгие возбуждения. Слишком долго застаивается кровь в гениталиях, слишком долго они находятся в напряженном, возбужденном состоянии. Это является причиной опухоли простаты, перерождения тканей, импотенции: весь механизм пещеристых тел полового члена не может так долго держать перекрытыми сосуды для оттока крови, поддерживать в кавернах такое давление крови, начинают отмирать периферийные нервные клетки, мышечные клетки начинают заменяться клетками соединительной ткани и т. д.

Короче, ты «подправляешь» природу – и она отвечает тем, что что-то портится, искажается, заболевает. Природа, понимаешь, сама знает, что естественно, а что нет. Не любит она насилия над собой. Любое действие против естественного природного желания организма даром не проходит. Это так азбучно звучит... странно, если б было иначе.

Природой мужчина запрограммирован на короткий бурный акт, такие дела... А женщина на что запрограммирована?! На то, что у природы нет плохой погоды, и каждая погода – благодать?..

Так что мы имеем на этой картинке? Мы имеем, что возрастное несовпадение мужчин и женщин в пиках сексуальной потребности сопровождается вообще несовпадением для них хода полового акта и достижения оргазма.

А вывод?

А вывод из этого следует такой, что от отрицательных ощущений никуда не денешься. Что даже в необходимейшем осуществлении прямой биологической функции – размножения – одним наслаждением как приманкой, одними положительными ощущениями не обойдешься. Для осуществления своей функции природа прибегает не только к положительным ощущениям, но и к отрицательным.

А уж функция размножения человеку полностью присуща и совершенно необходима, без нее никак. Но осуществляет он ее, разумеется, не рационально, типа «оставлю-ка я потомство,

ведь так надо», а чувственно, непосредственно: «Хочу! Хочу близости так, что сил нет, и плевать на все остальное!».

Врожденная, безусловная потребность в страдании, в отрицательных эмоциях наряду с положительными – вот что все вышесказанное значит. Человек хочет наслаждения – и одновременно вместе с ним получает страдание. И до, и после, и кроме, и вместо – по-всякому.

С точки зрения диалектики – нет одного без другого, любая медаль имеет две стороны, нет наслаждения без страдания. Ясно.

С точки зрения устройства центральной нервной системы человека – это означает необходимость страдания, стремление к страданию. Слово «страдание» можно заменить оборотом «отрицательные ощущения». Отрицательные ощущения наряду с положительными от природы входят в главнейший, базовый механизм центральной нервной системы – в механизм осуществления размножения.

Не бойтесь страданий. Не будет вам от них избавления, потому что они есть часть вашей сущности. Вы все в жизни должны испытывать, вы на самом деле к этому и стремитесь. Еще раз повторим: сама способность испытывать страдание уже есть причина к тому, чтобы их испытывать. Через все ощущения центральной нервной системы реализуется инстинкт жизни – полной жизни, реализации всех своих способностей и возможностей, которые все в конечном итоге и сводятся к ощущениям.

Вот поэтому и для этого несовпадения сексуальных пиков. Если рассматривать на уровне человека как такового и смысла его жизни. Вот в этом смысл несовпадений.

Дон-Жуан

Мужчина может быть привлекателен своей силой, храбростью, могуществом, властью, славой. Богатство также привлекательно – не только тем, что сулит возможность разнообразных удовольствий и комфорта; и не только тем, что одаренная богатством женщина ощущает себя избранной, ценной, более значительной в жизни, чем другие; но и тем, что богатство – во многом эквивалент и даже синоним силы, мужества, власти, всемогущества. Любят хозяина и переделывателя жизни, всемогущего повелителя мира, а если в цивилизованном обществе он иногда приобретает вид денежного мешка – что ж, такова одна из особенностей цивилизации и ее условностей. Женщина может искренне любить неказистого богача – не за богатство, любят ведь не за что-то, – а потому, что за этой «маской» – истинный повелитель мира. Суть важнее маски. Поэтому столько сказок о любви к чудовищу, которое на самом деле – заколдованный принц: в любом чудовище женщина может разглядеть заколдованного принца.

Мужчина переделывает мир посредством себя и своей страсти. Женщина переделывает мир посредством мужчины и той страсти, которую она ему внушает.

Поэтому женская красота как способность уже самим своим видом внушать страсть мужчине всегда так ценилась и воспевалась, и здесь к слову «красота» никаких спецэпитетов обычно не прибавляется. А от мужчины красота менее требуется, или не требуется вовсе, как выразился Бальзак – «Если мужчина чуть красивее обезьяны, он уже красавец», и есть «спецопределение» «мужская красота», что подразумевает выражение силы и мужества, но отнюдь не миловидность черт.

Женщина вселяет страсть мужчине самой собой, от нее не требуется для этого никаких поступков и возможностей. Мужчина вселяет страсть женщине скорее своими возможностями и поступками, его сила, храбрость и власть существуют не сами по себе, но в своих проявлениях в окружающем мире.

Но есть тип соблазнителя и дон-Жуана, который может ничего не представлять из себя в жизни, но «сосредоточиться» исключительно на внушении страсти женщинам самим своим видом, манерами, речами, использованием знания женской психологии.

В аспекте различия полов дон-Жуан – это женский тип отношения к противоположному полу. Женский в том смысле, что он не может дать партнеру ничего, кроме себя самого, и успешно ограничивается этим. Характерно, что у мужчин такой тип «пустоцвета-соблазнителя» вызывает высокомерное презрение. Он может понять и признать справедливость любовной неудачи, если любимая предпочла ему героя, силача, или богача («увы, она предпочла деньги, конечно, тут мне с ним не тягаться»), или человека бедного, но благородного и справедливого («он лучше меня...»), или явного красавца («что ж, ее можно понять... он эффективней, с ним лучше»). Но если она сходит с ума по явной же во всем заурядности, причем не она первая, да эти бабы кретинки, в нем же ничего нет!!!

Правильно, ничего нет. Он даже в постели-то может быть не шибко. Кроме одного: способности внушать женщине страсть! А ей того и надо, она же не рассудком выбирает объект любви.

Дон-Жуан – это своего рода трутень-имитатор, он подсекает женщину на том уровне, на котором людей и влечет друг к другу – на уровне страсти. А семья, дети, преобразование мира, свершение дел, реализация себя? Увы, здесь он бесплоден. Нет, ребенка сделать, конечно, может. Но-но-но: он всегда не тот, за кого себя выдает. Подсознание женщины обманывается им, как окунь обманывается блесной.

Он не дает ничего, кроме самой страсти.

Строго говоря, по природе он не мужчина – он блестящий эрзац, суррогат, фаллоимитатор для тела, души и сознания.

В принципе это можно считать патологией, искажением и перекосом в распределении энергии: он самореализуется и самоутверждается исключительно через внушение страсти женщинам. Он добивается их не силой, не славой, не деньгами, не доблестью, – он добивается их «напрямую» самим собой. Потому мы и можем говорить о женской психологии этого типа.

Разумеется, были политики и спортсмены, герои и артисты, ученые и черт-те кто, которые норовили иметь ровно столько женщин, сколько могли, а могли много, потому что толпы мотыльков слетались на огонь их деяний и славы, и вообще – им было чем поразить женщине воображение. Но дон-Жуану нечем поразить ее воображение! Сейчас мы не имеем в виду легендарного красавца, храбреца, дворянина и дуэлянта. Мы имеем в виду зауряднейшего по всем показателям человека, который примечателен только своим необыкновенным и целенаправленным успехом у прекрасного пола.

Он – любит?.. О... Он ведет себя именно так, как нужно вести, причем с несколькими в один день, путаясь в плотном графике. Он лишь изображает любовь, и его искренняя радость – это радость тщеславия и самоутверждения плюс среднее сексуальное удовлетворение.

Чудовище умильно врет, что оно – заколдованный принц.

За маской нет лица.

Женщина остается благодарной ему за то, что он дал ей познать страсть. Горя полно, но и счастье было.

Страсть, страсть, страсть! вот что потребно человеку. Не в том дело, чтоб ты был герой, а в том, что к тебе чувствуешь.

Дон-Жуан – это зеркало страсти, где женщина видит отражение собственной потребности. Это зеркало приближается осторожно, приоткрывается постепенно, настраивается умело, – и жаждущая душа получает именно те ощущения, какие ей нужны. Тем более что нужно всем практически одно и то же, надо лишь знать диапазон и правильно перебирать отмычки.

Глава VI Госпожа удача

Случай

Насчет случайности как частного проявления необходимости многие слышали, но немногие поняли; как, впрочем, не многие вообще что бы то ни было поняли. Самый простой пример из учебника; на поле лежит в квадратно-гнездовом порядке тысяча бойцов, а сверху на них летит, сдвигаемая ветром и инерцией, малокалиберная бомба. (Малокалиберная – потому что крупнокалиберная сметет всех.) Упадет она в пределах заселенной площади, и десяток человек уберет. Кого именно уберет – это случайность, но десяток должна убрать точно – это необходимость. Увы, суть случая в обыденной жизни понимается людьми ту же.

В обыденной жизни люди постоянно имеют в виду счастливый случай, который изменит жизнь в лучшую сторону, и несчастливый, который ее разрушит. Надеются и руками разводят. И разводят туры на колесах. И любят приводить, что на все – случай и Его воля.

Особенно в раскрашивании решающей роли случая преуспели романтики, сентименталисты и мелодраматисты. Как, скажем, один из любимых писателей барышень-институток Стефан Цвейг. Прямо по песне из старой кинокомедии: «Но бывает, что минута изменяет очень круто жизнь раз и навсегда». А як же.

По Цвейгу получается, что если бы в 1453 году защитники Константинополя не забыли закрыть калиточку на террасе цитадели, то Махмуд II Константинополь бы не взял. Ага. Правда, там был колоссальный парк самых крупных в мире осадных орудий. И лучшая в мире на тот момент турецкая пехота. И вполне достаточное превосходство в силах. И дух войск, и потенциал наступающей стороны. И пробили бы они стены раньше или позже, и задушили бы город блокадой раньше или позже.

Но любимый случай историков-ревизионистов-фантастов-сетователей – как Груши со своим корпусом не подошел к полю боя, и поэтому Наполеон проиграл Ватерлоо, и всю кампанию, и войну, и все для него кончилось; а подоспел бы балда-Груши вовремя – и все бы для Наполеона могло быть дальше хорошо. С разгона... Хотя любому, кто ознакомится с европейским театром 1815 года, совершенно ясно должно быть, что превосходство Коалиции промышленное, людское и военное над Францией, истощенной двадцатипятилетним кровопролитием, было превосходством огромным, подавляющим, воевать их за много лет Наполеон научил, усилия их были хорошо скоординированы, и выигрыш любого сражения не мог уже изменить конечную судьбу Франции – война была проиграна еще до ее начала. Случайностью можно счесть подход Блюхера со своими австрийцами, а не Груши. Но закономерно – было бы в конце концов проиграно другое сражение. Пар из наполеоновской машины уже вышел, хотя механик был гениален.

Но интереснее другое. Под Эйлау Наполеон лез под ядра, искал смерти – остался невредим. Под Тулоном лично шел во главе штурмовой колонны – получил штыковую рану, остался жив, выиграл битву и генеральский чин в 23 года. Под Лоди и на Аркольском мосту бросался на картечь впереди гренадер – кругом валились трупы, он оставался цел. Звезда, счастье, везение! Или – что? Его личная роль была огромна, его ранняя смерть могла изменить историю Европы – вот Ватерлоо и представляется несчастным случаем в противовес счастливым случаям. Черт его знает, чем еще мог бы поразить мир этот чудо-суперчеловек, да?

Задавил бы противник огромной массой – тогда ладно, ничего не попишешь, но ведь он мог выиграть Ватерлоо при удаче! Почему же впервые в жизни ему не повезло в сражении?

(Правда, в 1814 он уже проиграл одну войну, сдал Париж, отрекся, был сослан... но там не видно случайностей!)

Ладно, Махмуд II Великолепный мог выморить Константинополь голодом, мог проломить стены, все было бы ясно и неотвратимо – но откуда город еще держался, почему же оказалась отворена эта чертова калиточка?!

Человек верующий мог бы сейчас сказать, что мы пытаемся постичь Божественное провидение, что смертному непостижимо. Но нас не устраивает божественное провидение, потому что эта условная категория избавляет от необходимости понимать, на провидение все списать можно, что непонятно, а нас интересует именно понимание. Тот же Наполеон по поводу провидения любил повторять: «Бог всегда на стороне больших батальонов», и сравнивал жизнь и войну отнюдь не с рулеткой, а с шахматами.

Спустимся от уровня крупных исторических случайностей до мелких личных.

Д'Артаньян полагал, что на голове у случая растет только одна прядь волос, за которую его и надо хватать. Упустишь свой случай – и все. Естественная и простая точка зрения большинства.

Масса неудачников жалуется, что они могли бы ого-го, но вот не везет, счастливого случая не выпадает. В ответ на это знаменитый летчик-испытатель Марк Галлай сообщил: «Судьба благосклонна к тем, кто твердо знает, чего хочет». О, это уже горячее.

А викинги, те просто рассматривали удачу как какую-то более или менее реальную и постоянную величину, которую необходимо учитывать и по которой можно судить о ценности человека. Собираясь наняться в викинг к какому-то предводителю, они неукоснительно интересовались: «Велика ли его удача?»

В слове «везунчик» или «счастливчик» всегда есть оттенок зависти – и оттенок оценки: мол, повезло не по заслугам, чистый случай к нему благоволит. Но чистое везение – это в рулетку. В жизни **никогда** не идет игра в рулетку, она устроена посложнее. Слишком много привходящих факторов. (И даже в рулетку есть в мире такие лихие игроки, которых не пускают ни в одно серьезное казино и знают в лицо: они выигрывают! ну вечно! вопреки теории вероятности! Они, черт возьми, умеют обращаться со случаем и влиять на него.)

Вот «чистый» случай: равнодушный к азарту человек походя купил лотерейный билет и выиграл миллион. Повезло. Для миллиардера это везение? Нет, приятная случайность. Для нищего – гигантское везение.

А дальше история счастливого нищего имеет три варианта развития. Он стал играть на бирже, или профинансировал великое изобретение, ужасно поднялся, и все знают, что в основе его процветания и подъема – счастливый случай: стал большим человеком. Вариант второй: купил дом, машину, со счета в банке имеет постоянный доход, – для больших людей он никто, для равных – так, мелкий выскочка, для бедняков – ему здорово повезло, они о таком только мечтают. Вариант третий: грянул в роскошь, все прогулял и пропил, пристрастился к порокам, и когда его миллион кончился – несчастный наркоман помирает в канаве, а был бодрый нахальный нищий. Повезло – или наоборот? Черт, не сумел правильно использовать подвальное счастье.

Случай зависит от нашего к нему отношения. А? Сам по себе он обычно не хорош и не плох. Ну, если сосулька по балде – это плохо, этого никто не хочет. А если миллион – это хорошо, этого все хотят. Это – полярные крайности. Но – но – в жизни каждого человека постоянно происходят разные мелкие случайности, на которые он не обращает внимания, которые для него нейтральны, безразличны, без знака плюс или минус. Скажем, летишь в самолете со знаменитым актером. Ну, есть такой случай, и что?.. И только тот, кто сам очень хочет быть актером, или драматургом, или что еще в этом роде, но никак не может пробиться к кому-нибудь наверх, а вообще-то он талантлив, и уверен в себе, и нахален, – только такой попутчик получает в этой мелочи свой счастливый случай. Верно, да?

Можно посадить в бескрайнем яблоневом саду прорву народу и обтрясти им на головы все яблоки. Но только Ньютону этот бэмс поможет открыть закон всемирного тяготения. Потому что открытие этого закона – не в яблоке находится, а в голове. Для того, чтобы повезло, – яблоко должно упасть на голову, в которой уже находится предмет везения.

Вдруг найти оружие – везение только для того, кому оно сейчас очень нужно. «Полцарства за коня!» – взывает Ричард; проскакал бы вдруг рядом чей-то конь – вот повезло бы: а в монгольских степях в этот самый миг этих самых коней стотысячные табуны, и никто не кричит по этому поводу.

Случай – это когда неожиданно и «само по себе» подворачивается то, что тебе нужно, что ты хочешь, что ты способен использовать, применить. Если б Махмуд не осаждал Константинополь – на хрен ему эта открытая калитка вместе со всеми воротами.

А даже если не хочешь – то, по крайней мере, понимаешь, как этот подвернувшийся случай можно было бы применить. А иначе бедный Том государственной печатью будет колоть орехи; и если он не узнает никогда, что это такое, то для него это никогда не будет всемогущей государственной печатью.

Для того, чтобы видеть случай, надо понимать. Для того, чтобы понимать, надо об этом думать. Для того, чтобы об этом думать, надо этого хоть сколько-то хотеть. Для того, чтобы различить и использовать случай, надо хорошо понимать и хорошо хотеть.

Сравнения.

Вот по полю бегут разные кони в разных направлениях. Кто хочет сесть и выпить на пикнике – это ему только сильно мешает. Кто хочет ехать, но не знает, в каком точно направлении пункт его назначения – может задуматься, нельзя ли использовать случившуюся оказию. Кто знает, куда ему ехать, но не может вскочить на коня – вздохнет, сделает попытку, отряхнется: не вышло. Но тот, кто знает, куда ему ехать, и может вскочить на коня – вот он сейчас поскачет с отчаянной скоростью. Это мы и называем счастливым случаем и везением.

Что же делает человек, который твердо знает, чего он хочет – в данной ситуации твердо знает, куда и как хочет ехать? Он шастает по окрестностям в поисках такого поля с конями, а потом лавирует, чтоб оказаться на пути того, который скачет куда надо. Такого человека называют везучим.

А если шастает, шастает, а все нет ему коня? А суетись меньше, смотри зорче. Научись кидать аркан, или управлять конем, или укради велосипед, или иди пешком, или найди все хорошее там, куда конь тебя принесет.

Случай – это, в конце концов, сделать из кислого лимона лимонад.

Или. На чугунной плите стоят шары. Все стоят неподвижно, но один из них испытывает импульс к качению – он бы и покатился, но инерция покоя мешает и сила трения – не сдвинуться ему с места. И вот по плите бьют снизу молотом. Все шары подпрыгивают и опускаются на место. И только один, который «хотел» катиться, но не мог – после толчка снизу начинает катиться в желаемом ему направлении.

Плиту нашей жизни трясет постоянно.

Поле нашей жизни рябит скачущими во все стороны конями.

«Удача» викинга – это знание моря и берега, интуиция и храбрость, умение драться и уверенность в себе. Перечислять это долго, а определить интуицию трудно (об этом – в другом месте), говорить же викинги были не мастаки, у них другая специальность, вот все это вместе они и определяли кратким словом «удача»: победить, выжить и вернуться с богатой добычей.

Когда лодчонка Цезаря нарвалась на вражескую флотилию и команда обмерла в виду неминуемой смерти, Цезарь приказал кормчему: «Чего боишься, ты везешь самого Цезаря» – править к флагману. Поднялся на борт и объявил всех своими пленниками. Каковыми те тут же и стали. Кстати об «удаче» викингов.

Если бы на месте Груши был Данн, или Даву, или Массена – они пришли бы вовремя, и Наполеон выиграл Ватерлоо. Но вместе с цветом армии был выбит за четверть века войн и цвет генералитета. Это была уже не та армия, которая умела побеждать сверх возможного. Вот и все невезение. Умевшему выбирать людей Наполеону уже не из кого было выбирать.

Случай – это ступенька – или яма – на твоём пути. Нет пути – нет и ступеней с ямками. Для того, кто никуда не идет, случаев не подворачивается – их просто не существует.

Или. Энергия человека ищет выхода и распирает во все стороны сферу, в которой заключена. И вдруг – хлоп! – птичка снаружи дырочку наклонула. Ура – прём в эту дырочку, повезло, счастливый случай. А другому эти птички всю сферу обдолбали, но энергии мало, давит она слабо, и он в лучшем случае вздыхает: «Да, если б была энергия, если б я хотел делать то или это, то сколько дырочек для меня наклевано... да неохота мне это». А третьему вообще невдомек, что эти наклейки можно использовать, он уже и так привык, внутри сферы. Он думает, что если другому «повезло» – так ему и дырку киркой проломали, и энергию в нее выпускать помогли; ему невдомек, что там давление большое, а у него хилое, и жалуется он поэтому на свою «невезучесть».

«Случайно» встречаются любящие друг друга люди – хоть в одном классе когда-то случайно оказались, хоть на одном пляже. Если бы внутри них уже не созрела готовность к любви – не было бы, естественно, никакой «случайной» встречи. А коли любовь готова – случайность подворачивается не та, так эта.

Каждый болтается вокруг фортуны – смотри в оба: улыбайся лицу и отворачивайся от зада.

Конечно, судьба умеет зло пошутить. Если вот сейчас, когда ты читаешь эту строчку, на твой дом свалится метеорит – ну, значит хана тебе, и тут даже я не сумею помочь. Но, кажется, ты счастливо пережил это мгновение.

Конечно, суть случая в том, что он может быть, а может и не быть. Но мы не на голом асфальтовом поле, где растёт один-единственный случай, от которого зависит вся наша жизнь. Мы скорее на здоровенном минном поле, где мины приметны по холмикам и проволочкам, невидимые мины редки-редки, и видимые можно обойти, а от невидимых умелый человек спасется, отпрыгнув или упав, – зато иногда на миг проблескивают золотые слитки, только смотри внимательней и бросайся на него, как только проблеснул и еще не исчез.

Неудачник

Неудачник – это не тот, у кого чего-то мало, а тот, кто страдает и чувствует себя несчастным, потому что ему надо больше. То есть уровень притязаний гораздо выше достигнутого.

Относительность неудачничества нагляднее всего, если поманить и увлечь человека какой-то большой целью, убедить в полной реальности ее достижения – и когда он втянется в устремленность помыслов и сил, «начнет жить» этой целью – устроить ему облом и разъяснить, что ничего не будет. Море разочарования и боль душевная, несогласие смириться и раздражение. Что изменилось? Ничего, кроме самооценки: я не достиг того, чего хотел.

Поскольку человеку всегда мало; поскольку никто не достиг полностью всего, чего хотел; поскольку это невозможно в принципе; то любого человека в той или иной мере можно счесть неудачником. И даже если он достиг внешней цели – он никогда не достигает вместе с нею того и такого счастья, каким когда-то это обретение цели воображалось.

Однако в просторечии неудачником считают отнюдь и далеко не каждого – но лишь того, кто ну явно же достиг меньшего в жизни, чем мог и хотел, чем многие другие, чем, казалось бы, было ему гарантировано личными данными. Не то обстоятельства вечно против, не то судьбина злая, не то в характере червоточина, вечно толкающая разрушить собственную удачу.

Забавно, что если удачливость нередко являлась предметом исследований и размышлений (это и понятно: всем охота! как достичь удачи? вечные размышления...) – то обратная ее сторона, неудачливость, удостоена куда меньшего внимания: норовили обычно списывать на обстоятельства и судьбу, с которыми невозможно бороться. Человек сознается с известным даже щегольством и горько-мужественной рисовкой, что он неудачник – но не сообщит, что сам во всем виноват, потому что дурак. (Как, собственно, познающий и оценивающий ум может сам себя оценить как ум слабый? он сам себе данность, сам себе мера, он через себя познает все остальное.)

Первая, самая интересная и ядовитая разновидность неудачников – те, чей интеллект (как способность к пониманию, анализу) выше, чем можно применить в реально достижимом уровне свершений; выше, чем витальное, чисто энергетическое начало этих сравнительных интеллектуалов: выше, чем созидательные возможности того же человека. «Но так, как хочет, он не может, а так, как может, он не хочет», – как выразился удачно неплохой когда-то поэт, сегодня пьющий водку и играющий в бильярд.

Такой человек с годами делается критиканом и завистником. Он много понимает – но сознание того, что мало может, разъедает личность; он перестает и хотеть что-либо делать всерьез – а зачем? – сделать лучше всех все равно не получится, а хуже ему «западло». Он насмешливо и высокомерно презирает тех, кто из кожи вон лезет, чтоб достичь чего-то, что нашему неудачнику все равно мелко и не по чести. Его призвание – кухонный или салонный говорун: о, тут он блещет, ниспровергает авторитеты и двигает миры. Мироотношение его становится негативным, он тычет обличительным перстом в ляпсусы у классиков и пятна на солнце.

Горе от ума. Был бы глупее, тупее, ограниченнее, удовлетворялся бы уровнем притязаний пониже – пахал бы, тянул к вершине, получал удовольствие от своих маленьких побед. А так: «Быть королем не могу, герцогом – не соблаговолю, я – Неудачник!., выпьем, господа!» Иногда из человеколюбия хочется немного урезать таким ребятам интеллект (который с годами страшно деградирует без настоящего применения в едком растворе критики, переходящей в нигилизм) – чтоб стали чуть меньше думать об убогости мира и начали хоть что-нибудь делать. Болезненное и несчастно-агрессивное выражение лиц таких неудачников непереносимо, как глаза собаки, страдающей от заразной болезни: хочется одновременно и накормить, и отойти подальше.

Вторая, самая интересная и трагичная разновидность неудачников – те, кому от природы было дано все. Умны, красивы, обаятельны и способны ко многим вещам, талантливы даже. Все легко дается, все само в руки плывет. И поэтому – ничего особенно не хочется!!! Им с детства прочат блестящие карьеры в разных сферах, они берутся за дело – и идут вверх с чарующей легкостью. Но. Но. Нет сопротивления среды, которое надо с трудом, с напряжением всех сил преодолевать. И, вступая в возраст зрелости (не 50 лет, а нормальная полная взрослость), они оказываются лишенными качества важнейшего – умения напрягать все силы в своем деле, выкладываться без остатка, ловить кайф в тяжелом постоянном труде: волею своей одаренности они были избавлены от тяжелого постоянного труда, они не знают, что это такое. Встречая настоящие препятствия, они легко ломаются. Или легко отступают: на кой черт горб гнуть, если можно легко и удачно делать другое дело.

Любимцы компаний и кумиры поклонников их талантов, они легко спиваются и сходят на нет. Им не надо самоутверждаться через действия – и им самим, и окружающим и так явно, что они многого стоят. Да если они возьмутся за что-то всерьез – ого-го! Но пить, мечтать и принимать знаки поклонения приятнее, легче и быстрее, чем браться и делать ого-го. Хоп! – двадцать лет прошло: кризис личности: все что-то, а я такой умный и талантливый, хрен ли я в дерьме... эй, поклонники, у кого выпить есть?

Сказка о скороходе, который таскал на ноге ядро, чтоб не бегать слишком легко и быстро – это великий сюжет. Он такой скороходный, что может лечь поспать, пока другие пылят на горизонте. Вот когда другие уже у цели – о! можно отстегнуть ядро и помчаться во всю прыть. Но тогда уже оказывается, что и приз взят, и дышалка не та.

Недаром японцы, умные и терпеливые азиаты, так любят символом достижения цели выставлять улитку и черепаху. «Тихо-тихо ползи, улитка, по склону Фудзи вверх, до самой вершины!»

Тут человек не достигает ни хрена значительного и вообще приходит к крушению потому, что не было такого жесткого мотива для напряжения всех сил ради какой-то цели. Не было ему жестокой природной конкуренции, не было никаких комплексов неполноценности, не было надобности доказывать себе и другим свои возможности. У велосипеда был такой легкий ход на такой ровной дороге, что можно было почти не давить на педали – вот он в конце концов и свалился на бок.

Человеку было дано так много, что всю юность-молодость ему ничего не было мало, все было и так отлично, он был и так король. И у него не оказывается главного – безусловного и внерассудочного стремления быть переделывателем мира и через ярое стремление к поступкам утверждать себя, и так утвержденного... (Природа зло пошутила: слишком хорошо – тоже не слишком хорошо.)

Самая достойная разновидность неудачников – романтики. Они прут в мечтах своих в такие выси, что под реальным основанием вечно осыпаются подпорки. Глаза их горят, души поют, и они становятся легкой и желанной добычей расчетливых проходимцев. Они плохо знают жизнь, потому что никак не могут избавиться от обыкновения судить о людях по себе. Они желают осчастливить многих или вообще сделать что-то такое грандиозное, а те, с кем они сталкиваются, желают урвать себе то, что можно сейчас и здесь взять в руки. Это благородные неудачники.

Чем за более грандиозное предприятие берется человек, тем больше у него шансов потерпеть неудачу: узлов и стыков много, цель трудна и высока, чем дальше в лес – тем больше сопротивление среды; вылезает трудности, о которых вначале и подозревать трудно. И пахоты больше, и риска, и конкурентов. Тот, кто захотел стать владельцем ста домов, скорее потерпит неудачу и вообще разорится, чем тот, кто решил стать владельцем одного дома. Это, что называется, крупные неудачники – уж рушатся, так треск далеко слышен и брызги высоко летят. Большие игры больших людей.

Есть еще неудачники-невротики. Они так сильно хотят, они так стараются, столько суеются, что в этой суеде собственными руками делают неверные движения и все заваливают. Их старания чрезмерны. Они так хотят и переживают, что зачастую уже не понимают, что и как именно надо делать, чтоб достичь цели. Они начинают неадекватно относиться к действительности. Вообще-то они могут быть умными, но от чрезмерного желания впадают в излишнее волнение и, в некотором состоянии аффекта, становятся глупыми. Им можно посоветовать пить седуксен и регулярно напоминать себе, что жизнь наша – суета и тлен: чтоб поостыли малость от рвения.

Среди них встречаются безвредные обалдуи, вызывающие смех: излюбленные персонажи иронистов-беллетристов от Шолом-Алейхема до Сарояна. Они не в состоянии видеть проблему в комплексе, провешивая между исходным действием и конечным результатом прямую линию, типа: куры размножаются в геометрической прогрессии – следовательно, деньги от их продажи будут размножаться в неукоснительной пропорции вплоть до миллионов. Лохи, мечта жуликов и коммивояжеров.

Наиболее скорбными выглядят те, кто «все делает правильно», но вечно скверные и непредсказуемые обстоятельства ломают им все планы. Эти сродни игрокам в рулетку, проигрывающим добро не только свое, но и всех родных и знакомых: ведь они играют правильно, по

системе. Это невезение – неумение оценивать риск и быть к нему готовым, недостаток интуиции как способности оценивать совокупность всех факторов, неспособность выкручиваться из любых положений и предусмотреть их заранее, да и вообще неверная самооценка. А почему рядом везет другим? А вот у тех перечисленные качества наличествовали в большей степени.

К неудачникам же можно отнести и тех, кто не понял, что умение поймать за хвост удачу – это умение встать ровно столько раз, сколько упал, а не на один меньше. Потерпев несколько неудач, они (отрицательный условный рефлекс на действие выработался) записывают себя в неудачники, о чем всем и рассказывают с горькой отрадой. И то сказать: неудача как бы все может списать, я-то достоин, боролся как лев, но против богов не попрешь. Позиция приятная и нетрудная. Это те лягушки, которые тонут в кринке – в отличие от отчаянно сбивающих там молоко в масло.

Неудачниками склонны объявлять себя многие, кто являются таковыми по собственной недоделанности. Они самоутверждаются через объявление обстоятельств необоримыми.

И еще одна поистине печальная разновидность. Она сродни второй – тем, кому много было дано от природы. Здесь интереснейшая заикленность происходит обычно в подростковом возрасте. Подростку все дано, все у него благополучно и счастливо – причины и поводы ну только же для положительных ощущений. А где отрицательные? А где сопротивление среды? А где использование всей эмоциональной сферы, всех ощущений – не только положительных, но и отрицательных, которые нервной системе тоже требуются? И юный, полудетский еще мозг начинает отчаянно искать – к чему прицепиться? что плохо? что не так, что трагично? (Вспомните Будду.)

И в сознание (и подсознание) впиливается отрицательный фактор: часто это сознание неизбежной трагичности смерти, и вообще «предошущение» трудности и печальности своей будущей судьбы – к чему (печальности, понятно, а не смерти) нет никаких оснований. Человек начинает ощущать не то чтобы даже неуверенность в будущей жизни – он защищается от мучительного состояния неопределенности всяких возможных будущих страданий и неудач тем, что заранее с ними смиряется, психологически готовит себя к ним, даже как бы торопит: ну же, я же знаю, что это будет, так давайте! я неудачник, я знаю: эй вы, неудачи, где вы, я готов вас встретить, вас все равно не минуешь!

Это относится не только к меланхоликам, но и к холерикам: людям со слабой, неустойчивой психикой, склонной к резким сменам настроений.

Ну, а если ты настроился на неудачи – так ты всегда выберешь их из множества вариантов, сквозь которые плывешь в жизни, как расталкивающий льдины ледокол. Это предпочтение неудачи мучительному ожиданию ее.

Это относится к неудачам в любви, сексе, карьере, деньгах, да в чем угодно. В любой такой неудаче нетрудно определить «точки расхождения путей», где человек свободно и добровольно, повинувшись настроению и «бесу, толкающему под ребро» (которого можно иначе назвать истинной подсознательной потребностью) совершал свой выбор в пользу «неудачи»: хамил начальнику, отступался от борьбы с коллегой-жуликом, отпускал тормоза любви навстречу явной заурядности, или сволочи, или импотенту, – потому что на самом деле ему было потребно страдать и обрести «неудачу», чтоб подтвердить свое ожидание и успокоиться в горько-сладком сознании правоты своих представлений о себе и своей жизни.

Такую неудачливость можно считать боязнью удачливости: ибо человек ощущает трудность удержания удачи и неуверен в своих силах и возможностях удержать ее.

Подсознательное стремление к неудачливости свойственно многим – в разной степени, естественно. Это стремление к интравертному решению проблемы: «скатиться в яму», т. е. в такое положение, где уже спокойно и ниже не скатишься, и бороться постоянно не надо.

Стремление к поражению

Это далеко не факт, что человек делает все лично от него зависящее, чтоб добиться желаемой цели. И не делает не просто по лени, или трусости, или недостатку энергии. Нередко у человека происходит просто не то «затмение мозгов», не то «затмение чувств», и он совершает шаги не просто неадекватные – но логически не объяснимые, противорациональные, противоречащие собственным желаниям и интересам. Это сродни искушению (см. «Искушение»).

Помпей не должен был проиграть битву при Фарсале. Войск у него было больше, и он – Гней Помпей Великий, храбрый старый солдат и опытный полководец – умел выигрывать сражения не хуже Цезаря. Но в решающий момент битвы он впал в странное оцепенение, в безвольную бездеятельность, прекратил управление войсками и стал тупо ждать конца. Чего и дождался. Цезарь был не из тех, кто упускает свой шанс.

Прошло несколько лет – и великий мудрый Цезарь буквально за шиворот приволок себя в сенат под кинжалы заговорщиков. Он был неоднократно предупрежден о заговоре и опасности, «бойся мартовских ид» – это вошло в присказку. Он знал римские нравы насквозь, у него были все средства обеспечить свою безопасность: он словно нарочно отказался от любых, элементарных мер безопасности.

Наполеон был храбр, но отнюдь не безрассуден. Начиная с 1809 года, как отмечала свита, он буквально лез под ядра, находясь под огнем безо всякой надобности. Противоречить императору было трудновато; генералы сошлись на том, что он поискивает смерти в бою. Смерть могла снять великие и неразрешимые противоречия, неодолимость которых Наполеон уже осознавал: он хотел слишком много, и был не в силах ни исполнить все свои титанические планы, ни отказаться от них.

Любому, кто пускался в тяжелые предприятия, знакома животная тоска, в какие-то миги, предшествующие решительным шагам, охватывающая слабостью все существо: желание спрятаться, избежать ситуации, оттянуть время решительного шага. Хотя сам всего хотел и продолжает хотеть. Нет, это случается далеко не всегда, но и вовсе без этого никогда не обходится.

Это вроде тоски солдат в какой-то момент времени перед решающим боем – даже если они хотят боя и уверены в победе, и даже в том, что выживут, тоже могут быть уверены! – а все равно...

То есть. Вот у человека есть сильное желание и осознанная цель. Это требует усилий и действий. Есть и вера, и надежда, и силы. И вот подходит время конкретного серьезного действия. И человек готов действовать, он давно готовился. И вдруг в нем возникает летучая тень слабости и желания избежать ситуации; при том, что ситуация ему понятна и желанна.

Это желание избежать борьбы с жизнью, трудностей, риска.

Это сродни страху актера перед спектаклем или студента перед экзаменом. Все в порядке! – а все равно нервы взвинчены, и легкая тоска в животе. Почему? – даже в том случае, когда ничем не рискуешь, ничего не потеряешь.

Вот сидит бригада работяг – приехали на заработки, хотят работы и денег. Ждут, когда первый плот на реке покажется. Почему это невинное рабочее ожидание томительно людям, и когда таки показывается первый плот – деньги же плывут! – тоска толкается в желудке, и вместо радости – не то робость, не то желание, чтоб подольше не было этого плота: короче, стремление потянуть ситуацию, в которой пока можно ничего не предпринимать.

Это относится к первому приходу на новую работу, к переезду в новый город. Оттенок страха, робости, неуверенности, тоски, желания отодвинуть новую ситуацию.

Вот эта новизна многих ситуаций воспринимается человеком двояко. С одной стороны, он сознательно хочет. С другой стороны, он подсознательно побаивается, даже если ему

видится и понимается, что бояться ну решительно же нечего. Чего он боится? Или спросим иначе: что вызывает у него отрицательные эмоции, нежелание?

Первое. Новизна грядущей ситуации означает неопределенность. Никогда нельзя знать заранее всех подробностей, неизвестно какие вылезут неожиданности и случайности, надо быть готовым к чему угодно. Раз толком не знаешь еще, к чему, – ну так к чему угодно. Напряжение неопределенности велико потому, что неопределенность может потребовать всех твоих сил без остатка, и еще мало будет.

Неопределенность подступившего, но еще не наступившего – это вроде наступления привидения: не знаешь, чего от него ждать и как в случае опасности бороться и спасаться. Поэтому привидение страшнее любого реального врага.

Перед неопределенностью человек беспомощен и беззащитен: есть возможность нежелательных и неопределимых событий, но защититься от них невозможно: не знаешь миг, когда потребуются от тебя действия, не знаешь конкретных размеров и направлений опасности. А быть защищенным от всего на свете в любой миг – никак не возможно.

Поэтому состояние неопределенности человек переносит до крайности плохо. Его нервная система пытается полностью мобилизоваться, чтоб быть в любой момент готовой ко всему – и очень быстро измучивается, устает. И вот человек уже готов даже к самому плохому исходу – потому что лучше один самый плохой, чем в каждый миг возможность любого из плохих. Как удачно выразился Мольтке-старший, «лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас конца».

Разрушительную силу неопределенности во все времена хорошо знали следователи, «разминая» подследственных до полной утери воли и инстинкта самосохранения. Размолотый неопределенностью человек сплошь и рядом кончал с собой, не в силах выдержать этой пытки – пытки ожиданием чего угодно в любой миг.

Таким образом. Стремясь к какой-то цели. Человек втягивает себя. В цепь ситуаций. Неопределенность которых ему тяжела и нежелательна. И он хотел бы ее избежать. Как сейчас, так и в будущем.

Начинающему лыжнику при спуске с горы трудно держать равновесие при каждый миг чуть меняющемся положении тела. И он сваливается раньше, чем мог бы. Он мог бы еще ехать, но эта постоянная неопределенность положения равновесия в каждый последующий миг достает его, и вестибуляр приказывает: к черту, мне очень трудно, хватит, падаем. Воля давит бессознательный голос вестибуляра, а привычка сильно уменьшает неопределенность, и через энное время лыжник будет в порядке.

Сходно и в жизни. Чтобы ехать, надо уметь заставить себя преодолеть трепет неопределенности – и тогда она перестанет быть неопределенностью, и даже наступит кайф езды: ты ведь сам хотел кататься. А можно безопасно свалиться на бок – и тем самым сразу разрешить ситуацию.

Консервативный инстинкт самосохранения велит избегать ситуаций, чреватых неопределенностью: живи тем, что уже есть сейчас, чтоб было спокойно и надежно. А стремление к максимальным ощущениям и максимальным действиям – велит действовать. И в результате человек, совершающий черт-те что в жизни, знаком и со страхом, и с тоской, – а все равно прет вперед и действует.

Но вот этот инстинкт самосохранения велит кратчайшим и прямейшим путем избегать неопределенных ситуаций: валиться на бок. Этот голос может быть неслышим – но он никуда не девается, знай себе зудит свое. Это вроде ультразвукового свистка для собаки: людям не слышно, а собака команды выполняет. Вот так и сознание всегда прислушивается к голосу «трусливого» инстинкта, велящего сидеть тихо в своей норе и не высовываться.

И человек вдруг начинает устраивать сам себе обломы – которых потом сам же себе не может объяснить. Он неожиданно хамит начальству, или под моральным предлогом отказывается от выгодного предложения, – и ломает себе карьеру. Он ищет поводов к ссоре с любимой

девушкой. Или – вообще труднообъяснимо! – впадает в странную прострацию и с какой-то отчужденной горечью следит, как течение времени без всяких действий с его стороны складывает ситуацию так, что он уже избавлен от необходимости принимать ответственные решения и совершать решительные шаги: все рушится само собой.

Стремление к поражению как стремление к такой ситуации, в которой можно «отдохнуть», не напрягаться, продолжать жить на невысоком, но спокойном, известном, лишенном неопределенности и тем самым гарантированном от неожиданных опасностей и трудностей уровне. Стремление к покою кратчайшим и легчайшим путем. Стремление к предельному равновесию с окружающим миром.

Стремление к поражению как консерватизм инстинкта самосохранения: ничего не менять! пусть все будет как есть!

При этом крайнее выражение стремления к поражению – это стремление к самоубийству (см. «Самоубийство»): устроить ситуацию так, чтоб уже вовсе ничего не нужно было опасаться, вовсе ни для чего напрягаться не надо, равновесие с окружающей средой предельное. Снимаем энергетический излишек живого существа, и продолжаем без малейшего напряжения продолжать существование в форме простого круговорота веществ в природе. Наконец-то полный покой и полная безопасность.

То есть. Любому человеку свойствен здоровый и охранительный консерватизм, который предостерегает его от всевозможных авантур с сомнительным исходом, от опасных и трудных ситуаций, который велит сидеть тихо, не высовываться, не рисковать и беречь все силы. Предохранительная система.

И вот эта предохранительная система вмешивается во все наши действия – с разной степенью успеха и эффективности. Вмешивается «снизу», с уровня инстинкта, через подсознание. Она командует: «Сократись! Делай меньше! Осади назад! Не нужно тебе этого!»

И человек начинает конструировать себе поражение, не осознавая что это его собственные, добровольные и самостоятельные, шаги – рушат цель, которую он сам себе поставил.

Таков основной аспект. Избежать огромности неопределенной возможности грядущего поражения тем, что сразу, быстро и самому устроить себе конкретное поражение – и тем покончить с мучительной ситуацией ожидания и готовности черт-те к чему.

Есть еще аспекты. Вот человек вдевается в какое-то большое предприятие. И все поначалу идет хорошо, даже – отлично! Пахнет верхом успеха, о котором он только мечтал! И тут интуиция говорит ему: «Не верю. Это слишком. Вряд ли. Да нет, не будет этого». Интуиция говорит ему: «Ты не потянешь. Это не твой уровень успеха. Сам чувствуешь, верно?»

Слушайте – все есть, все слагаемые успеха: и личные данные, и стечение обстоятельств, и качество делаемого им дела. Но. Пройдет время, и человек убедится: да, в том же месте успеха достигли люди менее способные и подходящие, и не в лучших условиях. Что было? Это можно назвать заниженной самооценкой, можно – неадекватной оценкой ситуации, можно – неуверенностью в себе и своих силах. Единственное, чего бедолаге не хватало – умения дожимать ситуацию, верить в себя, переть вперед безрассудно, тем более что все складывалось в его пользу.

Но. Он вдруг начинает совершать неадекватные, необъяснимые поступки. Он начинает выдвигать какие-то странные, глупые, неожиданные условия. Он вдруг по «необъяснимому внутреннему импульсу» нарушает сроки. Медлит, когда надо срочно действовать. По странной робости перепускает кого-то вперед себя, объясняя себе это своей моральностью. А фактически – он ищет поводов к поражению.

Зачем ему поражение? Для спокойствия. Какого спокойствия, он же потом всю жизнь будет страдать? Будет. Что с того. Он полагал, что все равно «не потянет уровень победы» – не выдержит, сверзится с вершины, слишком трудно это для него.

Он боялся своей победы. Хотел, мечтал, стремился – но это пахло таким количеством постоянных трудностей и беспокойств, что он предпочел свалиться на бок и прекратить головокружительную езду. Его нервная система потребовала равновесия с окружающей средой на более низком уровне.

И еще один аспект. Стремление к страданию. Многие люди стремятся к поражению – вроде как чем-то на всю жизнь огорченный человек (а кто ж ничем не огорчен?..) в воображении присутствует на собственных похоронах: он уже умер, теперь все хорошо и спокойно, процессия, венки, его все любят, ну – сожалеют хотя бы, понимают ценность его достоинств: такой отрадней и в горечи сладкий трагизм. С высот жизни и здоровья приятно щекочет нервы и бередит чувства такая картина.

Вот так и с высот еще возможной и даже наклеывающейся удачи отратно – горько! сладко! остро! отратно! – вообразить себе всю глубину своего поражения: зато все в жизни познал, много перестрадал и перечувствовал, что-то в этом очень значительное и манкое ощущается. В мыслях и чувствах уже всего достиг и все потерял, всем наслаждался и от всего перестрадал: огромную и богатую жизнь прожил... хорошо.

И бес толкает под ребро: давай! давай! сделай, чтоб так оно и было! И делает. Оно и спокойно, и надежно, и отратно, и богато для мыслей и чувств.

Если мы посмотрим на тех, кто долез в жизни до самых вершин, то без труда убедимся, что за редчайшими исключениями не отличаются сверхудачники и сверхпобедители ничем незаурядным, кроме огромного самомнения, нерассуждающей уверенности в своих возможностях, неотклонимой последовательности в спокойных шагах к цели. Да, неглупы, работоспособны, упорны, но таких немало. Победителей же отличает то, что они абсолютно не хотят поражений. Они делают для победы все, для поражения – ничего.

Пока не дойдут до вершины – они раздражают людей своей наглостью, безапелляционностью, самоуверенностью, отсутствием сомнений в правильности своих суждений и действий. Ясное дело, таких людей меньшинство. Это та цельность, которая граничит с тупостью чувств.

И – и – вспомните теперь о Цезаре и Наполеоне. Добравшись до самого верха и полностью реализовав свои притязания, они впадают (синдром достигнутой цели) в некоторую растерянность: а что теперь? Где великая цель, к чему прилагать все силы? Это не машины для жизни на вершине – это машины для достижения вершины. А поскольку с вершины все тропы ведут вниз – они начинают стремиться к поражению: ибо только в поражении могут обрести то максимальное действие, которое требуется их мощным натурам. В победе они уже обрели все возможное и мыслимое.

Избранники богов умирают рано – да, но по своей собственной воле, даже если не сознают ее.

Резюме хочется вынести, хотя уже и так все понятно. Стремление к поражению – это стремление свалиться набок, чтоб не тлпнуться со всей скорости и избавить себя от мучительного и рискованного труда лететь по круче; а лететь все-таки хочется, натура требует самореализации и самоутверждения.

Наркотики

Дело ведь не в самих наркотиках. Дело в том, что определяет пристрастие людей к наркотикам.

С одной стороны, наркотики понимаются как безусловное зло. И все государства стараются как-то бороться с этим злом, на уровнях законодательном и исполнительном. Разброс в принимаемых мерах громадный. В Таиланде даже за небольшое количество наркотика предают смертной казни, а в гуманных Нидерландах хранение одной-нескольких доз прощается по

статье «для личного употребления», и наркоманы могут получить в аптеках бесплатно одноразовые шприцы – во избежание распространения СПИДа.

Представляется, что искоренение наркомании должно носить беспощадные, хирургические меры. Хорошо бы применять тут те меры, которые некогда в СССР носили благородное название «высшая мера социальной защиты»; а в явных и злостных случаях даже без суда и следствия. Нет? Торговец «тяжелыми» наркотиками – это убийца. Профессиональный киллер. Он несет смерть многим людям, действует сознательно и с заранее обдуманном намерением, по предварительному сговору с другими лицами, из корыстных побуждений с целью получения материальной выгоды. Умершие от наркотиков люди, как правило молодые – это его работа. А также мафии в целом – тех, кто наркотик выращивает, собирает, перерабатывает, охраняет, производит. Бизнес на смерти. Профессия: групповое убийство.

Если убрать из уголовных кодексов разных стран специально выделенные статьи за наркотики, и пускать виновных по общим статьям за участие в умышленном убийстве – это ведь будет вполне правильно по смыслу и корректно юридически. Нет?

Увы: гуманный современный «белый мир» ужасно заботится о человеке отдельно взятом – сплошь и рядом во вред людям вообще. Как можно объявить наркобизнес вообще вне закона!! Какое варварство!! Чтоб каждый мог пристрелить наркодельца как бешеную собаку – и еще быть довольным, что выполнил свой гражданский долг!.. Мракобесие. А произвол, ошибки, невинные жертвы, ожесточение нравов, беззаконие – ужас, какой регресс! Черт с вами, жертвуйте своему «гуманизму» миллионы юных жертв, миллионы несостоявшихся жизней, родительское горе и астрономические суммы из карманов честных граждан, которые идут на «цивилизованную» борьбу с наркотиками и лечение наркоманов.

Сегодня мы имеем практическое бессилие государства перед наркобизнесом. Тем хуже для честных людей.

Кому это выгодно – кроме нарколобби? Юристам, наркологам и распорядителям разнообразных фондов, которые на этом кормятся, получают зарплаты, гонорары и разные субсидии, чувствуют себя людьми. И идиотам-«гуманисътам», которые задвигают в жизнь свои прекраснотушные идеи, не желая понимать, что тем самым губят свой мир – они этого в принципе не могут понять, потому что по устройству своему они оппозиционеры: они реализуются через действия по изменению мира, как и все люди, – ну, вот среди прочих обязательно найдутся и те, кто хочет изменять его в сторону такого «сверхгуманизма».

Короче, я проповедую поголовный и безоговорочный отстрел всех причастных к наркобизнесу. Руки у меня, конечно, коротковаты, но простите, ребята, думаю что вы сами понимаете человеческую справедливость моих взглядов, которые я сейчас открыто излагаю, пользуясь той самой свободой, которую вы используете с гораздо большей выгодой для себя – хотя и с большим риском.

Да. Но это только одна сторона вопроса. В самом крайнем случае отстрелять ребят недолго. Главное горе в том, что спрос рождает предложение. А спрос растет (не считая даже тот спрос, который формирует наркомафия, втягивая новые жертвы). Можно перекрыть героин, кокаин, морфин, опиум и ЛСД. Перешлепать подпольных химиков, синтезирующих новые наркотики. Запретить кодеин вообще. Уничтожить коноплю как вид и вычеркнуть несчастное растение, столь полезное многие века в канатно-веревочной промышленности, из Красной книги. Вместе с маком. Кондитеры переберутся. Но как быть с эфиром, ацетоном, бензином, быстросохнущими клеями, дихлофосом и массой прочих, неожиданных до дикости, веществ, которые новоявленные эдисоны от наркомании приспособливают колоть, глотать и нюхать с целью ловли вожака кайфа?..

Люди хотят ощущений. Сильных и приятных. Которых не получают иными образами в своей повседневной жизни. Каковая жизнь им недостаточно интересна, недостаточно удовле-

творяет. В ней мало труда, мало напряжений, мало смысла. Молодежь томится скукой. Молодежи нечего делать. Молодежь бесится с жиру.

Так что ж ее, всю отправить в казармы и заставить маршировать строем, что ли?!

Слушайте. Молодежь была всегда (оцените оригинальность наблюдения). Энергия из нее перла всегда. Всегда она озорничала, хулиганила, норовила отрицать ценности старшего поколения и явить собственную «инакость», – и искала, чем бы заняться. А также пила, дралась и прелюбодействовала. Бесилась в свой срок. Но ведь никогда же не было такой массовой и губительной наркомании!

Опий-сырец, сок и масло эфедры, настой беладонны и прочие природные наркотики известны с глубокой древности. А наркоманов практически не было. (Не средневековые же ведьмовские процессы к наркомании приписывать в связи с беладонной.)

Взглянем на объективный процесс на уровне социальном. Нет необходимости тяжело трудиться, чтобы жить. Можно ни хрена не делать и все равно быть сытым, одетым и иметь какую-никакую крышу над головой. Для подавляющего большинства людей это большое зло. Человек интеллектуальный, духовно развитый, мыслящий – досугу только радуется. У него много интересов, он всегда найдет себе занятия, ему всегда есть что делать – он личность, «индивидуальность». Он только и мечтает иметь постоянный доход – тогда можно всецело предаться тому, чем хочется заниматься. Но человека не шибко развитого излишек досуга (сверх того, который восстанавливает силы для труда и дает наслаждение самим отдыхом) приводит в растерянность и скуку. Что делать?..

Можно удариться в потребительство. Дом, мебель, машины, всякие вещи. И на фига ради этого ломать горб, справедливо полагает молодой? Смысла не видно.

Можно «убить время» (класс! уничтожить часть своей жизни, потому что не знаешь, что с ней делать) в играх. Карты, бильярд, теннис, гольф. Но как необязательно это все – и тоже бессмысленно.

Можно завести себе хобби. Коллекционировать марки или пуговицы от кальсон. Кайф.

Можно «сотворить себе кумира» и стать фанатом – хоть футбольной команды, хоть рок-певца. Тоже от не хрен делать.

А можно нажираться с приятелями. Классический и самый простой русский вариант. Хряпнул – вот ты и при деле, проблема снята.

Когда белый человек не «добывает хлеб свой в поте лица своего» – это нарушение Божьего указа выходит ему боком. Лежать на боку вредно для его психического здоровья. Ему пахать надобно, тогда он в порядке. Но на хрена ж пахать, если и без этого можно неплохо обойтись?!

А ощущения, напряжения чувств – потребны, особенно в молодости. Сытость, безделье, свобода – вкуче с отсутствием большой общей цели, с деидеологизацией общества – толкают подростков к наркомании.

Воспитатели и родители пытаются как-то исправлять положение: всякие скаутские отряды, кружки натуралистов, умелые руки и быстрые спортсменские ноги и т. п. Это, конечно, хорошо и полезно. Но – искусственно, не обязательно, обходимо. И на массовом уровне результата давать не может. И не дает. Педагоги из сил выбиваются, жизни отдают – а наркомания растет.

Раньше чего было? Сызмальства помогали по дому и в работе. В школе раздавал затрепанные учитель, сек розгами сторож или швейцар, дома что не так – брался за воспитующий ремень родитель. И вообще жить было трудно. Фиг тебе пенсия, социальное пособие и бесплатная медицина. Выживали труженики. Бездельники сливались в тюрьмы, леса, подвалы – вымидали. А сейчас бездельник издевается над тружеником, за счет которого живет на свои пособия и бесплатные раздачи чего ни попадя. Так чего бы не ширнуться, колесико не накачать?

Короче, смысл «Домостроя» был не так плох. Заставлять работать, пороть и держать в строгости. Но – если это не является социальной необходимостью, ничего из такой реанимации «строгого воспитания» не выйдет. Искусственность не проходит. В коробке передач Истории, по милости Конструктора, заднего хода нет.

Однако. Если не закрутить молодежи гайки, если не *вынудить* ее работать – не для воспитания, а из жестокой необходимости – добра не будет. Слишком хорошо – это плохо.

Да ничего не выйдет. Производительность труда растет. Трудиться молодежи в общем незачем. Клинический прогноз – неблагоприятный.

На уровне же более общем, историческом, энергетическом, мы имеем вот что. Наркомания, СПИД и снижение рождаемости – это явления одного порядка. Объективные явления. Человечество посредством своего разума слишком активно переделывает и преобразует мир. Слишком – в том смысле, что естественная реакция Природы делается явной: растет сопротивление окружающей среды. Это нормально. Та же макрофизика. Действие рождает противодействие. Человечество, которое со все возрастающей скоростью энергопреобразует мир, испытывает противодействие со стороны мира – мир «пригашает», «размазывает» таран человечества, и это прежде всего сказывается на уменьшении миром прямой, биологической энергии человечества. Ты продолжаешь размножаться, переть, давить? Я буду выключать из действия твоих детей, буду тебя биологически, численно, уменьшать; ты будешь расходоваться на их лечение и содержание, они не подхватят в таком количестве твою эстафету. Ты взял слишком круто к ветру – я буду тормозить тебя биологическим регрессом. Ах, ты умный, машин понастроил, в одиночку горы сворачиваешь? Так я сделаю, что и одиночек меньше будет.

Примерно в таком духе. Предохранительный клапан. Сброс части энергии вхолостую.

Понятно ли?

По мере наращивания массы предмета и увеличения его скорости – каждое дальнейшее увеличение массы и скорости требует все большего увеличения энергии, все больших ее затрат. Ажурное насекомое и массивный слон. Прогрессирующий расход бензина на больших скоростях. Кубическая прогрессия утяжеления конструкций с ростом линейных размеров. Вот приблизительные аналогии.

Со все меньшими индивидуальными энергетическими затратами человечество преобразует все больше энергии вещества Земли. Но платит за это – неявно!! – все большим расходом своей биологической энергии. Этот расход сказывается не в том, что человек потеет и выбивается из сил, или теряет детородную функцию вследствие физического переутомления, истощения организма. Этот расход сказывается в том, что уменьшается (как бы ни с чего) половая сила и энергия мужчин (уменьшение половых членов, уменьшение объема выбрасываемой спермы и количества сперматозоидов в ней. Уже не только шведские и немецкие, но и японские и южнокорейские сексологи прогнали такую массовую статистику). Уменьшается плодовитость женщин. Уменьшается рождаемость (см. «Цивилизация и рождаемость»). Все меньший процент детей рождается здоровыми. И все больше детей, входя в возраст созревания, вышибаются из нормальной деятельности человечества, вышибаются из жизни посредством неостановимого роста наркомании.

А наркомания – объективно глядя – есть форма самоубийства, самодеградации, если можно так выразиться, самодегенерации, самокалечения.

(Невозможно удержаться: вспомните, еще не раз вспомните гениальных Стругацких с их «Хищными вещами века» и «Жуком в муравейнике» – где цивилизация уперлась в стремительное ускорение и сокращение жизни повзрослевших детей: несколько лет – и юноша становится старцем, прерывается связь поколений, сокращается и гибнет человечество.)

Словно включается некий механизм, встроенный Природой в зарвавшееся человечество – все б здорово, но если нет здоровья и счастья детей, которых и так все меньше, то на кой черт мы все это делаем?.. Замедление, замедление развития. И все больше свершений – через

разум, через голову; и все меньше – через свою биологическую природу, через чресла и руки с ногами.

Это подобно тормозному парашюту – чтоб суперскоростной автомобиль не слетел с дороги.

Вот в чем – на самом общем уровне – суть и смысл наркомании в конце XX века.

...Очевидно, по собственному разумению и желанию этот процесс переломить мы в принципе не можем. Наркомания исчезнет сама, когда человечество насколько-то уменьшится. Отчасти это произойдет через изменение социальных институтов и социальных отношений, отчасти это будет казаться необъяснимым на уровне частных причин.

Тупик в развитии человечества мне представляется невозможным, принципиально не существующим, по причинам, изложенным в I части.

Независимо от этого, вполне вероятным следует ожидать в XXI веке реакцию на сегодняшнюю «вседозволенность» вообще, и борьбу с наркоманией самыми жестокими мерами в частности.

Искушение

У Александра Грина есть рассказ о том, как мужчина в день свадьбы, кануна счастливой жизни с любимой девушкой, просто отошел от нее, приблизился к двери, спустился в сад, через калитку вышел на улицу, и продолжал идти... пока не вышел из города, и дальше, и дальше. Жизнь спустя, одинокий без любимой, не зная, прожил он свою судьбу или чужую, он признается рассказчику, что в тот решающий миг счастливого вечера он вдруг просто подумал: а что будет, если я отойду? если выйду в сад? и, следуя этому странному импульсу «наперекор себе», холодея от ужаса содеянного, ушел навсегда.

Это классический, чистый пример того, как человек делает то, чего делать не хочет. Искушение как чувство противоречия себе самому. Дуализм стремления к счастью и несчастью одновременно, а примечательность и незаурядность случая в том, что человек сознает и фиксирует обнаженное решение дилеммы в сторону несчастья. Аргументы, рациональные мотивы здесь отсутствуют.

Поскольку человеку свойственно во всем искать рациональные мотивы и по возможности просто раскладывать все по полочкам разума, искал он всегда и объяснение феномену искушения. Самое общее и простое объяснение носит форму нехитрого аргумента «а вот потому», и все тут. Раз следовать искушению, и даже вообще испытывать его, противоречит нашим интересам как мы их понимаем – так это Дьявол нас толкает, Дьявол нас искушает злом. Вводится такая нехитрая условная величина «дьявол» – и как бы наклеив такую этикетку на явление, можно успокоиться: ну, мол, теперь все ясно.

Есть некий внешний фактор, вот такое имя мы ему дали. Но это объяснение для тех, кто думать не любит и не умеет, а хочет на все иметь простые готовые ответы.

«Искушение святого Антония» – один из любимых мотивов христианской теософии. Отшельник Антоний хочет аскетизма и праведности, а ему мерещатся женщины, пиры и прочие соблазнительные вещи, аж молиться не успевает. Это его Дьявол, естественно, искушает.

Искушение – едва ли не главный исходный мотив романов Достоевского, признанного одним из гигантов духа мировой литературы. Сам Достоевский вечно терзался греховными страстями к деньгам, игре и малолетним девицам, и подавлял эти искушения с переменным успехом. Но если «Игрок» – это описание гибельного следования искушению без особого анализа мотивов, то все суперзнаменитое «Преступление и наказание» – это постоянное выяснение рациональной мотивации искушения – будучи нищим, хлопнуть ростовщицу и разжиться чуток деньжатами на жизнь. Автор раскладывает простые аргументы «за» и «против» и в конце концов решает спор в пользу совести и Евангелия. То есть на чисто моральном уровне. Мы

также против убийства старушек и за моральные ценности, но нас интересует анализ на уровне научного, логического понимания – каковому пониманию подлежит и сама мораль. Категорический императив мы оставляем Канту – он плох тем, что ничего не объясняет и пониманию предмета никак не способствует. «Нельзя, потому что нельзя», – это для детей младшего дошкольного возраста.

Что есть первое и необходимое условие любого искушения? Наличие запрета, внешнего или внутреннего, категорического или как минимум осознаваемого. Диапазон запрета – от предельного внешнего, типа угрозы гибели тебя, или всей твоей семьи, или вообще всей Земли, если ты нажмешь ядерную кнопку – до мельчайшего внутреннего, типа съесть соблазнительное пирожное и тем нарушить свою диету и перестать худеть, а очень хочется похудеть и быть стройным и красивым.

А кто ж не слышал, что достаточно человеку что-то запретить, как он начинает этого хотеть, даже если раньше об этом вообще не думал. Любой запрет как-то раздражает человека, как прыщик, как кошку бантик, вот мешает ему жить спокойно. Даже если это мелкий волевой самозапрет. Что такое самозапрет? Это человек путем рационального приказа себе подавляет свои же желания. А хотеть он от этого перестает? Нет, часто напротив: как даст зарок чего-то не делать, так тут же сильнее хочется: хоть курить, хоть тупому начальству возражать.

Корыстный мотив искушений даже не заслуживает особого рассмотрения. Если человек хочет грабануть банк, но боится наказания в случае неудачи или усвоенная мораль не даст ему пойти на грабеж – тут все ясно. Если гарантировать людям успех, безнаказанность и анонимность грабежа – хана банкам, у большинства мораль не выдержит.

Есть искушение оружием. (Свойственно это почти только мужчинам.) Красивое, эффективное, хорошо сработанное оружие буквально провоцирует своего обладателя пустить его в ход. Те, кто держал в руках хороший нож или пистолет, прекрасно это знают. Часто хулиганствующие подростки втыкают в кого-то нож только потому, что нож выглядел красиво и грозно, ну сам же просился в дело. Аналогичное чувство знакомо стрелку, который видит на расстоянии выстрела потенциальную цель. Он может хлопнуть человека просто потому, что тянет это сделать, это так просто, интересно, волнует с приятностью: совместить мушку с прорезью, подвести под цель и потянуть спуск.

Но оружие – это естественный усилитель человеческой значительности: манит власть, ощущение своей значительности, своих огромных возможностей – тебя боятся, от тебя много зависит, ты повелитель судеб, грозный воин; тебя тянет к максимальным ощущениям через максимальные действия, ты изменяешь мир, выбивая из него людей. Ладно, и это тоже несложно понять.

Просты и искушения св. Антония: секс, развлечения, богатство. Это вообще естественные стремления. Искушениями их делает только запрет.

То есть искушения можно разделить на рациональные и нерациональные, а проще – на понятные и непонятные. Изнасиловать привлекательную женщину, убить конкурента или честно сказать юбиляру, что он кретин – понятен мотив удовлетворить сексуальное желание, или упрочить свое положение, или явить свое умственное и человеческое превосходство (моральный аспект сейчас оставляем в стороне).

Нерациональные искушения анализировать сложнее. Здесь, если разобраться, есть своя классификация.

Искушение смерти. Шагнуть в пропасть или с балкона, застрелиться, сунуть голову в петлю, вонзить себе в сердце нож. Физическая простота, возможность и легкость этого действия производят легкое опьянение сознания. Фрейд решил этот вопрос просто: есть Танатос, зов смерти, и наряду с Либидос, зовом любви, он живет в человеке и определяет его стремления и поступки. Как нетрудно заметить, между Танатосом и Дьяволом здесь нет никакой

принципиальной разницы: мы констатируем явление и даем ему название, и этим названием удовлетворяемся в качестве объяснения.

Да нет... Это пьянит острое сильное ощущение. На краю постоять. Своего рода наркотик. Ох что будет, если шагну вниз, вот это да... Это стремление к максимальному действию – изменить и уничтожить весь мир – мир в себе – путем убийства себя. Это стремление к нарушению Главного Запрета – запрета, которым твой инстинкт жизни запрещает уничтожать себя, а наоборот, требует реализовать себя через все ощущения и действия жизни.

У того же Достоевского есть дивные примеры чистых искушений. Как, например, Ставрогин в «Бесах» одного почтенного человека, произнесшего свою любимую присказку: «Нет, меня за нос не проведут», хватает именно за нос и проводит через все благородное собрание, ошарашенно замершее. Или губернатора, склонившего к нему ухо выслушать по секрету, кусает за это ухо и долгую минуту держит зубами, не могущий высвободиться старик ошеломлен до потери чувства реальности.

Теле- и радиодикторы, работающие в прямом эфире, хорошо знакомы с подмывающим диким искушением (о, разумеется у них и в мыслях ни на миг нет дать ему ход) выкинуть в этом прямом эфире какой-нибудь непоправимый фортель: послать всех матом, в недопустимо-разговорном тоне пустить издевку по адресу верхов, сделать неприличный жест, – словом, выкинуть что-нибудь совершенно невозможное, шокирующее, непоправимое. Ясно, что это им дорого обойдется, конец карьеры, штраф и т. п. – хотя потом можно закосить под дурочку и от суда отвертеться. Почему, зачем? они приличные воспитанные люди, зрителей уважают, с читаемым текстом могут быть согласны... вот такой позыв к гипертрофированному и даже преступному озорству.

Действие рождает противодействие. Любой запрет неизбежно порождает внутренний протест – подсознательный, неосознанный, который может не вылезти наверх в сознание никогда, а может вылезти в трансформированном до неузнаваемости виде, – но есть он, есть, некуда ему деваться. Есть акция – есть и реакция: искушение – всегда реакция на запрет.

Помочиться в театре на партер с балкона, засадить камнем в витрину, развинтить железнодорожный путь и пустить пассажирский поезд с рельс под откос, написать неприличное слово на стене парадного дипломатического зала, шелкнуть по носу почтенного нечальника, и несть числа – все это совершенно нерациональные искушения, вызванные отнюдь не человеконенавистничеством, но лишь подсознательной тягой испытать изрядные ощущения от взлома запрета, что есть действие немелкое.

Мое поколение росло вскоре после II Мировой войны. Зачем мы тайно малевали на стенах свастики?! Мы были дети, дошкольники, нас никто этому не учил, мы не только не были неонацистами, но были по воспитанию эпохи вообще антинемцами, – какова природа удовлетворения, с которым мы это делали? Играя в войну, «немцы» всегда были, разумеется, побеждены – какова природа удовлетворения, с которым «немцы» закатывали рукава и, изображая нехорошую жестокость и «страшность», вопили кривляясь «немецко-фашистские» слова? И присутствовало ощущение, что делаешь что-то нехорошее, и этого нехорошего хотелось, и даже этим нехорошим гордился, прекрасно зная, что это игра и на самом деле ты совсем не такой, другой, противоположный.

Это все равно что корябать гвоздиком лаковый борт красивой машины. Ты не знаешь, чья она, и зависти не испытываешь, и жалко тебе испоганиваемую тобой же красоту прямо до слез – а корябаешь вот с противоречивым чувством, и хвастаешься потом перед сверстниками, они хвалят, а тебе внутри неприятно за сделанную гадость. А тянет корябать!!!

А может, тебе не запрещали машины корябать, об этом и речи не было. Тебе запрещали за девочками подглядывать, домой опаздывать, шапку не носить. Запрещают одно, а реакция вылезает в другом месте? Примерно так рассуждает сегодня педагогика, самая прогрессивная ее часть. Эта часть права отчасти. Но не совсем.

Где не может быть искушений? Там, где нет запретов.

Где нет никаких вообще запретов? Нигде.

Что такое искушение? То же стремление к сильному общению через крупное действие.

В чем же крупность действия, если само по себе оно ничтожно?

В нарушении запрета. Ибо он – лишь одна деталь, часть, в общей большой конструкции свода правил общежития. Даже если эти правила внутри тебя и об их нарушении никто не узнает.

Может ли человек не испытывать хоть иногда «идиотских» искушений? Нет.

Почему?

Потому что в нем всегда живо стремление изменять существующую систему «я – мир» через свои действия. Нарушение запретов входит в эту систему. Базируется это на инстинкте жизни, является это частью и аспектом роли человека во вселенной.

А кроме того, на уровне более человеческом. Искушение есть проявление стремления человека к абсолютной свободе. Что есть, как сказано выше, проявление второго закона термодинамики, действие которого ограничить весьма трудно – природа, понимаешь, так устроена. (См. «Свобода».)

Уровень некомпетентности

«Уровню некомпетентности» посвящено шутовское и во многом верное исследование одного славного американца. Сводится оно к тому, что когда работник грамотно и компетентно справляется со своими обязанностями, его естественно повышают по службе для пользы дела и его собственной, и повышают до тех пор, пока он не достигнет уровня, где уже перестает являться компетентным. Таким образом, резвится америкашка, все хорошие активные работники, делая карьеру, в конце концов становятся некомпетентными и плохими работниками, и чем выше уровень руководства, управления и вообще чем выше профессиональная ступень – тем ниже там уровень компетентности работников. Хорош – выше, хорош – выше, и так все выше, пока не перестанет быть хорош. Весьма остроумная логика.

Доля истины здесь до крайности велика. На самом деле в жизни, конечно, обычно бывает иначе, и все это знают. Если человек «не тянет» на каком-то высоком уровне, он или сам сваливается на предыдущую ступень обратно, или его задвигают обратно, и вообще для перехода на более высокий уровень требуется запас энергии, способностей, возможностей, который на имеющемся уровне виден и ощущается и самим человеком, и окружающими, которые причастны к его дальнейшему продвижению.

И однако случаи, когда хороший командир дивизии становится плохим министром обороны и т. п. – сколько угодно.

Человеку вечно всего мало, ему вечно надо больше, выше, иначе, и он лезет все вверх и вверх, пока не набьет на голове шишки об потолок и не свалится обратно – вот что на самом деле имеется в виду.

«Сказка о рыбаке и золотой рыбке» – один из вечных бродячих сюжетов на эту тему. Старуха захотела целое корыто, потом – новый дом, потом – дворянство, потом – царство, и все она получила, так ей захотелось уже стать вообще владычицей и гонять рыбку-благодетельницу как прислугу на побегушках – и в результате она рухнула на исходный уровень, к разбитому корыту. Нехитрая притча о безграничности желания и достижении уровня, превосходящего возможности, после чего все достижения рушатся, и человек опускается в исходное ничтожество положения.

Это относится ко многим случаям «крайнего величия», которого достигали властители мира, столпы истории. Кир, Александр, Наполеон – создав огромные мощные царства, расширили их пределы сверх достаточного до тех пор, пока не «запрыгивали» выше своих воз-

можностей, выше возможностей своего государства, и тогда в сверхнапряжении государство рушилось, а властитель погибал. Что б ему не остановиться вовремя?.. Но та самая энергия, то самое желание, которое вело и тащило его вперед и вверх к величию и славе, перетаскивало за черту «компетентности», за предел реальных возможностей, и все рушилось к чертям свиньячим. Потому и рухнул, что хотел чересчур много и сильно. Потому и сделал так много до своей гибели, что хотел так много и сильно.

И это сказывается в самых разных проявлениях человеческой деятельности.

«Больше всего человек гордится тем, чего у него нет. Например, Т. владел немецким языком, но на столе у него всегда лежали только английские книги», – писал Акутагава. То, чего у тебя нет, существует в твоём воображении в некоем условно-идеальном виде и всегда кажется чем-то лучшим и более значительным, чем в реальности. Его отсутствие увеличивает желание, его неизведанность будоражит воображение и оставляет место для допуска любой возможности.

«В чужих руках член всегда толще», – составили присказку шлюхи.

Чем гордился властелин полумира император Нерон? Своим актерским даром, и упивался фальшивыми дифирамбами льстецов.

Гениальный комедиограф Мольер был лучшим комическим актером своей эпохи. Но он страшно переживал, что он не трагик, и страстно мечтал быть им. Играя с трупой перед королем Франции, когда от реакции монарха зависела вся дальнейшая судьба, он добился бешеного успеха и сорвал овацию. И немедленно вслед за этим, вразрез всех планов, погнался трагедию – жалким и провальным образом!.. Только яблочный огрызок, брошенный из зрительного зала ему в голову, поставил мозги гения на место. Больше он на трагедии не покушался, удовольствовавшись положением и славой первого комика королевства. И всю жизнь страдал, что не довелось ему сыграть известные трагические роли... При этом вся актерская братия сгорала от зависти к его успеху и таланту!

В жизни выигрывает тот, кто умеет остановиться вовремя. Уровень претензий должен соответствовать уровню возможностей – вот старинный рецепт жизненного успеха.

Но чем энергичнее и талантливее человек – тем он неостановимее на любой стадии. То, что подняло его снизу до возможных для него вершин – гонит его: дальше, дальше, дальше!

Вот поэтому побеждают и благоденствуют в жизни отнюдь не самые талантливые и энергичные. Напротив – процветают люди достаточно ограниченные, с небогатым воображением, умеющие довольствоваться достигнутым уровнем, не сжигаемые вечной жадой черт знает чего, не обуреваемые безумными планами, не собирающиеся «переделывать мир». Они не мнят о себе слишком много. Они гордятся своей трезвостью и здравомыслием. И агрессивно нападают на всех, кто покушается на их нехитрые жизненные взгляды – взгляды толпы, набор заемных расхожих истин. Они отмеряют откусить кусок по своим возможностям и не давятся чрезмерным, по уму и темпераменту это «крепкие середняки».

«Он был из тех людей, которые в молодости говорят: „У меня будет пять домов“, именно пять, а не двадцать или миллион. И вот такие-то именно достигают со временем иметь как раз пять домов, в то время как те, кто желал миллион, остаются ни с чем», – писал Достоевский.

Самые яркие, самые талантливые, самые интересные, самые энергичные – очень часто терпят поражение на жизненном поприще там, где рядом благополучно процветают посредственности. Именно потому, что отчаянная энергия таланта прет и тащит его до уровня некомпетентности сквозь массу этажей, где он мог преуспевать и цвести.

О «неудовлетворенности таланта» слышали? Что талант вечно недоволен собой и своим творением, стремится к немыслимому совершенству и т. д. Вот то самое – все ему не так, всего ему мало, и живет он поэтому плохо.

У меня есть друг, гениальный бизнесмен. Он фонтанирует идеями и постоянно затевает грандиозные предприятия. Находятся партнеры, исполнители, инвесторы, дело растет как на

дрожжах – а он упорно выращивает очередное драгоценное денежное деревце до размеров баобаба. Партнеры начинают кричать, что и так хорошо и достаточно, и норовят отколоть себе кусок от его дела и кормиться им. А он видит гигантскую перспективу, уже его лихтерный флот оккупирует всю Атлантику, уже его банки перекупают контрольные пакеты голливудских студий... и все как-то лопаются. А скромные партнеры процветают на осколках очередной созданной им империи.

Помните сказку о скороходе, который носил на ноге прикованное цепью ядро – чтоб не бегать слишком быстро? Это ужасно мудрая притча, на которую филологи и философы никогда почему-то не обращают внимания. Помедленней, поспокойней, тише едешь – дальше будешь. Тормози.

Агрессивность

Скомпрометированное слово, стилистически отрицательно окрашенное, означающее насилие по отношению к кому-чему либо. В последние полвека не стихают досужие разговоры о необходимости избавиться от агрессивности человека, уменьшить ее. Агрессивность рассматривается как причина войн, насилия, конфликтов в обществе, а это, значит, нехорошо, и с этим надо бороться. Чуть иначе – называют агрессивностью склонность решать конфликты и противоречия методом насилия, силового навязывания своей воли другим – в противовес компромиссу, консенсусу, миролюбивому улаживанию и т. д.

При этом согласны, что солдат, конечно, должен быть агрессивным. Но хорошо бы сделать так, чтоб агрессивен он был только по отношению к врагу и только по приказу и в рамках приказа, – а со своими и тем более с начальством агрессивен не был, а был исключительно мирен и дисциплинирован. Вот робот такой с десятком кнопок на пульте управления – а пульт в руках высокого командования под присмотром правительства. Пока не получается. Хотя немец, скажем, к такой модели гораздо ближе, чем гарлемский негр.

А если вообще не найти способов уменьшить агрессивность человечества, то оно может покончить с собой, либо в вихре ядерной войны, либо зверски изгадив свою среду обитания.

Считаем все это прекраснотушным бредом, происходящим из размягчения мозгов. Эта точка зрения и система подхода к человеку изобретена интеллигентами – отличающимися от просто умных людей тем, что интеллигент с душевной слезой настаивает на утверждении желаемого над истинным – однозначно ставя должное выше сущего.

Сейчас мы сменим на товаре этикетку и поглядим, что получится.

Агрессивностью называется склонность существа преодолевать сопротивление окружающей среды для достижения своих целей. Подразумевается, что окружающая среда при этом терпит ущерб, изменяется «не в своих интересах», «продавливается».

Если елочка растет рядом с дубком, она стремится вверх как можно скорей, хочет затенить ему макушку: тогда он погибнет, а она будет расти спокойно. Если не удалось, дубок войдет в силу и своей мощной корневой системой уничтожит все деревья в радиусе десяти-пятнадцати метров: ему нужен простор, свет, много питания, и его корневые побеги «впрыскивают» дубильные вещества во все, с чем встречаются.

Кролик агрессивен по отношению к траве, а волк – по отношению к кролику.

Борьба видов за выживание, короче. Что Дарвин в принципе теорию всеобщей борьбы за выживание не сам придумал, а перенял у Гоббса, который ее создал как раз применительно к людям и на век раньше, сейчас как-то редко предпочитают вспоминать.

А поскольку сила противодействия равна (в подвижном процессе не совсем, почти равна) силе действия, то чем больше человек чего-то хочет, тем большее сопротивление ему приходится преодолевать. Борьба старого с новым, талантов с бездарностями, и т. д.

Человеку же говорят моралисты: «Вписывайся мягче! Договаривайся миром». Руби деревья для прокорма, но не для богатства.

Энергоизбыточный человек всегда продавливал сопротивление окружающей среды, как никто. Нет великого человека в истории, который не поотдавливал бы ноги окружающим. В любви, в карьере, в науке и творчестве – конкуренции не избежать: реализуя себя и достигая своих целей, ты неизбежно перекрываешь кислород тем, кто жизненно хочет того же самого, что и ты. Места в сердце и постели любимой, в президентском кресле и нобелевском списке лауреатов на всех не хватит. И фиг миром договоришься с конкурентами.

Чем сильнее желание сделать что-то – тем на более решительные шаги готов человек, чтоб добиться своего. И на этой арене люди умирают с оружием в руках, как констатировал умный старый Вольтер.

Энергоизбыточный человек запрограммирован природой, создан так, суть его такова, что ему потребны сильные ощущения, которые даются преодолением сопротивления окружающей среды.

Пацанов заставляет драться та самая сила, которая гнала Колумба через океан в Америку: стремление к максимальным ощущениям через максимальные действия.

А если человек не способен преодолевать сопротивление окружающей среды – это безвредный соглашатель, бесхребетный всеобщий приятель, которого обязательно затрут конкуренты, обокрадут в его идеях коллеги, используют в своих целях все, кто ловчее и бессовестнее.

Маршал Жуков был человек страшный. Жестокий сатрап и бездарный полководец, побеждавший только при многократном перевесе людей и оружия над противником. Но своей дикой жестокостью он заставлял выполнять приказ армию – голодную, деморализованную, плохо организованную и плохо управляемую, воюющую в этом советском бардаке на пределе и за пределом сил и возможностей. Жуков не мог изменить структуру армии и тем более – структуру всего государства, он мог лишь угрозами расстрелов и повешений гнать в бой. Войну выиграли. Люди более мягкие, чем сталинские ребятки-людоеды, в этих условиях от армии могли бы и вовсе ничего не добиться: слаб человек и жить хочет, а условия Отечественной войны были для солдата чудовищны, часто практически непереносимы.

Степень жестокости в больших делах – разная, а принцип один...

А уменьшение склонности к преодолению сопротивления среды – может быть только аспектом уменьшения энергоизбыточности человечества. А это – вряд ли.

Сопротивляемость среды

Насчет того, что «сила действия равна силе противодействия», все слышали еще в школе. Но закон этот имеет отношение отнюдь не только к классической механике.

В основу романа Стругацких «Миллиард лет до конца света» положена с некоторым юмором и фантастическим допущением гениальная мысль, что Природа активно сопротивляется человеку, познающему Ее тайны и раскрывающему законы. Как только у человека начинает получаться какое-то важное дело – сыпятся по нарастающей неожиданные и дикие препятствия к работе: приезжают незваные гости, заявляется милиция, возникает пожар и т. п. На самом деле по жизни многим знакомо: только что-то желанное и важное начинает хорошо получаться – как начинаются обломы, от отвлекающих телефонных звонков до болезней и финансовых проблем.

На уровне межчеловеческих отношений все довольно просто и отчасти исследовано. Все новое рождается в борьбе со старым, консерваторы тормозят новаторов и т. п. Поэтому если ты прибежал с гениальным открытием, надо быть готовым к тому, что тебя сочтут идиотом, ибо все «нормальные люди» знают, что на самом деле все обстоит так, как уже было известно до настоящего момента и что уже было принято считать истиной.

Непонимание гения современниками – песня старая. На то он и гений, что делает то, до чего прежде никто не додумывался. И он предлагает людям – р-раз! и начать что-то представлять не так, как они привыкли за всю жизнь. А они не гении, они сами думать не умеют, они знают то, чему их научили, что уже устоялось, и вдруг такая неожиданность.

Но каждый раз человек ищет конкретных объяснений.

В искусстве все вообще размыто насчет критериев, и талант, задвигающий что-то новое, самым своим творчеством отбирает хлеб у тех, кто уже удобно устроен в системе имеющихся ценностей и представлений, кто и сам полагает себя талантом и за свой участок в искусстве готов драться. А большинство не может быть талантами. Талант – это по определению ничтожное меньшинство, не такой, как другие.

В науке аналогично. Объективные критерии в ней есть, но они отнюдь не обязательно выглядят (и являются) бесспорными, и разобраться в них бывает трудно. Кроме того, большинство людей науки – систематизаторы, классификаторы, то есть люди не обладающие оригинальным мышлением, да большинство – просто балласт, удобрение на ниве талантливых одинок, которые науку и двигают. А без балласта-удобрения тоже нельзя: чтоб поймать Золотую Рыбку, гребут рыбу неводом, заранее в волнах не определишь, кто на что годится.

Дело не в том даже, что ты мешаешь людям удобно жить или отбираешь у них кусок масла на хлеб и листик из лаврового венка. Самим фактом того, что ты сделал нечто иное, чем они, ты мешаешь их самоуважению, их самоутверждению. Признание твоей правоты равносильно признанию твоей значительности – и тем самым равносильно признанию их незначительности – ну, значительности меньшей, чем они обладали до сих пор в глазах собственных и коллег. Обычный простецкий эгоизм каждого из толпы – это само собой. Но уменьшение значительности своей личности, уменьшение интеллектуальной ценности своей личности – это они искренне не в силах признать. Инстинкт жизни каждого заставляет утверждать свою именно значительность.

Так ведь и это не все. Вот имеются, скажем, объективные критики, честные, умные, незаинтересованные в том, кого именно понимать и принимать, а кого – отвергать: на их гонорар и положение это, предположим, никак не влияет. Почему часто не понимают нового? А некогда, «не въехали», имеют иные представления об этом предмете; или им рожа твоя не нравится, или в юности любимый учитель другому учил, или в вечер знакомства зуб у него болел, или премию ему дали и на радостях отвлекли. Короче, когда потом тебя «признают», у каждого найдется кучка конкретных причин. Ну и, конечно, старики со своими старыми представлениями расстанутся неохотно, а молодое, входящее в жизнь поколение будет тебя понимать и признавать как бы с самого начала своей сознательной деятельности. Обычный вариант.

Обычный вариант этот всегда сводится к одному, и редкие исключения тут лишь подчеркивают правило: новое входит в борьбе со старым, или, иначе говоря, любое изменение встречает сопротивление того, что уже имеется на этот момент.

Эка новость, скажете вы. Но – еще одну минуточку.

Вот у вас квартира обшарпалась, обветшала, ремонт надо бы сделать. Но лень, и времени мало, и денег не хватает. В сущности, жить неплохо: и отдохнуть на диване можно, и не каплет с потолка, и плита на кухне работает. Но собрались – приступили к ремонту. Обдирать, шпаклевать, переставлять – грязь, разруха, усталость и трата денег, на которые можно съездить в отпуск. Да даже диван сдвинуть с места – нужно преодолеть его сопротивление покоя и затратить силы, совершить работу по преодолению сопротивления окружающей среды. А спокойнее было бы лечь на него и полежать, где он ни стоит.

С этим объективным сопротивлением окружающей среды и сталкивается человек в любых своих действиях. Можно, конечно, хотеть, чтобы диван был умный и понимал, что в другом углу ему же будет лучше стоять, капать на него из форточки не будет, и пусть он тогда скользит по полу без сопротивления от малейшего вашего толчка. Но без силы трения он бы

только и знал скользить по всей комнате от малейшего сквозняка, а ему прочно стоять на месте требуется.

Трудности передвижения дивана или строительства тоннеля под Ла-Маншем мы понимаем. Больше делаешь – больше преодолеваешь.

Трудности реформации государства, скажем, мы уже понимаем меньше. Каждую колдобину норовим списывать на сознательное сопротивление людей, чьи интересы ущемляются, или косное непонимание людей, в чьих интересах реформатор и старается действовать. И вообще – почему пророков побивали камнями, они же болели за счастье тех же людей? Люди глупы и злы? Это песня старая.

Что бы ты ни делал – ты что-то изменяешь в мире, что без тебя не изменилось бы. Любое действие – это преодоление; хоть преодоление инерции покоя пищи, которую ты перемещаешь со стола в рот. Хоть желания людей жить спокойнее, так, как раньше, это легче, чем дергаться. Хоть представления людей об устройстве чего-то: надо излишне напрягать мозги, излишне возбуждать свою центральную нервную систему, чтоб понять новое.

И чем круче к ветру, чем крупнее действие – тем крупнее сопротивление среды. Сдвинуть гору – это не диван переставить. Поэтому любые реформы сопровождаются сопротивлением, борьбой, гражданскими войнами, потерями.

Потому и распяли Христа, и отпустили Варраву: уж больно много один явился изменить, а другой так, мелкий бандит... И если ты собираешься творить великие дела – готовься к великим терниям.

И дело тут не в человеческой психологии, не в устройстве человека и его «несовершенстве» – повторим еще раз, что устройство человека – это данность Природы, данность Бытия, а «совершенство» и «несовершенство» человек придумывает сам, соотнося действительность со своими идеалами, а идеал принципиально невозможен в реальности, на то он и идеал, что есть идеальное противопоставление реальности, есть потребность иметь не то, что в реальности есть, потребность изменять эту самую реальность.

Общие законы Природы лишь проявляются через человеческую психологию.

Есть масса интересных примеров.

Скажем, вырубается сейчас бразильская сельва. Сводятся леса на огромной территории – это основная часть «легких планеты», эти леса дают весьма значительную часть кислорода в атмосферу. И вот в этой гигантской работе происходит с людьми масса несчастных случаев. Ну, конечно, места гнилые, нездоровые, тут и змеи, и лихорадка, царпины легко гниют, деревья падают – но все равно, уж слишком велики потери. Организаторы и владельцы работ, получающие огромные прибыли, озаботились большими убытками и решили подключить ученых – разобраться, что ж народишку-то столько гибнет, и как с этим бороться. А денег у них много, и к проблеме они подошли серьезно.

Вещь выяснилась потрясающая и необъяснимая. Число несчастных случаев, с интересом сообщили ученые, во много раз превышает то, что следовало бы ожидать по теории вероятности. И удавов учли, и неисправность бензопил, и драки – нет, не получается. А тут уже работают законы больших чисел.

А вот большое действие рождает большое противодействие. Вот вам и фантастика Стругацких. Сопротивление действительно происходит на природном уровне.

Потери в автомобильных катастрофах. В авиации и космонавтике. В открытиях и больших исследованиях. Что ни делай, какие правила ни соблюдай – есть и будут.

Там, где люди могут усмотреть в потерях свободную волю людей, они как-то успокаиваются в знании конкретных причин: трезвее! внимательнее! осторожнее! надежнее! А вот стихийные явления их озадачивают. Хотя здесь действует один и тот же принцип – хоть через поступки людей, хоть через прямиком природные действия.

В 79 году нашей эры Везувий засыпал Помпеи и Геркаланум. Больше за три тысячи лет Везувий никого никогда не засыпал. А ведь это время максимального расцвета и могущества Римской Империи. Ну – слишком высоко поднялись, жирно зажили, много наворотили. И в принципе именно этот момент можно считать поворотной точкой в истории римской империи. Еще прошло nakatom несколько мощных десятилетий, еще запустил Траян римского орла во все мыслимые пределы, но порог был уже достигнут, сверхдержава сама себя съела, природе было столько не потянуть. Слишком много наворотили, ребята, я вас вынуждена укоротить автоматически.

Вам не кажется, что в США слишком густо пошли в конце XX века стихийные бедствия – все эти ураганы, наводнения, засухи и снегопады? Отродясь на этом благословенном континенте такого не было. Ох не долго Америке осталось благоденствовать.

Откуда, черт возьми, взялся СПИД? Теорий много, толку мало. Бороться не умеем. Чума, холера, туберкулез – истребили. Размножились, наворотили дел. Опять туберкулез вверх пополз! СПИД – в общем это реакция природы на сверхактивную деятельность человека. На слишком высокую рождаемость в Африке – раньше такого не было, теперь США и Европа подкармливают, подлечивают, детская смертность уменьшилась, население растет как на дрожжах, – стоп, говорит природа, это вы слишком, пора подсократиться. А все прочие поиски причин и лечений – это частности, нас же сейчас интересует общая закономерность.

Развал Советской Суперимперии – это не только политико-экономическая, это природная данность. Землетрясения и катастрофы небывалые сопровождали его. Слишком много проглотили, слишком большие арсеналы супероружия накопили, слишком всему миру угрожали. Природа против.

Вы скажете, что стихийные бедствия везде. Ну, знаете, природа не снайпер, а человечество все-таки более или менее едино, тут цель обычно накрывается бомбовым ковром, камень кидают не слишком прицельно, а просто в сторону излишнего беспокойства, чрезмерного энергонапряга, продавливающего и деформирующего общее равновесие.

Так что там насчет озоновых дыр и ухудшения климата? Человек, говорят, сам это вызвал своими действиями. Правильно, вызвал отчасти. Но связь здесь не простая-прямая: надымили сильно – вот и парниковый эффект. Связь здесь носит общий характер закономерности: очень много делаем – испытываем очень большое сопротивление окружающей среды; при нынешнем огромном уровне действий, изменяющих здорово планету – получаем ее сопротивление, причем не просто в формах понятных причинно-следственных связей, а часто связи эти проследить невозможно, а вылезает только результат.

СПИД – характернейший результат. Природный тормоз. Ну не найти конкретных причин! Откуда взялся?! А вот есть. Появился. Вот такой тычок Природы.

Вот вкратце о действии и противодействии.

О том, что слишком большие реформы не могут пройти безболезненно – как ни крути, большое сопротивление вылезет, и формы его заранее предугадать трудно бывает.

Что гениальное открытие для его создателя пахнет более кнутом, нежели пряником.

И что если ты хочешь много в жизни сделать – готовься к синякам и терниям, даже если ты хочешь облагодетельствовать человечество самым мирным и безболезненным способом.

Самоубийство

Вот они – толпы «вернувших билет»; похороненных у дорог и за оградами освященных кладбищ; молодых и старых, женщин и мужчин, богатых и бедных, умных и глупых, здоровых и больных, красивых и уродливых; одни не добились в жизни ничего, другие – всего, кроме счастья; зачем торопились они в вечность небытия, которая все равно никого не минует?..

Среди множества классификаций людей по разным признакам возможно и такое разделение: на тех, кому самоубийство в принципе понятно, они не раз задумывались, – и тех, кто всегда пытается узнать конкретную причину чьего-то ухода: «так почему все-таки он (богатый, знаменитый) застрелился?». Как будто повод для сильного недовольства жизнью все объясняет (или таки действительно объясняет?..).

Мы говорим: человеку потребны ощущения и действия, через то и проявляется инстинкт жизни, то и есть жизнь. Не опрокидывает ли самоубийство всю нашу систему? – вот, пожалуйста, по своей доброй воле человек отказывается чувствовать, действовать, быть.

Не новая и основательная наука суицидология рассматривает самоубийство как психическую патологию. Спасибо за лэйбл. А что такое патология? А это какие-то признаки, явления, процессы вышли за свои «нормальные» размеры, их интенсивность стала слишком мала (или велика), и все здание психики перекошилось: там сильно, сям слабо, этого много, этого мало, – динамическое равновесие чувств нарушено, и вся постройка, произрастающая и базирующаяся на инстинкте жизни, заваливается и погребает под собой этот самый инстинкт.

Но эти общие слова нормальному человеку ничего не объясняют. Ему понять требуется: фиг ли не жить, если живется, да еще неплохо? Ерундить-то с чего, это ведь не шуточки – себя убить.

1. Мотивы. Их можно разделить на рациональные и нерациональные.

Человек смертельно болен и не хочет умирать беспомощным и в муках, вдобавок доставляя долгие страдания близким. Мотив понятен и логичен. (Хотя обычно человек мучится до конца, цепляясь за жизнь до последней минуты, выжимая из своего индивидуального бытия максимум.)

Или кончает с собой, чтоб покончить с непереносимыми пытками. Тоже понятно. Нет уже ни сил, ни смысла такие муки переносить. Тут смерть воспринимается как благо.

Или кончает с собой, чтоб не попасть в плен. Ненависть и презрение к врагу, победа или смерть, честь и долг велят. Понимаем.

Смертью человек может добиваться конкретной цели, если ее уже никак не добиться иначе: уйти от мук или, скажем, от позора, который ему непереносим. Все поймут, и даже могут одобрить и уважать за это, объективно глядя на вещи.

А вот субъективная рациональность мотива: девушка вешается из-за несчастной любви, да еще оставив записку с указанием, кого следует винить в ее смерти. Ход рассуждений прост и логичен: страдания мои сильны и труднопереносимы, жизнь не в радость, а сплошная мука, надежды на взаимность нет, – но вот когда он узнает, он оценит меня лучше, поймет, жалко ему станет, раскается, помнить всю жизнь будет, пожалуй что и полюбит даже хоть как-то в душе, да поздно будет. На деле-то ему, может, и плевать на нее будет, но в ее воображении дело обстоит так. Просто сместились ценности: взаимно любить, добиться его любви – важнее, чем жить, ага.

Поэтому самоубийство из-за несчастной любви всегда людям было тоже понятно. Обычное дело. Не смог без нее жить, страдал страшно, покончил. И это даже внушает уважение к силе чувства.

Заметьте, здесь генеральный мотив тот же: уход от страданий. Но всегда некоторые скажут: дур-рак, из-за какой-то юбки!.. Если, значит, враги пытаются – здесь страдания объективно непереносимы, ничего не поделать, наркоза тебе палач не дает. А если, значит, из-за любви – ну, можно перетерпеть, перебороть, пережить – и жить дальше: живут же люди, ничего; твои страдания со стороны, объективно, рассматриваются как переносимые – хотя когда ты лезешь в петлю, ты их уже не переносишь субъективно.

В суициде есть множество субъективно рациональных мотивов – которые объективно могут выглядеть ерундой. Большинство их сводится к одному: недостижение уровня притязаний, облом цели, неудовлетворение желания.

Разорился. Не получил премию. Потерпел неудачу в главном деле всей жизни. И так далее.

И если желание было огромное, то облом доставляет огромное страдание, и оно уже не «уравновешивается» силами и надеждой: где мой черный пистолет? и – он лежал к дверям ногами. Уход от страдания.

Субъективно это понятно, но объективно – может раздражать. Жить же можно!!

Что это лишний раз подтверждает? Что жизнь человека не замыкается на индивидуальное бытие, но – у человека могут быть желания делать что-то более сильные, чем желание жить. Человек как бы сам себя превращает в инструмент для чего-то, и это «что-то» становится целью и смыслом его жизни: скорее умрет, чем от своего откажется.

Положительное ощущение от деланья дела, от стремления к нему было столь сильным, что отрицательное ощущение от невозможности этого дела оказывается сильнее инстинкта жизни.

Как так?! Бред! А жить-то, жить?! А очень просто:

– инстинкт жизни в человеке сильнее, чем потребно для простого выживания. И он требует ощущать и действовать не на столько, сколько потребно для выживания – везде, всегда, любой ценой! – но больше: ощущать настолько сильно, действовать настолько активно, чтобы, через ощущения свои и реализацию желаний, употреблять в дело все силы без остатка, делать дело даже ценой жизни, а иначе и жить тебе незачем.

Жизненная энергия в человеке, превосходя животную меру, готова отрицать саму биологическую жизнь человека – лишь бы он энергопреобразовывал как можно больше.

Не для того человек живет, чтобы жить, а для того, чтобы действовать, дела делать, мир преобразовывать – кладя на это свою жизнь.

Еще раз. Любое субъективно мотивированное самоубийство – это уход от отрицательных ощущений, вызванных отрицательным внешним фактором. Сам фактор условен и возможности жизни не противоречит, совместим с ней. Значение фактору придает сам человек. Избыток энергии делает человека самосожженцем. Избыток энергии говорит: черт с ним, с тобой, с твоим телом и сознанием, ты мне дело сделай! Не сделал?.. так и жить уже незачем.

Количественное нарастание энергии в биологическом организме переходит в качественное и в некоторых условиях начинает отрицать себя, перейдя меру.

Но для понятности – о немотивированных самоубийствах и их причинах.

2. Массовые самоубийства тундровых леммингов в годы пиков размножения – факт давно и широко известный, однако до сих пор не получивший у биологов внятного объяснения. Сплошной ковер этих мелких грызунов прет в каком-то направлении, пока не доходит до реки, где они все и тонут дружным хором. Совсем с ума сошли, что ли?..

Объяснение первое: инстинкт им говорит, что всем на имеющейся территории не прокормиться, надо мигрировать на новые земли, ну а река – просто препятствие, которое они очень хотят преодолеть, но не могут, силенок и соображения не хватает.

Объяснение второе: инстинкт им говорит, что всем на имеющейся территории не прокормиться, и столь же мудрая, сколь беспощадная, природа-мать топит их, как лишних в хозяйстве щенков.

Возражение на первое и второе: грызуны воду терпеть не могут, боятся, избегают, плавают плоховато и только в самых крайних случаях, так что покуда в зоне досягаемости есть корм, инстинкт самосохранения должен их в реку не пушать. А прокормиться самоубийцам покуда всегда есть еще чем.

На этом мысли у науки по данному поводу кончаются, и начинается «тайна природы».

Сводится эта нехитрая «тайна» вот к чему. Взаимозависимость всей биосферы и зависимость ее от солнечной активности (и других менее известных и более спорных факторов) сегодня понятна. Что значит, что раз в сколько-то лет (семь-десять в среднем) у леммингов

наблюдается «ни с того ни с сего» демографический взрыв? Что повышена энергетика популяции и каждой отдельной особи. Это шутка старая – когда ожидается много корма, самки зачинают и рожают больше детенышей. «Ка-ак природа предвидит?!» Она не предвидит. То же самое повышение энергетики биосферы (пик-скачок), которое дает/сказывает себя, реализует себя, обеспечивает увеличение корма – дает увеличение энергетики всего живого, в комплексе, не изолированно друг от друга. Травы, антилоп и тигров рождается в плодоносный год больше по одной и той же причине, а не одно вследствие другого. Причинная связь здесь параллельная, а не цепная.

Плодовитые лемминги в сумме популяции получают больше энергии, чем им необходимо для жизни. А делать им с этой энергией нечего, даже сытые песцы, волки и совы их больше не едят, не лезет.

Инстинктивная попытка миграции куда ни попадая – верно. Стихийное самоограничение популяции – верно. Это имеет место. Хотя: инстинкт жизни может гнать в реку, но не может гнать в океан! а это тоже случается – в море топятя толпами! и кроме того, тундра могла бы прокормить больше леммингов, чем кормит, – ан «они не хотят».

Мы имеем регулярные массовые самоубийства, которые не являются строго необходимыми, в том и «загадка».

Принципиальная разгадка в том, что избыток инстинкта жизни (который иными словами есть избыток энергии живой массы) переходит свою меру и ведет к самоубийству. Каковое самоубийство есть с одной стороны противоположность инстинкта жизни через его «продолжение сверх/через меру». А с другой – максимальное действие (отрицательное)! А какое еще действие может совершить миллион леммингов – город построить? Утопиться может – вот они были, и нету! Вот вам изменение мира.

Стоп-стоп-стоп. Какое ж это максимальное? Они же могут размножиться и покрыть всю Землю!

Да? Так они это и стараются. Потому что валя толпой через тундру, они еще при этом непрерывно и бешено совокупаются. То-то ученые и ломают головы: что ж это они трахаются и топятя одновременно-то, что ж это за конец света такой по-лемминговски?..

Избыток энергии сказывается в произведении чисто механической работы: масса перемещается на расстояние, в чем нет необходимости с точки зрения выживания. Избыток энергии сказывается и в отчаянной сексуальной деятельности. И этот самый – этот самый!!! – избыток энергии сказывается в массовом самоубийстве. Ну не потянуть этим грызунам с их небольшим ресурсом нервно-энергетической мощности такого заряда. Требуется заряд реализации, действий требует.

Так избыток энергии разрушает двигатель – ну не тянет он таких оборотов.

(Господа. Я никого не в силах заставить или научить понимать. Понимание определяется исключительно качеством думанья, а этому нужно и можно учиться с детства, сейчас уже поздно, разве что взяться всерьез, но это сильно отвлекает от практических сторон жизни. Поэтому кто не понимает истинность диалектики – плюньте: можете знать, помнить, верить. Большинство даже так называемых ученых знают, помнят и верят без понимания. Оно весьма трудоемко и не всем по мозгам.)

Избыток жизненной энергии ведет к самоубийству. Через свое естественное продолжение – к своей естественной диалектической противоположности.

3. Есть прелюбопытная аналогия с совокупающимся и самотопящимся леммингом. Это эрекция висельника.

Механизм-то можно свести к механическому воздействию на проводящие нервные пути, да принципиальная суть-то от этого не меняется. Максимальное отрицательное действие – насильственное умирание – сопровождается максимальным положительным: инстинктивной попыткой отправления репродуктивной функции.

Здесь возможна натяжка. Есть ведь разные способы умерщвления, и ничего подобного при них не происходит. Кровопотеря, шок, рауш, и никакой эрекции. Если кто тонет в теплой воде в вертикальном положении – про эрекцию также ничего не известно. Равно как насчет признаков полового возбуждения у повешенных-женщин. Все-таки мы относимся друг к другу не вовсе как к подопытным кроликам.

Конечно: начальное возбуждение сердечной деятельности, повышение кровяного давления и выброс адреналина при одновременном перекрытии путей питания головного мозга: вот кровь и бросается куда может, а все сфинктеры расслабляются, потому что перестают поступать из мозга команды на напряжение их мышц, так что извержения семяизвержением не ограничиваются.

И однако факт примечательный, не стоящий обходить вниманием.

4. Среди кого больше всего самоубийц? Мужчины 25–40 лет. Самая рабочая половозрастная группа. Максимум действий производятся именно в этом возрасте. Не хилые страдающие старики, отнюдь не.

А среди кого больше всего попыток к самоубийству? Женщины 16–30 лет. Но их попытки гораздо реже завершаются.

И что из этого следует? Умная и скорбная наука суицидологии принципиального анализа этому факту не дает. Но сильно думает о частностях; что тоже не вредно.

А следует из этого нехитрое вот что.

Максимум дел жизни мужчины приходится на этот самый возраст. Максимум передела мира, максимум реального энергопреобразования. Здесь и плато «максимального энергопреобразования» собственной жизни, увы...

Максимум дел жизни женщины приходится на тот же – соответствующий плато суицидных попыток – период: создание семьи, рождение детей, завершение главного – по простой природе – периода жизни.

В силу своей меньшей жизненной активности, меньшей энергии вообще – женщина, во-первых, чаще склонна решать неразрешимый конфликт образом субъективным, внутренним, отрицательным, – уход от страданий через уход из жизни. Решать конфликт между ощущениями на уровне разборки с ощущениями без передела внешнего мира. Ее арсенал средств воздействий на мир меньше, слабее, чем у мужчины, и в этом арсенале такое средство переделки системы «я – мир», как самоубийство, занимает большее место, имеет больший удельный вес, вот она чаще к нему и обращается.

А во-вторых, та же меньшесть энергии по сравнению с мужчиной, которая чаще заставляет ее искать разрешения конфликта через самоубийство – реже позволяет довести намерение до конца.

Понятно ли? Более частое обращение как к средству субъективного решения при невозможности объективного решения – от слабости. (Как-никак в плане взаимодействий с миром, самоубийство – оружие слабости.) И от слабости же – более частая невозможность это самоубийство совершить.

Более энергичный мужчина чаще идет на экстравертное решение проблемы – но уж идя на суицид, гораздо чаще доводит его до конца.

Вот такая антиномия. Нет противоречий. Из этого же никак не следует, что мужчина в 16–30 лет думает о самоубийстве в среднем реже женщины, верно. Просто он чаще норовит решить вопрос путем передела внешних факторов, чем женщина.

5. А в какое время совершается больше всего самоубийств? О, это хорошо знает «скорая помощь». Хотя тоже не всегда...

Весной. В полнолуние. Вечером.

Весна – это период гормональной перестройки организма. Энергия подпрыгивает. А уровень ее за зиму понизился. Подпрыг во многом осуществляется за счет внутренних ресурсов.

Сил меньше – а активность организма больше. Психика активизируется внешней средой – и ей потребны более сильные ощущения и действия.

Время любви и время самоубийства – одно время: повышенной возбужденности.

Полнолуние весной – это влюбленные, это мечты, а еще – это рецидивы и обострения психических заболеваний, беспокойство и возбуждение психов. Время приливов и особенно страстного волчьего воя на луну.

Возбуждение можно снять (понизить) медикаментозно. Можно снять излишек энергии тяжелой работой. И тогда самоубийства не будет. Потому что в основе его лежат избыточные ощущения – а что с ними делать, человек не знает. Избыток энергии никак не может найти точку приложения – а делать что-то потребно.

Опять же можно сказать: максимальное ощущение требует максимального действия. Но никакого адекватного действия вне себя человек не находит. И идет на максимальное субъективное действие, предельно изменяя систему «я – мир» путем вообще устранения себя.

6. В каких условиях человек чаще всего склонен покончить с собой? Когда его нервная энергия рассредоточена, «распылена», когда нет никакой постоянной нужды направлять ее на выживание.

В концлагерях, свидетельствуют очевидцы, в тяжелейших условиях выживания на грани смерти – самоубийства были крайне редки. Хотя и мук, и безнадежности хватало выше головы. Корка хлеба, час отдыха, теплая рубашка становились огромными ценностями. Все силы и помыслы замордованного донельзя человека сосредоточивались на выживании, весь инстинкт жизни, задавленный тяжелейшими условиями, обострялся и заставлял человека использовать любую возможность для выживания. Мерли толпами, энергии для жизни не хватало. Какие излишки!.. Любую крошку топлива – в топку жизни, образно выражаясь.

Опять же – противодействие действию. Жизнь решила меня уконтропупить – не дамся, не стану, цель огромна, трудна, желанна – выжить. Умереть здесь – проще простого: лег – и помер, можно даже и не делать ничего; не говоря о карцере, конвоире, который рад при случае пристрелить за любое нарушение, тяжелой работе, которая убьет в пару месяцев, если не исхитришься как-то устроиться полегче. Выжить – цель, смысл; предельная самореализация, предельное самоутверждение.

Тот случай, когда жить труднее, чем умереть. Смерть и так всегда рядом; и уж если пришла неминуемая – встречали с покорностью и даже равнодушием: а что поделаешь... и нет уже никакого ресурса сил, чтоб дергаться, сопротивляться и даже переживать особенно. Все-таки она победила, значит... а все силы в борьбе с ней уже исчерпаны.

Всем своим существом и каждым усилием борясь со смертью – чего ж это вдруг кончать с собой, своей рукою ей помогать, на то немало чужих рук есть.

Концлагерник поставлен в условия, когда борьба за выживание берет все его силы без остатка, еще и не хватает. Цель ясная, огромная.

Излишка нереализуемой энергии, потребного для самоубийства, у концлагерника нет. Вся энергия концентрируется в дело выживания.

Так. А если исполнить его «малую мечту» – теплая камера, сытная еда, вольный распорядок в этой одиночной камере, безделье? А вот тогда кое-кто может и повеситься, что в тюрьмах всегда регулярно и происходило.

Нет, вы понимаете? Тот, кто изо всех сил выживал на ледяной Колыме – может повеситься в камере, где выживание гарантировано! Вот тут уже чувства и мысли нахлынут: зачем жить, все ужасно, все равно не выйдешь... безнадежность, тоска, депрессия, петля.

У него высвободился излишек энергии, а приспособить его не к чему, нет для этого условий: ни бежать, ни работать, заживо похоронен. И теперь этот излишек энергии раскачивает его психику, «из головы» возбуждаются сильнейшие «субъективные» (физическими муками

не вызванные) отрицательные ощущения, достигают критической массы – и он идет на максимальный шаг: уничтожить себя и весь мир в себе.

А теперь вспомним благополучную Швецию с ее высоким уровнем самоубийств. Чего не хватает?! Жестокое диктато насчет необходимости приложения всей энергии к чему-либо. Можно чего делать, можно ничего не делать и тоже жить нормально. Тоска и бессмысленность. Жизнь перестает быть драгоценностью – а хрен ли с ней особенно делать.

Чуете? Процент самоубийств в процветающем обществе – выше, чем в зверском концлагере.

Ибо ощущения томят, энергии излишек, свобода действий – и ничего строго обязательного. И инстинкт жизни, который концлагерника заставляет выживать – благополучного человека толкает: чувствуй больше и круче, делай что-то, делай, ну, ну!!! Боже, а что делать, зачем жить...

Та же сила, которая позволяет выжить в тяжелейших, невозможных условиях – в легких и свободных от обязательности условиях может принять форму толчка к смерти.

7. И ведь иногда удивительную изобретательность, удивительное мужество являют самоубийцы! Способы ухода из жизни очень многочисленны и порой крайне болезненны. Снотворное или морфий – это уход по-царски, комфортное засыпание. Вены резать, даже в теплой ванне – все-таки менее приятно. Курок спускать – это смерть мгновенная, а из окна выбрасываться? А эссенцию пить, сжигая горло и пищевод? А в петле плясать, задыхаясь? А нож в себя воткнуть?

Но уж когда человек твердо хочет уйти – он над собой такое делает, чего человек в нормальном состоянии и представить не может. Под поезд и под автобус, головой об стенку и косой по шее, в омут и за борт, на высоковольтные провода и к выхлопной трубе автомобиля в запертом гараже.

Это краткое и излишнее перечисление – только для пущей понятности: что самоубийство – это действительно максимальное субъективное действие человека, и ощущения, которые заставляют его делать это – действительно максимальные ощущения, сильнее боли, ужаса, отвращения и страха смерти.

8. И вот теперь легче понять «немотивированное самоубийство». Что означает – понять механизм возникновения «безмотивного» желания покончить с собой.

У художников, кстати, процент самоубийств выше среднего по населению. Чего? Понятно. Нервная система активнее и подвижнее, все эти поэты и музыканты чувствуют остро, возбуждаются легко и сильно, их способность к ощущениям и потребность в них выше, чем у среднего гражданина.

Немотивированное самоубийство сродни поискам смысла жизни (см.).

Вот у человека все есть. Здоровье, ум, сила, деньги, внешность. И даже талант и слава. Маяковский. Мерлин Монро. Генеральная цель достигнута, генеральное желание удовлетворено.

Но сила ощущений осталась. Но желание «чего-то» осталось. Тот самый избыток энергии, который возвел к успеху, требует: действуй, свершай, преодолевай, ощущай! А – куда, чего, как?

Наступает опустошенность. Разочарованность жизнью вообще. Гнетет бессмысленность бытия.

Собственные силы и собственный интеллект играют с человеком дурную шутку – с человеком, который добивался счастья экстенсивным методом, через внешние действия. «Я все могу!» – говорят силы. «А на кой черт?..» – возражает интеллект.

Добившийся успеха человек возвращается в первоначальное состояние – ощущения требуют действий, желание томит – но исчезла точка внешней прицепки: она уже достигнута, ан изменения внутреннего состояния, т. е. того самого счастья, оказывается, не произошло. Ты

тот же самый, что и был, и мир вокруг тебя точно тот же самый, изменился только антураж, но он, оказывается, никакого такого особого значения не имеет. Интеллект анализирует нажитый опыт и услужливо сообщает, что понятия не имеет, как сделать тебя счастливым.

А еще интеллект сообщает, что мир несправедлив, сволочизм торжествует, человечество смертно и по большому счету любые действия не имеют никакого смысла. Посредством такой интеллектуальной самоуслуги человек впадает в страдание. Этим «через-интеллектуальным» страданием природа подталкивает его к действиям: неприятно страдать, неохота – так избавляйся, надо что-то делать. А вот что делать – он не знает! бессмысленно же все!

Творческих людей острее, чем прочих, томит этот милый комплекс. У них психоэнергетика выше. Можно пить, колотиться, играть, распутничать, метаться по миру, – творческие люди это делают больше средних людей. А можно работать. Втягиваешься в дело, увлекаешься, и пока работаешь – оно и легче, не думаешь о бессмысленном гадстве мира.

«Творческие» и «духовные» «кризисы» художников – это именно такие вот состояния. (Достигнув в тридцать лет успеха и славы, всю жизнь страдал этим комплексом Хемингуэй – человек сильный, глубокий и не шибко интеллектуальный. Не понимал, почему мучится. Пока мог работать – спасался работой. Стал стар и болен – покончил с собой. Отвлечься работой уже невозможно, а ради чего что-то делать в жизни – непонятно.)

То есть:

– Если человеку вовсе не из-за чего страдать. То страдание приходит через интеллект. И принимает абстрактную форму недовольства устройством мира. Избавиться от этого страдания внешним действием невозможно – мир в принципе неперedefируем, говорит интеллект. Остается только субъективное, внутреннее действие – убрать себя, только так избавишься от такого рода страдания.

Страдание ослабляется алкоголем или наркотой. Это помогает в «несмертельных», не очень сильных случаях. Или временно помогает, а потом человек все равно кончает с собой. Или наркомания есть сравнительно осознанная форма постепенного самоубийства.

9. Тот самый разум (мы употребляли сейчас слово «интеллект» в этом смысле), энергия второго рода, посредством которой человек и перелопачивает мир с такой страшной интенсивностью, играет подчас с человеком, повторяем, скверную шутку. Он доставляет человеку страдание (см. «Страдание»), дабы побудить его к действию – и он же сообщает, что действие не поможет. А сознание того, что действие не поможет – сознанием воспринимается как причина страдания.

Вот где закавыка! Причина страдания на самом деле не в том, что мир плох – а в том, что природа заставляет тебя его переделывать, кнутом страдания подстегивает к действию. Страдание такое – безмотивно. Оно означает: Боже, я хочу жить в полную силу, интересно и напряженно – или, иными словами: хочу ощущать, хочу действовать! но не к чему же силы приложить, ничего конкретного неохота, все необязательно, бессмысленно... пусто мне, тоска меня томит и давит!..

Интенсивный способ ухода – алкоголь, наркотики.

Экстенсивный способ ухода – авантюры, драки и сражения, приключения (на свою ж...) и путешествия.

Но еще – оформленный в разум избыток энергии отчаянно ищет себе применения: и принимает все это вид усиленного думанья, анализа, постижения мира. Это стимулирует познание мира. Энергия хотения обретает вид энергии познания. «Как же устроен мир, если мне в нем плохо неизвестно почему? Как он устроен, как? что мне в нем делать?»

Чем интеллектуальнее и образованнее человек, тем большим объемом информации он оперирует в своих безвыходных размышлениях, тем глубже мир ему открывается – куда глубже, чем незатейливому пахарю. Но суть одна и итог один: все хреново и бессмысленно. Он и полагает обычно: ему хреново, потому что все бессмысленно, и он понимает тщету и

бессмысленность любых действий. А на самом деле все обстоит как раз наоборот: все представляется ему бессмысленным, потому что ему хреново. А хреново ему потому, что железной рукой жестокой жизненной необходимости он не пристегнут ни к какому обязательному делу. Его излишек энергии киснет, пропадает, бунтует, перегорает – а разум пытается найти этому объяснение. А раз в частности все неплохо – то разум объясняет это состояние причиной глобальной, всеобщей: а нет в жизни смысла и счастья. Кому-то есть, может, им почему-то в охотку и интерес что-то делать, так они глуповаты, не понимают общей бессмысленности... а может, секрет какой-то знают? мне бы его узнать!..

10. Что делает экстраверт? Орет, рыдает, дерется, пьет.

Что делает интроверт? Думает, вздыхает, ворошит мысли и бережит чувства.

Может ли экстраверт (по преимуществу, чистых односторонних типов не бывает) впасть в интровертное состояние? Запросто, что регулярно и происходит. Синдром достигнутой цели. А теперь чего делать?.. Мучится без толку.

Безмотивное самоубийство всегда происходит в интровертном состоянии. Чувства чего-то требуют, а с действиями напряженка: неохота.

Это состояние понимателя. Ощущения возбуждают мысли, а выхода во внешние действия не происходит.

Безмотивное самоубийство есть акт неудовлетворенности устройством мира.

Безмотивное самоубийство есть акт «зашкаливания» познания, которое со всей силой стремится к некоему идеальному познанию мира, высшему, конечному, абсолютному, – чего, конечно, не может произойти в реальности, ибо никакой конечный идеал познания не существует; но вообще на пути этого стремления человек ведь действительно познает черт знает что и много до чего додумывается.

Безмотивное самоубийство есть акт ухода от мук познания – которые могут быть куда как сильны, если все ощущения (ну, не все, так очень много) суммируются в возбуждение мыслительного процесса. Мышление на какой-то период становится главным делом. А поскольку познание мира неисчерпаемо и бесконечно – то невозможность достичь того самого предела, при напряжении всех-то сил, доставляет муки немалые.

Безмотивное самоубийство есть акт капитуляции перед невозможностью перевести свои ощущения в адекватные действия. Взрыв парового котла при неотводе пара в машину и недостаточности предохранительно-спускных клапанов.

Безмотивное самоубийство есть акт невозможности перевести свои ощущения в осознанное желание конкретной цели.

То есть. Избыток энергии ведет к прямому саморазрушению.

Скорпион жалит себя в голову. Он храбр, агрессивен, энергичен, а выбраться из банки невозможно: так делай что можешь.

11. Безмотивное самоубийство совершается в состоянии депрессии. А депрессия – это и есть состояние чувственной и интеллектуальной безвыходности: мне плохо, и все, что я знаю, говорит, что лучше не будет. Нежелательные ощущения и невозможность избежать их через изменение ситуации.

12. Но стойк живет там, где депрессант вешается. Стоику тоже плохо и безвыходно, но он – мужествен, да?

Всем бывает плохо, но почему одни вешаются, а другие – нет?

Это все равно что спросить: а почему не все люди такие, как я? А потому что разные. Разные нервные системы. Разный энергетический уровень. Разная степень трансформации энергии в мышление и в реальные действия.

«Я бы на его месте не застрелился» означает: я не такой, как он. Еще бы, кто ж спорит. Но еще это означает: «Я его не понимаю». А потому что по себе все меришь. Человек редко способен влезть в чужую шкуру.

13. В состоянии кризиса, т. е. когда ощущения не переходят в конкретные желания, любой внешний фактор может стать роковым, превращаясь в субъективный мотив к самоубийству. Хотя в уравновешенном и активном состоянии на это было бы наплевать. Самоубийства из-за разного рода неудач, деловых или личных, чаще всего совершаются именно в таком состоянии. Видимая причина на самом деле была лишь поводом, толчком.

14. Многие очень энергичные и деятельные люди подвержены периодическим приступам депрессии. Что есть реакция на сверх-деятельность. Сильные положительные ощущения регулярно переходят в свою противоположность – сильные отрицательные (см. Ч. I, гл. 2, п. 5 «Полнота жизни»). Безмотивные самоубийства многих великих людей – это максимальный шаг в области отрицательных ощущений, которые также требуются их нервной системе.

15. Если подкачать депрессанта энергией – через химию, через экстрасенса, – он ведь с известной вероятностью уже не станет с собой кончать? Как же так: энергии больше, а поступок – меньше?

Э. Тот, кто годами лежит на диване, не в силах умыться, и тихо плачет – через самоубийство уходит от безмотивного страдания. Поддав ему энергетики – мы меняем ситуацию: он уже меньше страдает, потому что начинает что-то делать: мы сдвигаем психическую доминанту в сторону простых действий, и доминирующий очаг возбуждения коры подчиняет себе и подавляет соседний. Человек уже способен не только на интенсивное действие, но и на экстенсивное. Он уже может преобразовывать мир не только субъективно, но и объективно.

Поддать человеку энергии – означает: а) у него есть силы разрешить ситуацию через действия или хоть стремление и надежду, желание этих действий; б) ему делается плевать на эту ситуацию, т. е. он разрешает ее субъективно – а и так появляется желание что-то делать.

Самоубийство же есть разрешение ситуации, которая мучит и нет сил разрешить ее иначе.

А вот другой ход: загоните депрессанта в лес и оставьте одного; ну, дайте нож и спички. Взбодрится! зашевелится! выживать начнет, плакать бросит. Что он обрел? точку приложения для концентрации сил. Нашел, наконец, что делать. Энергия инстинкта жизни пришла в динамическое равновесие с условиями жизни – что и требовалось.

16. «Слой состояния» безмотивных самоубийств – как бы горизонтальная полоса, ниже которой – все силы идут на решение задач, ощущаемых и понимаемых как необходимые, а выше которой – сил столько, что сам процесс жизни так или иначе идет в кайф, хоть и с трудностями, с мучениями, но и с радостями.

Опустят тебя обстоятельства ниже – семью кормить, за родину воевать, от наводнения спастись – и пока нужда есть, о самоубийстве думать забудешь. Поднимешься выше – будь стимулом витамины, или счастливая любовь, или неизвестно какая неожиданная удача – и жить тоже можно становится, аж обмен веществ улучшается.

Почти все люди исправно живут в нижней половине, постоянно создавая себе искусственные нужды и стимулы. Напрягаются, стараются. Устают. И – достижение целей, излишнее благополучие – им бывает вредно и опасно. «Вдруг» понимается, что усилия необязательны, потребность в ощущениях теряет конкретную направленность желаний, и тяга к самоубийству ассоциируется с «душевной опустошенностью» и отсутствием смысла жизни.

А отчаянное жизнелюбие, позволяющее просто жить, плюя на все и даже вопреки мыслям о бессмысленности всего – от рождения дано далеко не всем. Преобладание витального момента над рациональным.

17. Еще раз. Субъективно мотивированное самоубийство означает: некие условные ценности могут быть важнее жизни; необязательное и излишнее объективно действие может быть важнее жизни.

А безмотивное самоубийство означает: возможности ощущать и действовать резко превышают уровень, необходимый для желаемых действий. Можно говорить об ослаблении моти-

вазии к избыточным действиям. А поскольку избыточные действия и составляют суть жизни собственно человеческой, иногда это формулируют как ослабление воли к жизни.

Иногда это механизм усталости. Человек больше не тянет нагрузок – но отказываться от них не хочет! Он мечтает отдохнуть – но категорически не согласен стать веселым нищим, беззаботным бродягой, жить потихоньку, не перенапрягаясь. Это подобно смерти в бою, где командир-инстинкт-жизни ставит задачу на достижение цели любой ценой: умереть, но не отступить. (Обычный выход из состояния носит обычно форму: да черт с ним со всем, лучше жить хоть как-нибудь, чем стреляться... можно даже что-нибудь делать еще будет... и даже немало... собственно, меня никто под дулом не заставляет, могу в любой момент бросить все... ладно уж, поделаю еще немного... пока еще я могу тянуть дальше, ничего страшного, ведь бросить все к черту никогда не поздно, у меня есть этот выход... едем дальше.)

Ослабление мотивов к избыточным действиям может быть следствием усталости. Или достижения цели. Или недостаточности сопротивления среды: если человек полагает, что без особого труда все может, так не очень и охота, он не испытывает давления внешней среды, которая рефлексивно побуждает действовать в ответ, как бы сжимая его внутреннюю пружину-энергию.

Здесь дело в известном равновесии витального и интеллектуального начал: интеллект понимает условность и конечную бессмысленность любых действий, а витальность недостаточно сильна, чтоб заглушить голос интеллекта и заставить все равно действовать «просто так», из безусловной потребности.

Это равновесие может иметь место на более низком уровне – у людей вялых и не слишком умных, на более высоком – у энергичных и умных. Кончают с собой и те, и другие, дело только в равновесии.

Равновесие может быть нарушено как утяжелением условий жизни, которое мобилизует и концентрирует энергию и ставит конкретную задачу (к выживанию), чем приглушается голос интеллекта, – так и подкачкой энергии или ее стимуляцией, т. е. поддержкой витальности, которая начинает «нормальным образом» преобладать над интеллектом.

Глава VII Пан эстет

Украшение себя

Для чего темнокожей красотке из джунглей, по вступлении в возраст женской зрелости, выбивать клыки, а резцы стачивать на треугольник и натирать лиственным соком с золой, пока не станут черными? А иначе она вроде и неполноценный человек промеж своих – сожаление, презрение, насмешечки. Э?

Даже самый «первобытный» человек в самом примитивном племени себя украшает. И этнография с этнологией занимаются этим изо всех сил: описывают и классифицируют, и иногда пытаются давать рациональные объяснения. И медицину часто подключают: она тоже старается усмотреть в таких украшениях себя рациональное зерно. Странно только, что этим вопросом практически не занимается психология. То есть социопсихологи легко объяснят насчет места и ранга в обществе, раскроют символику разнообразных нательных знаков, но все это по поверхности: мол – терпи надрезы, зато теперь ты мужчина, терпи надпилы, зато теперь ты женщина, терпи татуирование, зато теперь ты воин. Типа: терпи проколы ушей, зато теперь ты будешь носить серьги. Но – зачем?! Уж вовсе-то зачем уродоваться?..

Что такое любое украшение – серьги, кольца, бусы, повязки и побрякушки? В первые ряды сразу эстетики выпрыгнут: это тяга человека к красоте, к прекрасному. Гм. Вы полагаете, огромные мочки ушей, свисающие до плеч, где в десятке дырок торчат палочки и веревочки – это красиво?.. Ах, скажут эстетики, красота – это кое в чем относительно, это определяется культурой этноса и прочие турусы на колесах; рубленый орлиный профиль конкистадора, который для европейца олицетворяет мужественную красоту, азиату может представляться уродством «длинноносого» племени.

Относительно, говорите? Оно конечно. А вот вам фокус. Тело азиата безволосо, а многие мужчины многих европейских народов волосаты везде, кроме боков и спины, так и спина же бывает волосата (хоть у кавказцев, хоть у сардинцев), а уж ноги – у всех, и грудь чаще тоже. А теперь берем два ну оч-чень разных народа двух оч-чень разных культур – древнего Рима и средневековой Японии. Приличный римлянин должен был иметь гладкое безволосое тело, и все волоски ему регулярно выщипывали, – люди со средствами для этого прибегали к услугам специальных мастеров в банях, а бедные, если следили за собой, дергали свою шерсть сами. Вот безволосые японцы ну никогда бы этого делать не стали. Наоборот – японские самураи, если позволяли средства, заказывали себе нагрудные парики – «чтоб не быть похожими на женщин». Плевать, что его не видно, пусть хоть в вырезе у шеи торчит и лохматится, чтоб все знали, что он есть. (Вроде как в Европе от дорогого белоснежного белья торчали только ворот и краешки манжет, и всем ясен уровень достатка и достоинства владельца.)

Иногда проповедуется точка зрения, что красота – это естественность. Да? Тогда почему у волосатых красиво быть безволосым, а у безволосых – волосатым? (Эстетикам: молчать, тупицы!)

Другой фокус: ну все же черняво-курчавые и смугло-кареглазые народы имеют неукоснительную претензию восходить в предках к типу белокурой бестии: светлокожий голубоглазый блондин, понимаешь, вот их идеал человека. Древние эллины, древние германцы, древние прибалты, древние славяне, древние иудеи и древние кельты – ну просто не народы, а гордость нордической расы лейбштандарт «Адольф Гитлер» (который сам был, разумеется, брюнет). И вот когда среди смуглого города идет блондинка... черт с ней, о блондинках разговор долгий, – идет блондин, то женщинам он ах нравится больше своих брюнетов. Латиноамериканки

– падают. Корейки и японки – падают. Зато милостивая мулатка в белобрысой Скандинавии – это конец всему: флегматичные альбиносы бросают пить свое пиво и ведут за ней глаза с вожделием и восторгом. Привлекает не то, что у тебя есть, а то, чего у тебя нет, черт возьми!

Неудовлетворенность имеющимся. Тяга к чему-то другому. Биполярность как источник энергии, которая в данном случае прежде всего сказывается в тяге к не такому, как ты и прочие обычные.

Вот вам и красота как естественность. Это бриллианты естественны? Или замысловатые прически? Или блестящие предметы, вдетые в проколотые в ушах дырочки?..

Вот вам «культура тела»: мусульманин бреет голову, верующая иудейка замужем носит парик, средневековая европейка бинтует и плющит корсетом грудь, античная гречанка выщипывает волоски на лобке и подмышками, а слободской ухарь середины XX века ставит на передний зуб стальную фиксу. Необыкновенно естественно!

Поднять и выпятить женский бюст, округлить бедра и зад, утянуть талию – понятно. Расширить мужские плечи и обтянуть гульфик, туда еще напихав чего-нибудь для объема – понятно. Но уже сбрасывать естественную растительность с мужского лица – менее понятно.

Мода? Мода оно конечно. О ней мы уже упоминали в I части (см. главу «Максимальные действия»). Понятие «мода» во многом просто заменяет понятия «относительность красоты», «обычай», «признак значительности», «культура», «традиция», а также «традиция менять традицию». И сводится это к тому, что человек стремится через моду предьявлять себе и другим свою значительность. Все это так.

Но. Но. Нас сейчас интересует другое: почему человеку всегда надо чегой-то такое изде- лать над собой, чтоб было не так, как раньше, как от природы задано было. Вот.

Шрамы-насечки на лице африканского воина. С нашей точки зрения – уродуют, ведь можно было на руке, скажем. Полинезийская татуировка по всему телу. Красиво? Это спорно. Может на чужой взгляд быть уродливо. Боевая раскраска индейца. Да, мундира у него нет, пуговицы и галуны пришивать не к чему, но вообще-то можно прекрасно обойтись и без галунов, и без раскраски.

Дорогие товарищи, а также граждане и друзья. Как ухаживает за собой кошка, бык или птичка? Одна вылизывает шерсть и точит когти, другой чешется о дерево и трется рогами, третья перебирает и поправляет перышки. Они приводят в порядок то, что у них есть, и это их вполне устраивает.

И только человека не устраивает то, что у него есть. Чего бы он ни хотел – он хочет, чтоб было иначе, чем он сейчас имеет.

Это что значит? Это значит, что у него есть от природы избыток энергии. То есть у него есть желание совершать действия, производить какую-то работу, чтобы в результате этой работы он был не таким, какой есть сейчас.

Украшение себя есть одно из проявлений избыточной энергетике человека. Украшение себя есть один из аспектов передела мира человеком. Да – и традиция, и стремление к значительности, и представление о красоте, – но в основе, в основе, в основе что лежит? Произведенная работа. И желание производить эту работу. Энергия.

Боже, вот голый папуас на райском острове. Науки нет, техники нет, письменности нет, быт нищ, язык примитивен, пищи полно, хищники отсутствуют. Что он может, бедолага, до материка тысячи миль через океан, весь его мирок размером с гулькин нос. И все равно ему надо чего-то над собой делать – утыкаться, изрезаться, навесить ракушки и травинки – и тем самым он становится «окультуренным» человеком, а не «натуральным». Он совершает в этом мире все, что сегодня может. И отличается от животного в обличье человека всем, чем может. Он изменяет мир, черт возьми, и этого хочет, и ему это нравится, и он находит в этом удовлетворение.

...Вот и страдает юная туземка, которой одни зубы выбивают, а другие пилят, и безо всякого наркоза. Сделан еще один шаг: от животного, которое всегда в ладу с природой, к человеку, который всегда должен переделывать мир. А куда денешься. Энергетический заряд требует.

Красота

Красота – еще один из вечных вопросов, на который полагается, свидетельствуя о своем уме и образованности, не давать внятного ответа. Мол, это непознаваемо, тайна, нечто высшее и божественное даже, все и так знают, что это такое – но знание это интуитивное, рациональному анализу и формулировкам не поддается. Гармонию алгеброй не расчислишь: тот самый случай. И в чем же суть и причина того, что одно красиво, а другое некрасиво, дознаться невозможно – вот есть такое явление, и все тут. И со времен хитромудрого Сократа ничего тут принципиально нового не надумали, его же резюме было примерно таково: а хрен его знает, не добраться до сердцевины.

Я предпочитаю показаться неумным и необразованным, но разобраться в вопросе, коли он поставлен: что такое красота вообще, в принципе, как категория?

1. Утверждать, что способность воспринимать красоту свойственна только человеку, было бы несколько опрометчивым и высокомерным. Тут есть пример, заставляющий задуматься: вороны, которые утаскивают в гнездо блестящие штучки вроде колец или чайных ложечек и всякие яркие тряпочки. Не только вороны – и сороки, и дрозды, но полинезийские вороны всех превзошли – эти собирают целые коллекции яркого-блестящего, берегут их, перебирают, и даже показывают друзьям-подругам жизни.

Никакой пользы с этого вороне нет. И при брачном ухаживании эти побрякушки не фигурируют, и ранг вороны среди прочих не повышают. Ей это нравится бескорыстно, само по себе. То есть ей этого хочется, и она от этого получает положительные ощущения.

Птица способна получать положительные ощущения просто от цвета (яркого) предметов, которые не имеют для нее никакой функции, кроме как доставлять эти ощущения.

Черт возьми, это та же самая способность ценить красоту: никакого принципиального отличия от цветных стеклышек и ярких фантиков из детских коллекций, от блестящих бус дикаря.

Т. е. в основе лежит некая *избыточная*, сверх необходимого для выживания, *способность получать положительные ощущения* просто от формы (цвета) некоторых предметов. Кажется, мозг вороны наделен способностью к ощущениям сверх необходимого.

Ворона – птица умная, известно. Но слон все-таки умнее, и голова у него больше, и хобот ловкий – почему он в джунглях цветы не собирает? Или, домашний, не крадет у хозяина часы, чтоб любоваться на досуге? Очевидно, он услаждает себя иначе и не нуждается в дополнительной эстетике. Мы лишь констатируем: ворона слона не умнее, но у нее, относительно ее небогатых возможностей и потребностей, есть по сравнению со слоном «свободный», «невостребованный» участок мозга (очень грубо и условно выражаясь), который она «пускает» на, так сказать, простейшую «пра-эстетику».

Что мы имеем? Мы имеем ма-аленький *излишек энергетики мозга* сверх необходимого для выживания. Не в том дело, что слон умнее, а в том, что ворона имеет «микроизлишек» нервной энергии.

Соловей поет, сытый отдохнувший волк играет, а ворона стеклышки коллекционирует.

Здесь невредно сделать вот какое примечание. Строго говоря, любое живое существо «энергоизбыточно» – это тот самый дополнительный сверх необходимого запас энергии, который своим очень слабым, в особи неразличимым, но постоянным «давлением» и обеспечивает в течение миллионов лет эволюцию вида. Микроимпульс к видоизменению и усложне-

нию. Птица ведь тоже участвует в энергопреобразовании мира: семечки ест, семена переносит, почву удобряет. Но она-то изменяет его очень-очень медленно, на протяжении поколений – незаметно, она вписалась в ландшафт, – а человек за десять лет все перевернуть может, и младенец его за пяток лет может выйти за пределы своего вида и стать волком, скажем, по привычкам и структуре личности, а другие животные этого не могут, энергетический заряд не тот. Но за миллиард лет амeba может стать человеком, такие дела.

Пропасть между обезьяной и человеком огромна и в масштабах человеческо-исторического времени непреодолима (от них к нам, навверх, непреодолима, конечно – в обратную сторону Тарзан ее преодолел) – но в принципе-то устройство мозга одно и то же, просто нервная энергетика человека на порядок выше, качественно выше – излишек нервной энергии человека сверх необходимой для простого выживания и составляет его суть.

(Вообще у многих живых существ можно наблюдать «излишние» действия пра-эстетического характера, в которых проявляются «излишние» чувства. У тех, у кого развита система звуковых сигналов – это обычно принимает вид пения. Птицы поют, волки воют, лягушки квакают, обезьяны криком ругают выводят. Что означает, что кошка мурлычет от удовольствия? Что ее положительные эмоции таковы, что требуют какого-то дополнительного, конкретного проявления: строго говоря, в мурлыканье идет ведь ма-ахонькая энергия – это ма-ахонький избыток положительных ощущений, с которым неизвестно что делать, которые «по жизни» ни для чего не нужны, но какого-то своего проявления в каких-то действиях требуют, наружу просятся.

Заметьте – в полнолуние все живое активизируется, энергетика существ подпрыгивает. Повышается уровень возбуждения центральной нервной системы. И мозг взывает к действию – для мозга ведь ощущение «рассматривается» или как позыв к какому-то действию, или как следствие уже совершенного действия, механизм таков. Обычно мы это называем «проявлением чувств»: смех, плач, крик радости.

Сколько чувств в волчьем вое на луну! Есть у него какие-то избыточные ощущения – и требуется их как-то проявить. Вот в полнолуние он и поет особенно страстно – чувств больше. А обычно поет на закате – на закате сила и острота ощущений многих живых существ, преимущественно ведущих ночной образ жизни, подпрыгивает. Солнце заходит, свет меркнет – осязаемый энергетический переход состояния окружающей среды, и ему соответствует некоторое возбуждение ощущений, – та же человеческая грустная красота заката.

А дневные птицы устраивают концерт при восходе. Та же внешняя энергетика происходящего как внешняя причина – и возбуждение ощущений как причина внутренняя. А можно и не петь, ни для чего это не нужно.

То есть. Ощущения побуждают к действию – таков механизм функционирования инстинкта жизни в особи, управляющий ею через реакции центральной нервной системы. Ощущения первичны – в том смысле, что сначала голод ощущается, а потом – удовлетворяется (а если корм запасается сытой птицей про черный день – это как бы продолжение ощущения голода, переходящее в пра-сознание: сейчас-то сыт, а потом будешь голоден, – как бы экстраполяция будущего ощущения голода). А поскольку любое живое существо создано «с запасом» – «на всякий случай», выжить при трудностях, – то этот запас существует в нем, на уровне ощущений, в том виде, что способности к ощущениям невредно иметь чуть-чуть больше, чем обычно требуется – ну, как НЗ топлива, допресурс двигателя. Вот этот излишек ощущений и пускается на «ненужные» действия – а просто для того, чтобы чувствовать, просто потому, что способность к таким ощущениям есть.

Полнолуние – больше ощущений, возбуждение в живом мире, поют активнее. Закат и рассвет – аналогично.

Пра-эстетика как дополнительные ощущения, проявляющиеся через дополнительные действия, не имеющие иной физиологической функции, кроме «бескорыстного» удовлетворения.

Умная ворона петь не умеет, выглядит неказисто, и у нее имеет место вот такая перекидка с акустического ряда в визуальный: ее коллекция побрякушек – это своего рода цветомузыка.)

Вернемся к нашим воронам. И повторим: мы констатируем у вороны излишек нервной энергии по сравнению со строго необходимым, и этот *излишек способен оформляться в пра-эстетическую функцию*.

О значении и роли яркой окраски птиц, животных и рыб написано много, это все довольно известно и понятно: хвост павлина привлекает самку, пестрота ядовитой рыбки отпугивает хищников, яркость цветка привлекает насекомых-опылителей и т. д. Функциональность. Факт в чем? – возможный партнер реагирует на цвет, воспринимает его и через ощущение цвета делает соответствующий «практический вывод» (на уровне инстинкта): соси мой нектар, совокупляйся со мной, отвали от меня.

И вдруг кто-то получает дополнительный сигнал: смотри на меня, будь со мной, получай удовольствие от того, что ты просто на меня смотришь. А вот это уже и есть не что иное, как красота.

Инстинкт жизни можно уподобить воде, текущей в трубе под некоторым давлением к крану: вытекание из него как бы в нашем примере и есть собственно жизнь. У человека же «в трубе» давление воды избыточно настолько, что рвет трубу во многих местах, размывает сопровождающее трубу русло, фонтаны бьют, лужи образуются, реки вбок отходят – и все равно из крана хлещет сильно, хотя может иногда иссякнуть раньше времени – у самосожженцев, которые пускают биологическую энергию жизни на свершения человеческие, «сбоку трубы», за счет собственного здоровья и долголетия.

Одна из боковых бьющих струек, свидетельство и следствие этого избыточного давления – способность наслаждаться красотой и творить ее. Вообще-то ведь жить можно и без этого, но человек тем и отличается, что наворачивает то, без чего мог бы обойтись.

Вот у вороны в маломощной ее трубе тоже есть дырочка, и сочится в нее струйка: бескорыстное и бесполезное стремление к красивому, блестящему и яркому. Почему именно у вороны, а не умного гуся или большого страуса, мы не знаем. Тут, как сказал знаменитый пьяный лектор, наука пока не в курсе дела.

Так что для восприятия красоты, самой примитивной красоты в принципе, – большого ума не надо. Ворона ведь не умней собаки – она просто умней, чем необходимо вороне, самую капельку. Человек вот – сущая обезьяна, просто умнее, чем необходимо обезьяне.

Итог: *способность воспринимать красоту – избыточная функция центральной нервной системы*.

2. А красивые самцы, красивые манкие цветы и красивые отпугивающие рыбки? Да нет, это все встроено в систему целесообразности жизни. Система визуальной сигнализации через яркий цвет. Плевать, красиво или некрасиво, суть – это важно и это внятно, это означает то-то и то-то, полезно либо вредно.

Серые птички и незаметные рыбки по-своему устраиваются не хуже.

3. Красота бесполезна и самодостаточна. (Не считая того, разумеется, что нужен тот, кто ее воспринимает, – если что-то не поддается восприятию (ультразвук, ультрафиолет) – так оно и не может быть красиво, красота – категория оценочная, это и упоминать излишне, но так уж, для пущей обстоятельности.)

Эта точка зрения не вовсе беспорна. На уровне не только бытовом, но и философском, постоянно делались и делаются попытки классифицировать красоту как верх и идеал целесообразности. Самые расхожие примеры – красота женщины и мужчины, красота оружия, красота автомобилей-локомотивов-самолетов.

Насчет красоты тела как целесообразности больше всего сказано. Хорошие зубы, гладкая плотная кожа, длинные стройные ноги («это чтобы быстрее бегать, дитя мое...»). Большая женская грудь выкормит детей, широкие плечи и сильные мышцы мужчины прокормят и оборонят, и т. д. А зачем человеку хорошие волосы на голове? А это свидетельство здоровья. Гм. А зачем женщине тонкая талия, чему она способствует? Вообще-то она ничему не способствует... может, она подчеркивает плодородную ширину бедер и свидетельствует, что раз особь стройна – то подвижна, энергична, обмен веществ хороший? Допустим, хотя попахивает натяжкой... А чему способствует крайне целесообразное с точки зрения природы совмещение половых органов с мочевыделительными? Всему оно способствует, но вот назвать это совмещение красивым эстетике всех эпох как-то затруднялись; либо обходили вопрос молчанием, либо тихо сетовали, что вот тут у Господа недоработочка имеется, органы для такого прекрасного чувства и дела – и моча тут же, и кал рядом.

А уж что касается красоты лица – тут просто от винта. Форма и размер носа, рта, подбородка, ушей – какая разница, если это в пределах нормы и работает хорошо? Размер и разрез глаз – а вам какая разница, если они хорошо видят? Хлоп разница – Европа и Азия – каноны красоты лица у разных рас, естественно, различаются. *Относительность красоты*, ага?

Истинно влюбленному его избранница всегда кажется очень красивой – он просто не может понять, как она может кому-то не нравиться, она же в общем явно красивее всех. Рассудком можно отмечать, что форма ее носа отличается от греческого канона, что глаза не очень большие, а на скулах веснушки, – но для него это не имеет отношения к красоте, потому что ну явно же видно – красива именно она, а у других имеет место правильность черт, которая обычно считается красотой, но именно самой-то красоты у них нет, а есть некое внешнее и условное ее подобие. И если другим больше нравится ее подруга – он даже жалеет их немного за слепоту и эстетическое убожество: подруга, конечно, ничего так, но куда ей до моей девочки. Если он потом разлюбит и взглянет «объективными глазами» – черт, подруга-то окажется и верно красивее, а эта-то и верно ничего уж такого: что может быть обычнее?..

Кстати о красоте лица. Мерлин Монро. Если рассмотреть ее лицо честно и подетально – ничего там особенно красивого нет. Более всего смахивает на лубочную красотку с обертки мыла. Пергидрольная блондинка с перманентом, черты крупные и грубоватые: ни тебе изящного носика, ни чуть раскосых глазищ, ничего тонкого и изящного, почти помесь куклы с короной. В чем дело, почему полмира на нее так запали? Да Рэжел Уэлч или Мишель Мерсье гораздо красивее; вроде бы гораздо красивее. И вклад Монро в мировое киноискусство весьма скромный, прямо скажем. Но – но – сочетание этих черт, невинности с тонкой подрисовкой порока, наивности с потенцией страсти, детскости с идеальной женственностью развитого крупного тела (биполярность! биполярность!) – и дает эффект, бьющий уже треть века с фотографий.

Чем это, интересно, она совершеннее многих других вполне красавиц? Чего это в ней такого особенно полезного и целесообразного? И чем, чтоб провалиться, светлые выющиеся волосы лучше темных и прямых? Кому что идет, да? Вот и я говорю. Нравится – не нравится.

Нет, способность восприниматься как красивое и полезность для чего-то – вещи разные; они могут совпадать, а могут не совпадать.

Оружие. Гранатомет неуклюж: куца труба; а уж куда как эффективен. Боевой вертолет топорщится углами и консолями – страшноват и внешне даже нескладен. То ли дело «МиГ-15» или «Конкорд» – изящен, плавен, стремителен. Меч красив, топор не очень. Противотанковая пушка – длинная, хищно распластанная по земле, хороша, кто понимает, – а минометы недаром называют «самоварами» – труба, плита, подставка, любоваться нечем. Уж сколько ума и чувства вкладывалось в форму и отделку древнейшего из оружия – ножей: кинжал или финач ну так же и просятся тебе в руку и ему в брюхо, – плавность черт, удлиненность, блеск. А в испанской навахе – в отличие от стилета – ничего изящного. А английские командос традиционно вооружаются ножом эффективнейшей формы – «воловий язык»: форма вроде листа

дерева – обоюдоострый клинок, сильно и плавно расширяющийся от острия, – рассекает при ударе все без затруднений, широкая рана; но куда ему по красоте форм до кортика или даги.

Автомобиль. Совершенство – «Формула-1»: сравните эту помесь сигары с гробом на четырех торчащих в стороны колесах с «мерседесом» или «ягуаром». Сравните вездеходный джип с роскошным «бентли». Нас манит плавность обтекаемых форм, блеск отделки, – ну, чтоб глаз радовался воплощению скорости и комфорта. А ведь джип-«виллис» неказист, но гораздо более целесообразен, высокий старомодный «роллс-ройс» предельно удобен и комфортен; и вдруг выкатит репликар тридцатых годов, угловатый лаковый кузов с никелевыми побрякушками, и все ахают: как красив... а ведь менее совершенен.

Парусная яхта красивее гоночного катера-катамарана.

Паровоз делается красивее, если убрать все, что можно, под обтекаемый вытянутый корпус, да? Выигрыша в скорости может практически не быть, но «линии улучшаются».

А бесполезность украшений? А бесполезность моды? А с чем кушать колоннады храмов?

Да нет, красота и прикладная польза – вещи разные. И идеально отвечающее своему назначению, идеально целесообразное – отнюдь не значит красивое. Идеально практичная одежда – камуфляжный комбинезон. Идеальная форма жилища – параллелепипед с двускатной крышей. А вы про Версаче и Миланский собор.

4. Много вам пользы в классической музыке – если вы не зарабатываете ею на жизнь? А есть ведь – красота музыки, красивая музыка.

Как прикажете отличать в музыке красивое от некрасивого? А если кто абсолютно лишен музыкального слуха и музыку вообще не воспринимает – как насчет объективности и субъективности красоты? Ведь получается, что вопрос истины решается голосованием и большинством голосов: вы считаете иначе – а нас больше, и мы считаем вот так: быть по сему. Ага.

Музыку Юго-Восточной Азии европеец не воспринимает, для него, воспитанного в другой музыкальной традиции, азиатская музыка – малосимпатичный набор звуков. Азиат плачет – европеец морщится, европеец веселится – азиат пожимает плечами. И там и сям свои прекрасные композиторы.

Ставились опыты: у представителей разных этносов, разных языков и культур (японцы и французы, скажем) одна и та же фонема (знаковый звук, обозначаемый на письме буквой) ассоциируется с разным цветом, если пытаться ассоциировать. Разный интонационный строй языков, разная фонематика, разная семантика акустики, так что это можно понять.

Неудивительно, что и разные сочетания звуков соответствуют разным ощущениям у народов разных культур. Чувства одни – точки внешней привязки разные, проявления по форме разные.

Что такое музыка? Воздействие на ощущения комбинацией бессмысленных звуков. Единственное назначение звуков – именно вызывать ощущения, и только.

Что такое красота музыки, красивая музыка? Такое сочетание звуков (разных тембров, тональности и т. п.), которое вызывает ощущение прекрасного.

Что это за ощущение, черт возьми? Приятное, сильное, может быть печальным, может быть веселым, – но оно желанное, возбуждает чувства; и это возбуждение чувств от красивой музыки смыкается с чувствами добра, благородства, силы, желанности жизни с ее трагизмом и радостями, и чувство своей значительности через свою причастность ко всем этим вещам жизни тут тоже присутствует. Возникает ощущение «чего-то большого, чистого и настоящего» (вроде слона в ванне, если цинично пошутить).

Итого. Внешне мы имеем красоту как форму, без всякой пользы и всякого смысла. (Все-речь говорить о «содержании музыки» невозможно же, это вульгарно-примитивная попытка перевести язык музыки на язык слов, т. е. вытащить ощущения в сознание и аналитически сформулировать в понятия... бред, придуманный для глухих.)

Красота может существовать как акустический ряд. Мы можем воспринимать красоту «вообще» через комбинированные сотрясения воздуха. Это может побуждать маршировать, сражаться, трудиться, танцевать. А может просто побуждать плакать, улыбаться, переживать неизвестно что.

Красота как форма может быть относительна – это зависит от традиции, воспитания, связи с общей культурой этноса и даже врожденной способности ее воспринимать.

5. Прежде всего красота воспринимается через зрение. Под красивым чаще всего мы имеем в виду, что что-то красиво выглядит. Девушка, ваза, автомобиль, нож. Форма предмета, линии его объема, а также сочетания цветов (или один цвет).

6. К тому, что воспринимается органами обоняния и осязания, понятие красоты не применяется. Почему? А черт его знает. По традиции. А ведь запах духов или свежего сена бывает прекрасен! И мы так и скажем: «Какой прекрасный запах!» Но не скажем «красивый запах» или «это красиво». Здесь кроме традиции еще одна вещь: в жизни человека обоняние играет небольшую роль по сравнению со зрением и слухом. Через обоняние поступает не много информации. Через обоняние человеку не свойственно испытывать сильные ощущения. От дерьма и падали может стошнить, но это редко, а если с привычкой – перестаешь обращать внимание. (Наркота не в счет, тут балдеж не от запаха, просто химия влетает через нос и вызывает кайф не оттого, что это хорошо пахнет.) Обонятельные центры мозга в общем не велики (хотя конечно и амбра, и мускус, и ладан, но все-таки это «вспомогательный ряд»). Через обоняние человек не может получить ощущения столь сильного и богатого, как через слух и тем более зрение. А красота, по определению, должна вызывать достаточно сильные ощущения. Кроме того, ощущение от запаха, как мы сказали и как все знают, очень быстро притупляется: больше десятка флаконов духов никак не перенюхаешь, перестанешь запах толком воспринимать и различать.

Короче, красоту на нюх не возьмешь. Доберман-пинчер или крот могли бы, а тебе слабо. Не тот масштаб восприятия.

А уж насчет осязания тем более. На ощупь человек мало что познает в жизни. Ощущение от осязания может быть приятным, очень приятным – но не более (осязание любимого тела прощу в счет не ставить, здесь совсем другая история). Очаг ощущений от осязания в мозгу мал, как бы «вспомогателен». Гладкое, пушистое, теплое, мягкое, упругое, твердое, округлое, – батюшки, вот едва ли не весь ряд того, что можно определить на ощупь как приятное. Какая ж тут «красота»... бедно, граждане.

Вкус еще остался. «Прекрасный вкус!» – это еще можно сказать. Но «красивая еда», имея в виду вкус – не-а, не говорят. Хотя пальчики оближешь и обожрешься, как удав, – но ощущения от еды а) прикладные, тебе это жевать и глотать приятно, в себя пихать; б) высоких и благородных чувств от еды не возникает. Нет того куста ассоциаций, нет бескорыстного наслаждения.

А вино? Это классом выше будет. «Прекрасное вино!» Его пить не обязательно, его пьют именно для удовольствия, и умеренное опьянение от хорошего вина возвышенно и благородно, кто понимает. Но «красивое» про него не скажут. А про бокал, в который оно налито, скажут! Про букет вина роскошный не скажут «красивый», а про цвет вина рубиновый или топазовый скажут – «красивый». Вот черт? Ведь для вина запах и вкус важнее цвета, а? И само ведь по себе ощущение от запаха и вкуса вина – сильнее и богаче, чем от его цвета? Да.

В чем дело?

Во-первых – в том, что только через главные органы чувств – зрение и слух – мы можем (и привыкли) получать ощущения настолько сильные, богатые, стойкие, что это может восприниматься как красота; каковая красота для нас – нечто значительное, высокое и отвлеченное (отвлеченное!). Выпивая вино, мы никак не используем, не потребляем его цвет, мы его просто фиксируем. А через зрение идет до 95 % всей информации, здесь все воспринимается очень

остро и сильно, и кусты подсознательных ассоциаций богачейшие, – вот в этом пласте восприятие красоты у нас в основном и происходит, представление о ней здесь и пребывает – где ощущений больше, и излишек их тоже больше.

Во-вторых – это говорит о том, что понятие красоты несколько условно (как условны все понятия-слова-символы) и размыто. Нет четкой границы между «красиво» и «нравится, приятно». И под красотой мы часто объединяем весьма разнородные вещи по степени «нравящести» нам. По степени «эстетического воздействия».

В-третьих – «эстетическое воздействие» противопоставляется потреблению, обладанию, использованию для чего-либо еще. От просмотра и послуха ничего не убудет, и кошке дозволено смотреть на короля. Скушать – означает потребить, сплевывать не будешь. (Хотя римляне времен упадка достигли в этом изрядного совершенства: наслаждались яствами, потом мальчик щекотал гостям горло перышком, они изbleвывали трапезу в золотой тазик – и, освободив желудок, могли наслаждаться вкусом следующих яств, приготовив для них место. Это уже прямо эстетское отношение к вкусу еды – не сожрать, но лишь насладиться. Изобретателен человек по части доставления себе ощущений! Но слюванные кушанья, понятно, уже никуда не годились.) Нюханье весьма связано с качеством пищи, чистотой жилища и одежды, аспект потребления немал, да и, как уже сказано, мало чего от запаха в нашей жизни обычно зависит. Ощупывание – вообще сродни обладанию («не лапай, не купишь»), это уже весьма интимное знакомство с предметом.

В-четвертых. Красота, воспринимаемая непосредственно органами чувств, имеет форму. Зримая форма понятна. Музыкальная форма может быть выражена – через ту же нотную грамоту.

Насчет формы обоняемого – есть трудности. Трудности есть – формы нет. Чтоб выразить впечатление от запаха, мы прибегаем к переносу качества от предмета (пахнет сеном, лавандой, морем), или определяем через вкус (сладкий, горький, кислый). А вкус – это не эстетика, это потребление. А форма через осязание? – Или это замена зрению (квадратный, большой) – или, опять же, качество, формы не имеющее (теплый, мягкий).

Так что красота – это воспринимаемая форма, зримая, а в редком отдельном случае – слышимая. Или форма пространственная с ее атрибутами – объем, линия, цвет, или форма акустическая, что есть комбинация колебаний воздуха, т. е. опять же своего рода форма окружающего нас пространства, каковым является воздушная среда. Ясно ли? Если окружающую атмосферу поколебать соответствующим образом (а вообще ей свойственно колебаться при любых происходящих действиях), то может возникнуть красота, воспринимаемая через слух.

Красота – это некоторые детали и состояния окружающей среды, само наличие которых доставляет нам сильные приятные ощущения, будучи восприняты через главные органы чувств.

7. Красота визуальная в большой степени поддается анализу и расчислению. Чем древнее греки прекрасно и занялись, создав «золотое сечение» и вообще разные варианты пропорций зданий, колонн и человеческих изображений. Красота рассчитывалась и создавалась через гармонию составляющих частей. Один к двум, два к трем, один к семи и к девяти, – простейшие соотношения чисел лежат в основе шедевров античной архитектуры, и даже во многом в основе прекрасных статуй.

В проритительном возбуждении от гениальности человеческого разума Пифагор и проповедовал тот вывод, что в основе мироздания вообще лежат числа и их отношения, и этими численными отношениями вообще можно объяснить все на свете. Как всякий великий мыслитель, открывающий что-то новое, он был мономан своей идеи-фикс.

Но любой, кто знакомился с основами ваяния, живописи и зодчества, знает отлично: да, красота часто существует на уровне арифметики с геометрией, здесь свои законы, и пренебрегать ими никак нельзя.

Красота как легко вычисляемые формы объема. Простейший вариант.

8. Сродни ей – ряд вариантов музыкальных гармоний. Тоже расчисляются – и поддаются простому рациональному созданию. Составь звуки по высоте и длительности в определенных комбинациях – это и есть красиво. Ладно.

9. Тогда акула красива, потому что она длинная, плавная, заостренная и ловко-стреми-тельная, а осьминог некрасив, потому что мешковатый, внешне неуклюжий, и сочетание щупалец с туловищем противоречит гармонии линий и объемов.

Все дело в линии и объеме.

10. А также в цвете и сочетании цветов. «Красный» по-русски и означает «красивый». Сочетание желтого с фиолетовым красиво, а зеленого с розовым «безвкусно» (хотя зависит от оттенков, конечно).

11. На этом изначально основана абстрактная живопись. Не обязательно изображать предметы, чтобы достигнуть впечатления у зрителя – можно дать на холсте линии и цветовые пятна таким образом, что возникнут некоторые ощущения, в том числе возможно ощущение красоты.

12. Нам нравится:

яркое – больше тусклого;

длинное – больше короткого;

тонкое – больше толстого;

плавное – больше угловатого и комковатого.

13. С этой точки зрения понятно, почему жираф красив, а слон – нет, тигр красивее медведя, а щука красивее сома.

Чем волк красивее гиены? Да у нее цвет какой-то из грязных пятен, хвост куцеват, таз опущен, задние ноги коротковаты, и возникает ощущение неопрятности и неуклюжести. Хоп! – возникают ассоциации. Зрение – наиболее ассоциативно-богатое чувство – и чисто зрительная картина склонна дополняться в сознании «не-зрительными» качествами на основании собственного зрительского опыта и знания.

А также имеет место трансформация зрительного образа частично в сферы других чувств: осязания, обоняния (задействуются «краешки» очагов других чувств центральной нервной системы).

И нам уже кажется, что от трупоеда-гиены пахнет падалью и дерьмом, вид у нее нечистоплотный.

14. Нам нравится:

сухое – больше влажного;

теплое – больше холодного;

гладкое (или пушистое) – больше шершавого;

упругое – больше дряблого.

15. Крокодил вполне продолговат. Всяко крокодил умнее тупой акулы и не жрет всю дрянь подряд, как она, – вообще он стоит выше на лестнице развития. Почему же он, бедолага, на наш взгляд некрасив? Кстати, двигаться он может очень стремительно и ловко, броски его молниеносны, а от слона на суше он может удирать даже галопом.

Лапы у него какие-то коротенькие, кривые, толстые. Некрасивые лапы, линии не те; не антилопа. И брюхо толстое, противное, на вид мягкое и дряблое, утроба гадова. Имеем нарушение пропорций и отрицательные осязательные ассоциации.

Змея продолговата, плавна, может иметь очень яркий красивый узор – но что-то змею назвать красивой может только любитель-зоолог. А чего? Слишком длинна, пропорция не та. И голова маленькая слишком, плоская, безмозглая. Но – у жирафа тоже шея будь здоров, да и у лебеда длинновата, но у них это представляется довольно красивым. Включаем ассоциации: змея холодная, влажная, скользкая, фи. Вранье! – закричит серпентолог, и будет абсолютно

прав: змея сухая, теплая и гладко-шершавая, как ручка хорошего ножа. Это серпентолог знает, а нам кажется другое. Опасная? – акула опаснее. Безмозглая? Бабочка более безмозглая, а бывает очень красива.

Шо мы имеем? Мы имеем *комплекс ассоциаций*, как чувственных (осязание, обоняние), так и инстинктивных типа: мерзкая низшая тварь, ядовитая, жрет тех, кто ее теплее и выше, бороться с ней трудно, вообще очень чуждое мне, биологически далекое существо, не хочу ее, подальше от нее, бежать, убить палкой.

Бабочка плохого сделать не может (ну, листья ест). Хоть и глупая, вообще насекомое. А в борьбе змеи с мангустом наши симпатии всегда на стороне мангуста – хотя змея его не трогала, он просто ею пообедать решил. Зато он пушистый и симпатичный.

А вот если хищный паук мохнат – он от своей мохнатости красивее для нас не становится. Шмель – да, его пальцем по мохнатой спинке погладить хочется. А паук, брюхо на восьми ножках – нет, некрасив. А ведь сообразителен тарантул, ловок, храбр!

Орел красив, все норовили его символом сделать и в качестве комплимента с ним сравнивать. А гриф нет – шея с головой у него голые, красные, пупырчатые, как общипанные. Падаль ест? медведь тоже мертвечиной не брезгует. Но он славный, умный и пушистый, а шея грифа красно-сизая мерзка должна быть на ощупь, и падаль, и пупырышки эти... фу. Перетягивают отрицательные ассоциации.

Медвежья шерсть, кстати, жесткая, как тонкая проволока или конский волос, реально на медвежьей шкуре не понежишься. Но пока не пощупал – кажется пушистой, и это приятно.

Красота как комплекс ассоциаций. Подклточка воображения к положительным ощущениям.

16. А теперь отвлечемся от зрительных образов красоты и обратимся к тому, что посложнее кажется.

Красивый ход. Красивый поступок. Красивый удар. Это что такое? Что здесь есть красота? И как она определяется? И что имеет общего с красотой предмета?

Красивый удар в футболе. Неординарный, точный. Проявление техники, силы, расчета. Трудный, редкоисполнимый, не каждому по плечу. Трудно берущийся. В данной ситуации – максимум того, чего можно ожидать от игрока, и более того – такого удара даже и не ждали, а игрок возвысился прямо до уровня искусства: и момент улучил, и траекторию мяча провесил, и промежуток меж защитников углядел, и ударил пушкой. Блеск! Демонстрация вершинных возможностей футбола как зрелища, атлетизма и игры. При этом, если удар именно «красив», траектория полета мяча должна быть достаточно далекой и желательно по пологой дуге, чтоб еще и линия полета была красива. Если в суতোке у ворот сумел в единственный миг впихнуть мяч – удар красивым не назовут, если в упор прямой пушкой пробил вратаря – тоже красоты нет. Нафинтить, открыться, обмануть – и с дальней дистанции навесить под штангу над головами бесполезно прыгающих защитников. Тут тебе будет от стадиона рев и овация.

Что мы имеем? *Максимальное действие* мы имеем, вот что.

Красивый удар в боксе. Речь как правило о дальней, реже средней, дистанции. Хук, реже свинг. Не просто сильный, не просто точный – кстати, можно от него и уклониться, можно закрыться. Но выходишь на удар точно и неожиданно, соперника подлавливаешь открытым, главное же – движение перчатки сравнительно длинное и недерганное: ты показываешь умение, искусство, делаешь эффектное и трудное в исполнении.

Высшая целесообразность как стремление к выигрышу здесь вовсе не всегда. Можно играть и боксировать некрасиво, зато эффективно, и побеждать. Но в конкретном ударе ты являешь верх умения.

Эстетическая функция возникает (для знатоков) из того, что происходит прорыв *сверх границы нормально возможного*, необходимого и целесообразного. Отдельный акт соревновательной игры ставится как бы выше просто выигрыша – блеск реализованной возможности.

Большой теннис на уровне чемпионов мало красив – слишком резок и целесообразен. Спортивная гимнастика превратилась в головокружительную акробатику. Красота как линии тела в движении может уменьшаться с увеличением трудности задачи и повышением нагрузок. В чем дело? Почему красива легкость и грация, которых все меньше в большом спорте? Потому что нам нравится блеск и кажущееся всемогущество человеческого тела, которое черт знает что может, – и не нравится, когда человек хребет ломает и пердячим паром совершает что-то трудное.

Какова разница между спортивным фехтованием и киношным: одно эффективно и целесообразно, другое – зрелищно и красиво, движения легки, размашисты, нескованы, без страшного нервного напряжения.

Красота – это когда *сверх целесообразности* есть «еще что-то», и это что-то (фактически – дополнительный и как бы необязательный выплеск энергии) свидетельствует о более высоком качестве и производит сильное приятное впечатление. Мало того, что могу это, так могу еще и вот так.

Варан бросается на косяку не менее стремительно, чем леопард (на протяжении нескольких метров). Но – но – линии и движения леопарда ассоциируются со скоростью и ловкостью, и напряжения в нем не видно. А внешне неуклюжий варан молниеносно и «враздрызг» дергается как ужаленный, и даже странно, что такое нескладное существо способно двигаться так быстро, и формам тело его это не соответствует, и выглядит так, словно он в сверхнапряжении превзошел собственные возможности, и это некрасиво, неприятно.

Черные бегуны гораздо грациознее белых. Мало того, что они лучше сложены – у них лучше координация движений, и бег их выглядит менее напряженно, более легко и естественно: как бы им это не настолько уж трудно, как мучительно и мощно молотящим ногами по дорожке белым.

17. А красота хода в шахматах? Красота решения математической задачи?

Здесь, кстати, еще раз видно, что красота возникает только в контакте с нашим восприятием. Сначала надо было изобрести шахматы – а потом тот, кто понимает в них толк, способен оценить красоту комбинации. (Которая, опять же, не всегда ведет к конечной победе – непревзойденный комбинатор Таль проигрывал, бывало, куда менее эффектным шахматистам.)

Красивая означает здесь: неожиданная, нестандартная, в границах самой себя очень сильная и эффективная, это ж надо иметь черт знает какую голову, чтоб до этого додуматься. Отрадное ощущение возникает от *сверх-возможностей ума*.

Вариант *избыточной энергетики* в конкретном проявлении в деле.

18. Красивый, поступок. Явил благородство, великодушие, величие духа. Отдал то, что самому нужно, другому, и никому не сказал. Сделал больше нужного и ушел, не взяв себе, показав недостойным свою хорошесть и простив всех. И т. п.

У прочих нормальных людей возникает отрадное ощущение: вот что человек может, вот как человек бывает хорош... комплекс сложный: гордость своей причастностью к роду человеческому; облегчение, что не тебе эту жертву пришлось принести; осознание своей меньшей моральной полноценности, чем у него; сочувствие и моральная солидарность с ним; печаль, что жизнь вообще так устроена, что лучшие жертвуют своим ради худших; желание иметь такого человека своим другом; некоторое желание самому оказаться бы на его месте и ощутить тем самым свою моральную значительность. Много всего, и комбинации ощущений могут быть разными – комплексный результат один: вот такое сильное отрадное ощущение.

Мы можем называть причину-повод к этому ощущению красотой – ибо своей приятностью, силой, грустинкой, возбуждением чувств оно чем-то сродни ощущению от красивого заката или красивой женщины.

Ничего ведь общего. *Кроме сходства ощущения.* Повод – чужой поступок, женское лицо, шахматный ход или картина природы – носят для нас положительный оценочный характер, совершенно бескорыстно и вне целесообразности.

Это ощущение может приходиться только через зрение.

Может – через подключение к зрению ассоциаций других чувств или ассоциаций мыслительных.

А может приходиться к чувствам через разум, через закодированную информацию о разных отвлеченных вещах, которым мы способны придавать значение.

19. Красивые речи. Поступление информации через слова. За словами стоят образы и понятия.

Речь имеет форму и содержание. Форма: сами слова выражают красивые понятия – «милый», «благородный», «рыдание», «закат», «счастье», «серебряный». Предложения составлены гладко, интонация мелодична, созвучия не диссонансны. Содержание: говорение о красивых чувствах и поступках, красивых историях, красоте собственной или чьей-то личности.

Один пример – красота стихов. Другой – речь адвоката, вышибающего слезы из присяжных и зрителей. Неказенный некролог. Монолог обольстителя. Памяти жертв. Призыв вождя.

Воспринимаем через слух, раскодировываем через разум, разложим на образы, понятия и суждения, спустим на чувства и подключим ассоциации. Ощущение красоты. Комплекс чувств, о которых мы уже здесь не раз говорили. Сильно, отраднo, сладко, с горчинкой, удовлетворяет, хочется.

20. *Красота существует в прямой форме, доступной непосредственному чувственному восприятию через зрение и (95 % – 4 %) слух.*

А существует и в кодированной, и тогда пропускается к чувствам через разум, снимающий код через зрение (матформулы, шахматы, чтение с листа) или слух (слушание речей). Прежде, чем ее ощутить, надо что-то понять и оценить.

Красоту футбола надо видеть, но сначала в нем надо разбираться, понять разумом систему условностей.

А о красивом поступке могут тебе рассказать, причем речь может быть сбивчивой и по форме некрасивой: суть в ее содержании, она – передаточное звено для узнавания поступка.

21. Красота – форма или содержание? Тоже вопрос старый и даже банальный.

О красавице могут сказать: «Красота ее какая-то холодная, безжизненная... души не видно». О Мерлин Монро этого не скажут. Форма-то, мол, может быть совершенна – а вот чего-то не хватает; ощущений достаточных не возникает, ассоциации не те.

Речь может быть красивой, но пустой: «Друг Аркадий, не говори красиво». А может быть лаконичной, кратко и смачно передающей суть, – но красивой ее не назовешь. Ораторское искусство, если без пустоболтства, в том, чтобы весомое содержание подать в эффектной и эффективной форме – тогда красота речи не вызывает нареканий несоответствием формы содержанию.

Красота – соответствие формы содержанию? Глупость. Содержание осьминога и акулы в общем одно и то же: хавай кого можешь, а главное – форма осьминога, как любого живого существа, идеально соответствует его содержанию. Внешне уродина – прекрасной души человек и умница, а мужики западают на красивую дуру и сучку.

Форма, которую мы воспринимаем непосредственно, ассоциируется с содержанием, которого на самом деле мы еще не знаем. У красивого льва из пасти несет гнилым мясом – хищник, понимаешь, – но при виде его такой ассоциации не возникает, а при виде крокодила или гиены – что-то в таком духе ощущаем. Красавица ассоциируется с наслаждением и тем самым – со всем хорошим: доброта, ум, верность, достоинство и т. д. Пока она не показала – хоть жестом и словом отвлеченным – что она дура и сука, а стоит и молча смотрит, комплекс

ощущений только благоприятный. А уродине надо постараться, чтоб показать свою человеческую хорошесть.

Потому столько значения и придается глазам – зеркалу души (тоже часто лживому зеркалу, но все же...), что с них можно многое считать о человеке, да?

Мы хотим, чтобы красивому содержанию соответствовала красивая форма. Поэтому Ромео и Джульетта должны быть прекрасны, как их любовь в поступках и речах. Но Квазимодо любит и страдает не меньше. Здесь сила воздействия – в контрасте тела и души, но – тц, не красавец.

Оружие – ассоциируется с быстротой, силой, опасностью, смертью. Хищный нож красив. А кастет или короткий карманный револьвер могут быть уродливы. Суть их формы полностью соответствует содержанию, целесообразна. Но видимость формы, т. е. собственно форма в ее линиях и пропорциях, некрасива – нет в ней полета, стремительности, храбрости, чисто зрительные ассоциации не те. О красоте как обязательном следствии совершенства оружия говорят только фанаты-любители и конструкторы, и не от ума большого говорят.

Морская якорная мина совершенна в своем роде не менее торпеды – но «рогатую смерть» красивой не называют, а «торпедообразная форма» проходит много где по ведомству красоты: стремительная, обтекаемая, грозная.

Форма может быть самодостаточной (красота музыки). *А может быть проявлением, оформлением чего-то* — мясо, кости и шерсть льва оформлены в его красивое тело, выражающее мощь и грозность. И вот росомаха рыси ничем не хуже, родственница, но рысь красива, а приплюснутая криволапая росомаха, храбрая, умная, сильная, которой волки дорогу уступают – нет, некрасива.

Если бы лев еще пах французскими духами и всегда любил людей – он был бы просто совершенством. Мы хотим, чтобы красивая форма соответствовала красивому содержанию. Чтоб все герои и влюбленные были красивы, и т. д. Увы, не пройдет.

Есть красота формы, есть красота содержания, они могут совпадать (любящая Джульетта) и не совпадать (любящий Квазимодо). Различая красоту тела и красоту поступка, мы говорим о двух разных вещах. Не надо пытаться их объединять.

Но мы обычно норовим вывести равнодействующую, типа: урод, но благородный? – красивый! «Не сосуд, а огонь, мерцающий в сосуде». Э. Огонь огнем, сосуд сосудом. Бокал красивый, вино дрянное, а бывает наоборот.

22. Тут вмешивается искусство и пытается путать нам карты.

Целью искусства чаще и дольше всего провозглашалась красота. И чтобы через красоту формы выражалась красота содержания. Это людям нравится и их облагораживает.

В живописи форма и есть содержание. Нет ничего, кроме того, что ты видишь на холсте. Если на портрете любящая и добрая красавица – она такая и есть, яд не подсыплет и рога не наставит. Галереи красавиц и героев.

Хоп! – Возрождение стало рисовать добрых и умных уродов (в числе прочих). Гениальные были художники. Но имеем-то мы только краски на холсте, и проявляется все только через прямое визуальное восприятие. Владение формой.

Прискорбен вечный стон бездарных писателей: «Не важно как сказать – важно что». Если ты вовсе не умеешь писать – то даже самый прекрасный и трагичный сюжет вызовет глумливый хохот. Можно прекрасно писать о всякой ерунде – фраза хороша, что явно для понимающих. Можно коряво, но если о подлинных и великих событиях – действует сильно. Идеалом остаются Гомер и Шекспир – тут тебе и форма, тут тебе и содержание.

Реализм и Кафку мы сейчас оставим в стороне заодно с Брейгелем и Пикассо. Ограничимся красотой.

Чтоб в искусстве возникло для воспринимающего красивое содержание – ему надо найти адекватную форму. Уже она может раскодироваться, включать ассоциации и задействовать ощущения.

Гибель города при землетрясении и извержении вулкана можно изобразить на холсте разными способами. Но вот «Последний день Помпеи» – картина красивая. Трупы, разрушение – чего красивого? А – цвета, позы, линии, пропорции: изящно все, возвышенно и благородно. Неоклассицизм. Кишки по камням не размазаны. А экспрессионист уже в XX веке это так бы изобразил, что страх и тошнота были б главными ощущениями зрителя. Формы разные – а содержание одно. Яркий случай примата формы над содержанием.

Натуралист так опишет гибель Трои, что дух парной крови и смрад горящего человеческого мяса во сне преследовать будет. Вот вам и «Илиада».

Генри Миллер и Эдмон Ростан писали об одних и тех вещах – но один смотрит на несвежие трупы, а другой в сияющие глаза. А текст составлен из одних и тех же букв.

Создатель танцует от содержания и воплощает его в форму. Восприниматель танцует от формы и раскрывает в ней содержание. Форма есть вместилище содержания. И воспринимаем мы сначала и прежде всего ее.

Умелый портной любую женщину оденет красиво. Не умеющий шить может исказить и подать невразумительно самую лучшую фигуру. Но вообще очень хорошую фигуру и средненький портняжка оденет так, что красота ее будет явна. Последний вариант и есть мечта средненьких писателей.

В искусстве мы приветствуем красивое платье, но предпочтем и рубище, если оно надето на явно красивую женщину. Скроить такое рубище, чтоб оно облекало явно красивое тело – тоже задача создания формы.

Плохое тело – подкладывай, утягивай, ставь кружева. Отличное тело – задача сильно упрощена, почти все сойдет. Искусство хорошего портного – чтоб платье не замечалось, а тело играло: это гораздо сложнее, чем кажется дилетантам, и формальные излишества здесь только вредят.

23. Поскольку «красиво» различается от «обычно, нормально» и противопоставляется «некрасиво» – понятно, *что красотой обладает меньшая часть от всех объектов и явлений.*

Есть относительный, сравнительный аспект красоты – сравнительно с не-красотой. Если бы все было красиво и ничего не было некрасиво – как узнать, что всеобщая норма и есть красота?.. Приобретая всеобщность, понятие теряет свой смысл.

В каждом классе и каждой деревне есть своя первая красавица – часто переставшая быть красавицей в большом городе, а особенно – при поступлении в театральный институт.

Это – с точки зрения внешней, объективной.

24. А с точки зрения внутренней, субъективной, *красота – это то, что возбуждает некоторые чувства сверх обычной средней меры.* Если они будут постоянно возбуждены на уровне «красиво» – этот постоянный уровень и станет нормой. А норма не фиксируется, никак не отмечается.

Ощущение «красиво» не может быть постоянным и «прицепляться» ко всему подряд.

25. *Относительность красоты.*

Избранность красоты как меньшего среди большего.

26. А вот и обратный взгляд на предмет: хотел бы я найти такую природу, которую нельзя было бы счесть красивой. Пальмы под океанским ветром, снежные отроги гор в лучах восхода, заснеженный лес – это конечно, это особенно. Но раскаленный свет пустыни, бескрайность скупой тундры, кусты над тихой речушкой – да эта красота есть во всем.

Как же так? А на нее обращаешь внимание не все время. Иногда. В определенном состоянии души. Или вспомнил о ней, или задумался о чем, или вдруг неизвестно с чего. Но постоянно ее не ощущаешь, на другое отвлечен, другим занят.

Первое. Мы имеем дело с определенным комплексом ощущений, который внешне можем прицепить едва ли ни к чему угодно. Была бы потребность, а она регулярно бывает.

Второе. Ощущение от красоты природы можно назвать отрадностью бытия. Как хорош мир, жить хорошо!.. Инстинкт жизни дает выброс сверх-ощущений. Пра-эстетика. Привет от волка, воющего на луну – вы его еще не забыли?

Красота природы означает: я люблю жить, я хочу жить, мне хорошо жить в этом мире, несмотря ни на что.

И не нужно никакого ума и эстетического образования, чтобы хоть иногда ощущать красоту природы – даже не формулируя это в понятие «красота». Да любому человеку бывает просто хорошо иногда на природе, ниотчего, просто так. И эскимосу на льдине, и негру под пальмой, и бедуину в песках. Величественно, задумчиво, печально и сладко.

27. Почему печально? Потому что если вы пробовали дыню чуть с солью, то без соли будет уже не то: соль подчеркивает, оттеняет, усиливает сладость и аромат. Сладость печали здесь в том, что она – избыток радости, ее оттеняет и усиливает: ощущения сильнее и богаче.

Именно потому – печаль красоты. Бренность бытия, невозможность обладания, желание и невозможность слиться с нею еще полней – это же потом идут попытки сформулировать ассоциации.

Истинно сильное чувство переползает краешком в свою противоположность.

28. Что означает известная и идиотская фраза «Красота спасет мир»? Что ощущение красоты – как бы возвышенно, благородно, высокодуховно, ассоциируется со всем хорошим, и человек в таком состоянии на гадости не способен, он сейчас великодушен, добр и справедлив. Дай ему как можно больше красоты – и он будет таким подольше, все время, и все будут братья, и все будет хорошо.

С разгону. См. п. п. 23–25. Человек живет не для того, чтобы наслаждаться красотой. У него еще масса ощущений, мыслей и дел. А красота – только один из моментов. Человека можно эстетически развить, он сможет видеть красоту в чем угодно – но это всегда будет своего рода протуберанец, выброс, струйка вбок из трубы.

Мир и так прекрасен! А тогда в нем и менять нечего, и с чего это вдруг его как-то не так, как раньше, начнет спасать то, что раньше не спасало?!

Еще не прекрасен? Усовершенствуем, переделаем? Так этим мы всю дорогу и занимаемся! Думаем – для счастья, а на деле – для обновления Вселенной.

Смешно превращать метафору в сентенцию и пытаться искать в ней глубокий смысл.

29. «Добро горит, как серебро, – а зло блестит, как золото», – написал много лет назад дивные строки старенький ленинградский переводчик и поэт Андрей Петров (не путать с композитором).

Как насчет красоты зла? Только не надо про Дьявола и религию, это не ко мне, это в церковь, пожалуйста. А – красавцем ведь всегда рисовался Сатана в человеческих обликах, прекрасным же изобразили себе Люцифера. «Дьявольская красота!» – вопили инквизиторы, отправляя красавиц в ведьмовских балахонах на костер. Нет, насчет греховного соблазнения телесным мы понимаем, насчет оболыщения красотой ради склонения ко злу – мы понимаем: это действительно сейчас не имеет отношения к теме.

Но почему один из типов театра и кино – злодей-красавец? Ах, чтоб удобней было творить зло. А, еще чтоб контрастировать своей внешностью и злодейством. Контраст усиливает ощущения.

Зло бывает привлекательно именно тем, что дает сильные и острые ощущения. «Ах, если б это было еще и греховно!», – как вздохнула одна юная итальянская графиня, наслаждаясь в зной мороженым.

Соль для дыни. Печаль от красоты заката. Сознание зла дополняет «противовесом» ощущение силы и значительности от творимого. Не только сильный и храбрый – но еще и попи-

рающий добро и мораль. Злодея бояться – а он плюет на мир и его законы, вот как он крут и крупен. Но при этом, конечно, привлекательный злодей не должен быть труслив, глуп, внешне отталкивающий и не может творить зло украдкой, исподтишка – его цинизм должен быть нагл и явен.

В единоборстве равно сильных героя и злодея – справедливость и симпатии на стороне героя, но режиссеры и актеры отлично знают, что роль злодея выигрышнее – богаче, многограннее, объемнее: и диапазон его поступков шире, и сфера чувств полнее – ему ведомы понятия и чувства добра, и оно не подкрепляет его дух, наоборот – у него есть избыток духа, чтоб бороться за неправо дело. А это впечатляет. Особенно женщин, кстати, сходящих с ума по привлекательным злодеям более, чем по героям.

При прочих равных с героем, злодей – это герой, обогащенный злом, анти-герой в позитивном мире, где в общем герой – хозяин и плоть от плоти этого мира. (Имеем в виду сейчас не торжество дьявола на земле, не греховность плоти, – а решительное господство добра в сфере оценочных моральных категорий.) Слабость злодея – в моральной ущербности, сила – в возможности действовать даже вопреки морали.

Этот анти-герой заведомо обречен на моральное поражение, он побежден изначально, он ненавидим – и все-таки он дерется и действует!

Но если чуть вдуматься, красота зла – это натяжка. Само по себе содержание зла – жестокость, коварство, – привлекают мало. Привлекательной бывает форма: обмундирование, вооружение, выучка, храбрость, сила, хладнокровие. Хорошая форма, красивая. Грязный тупой убийца никому не симпатичен. А вот когда к красивой форме прибавляется жестокость и коварство – они идут как атрибут силы физической и моральной. Страх и бессилие перед злом – гм, греховно, но сладко, чтоб это испытывали перед тобой: трепещите, всех скручу в бараний рог!

Привлекательность зла – сила, власть, значительность, сильные острые («с перцем») ощущения. «Над самым добром надругаюсь!..»

Прибегая к метафоре, зло – это прекрасный цветок, выросший из зерна садизма на почве искушения. Плод поганный и отравленный, но цветет иногда красиво и эффектно.

30. Все это многословие может оказаться полезным для того лишь, чтобы произнести основы не как «говорящий скворец», к каковым относится подавляющее большинство граждан («мало кто способен понимать, но все хотят иметь мнения»), но понимать, что к чему.

Красота – это форма.

Форма может быть простой (однозначной, однопорядковой). Красота цвета, линии, объема, звука. Воспринимается и вызывает ощущения непосредственно и прямо через чувства.

Форма может быть сложной.

Двухслойная, двухпорядковая. Лев, орел, нож. Второй ряд здесь составляет содержание – мощь, плавность, грация и т. п. Содержание следует из формы ассоциативно, знание может соответствовать ассоциации, а может и противоречить ей, – ассоциация как соответствие содержания форме преобладает, господствует в ощущениях.

Форма господствует над содержанием. Содержание подкрепляет форму.

Трехслойная, трехпорядковая форма. Рассказ о красивой поступке, «Ромео и Джульетта». Первый уровень – форма передачи, стиль рассказа. Второй – уровень поступков. Третий – уровень чувств и переживаний героев.

Любой поступок также имеет форму – совокупность последовательных действий во времени и пространстве. Содержанием поступка мы называем отношение действий к цели и результату (могут не совпадать, результат может быть нулевым или отрицательным). Пример: сделал добро, дал кому-то денег, но некрасиво – неловко, бестактно; поступок некрасив, хотя содержание хорошее. Содержанием также мы называем побудительные мотивы и ощущения

поступающего – хотел как лучше, чувство в основе красивое – но поступок обрел некрасивую форму.

Красив может быть и рассказ о поступке, и сам поступок, и чувство, лежащее в его основе. Тогда мы говорим о красоте. Но поскольку речь прежде всего о поступке, его форма играет главную роль.

Абстрактная форма.

Красивое чувство. «Напрямую» невыразимо и неоформляемо – комбинация возбужденных клеток центральной нервной системы. Выражается через действия – начиная с мимики и речи. Определяется через понятия: «благородство», «благодарность», «любовь». Понятия эти ассоциативны и рациональны: за ними стоит куст ощущений и возможных побудительных мотивов и действий, понятных каждому в связи с этим понятием.

Математическая формула. Красота условных рациональных построений. Воспринимается только через разум. Возбуждение от мысленной комбинации условных величин способно перейти на область «эстетических» ощущений. Форма имеет вид значков на плоскости, которые бессмысленны сами по себе. Красота как предельно абстрактная игра ума.

Сложные формы красоты воспринимаются при большем или меньшем участии разума. Минимально – разум подключает дополнительные ассоциации (лев величествен, торпеда стремительна). Максимально – разум постигает сложность формы (поступок) и даже вообще само ее наличие (матформула) и возбуждает «от себя» ощущение красоты этой постигнутой формы.

Форма имеет диапазон условности от абсолютно условной (матформула) до абсолютно безусловной (красота природы).

Субъективно в основе красоты лежит *возможность и потребность центральной нервной системы в избыточных положительных ощущениях.* Можно сказать, что красота – это своего рода безвредный природный наркотик.

Общее во всех формах красоты то, что органы чувств и разум в разных пропорциях и комбинациях, при разной степени «обработки» материала, – «кладут луч» на одну и ту же область ощущений в центральной нервной системе. *Общность по результату.*

Механизм восприятия красоты ассоциативен. Любому значимому элементу любой формы соответствует, пусть в самой слабой степени, ощущение «приятно – неприятно», «нравится – не нравится», «хочу – не хочу». В основе лежит взаимодействие с окружающим миром и неравнодушное, неравновесное к нему отношение.

Объективно же во всех формах красоты содержится все та же самая повышенная энергетика, антиэнтропийность, высокая степень организации формы в противовес хаосу. Солнце и мрак – олицетворение красоты и некрасоты. Красивое лицо, красивый предмет – энергетичны уже тем, что их меньшинство, природа затратила больше труда на их организацию, чем обычно. В разных культурах каноны красоты изрядно отличаются в рамках физической нормы.

Красивый ход, удар, мысль, нож, зверь – высокоэнергетичное оформление материала. Определяется это непосредственно-ассоциативно.

Куст ассоциаций при восприятии, где красота выступает «равнодействующей», можно определить в каждом конкретном случае. Т. е. хорошее забывает плохое, и плохое «исчезает».

31. «Если вас ударят в глаз, вы сначала вскрикнете». Ощущение боли частично «сбрасывается» в звук, вроде как излишек давления частично сбрасывается через клапан. Очаг ощущения боли в центральной нервной системе силен и распространяется на соседние области, и мозг дает команды: адреналин выбросить на случай кровопотери, чтоб быстрее кровь свернулась; мышцы им подпитать, чтоб бежать либо драться; возбуждение требует: делай все, что можешь – а если не знаешь, что надо, делай хоть что-то, беда! И человек дергается и вопит – и ему полегче, терпеть боль без движения и звука еще труднее, еще мучительнее. И мы имеем частичную передачу боли через звук – и, понятно, самую что ни на есть прямую, чувственную

ассоциацию боли со звуком. И если слышим в темноте вопль боли, то сразу понимаем – режут кого-то! больно ему.

Соответствие звукового ряда с ощущениями прямое и непосредственное. Музыка, более всего – сложная, симфоническая музыка, – это предельное изощрение и усложнение звукового ряда, и на ощущения звук ложится без объяснений, рационального анализа и стоящего за ним содержания. Звук ассоциируется с ощущением напрямую. А уже музыкальное образование развивает в рамках культурной традиции эту ассоциативную способность. Но самые простенькие ритмичные мелодии воспринимаются каждым.

Анализ нотной записи может объяснить: вот такая комбинация красива, а такая – нет, и здесь можно построить математические закономерности.

Но в чем, наконец, заключается красота????!!! Ни в чем не заключается. *Объективно – нет ее.* Красота в том, что такая-то комбинация воспринимается таким-то именно образом. База ее – на уровне ощущений от акустики, задействующих соседние участки, ведающие уже не восприятием звука, а удовольствиями.

Фактическая информация может являться эмоциональной информацией. Улавливая законы фактической информации (музыкальная гармония), мы можем осознанно и целенаправленно воздействовать на эмоциональную.

Музыку и мозг можно уподобить игре на рояле, где звуки – это удары по соответствующим клавишам, а ощущения – эффект, возникающий от ударов молоточков по соответствующим струнам.

Основа красоты физиологична.

32. Но почему одна мелодия красива, а другая, сходная формально (та же сумма нот) – некрасива?

А нипочему. А потому, что молоточки нот не попадают тогда по струнам красоты – положительных ощущений. А вот мозг так устроен.

33. Если сделать огромную карту мозга, чтоб на ней была каждая нервная клетка крупно обозначена. Если обвести рамочкой все клетки, возбуждение которых дает ощущение красоты. Если обвести цветными границами все сочетания клеток, возбуждения которых в сумме достаточно для ощущения красоты. Мы получим карту сотни (предположим) «государств красоты» – они взаимонакладываются, но не полностью совпадают.

А рядом с ними обведем «государства кордона» – группы клеток, где происходит возбуждение зрительное, слуховое, а также рациональные мыслительные процессы. «Государства кордона» соединены с «государствами красоты» перешейками, или имеют с ними общие границы, или даже частично занимают одни и те же клетки с «государствами красоты» – мозг-то не безграничен, место экономить надо, так что у некоторых клеток есть «смежная профессия».

Теперь на каждой клетке «кордонных государств» поставим прожектор. Снабдим его моторчиком, обеспечивающим движение луча в пространстве – как бы он постоянно шарит по небу.

Понятно, что луч прожектора по мере удаления от лампы расширяется.

Прожектора шарят по небу – и вот схватывают контур объекта, который как раз совпадает с контуром одного из «государств красоты». И тогда в каждой клетке «красоты» (одного из государств) вспыхивает лампочка, замыкаются все рабочие контакты, и там начинается жизнь и деятельность.

Все объекты, контуры которых соответствуют в кордонных лучах контурам «государств красоты», и есть красивые. Границы самих государств, надо добавить, несколько ползучи и поддаются некоторой коррекции со стороны других государств – других участков мозга.

В принципе при супер-супер-аппаратуре такие опыты были бы возможны. Теоретически возможны.

И тогда будет возможен простой и рациональный ответ на вопрос, почему то или иное красиво. Потому что оно вызывает в соответствующих группах клеток возбуждение соответствующего уровня.

Что в общем мы можем благополучно сказать и сейчас безо всех этих хлопот.

34. Все попытки рационального объяснения красоты сводились к анализу ассоциаций и приведению через них формы объекта к целесообразности и потенциальной полезности – это попытки найти прикладное значение формы в прямом или опосредованном приближении.

Цвет. Красный – тревога: кровь, закат. Желтый – тепло: солнце. Зеленый – покой: лес, луг, отдых, безопасность. Голубой – легкость, прохлада: небо. И красный, скажем, возбуждая, одновременно может быть цветом радости; а белый – чистоты: свободен от всего, его ведь легче всего запачкать.

Плавная удлиненная линия – тело, ласка, полет (обратите внимание на невольные аллитерации).

Соразмерность Парфенона – прочность в сочетании с легкостью и стойкостью; а сделать его подлиннее, так ощущение прочности уменьшится, и вообще в кишкообразных помещениях нам неудобно, некомфортно, они для жизни непрактичны.

А готический шпиль красив как раз победой вертикали над грузом земного притяжения.

Разум, этот специалист по мышлению, способен найти ассоциации в чем угодно – подогнать их, заметьте, под любой желательный чувствам ответ. Это отнюдь не отменяет ассоциаций. Они есть всегда. Но они вторичны. Они существуют здесь лишь потому, что очаг возбуждения (от красоты) частично переходит на соседние участки мозга.

И вообще эстетически развитый человек способен усмотреть красоту в чем угодно. Он сродни оптимисту. Его активной психике нравится жизнь – а повод найдется и будет объяснен всегда.

35. И под конец вернемся к старой загадке – красоте женского лица.

«К сорока годам каждый человек сам отвечает за то, какое у него лицо», – справедливо написал Уолт Уитмен.

«При взгляде на лицо Паулы казалось, что у нее кривые ноги», – между делом гениально заметил как-то несколько менее известный Эрих Кестнер.

Мимика лица чрезвычайно выразительна – мы подмечаем малейшие изменения выражений, которые формально – ну почти не фиксируемые изменения линий и пропорций, мельчайшие изменения напряжений мельчайших мышц. Миллиметры! – а за ними масса смысла.

Теперь сделаем предельно условный рисунок красавицы – несколько линий. Удлиненный овал – раз. Небольшой закругленный подбородок – два. Чуть вздернутый нос, нетолстый и небольшой – три. Большие раскосые глаза – четыре. Четко очерченный чуть пухлый рот – пять. Впадинки под скулами – шесть. Не очень высокий чистый лоб – семь. Готово, оттаскивай. Коллективный труд курсистки и раннего Матисса.

Каждая линия хороша сама по себе. А вместе они дают общее впечатление: юность, свежесть, стройность, чистота, скромность, верность, кротость, способность к беззаветной преданности и верности, доброта, честность, естественность, потенциальная страстность, в меру ума. Список можно продолжить. Мечтательность, романтичность... и т. д. Боже, что это за портрет идеальной женщины? да мы же рембрандты! Заметьте: все доммыслено, ничего индивидуального нарисовано не было.

На основании всего, что нам известно о женщине и жизни вообще, мы дали идеал несколькими условными линиями. В жизни оригинал, если он найдется, может быть сухой последней и дурой... плевать: линии и пропорции выражают то, о чем мы вполне имеем представление из всего жизненного опыта.

Черты нескольких красавиц могут очень отличаться – но общее впечатление сходное. За каждым миллиметром лица и градусом в направлении линий многое ассоциируется.

У разных рас – разные портреты. Этнический тип разный.

Рисуя красивое женское лицо – мы рисуем идеальную женщину. Типовым физическим чертам придаем идеальное общее выражение. Предельное выражение всего хорошего через форму лица.

Мы знаем, что эта красавица – дрянь. Но такое лицо должно быть у ангела! К форме первого рода (черты лица) мы подтягиваем форму второго рода (содержание) – предельную хорошесть и желанность.

«Красивая женщина» означает: «внешне – идеальная женщина».

Тебя предупреждали: сука. И убедился. И все равно любят больше красивых – тщетно пытаюсь подтянуть человека до его внешности. Ибо ее красота говорит: «Я хорошая!» – и ты знаешь, что врет нагло внешность – но чувства предпочитают обманываться! Ибо своим глазам мы верим прежде всего: разум может не разобраться, а уж что видно – то и есть. А перед глазами – человек идеальный.

Ужасно печалит (ранит) душу красавица-шлюха. Знаешь шлюху, а видишь ангела. Боже, она же все-таки на самом деле не такая! Как сделать, чтоб она была такой хорошей, как соответствует (как явствует!) из ее внешности?..

Влияние собачьего хвоста кошка расценивает как угрозу – разный тип реакций. Красоту женского лица человек рефлекторно считывает как выражение всего самого лучшего – вот как бы если человек мог в мимике не ограничиваться обычными движениями лица, а вообще лепил бы себе лицо соответственно своим чувствам и натуре, то красивое лицо и лепилось бы самыми лучшими натурами.

Сверх-мимика. Мимика природы. Как обманчива бывает внешность, вздохнул еж, слезая со щетки.

Только в этом заключается значение миллиметров в чертах женского красивого лица.

Ну, а уж влияние внешности на личность и становление человека тем, чего ждет от него окружающие – это отдельная психология.

36. А-а, так красота – это содержание?!

Нет. См. п. 30 – «двухпорядковая форма». Красивый лев и некрасивая росомаха при одинаковом содержании. Господство ассоциации, следующее из «знания вообще» с подключкой подсознания. Мы видим красоту в форме, «подтягивая» к ней комплекс свойств и действий, которые «должны бы» ей соответствовать.

Суть парадокса в том, что форма – реальная, а содержание – воображаемое. Мы можем точно познакомиться с реальным (несовпадающим) содержанием объекта – но воображаемое как проекция формы все равно будет господствовать.

О'кей – красота формы как воображаемое содержание? Ассоциативно, только ассоциативно. Фантик конфеты, гарантия качества. Статуя, портрет, манекен.

Это не ее содержание. Это твое содержание, которое ты проецируешь на нее. Это ты сам был бы таким, если бы был женщиной и так выглядел. Все хорошее и красивое в душе твоей («карта государств мозга») в аккурат проецируется на ее изображение. А поскольку она – человек, и ты – человек, то совпадение воображаемого, ощущаемого и реального ты полагаешь возможным полностью. Житейски говоря, по себе мерить и судить.

За значимой формой мы всегда домысливаем, дочувствуем содержание. Человек – предельно значимая форма, равнозначная тебе самому. Естественно, красота человека для тебя предельно содержательна.

Мы дополним здесь Аристотеля. Тело – оформленное воплощение души, заключил он. Воображаемой нами души, уточним мы.

37. Эстетическое развитие означает: расширение системы условностей сознания, расширение ассоциативных связей – и, таким образом, увеличение возможности испытывать ощущение красоты от большего числа объектов, при тонкой их дифференциации.

Искусство

1. Праобраз искусства эстетический – красная тряпочка и блестящая побрякушка, украденные вороной, которая ими любит. Бесплезное и самодостаточное удовольствие.

Праобраз искусства эмоциональный – волк, поющий к луне, особенно и долго в возбуждающее полнолуние. Избыток «бесплезных» ощущений, требующих выхода и оформляемых в какое-то действие или создание какого-то предмета.

Праобраз искусства информативный – первобытный охотник, рассказывающий про свою охоту. Сродни вралю-рыбаку. Всегда что-то приукрасит, часто сам искренне веря, что так и было. Это праобраз и литературы, и театра – подкрепить рассказ жестами и позами естественно и доходчиво.

2. «Всякое искусство совершенно бесплезно», – знаменито заключил манифест-предисловие к «Дориану Грею» Оскар Уайльд.

И то сказать: выкинуть все искусство – и можно жить дальше ничем не хуже, чем с ним. Правда, чуть скучнее. Прямой жизненной необходимости в нем нет. Одни хлопоты, траты и выпендрож.

3. Но суть человека в том, что он совершает действия и делает предметы излишние и бесплезные – с точки зрения физической необходимости и целесообразности выживания. Нет прямой пользы в том, что одежда модна, автомобиль блестящ, жилище многокомнатно, диплом престижен. Хотя вообще одежда, транспорт, жилье и образование полезны. А уже через их качество человек самоутверждается и двигает цивилизацию.

Строго говоря, бесплезность искусства, его избыточность – лишь один из аспектов энергоизбыточности человека вообще. А энергоизбыточность – она требует реализации и приложения.

Чисто кажущееся противоречие между пользой и искусством – в том, что понятие пользы редко формулируется четко. Мол, как бы польза – то, что удовлетворяет наши непосредственные физиологические потребности. А тогда бесплезной является почти вся человеческая деятельность. Особенно если учесть, что жизнь человечества конечна. Безусловную пользу можно ограничить коротким рядом: пожар, совокупился, и – в загородку.

Ага: прикладная наука с техникой делают жизнь более безопасной, сытой, легкой, – удобрения, конвейер, самолет, медицина – это, значит, полезно. А чистая наука – бесплезна, но в конце концов всегда ведет к возникновению на базе себя науки прикладной. В чистой науке можно усмотреть пользу первого рода, пра-пользу. Ладно.

Из чистой науки в конце концов возникает увеличение могущества человека, улучшение качества жизни, в общем же смысле – повышение энергопреобразования. Равно как из географических открытий и многого другого.

А из искусства ничего не следует и ничего не возникает, кроме его самодостаточного постижения и возникающих при этом представлений и ощущений.

Но искусство в тех или иных формах существовало всегда у всех народов. И мы можем констатировать: у человека есть потребность в том, в чем для него нет пользы. А «не хлебом единым». Не было бы потребности – так на кой черт вечно им заниматься.

4. Вот первобытный человек силится понять, как же устроен мир вокруг него, каков его механизм, в чем закономерности, почему восходит-заходит солнце, меняются времена года, что происходит с человеком в момент смерти – куда девался собственно «он»? – и вообще почему дует ветер и идет дождь.

Так возникает мифология. Это наука или искусство? Для нас сейчас – безусловно искусство, наукой там и не пахнет. Духи и боги наделялись человеческими качествами, любили и враждовали, у них были свои судьбы и обязанности. Но первобытному человеку его мифоло-

гическая космогония служила космогонией и научной: мир-то познавать хотелось и требовалось, а других-то объяснений не было.

Это уже потом, с фиксированием и анализом многочисленных фактов, с накоплением знаний, стала возникать наука об устройстве мира. Изначально же чистая наука (астрономия, скажем), прикладная (метеорология и др.), гуманитарная (история) были слеплены в одну кучу и замешаны на искусстве.

Познавательная, научная, «объяснительная» функция искусства. Постигание внешнего мира.

5. Рассказ об охоте, сражении, стихийном бедствии. Неизбежное привнесение личного, субъективного, эмоционального элемента. Приукрасить собственные доблести, принизить врагов.

Информативная функция искусства.

Позднее это выльется во всевозможные поджанры литературы путешествий и т. д.

6. «Бойцы вспоминают минувшие дни». Подвиги, походы, сражения и свершения. Здесь история и историческая (и мемуарная) литература поначалу существуют нераздельно. Рассказчик и слушатели осознают себя не изолированными во времени данного дня, но значительными наследниками всего обозримого исторического процесса, возвысившего их род, племя, народ: часть значительного целого. Вдохновляющий пример прошлого. Осознание, откуда ты, кто твои предки.

Информативно-накопительная функция искусства. История как наука возникнет и выделится позднее.

7. Поэма Гесиода «Труды и дни» – обстоятельное наставление по ведению натурального хозяйства, этике отношений между людьми, воспитанию детей и т. д. Справочник на все случаи жизни, весьма полезное сочинение.

Когда греки в конце VIII века до н. э. увенчали Гесиода лавром за это сочинение, предпочтя в голосовании прочим поэтам и драматургам, они мотивировали свое решение именно полезностью.

Информативно-рекомендательная функция искусства. Дидактическая. Поучительная. Науки агрохимия, метеорология, деонтология и др. отпочкуются и специализируются позднее; вначале же искусство включало в себя и это тоже.

8. Что же касается еще более знаменитой поэмы римлянина Тита Лукреция Кара «О природе вещей», то эта обстоятельнейшая философская монография эпикурейца об устройстве мира и всем на свете. Философия как отдельная и мощная наука уже давно существует, достигнув на несколько веков до этого в Афинах сияющих высот. Но искусство пока от нее еще не отделено вовсе, а иногда и вовсе не отделено.

Философская функция искусства. Философский роман существует и поныне – хотя, честно говоря, он напоминает морскую свинку, которая ведь – и не свинка, и не морская.

9. Мы как-то, по традиции новейших времен с их расцветом и дифференциацией наук, искусством привыкли называть только лирическое искусство – то, которое про внутренний мир человека. Со своих древнейших из известных, пятитысячелетней давности образцов, лирика излагала со слезой, что жизнь печальна и несправедлива, а люди неблагодарны и страдают. Вы чувствуете? – ничего нового.

Подвиги и страдания, любовь и ненависть... ну и так далее, – вот что составляет основу лирического искусства. Это чего? – это как устроен человек психологически, чувства как мотивы и следствия действий.

Психологическая функция искусства. Наука психология будет позднее. Шекспир был психолог гениальный, по его пьесам можно просто-таки учить психологию, – при отсутствии ее как науки в елизаветинской Англии.

10. Архитектура в самом начале занималась тем, чтоб постройка не развалилась и отвечала своему прямому назначению.

В своем роде, гастрономия – это тоже искусство. И моделирование одежды. «Искусство охотника» – нередкое словосочетание.

Короче говоря, искусство чем только не занималось. Весьма нужным и полезным.

Прикладная функция искусства.

11. Но мы желаем разделять искусство на прикладное и чистое. Прикладное как бы классом ниже. Оно прикладывается к тому, что и без него будет отвечать своему назначению: хоть наука, хоть дом, посуда, одежда, оружие. И мы говорим: вот рациональная основа того, к чему приложено прикладное искусство – она да, полезна, а само приложенное искусство – нет, бесполезно, необязательно.

Боевой марш можно считать прикладной музыкой – бодрит, настраивает на агрессивный лад; а симфония – как бы чистая музыка, вводит в задумчивость и не вдохновляет ни на что конкретное.

Говоря об искусстве, мы норювим отслоить его от любого рационального содержания – и оставить только форму и связанные с нею человеческие чувства.

Искусство как форма.

Искусство как непосредственное воздействие на чувства.

12. Крайний пример смычки прикладного и чистого искусства – ювелирное. Вообще-то никакой пользы, можно считать чистым. Но ювелирные материалы – золото, серебро, драгоценные камни – ценятся сами по себе и способны обойтись без художественной обработки. Правда, и ценность самих материалов более или менее условна, они мало полезны или вовсе бесполезны. Однако материал первичен, обработка вторична, вот и прикладное. (О смысле этого – см. «Украшение себя».)

Крайний пример чистого искусства – даже не абстрактная живопись (цветовое пятно может «взять» голую стену, применение найдем), даже не симфоническая музыка (годится как звуковой фон, создающий тихо и без напряжения настроение для посиделок, изящной беседы с выпивкой) – я бы упомянул бессмертные лермонтовские строки «Есть речи – значенье темно иль ничтожно, но им без волнения внимать невозможно. Не встретит ответа средь шума мирского из пламя и света рожденное слово». Это как раз о том самом – искусстве как форме без содержания, рождающем ощущения и настроение. (Хотя как идеал-основа – побрякушка и вой на луну – см. п. 1.)

Понятно, что искусство и прикладное, и чистое идут от одного корня: дать ощущения сверх необходимых и обязательных.

13. Вот зеку в крытой тюрьме нечего делать, годами томится в безделье. И ищет себе занятие. Положим, смотрят за ним плохо, у него есть все возможности доставать инструменты и делать всякие вещицы. Прежде всего он сделает нож, можно быть уверенным. И коли времени невпроворот, он постарается сделать его как можно более красивым и изощренным. Он придаст клинку изящную форму, выточит желобки-кровестоки, отшлифует до предела возможности, латунные усики выпилит узором, рукоять наберет разноцветную – зубная щетка, алюминиевая ложка, резиновая подметка, все в ход пойдет. А на свободе он этого делать не станет – разбойничать надо, пить-гулять надо, а нож можно купить, украсть, выменять, в карты выиграть, времени тратить не стоит.

Шо мы имеем в основе, мотивирующее к созданию искусства? Ресурс энергии – время и силы свободные. Поделки зеков всех времен – это средство убить время. А круто занятому человеку не до искусства. Как ни верти, на искусство пускается энергия, если она остается от борьбы за выживание. А у человека, как правило, сколько-то ее всегда остается в силу его человеческой энергоизбыточности.

14. Что будет делать современный человек, попавший на необитаемый райский остров, где можно никак не заботиться о пропитании: булки на деревьях, непогоды не существует? Лежи себе в тенечке или на солнышке и в носу ковыряй.

Более активный тип начнет искать себе занятия – от не хрен делать. Дом строить, дорожки пропалывать, попугаев приручать.

Менее активный будет мечтать и фантазировать. Фантазии имеют место у каждого, но тут уж им будет полное раздолье. И мысленно он создаст массу кинофильмов: как его спас белый пароход, как из джунглей пришел отряд жаждущих его прекрасных амазонок, как он вообще стал властелином мира и так далее.

Искусство как игра ума, воображения. Способ в мыслях и отчасти в чувствах прожить много жизней, испытать много всего-разного, быть очень счастливым (а также несчастным – человеку свойственно иногда растравлять себя картинками возможных несчастий).

Стремление к максимальным ощущениям и максимальным действиям, частично реализуемое через возможности абстрактного мышления.

Искусство как функция разума. Избыточная? Бесплезная?

15. Помечтает-помечтает – и начнет строить себе черт знает какой большой и мореходный плот и вялить фрукты на дорогу. А, это уже не искусство, это уже – научное предвидение, прикладная деятельность. Пока ковыряет в носу и мечтает – это чистое искусство, из него ничего не следует. Как начал обдумывать проект практически – искусство исчезло, пошла полезная и целесообразная деятельность.

Но. Но. Мечтать – быстрее, легче и приятнее, чем конкретно обдумывать и тем более потеть, таская бревна. Нарисовать себе картину спасения – куда проще, это мигом, чем работать и спасаться. А мотив один, исходный толчок один! «Хочу, чтоб мне было не так, иначе, лучше».

Искусство – это проект переделки мира в самой первой попытке, самом первом приближении. Все начинается с желания.

Хулиганы набили писателю морду, он пришел домой, умылся, выпил, и кипя негодованием и жадой реванша стал в бешеном темпе – хорошо идет! чувства возбуждены! – сочинять роман или сценарий о благородном мстителе, который победоносно метелит всех хулиганов и вообще наводит порядок в городе. Обычный вариант. Не могу переделать – так хоть помечтаю, как это можно переделать в принципе, вообще.

По глупости только посмеиваются русские люди над бессмертными сюжетами своих сказок про Емелю со щучьим велением и печью – исполнительницей желаний. Европейские сюжеты о конкретизации исполнения желаний – это уже следующий этап, Емеля – фантазия в чистом, первозданном виде. Ничем, кстати, не отличающаяся от восточных сюжетов о джинне, отлично заменяющем щуку и печку. Но джинн – это уже дополнительная фигура, а щука и печь – это нечто свое, обычное, простецкое.

Если жизнь – это переделка мира, то искусство – это переделка мира воображаемая. А воображение – оно действию всегда предшествует у человека.

Энергопреобразовательная функция искусства! А вы говорите – бесполезное, ни фиги себе. Что бесполезное, а что и полезное. Далекое не все искусство, конечно, мечтает о переделке мира – нет, так, меньшая часть литературы. Но есть и такая часть, есть и такое искусство.

16. И вот энергичный подросток прочитал роман о благородном мстителе Робин Гуде, сколотил команду и начал лупить хулиганов своего района. И сам хулиган, но – с благородными намерениями, бескорыстный.

Боже, скольких великих воителей вдохновила на подвиги биография Александра Великого! Они бы, может, и так вояками стали, но прочитанное и услышанное в детстве помогает концентрировать усилия, ставить цель жизни, подчинять ей все, обрести идеал и стремиться к нему.

Воспитательная функция искусства. Воздействие искусства. А как же. А куда от этого денешься. Сколько поколений европейских гимназистов воспитывались на героях Плутарха. Где здесь история, где здесь литература? Граждане, дорогие, ну вместе же, вместе.

17. И вот тогда выступает к рампе плачущий хор изящных и глупых пессимистов и сообщает с усмешкой скорбного превосходства: «Увы! Искусство ничему не учит! Иначе, имея в активе все те шедевры мировой культуры, которые говорят обо всем хорошем, человечество давно стало бы благородным, справедливым, добрым и так далее. А оно – нет, лучше с веками не становится. Кажется, – горестно и безмозгло сетует хор в белом, – человечество вообще не способно учиться и делать выводы из своих ошибок, даже в реальной-то истории, войны вот вечно, ужасы, и век за веком; что уж об искусстве-то говорить».

Внимание. Это момент важный – и вечный. Принципиальный момент. Почему это в самом деле зараза-человечество не учится на своих гадких и страшных ошибках?

Имею просьбу: перечитать сейчас пару страничек – часть I, гл. 3, п. 5, §§ 6–10. И не сочту за труд, хоть и изрядно надоело, повторить еще раз:

Жизнь человеческая руководствуется не разумом и не моралью, не здравым смыслом и не стремлением к безопасности и процветанию – жизнь руководствуется потребностью в максимальных ощущениях и максимальных действиях. А разум обслуживает эту потребность для ее реализации. А мораль – идеал поведения и отношений – это свидетельство, аспект, следствие энергоизбыточности человека, которому всегда надо не то, что есть, а чтоб было не так, иначе: переделать, улучшить, стремиться к изменению. И стремясь к максимальным ощущениям и максимальным действиям, человек необходимо и неизбежно стремится к страданиям (а не только к счастью) и к «нехорошим» действиям (а не только к хорошим), ибо жизнь человеческая реализуется не в том, насколько она хороша с точки зрения морали или быта, а в том, насколько значительны пережитые ощущения (как положительные, так и отрицательные) и насколько велики и значительны совершенные действия (по абсолютной величине, а не по знаку плюс-минус). И как книга о вкусной и здоровой вегетарианской пище не изменит жизнь волка, так никакая проповедь морали и пользы не изменит жизнь человека – страдание и разрушение (а не только счастье и созидание) явствуют из его сути.

Полководец может на своих и чужих ошибках учиться воевать лучше – но не может учиться бросить войну и жить в мире, это противоречит его сути. Сетуя, что человечество ничему не учится, моралист имеет в виду, что оно не делается лучше и высокоморальнее, т. е. не отказывается от «нехорошей» части своей сущности – не делается ограниченнее и беднее в эмоциональной и деятельной сферах. (См. «Мораль») А уж вот этого ему, моралисту, не дожидаться. Человек всегда будет делать все, на что только способен. Ну, не каждый и не всегда, но в общем и целом.

Жалуясь на бесполезность искусства, моралист жалуется на неспособность искусства ограничивать ощущения, желания и действия, расцениваемые как пагубные разумом и моралью. Не желая понимать, что и искусство, и «нехорошие» желания и поступки вопреки знанию их нехорошести, проистекают из одной основы – психической энергоизбыточности. Ему, моралисту, надобно менее энергичного человека, менее жадного до всех ощущений и действий. Перебьется.

С точки зрения невозможности изменить принципиальную суть человека искусство, разумеется, бесполезно. Как, впрочем, бесполезны закон, наука и религия.

Сама постановка этого вопроса, вполне традиционная, происходила всегда от непонимания сущности явлений: природы, истории, человека, морали. О чем и говорится в первой части.

Успокойтесь, человека ничто не изменит.

18. Но с точки зрения богатства ощущений, как учебник и тренинг чувств, искусство куда как полезно.

Воспевание подвигов и силы человеческого духа. Воспевание мужества и стойкости. Любовь и дружба, красота и уродство, верность и предательство. Мир чувств огромной яркости и силы. Черт возьми, да из искусства (в той или иной форме) человек вообще узнает, что он может чувствовать, и что он должен чувствовать, и каково это, собственно – переживать те или иные чувства.

Искусство как воспитание и пред-переживание чувств. Сам еще по малолетству и скудости опыта ничего такого не пережил – но в воображении уже наощущал как сумел любовь Ромео, подвиги д'Артаньяна и прочее.

Используя разум как декодер информации и возбудитель чувств, искусство развивает и расширяет способность человека испытывать разнообразные ощущения. А вот это ему нужно.

19. Эйнштейн как-то выразился, что Достоевский с его «Преступлением и наказанием» дал ему для создания теории относительности больше, чем многие физики. Кто б мог подумать, что для великих свершений в науке полезно читать художественную литературу, а?..

Во-первых, Эйнштейн сказал, его весьма вдохновила на дерзновенные научные решения постановка вопроса Раскольниковым: «Человек я, или тварь дрожащая?». Решив этот вопрос в пользу человека, Эйнштейн перевернул современную физику и создал теорию относительности. Недолго мучилась старушка, и сестре перепало.

Во-вторых, это уже я сказал, и научным открытиям, и любым практическим действиям предшествует возбуждение чувств: любое желание – это ощущение. Искусство – это искусственное возбуждение ощущений, а коли очаг возбуждения силен в мозгу, он начинает ползть по коре и подкорке и требует разрешения, снятия. То есть: искусство возбуждает к действиям реальным и часто полезным (ну, далеко не всегда и не всякое, но в принципе именно так – может возбуждать). Искусственный возбудитель, так сказать.

Плюс к тому: в искусстве, как и везде, каждый в первую очередь ищет то, что ему больше надо. Влюбленный читает и смотрит кино «про любовь», карьерист-офицер читает биографии воителей и военные мемуары, а одинокая старушка смотрит бесконечные сериалы о чужой семейной жизни. И иногда – некоторые – чисто содержательной (плюс эмоциональной) стороной искусства вдохновляются на реальные подвиги: «делают свою жизнь» с исторического – либо даже с вовсе литературного героя. Да д'Артаньян оказал на формирование миллионов людей куда больше влияния, чем весь генералитет французского генштаба – бравый гасконец сегодня реальнее, чем кардинал Ришелье или Луи XIII.

Так что не надо, не надо о полной бесполезности искусства – оно довольно много может. Оно может укреплять человеческий дух, возбуждать чувства, дополнительно стимулировать к совершению поступков, на примерах увеличивать всякие хорошие человеческие качества вроде доброты или храбрости. Хоть чуть-чуть – да это уже радость и чудо.

Справедливости ради надо заметить, что в основном это касается конкретно-информативных форм искусства: литературы в первую очередь, кино, театра.

20. Каким образом взрослый, здоровый, разумный человек может заняться такой «ненастоящей» вещью, как искусство? Это ведь все-таки не власть, не пахота, не торговля и не строительство. Фиг ли ему в его игре?

Обычный вопрос к художнику: «Что вас заставляет писать (рисовать, сочинять музыку)?»

Первое. Безделье. «Праздность вольная – подруга размышленья», – как высказался Пушкин. Об этом самом. От нечего делать плетет зек брелки из цветных ниточек, надерганных из одежды. От нечего делать травят байки охотники на привале. От нечего делать покрывает эскимос затейливой резьбой костяной нож. Избыток времени и энергии.

Второе. Удовольствие. А вот нравится ему, как это ловко и красиво у него выходит. Ниточки сплетаются, стружечки летят, резьба вьется, и вот прямо на глазах появляется что-то такое приятное.

Третье. Фантазия. Любит вот человек мечтать, грезить, фантазировать, придумывать, – и строит себе воображаемый мир, как бы параллельную жизнь. Псевдожизнь. Опиум для народа – вернее, сейчас – для создателя. Частично это следствие безделья разума, и одновременно – способность разума к мощному, вышесреднему абстрактному мышлению.

Четвертое. Самовыражение. Вот меня обуревают такие чувства – я сейчас напишу стихи про эти чувства. Мир – дерьмо, и сейчас я напишу картину, из которой ясно, что мир – да, дерьмо, а не то, что вы думали. А если я просто буду ходить и это кричать, меня никто слушать не станет, это старо и неинтересно. А меня распирают мои чувства! Влюбленные бросаются писать стихи – чувства распирают. Можно плакать, а можно написать реквием. Вариант воплощения ощущений в какие-то реальные предметы и действия.

Пятое. Познание мира. И внешнего, объективного, и внутреннего, субъективного, человеческого. Вот ведь, додумался и понял художник, какие чувства лежат в основе таких-то поступков – и пишет драму, где это показывает, а по ходу написания и размышления над ней и сам в чем-то новом разбирается. Вот ведь краски-то какие бывают на рассвете – я начал вглядываться и увидел, а как же этого не замечал никто раньше: сейчас я нарисую, и увидят все.

Шестое. Эскейпизм, бегство от мира. Мир плох и жесток, все меня обижают, никто не любит, ничего у меня не получается – но когда я забиваюсь в свой угол, мечтаю и творю – мне хорошо, я забываю обо всем плохом, я живу в моем воображаемом и условном мире и там всемогущ, делаю что хочу.

Седьмое. Самореализация. Искусство – вещь штучная, не конвейерная, в нем верхнего предела нет; и надобно в нем, чтоб было максимально хорошо настолько, насколько только возможно. И все свои душевные силы, всю силу ощущений, весь объем знаний – художник вкладывает в свое творение. Творя, он живет на пределе, ничто в нем не пропадает втуне – он буквально-таки приближается к Творцу, создавая свой мир. Да не существует жизни более полной, чем создание шедевра – все муки, все радости, все напряжения переживает художник.

Восьмое. Самоутверждение и честолюбие. Славы и денег! Много, желательно – больше всех! Боже, как самолюбивы художники, как ранимы и завистливы, как ревнивы к чужому успеху... Оцените все мой талант и мои шедевры – это означает: я значительный, я могу больше других, я сделал максимум, что было вообще в данном случае возможно, я заслужил ваше уважение и поклонение, признайте же скорее, что хоть в этом плане я значительнее вас и всех остальных. И как страдает несчастный от непризнания: он клянет идиотов, которые ничего не смыслят в искусстве, и все равно жаждет их одобрения!.. Непризнанный художник и несчастный художник – да это почти синонимы, исключения крайне редки.

Девятое. Воздействие на мир. Пусть все знают, что «так жить нельзя», что добродетель ну должна же восторжествовать! что нельзя строить счастье общества на слезинке ребенка... что любовь сильнее смерти, а человек все может. Воззвать к мужеству, милосердию, справедливости и прочему. «Братцы, нельзя же так!» «Вот как надо поступать!» Это уже, так сказать, искусство как действенный акт, «к штыку приравнять перо». «Я написал это, чтоб люди опомнились, раскаялись и т. д.».

21. А почему и для чего люди потребляют искусство, будучи вполне в силах обойтись без этого?

Первое. Наслаждение красотой (см. «Красота»).

Второе. Эскейпизм. Убежать от неразрешимых трудностей и гадостей жизни в жизнь воображаемую: кинобоевик, авантюрный или любовный роман.

Третье. Познание мира, внешнего и внутреннего: где как живут, что делалось раньше, каковы люди и их чувства в разных обстоятельствах, в том числе экстремальных. Информация.

Четвертое. Получить острые ощущения, нервишки пощекотать: выкручивается герой из смертельных обстоятельств и избегает опасностей, умирает несчастная и прекрасная героиня,

рушится в войне государство. Посмеяться над комичным, поплакать над трагичным, и чтоб дух замер от накрученных приключений, поединков, смертей и катастроф.

Пятое. Искусство как самоутверждение и самореализация. Вот некуда мне применить мои способности к пониманию и переживанию: некрасив я, неудачлив, с людьми не лажу и талантов не имею. Не любят меня и не ценят так, как было бы сообразно моим качествам. А читая книгу, смотря кино, слушая музыку – я чувствую, я понимаю все, и душа моя, которой на работе тошнотворной дела не находится, при потреблении искусства занята, напряжена, при деле находится – я соображаю, ощущаю, «живу внутренней жизнью». И вот я разбираюсь в искусстве лучше тебя, больше читал, больше видел живописи и слушал музыки, и хоть по жизни мы равны – я значительнее тебя, ибо куда сведущее и компетентнее в искусстве. Таким вот примерно образом самоутверждались советские интеллигенты, сидя по единообразным советским клеткам дома и на работе. Уважали себя и друг друга за потребление искусства – духовные, значит, люди, не пустые, значительные, умные и образованные.

Шестое. Сброс излишка энергии. Непосредственно связано с предыдущим пунктом. Невостребованность энергии массы потентных людей в СССР породила небывалый в истории спрос на искусство: а что еще делать, куда дернуться, раз все пути перекрыты, а читать – это даже дешевле, чем пить водку. А настала новая эпоха – и энергия пошла в продуктивные русла: карьеры делать, деньги зарабатывать, по миру ездить. И бросили люди в массе своей искусством интересоваться – нашли интересы посильней и поактуальнее.

22. Мы все время говорили об искусстве как о чем-то необязательном и избыточном. Хотя, с другой стороны, стремление к искусству – в природе человека, и даже у животных наблюдается потребность в пра-искусстве (см. п. 1). Как быть с этим противоречием?

Нет противоречия. Еще раз: потребность человека в искусстве проистекает из его психической энергоизбыточности – давай, придумывай, ощущай, делай что-нибудь сверх необходимого, коли появились после еды и отдыха время и силы.

В тяжелом походе, непосильном труде, концлагерном ужасе – человеку не до искусства. Когда, значит, говорят пушки – молчат музы. Ну, всегда найдется музыкант, не способный быть пушкарем, так что музы не вовсе молчат под пушками. Но вообще расцвет искусств происходит в эпохи, когда часть людей обладает излишками богатств, с которыми нечего больше делать, кроме как оплачивать ими художников. Нет, кто-то может голодать, кто-то воевать, но в общем отсутствуют глобальные первоочередные цели, забирающие все свободные средства и требующие полного нервного напряжения всего народа. Все эпохи расцветов искусств – это такие периоды, когда в силу устройства государства часть энергии части населения пускается в «боковой клапан».

Очень соблазнительно и несложно последовать тому выводу, что когда утишаются политические смуты и войны, когда наступает некоторая стабильность и экономическое процветание, когда минует время героев-воителей – вот тогда наступает «золотая осень» культуры. Покой, сытость, образование, свободное время, – вот вам и художники со зрителями.

Оно, конечно, правдоподобно и часто справедливо. Постнаполеоновская буржуазная Франция с ее невероятным взлетом искусств – один из лучших и очевидных примеров. Но итальянский Ренессанс – время сплошной резни и постоянного перекраивания карт; Афины Золотого периода бурлили, ругались, реорганизовывались, воевали с персами и другими греческими полисами. Так что насчет успокоения государств – вовсе не всегда получается. Да и европейская культура второй половины XX века находилась в сплошном упадке по сравнению с недавними вершинами, – а ведь насчет сытости и стабильности время было на редкость благополучное по сравнению с прочими.

Нет ничего лучше для расцвета искусств, чем просвещенная монархия во главе с просвещенным тираном. Класс бездельников с гарантированным доходом потребляет искусство,

а самодур-эстет выжимает налоги с тружеников и поощряет художников к созданию шедевров. Искусство делается прибыльно и престижно, и поднимается как на дрожжах.

Так что есть разные способы перераспределения энергии народа в пользу искусства. Хоть в общем и целом – время открывать Америку, и время воспевать ее открытие. Или – или. И – и – это бывает редко.

23. Упадок искусства второй половины XX века – свидетельство и следствие двух взаимосвязанных процессов.

Первый – это вообще утрата белой цивилизацией своей жизненной энергии. Идеалов практически нет – а это означает невысокий уровень потребности в переделке мира, невысокий уровень избыточной энергии человеческого сообщества. Мол, и так все неплохо и приятно, и нет ничего такого, ради чего стоит отказываться от своих личных выгод и удовольствий и жертвовать заработком и жизнью. Фанат-террорист энергетичнее законопослушного белого: он способен жертвовать всем и добиваться своего любой ценой, – т. е. его желание сильнее, его потребность активнее. Скажем, перерезать всех исламских экстремистов – было бы безумно жестоко, конечно, хотя целесообразно с точки зрения продлить существование белой цивилизации, – но мы сейчас не о кровожадности, а о том, что такая кровавая акция была бы показателем высокого энергетического уровня победителей. Сильные ощущения, большие действия, объединяющие цели! Только не надо про зверство, я же не про зверство, я про энергетику. Да, зверь энергетичен. А когда у вас лев ляжет рядом с агнцем – отправляйте льва на живодерню, больше он уже ни на что не годится; и скоро агнец ваш милый и кроткий это расчухает и начнет забивать гуманного льва своими копытцами и рожками. Режьте агнца, пока он не стал волком!

А второй «анти-искусствосоздательный» процесс – огромный и прогрессирующий подъем энергопреобразовательной деятельности через промышленность, технику. Белое человечество сегодня «перевыполняет» свою природную задачу по энергопреобразованию. Объективно, с точки зрения природы, всего происходящего на Земле, белое человечество буквально всю свою энергию вбивает в научно-техническое энергопреобразование. Не субъективно, с точки зрения индивида, стригущего купоны, – а объективно, с точки зрения того, что получается в общем, понятно ли? И поэтому энергии на искусство маловато остается. Такова общая закономерность, такова принципиальная тенденция.

24. «Официант, это чай или кофе? – А вы что, сами не можете различить? – В том-то и дело, что не могу! – Тогда какая вам разница?»

Этот блестящий и древний английский анекдот как нельзя лучше характеризует отношение людей к подлинникам и подделкам в искусстве.

С каждым годом в мире обнаруживается все больше картин кисти знаменитых художников. Производство подделок поставлено профессионалами на поток. Эксперты получают немалые деньги за высказывание своего компетентного мнения: это подлинный шедевр или нет.

Если коллекционер платит деньги за то, что владеет какой-то редкостью тиражом одна штука в мире, тогда понятно: это стоит дорого, потому что этого больше ни у кого нет, – я значителен, поскольку единственный в мире владею тем, чего больше нигде нет. Шедевр живописи, древняя монета, автограф Шекспира и трусы Элвиса Пресли взлетают на ценовой уровень по одному принципу: знаменитая редкость. Финансовая ценность здесь может никак не соответствовать эстетической. Если трусы не Элвиса, то ценность их определяется в ближайшем секунд-хэнде: девяносто девять центов точно за такие.

Но если подлинность картины определяется только радиоуглеродным анализом, то как, спрашивается, это может влиять на ее эстетическую, художественную, ценность?! Коллекционную, финансовую, – да, но художественную?..

Объясните тупому и темному: почему небогатые и образованные люди, ценящие живопись, так любят подлинники не шибко шедевральных, в сущности, картин (шедевры им не по карману)? И они при этом не деньгами, не материальной своей значительностью гордятся – они

гордятся именно тем, что картины подлинные. И безоговорочно предпочитают их даже самым лучшим копиям самых лучших картин. Третьеразрядный подлинник ценится у людей искусства несравненно выше, чем люксовая копия всемирного шедевра. А копия как бы и вообще художественной ценности не имеет – она лишь передает подлинник.

В чем здесь причина жесточайшей и однозначной связи между ценностью коллекционной и художественной? Ведь коли ты разбираешься в живописи – смотреть-то тебе лучше на шедевр, чем на так себе картинку. И какая тебе разница, нарисовал это Рембрандт или маляр Петр Иванов, если это по виду ну абсолютный же Рембрандт?

Объясните: как вы сопрягаете эстетическое воздействие от картины с ее авторством? Ну, большинство ценителей в живописи на самом деле ни хрена не понимают, вроде как модистки в истинном качестве одежды, и платят они не за предмет, а за этикетку – она им гарантирует качество, и в гарантии они убеждены. Но есть ведь и такие, которые разбираются, – им-то зачем обязательно подлинник?

Символ богатства? – настоящему ценителю на это плевать. Символ вкуса? – настоящий ценитель ориентируется только на собственный вкус; эстетов и снобов мы оставим в стороне, это разновидность тупой светской толпы, лишенной самостоятельных оценок и самостоятельного мнения, у них все заемное.

Чем различаются подлинник картины и адекватная копия, формально не отличающаяся от подлинника абсолютно ничем?

Созидательным моментом.

Энергетичностью акта.

Художник вкладывал в картину всю душу, все умение, весь накал чувств при вдохновении, все собственное видение мира – и дал взлом по вертикали, прорыв по вертикали, своей энергией создал то, чего до этого в мире не существовало. И этим актом он обогатил культуру, расширил духовный мир человечества.

Копиист вкладывал только ремесло, голую технику. Отсутствие творческого, энергетического, акта. Созидание отсутствует.

И вот этому люди придают огромное значение.

Поэтому для нас вечно важна судьба художника. Как жил, любил, страдал, боролся, достигал, умер. Судьба присовокупляется к творчеству в нашем восприятии, придает ему дополнительную ценность – в значительном художнике мы вечно желаем видеть значительную личность, и тем самым все акты деятельности значительной личности тоже становятся значительными. Судьба превращается в легенду, легенда в перспективе уменьшается до сияющей точки – символа, имени, знака величия. И вот уже достаточно сказать «Рембрандт» – и ничего не знающий о художнике человек проникается сознанием значительности этого имени, просто обозначенного.

Значительность созидательного акта – вот в чем ценность подлинника. Наилучшая подделка только прикидывается шедевром – а этой главной сути в ней нет.

Мы допытываемся, подлинник это или копия, как влюбленный допытывается у любимой: правда она его любит, или просто притворяется и ее слова и поступки выражают лишь желание угодить ему и удержать его любовь. Какая тебе разница?! – вопит выведенная из себя возлюбленная, – тебе что, плохо, или я должна вести себя иначе?! – Нет, ты должна вести себя точно так, но еще это обязательно должно быть правдой, иначе для меня все теряет смысл. – Почему?! – Потому что правда означает еще, что ты сходишь по мне с ума и жить без меня не можешь, а мне вот это и дорого, а не только твои слова и милые поступки.

25. Почему значимость произведений резко подпрыгивает с трагической и ранней смертью автора? Потому что смерть подтвердила: он не придурился, он всю жизнь свою вложил в шедевры – смотрите внимательней, это ведь и правда должны быть шедевры, раньше-то мы иногда смотрели небрежно. Еще смерть значит: список окончен, новых вещей не будет, и уже

имеющиеся подпрыгивают в цене. И еще смерть дает толчок легенде об авторе – и образ воспяряет над своим реальным прототипом, своей идеализированной значительностью подкрепляя и усиливая значительность шедевров.

26. Борхес как-то выразился в том духе, что классическими мы называем произведения, в которых каждый знак условились считать неслучайным, необходимым и исполненным предельного смысла. Как бы классические произведения лишены недостатков и обладают совершенством эталона. (В это «мы» попрошу не включать меня, потому что классика все-таки определяется традицией, а достоинства и недостатки оцениваются личным пониманием и вкусом: каждый, кто обладает самостоятельным суждением, в каких-то классических произведениях всегда будет видеть недостатки, а какие-то считать просто заурядными, возведенными в ранг классики малым умом и низким вкусом критики и толпы.)

Простой пример. Вот есть у нас тысяча картин на все человечество. Одна обязательно признается чемпионом – первое место на мировом конкурсе. Это автоматически становится «классикой» и принимается за верх достижений. То есть максимум ощущений зрителя от восприятия картин вообще – как предписано прицеплять к этой картине. А уж к чему прицепить ощущения – он, зритель, найдет: он такое усмотрит, что самому художнику и не снилось. «Потому что он был гений!» – сообщит эстет: «Он и не думал, у него многое получалось невольно, подсознательно, интуитивно!» Ага. Теперь возьмем, и от этой тысячи картин отнимем верхнюю половину – осталось всего пятьсот, причем тех, что хуже. И что изменилось? И ничего не изменилось! Первое место из всех имеющихся – уже из пятисот – это и будет классика со всеми ее реальными и домысленными достоинствами. Теперь она будет эталоном. На бесптичье и коза шансонетка.

Относительный и условный уровень шедевров. Относительная ценность произведений искусства. Относительно всех прочих произведений этого рода, относительно общей культурной традиции, относительно господствующей системы условностей.

Наилучший показатель этой относительности – гении и классики национальные и общемировые.

(Так. Сейчас я буду замахиваться на святое и наживать себе врагов – как будто с меня мало уже имеющихся. Хотя хула дурака – уже награда. Но поскольку мир преимущественно состоит из дураков, то под грузом наград иногда трудно ноги передвигать.)

Возьмем, скажем, маленькую Эстонию, коренное население которой составляет один миллион человек, достоверная история до племенных глубин – одна тысяча лет, история собственной культуры – около полутора столетия. Здесь, как и везде, есть свои классики, очень мало известные за пределами родины.

Теперь возьмем большую Россию с внятной историей в тысячу двести лет и культурой в области чистых искусств возрастом в двести пятьдесят лет. И возьмем великого и первого классика русской литературы Пушкина. И, надев предварительно скафандр против плевков и доспех против побоев, выскажем мнение, что «Евгений Онегин» – обличенный в весьма скромную стихотворную форму роман достаточно банального содержания с нехитрой любовной основой. Не шедевр. Ничего особенного. За пределами родины никому не нужен и известен только специалистам-филологам. Ну против Шекспира не потянет.

Это – замах на символ веры! И эстонцу, и русскому, и монголу, и португальцу необходимо, среди прочего, иметь предмет гордости в своей культуре. И тут уже происходит инкарнация в эталон – из национальной потребности в самоутверждении. И пудрят мозги поколениям школьников насчет безупречности шедевров.

Зоилова мера. Ограничение системы координат лишь своей культурой. И верно ведь – все классики были таланты и делали новое в своей культуре. Но со слиянием белой культуры в единый макрокосм ценность чисто национальных шедевров неизбежно падает, оставаясь культурно-исторической вехой конкретного народа.

Сегодня любой приличный виршеплет способен написать роман в стихах не хуже «Евгения Онегина». Только это на фиг никому не нужно. Ценность «Онегина» – в том, что он был первый, что до него в хилой и зачаточной русской литературе с ее церковнославянско-германоподобным косноязычием ничего подобного по легкости, изящной простоте и богатству чувств и мыслей не было. У французов, англичан, немцев, итальянцев – было, и куда лучше, и гораздо раньше, а у русских – нет.

Созидательный акт. Взлом по вертикали, выдача нового: энергетический акт.

Сто лет филологи-русисты спорят: что первее – «Слово о полку Игореве» или «Задонщина». Господствующая точка зрения – «Задонщина» написана позднее и подражает «Слову». А «Слово» – это шедевр. А если наоборот – тогда «Задонщина» шедевр, а подражательное «Слово» резко теряет в ценности. Прелесть! – без изменения единой буквы текста! Вот вам подлинник и подделка, вот вам оригинал и подражание, вот вам относительная ценность шедевров.

27. В славной книжке Льва Кассиля «Кондуит и Швамбрания» есть блестящий эпизод. Слегка как бы эстетствующего подростка «умные» товарищи хотят устыдить – дивным образом. В вечерней комнате отодвигается занавес – и в раме является прекрасный зимний пейзаж с луной. Блестящий пейзаж! он ахает. И вдруг через пейзаж едет извозчик. И для подростка очарование картины сразу исчезает – он понимает, что это окно с рамой от картины. Друзья поучающе посмеиваются. Кассиль, надо заметить, был не великого ума мужчина, и в данном случае сам не понял, чего написал: он тоже фигово разбирался в сущности искусства и условности шедевров. Мол, если есть красота, созидательный акт художника уже излишен. И вообще на фиг оркестру дирижер (такое время стояло на дворе, ранние гримасы сов. власти).

Это как раз переключается с анекдотом: мама указывает сынку на рисующего художника: «Смотри, как дядя без „Полароида“ мучится!»

Природа сама по себе может быть (и чаще всего) настолько хороша, что улучшать ее художнику не требуется. Так не уничтожила ли фотография живопись?

Частично уничтожила. Фотопортреты и фотокартины доступны любому – без труда и с минимальными затратами. Функция простого визуального изображения действительности с живописи слетела напрочь и навсегда. На фото мы любимся натурой без посредничества художника.

Искусство остается ценным своей индивидуальностью, тем личностным доворотом, той трансформацией жизни через себя, которые привносит художник. Показать то и так, чего без него не увидят, чего без него не существует.

Созидательный акт.

И вот какая штука. В картине природы нет никакого настроения. Природа она природа и есть. Настроение в нее привносим мы сами, зрители. А уже пейзаж хмурый, солнечный или ветреный – соответствует определенным ассоциациям и настроениям человека.

Говоря же точно о таком пейзаже нарисованном – мы говорим о настроении, которое художник вложил, уловил, передал, создал. Хотя то же самое может сделать и фотограф, причем даже очень плохой фотограф, оказавшийся с хорошей камерой на хорошей натуре.

Так что окно без рамки и точно такая же картина в рамке – это таки две большие разницы. Рамка есть знак созидательного акта.

Недаром во времена древние ходили легенды о художниках, которые так писали цветы, что на них летели пчелы и т. п. Мастерская техника и адекватная передача действительности расценивались как искусство.

Казалось бы: для человека эстетически развитого и духовно самостоятельного должно быть абсолютно безразлично – смотрит ли он в окно или на равнозначную картину художника (как великого, так и копииста): видит-то он точно одно и то же, а от снобизма и влияния

чужих мнений он свободен. Ан нет. Чего разного-то? А комплексы ощущений несколько разные. Почему? В чем разница?

В разуме разница, чтоб он сгорел. В рациональном мыслительном аппарате и фактологической информации. Личность и судьба художника, его мастерство, – неизбежно привносятся в оценку картины и впечатление от нее – и влияют на комплекс ощущений. Влияние рассудочного элемента, черт возьми! Истинный эстет балдеет не от того, что изображено, а – как это изображено. От акта искусства балдеет.

Шедевр – копия – природа, – таков в искусстве табель о рангах.

Опять же – энергетика созидательного акта решает все здесь.

28. Художники давно сформулировали: писать надо либо о том, о чем никто еще не писал, или о том, о чем уже писали – так, как никто еще не писал. Сказать свое собственное слово, сделать что-то новое. Иначе – не искусство. Средний инженер, рабочий, торговец – делают свое дело и нужны. Средний художник никому не нужен. Что от него толку? Если он заменяем другим – считай в искусстве его и не было.

29. Руководители ЛИТО (уходящее слово, обозначающее литературно-творческое объединение – кружок начинающих) любили поучать юных поэтов, что нельзя добиваться воздействия на слушателей темой и материалом стихов: напиши даже плохо, но о том, что всех волнует – и аплодировать будут не твоим плохим стихам, а тому, что ты говоришь по делу. Злободневность-то преходяща, а искусство, значит, вечно. И если ты прочитал стихи о дураке-гаде начальнике, то бешеный восторг вызовет не твое искусство, а твоя храбрая правда жизни.

Искусство как форма. Примат формы над содержанием.

Для себя я давно определил, как отличить хорошую книгу от плохой в этом плане: если то, что происходит здесь и сейчас, мысленно перенести на сто лет назад в другую и малознакомую тебе страну, и книга останется интересной – тогда она действительно интересна. Не в реалиях, значит, дело, а в сюжете, героях, чувствах и мыслях.

30. Восточный подход к искусству, древний, тонкий, интравертный, здесь в корне противоположен западному, белому, европейскому – в сравнении с восточным варварскому, агрессивному, экстравертному, личностному.

Весь упор Восток делал на воспринимателя. На прямое слияние с бытием, на сокрытие личности творца и отказе от нее. Умей сам ощущать и понимать многое в малом и т. д.

Поэтому внешне столь проста японская поэзия – и столь глубока и изысканна для понимающего.

Поэтому вершиной и идеалом живописи является «Белый дракон» – чистый белый прямоугольник; где нет ничего, и в то же время есть все – ты все можешь себе вообразить, это полотно, где перед твоим мысленным и чувственным взором проходит все в жизни.

Но вы чувствуете? – даже «Белому дракону» нужна рамка, знак искусства, кусок простыни или пустое пространство где ни попадя здесь все-таки не годится.

31. А вот теперь-то мы подлезли к крайне острому и принципиальному моменту: чем же отличается искусство от подобного ему не-искусства, псевдо-искусства.

Где критерий? Как определить? По какому принципу одно с другим сравнивать? Какой линейкой мерить? Отвечаю:

Уровень созидательности – вот критерий искусства. Уровень энергетичности акта искусства. Мощь творения, в каковой мощи воплощены талант художника, видение мира по-своему, сила возбуждений художника, создающего свой мир, новый и субъективный.

Размер созидательности. Энергетический заряд, являющий себя в том, что появилось нечто, чего не было раньше. Это несколько косноязычные, не абсолютные определения, и потому лучше дать их несколько, целый ряд, чтоб было предельно ясно, что они выражают. Все-таки тут вопрос сложный, чего уж, и решение его такое я даю первый.

Но сложность еще в том, что созидательный момент необходимо рассматривать на нескольких уровнях, а именно:

индивидуальный акт творения;

размер созидательного шага относительно всего уже существующего в искусстве;

размер созидательности акта в восприятии воспринимающего, его эстетические ощущения и общий комплекс ощущений.

То есть. То есть. В этом вопросе я категорически отрицаю распространенный сегодня релятивизм как следствие вкусового подхода при отсутствии подлинно объективных критериев. Я категорически утверждаю наличие определенных объективных критериев и оперирование ими. Проще говоря: да, можно что угодно сравнивать с чем угодно и с основанием выносить оценку: это хуже, а это лучше.

А). Индивидуальная, субъективная, значимость акта.

Вот два художника. Один – приличной парижской школы, другой – дикарь, туземец из зарослей. И вот сподобились они создать по очень похожей картине – ну словно одной кисти и одной школы. Объективно – художественное качество одинаковое.

Однако парижанин это сделал играючи за два часа – для него это поделка, ерунда, серийная работа, каждый второй парижский художник так может. А туземец шел к своему творению много лет, преодолевая свое туземство, учился как мог, самостоятельно постигал многие секреты творчества и ремесла: в своей стране он классик, лучший, первый; да субъективно рассматривая – он гений. Он изобрел деревянный велосипед. Да ему бы от рождения парижские условия – он бы со своей творческой энергией смог черт знает что.

Собирается международное жюри оценивать эти две картины. И выносит единогласное суждение: первое место занял туземец – потому что картины одинаковые, но туземец труда и таланта явил больше.

С одной стороны, оно верно. С другой стороны, зрителю плевать на биографию автора, ему нужен результат.

Конец XX века – эпоха бесчисленных конкурсов и премий, а также провозглашаемой демократии, равенства и гуманизма. При прочих равных премии получают туземцы (ну, момент интриги и продажности сейчас оставим в стороне, мы берем честную игру, которая тоже бывает).

Что же говорят арбитры изящных искусств, если им указывают на несовершенство туземных шедевров? Они говорят, что качество в искусстве – вещь относительная, субъективная, вкусовая, «нравится – не нравится», а ориентироваться надо на что-то объективное: биография автора – это субъективно, кому было труднее – тот и лучше, а туземцу было труднее. Где шведский король? – дать туземцу Нобелевскую премию по литературе, скажем.

В этом подходе – бесспорное рациональное зерно. Его только абсолютизировать не надо. Не надо говорить, что прочие критерии относительны и размыты. Это не так.

Б). Объективная значимость акта в искусстве.

Вот здесь и зарыты все свиньи, съедены все собаки и сломаны все копыта.

Есть критерии количественные, и с ними проще. А – новая тема в искусстве, новый образ, новый материал. Или – новая форма, новый подход к перспективе, новый сюжет. Элемент новизны налицо – что-то явлено в первый раз: открытие, прорыв, оригинальность. Количество: одна штука, хо-па!

Робинзон Крузо. Дон-Кихот. Робин Гуд. Сейчас нам не важно, что образ быстро отделяется от ткани произведения и начинает жить самостоятельной жизнью. Суть в другом: до них не было такого героя в искусстве, взгляда на жизнь под таким углом, постановки и решения проблем таким образом. Новизна содержания.

А может быть содержание новым, а форма плохой, слабой? Может. Жюль Верн писал чудовищно плохо – но уже полтора года лет переиздают и читают без числа. Конан Дойлю надоел Шерлок Холмс, не видел он в нем литературной ценности – а мир перечитывает.

Необходимо признать: достаточно среднего традиционного уровня формы, чтобы оригинальность и мощь содержания вытягивали вещь на уровень искусства.

А может быть содержание банальным, а форма новой и сильной? Сколько влезет, всем понятно. Более того: блеск формы дает новые оттенки картинам, чувствам, мыслям и т. д. Блестящий стиль Набокова. Живопись импрессионистов.

Но число человеческих чувств и проблем не бесконечно, и «все уже было под луной». Поэтому ценители искусств норовят проповедовать: не важно «что», важно «как». Форму ценят. Гм. А как тогда быть с Робинзоном Крузо? Немного неправы ценители формы.

О'кей. Или новая форма, или новое содержание, или то и другое вместе (что уж вовсе блеск), или хоть немножко того либо другого.

Или хотя бы явно очень высокий уровень «мастерства» в границах и традициях уже имеющих форм.

То есть если взять имеющуюся совокупность всех произведений какого-то жанра, то рассматриваемое произведение или чем-то улучшит этот суп в кастрюле, или хотя бы добавит приличного продукта.

Здесь необходимо рассмотреть такие параметры, как: а) степень сложности; б) коэффициент условности; в) степень трансформации материала художником; г) намеренную возможность для глубины и многозначности трактовок. Что мы и рассмотрим чуть ниже, а сейчас обратимся к третьему основному уровню рассмотрения созидательного момента – впечатлению от субъективного восприятия.

В). Комплекс ощущений воспринимающего.

Пруд с замком и лебедями исправно работает искусством для миллионов людей. «А мне нравится!» И мещанин прав: красиво ведь. В натуре-то от Версаля народ тащится, и признаваться в этом отнюдь не зазорно.

Из двух одно. Или это искусство, и тогда искусство все, что кому-либо кажется таковым. И нет объективных критериев, и не о чем спорить. Или это не искусство (а эрзац, подделка, заменитель) и надо подумать – почему.

Здесь нет ничего нового, оригинального, сложного, – это банальный конвейерный ширпотреб. Созидательный акт отсутствует – и на уровне акта художника, и на уровне акта в искусстве. Сто этих ковриков или миллион – без разницы.

Ага. Воспринимающий должен быть эстетически развит. Достаточно образован и понимающий. Он должен мочь сравнивать произведение со всеми, что уже есть. Понимать замысел художника, данный через систему условностей, а всякое искусство условно. Оценивать оригинальность и силу замысла. Принимать во внимание уровень профессионального мастерства.

То есть воспринимающему должен быть явен созидательный акт художника и созидательный шаг в искусстве. Он должен видеть, понимать и оценивать – что сделано, как сделано, чего стоит до этого додуматься и это сделать.

И вот только тогда, когда он овладел восприятием формы – он овладевает содержанием. Не знающий флажного семафора может смеяться над движениями рук с флажками, а может восхищаться четкостью движений и плеском ткани – но только понимающий смысл каждого движения придет в восторг или ужас от совокупности этого мини-балета.

Внешне это выглядит просто-таки примитивно, так все ясно, а на деле у двух равно образованных людей вкусы могут не сходиться, и хоть ты тресни – и спорить будут до хрипоты, какое из двух произведений лучше; а каждый из двух художников будет подтверждать, что прав именно его апологет, ибо здесь столько всего вложено в произведение, что от винта.

Здесь надо сказать что. Один предпочитает блондинок, а другой брюнеток, и каждому свое. Люби хоть обезьяну. Но разбираться в женщинах надо. Субъективный аспект восприятия искусства означает: я не люблю Достоевского, но писатель был великий. Не люби, но оцени.

Первоначальная же, самостоятельная оценка – идет по любви. Интонация, юмор, экспрессия, созвучие мира художника твоему собственному миру. Короче – доступность формы и воздействие содержания.

Да еще примешивается конформизм и репутация художника.

Вычленим пока силу воздействия произведения на воспринимающего.

32. Коэффициент условности. Если жизнь изображается в точных формах этой самой жизни – коэффициент условности отсутствует. Фотография, гиперреализм, документальная литература. Здесь необходимо абсолютное владение ремеслом, и только.

Музыка условна всегда. Живопись может быть полностью без-условна. В литературе диапазон условности наиболее широк. Поэзия «выше» прозы именно тем, что размер, ритм, рифма, аллитерации – уже набор условностей, составляющий суть поэзии. Сюжет, отбор одних деталей и опускание других, выбор слов и такое сопряжение их во фразы, которое отличается от обыденной речи и придает самому тексту энергетическое напряжение – условность, отличающая искусство литературы от простого пересказа материала.

Сказка, фантастика, – обнажение условности. Летописец безусловен, Гомер – условен, уровень обработки материала в «Илиаде» и делает историю осады Трои произведением искусства.

Чем выше коэффициент условности искусства – т. е. чем изображение жизни дальше отстоит от копирования форм жизни – тем выше энергетика формы, тем большую роль играет форма, тем больше элемент искусства в произведении. Как бы возникает энергетическое поле между текстом и подтекстом, словом и богатством ассоциаций, между «что» и «как» сказано. Преобразовательный акт простого отображения реальности в искусство.

33. Вот произошел какой-то случай. Бывший любовник чуть не застрелил бывшую любовницу, которая скатила на него телегу по нынешнему месту работы, где он дивно устроился. Незадачливого и неудачливого убийцу казнили. Все.

Отчет в колонке полицейской хроники займет двадцать строк, и всем все ясно. Журналист, который решит заработать на этой истории, напишет полтора-два страницы подробностей. Стендаль написал «Красное и черное» – великий роман о любви, честолюбии, борении чувств и трагичности их столкновения с жизнью.

Чувака законопатили по ложному доносу, он откинулся, их всех отрыл и замочил. «Граф Монте-Кристо».

Что бы ни делал художник – в качестве материала он имеет только реальную жизнь, а в качестве трансформирующего инструмента – только себя самого. Вот через себя он жизнь и пропускает – а на выходе случается искусство. Ум, знания, чувства, фантазия, ассоциации – все идет в ход, чтоб превратить песчинку в жемчужину. Мемуарная запись превращается в эпическую поэму.

Полвека назад Роже Гароди написал знаменитую некогда книгу «Реализм без берегов», где и продвигал ту мысль, что художник в качестве исходного материала имеет только реальность, и всегда трансформирует ее через себя, так что степень трансформации непринципиальна – принципиально то, что все это разновидности изображения реальности, т. е. разновидности реализма: от натурализма до абстракционизма. Не лишено. Хотя если все – реализм, то термин теряет смысл, охватывая все и не противопоставляясь ничему.

Суть же в следующем. Вот в жизни произошла потрясающая история – и писатель изложил ее как есть: впечатление на читателя сильнейшее. А вот другой писатель точно такую книгу высосал из пальца – все сочинил, используя свои общие знания о жизни. Формально произведения адекватны. С точки зрения искусства же – сочинитель гигант, а писатель – э, описать

многие могут. Разница только в наличии или отсутствии созидательного акта, личного действия художника, энергетики, которая вложена в создание модели из ничего, из хаоса общих деталей жизни.

Из справедливости заметим, что читателю обычно наплевать на всю предысторию создания, для него важен только результат. Он во многом прав, читатель. Но нас пока интересует роль художника – т. е. сколько в искусстве собственно искусства.

34. Симфония сложнее песенки, поэзия сложнее прозы, многоплановый роман сложнее простого рассказа. Чем сложнее организация произведения – тем дальше оно отстоит от хаоса как неорганизованной мешанины (суммы) всех нот или слов. Тем более высок уровень структурированности произведения, тем более энергонасыщенной является форма. Труды пошло больше, мастерства нужно больше, степень трансформации художником исходного материала больше. То есть при прочих равных, рассуждая механистически, картина площадью десять квадратных метров с сотней фигур – сложнее одного небольшого портрета. Осмысленная композиция из ста портретов – более значительное произведение искусства, чем каждый портрет по отдельности. Уже сам размах, сама мощь впечатляют!

Количество деталей, количество связей между ними, степень условности изображения, степень трансформированности исходного материала художником, – все это входит в понятие сложности, и чем всего этого больше – тем о большей величине созидательного акта можно говорить.

Тем как бы – как бы! – больше искусства. Грубо сравнивая – написать огромное литературное произведение с применением всех жанров прозы и поэзии, дающее жизнь целого города во всех ее нюансах, коллизиях и деталях – это больший акт искусства, чем написать одно простое стихотворение об одном из жителей. Из примеров – «Улисс» Джойса сложнее «Повести о настоящем человеке» Полевого, по каковой причине «Улисс» и почитается с некоторым основанием шедевром, и уж во всяком случае произведением значительным.

35. И еще одна вещь. Многозначность, многотрактовочность, полифония. Она же притчевость.

«Джоконда» то ли добрая, то ли злая. То ли любит, то ли ненавидит. То ли веселая, то ли грустная. Пресловутая «загадочная усмешка» – понимай как хочешь, и все будет верно, и все не исчерпывающе. Тем и знаменита.

Жизнь – она решительно всякая, всему в ней есть место. Отъявленный злодей какой-то частью души, хоть чуток, – и несчастен, и любит кого-то, и на доброту способен. И у святого бывают греховные искушения, и невозможно творить добро, никому не наступив на хвост; и во всем можно найти хорошее и плохое, повод для гордости и повод для печальных раздумий.

Короче, весь мир живет в нашей душе, и чем более полно душа находит в произведении искусства отклик всему-всему хорошему и плохому, что в ней есть – тем больше, значит, чувств и мыслей вызывает произведение, тем оно нагруженнее, насыщеннее, полнее.

Тем значительнее со-созидательный акт воспринимателя. Тем для него это произведение искусства значительнее.

Экклезиаст. «Гамлет». «Война и мир». Настоящий художник понимает и ощущает всю противоречивость и сложность бытия, и в его произведениях это всегда заложено: хоть единой деталью, но дается это ощущение всеохватности и неоднозначности мира. Ну, Вселенная, значит, в капельке, или в чашечке цветка. Дать многое через малое.

И зритель видит и ощущает в «Джоконде» весь мир борений и страстей человеческих; потому и шедевр.

Огромная смысловая и эмоциональная нагрузка на единицу объема произведения. Огромная часть всей жизни, закодированная в малый объем произведения.

Этим также определяется степень искусства – в противопоставление не-искусству, плоскому и однозначному: малосодержательному эмоционально и интеллектуально.

36. Если бы мы жили в более молодом мире, чем наш сегодня. Если бы искусство в этом мире продолжало развиваться по поступающей, вперед и вверх. От простых форм к сложным. От примитивного подражания реальности к ее точному и детальному фотографическому отображению. И от фотографического отображения – к трансформации реальности в рамках реализма, т. е. изображения жизни все-таки в формах жизни – ну, краски сгустили, сюжет круче свинтили, детали отобрали самые выразительные, но все равно все понятно даже непосвященным. Так примерно до уровня Ренессанса в живописи или романтизма XVIII–XIX века в литературе. То тогда бы – тогда бы – отделять искусство от не-искусства было бы очень просто. На основании всего вышеизложенного. А это:

созидательный акт в искусстве; созидательный акт художника; сложность, условность, многозначность произведения; и как следствие – воздействие на воспринимающего.

Но на деле у нас есть еще два фактора, которые всегда примешиваются к оценке искусства и обуславливают качество его восприятия. Это жизнь в формах жизни, в которой мы живем и представляем ее себе – реальность! – всегда одинаково, неизменно и весьма адекватно. И вся та история искусства, которая существует до настоящего момента – насколько эта история известна воспринимающему и постигнута им.

И вот с этими ножницами – жизнь и искусство, как они известны и понятны, – воспринимающий и подходит к восприятию искусства. И автоматически корректирует свое восприятие. Сбивая тем самым сплошь и рядом наши простые и внятные критерии, где количество так славно и логично переходит в качество.

37. Жизнь в формах жизни понятна каждому, и реалистическое простое искусство будет жить всегда. Плачущий ребенок, влюбленная девушка, самоотверженный герой – понятны каждому и воздействуют на чувства каждого. Картины природы, погони и сражения, свадьбы и похороны – воздействуют на чувства и рождают мысли без всякого дополнительного «художественного оформления».

Когда воспринимающий говорит: «Ни черта не понимаю», – это означает, что он не может без усилий раскодировать произведение искусства и перевести его в своем сознании (подсознании) в формы жизни. Что это значит? Что художник имел в виду? Как это, собственно, должно на меня воздействовать? – никак, зараза, не воздействует, только раздражает.

Реалистическая живопись – для всех. Боевики – для всех. Но человек, знающий жизнь и вовсе не знающий искусства, более всего ценит романтизм и сентиментализм. Жизнь в формах жизни плюс острые проявления чувств в очень простых и общепонятных формах. Индийское мелодраматическое кино.

Массовое искусство я бы назвал автономным искусством.

Массовое искусство создает так, как если бы до него ничего не было. Оно не оглядывается на достижения искусства вообще и не соотносится с ними. Оно соотносится только с жизнью, всегда, из раза в раз.

Не путать с натурализмом. Простому человеку неинтересно и малопотребно получать точное отображение его жизни – он ее и так нахлебался. Ему хочется еще – интересно, красиво и душещипательно: смех – это смех, слезы – это слезы, злодей – это злодей – все элементы произведения абсолютно жизнеподобны, просто пропорции изменены, краски контрастны, страсти обнажены. Хорошему сочувствуешь, злодея ненавидишь, с несчастным плачешь, за несправедливо обиженного переживаешь.

Коэффициент условности массового искусства очень мал, близок к единице. Условность легко расшифровывается из форм жизни, никакой дополнительной подготовки не требуется. Это как раз тот уровень условности, который воспринимающему требуется – такая концентрация жизненных явлений, которая дает повышенное чувственное восприятие и одновременно сигнализирует ему об условности искусства.

Примитив? Примитив. Но смеяться не надо. Обыватель плачет над массовым искусством пронзительней и слаще, чем эстет – над высоким.

Искусство – производная от жизни. Изображение жизни в формах жизни все равно остается тем базовым уровнем, той линией отсчета, от которой пляшет любое искусство. Массовое искусство всегда пляшет от того места, где остановилось в последний раз. Проекция массового искусства на жизнь – проста и легка в восприятии, одноступенчата, непосредственна. Проекция высокого искусства на жизнь – в восприятии сложна, ступенчата, опосредована, ассоциативна. Суть-то одна.

38. Невозможно не упомянуть еще об одной особенности, которая роднит дилетантов-воспринимателей и дилетантов-начинающих-художников. Даже странно, что об этом не говорилось раньше.

Восприниматель особенно любит произведения о том, что происходит не здесь – в высших кругах, в экзотических странах, в старые времена. Это подчеркивает для него условность искусства, очищает страсти и коллизии от бытовщины и позволяет переживать острее, смиряет с неправдоподобием концентратов проявлений чувств: мол, это же не жизнь, а искусство. Это понятная ему система условностей – не здесь, не сейчас, – где раздолье приключениям сильных чувств: ну, немножко сказка, но все как в жизни, люди-то с их отношениями и чувствами те же самые.

Начинающий художник обожает забавлять что-нибудь про далекую страну или далекое время. Не знает про это ни хрена. Чем меньше знает – тем охотнее пихает туда своих героев. Инстинктивно он ощущает, что как бы в этом больше искусства. И он прав! Почему?

Потому что он не владеет ремеслом. Он понимает, что искусство условно, но как выражается эта условность – еще не знает, не умеет. Просто описать свою жизнь – не искусство, это он понимает. Должно быть еще что-то, что усиливает общее впечатление, – это он чувствует. И в качестве условности искусства – пихает экзотику. Она оправдывает неестественные отношения и неестественные речи, она позволяет любую сочиненную модель посадить на какой-то жизненный материал – потому что на знакомом, своем, реальном материале модель будет дико наивная, неправдоподобная, глупая. А ему надо – чтоб правдоподобно – но не так, как есть в жизни вокруг, а как-то еще, как-то иначе, сильно, сочиненно, страстно, красиво.

И возникает энергетическое поле между окружающей жизнью – и изображенной им экзотикой. Он изобразил жизнь не в формах жизни, он трансформировал исходный материал (ну, повесть о любви) через себя, он совершил созидательный, энергетический, акт, – простейшим доступным способом.

Это интереснее (для него)! А что значит «интересно»? А хочется узнать. Что хочется узнать? То, чего не знаешь. А неведомое всегда кажется значительнее – в неведомом нет предела ожидаемому, можно ждать чего угодно с любой стороны, за любым мелким движением возможна лавина, любой камушек – знак горы в тумане. Все движения чувств кажутся огромны, как тень альпиниста на облаке. Бытовуха не сковывает, не ограничивает гомерических проявлений страстей: зарабатывать деньги на жизнь не обязательно, кушать не обязательно, какать не обязательно, – экзотика уже сама задает систему условностей, у начинающего художника развязаны руки, опускай что хочешь и выпячивай что хочешь.

Экзотика начинающего – это эскиз величественного храма, подобающего проявлениям великих чувств. Величие храма свидетельствует о величии чувств. Так свита играет короля. Ибо оставаться королем в рубище и одинокому – удел подлинно великих. И давать великие чувства в обыденной обстановке – по плечу только мастерам.

Сам перенос действия в «не здесь и не сейчас» – это уже созидательный акт. Результат чаще всего – дерьмо полное. Но принцип движения правильный – взлом и преобразование реальности, создание того, чего еще нет.

Любовь соседа не возбуждает – серый плебей, даже если повесится от своей любви. Любовь принца – о, невообразимая огромность последствий этой любви и небывалость ситуации дают на уровне реалий, которые можно пощупать, всю огромность чувств: т. е. внутренний мир проявляется через внешний ряд, а внешний ряд тут ослепителен.

Через внешний ряд стремится начинающий художник решить свою задачу – выразить силу чувств и коллизий. Вот и экзотика.

У воспринимаателя же экзотика уже сама по себе повышает интерес, увеличивает возбуждение чувств от восприятия, и в этом возбуждении, в неизвестном ему полусказочном пространстве действия, все происходящее там воспринимается острее, как под увеличительным стеклом.

Перенос соседской страсти на принца экзотической страны – это перенос страсти под увеличительное стекло. Увеличение внимания, интереса, значительности каждого проявления чувств.

39. Заодно уж. Невозможно удержаться.

На кой черт начинающий художник трепетно несет творение на чужой суд – начиная с друзей и даже случайных знакомых? Он еще не признан – но он абсолютно уверен в себе, убежден в высоком качестве своего творения. И одновременно неуверен – в чем? Он знает, что гения поначалу хулят, не признают, и уж тем более плевать ему на мнение знакомых, которых он считает заведомо некомпетентными в его искусстве. Он плюет на их отрицательное мнение, но положительного жаждет.

У него заклинивает мозги! Он показывает свой опус случайной дуре – и раздражается, что она не понимает. При этом сознавая, что если б вдруг поняла – значит, он написал дурь на ее уровне.

Во-первых, он пустился в море искусства, пока еще неведомое и безбрежное для него. Он уверен в своем курсе, но хотел бы знать, где такие берега. Нет, он и в берегах уверен, но все-таки их пока не видел, не щупал. И в этой жажде соотносить свою внутреннюю ориентацию (верную! верную!) с внешней (я вписался в море искусства!) – он хватается за любую твердь, камень, щепку, кашку: как там у нас с берегами? близятся? Он так жаждет подтверждения своим представлениям о собственном творчестве, что перестает соображать. Согласен на любое одобрение и понимание. Согласия жаждет!

А во-вторых – и это интереснее, это глубже! – он жаждет влиять на мир. Ему не терпится пустить свои произведения в самостоятельную жизнь – чтоб они стали частью мира, входили в мир других людей, изменяли как-то этот мир, вызывали мысли и чувства. Искусство – это его способ влиять на мир и переделывать его, эта жажда переделки мира инстинктивна и часто затемняет разум.

Субъективно – только он один знает, что он сделал, это хорошо и правильно сделано, только он сам себе судья. Но еще ему нужно, чтобы его произведение оказало на мир как можно большее воздействие – чтоб субъективная ценность стала объективной, общей для человечества. И пока признание не пришло – он жадно хватается за любой контактный проводничок человечества: ну как? уже действует? Я уже начал изменять мир?

Неуверенность самоуверенного начинающего художника – это просто оголтелая, нетерпеливая жажда переделки мира своим творчеством. Я уверен, что создал шедевр, я уверен, что он будет признан, – но когда же? когда? скорей, скорей, вы что, не видите, как это хорошо, включайте же это скорее в ваш общий мир жизни и искусства!

Жажда признания – сродни жажде власти и вообще жажде самоутверждения в любой форме: ты не можешь понять моего гения, ты слишком примитивен для этого – но я значителен, значителен, признай же это, признай, дубина, идиот, сволочь! я талантлив, умен, творю великие вещи – признавай, что я таков, и вали прочь со своей тупостью.

Неуверен самоуверенный начинающий художник только в одном – насколько быстро и верно он заставит тупой, в сущности, мир признать его значительность. Так у красавца-супермена, оголодавшего в заключении по бабам, от избытка вождления может заклинить мозги и он сдуру, не в силах справиться с собой, начнет насиловать первую прохожую уродину – до красавиц еще дойти надо, а от потребности аж челюсть сводит.

Это не неуверенность. Это неразрешенность желания, требующего самой скорой и прямой реализации.

Жажда признания означает: я жажду влиять на мир. То есть: делать в мире то, чего без меня не было бы. То есть: переделывать существующее в мире положение вещей, изменять мир.

Так что разговоры о жрецах чистого искусства, удалившихся в башню из слоновой кости и отрешившихся от мира – не более чем мелкость ума, не умеющего копнуть поглубже. Самим фактом обнародования своего произведения хотя бы перед одним человеком, пусть другом и единомышленником, – ты уже влияешь на мир. Ты уже делаешь его чуть-чуть не таким, каким он был до тебя. Хотя бы на уровне сознания одного человека. А уровень сознания одного человека – это тот базовый уровень, с которого начинаются все свершения человечества.

Искусство влияет на мир уже по самой своей сути. Каким именно образом – это следующий разговор. Это не экскаватором землю копать, здесь зависимость сложнее. Влияние идет на ощущения людей. А уж эти ощущения могут вылиться во что угодно. Очаг возбуждения может перекинуться на соседний участок мозга и вызвать научное озарение. Могут дать лишний микротолчок к убийству врага. Но в любом случае работа на обогащение внутреннего мира людей – лежит в общем русле активизации субъективной жизни, – которая связана с объективной и реализуется в ней.

40. В п. п. 36–37 мы говорили об изображении жизни в формах жизни, которое всегда служит базовым уровнем при восприятии и оценке искусства: так или иначе мы соотносим искусство с жизнью. Второй половинкой «оценочных ножниц» восприятия искусства, вторым базовым уровнем – служит уровень достигнутого в искусстве на момент создания нового произведения. Здесь дело обстоит так:

Любое искусство – это постискусство. Это не относится к двум случаям: к массовому искусству – и к искусству, которое еще не достигло уровня изображения жизни в формах жизни, т. е. к ранним этапам развития и становления, где отличие форм изображения от форм жизни определяется просто неумелостью, невозможностью достичь.

Художник, первый сумевший написать пейзаж с фотографической точностью и подробностью, был гений. После того, как этот уровень был достигнут – он потерял смысл как произведение искусства: нет ничего нового, индивидуального, своего, – созидательный акт как новый шаг в искусстве отсутствует.

И вот Тернер дал свои размытые пейзажи. Несведущий в искусстве зритель считает: мазня, ничего не понять, то ли дело натуралист. Сведущий в восторге: как увидено, как изображено, какая гамма красок, какое настроение!

Коэффициент условности увеличен, степень трансформации мира через художника увеличена, сложность формы увеличена – в том плане, что это уже следующая, над-натуралистическая форма изображения, и для ее раскодировки и восприятия требуются дополнительные усилия (усилия могут субъективно не ощущаться воспринимателем, но его мозг, центральная нервная система, молниеносно, подсознательно, соотносят картину с ее натуральным прообразом – и созидательный шаг, совершенный над этим прообразом, рождает чувство удовольствия и восхищения – во как залудил, ну дает, блеск!).

Здесь можно трансформировать детальность цветовой гаммы: импрессионизм. Прообраз недалек, условность изображения легко и ясно соотносится с натурой, гамма комфортна, восприятие нетрудно. А можно идти дальше, увеличивать коэффициент условности (разнообраз-

ные «-измы»: футуризм, экспрессионизм и т. д.). О'кей: сначала удивлялись, потом смеялись, ругались, привыкали, признавали, возносили, – обычный ход. Но – но – работать дальше в этом ключе уже не имеет смысла для художника: эпигонство, подражание, старье.

Всю послереалистическую живопись можно назвать постреализмом, а можно – над-реализмом. Она отрицает реализм, постоянно имея его в виду. Преобразование натуры – все дальше, круче, изощреннее, сложнее. Для понимающих – эстетическая нагрузка все больше, созидательная роль художника все больше: это тебе не фото!

Или в литературе. Первый, кто написал: «кипящие негодованием глаза» – был великий стилист. Создание тропа, метафора, перенос значения с одного на другое – сколько смелости, выразительности, таланта в этих «кипящих негодованием»! Проходит время, прием делается общим, расхожим, банальным, штампом. Применять его уже смешно и неприлично – это означает расписаться в собственной банальности, подражательности, неумении создать новое. Да и стиль этот надоедает и перестает производить впечатление на образованного читателя. Замыл ил и.

Так. А стиль у нас аккурат достиг предела изящества и изощренности. Юмор, метафоричность, сложноступенчатые обороты речи, кружева и арабески. Еще чуток – и уже будет неясно, о чем речь. Скажем, наиболее стилистически нагруженные места у Диккенса, или Гюго, или Набокова.

И что дальше? И дальше начинается «нео-примитивизм». Короткая фраза! К черту финтифлюшки! Ясно, скупое, точно, честно. И это производит сильнейшее впечатление: мы-то привыкли слова накручивать красивые, а вот оно как все без прикрас, обнаженно, по-человечески. Флобер. Хемингуэй. За счет чего возникает колоссальный подтекст? За счет раскодировки текста, естественно. Пресловутая вершина айсберга. А откуда же взялась подводная часть, семь восьмых, которая подразумевается? А это все те достижения литературы и наработанные средства, которые нам известны и сидят в мозгу. А у кого в мозгу ничего не сидит – тем подавай страсти роковые из жизни герцогов и графов, хрен ли в Хемингуэе или Чехове, скука, примитивное описание нехитрых вещей.

40-А. Но вот какая происходит вещь. После прохода искусством «верхнего формального уровня» – реализма в живописи Ренессанса, романтизма и реализма в литературе XIX века – форма развивается двояким, противоречивым образом. Внутренне она усложняется: все больше художник трансформирует действительность, все больше за ней подразумевается, все ветвистее система раскодировки, все дальше от натурализма и банального романтического штампа, все большую роль играет созидательный акт художника и воспринимающего.

А внешне она упрощается. «Черный квадрат» может нарисовать дошкольник из специнтерната для дефективных. Вне предшествующей истории живописи знаменитый Малевич ценности не имеет. Пикассо был блестящий рисовальщик, но «Авиньонских красавиц» намалует и первоклассник, орудуя хвостом дрессированной обезьяны.

Аналогично «новый роман» в литературе и вообще разнообразные виды скупости и примитивности форм. Где сюжет, где герой, где действие... все держится на подразумевании и отрицании натурализма.

То есть. Самостоятельной ценности пост-искусство не имеет. Оно имеет смысл лишь в соотношении с искусством «вообще» и с имеющимся на сегодня уровнем достижений в частности. Это, так сказать, всегда еще одна вольная надстройка на базисе. Хитрофокусная линза на теле искусства. Еще одно кривое зеркало в комнате смеха.

И характерно, что многие «современные» художники не умеют нарисовать реалистический портрет или лошадку, а «современные» писатели – сочинить детектив или создать образ. А зачем? – если это «несовременно» и искусству сегодня как бы и не нужно...

Таким образом формальная разница между искусством и белибердой стирается. Смысловая же разница условна и произвольна – художник «договаривается» с воспринимающим

насчет этой разницы. Мол, мы же оба понимаем, что за этим стоит, что этим отрицается, от какой печки здесь танцевалось. Всем спасибо.

Искусство делается воображаемым. Если без уведомления невозможно различить, Пикассо это нарисовал или пьяный Вася – искусством это является только в воспаленном и изощренном воображении воспринимающего. Гениальное платье голого короля.

Именованную эту хренотень постискусством – все равно что именовать дерьмо пост-едой. Пуркуа па?

То, что формально может сделать каждый, – это не искусство. Суть искусства в том, что художник являет произведение, которое смог создать только он, это его сугубо индивидуальный и отличающийся от всех прочих вклад в мир, делающий этот мир на одну микрогрань богаче и разнообразнее. «Постискусство» – это борьба за воображение воспринимающего чужими средствами, тем, что сделано не тобой.

Хау. Я сказал.

40-Б. А где грань? На сколько отходить от натурализма можно, а на сколько уже нельзя? а судьба кто?

Критерий первый. Нужно быть хорошим профессионалом, чтобы это смочь повторить. Качество формы.

Критерий второй. Наличие в произведении реалистического или сугубо традиционного – т. е. исконного, безусловного, элемента, который воспринимается «напрямую» без всяких условностей эстетической раскодировки и позволяет напрямую же соотносить произведение с формами жизни или с непосредственными, «внеискусственными» ощущениями. (Ритм в музыке. Значимый предмет в живописи. Образ, или сюжет, или система внутренне целесообразных действий в прозе. Это к примеру.) Точка привязки к жизни в самой форме произведения.

Критерий третий. Способность произведения к автономной жизни при отключении его от контекста искусства. Значимость его самого по себе. Как если бы до него и кроме него ничего не было – а оно все равно воспринимается и имеет смысл.

А вот все вот это уже подключается к созидательному индивидуальному акту художника и созидательному акту в искусстве вообще.

Очень хочется приводить кучу примеров, но это уже тянет вылиться в серию монографий по искусствоведению, где будет масса реальных и мало оригинальных мыслей; приходится иметь дело с концентратом. Дали – да, Брак – нет. «Отверженные» – да, трилогия Фолкнера – нет. Высоцкий – да, поздний Бродский – нет. В таком духе.

41. Поэтому невозможно относиться всерьез к римейкам. Они могут быть милы, остроумны, содержательны – но это карлики на плечах гигантов, протуберанцы от солнца оригинала. Они эксплуатируют чужие образы, питаются чужим миром, базируются на чужом мировосприятии. Это разовые поделки на потребу сегодняшнего дня, вариации импровизатора на темы классической музыки. Они вторичны по сути – всегда проигрывая оригиналу по мощи; новое слово отсутствует, мировое пространство искусства ничем не обогащено.

Созидательный акт художника весьма скромный. Это тоже пост-искусство. Развлечение, пародия, ремесленничество, вроде написания комического сценария по роману «Три мушкетера».

Когда Шекспир раскручивал сюжеты Матео Бранделло – это не римейки, здесь в результате произведение безмерно превосходило скромный и не шибко уж знаменитый оригинал.

А живопись на христианские темы? «Возвращение блудного сына» – это не римейк? Нет. Христианство создавалось сказателями и записывателями, а не живописцами. Тогда можно ли назвать римейком «Иосифа и его братьев» Манна? Гм. Объем, конечно, не сопоставим, герр Томас забабал роман объемом под всю Библию. Но дело в том, что христианство – это ведь не искусство, а религия и история. Рембрандт плясал не от другого художника – а от религии и

истории. От вечных тем и образов, существующих вне сферы искусства, т. е. самостоятельных. Сотый роман о Наполеоне – это не римейк, это историческая литература.

42. Поэтому невозможно всерьез относиться к критике. Каковая, собственно, никогда и не причислялась к искусству, но всегда хотела играть в нем роль третейского судьи и тем стоять над искусством.

В критике мы имеем полное отсутствие самостоятельного созидательного акта, полную вторичность по отношению к искусству, полное отсутствие культурной автономии. Среднее между лианой и зеркалом.

Но как вспомогательный эшелон искусства критика – сила немалая и значимая. Она способна влиять на со-созидательный акт воспринимателя. Тем самым в воображении воспринимателя она может включить произведение в пространство искусства (способствовать – противоборствовать), а может и не включить. Самостоятельных воспринимателей мало, а генеральные русла течения искусства как процесса существуют: на берегах сидят критики и подкапывают либо укрепляют берега. Корректируют. Мощный поток всегда пробьется, но водички отсосать из него либо поплевать-пописать всегда можно, а большинству воспринимателей это безразлично.

Большинство-то людей – конформисты, и убедить их можно в чем угодно. Тем более там, где очень трудно с объективными критериями, как мы выше выяснили – причем в таком виде впервые.

Кто такой критик? – Профессиональный пониматель.

От чего зависит понимание? – От ума, однако, и образования, т. е. профессиональной сведущности в предмете.

Что такое ум? Смотри в прочих местах книги, однако, согласно оглавлению. Ум – это оформление избыточной нервной энергии человека. Умный – это так или иначе, но изначально высокоэнергичный, высокосозидательный. И кто ж энергичный и созидательный пойдет в критики? Кто ж предпочтет созданию своего – критику чужого? И богачей среди критиков нет, и знаменитостей. Строго говоря, профессиональный критик – это почти аутсайдер, не тянущий более значительной работы.

Но. Но. Первое. Критика – это власть. Власть над людьми – хоть маленькая: над их мнениями по частным вопросам. Критик значителен тем, что по своему усмотрению может оперировать большими величинами – чужими произведениями и мыслями масс. В своих действиях он оперирует совокупностями действий многих людей. Не то чтобы он машинист паровоза, паровоз и без него едет, но он при паровозе: звонит, протирает, объявляет, причастен к большому делу и даже норовит указывать остановки, либо угадывая их, либо определяя по приметам – подъем пути, замедление хода, – либо же споря с машинистом (художником).

Даже хвалить или порицать очевидно сильные или слабые произведения – это как в серфинге мчаться на доске, несомой скатом волны – используешь энергию волны и ее скорость, являя при этом себя, умеешь только удержаться. А искусство – не девятый вал, всегда можно перестроиться.

И второе. Вот мчит волна, но удержаться на ней невозможно. Или доска у тебя неподходящая. Или волна слишком велика, не видно тебя будет. Серфингист выбирает такую волну, чтоб выжать с нее максимум для своего катания – лихости, красоты и длительности полета, эффектности. Себя и свое дело показать посредством оседлания этой волны.

Точно так критик выбирает для своей критики такое произведение, где может явить максимум своего умения: блеска ума, стиля, анализа, эрудиции. Ведь хорошим критиком считают не того, кто понимает глубоко и точно – а того, кто судит оригинально и излагает блестяще.

Критика – это как бы искусство второго рода, производная от искусства; и истинная, глубинная, первичная задача критика – та же, в сущности, что у любого человека: реализовать все свои возможности и утвердить себя через свое дело. Поэтому произведение искусства для

критика – тот исходный материал, та площадка, на которой он ставит собственное здание. Короче, критику несравненно важнее то, что он пишет, чем то, о чем он пишет.

Поэтому художники жалуются, столь же справедливо, сколь и наивно, что критики их не понимают. Но критик заинтересован в понимании произведения ровно настолько, насколько это способствует созданию эффектной критики и позволяет самореализоваться.

43. Один из бесспорных критериев искусства – насколько созданное им становится фактом общественного сознания, не менее значимым, чем реальные исторические факты; часто и более.

Робин Гуд для нас не менее реален, чем Ричард Львиное Сердце, и более реален, чем принц Джон. Шерлок Холмс едва ли не более реален сегодня, чем королева Виктория.

Интересная штука. Книга может быть написана плохо, а может – очень плохо. Сюжет вял, язык банален, мысли убоги, никаким к черту искусством не пахнет. Но образ, центральный образ ее, созданный слабым литератором – иногда отделяется от текста и начинает жить самостоятельной жизнью. Тарзан! Боже, детское массовое чтиво, приличного читателя тошнит, тьфу. А образ живет. Джеймс Бонд – какая ерунда. А стало уже именем нарицательным.

Создавая скромными средствами образ, художник создает то, чего раньше в мире не было. А вот воплощение и совокупность таких-то качеств, такую-то судьбу, такую-то модель взаимоотношений с миром: Робинзон, Гулливер, Дон-Кихот. Созидательный акт.

Здесь трансформация мира дается не через форму искусства – здесь трансформация через содержание. Художник изображает жизнь в формах жизни – вот только изображенной им жизни раньше не было или вообще быть не может. Придумал, сочинил, намечтал, вообразил.

Простейшая, а'ля «дневниковая запись» форма – лишь усиливает правдоподобие образа и ситуации, работая на общую задачу: максимально усилить воздействие на воспринимающего, вызывая у него доверие и ничем не отвлекая от сути, от содержания. Эстетический элемент – растворен, невидим: как бы к черту условности, к черту закодирование и раскодировку, я вам правду говорю!

(Ромео и Джульетта тоже вошли в сознание масс и зажили отдельной жизнью – но здесь история другая: высочайшее литературное искусство формы превратило вещь банальнейшую и общеизвестную – любовь – в символ, знак. Без искусства формы это осталось бы скромной историей, трогательной, но все-таки заурядной – ну, двойное самоубийство из-за препятствий в любви, ну нередкое же дело в общем, уж уголовная хроника это знает. А вот Робинзон – это нечто совершенно новое, ну не гуляло по свету таких историй до Дефо, и перепутать ни с чем невозможно: тираж коллизии – одна штука.)

Насчет «Ромео и Джульетты» сомнений в роли формы не возникает: гений пера работал. А Жюль-Верн был почти графоман: взрослые его не перечитывают – и потому не встает вопрос о том, как чудовищно плохо, беспомощно, банально и неумело писал великий француз. Но повороты его лучших романов потрясали и врезались в память навсегда: из пушки на Луну, двадцать тысяч лье под водой и так далее. Писал плохо – придумывал хорошо, и умел донести до читателя свою придумку.

Это тот редкий случай, когда важно не «как», а «что». Художник созидает новое не через новизну формы – а через новизну содержания. А это крайне мало кому в истории удавалось. Он может плохо владеть ремеслом – зато очень хорошо владеет мыслью и чувством. Искусство здесь творится не на уровне формы, а на уровне базовом, исходном. Почти никто не мог серенькими средствами сказать то, что у него за душой, – и чтоб это было ново, ценно, интересно.

44. В чем отличие условного романа о д'Артаньяне от совершенно аналогичного романа о Наполеоне? Для читателя – ни в чем. Дашь содержание, приключения, страсти, великие свершения, значительные события. Хороший исторический роман – прекрасен и интересен,

в нем масса жизни, судьба гигантов. Громадность жизни Наполеона искупает неблестящность излагателя.

Точно так же ни-на-что-не-похожесть Робинзона искупает внешнюю скромность изложения. Расскажите нам об этой удивительной жизни, об этом удивительном человеке! и хрен с ними, красками и метафорами, вы суть расскажите: какой он был и что делал.

Так что почтенный доктор сэра Артура Конан-Дойля было здорово неправ, когда несколько даже презирал своего мистера Холмса за банальность литературных средств и неглубокость жизненного содержания. Не Диккенс, понимаешь... Как нередко случается, художник нашел не там, где копал особенно старательно. Он создал то, чего до него не было. А свершения выше в искусстве нет. Это максимальный созидательный акт. Мы получили дверь в новый мир, где иногда живем, играем, переживаем, чувствуем. А что дверь незатейлива и плохо покрашена – не так важно.

45. Искусство – это намеренное, условными средствами, воздействие на наши чувства и мысли, в результате чего мы вне каких бы то ни было собственных действий, лишь воспринимая произведение, испытываем разнообразные ощущения, преимущественно положительные, получаем толчок к прямым и ассоциативным мыслям, и даже живем воображаемой жизнью в воображаемом пространстве. Это дополнительные и воображаемые события нашей жизни как источник дополнительных ощущений и дополнительного познания жизни в разных ее проявлениях.

Искусство отвечает базовой потребности человека: пережить больше! увидеть больше, узнать больше! наощущать больше!

В основе искусства лежит, таким образом, инстинкт жизни. Базовым обоснованием искусства является избыточная нервная энергетика человека: всегда хотеть еще, познавать еще, ощущать еще, – искусство позволяет вместить в индивидуальную жизнь массу ощущений и представлений о самых разных аспектах жизни, местах и временах, людях и коллизиях, в краткое время и в концентрированной форме.

Искусство – это информативный концентрат жизни, позволяющий в одну объективную индивидуальную жизнь вместить много субъективных, эмоционально и информативно насыщенных, качественно отличающихся от реальной объективности.

46. Понять это – значит одновременно понять, что искусство принципиально не может погибнуть, и разговоры об его гибели – не более чем обывательская болтовня умственно заурядных людей, кормящихся вокруг искусства. Периоды упадка формы, периоды вообще снижения энергетики этносов и сама гибель этносов – дело обычное; это частности.

Потребность человека в искусстве – это потребность в сверх-обязательных ощущениях и сверх-обязательных действиях, т. е. потребность в реализации избыточной энергетики.

47. Имеет ли искусство объективную необходимость и объективную ценность? – т. е. если суть человека, утверждаем и понимаем мы, – энергопреобразование Земли и Вселенной, то работает ли как-то искусство на эту генеральную задачу – или это побочный эффект существования человечества, глядя как бы с точки зрения преобразуемой нами Вселенной?

Искусство в своих развитых формах – ценность субъективная и самодостаточная, на Главную задачу не работает, и в основном существует как игра и наркотик, производится и потребляется самим человеком «просто для своего удовольствия». Двигать историю, цивилизацию, энергопреобразование можно и без него.

Искусство правильнее всего считать духовным метаболитом человечества. Вроде бы само по себе и не нужно, но вот в результате всех жизненных процессов неизбежно образуется.

Жить через реальные действия, реальный передел мира – объективно плодотворнее, чем производить или потреблять условное искусство.

Но потребность человека в переделке мира – неизбежно на начальных этапах реализуется в мечтании, воображаемых действиях, накоплении и акцентированной передаче информации,

т. е. в начальных, исходных формах искусства: легенды, воображаемые путешествия и приспособления для удовлетворения желаний, сказочные счастливые государства и т. д. Стремление к положительным ощущениям через эстетику – развитие архитектуры, прикладной живописи и т. п. – стимулирует развитие технологий и прогресс науки. Искусство подстегнуто к прогрессу.

Шедевры низачем не нужны. Но тот самый избыток энергии и стремление к максимальным ощущениям, которые составляют суть человека и двигают прогресс, заставляют человека продолжать заниматься тем, чем он уже занялся, и добиваться в этом совершенства, все более полного, предельного, невысказанного, бесконечного.

Искусство – это не боковой довесок к энергопреобразовательному прогрессу, который в принципе можно бы и сбросить, хрен ли нам лишние нагрузки, – это живой, функционирующий орган человечества, деятельность которого проистекает из устройства человека, и если предположить в «чистом опыте» его ампутацию – одновременно окажутся урезанными воображение, игра, красота, и вообще потребность в сверхизбыточных ощущениях, а тем самым – в сверх-избыточных действиях, т. е. – пошли назад на деревья, макаки бесхвостые.

Потребность в искусстве проистекает из субъективных надобностей человечества – но именно и только из субъективных надобностей человечество и работает на объективную задачу. Субъективные же надобности человечества коррекции не поддаются, ибо коренятся в его сути. Расходы на искусство той части энергии человечества, которая могла бы «впрямую» идти на энергопреобразование мира – надо списать на КПД машины, которая без этого, на первый взгляд не обязательного «бокового» расхода энергии – работать на самом деле не может. Ибо если человечество не будет получать удовлетворение, получать ощущения всеми способами, до которых оно может додуматься – оно ни хрена преобразовывать не будет. Ибо оно только и переделывает Вселенную не потому, что такое сильно сознательное и долг свой понимает, а потому, что желает получать всякие ощущения и для того совершать всякие действия – вот результат и вытанцовывается.

Объективное энергопреобразование Вселенной – это равнодействующая всех субъективных интересов и субъективных в личных интересах действий человечества.

Искусство есть одна из неотъемлемых субъективных составляющих этой объективной равнодействующей. Ибо людям, в сущности, плевать, что там будет со Вселенной – их интересуют их собственные, личные, ощущения, интересы, действия и условные ценности. А в этом ряду с искусством все в порядке. Доктор сказал – в морг не надо, будет жить.

На прощание

О тех, кто понимал

Шопенгауэр. В блистательной философии Шопенгауэра есть, пожалуй, только два слабых места. Зато принципиальных. Одна из слабостей отчасти проистекает из уровня научных представлений эпохи, и в этом повинен не может быть никто. Другая же коренится в особенностях его личности.

Шопенгауэр полагал, что мир этот в общем неизменен и никуда не движется. Мировая Воля не имеет замысла и цели, все сущее – хаотическая игра ее проявлений.

Примечательно, что задолго до опубликования и тем более до признания теории эволюции Дарвина Шопенгауэр принимал и учитывал эволюционную теорию Ламарка – но, учитывая ее как бы от нуля до современного человека, не сделал никаких попыток экстраполяции и связи человека в будущем со Вселенной вообще и с ее механизмом. Человек Шопенгауэра наличествует в мире как порождение и слепое орудие Мировой Воли, посредством какового орудия Мировая Воля не только являет себя – как и во всем сущем, – но и познает себя; и только. По Шопенгауэру (и в этом он следовал общей точке зрения) человек в мире, в сущности, «низачем не нужен»: что он есть, что его нет, э, ничто не меняется по большому счету.

Я полагаю, что показал достаточно ясно: у человека во Вселенной есть своя роль, имеющая принципиальное значение для существования Вселенной и не могущая быть выполнена никем-ничем другим.

Вторая принципиальная слабость философии великого и мощного Шопенгауэра – во врожденном преобладании в его центральной нервной системе рационального начала над витальным, чувственным. Поистине жить для него значило мыслить. Постоянно держа в мироотношении брэнность жизни человеческой и постоянство страданий, он не мог, бездумно и плюя на это, наслаждаться и радоваться любовью, природой, едой и питьем, мышечной радостью тела и красивой одеждой. Все знают, что смертны – это не мешает любить и жениться, души не чаять в детях и радоваться всем обычным малостям жизни. В мозгу Шопенгауэра был своего рода дефектик, благодаря которому примат мышления не позволял ему рефлексивно принимать радость бытия – в отличие, скажем, от здоровых ребят Платона и Аристотеля. Правда, этот самый дефектик и позволил ему создать свою философию.

Вернадский. Сила и значение Вернадского в том, что он впервые встроил человека в систему энергетики Земли и в связи с ближним Космосом. В сущности вся теория Вернадского сводится к доказательству одного простого тезиса: по мере развития жизни на Земле уровень миграции атомов в биосфере повышается, с появлением же человека разумного это повышение уровня выходит на качественно большую высоту: разум является геологическим фактором, с новой и небывалой скоростью преобразующим верхний слой планеты.

Слабости и недостатки Вернадского, как только всегда и бывает, являются обратными сторонами его достоинств.

Как истый ученый-естественник, крайне добросовестный и обстоятельный, он пляшет от родной геологии и минералогии, рассматривая эволюцию материи верхнего слоя Земли сугубо на естественнонаучном уровне. Он анализирует достоверные факты и выводит из них беспспорные заключения.

Философия и психология не входят в сферу его рассмотрения, «ибо их, строго говоря, нельзя отнести к наукам», и в этом он скорее прав, нежели неправ. Но из столь же логичного, сколь и полного пренебрежения человеком не только как геологической силой, но и личностью

с ее психологией и всеми комплексами, проистекает кардинальная ошибочность (правильнее сказать – наивная поверхностность) учения Вернадского о ноосфере.

Осознав свои возможности, человек должен проникнуться ответственностью, полагал Вернадский, и, координируя усилия человечества, творить дальше историю планеты «по уму», в желательном себе «правильном и благом» направлении, избегая катастроф и разумно применяя планету к своим нуждам.

Первое. Вернадский даже не пытался встроить человека в общую энергоэволюцию Вселенной (он и понятием таким не оперировал, и проблемами другими занимался, и вообще здесь слишком мало фактов для создания теории, которая по принятым в науке критериям может считаться подлинно научной теорией). Как подлинный ученый – он прав. Но если ты не знаешь, куда плывешь – тебе не понять суть механизма плавания, цель и средства связаны уж больно неразрывно.

Пожалуй что впервые мы встроили человека в общую материалистическую картину Вселенной.

Второе. Сам разум человеческий со всеми его законами и реакциями, вся психика человека с ее структурой – есть порождения и орудия Вселенной, созданные и функционирующие в полном соответствии с закономерностями ее энергоэволюции. То есть: разум делает не то, что полагает разумным, а лишь обслуживает то, чего психика хочет, ее же хотения коррекции практически не поддаются (так, в мелких частностях и не надолго только). И посредством своего разума человек всегда будет делать не то, что он думает, будто хочет, а то, что всегда делал: обслуживать и реализовывать свои страсти и хотения, которые сводятся к максимальным ощущениям и максимальным действиям, имеющим следствиями максимальное энергопреобразование мира.

Мы и заехали-то к картине мироздания не от геологии или астрономии, а от психологии, – выводы же естественных наук только подтвердили правильность нашего понимания психологии и соответствие ее всем прочим вещам и процессам Вселенной (это ли не лучшее подтверждение правильности понимания).

Отсутствие у Вернадского сколько-то серьезного отношения к психологии, что он полагал излишним и чуждым его задачам, и придает его учению о ноосфере и взглядам на будущее человечества вид благого пожелания из пятого сна Веры Павловны.

(Трудно удержаться от замечания: если бы удалось решить две старые проблемы – преодоление времени в обратном направлении и получение детей от гомосексуальных браков – то метис от Шопенгауэра и Вернадского мог бы дать миру совершенно уже потрясающую по гениальности теорию. Правда, тогда быть может мне, не имеющему чести кровного родства с двумя вышеупомянутыми, не пришлось бы писать именно эту самую книгу.)

Фоейд. В создании психоанализа Фрейд применил блистательную и остроумную дифференциацию: он выделил в психической структуре личности «инстинкт любви (жизни)» и «инстинкт смерти (разрушения)» – это как бы, условно говоря, по горизонтали, а по вертикали – «Сверх-Я», «Я» и «Оно». И при практическом применении в лечении психических больных это стало давать отличные результаты.

И все это было бы хорошо, если бы психоанализ – учение прикладное, рабочая теория психиатрии, – вдруг не превратился прямо-таки в философское учение. Каковым он отнюдь не задумывался и не создавался. Фрейда мало интересовало мироздание «вообще». Его интересовало, как же это скомпонованы и взаимодействуют эмоции и мысли в человеке, и как же надо действовать, чтоб больных психов сделать здоровыми.

Традиционный фрейдизм сегодня – это вчерашний день психоаналитиков, но основы структуры личности «по Фрейду» и сегодня многими, причем многими профессионалами, принимаются за чистую монету.

А теперь представьте себе автомобиль. Он может ехать вперед, назад, прямо, налево и направо. И представьте себе инструктора, который для простоты и доходчивости объясняет, что в основе движения автомобиля лежат два противоположных стремления движения двигателя – передний ход и задний ход. В нормальном состоянии автомобиль движется передним ходом, но задний всегда наготове, он как бы подавлен передним, но он есть, есть! И в некоторых ситуациях, когда вперед ехать неудобно или невозможно, задний ход берет верх над передним и тащит автомобиль казалось бы в противоестественном положении, задом наперед, назад и видно плохо, и сидеть задом наперед неудобно, и в колдобину можно заехать, зато можно и выбраться на дорогу, если передок засел или в стену уперся.

А также автомобиль в нормальном состоянии едет прямо, но если нужно сменить направление – передумал ехать прямо, или в кафе перекусить, или бензина залить, – автомобиль подключает ориентацию левого поворота, каковая ориентация всегда дремлет наготове. А также есть всегда «за гранью прямолинейного движения» стремление и способность к правому повороту.

А поскольку движение правостороннее, то левый и правый поворот имеют каждый свои особенности и свое назначение. И поскольку вообще по шоссе все ездят передом, то езда задним ходом имеет свои особенности и опасности, хотя логичность и известная полезность ее несомненны.

И при возникновении аварийной ситуации мы определяем, в каком из упомянутых режимов движения функционировал автомобиль, какие действия предпринимал к этому водитель, помогаем ему сменить передачу и выкрутить руль из опасного направления в безопасное – и отпускаем дальше, взяв гонорар и сделав доклад о победе в деле безаварийности движения.

Вот что такое психоанализ и «рабочая теория» структуры личности.

На деле понятно, что у автомобиля одна энергия – энергия сгорающего в цилиндрах бензина. (Гравитацию и инерцию сейчас не учитываем, чтоб не утяжелять сравнение.) А еще – коробка передач, распредвал, кардан и руль с тягами на переднюю ось; тормоза еще и колеса. И какие бы эволюции автомобиль ни выделял – движет его одна и та же энергия движка внутреннего сгорания, а все остальное – зависит лишь от того, куда и как эта энергия пущена. Система распределения энергии и управления энергией.

Точно так же в человеке есть только одна энергия – энергия жизни. И только один инстинкт – инстинкт жизни. А вот созидать или разрушать, начинать или умирать – зависит от того, куда эта энергия направляется. Ибо любое изменение действительности есть акт жизни.

Жизнь есть: ощущение – мысль – действие: изменение системы «я – мир». Действие может носить созидательный и разрушительный характер, это уже вторично, главное – что оно есть изменение, произведенное жизненной энергией особи. Энергия может быть направлена в любовь, в убийство, в творчество, в строительство дома – это суть одна и та же энергия.

Это невредно помнить и не принимать психоанализ за чистую монету философии.

Резюме

Эволюция Вселенной. По мере нарастания энтропии во Вселенной энергия «консервируется» во все более сложных материальных структурах. От однородного раскаленного газобразного облака элементарных частиц, вся энергия которого «налицо» и воплощена в тепле пространства и скорости частиц, – до планет с биосферой, где энергия «содержится» в сложных структурах. Чем сложнее структура, тем она более энергоемка. При определенных условиях сложная структура способна к распаду на элементарные частицы, что сопровождается выделением всей «законсервированной» в ней энергии, которая дотоле расходовалась и воплощалась в самом существовании сложной структуры.

Любое материальное сущее может рассматриваться как энергетическая система.

По мере существования нашей Вселенной, с расширением ее пространства и уменьшением энергии на единицу объема, – все больше энергии «консервируется» во все большем количестве все более сложных структур. Эта часть энергии «избегает» энтропии – по мере времени все большая часть энергии Вселенной может быть «вновь выделена», тем самым сохраняя способность к дальнейшим изменениям Вселенной.

(Часть энергии Вселенной, идущая на структурирование материи, может рассматриваться условно как КПД эволюционного процесса, где большая часть энергии энтропируется.)

Жизнь. Понятно, что по сути своей биологическая жизнь антиэнтропийна. Принципиальное отличие живых структур от неживых – в степени энергоемкости и уровне энергопреобразования среды.

Во-первых, живые структуры «консервируют» энергию космических излучений, которая без них подвергалась бы «бесплодной» энтропии, необратимому равномерному растворению в окружающем пространстве. Живые структуры «утягивают» часть этой энергии на существование и функционирование себя самих. Эта часть энергии избегает энтропии, которой не могла бы избежать никаким иным образом. А степень сложности живой структуры требует для создания и существования живого вещества гораздо больше энергии, чем вещества неживого. В живом куда больше и сложнее всего наворочено, живое дальше отстоит от хаоса.

Во-вторых, живые структуры самопроизвольно размножаются. Неотъемлемый аспект их существования – консервация все большего количества энергии, причем со скоростью качественно, на порядки, более высокой, чем консервация энергии неживыми структурами.

В-третьих, неотъемлемым аспектом существования живых структур является то, что они вовлекают в процесс своей жизни, т. е. энергопреобразования, все большее количество неживого окружающего вещества. Неживое вещество планеты, которое без связей с живым веществом может миллионы и миллиарды лет пребывать в неизменном состоянии – и, что главное, неспособно «вновь выделить» энергию, «законсервированную» в нем, – под воздействием живого вещества способно с высокой скоростью выделять эту энергию.

Жизнь «оплодотворяет» неживое вещество, взаимодействуя с ним. Энергия неживого вещества делается способной преобразовываться и выделяться.

Этот процесс идет по нарастающей – и, насколько его возможно наблюдать, фиксировать, осознавать, анализировать, – носит *необратимый характер*, являясь сутью эволюции Вселенной.

Человек. Человек отличается от всех прочих живых существ тем, что поднимает процесс энергопреобразования окружающей среды на качественно еще более высокий уровень. Энергию, содержащуюся в окружающем неживом веществе, человек преобразует, выделяет, «консервирует» в новые созданные им структуры с небывалой до него и невозможной без него скоростью.

Принципиальное отличие человека от прочих живых существ в том, что он преобразует и выделяет энергии окружающего вещества гораздо больше, на порядки больше, чем необходимо для его физического существования и размножения, – гораздо больше, чем вытекает из его физического существования и является следствием и неотъемлемым аспектом его физического существования.

Растение и животное преобразует, чтобы жить – ни больше и ни меньше; процесс преобразования окружающей среды «уравновешен» с потребностями его существования и есть само это существование. Человек преобразует окружающую среду все больше и больше – в «бессмысленных» с точки зрения и индивида, и рода, масштабах, причем сплошь и рядом во вред своему физическому существованию – как индивидуальному, так и родовому.

Но «с точки зрения эволюции Вселенной» человек – «идеальный» на сегодняшний день энергопреобразователь, способный выделять энергию из неживой материи – каковая энергия без его участия оставалась бы «бесполезной», не в силах преобразоваться и выделиться.

Часть энергии Вселенной, «законсервированной» в ее материи, способна преобразовываться и выделяться только посредством человека.

Наличие и функционирование человека увеличивает эволюционные возможности Вселенной.

Нет противопоказаний к тому, чтобы допустить и счесть, что:

во-первых, именно такова функция человека во Вселенной – что в конечном счете приведет к выделению человеком энергии, достаточной, чтобы уничтожить нашу «состарившуюся» Вселенную и одновременно тем самым создать в «первовзрыве» Новую Вселенную: именно это есть идеальное завершение необратимого процесса все большего преобразования человеком окружающей энергии;

во-вторых, именно с такой точки зрения делаются понятными и объяснимыми абсолютно все без исключения черты и особенности человеческой деятельности и человеческой личности – в совокупности психической структуры человека и всех действий человеческой истории.

При внимательном рассмотрении все говорит в пользу именно такой точки зрения, и более того, она представляется единственно верной и возможной.

Разум-1. С точки зрения физических процессов Вселенной разум есть «фактор икс», посредством которого наиболее сложная материальная микроструктура, затрачивая (потребляя и преобразуя для собственного физического существования и собственной физической деятельности) минимум энергии, изыскивает способы и средства для выделения максимума энергии из окружающего вещества. Малые затраты собственной энергии и огромные выделения энергии окружающего вещества несопоставимы по величине (и, пожалуй, на сегодня не знают аналогов во Вселенной).

Разум можно считать «запалом» энергии, «законсервированной» в материальных структурах Вселенной.

Разум-2. Но во всех своих действиях индивидуальный человек лично и сознательно никак не руководствуется «нуждами Вселенной», но лишь собственными желаниями и ощущениями. Если ему ничего не хочется, он ничего не будет делать. А если он ни от чего не будет получать положительных и отрицательных ощущений, он ничего не будет хотеть.

Мотив любого действия – желание, будь оно прямое или косвенное, хочет ли человек прямого результата желания или косвенного следствия этого желания. Человек стремится к действиям, которые дадут ему обретение желательных ощущений и избавление от нежелательных ощущений.

Но почти все человеческие желания являются избыточными, излишними сверх физически необходимого, условными, социальными: без ущерба для комфортного чисто физического существования от них можно было бы отказаться.

И здесь разум выполняет функцию связующего звена, трансформатора и трансмиссии, декодера, между ощущениями и действиями. Человек может ощущать счастье или горе от получения или неполучения награды, выигрыша или потери больших денег и т. п., то есть от условных, надуманных явлений, которые для его чисто физического благополучия необязательны или даже вредны, сокращают срок жизни и доставляют лишние отрицательные эмоции.

Осознавая окружающий мир, разум – дополнительно к прямым физическим (рефлекторным) ощущениям, которые получает человек – преобразует внешние явления в мысли о них, каковые мысли служат для человека источником положительных или отрицательных ощущений. Для животного эти явления – деньги, награды, должности, – не имели бы никакого значения и не могут служить поводом к ощущениям и действиям. Человек же, преобразуя в мысленное восприятие разные условные величины, эмоционально переживает то, что является лишь мысленными образами разных аспектов мира.

Ему доставляет ощущения то, о чем он думает. И жизнь его человеческая есть то, что он о ней думает. Чего не знает – о том не думает, того не переживает, к тому не стремится.

Разум есть «устройство» для получения положительных и отрицательных ощущений из чего угодно: вплоть до несправедливости жизни и неизбежности смерти. Эти осознания доставляют ощущения, а ощущения подвигают к действиям – скажем, бороться за справедливость, развивать медицину для продления жизни и создавать мощные церковные структуры для преодоления смерти через учение о загробной жизни.

Разум, осознавая всевозможные явления, передает их в сферу ощущений как поводы и причины для ощущений, – и тем самым создает чувственное отношение ко всему на свете и чувственную мотивацию к совершению любых действий.

Разум-3. Сытое здоровое животное в тепле и сухе – отдыхает: спит, играет, созерцает, и не предпринимает ни малейших действий к изменению своей жизни и окружающей среды. Ему и так хорошо, оно удовлетворено, все в порядке.

Сытый здоровый человек в тепле и сухе так или иначе задумывается о разных разностях. Хоть один из ста, хоть раз в десять лет. Он разумнее животного: любопытнее, изобретательнее, он наделен большей способностью понимать – т. е. делать из явления вывод, улавливать причинно-следственную связь и пытаться как-то применить ее на практике.

В разных с животным комфортных условиях человек, благодаря своему думанью и пониманию, делает больше, чем животное, хотя это может не быть вызвано никакой конкретной физической необходимостью.

В человеке энергии больше, чем потребно для простого физического выживания. И эта энергия проявляет себя через разум. Разум есть оформление избыточной энергии центральной нервной системы. Вот все хорошо, вот можно ничего не делать, – так нет, этот волосатый человек о чем-то думает, потом в нем рождается какое-то желание – и вместо того, чтоб играя кататься по траве с соседом, как делают животные, он смотрит на мышь, плывущую на ветке, оседлывает плавающее бревно, и так получается плот, скажем.

Понимание есть первый и необходимый шаг к совершению осознанных, очеловеченных, избыточных сверх необходимого физически, действий.

Разум есть аспект, воплощение, оформление, избыточной энергии центральной нервной системы человека.

А если ребенок-маугли будет воспитан волками – вместо разума этот излишек энергии пойдет на приспособление и выживание в нечеловечески трудных, буквально физически невозможных для обычного человека условиях: сырое мясо зубами рвать и переваривать, собственным теплом ночью на земле согреваться, на четвереньках быстро скакать, а разума уже не будет: закончилось первичное созревание особи, завершился период психического формирования нервной энергии, поезд ушел.

Стремление к счастью и стремление к страданию. Все сколько-то неглупые люди давно знают, что и счастье, и страдание заключены не в каких-то внешних благах и потерях, а коренятся внутри человека, это его состояния.

И однако никакого практического вывода люди из этого не делают. Отдельные мудрецы-отшельники, монахи и философы-голодранцы – лишь вечные исключения, подтверждающие общее правило.

Суть в том, что и счастье, и страдание являются стимулами к действию. А сумма действий и есть объективно жизнь человека.

Стремясь к счастью, человек сознательно ставит себя в такое положение, когда он должен совершать действия, чтобы удовлетворить свое желание и получить желательные ощущения.

Но от стремления к счастью можно устать, можно от него отказаться, эта гонка может надоест, в воле человека сказать «зелен виноград» и все к черту бросить, отдыхать в изнеможении и ловить кайф от безделья.

А действовать надо, так и на то Вселенная тебя устроила!

И поэтому одновременно с сознательным стремлением к счастью человек бессознательно стремится к несчастью. Несчастье – это такое состояние, когда человек вынужден действовать, чтобы избавиться от отрицательных ощущений и выйти из этого нежелательного состояния.

Ты можешь плюнуть на недостигнутый пряник, но плюнуть на боль от кнута гораздо труднее.

Поэтому страдание всегда и обязательно присутствует в человеческой жизни как неизбежный отрицательный стимул к действиям.

А если со стороны кажется, что данному человеку не из-за чего страдать – он всегда найдет и измыслит себе причину для страдания.

Стремление к ощущениям. Субъективно жизнь человека есть сумма ощущений. Субъективно инстинкт жизни – проявление Бытия – заставляет человека именно стремиться к ощущениям, причем как положительным, так и отрицательным. Прямо и субъективно человек стремится именно к ощущениям. Ибо если ощущение от наркотика мозг не может отличить от ощущения от подвига, скажем, то какая мозгу разница.

Но объективно человек стремится к действиям. По общему счету стремление к ощущениям выступает как стремление к чувственной мотивации действий.

Три стремления. Да вот, пожалуй, и все. Вот таким образом связаны эволюция Вселенной со стремлением человека к счастью и уходом человека от страдания, к которому бессознательно он тоже и сам же стремится.

Любовь и верность, доблесть и честь, справедливость и предательство, славолубие и поиски смысла жизни – все эти вечные человеческие проблемы объясняются и проистекают из еще раз изложенного на этих нескольких страницах.

Инстинкт бытия существует и проявляется в человеке на трех уровнях: ощущения, разум, действия. Все в человеке проистекает и объясняется из как бы раскладываемого на три уровня стремления жить-быть в этом мире: стремления к максимальным оптимальным ощущениям, стремления осознавать все и придавать максимальное значение всему осознаваемому, и стремления к максимальным действиям.

Специальное приложение для вдумчивых

Оригинальные философские взгляды Михаила Веллера с огромным интересом были выслушаны и высоко оценены на Мировом Философском Форуме в Афинах 2010.

Президент Форума Илиас Демиржоглу

Изложенные идеи характеризуют Михаила Веллера как серьезного философа. Ему тесновато в рамках уже существующей научной реальности. Все, что он пишет, интересно и важно.

«Российская философская газета»

Силу, которая создает феномен мира и, следовательно, определяет характер последнего, привести в связь с нравственностью помышлений и таким образом нравственный миропорядок явить как основу миропорядка физического, – в этом со времен Сократа заключалась проблема философии.

Артур Шопенгауэр

Теория производит тем большее впечатление, чем проще ее предпосылки, чем разнообразнее предметы, которые она связывает, и шире область ее применения.

Альберт Эйнштейн

Энергоэволюционизм

Гиганты и мудрецы Литературный обзор

Любая философская теория, будучи порождением и системой взглядов своего времени, стремится к синтезированию всего предшествующего опыта. Информационное единство эволюционирующей культуры не допускает иного. Сеть опосредованных заимствований не зависит от воли автора, но есть интеллектуально-идейная атмосфера эпохи. Покрывая системой посылок и заключений определенное информационное поле, философская теория тем самым уже включает в себя некоторый объем предшествующих базовых построений, объективно являющийся ее историческим, идейным и научным основанием.

При этом создатель теории может не подозревать о предшественниках и предтечах. Это ничего не меняет. Он дышит воздухом созданной ими атмосферы знаний, даже будучи не осведомлен о наличии самих этих собственно знаний. Вся предшествующая информация оказывает на последователей как правило не прямое, но косвенное или даже вовсе конкретно не осязаемое влияние.

Именно потому действия гения часто кажутся нам столь простыми и логически естественными, что вся предшествующая информация была уже общеизвестна, и оставалось только совершить внешне незначительный доворот, чтобы старые элементы легко скомпоновались в новую картину, чтобы произошел качественный переход количественно накопленных предпосылок. Внешне это может выглядеть просто, как замыкание электрической цепи контактом.

Верность теории подтверждается тем, насколько она согласуется со всей прочей суммой опытов и теорий, образуя с ними единую систему взглядов на мир. Верная теория при проверке и подтверждении включает в себя все больше точек (частных) зрения предшественников, о которых автор в этой связи ранее и не подозревал.

Степень естественного вхождения новой теории в культуру определяется ее непротиворечивостью в общем информационном поле и тем, насколько органичным развитием и синтезом предшествующих точек зрения она являет себя.

Старая восточная поговорка «У успеха много отцов» имеет тот философский смысл, что любая истина есть следующий шаг в длинной предшествующей цепи истин, без которых этот шаг невозможен.

Автор следует долгу напомнить читателю о великих мыслителях, чьи выводы оказались лежащими в поле представленной философии.

I. Поскольку в рамках античной философии позднее конституированы едва ли не все философские дисциплины Западной метакультуры, упоминание об этой праоснове излишне. Однако представляется наглядным и поучительным попытаться очертить явную преемственность ряда исходных и опорных взглядов современной философской системы, восходящих к открытиям и конструкциям мыслителей древности, через краткий перечень имен и идей.

1. Гераклит. Основы диалектики. Изменчивость как имманентное свойство Бытия и одновременно как способ существования Бытия: непрерывность и бесконечность этой изменчивости; отсутствие статичности. Борьба как причина и источник сущностей: «Все возникает через борьбу и взаимообразно».

Идея единой первосущности Мира – огонь как стихия. Происхождение всего от единой сущности: все есть агрегатные состояния первосущности – стихии огня.

Идея Космоса как единого Праогня, существующего вечно и циклично разгорающегося и вновь гаснущего.

Выше моих сил не нарушить академический канон и не преклониться в потрясении перед гением.

2. Фалес Милетский, впрочем, за сто лет до Гераклита полагал, что Космос един (перво-стихией полагая воду). Мир возникает из этого первоначала и возвращается в него периодически.

А в качестве движущей и преобразующей силы этой движущейся материи Фалес полагал душу: возможно, душа разлита во всем.

3. Демокрит сформулировал знаменитое: «Нет ничего на свете, кроме атомов и пустоты». Материя состоит из атомов. Всевозможные комбинации атомов и создают всё материальное. Движение есть свойство атомов, движение атомов есть основа мира. В свой срок предметы распадаются на составляющие их атомы, и атомы соединяются в новые комбинации.

4. Пифагор. Не может быть не назван уже по двум причинам: он первый назвал себя «философ», т. е. «любомудр» вместо принятого прежде «мудрец»; он первый назвал Вселенную «Космос» как упорядоченность в противоположность Хаосу. Как основной принцип всего сущего полагал число – т. е. материальный уровень онтологически восходит к информационному. И Бог как «число чисел» в качестве Первоосновы.

5. Элейская школа – Парменид, Зенон и Мелисс – разработали и обосновали монизм как учение о единстве всего сущего. Их тезис о том, что «истинно сущее бытие не может ни возникать, ни исчезать» по сути формулирует закон сохранения массы и предвосхищает закон сохранения энергии.

6. Эмпедокл. Впервые высказал предположение, что свет распространяется не мгновенно, но имеет свою скорость движения. Первым же оформил идею о том, что в природе выживают наиболее приспособленные, удачно скомбинированные организмы.

7. Протагор. «Человек есть мера всех вещей существующих, что они существуют, и не существующих, что они не существуют». Античный сенсуалист: мир дан нам в ощущениях, и он таков, каким мы его ощущаем. Твое ощущение есть мера Бытия.

8. Сократ. Из его огромного философского наследия нас конкретно интересует лишь несколько положений.

Учение Сократа о добродетели легло в основу будущей этики. В рефлексивном рассмотрении системы субъектно-объектных отношений добродетель как знание тем самым является добродетелью как качеством. В связи с возражениями о несовпадении этого тезиса с практикой Сократ и произнес: «Я намереваюсь остаток дней посвятить постижению проблемы: почему люди, зная, как следует поступать добродетельно, то есть к своему и общему благу, по своей воле поступают порочно, себе же во зло». При полном отсутствии как собственных записей, так и прижизненных списков, ни одна редакция этой фразы не может быть признана точной, но смысл таков. Впервые возникает принципиальнейший вопрос о противоречии между знанием блага и стремлением к благу.

И второе – это, по мысли Сократа, государство выступает инструментом и гарантом воплощения в жизнь общего понятия о Справедливости. С тех пор это положение поддерживалось и опровергалось всеми мыслимыми способами.

9. Платон. Который сказал, что «лишь то государство крепко, щитом которого является справедливость». И который, создатель идеализма как философии, создал свою теорию «эйдосов» – то есть первичность информационного поля по отношению к материальному бытию.

10. Аристотель. Ограничимся несколькими необходимыми цитатами из Учителя:

«Человек по природе своей есть существо политическое».

«Первичным по природе является государство по сравнению с семьей и каждым из нас; ведь необходимо, чтобы целое предшествовало части».

«Государство существует по природе и по природе предшествует каждому человеку; поскольку последний, оказавшись в изолированном состоянии, не является существом самодовлеющим, то его отношение к государству такое же, как отношение любой части к своему целому».

«Во всех людей природа вселила стремление к государственному общению».

«Государственным благом является справедливость, т. е. то, что служит общей пользе».

11. Плотин. Идея «Единого» – совершенной Первосущности. Она сверхчувственна и сверхмыслима. Единое есть Абсолют, не ограниченный ничем, и он изливает и являет себя во всех проявлениях сущего. Разум есть эманация Единого, мысли и идеи есть общее с Единым.

Учение неопифагорейцев о «двоице» можно рассматривать как развитие диалектики Гераклита, когда единое целое раскладывается на разности, различия и борьба которых есть источник развития.

II. 12. Фрэнсис Бэкон. «Знание – сила». Философия сблизилась с наукой (после тысячелетия религиозной схоластики). Мысль – есть орудие преобразования природы. (Характеристика эмпиризма как основанного Бэконом философского направления выходит за рамки нашего скромного обзора, носящего чисто прикладной характер.) Бэкон утверждает индукцию основным методом научного познания. Обобщать частности, находить закономерности; познание природы есть информационное обеспечение возможностей и действий по переделыванию окружающей среды.

III. Немецкая классическая философия. Ограничиваясь необходимым, обязаны затронуть прозрения двух титанов:

13. Иммануил Кант. «Две вещи на свете наполняют мою душу священным трепетом: звездное небо над головой и нравственный закон внутри нас». Постигание двух этих вещей в их взаимосвязи и единстве и составляет главный предмет нашей практической философии.

14. Гегель, Георг Вильгельм Фридрих. Диалектика. «Движущая душа всякого научного развертывания мысли». «Представляет собой единственный принцип, который вносит в содержание науки имманентную связь и необходимость». Развитие как движение синтеза противоречий в бесконечной усложняющейся цепи.

Абсолютный Дух лежит в основе всего сущего. Природа – это самораскрытие Абсолютного Духа в пространстве, история – самораскрытие его же во времени.

IV. Человеческая мысль продвигается в познании не ровной фронтальной линией, но выдвигаясь вперед на разных участках науки и на разных временных участках. Прочие области постепенно и неизбежно подтягиваются до линии авангардов. Постигание мира приобретает все более взаимоувязанный и цельный характер. Наука и философия сближались в выработывании единого, объективного и панорамного взгляда на мир. Этот процесс явился важнейшим аспектом научной революции XIX века.

15. Исаак Ньютон. «Математические начала натуральной философии». Бытие мира предстало как единый механизм, существующий по единым законам, и законы эти сформулированы и математически просчитаны, нося объективный рациональный характер.

16. Поль Анри Гольбах. «Система природы, или о законах мира физического и мира духовного». Философская картина Вселенной как единого целого, где все взаимосвязано, а материя первична, неуничтожима и бесконечна во времени и пространстве.

17. Пьер Лаплас. «Изложение системы мира». Эволюционная картина мира! Все во Вселенной связано причинной взаимосвязью! Жесткий детерминизм Лапласа стал одним из краеугольных камней науки и ряда философий.

18. Адам Смит. «Исследование о природе и причинах богатства народов». Объективность социально-экономического процесса, не зависящего от конкретных целей и желаний отдельных людей. Каждый преследует свои личные интересы – но совокупно вершится общезначимый и общепольный материально-экономический подъем народа и страны.

19. Жан Батист Ламарк. «Философия зоологии». Первая цельная теория биологической эволюции. Морфологические изменения организмов функционально детерминированы, строго направлены к оптимизации выживания.

V. Синтез наук и философий оформляется на уровне всех последних открытий и достижений XIX века.

20. Огюст Конт. «Курс позитивной философии» и «Курс позитивной политики». Создатель позитивизма и основоположник социологии. Знание о мире базируется на фактах. Назначение философии – анализировать и обобщать факты, полученные эмпирическим путем, каковым только путем и создается картина мира, объективная и достоверная. То есть: науки есть основание философии. Социум есть органическая система, порожденная и обусловленная необходимостью людской общности в сосуществовании и тем самым взаимодействии. Законы существования социума объективны, развитие социума есть закономерная социальная эволюция.

21. Чарльз Дарвин. «Происхождение видов» труд столь знаковый, что эволюционная теория Дарвина поистине не нуждается в комментариях. Кроме, пожалуй, одного подчеркивания. Дарвин говорил именно о «неопределенной изменчивости», которая наряду с естественным отбором является движущей силой эволюции. То есть о беспорядочности и нейтральности общего объема мутаций (в отличие от Ламарка), из каковых в дальнейшее развитие идут лишь способствующие более успешному выживанию.

22. Артур Шопенгауэр. «Мир как воля и представление». Удивительная и неожиданная подпорка для дарвинизма со стороны идеалистической философии, если вдуматься. Иррационализм. Не цель, не смысл и не желания движут человеком. А Мировая Воля, разлитая во всем и персонифицированная также и в нем в частности. Первопружина, перводвигатель, первоаккумулятор Бытия не имеет в своих проявлениях цели, смысла, определенного направления, –

но Мироздание является через все страсти и действия, которые носят самодовлеющий, стихийный, ни для чего по большому счету не нужный характер. То есть: жизнь и стремления человека заданы не осмысленным стремлением к целям, но иррациональным волевым посылом Мироздания, каковой волевой посыл требует реализовать себя в бытийных проявлениях.

23. Фридрих Ницше. «Воля к власти». Если еще чуть разобраться – то все в Природе стремится не то чтобы к Власти, но к значительности, к максимальному влиянию на окружающее, к максимализации своей роли в мире. Выражаясь сегодняшним языком – к максимальному самоутверждению и максимальной самореализации в проекции на окружающую среду (хотя сформулировать так – это уже некоторая экстраполяция взглядов Ницше в нашем собственном направлении).

24. Фридрих Энгельс и Карл Маркс. Маркс упомянут, поскольку двуединый автор «Маркс-Энгельс» был неразделимым в советском сознании и неотделим от представлений о мире и истории. – Диалектика. Она, гегелевская, была воспринята нами в интерпретации и изложении Энгельса. – Исторический материализм. Взгляд на историю и прогресс как на последовательность человеческих трудов и продуктов, историю совершенствующегося и растущего общественного производства, коррелирующего с социальной и научно-технической эволюцией.

25. Герберт Спенсер. «Основные начала». «Система синтетической философии» в своей огромной объемности для наших целей почти во всех деталях излишня. Позитивист и энциклопедист Спенсер распространяет эволюционизм на все формы существования материи. По мере рассеяния первоначального количества движения материя эволюционирует, то есть все более усложняется. Вся материя Вселенной едина в принципе, три основные формы ее существования от низшей к высшей: неорганическая, органическая и социальная.

VI. В 1824 г. Сади Карно публикует «Размышления о движущей силе огня и о машинах, способных развивать эту силу», чем закладывает основы термодинамики и впервые описывает Второе начало. В 1834 г. Клапейрон придает идеям Карно математическую форму. В 1842 г. фон Майер публикует расчеты эквивалентов механической работы и производимого/затрачиваемого тепла, тем обосновывая Первое начало термодинамики – открыв закон сохранения энергии. В 1843 г. Джоуль также находит зависимость между произведенной работой и количеством произведенного при этом тепла, вычисляет отношение между ними, определяет механический коэффициент тепла и в 1847 г. делает доклад в Оксфорде. В том же году Гельмгольц публикует «О сохранении силы», где формулирует закон сохранения энергии строже и детальнее, чем Майер. В 1850 г. Рудольф Клаузиус дал формулировку Второго начала термодинамики. В 1852 г. Уильям Томсон (лорд Кельвин) дает другую формулировку Второго начала. Рассеяние энергии (диссипация) при переходе работы в теплоту постулируется как процесс необратимый. Принимается учение о рассеянии энергии, изначальный запас которой в замкнутой Вселенной ограничен.

Тепловая смерть Вселенной – логичный вывод Томсона, к которому пришел и Клаузиус.

Энтропия – понятие, введенное в 1865 г. Клаузиусом для определения меры необратимого рассеяния энергии.

Свободная энергия – понятие, введенное в 1881 г. Гельмгольцем: это работоспособная часть внутренней энергии системы (в одной парадигме); или разность между внутренней энергией системы и произведением абсолютной температуры на энтропию (в другом выражении); или термодинамический потенциал, убыль которого в квазистатическом изотермическом процессе равна работе, совершенной системой над внешними телами (иными словами); или часть внутренней энергии системы, которая может каким-либо образом быть выделена в окружающую среду в форме теплоты или работы, или может каким-либо способом быть поглощена другой системой для поддержания химико-физического процесса ее существования.

26. Вильгельм Оствальд. Энергетизм. Термодинамика кладется в основание натурфилософской системы: все Бытие рассматривается как проявление Второго начала термодинамики, то есть рассеяния энергии. Энергия абсолютизируется как субстанция: атомов как материальных первочастиц не существует, материя не первична и предстает как формы энергии. Все сущее – это лишь виды энергии в процессе ее вселенского рассеяния. Жизнь есть захват телами свободной энергии и использование ее для своего существования и развития. Эволюция есть совершенствование тел и организмов в направлении все более эффективного захвата и использования энергии с пользой для себя: организм тем совершеннее, чем выше его энергетический КПД, т. е. чем большую долю захваченной энергии он употребляет на процесс собственного жизнеобеспечения. Категорический императив энергетизма: не расходуя энергию понапрасну, используй ее. Ощущения, сознание, дух, воля, культура, красота, – все это процессы энергетические, переходы энергии. Анти-материалист и анти-атомист Оствальд в научных битвах рубежа XX века был классифицирован как идеалист. Положил начало взгляду на Мир как пространство энергетических процессов.

VII. Физика XX века. Теория Большого Взрыва и расширяющейся Вселенной. Не столько перечень книг, как упоминание идей, легших в основу естественнонаучного мировоззрения.

27. Альберт Эйнштейн. $E = mc^2$. Закон взаимосвязи массы и энергии. Специальная теория относительности (1905 г.). Общая теория относительности (1907–1916 гг.).

28. Александр Фридман. Теория нестационарной Вселенной. Предсказание о расширении Вселенной. Модель разлета Вселенной из начальной компактной области, в начале чего – Большой Взрыв (1922–1924 г.).

29. Эдвин Хаббл. В 1929 г. обнаружил зависимость между красным смещением и расстоянием до галактик, показал линейную зависимость лучевой скорости разбега галактик от расстояния (Закон Хаббла).

30. Георгий Гамов. 1948. Теория «Горячей Вселенной», где в ядерных реакциях синтезировались легкие элементы.

31. Стивен Хокинг. Строго доказал возникновение сингулярности (1967 г.).

VIII. Синтез наук в России и СССР.

32. В. И. Вернадский. Создатель биогеохимии. Из идей особенно выделим две: а) человеческая деятельность на Земле становится фактором геологического масштаба; б) связанная с первой: по мере эволюции биосферы уровень миграции атомов поверхностной и приповерхностной зоны Земли повышается.

33. А. Л. Чижевский. Создатель гелиобиологии. На обширном материале статистически показал зависимость активности биологических и социальных систем от циклически колеблющегося уровня солнечной активности.

IX. Социология.

34. Эмиль Дюркгейм. «Правила социологического метода». Социальная реальность несводима к биопсихической природе индивидов. Социальные факты существуют вне индивида и обладают по отношению к нему принудительной силой. То есть: на позитивистском уровне обобщения научных фактов социальные процессы объективны и не подчиняемы индивидуальным волям и пожеланиям.

35. Густав Ле Бон. «Психологические законы эволюции народов». «Психология толпы». Основоположник социальной психологии и концепций массового поведения. Подчеркивал иррациональность поведения людских скоплений. Эмоциональная доминанта подавляет интеллектуальную при сочетании индивидов в массу. Характер массы (народа), то есть суммарный безличностный эмоционально-поведенческий вектор определяет социальное устройство и социальную эволюцию общества.

36. Уильям Троттер. «Стадные инстинкты в период войны и мира». Фиксируя, что поведение индивида в толпе часто противоречит инстинкту самосохранения, личностной

шкале ценностей, исполнено жесткого внутригруппового конформизма, Троттер вводит понятие «стадного инстинкта» как психосоциального фактора, объединяющего, подчиняющего и направляющего всех сообща независимо от личных интересов каждого или даже вопреки им.

Х. Психология.

37. Зигмунд Фрейд. «Тотем и табу», «Психология масс и анализ человеческого “Я”», «Я и оно». В огромной мере наше поведение, желания и сам образ мыслей диктуются не осознанными установками и ценностями, но скрытыми от сознания, подсознательными влечениями и комплексами. Удел человека – в неизбежных конфликтах. (Мы вычленим лишь главную для нас линию из его наследия.)

38. Карл Густав Юнг. «Структура бессознательного», «Отношение между Я (эго) и бессознательным», «Концепция коллективного бессознательного». Развил понятие коллективного бессознательного в фундаментальное учение; основное его отличие от индивидуального бессознательного – коллективное едино для разных людей, не зависит от индивидуального опыта, восходит к опыту общества в целом (нося, таким образом, социально-исторический характер). Своего рода продукт генетического группового опыта, наследуемых структур психики.

XI. Физиология и биология.

39. Ганс Селье. «The Stress of Life». Ввел термин «стресс». Разделил на «дистресс» – отрицательный, и «эустресс» – положительный. Стресс есть естественная и необходимая реакция организма на внешний раздражитель, пусковой механизм адаптации организма к факторам и колебаниям внешней среды. Ввел понятие «адаптационного синдрома». Эустресс повышает иммунитет организма и способствует адаптации, дистресс – подавляет. (То есть: счастливые и удачливые живут дольше и переносят неблагоприятные воздействия легче, несчастные и неудачливые умирают вероятнее и скорее, – добавим мы.)

40. Конрад Лоренц. «Так называемое зло. К естественной истории агрессии». Основоположник этологии – науки о поведении животных, базирующемся не на рефлексах, но глубже – инстинктах индивидуального поведения и группового взаимодействия, каковые инстинкты есть индивидуально-причинный инструментальный выживания, естественной борьбы и отбора наиболее приспособленных эволюцией.

XII. История.

41. Освальд Шпенглер. «Закат Европы». Именно историческая концепция Шпенглера представляется главной в наследии культуролога, философа. Культуры возникают, развиваются, достигают пика, приходят в упадок и гибнут, сходя со сцены. Античная, китайская, вавилонская и т. д. культуры прошли аналогичные циклы существования. Все культуры проходят те же ступени развития, законы их фазового существования едины. Срок жизни культуры – 1000 лет. (Фактически, оставляя в стороне морфологию эстетики Шпенглера, мы впервые получаем взгляд на историю цивилизаций как асинхронные системные циклы.)

42. Арнольд Тойнби. «Изучение истории». Условия, законы, принципы генезиса цивилизаций. Три поколения цивилизаций – примитивные, творчески-динамические и религиозно-культурные. Переход в более высокую стадию обусловлен не расовым, географическим или экономическим фактором, но есть результат социально-культурной мутации. Мутация же эта зависит от совокупности многих причин и малопредсказуема. «Вызови-ответ» – по сути диалектическое понимание взаимодействия человека с оказывающей на него давление природой как проявление единства и борьбы противоположностей в качестве источника развития. Цивилизация гибнет в результате нарушения системы обратной связи (что не является неизбежным).

43. Лев Гумилев. «Этногенез и биосфера Земли». Создал пассионарную теорию этногенеза. В основе исторического процесса лежит энергия, которая приходит на Землю с космическим излучением и воспринимается определенными общностями людей в областях попадания на поверхность Земли этого излучения. Они становятся энергичнее, много работают и воюют,

создают великую цивилизацию или великую империю, в процессе чего изначально полученная из Космоса энергия растрачивается, и цивилизация приходит в упадок. Фазовые переходы цивилизации и отношения между народами и социальными группами объясняются уровнем энергии и ее растрачиванием. При всем наивном «механицизме» теории – это попытка взгляда на этногенез как на системный процесс в плоскость энергии.

XIII. Философия прагматизма.

44. Чарльз Пирс. «Как сделать наши мысли ясными». «Закрепление верований». Создатель прагматизма (греческое «от действия»). Прямая связь философии с действительностью. Мышление рассматривается как приспособительная функция организма. Содержание понятия заключается в представлении о его возможных последствиях. Наши убеждения суть фактические правила для действия. Родоначальник семиотики как науки о знаковых системах, посредством которых человек осуществляет взаимодействие с окружающей средой.

45. Джон Дьюи. «Как мы мыслим». «Опыт и природа». Создатель инструментализма. Сознание, теория, наука – инструменты для достижения цели, определяющие образ действий. Истина существует в парадигме успеха, коррелирует с ним. Человек существует в мире, придавая ему смысл и тем самым изменяя. Научное познание фундируется здравым смыслом. Функция интеллекта – установление максимально эффективно-выгодных отношений с объектом.

XIV. Культурология.

46. Лесли Уайт. «Энергия и эволюция культуры». Основоположник культурологии как таковой, эволюционист, в этой тридцатистраничной статье (1949 г.) Уайт смотрит на культуру как на термодинамическую и механическую систему с действием, обратным рассеянию энергии. «Базовый закон культурной эволюции: культура развивается по мере увеличения количества энергии, добываемой на душу населения в год, или по мере увеличения эффективности инструментальных средств ввода энергии в действие». Рост культуры ускоряется по мере эволюции и прямо зависит от роста уровня потребляемой энергии.

XV. Эсхатология. Учение о Конце Мира всегда существовало в мифологиях, религиях и философиях; сегодня оно приобрело типичные позитивистские черты.

47. Э. В. Ильенков. «Космология духа». В этой «философско-поэтической фантазмагории», как определил свое эссе автор, высказано предположение, что овладевшее в энергией Вселенной человечество в будущем, когда Вселенная приблизится к тепловой смерти, выделит содержащуюся в ней энергию методом вроде термоядерного взрыва и, уничтожив Вселенную, запустит новый виток ее существования, пожертвовав при этом собой.

48. В. А. Лефевр. «Космический субъект». Российско-американский психолог и математик заметил: «Последовательно познавая себя, космический субъект, тем самым, стремится стать вечным двигателем. Если допустить, что мы являемся инструментом Вселенной, то наше предназначение это борьба с тепловой смертью».

XVI. Теория систем. Поведение и взаимодействие различных систем в природе, обществе и науке рассматривается в парадигме изоморфизма законов различных сегментов знания. Все виды и формы существования в Природе взаимообусловлены аналогичным механизмом внутреннего развития.

49. Людвиг фон Бергаланфи. «Общая теория систем». По словам самого автора: «... понятие системы стало поворотным пунктом современной научной мысли...» Возникают междисциплинарные теории. Организм рассматривается как открытая система. Системное мышление существовало еще во времена первых письменностей. Ныне создана новая – системная – парадигма для разработки теорий. Космология, кибернетика, социальная психология – в рассмотрении своего предмета анализируют аспекты и уровни единого в плане законов системного устройства Универсума.

XVII. Синергетика. Междисциплинарное научное направление (своего рода системная наука) о самопроизвольном упорядочивании хаоса, о самоорганизации систем. Строго говоря –

это термодинамическое направление в эволюционизме, рассматривающее развитие открытых систем от простых (хаотических, неупорядоченных) к сложным (высокоорганизованным) при захвате свободной (внешней) энергии. Вообще синергетика продолжила там, где за полвека до нее остановился Оствальд; то следствие рассеяния энергии, или Второго начала термодинамики, что возникают антиэнтропийные процессы в органических (а также косных) системах и есть предмет ее исследования. При этом синергетика рассматривает как принципиальный признак самообразования неравновесных систем не статичное материально-структурное усложнение, но повышение потенциала к дальнейшему упорядочиванию.

50. Герман Хакен. «Синергетика». Ввел этот термин. Учение о взаимодействии элементов сложных систем, результатом чего является возникновение новых макроскопических свойств этих систем. Рассматривал самоорганизацию в том числе на уровне самовоспроизводства культуры через язык, ментальность и т. д.

51. Илья Пригожин. «Порядок из хаоса». «Современная термодинамика». «Познание сложного». В терминологии брюссельской школы – нелинейная термодинамика диссипативных систем. То есть. Системы, существующие в процессе всеобщего рассеяния и локального потребления энергии, имеют тенденцию развиваться против вектора Второго начала, переходя из устойчиво более равновесного состояния к устойчиво менее равновесному состоянию через слабое неустойчивое состояние в точках бифуркации, где флуктуация и случай играют роль для определения пути дальнейшего развития системы.

* * *

Аристотель. Сочинения. Тт. 1–4. «Философское наследие», М., «Мысль», 1975–1983.

Берталанфи, Людвиг фон. «Общая теория систем – критический обзор». Исследования по общей теории систем. Сборник переводов. – М., «Прогресс», 1969.

Бэкон, Френсис. «Новый органон». Ленинград, 1935.

Вернадский, Владимир Иванович. «Биосфера и ноосфера». М., «Наука», 1989.

Гамов, Джордж. Создание Вселенной. // The Creation of the Universe. Viking Press, 1952.

Гегель, Георг. Энциклопедия философских наук. Тт. 1–3. М., «Мысль», 1974–1975.

Гельмгольц, Герман. «О сохранении силы». М. – Л., ГТТИ, 1934.

Гераклит. «Философия ранних греческих философов», часть I, стр. 176–257. М., «Наука», 1989.

Гольбах, Поль Анри. «Избранные произведения». Тт. 1–2. «Философское наследие», М., 1963.

Гумилев, Лев Николаевич. «Этногенез и биосфера Земли». М., АСТ, 2005.

Дарвин, Чарльз. «Происхождение видов путем естественного отбора». «Терра – Книжный клуб», М., 2009.

Демокрит. «Фрагменты ранних греческих философов». М., «Наука», 1989.

Джоуль, Джеймс. – По книге «Кудрявцев П.С. – Курс истории физики». – М., «Просвещение», 1982.

Дьюи, Джон. «Реконструкция в философии». М., «Логос», 2001. «Общество и его проблемы». М., «Идея-Пресс», 2002.

Дюркгейм, Эмиль. «Социология. Ее предмет, метод, предназначение». М., «Терра – Книжный клуб», 2008.

Ильенков, Эвальд Васильевич. «Философия и культура». М., «Политиздат», 1991.

Кант, Иммануил. Сочинения. Тт. 1–6. М., «Философское наследие», 1963–1966.

Карно, Сади. В книге «С. Карно. У. Томсон. Р. Клаузиус. Л. Больцман. М. Смолуховский. – Второе начало термодинамики». М., ЛКИ, 2007.

Кельвин / Томсон, Уильям. В книге «С. Карно. У. Томсон. Р. Клаузиус. Л. Больцман. М. Смолуховский. – Второе начало термодинамики». М., ЛКИ, 2007.

Клапейрон, Бенуа. «О механической теории теплоты». В книге «Храмов Ю.А. – Физики. Биографический справочник». М., «Наука», 1983.

Клаузиус, Рудольф. В книге «С. Карно. У. Томсон. Р. Клаузиус. Л. Больцман. М. Смолуховский. – Второе начало термодинамики». М., ЛКИ, 2007.

Конт, Огюст. «Дух позитивной философии». Ростов н/Д., «Феникс», 2003. «Общий обзор позитивизма». М., «Либроком», 2010.

Ламарк, Жан Батист. Избранные произведения. Тт. 1–2. М., Изд. АН СССР, 1955.

Лаплас, Пьер-Симон. «Изложение системы мира». Л., «Наука», 1982.

Лебон, Густав. «Психология народов и масс». СПб., «Макет», 1995.

Лефевр, Владимир Александрович. «Космический субъект». М., ИПАН, 1996.

Лоренц, Конрад. «Так называемое зло». М., «Культурная революция», 2008.

Майер, Юлиус Роберт фон. «Закон сохранения и превращения энергии. Четыре исследования». М. – Л., 1933.

Ницше, Фридрих. Собрание сочинений. Тт. 1–2. М., «Мысль», 1990.

Ньютон, Исаак. «Математические начала натуральной философии». М., «Наука», 1989.

Оствальд, Вильгельм. «Энергия и ее превращения». СПб., 1890; «Несостоятельность научного материализма». Рига, 1895; «Натурфилософия». М., 1902; «Организация и организаторы». М., 1912; «Энергетический императив». СПб., 1913.

Парменид,

Пифагор,

Протагор, – в книге «Фрагменты ранних греческих философов». М., «Наука», 1989.

Платон. Собрание сочинений. Тт. 1–4. СПб., Изд-во СПбГУ, 2006.

Плотин. «Эннеады». Тт. 1–7. СПб., изд-во Олега Абышко, 2004–2005.

Пирс, Чарльз. «Начала прагматизма». СПб., «Алетайя», 2000; «Логические основания теории знаков». СПб., «Алетайя», 2000; «Избранные философские произведения». М., 2000.

Пригожин, Илья. «Современная термодинамика». М., «Мир», 2009 (И. Пригожин, Д. Конделуди); «Порядок из хаоса». М., ЛКИ, 2008 (И. Пригожин, И. Стенгерс); «Познание сложного». М., ЛКИ, 2007 (И. Пригожин, Г. Николс).

Селье, Ганс. Hans Selye. «The Stress of Life». N-Y., 1956.

Смит, Адам. «Исследование о природе и причинах богатства народов». М., «Эксмо», 2007.

Сократ. В книгах: Ксенофонт Афинский. Сократические сочинения. М. – Л., 1935. Платон. Ранние диалоги. В Собрании сочинений 4-х тт., СПб., изд-во СПбГУ, 2006.

Спенсер, Герберт. «Основные начала». СПб., 1899. Синтетическая философия. Киев, Ника-Центр, 1997. «Опыты научные, политические и философские». Минск, «Современный литератор», 1999.

Тойнби, Арнольд. «Постижение истории». М., «Рольф», 2001. «Цивилизация перед судом истории». М., «Рольф», 2002.

Троттер, Уильям. «Instincts Of The Herd In Peace And War». Kessinger Publishing, 2006.

Уайт, Лесли. «Избранное: эволюция культуры». М., «РОССПЭН», 2004.

Фалес Милетский. В книге «Фрагменты ранних греческих философов», ч. I. М., «Наука», 1989.

Фрейд, Зигмунд. «Я и оно». М., «Эксмо», 2007. «Введение в психоанализ». СПб., «Алетайя», 1999. «Психология масс и анализ человеческого “Я”». М., «Современные проблемы», 1926.

Фридман, Александр Александрович. «Мир как пространство и время». М., «Наука», 1965.

Хаббл, Эрвин. «A relation between distance and radial velocity among extra-galactic nebulae». PNAS 15 (3); 168–173. doi: 10.1073/pnas. 15 3 168.

Хакен, Герман. «Синергетика. Иерархии неустойчивости в самоорганизующихся системах и устройствах». М., «Мир», 1985.

Хокинг, Стивен. «Краткая история времени: от Большого Взрыва до черных дыр». СПб., «Амфора», 2001.

Чижевский, Александр Леонидович. Собрание сочинений. Тт. 1–2. М., «Мысль», 1995.

Шопенгауэр, Артур. «Мир как воля и представление». Тт. 1–2. Минск, «Харвест», 2005, 2007.

Шпенглер, Освальд. «Закат Европы». М., «Эксмо», 2006.

Эйнштейн, Альберт. Собрание научных трудов в четырех томах. М., «Наука», 1965–1967.

Эмпедокл. В книге «Фрагменты ранних греческих философов», ч. I. М. «Наука», 1989.

Энгельс, Фридрих. В издании: «Маркс, К. и Энгельс, Ф. Собрание сочинений. Тт. 1–39 (из 50)». М., «Издательство политической литературы», 1955–1981.

Юнг, Карл Густав. «Очерки по психологии бессознательного». М., «Когито-Центр», 2006. «Структура и динамика психического». М., «Когито-Центр», 2008. «Архетип и символ». М., «Ренессанс», 1991.

Роль человека в истории космоса

доклад, прочитанный на Всемирной конференции International Big History Association 8 августа 2014 года, Калифорния, США

1. Сущность космологии

В парадигме теории сингулярности Космическое Яйцо на момент Большого Взрыва должно было состоять из недифференцированной энергии. Эта гигантская энергия была сконцентрирована в пространстве, объем которого стремится к исчезающе малому. Это условное выражение не может корректно соответствовать действительности, ибо энергия не имеет такого атрибута, как объем. Пространства, времени и материи еще не существовало.

Пространство и время возникли по мере того, как возникли элементарные частицы: кварк-глюонная плазма. Затем возникли протоны и нейтроны, атомы водорода и гелия. То есть: изначальная недифференцированная энергия структурировалась во все более сложные материальные элементы и системы. (Заметим: материя есть агрегатное состояние энергии.)

Легкие атомы структурировались в звезды I поколения. Пройдя свой эволюционный цикл, эти звезды взрывались. Высвобождалось огромное количество энергии и выбрасывались атомы металлов.

Поля газа и пыли структурировались в звезды II поколения, те в свой срок также распались, высвобождая энергию и разбрасывая тяжелые атомы и молекулы.

Из этого образовывались звезды III поколения, содержащие еще больше тяжелых элементов. Они также не вечны.

В этой общеизвестной картине я хочу выделить и подчеркнуть следующее. Эволюция Универсума не есть простое линейное усложнение материальных структур. Это циклы структурирования энергии в материю и распада материи с выделением энергии. Причем с каждым циклом материальные структуры усложняются, в них связано все большее количество энергии, а срок их существования все короче.

Существование Вселенной – это эволюция изначальной энергии Большого Взрыва.

Молекулы связываются в космические тела: астероиды, кометы, планеты. В некоторых наличествует вся таблица Менделеева. Цикл существования материи в неорганической форме переходит в следующий цикл.

2. Сущность биологии

Каковы бы ни были споры о возникновении жизни, ее логичность с точки зрения эволюции Космоса очевидна. Жизнь – это захват свободной энергии, сформулировал Гельмгольц. Расширим формулировку. Жизнь есть захват свободной энергии, ее переработка и выделение в окружающую среду. Иными словами: это структурирование энергии в материальный объект, далее – его существование и распад объекта на обломки с выделением энергии.

В чем огромное качественное отличие курицы от звезды? Структуризация молекул (энергии) в цыпленка и курицу – лишь первый этап. Второй этап – все годы своей жизни курица потребляет энергию. Корм излучается как тепло с ее тела, перерабатывается в помет, она перерывает лапами землю – энергия выделяется и преобразует окружающее пространство всю ее жизнь.

Закончив существование, она отдаст окружающей среде вещество своего тела – более сложную структуру, чем ее корм. Организм разложится на молекулы и структурируется в другие объекты. Но по сравнению со всей «работой» ее жизни смерть малозначительна. Ибо она уничтожила центнер червяков, произвела центнер помета, снесла тысячу яиц и перекопала три тонны земли.

Жизнь – это способ структурировать энергию с несравненно большей скоростью и в несравненно более сложные материальные системы, чем способ неорганический. Птенец поглощает корм, равный собственной массе, в несколько дней, хорек – в неделю. Растение строит себя из солнечного света, воды и вещества Земли, изменяя состав почвы и меняя ландшафт. Травоядные строят себя из энергии растений, хищники – из концентрированной энергии травоядных. Они роют норы, удобряют почву, перемещаются в пространстве и размножаются. Водоросль – трава – дерево, лягушка – заяц – тигр, эти объекты поглощают, преобразуют и выделяют энергию непрерывно, как турбины.

Органический этап эволюции Космоса – это этап резкого, принципиального ускорения оборота энергии пространства.

Биологическая эволюция, усложнение организмов отнюдь не идет по пути эффективности использования энергии. В конце 19 века Вильгельм Оствальд, создатель «энергетизма», полагал, что КПД организма по мере эволюции растет. Он ошибался.

Крокодил использует энергию гораздо эффективнее тигра, змея – эффективнее мыши. С равным количеством потребленных калорий земноводные дольше живут, а в нужный момент развивают большую мощность на единицу массы. Эволюция шла по пути максимальной автономии организма, максимального диапазона выживания. И одновременно эволюция шла по пути все большего потребления, переработки и выделения энергии.

То есть. Чем совершеннее, чем сложнее организм, тем больше энергии ему необходимо для жизнедеятельности. Он больше потребляет, больше перерабатывает и больше выделяет.

По мере биологической эволюции растет оборот энергии окружающей среды, который производит организм для своего существования. Сущность биологической эволюции – повышение оборота энергии среды.

Это мой собственный вывод, и мне этот принцип представляется чрезвычайно важным.

Он полностью соотносится с выводом начала 20 века Владимира Вернадского: «По мере эволюции миграция свободных атомов биосферы Земли увеличивается».

3. Закон организационной эффективности

Природе свойственна максимальная эффективность. Это означает минимум затрат при максимуме результата. Что вполне понятно, если принять во внимание, что эволюция Универсума есть стремление к максимальному преобразованию всей энергии Космоса.

Сущность самоорганизации в том, чтобы с минимальным расходом энергии создать такую комбинацию уже имеющихся материально-энергетических элементов, которая как совокупно сложившаяся система произведет максимум действия, преобразовав максимум энергии.

4. Сущность социологии-1

Вот один муравей в единицу времени копает ямку и набрасывает кучку песка такого-то объема. Вдвоем со вторым муравьем они нароют песка не в два, но почти в три раза больше. Два муравья – уже система. Производительность системы выше, чем сумма производительности ее частей.

Муравейник или пчелиная семья совместно делают гораздо больше, чем могут сделать порознь составляющие их особи.

Организация особей в социальную систему позволяет, не усложняя каждую, достичь гораздо более высокого результата в захвате свободной энергии окружающей среды, то есть в самообеспечении жизненных потребностей. В этом суть групповой самоорганизации.

Социальная структуризация группы повышает ее совместный энергооборот.

Стая волков на охоте. Стая птиц в перелете. И так далее. Повышают эффективность действий особи без вмешательства биологической эволюции.

Эволюция подошла к социальной форме существования материи.

5. Человек и огонь

Первобытного человека отличает от прочих животных не речь. Развитые системы сигналов имеются у ряда социальных животных – волков, дельфинов, ворон и так далее.

Человека отличает от животных не использование орудий труда. Не только обезьяны используют палки, но даже птицы используют колючки, камушки и т. п.

Человека отличает не разум. Высшие животные весьма умны, а человеческий младенец, выросший в обществе животных, никогда не станет разумным.

Во-первых, на уровне биологическом, человек отличается очень высоким уровнем энергообмена. На единицу собственной массы он потребляет и расходует при действиях примерно в пять раз больше энергии, чем любое другое животное схожего размера. Он энергичнее любого зверя. Его адаптационный ресурс шире, запас сил больше.

Во-вторых, на уровне инструментальном, человек овладел огнем. То есть впервые в истории животное применило в своих целях постороннюю энергию небиологическим способом, не «пропуская» ее через свой организм. Причем объем этой энергии не ограничен возможностями организма: можно сжечь хоть весь лес, прогнав врагов и хищников.

Человек принципиально возвысился над животным миром на уровне энергетическом.

6. Сущность цивилизации

В развитии цивилизации следует выделить три аспекта: инструментальный, топливный и социальный.

Инструментальный аспект сводится к тому, что с изобретением рычага, колеса, лука и стрел, копья и так далее человек мог, с той же мускульной силой, все успешнее защищать свою жизнь и добывать пищу. То есть уровень захвата свободной энергии повышался.

К инструментам можно присоединить использование мускульной силы домашних животных, хотя в то же время это использование внешней, посторонней энергии.

Топливный аспект – это использование энергии сгорания органической материи. Вначале огонь использовался для отпугивания хищников, изготовления орудий, отопления и освещения. Затем настала эра паровых машин – где пар был трансмиссией между огнем и движением. Тепловая энергия превращалась в механическую. Затем настала эпоха двигателей внутреннего сгорания, а также электричества. И, как справедливо отметил Лесли Уайт, чем более развита была культура, тем больше энергии она потребляла.

Социальный аспект наиболее интересен для понимания. Начиная с первобытных стай, в эпохи родового и племенного строя, во всех государствах от рабовладельческих до современных, социум структурировался особым образом. Таким, чтобы составляющие его люди совокупно захватывали максимум свободной энергии – то есть успешно выживали. Но по мере развития цивилизации социум совершает действия сверх необходимых для выживания. И более того – часто совокупные действия противоречили выживанию. Строительство гигантских храмов и завоевательные войны противоречили жизненным интересам большинства и истощали силы народа.

То есть, структура социума всегда способствовала повышению производительности труда и увеличению создаваемого продукта. Но сам создаваемый продукт становился все менее необходимым для людей или вовсе вреден. Что особенно ясно видно на современном производстве военной техники и множества ненужных товаров.

История цивилизации – это история инструментального, топливного и социального эволюционирования человечества в сторону все большего захвата, переработки и выделения энергии.

7. Сущность социологии-2

Главная трудность социологии в том, что она не может сойти с точки зрения антропоцентризма. Главный парадокс социологии в противоречии между интересами социума как их понимают люди – и сущностью социума с точки зрения эволюции Универсума.

Парадокс в том, что люди, структурируясь в государства для своего блага, оказываются вынуждены делать то, чего не хотят и что противоречит их личным интересам. Причем вынуждены работать, производить товаров и совершать действий гораздо больше, чем было бы необходимо для их выживания и здоровья.

Объяснение парадокса в том, что объективно, на историческом уровне, самая совершенная форма материи, социальная, есть этап эволюции. Усложнение есть материальный уровень эволюции. Ему соответствует энергетический уровень эволюции: каждая последующая форма материи захватывает, перерабатывает и выделяет все больше энергии.

Именно этим занимается человечество. Но люди не роботы! Человек обладает разумом, волей и свободой выбора! И он действует в собственных интересах, а не в интересах некоего Космоса.

Нет. Человек создан так, чтобы действовать по законам ЭНЕРГОЭВОЛЮЦИОНИЗМА самостоятельно и добровольно.

8. Сущность человека

Что такое человек с точки зрения Универсума. Это самая сложная организация атомов в систему, которая известна. Всем этим атомам миллиарды лет. Они возникли в недрах звезд и при взрывах звезд, в процессе структуризации энергии в материю и распада материи с выделением энергии. Об этом упоминалось в 1 части.

И вот эти атомы организовались так, что материально-энергетическая структура средней массой 70 кг способна сегодня захватывать, перерабатывать и выделять огромное количество энергии. И она (структура) делает это не для поддержания своего существования. Иногда себе во вред. Она преобразует максимум окружающей среды, на который способна. Роет каналы, прокладывает дороги, строит города и взрывает (взрывала) термоядерные бомбы. Ее возможности растут.

9. Социальный инстинкт

Человек стремится к обществу себе подобных. В этом обществе он хочет занять максимально высокое место. Социальная востребованность и социальный успех необходимы человеку для счастья. Иначе говоря, эти желания безотчетны и сильны.

Так структурируется социум, где каждый сравнивает себя с соседом и работает сверх необходимого для выживания, а в полную меру своих сил, даже во вред здоровью. И социум перерабатывает максимум энергии.

10. Сущность психологии

Психология человека – это механизм мотивации, который обеспечивает его действия. Психология человека такова, что чем полнее удовлетворены его основные потребности, тем больше он нацеливается на удовлетворение потребностей необязательных, вымышленных, условных.

Основа психики – потребность в поступлении информации из окружающей среды. Прием и анализ этой информации необходимы для адекватной реакции организма на происходящее в окружающей среде.

В основе распознавания информации лежит ощущение: положительное, отрицательное, нейтральное.

Итак, можно сказать, что в основе психики лежит потребность в ощущениях и стремление к ощущениям.

Информационный уровень взаимодействия с окружающей средой един с энергоматериальным уровнем взаимодействия. То есть ощущение связано с последующей реакцией организма, с действием.

Инстинктивно стремясь к ощущениям, человек стремится тем самым к действиям. Исключения типа наркомании много, но генеральное направление закона только таково.

Удовлетворенный на бытовом уровне человек все равно стремится действовать в полную меру своих сил. И ищет область приложения своих сил.

11. Сущность разума

Со времен Фрейда понятно, что разум не управляет нашими действиями. Под разумом мы понимаем способность создавать информационные модели реальности, конкретные либо

абстрактные. Но информация не управляет действием и не может им управлять. Информация лишь координирует потенциальные возможности объекта в желаемом и свойственном для него направлении. Это важно понимать.

Волк настигает добычу не потому, что ее увидел, а потому, что голоден. Сытый он ее пропустит.

Первичны инстинкт, потребность, желание. Потребности и желания могут быть осознанными и неосознанными.

Человеком управляет потребность в максимальных ощущениях, какие он только способен испытывать. Это связано с потребностью человека совершать максимальные действия, на которые он только способен. И разум человека направлен прежде всего на информационное обеспечение этой потребности. Жить так, чтобы испытывать максимальные ощущения и совершать максимальные поступки. Иногда говорят: «Он стремится к сильным ощущениям» или «Его распирает жажда деятельности».

В целом, в среднем, наш разум – это средство информационного обеспечения деятельности человечества по захвату максимума свободной энергии. По совершению максимальных действий. (В деталях картина сложнее).

12. Этика, мораль, совесть

Законы государства – общая и грубая система регулирования общежития. Мораль и совесть – конкретная и тонкая регулировка тех же отношений. Смысл морального саморегулирования социума и в том, что это позволяет ему функционировать с максимальной общей эффективностью. То есть перерабатывать максимум энергии.

Так «загадки звездного неба над человеком и нравственного закона внутри человека» связываются воедино и объясняют друг друга.

13. Суть истории и максимальное действие

По мере эволюции Вселенной процесс структуризации энергии в материю и распада материи с выделением энергии ускоряется. Неорганический этап, органический, социальный – и вот мы достигли звездного способа выделения энергии по своему усмотрению (Бомба). В итоге процесс стремится к такому положению, когда за минимум времени структурируется максимум энергии и распадется максимум материи. В идеале период распада/структуризации стремится к нулю, а объем массы/энергии стремится к бесконечности, то есть ко всему содержанию Вселенной. То есть процесс космической эволюции направлен к схлопыванию и новому Большому Взрыву.

На сегодняшний день человек находится на острие этого процесса. Он захватывает энергию и выделяет ее с максимальной и все растущей скоростью. Человеческая История есть логичное и необходимое звено космической эволюции, направленной от Большого Взрыва к следующему.

Наши потомки, которых сегодня трудно представить, будут неизбежно причастны к новому Большому Взрыву.

14. Энергоэволюционизм

Так я назвал общую теорию типа современной натурфилософии, основы которой так кратко здесь изложил.

Я попытаюсь предложить и в общем сформулировать Закон Всемирной Структуризации, лежащий в основе эволюция Универсума.

Энергоэволюция Вселенной изначально имеет антиэнтропийную направленность. Креативный процесс предшествует энтропийному.

Креативное начала Вселенной преобладает над энтропийным. Структуризация энергии и материи необходимо и неизбежно предшествует энтропии.

== Стремление к усложнению есть условие и сущность наличия Бытия ==

Усложнение есть категория и атрибут Бытия.

И следствия этого Закона:

1. Несвязанная энергия имеет тенденцию к структурированию.
2. Структура имеет тенденцию к самоусложнению.
3. Любые изменения любых материальных структур в конечном итоге ведут к усложнению этих структур или вовлечению их в более сложные структуры.

Основы энергоэволюционизма (зачем мы и почему)

лекция, прочитанная по кафедре философии МГИМО в 2009 г.

Основным философским течением XX века, из которого все мы родом, самым мощно-интеллектуально-гуманисти-ческим, был экзистенциализм; а вся сущность экзистенциализма, часто думается мне, выражена блестящим Сэлинджером в его всемирно знаменитой «Над пропастью во ржи», где юный Холден Колфилд говорит: «Мне плевать, что такое этот мир и как он устроен, я хотел бы знать, как мне-то в нем жить?»

I Мировая война опрокинула и разбила все представления человечества о гуманизме прогресса, о светлом завтра, о благотворном влиянии науки и техники, о братстве людей, о возвышающем значении культуры. Социалисты оказались милитаристами, мудрецы оказались пустоболтами, моралисты оказались лицемерами, а гуманисты фантастами. Мир был необъяснимо жесток, бессмысленное самоубийство самых развитых народов, впавших в кровавое варварство, отвращало мыслителей от той мысли, что мир логичен, разумен, справедлив и как минимум объясним. Философия XX века – это философия разочарования, философия поражения, философия бессмысленности бытия и ничтожества человека.

A II Мировая война прибавила к этому несчастью то понимание, что все относительно. Все, в общем, фигня. Все можно объяснить как угодно, главное договориться о словах. И пошли все разновидности модернизмов, постмодернизмов и релятивизмов в философии, и это напоминало гибрид кассира с фокусником, когда деньги же есть, но в каждый миг они с равным успехом оказываются в любом месте и разном количестве, и вот ты их держишь в руках, а это тебе только кажется. Вот так политиканское лицемерие матрицируется на мозги народов, и деформированное, дезориентированное коллективное сознание, отчаявшись понять базовую и незыблемую истину, начинает объяснять себе механизм равноправных иллюзий как единственную данность.

Антифашизм был догмой. Антитоталитаризм был догмой. Свобода была догмой. Подбросим горсть догм о демократии, равенстве, справедливости и счастье, и о какой тут философии можно вообще говорить? Философия превратилась в гуманистическую пропаганду, или пессимистический плач о горе людском, или набор конструкций-головоломок как виртуальных отражений нашей бредовой жизни.

Но люди по-прежнему, как всегда, хотят знать, как устроен этот мир, и почему они живут в нем так, а не иначе, и какой в этом смысл, и чем все кончится. (Заметим, чтоб много о себе не

мнить, что люди всегда придерживались той точки зрения, что мир был кем-то как-то когда-то создан, и раньше или позже кончится, и высшие силы кое в чем движут людьми помимо их желаний и сознания, и эти высшие силы чего-то от людей хотят. Поразительная есть фраза у Толстого: «Философы лишь различным образом объясняли людям то, что люди и так всегда знали». Слово «духи» заменяется на «бог», потом на «объективный закон» и «термодинамику», но суть меняется мало, разница в уровне объяснения.) Если философия не отвечает людям на главные вопросы, то это не философия, а сугубо вспомогательные внутрифилософские дисциплины.

В этом отношении античная философия остается образцом. Вот сказал Гераклит: «Все течет, все изменяется», – и это не просто заложена основа диалектики. Это впервые сформулирован самый основной, самый первичный, самый базовый закон Вселенной: изменение. Бытие есть изменение.

Такая штука. Это нам сейчас просто. Да и то большинство этого и близко не понимает. Так, знает, запомнило, но без осмысления. Бытие – это означает: пока не летит свет (создавая тем самым пространство), пока не меняется положение субэлементарных частиц относительно друг друга (создавая тем самым время), – нет вообще ничего, пространства нет, времени нет. Секунда – это число волновых и корпускулярных колебаний. Существование Земли, развитие жизни, история цивилизаций, жизнь человека – это непрерывный поток изменений на всех уровнях – космическом, геологическом, биологическом, социальном.

Ни в чем нет остановок. Остановить мгновение в смысле прекратить изменение чего бы то ни было – невозможно, Гете это вам подтвердит. Атом, клетка, судьба, история – изменяется каждый миг и не остановится до смерти. Возникновение и падение великих цивилизаций – оно подчиняется тому же закону, который лежит в основе всего.

Каким же гением был Демокрит, сказав в те времена: «Нет в мире ничего, кроме атомов и пустоты». Нет, вы поняли? Люди, предметы, земля, облака, волны, – это явления одной природы, все из тех же первокирпичиков.

И мы не будем противопоставлять Платона как идеалиста Аристотелю как материалисту. Это деление позднейшее, весьма вульгарное, нужное лишь для споров и интриг философоизучателям и богословам. В теории эйдосов Платон впервые коснулся, подумал, сказал, построил картину метафорическую, что материальная жизнь не есть сама себе первооснова, но имеет информационное и энергетическое первообеспечение, что материальная жизнь – следствие, а причина ее – в неких уровнях высших, нашими чувствами не постижимых; существуем мы не сами по себе на земле, но являясь воплощением и одновременно отражением неких сил более коренных, неких процессов по отношению к нам первичных.

В переводе на современный язык это можно понимать так, что информационный уровень, информационное обеспечение, информация как изначальный закон Бытия – первичны; что Закон Природы не зависит от материальных подвижек, но напротив – материальные процессы именно таковы, потому что происходят по закону природы. И материальные тела и процессы обеспечиваются чем-то, без чего они, движущаяся материя то есть, и существовать не могут.

Понимаемая так информационно-энергетическая философская теория Платона, вернее – гипотеза, конечно, об информационно-энергетической основе Бытия, в нашу эпоху информатики и квантовой физики нашла куда как серьезные подтверждения.

Все мы родом из детства. Все мы из греческой философии. Не надо отрываться от корней. То, что первыми поняли и сформулировали они, не принимается во внимание сегодня удивительно часто. А наша задача – поставить свое философское видение мира на прочное основание. *Ab ovi.*

Последним (да-да – но не последних) из греков мы обязаны назвать Сократа. Если Протагор со своим «Человек есть мера всех вещей» вполне может быть назван отцом не антро-

поцентризма, как некоторые полуобразованцы всерьез полагают, а сенсуализма, что ценно и необходимо, – то Сократ впервые развернул философию к живому человеку лицом к лицу, так сказать, он связывал мироздание с личностью. По чести и совести Сократ – родоначальник социальной психологии с его фразочкой: «Я намерен посвятить остаток своих дней постижению только одного вопроса – почему человек, зная, как следует поступать добродетельно и себе во благо, поступает нехорошо и себе же во зло, причем добровольно и по собственной склонности». 5-й век до нашей эры. По предначертанному им пути мы до сих пор и идем, спотыкаясь на колдобинах.

И вот этого спотыкающегося человека Аристотель позиционировал как «животное политическое». По Аристотелю, государство предшествует человеку, существовать в составе государства свойственно для человека. То есть государство и человек выступают друг по отношению к другу как общее к частному, и более того можно рискнуть – как первичное к вторичному. Скорее человек есть порождение государства, нежели наоборот.

И семисот лет не прошло – появился Плотин. Редкого была качества голова; как, впрочем, и все нами упомянутые. Философию Плотина можно назвать антично-синтетической. Главное – он полагал, что всему есть Единое первооснование. Что все ноги растут из одного куста. Все сущее – это нисходящая иерархия Единого, каковое Единое выше даже Космоса в неизреченной сущности своей (слово «сущность» мы употребляем сейчас не в философском смысле, а в библейском обороте). И материя – это низший уровень единой иерархии. Единое не то чтобы даже правит всем – оно проявляет и реализует себя во всем. То есть все что есть – это агрегатные состояния Единого. Это даже круче, чем у Пифагора или Платона.

Вот Пифагор считал, что Бог есть число. Не лишено! Информация – она вроде и есть, а вроде в материальном смысле ее и нет. Есть число «четыре» – и его не убьешь, не пощупаешь, им не завладеешь, оно пребудет вечно. А мир существует по законам чисел, подчинен соотношениям чисел. Все математические обсчеты, все формулы и уравнения с графиками, которыми современная физика выражает устройство нашего Универсума – все это идет от Пифагора!

Плотин недаром же называется неоплатоником – он обобщил всех, кого мог, но суть философии Платона и Пифагора прежде всего, что мы должны запомнить. Единое есть источник и суть всего, и это Единое в современном лексиконе может быть определено как информационно-энергетическое Единое. Оно нематериально, над-материально, над-бытийно, но есть тот источник и тот закон, из которого все и происходит. Во.

Потом наступил длинный и дурной период пустоболтства о божественном и греховном. Рухнула культура, ну и философия рухнула. Каких-то полторы тысячи лет – и сэр Фрэнсис Бэкон пишет «Новый Органон». И связывает философию с жизнью человека как переделкой природы. Философия – чтоб помогать брать блага у суровой природы. Вот кто реальный прародитель инструментализма! «Знание – сила!» – сообщил философ. Информация о мире неотделима от переделки мира. Развитие знаний и науки – есть средство для преобразования природы по разумению человека и в нуждах человека. То есть: информация, человек и природопреобразование сведены воедино.

И вот уже Новое Время, век просвещения, и один из четырех величайших мудрецов всех времен и народов (по европейской табели о рангах), Гегель, оформляет диалектику в канон, и все образованные люди пытаются освоиться с той мыслью, что одно переходит в другое, все течет и изменяется (ау Гераклиту), любое явление имеет как минимум две стороны и т. д.

А чуть перед Гегелем Кант, другой из той же мудрой суперчетверки, произнес свое знаменитое, что лишь две вещи непостижимы уму – звездное небо надо мной и категорический императив внутри меня. Устройство Космоса и человеческая психология связаны здесь единой постановкой проблемы.

И наступает великий XIX век! И Ламарк создает свою теорию эволюции. А Дарвин создает более детализованную, добросовестнее продуманную эволюцию, и все в толпе забы-

вают, что основу всю заложил Ламарк, что идею ту же оформил Уоллес, их отлично знает наука, но место на знамени только для одного имени: Дарвин! Наука объявляет, что человек есть плод и продукт эволюции природы.

И вот тут, вот тут, вот тут начинают проявляться контуры энергоэволюционизма, хотя слова такого еще долго не будет!

Во-первых, великий систематик Спенсер продлит принцип эволюции в обе стороны от живой природы, от биологии. И объявит, что эволюционирующая материя существует в трех формах: во первых, материя косная, мертвая, неорганическая; во вторых, материя живая, органическая; и в третьих, высшая форма материи – это материя социальная, а она включает все социальные институты в их функциях и отношениях. Спенсер провозгласил единство эволюционирующей материи Вселенной.

Не только эволюция организмов есть развитие от простого к сложному. Но и вся материальная Вселенная подчинена этому закону, развивается от простого к сложному по этому закону, и самое простое – это мельчайшие неделимые частицы материи, атомы, – а самое сложное это государства с их культурой, их институтами, их законами и моралью.

М-да, но встает философский вопрос: пусть это все так, но куда оно развивается, и зачем оно развивается, и с чего это началось, а главное – чем это, черт возьми, кончится? И тут наука не в курсе дела. Современная, XIX века наука, полагала Вселенную вечной. Без конца и без начала во времени и пространстве. И это слегка огорчало и озадачивало горячие умы.

И тут появляется Шопенгауэр с толстым томом «Мир как Воля и представление». Заметим, на этот труд не обращали внимания, пока развитие науки и осмысление ее результатов не встроило теорию Шопенгауэра в общий научный и осмыслительный контекст середины XIX века. «Мировая Воля» Шопенгауэра – это синоним и Бога, и Высшего Мирового Закона, и Энергии, – чего хотите. Главное: движение мировой истории иррационально, не имеет начала и конца, бессмысленно. Его нельзя отменить, оно не сводимо ни к каким задачам. Мировая Воля являет себя во всех формах материи и движения. И человека она заставляет действовать, чувствовать, добиваться и страдать, и все движения нашей психики и тела – это движения Мировой Воли, здесь и сейчас локально персонифицировавшейся в нас. Суть для нас в чем? В основе всех действий, всего Бытия – лежит первичный волевой посыл, он же энергетический посыл: мир движется, потому что такова его сущность, потому что иначе невозможно, и жизнь наша происходит не потому, что мы добиваемся конкретных и осмысленных целей, но наоборот: мировая воля внутри нас требует выхода, требует действий, и эту бессознательную потребность мы оформляем в действия, стараясь придать им какой-то смысл. Короче: действие – первично и безусловно, цель – вторична и условна.

И вот следующий и очень важный акт нашей философской драмы: австрийский врач Роберт Майер открывает закон сохранения энергии. Это величайшее открытие! Незадолго до этого Карно открывает закон, как бы в общей форме сказать, обмена теплом между телами. Машины он тепловые изучал, паровые машины. Этот закон после корректировок и уточнений, сделанных другими, стал великим Вторым законом термодинамики. Однако еще до этой формулировки Клаузиуса, Кельвина и компании, хотя и после Карно, Майер открыл и сформулировал закон сохранения энергии, ставший Первым законом термодинамики. Сначала Второй – о рассеянии энергии и возрастании энтропии, открытый Карно, – потом Первый о сохранении энергии, открытый Майером. В середине XIX века возникла термодинамика.

И тут же и Клаузиус, и Томпсон лорд Кельвин выдвинули теорию тепловой смерти Вселенной. Как замкнутой системы, не получающей притока энергии извне, но совершающей работу внутри себя. И по сегодня эта теория не подтверждена и не опровергнута. Величие момента в том, что конец всего впервые заявлен на уровне не религиозном, не философском, а научном.

И век подходит к концу, и тут великий немецкий химик Вильгельм Оствальд, кстати российский гражданин родом из Риги, потом в Лейпциге работал, будущий нобелевский лауреат, апологет термодинамики, начинает читать курс по натурфилософии и представляет миру свою теорию мироздания, строит свою философию – энергетизм. Это принципиально важно, на энергетизме надо остановиться подробнее.

По некоей установившейся традиции, которая может сбить с толку слушателя, говоря об энергетизме упоминают две фамилии – Майер как родоначальник и Оствальд как создатель. Хотя Майер был в науке чистый термодинамик и ничего больше. И поскольку научной основой оствальдского энергетизма является термодинамика, то вместе с Майером следует упоминать и Карно, и Клаузиуса, и Кельвина, и Джоуля, и Гельмгольца, – это создатели той самой термодинамики, открыватели и исследователи и формулировщики тех самых двух законов термодинамики и их следствий.

Основным принципом Вселенной Оствальд считал Второй закон термодинамики, и сам так и говорил, и писал: основа существования Вселенной, основа Бытия – это рассеяние энергии. Рассеяние энергии создает все – всю материю во всех ее проявлениях и действиях. Энергия, рассеиваясь во Вселенной, и есть все сущее в своей самой глубинной, базовой основе.

Существование материи Оствальд отрицал. Он полагал, что есть лишь энергетические линии, поля, сгущения и тому подобное. Он отрицал существование атомов – а экспериментальным путем атомная теория тогда, по его мнению, не подтверждалась. Это все просто виды энергии, утверждал Оствальд, вот так она проявляется. Более того – дуалистичность энергии-материи он тоже категорически отрицал, к этой дуплексной теории относился негативно и даже враждебно, как к примиренческой, ренегатской, подхалимской по отношению к господствовавшему в науке материализму. Одна его лекция и брошюра так и называется: «Несостоятельность научного материализма».

Идея приложения Второго начала термодинамики ко всему на свете настолько увлекла Оствальда, что он стал прикладывать ее к эстетике, духовной жизни, нервной деятельности человека – вот напрямую: все есть лишь взаимодействие энергий в основе своей, и все тут, и все подчинено закону рассеяния энергии.

Этот механистический редукционизм, этот, простите за вольность, линейный энергодетерминизм философии Оствальда ведут к многочисленным ошибкам и упрощениям. Мономан, как многие открыватели, Оствальд провозгласил свой «энергетический императив»: «Не растрачивай энергию попусту, используй ее». На что используй? На полезное дело. А что полезно? Все, что позволяет лучше жить и размножаться. А культура человеческая, искусство? Оствальд строит конструкции полезности искусства для энергетического аспекта жизни.

Энергетический утилитаризм – вот что печально в его теории. Это не работает.

Эволюцию Оствальд хочет свести к повышению КПД организмов как энергетических машин. Но рептилии гораздо экономичнее теплокровных, их КПД гораздо выше, пищи им хватает на больший период существования, и мощность в броске у них больше!

Суть эволюции – усложнение материальных структур. Оствальд хочет свести ее к повышению энергетического КПД. Раз мировая энергия рассеивается, и в процессе рассеивания создает все, и при этом убывает невосвратимо, и Вселенная перестанет когда-нибудь жить, – значит, главное в природе – это использовать рассеивающуюся энергию с максимальным для себя эффектом, пускать максимальную ее долю на нужное тебе дело! – вот суть энергетизма. Однако на деле чем проще животное, тем его энергетический КПД выше. Оствальд утверждает обратное, сводя едва ли не любые формы деятельности и движения высших животных к необходимо полезным – а игры? а обгрызание деревьев, которые гибнут?

Понижения энергетического КПД организмов по мере эволюции Оствальд объяснить не может, а потому не хочет, а потому обходит неудобные примеры стороной. А потому его философия принята не была, забылась сразу, вспомнили о ней лишь полвека спустя и то узко. Опять

же: раз не материалист – значит идеалист, а идеалистам в науке жилось плохо, били много, что ж такое, в самом деле, материю отрицает.

Мы должны отметить главное: Оствальд первый сказал – Бытие, Вселенная, все сущее – имеет базовым уровнем одну и ту же основу: энергия. Законы термодинамики в основе всего. Жизнь есть обмен свободной энергией, учил Оствальд.

А ведь в это самое время Ницше писал о воле к власти. А волю к власти можно перевести как то, что все в природе стремится оказывать максимальное воздействие на все окружающее. Максимально на окружающее влиять, быть максимально значимым, действенным, влиятельным, главным в сфере своего досягания. Что в переводе на энергетический уровень означает: стремление к максимальным действиям, то бишь к максимальному уровню обмена энергией, движет существами.

Философия и наука стали решительно смыкаться (как, впрочем, и положено быть, и чего не было бесконечные полторы тысячи лет серости и религиозности). В Америке Чарлз Пирс основал прагматизм: призвание философии давать какой-то толк в жизни, а не заниматься схоластикой. Позднее Дьюи разработает инструментализм, что можно коротко считать философией «человека действующего»: знание рассматривается как неотъемлемая часть действия человека, из каких-то действий и складывается его взаимодействие с природой, им переделываемой по своей нужде, в чем и суть жизни по большому счету.

А Зигмунд Фрейд создает свою теорию психоанализа. Человек не властен над собой. Подсознание диктует сознанию. Наши поступки и чувства разумом не руководствуются. Мы повинемся бессознательным влечениям. Не разум диктует нам жизненный путь и образ действий, не разум ставит цели, – но внутреннее влечение ведет нас и задает судьбу и поступки, Разум – лишь верхушка айсберга, влекомого подводными течениями, хотя ветер над водой может парусить в эту верхушку.

Этот переворот в науке о человеке был лишь эхом одновременного великого переворота в науке. Тому масса имен, и Эйнштейн первое из них. Великая формула $E = mc^2$ связала массу и материю. Масса имеет энергетический эквивалент. И никто уже не смел отрицать атомов, и возникла квантовая физика, и атомная физика делала гигантские шаги. Атом стал просто фактом жизни.

И Фридман зарылся в теорию Эйнштейна, и сел за расчеты, и вывел уравнения. И, можно сказать, возникла Теория Большого Взрыва. Теория сингулярности. Начала Вселенной, родившейся взрывом из одной точки. И разлетающейся в разные стороны до сих пор.

Еще год-другой – и Хаббл открыл красное смещение, и подтвердил разлет Вселенной, и даже подсчитал его скорость, скорость разлета галактик.

А вот теперь давайте подбирать хвосты и подбивать бабки. Потому что в 20-е годы XX века у философии было уже все, вроде бы, чтобы понять устройство Мира.

С одной стороны, есть диалектика, то есть понимание того, что все изменяется, все перетекает одно в другое, все имеет как минимум две стороны, единство и борьба противоречий есть источник развития и так далее.

С другой стороны, есть теория эволюции, охватывающей, вроде бы, все виды материи, все сущее. Повторим несколько фамилий. Лайел – это геология, косная материя; Дарвин – это биология, живая материя; Конт, Дюркгейм – это социология, социальная материя. То есть – и материя косная, и материя живая, и материя социальная развиваются по одному и тому же закону – усложняется от простых форм ко все более сложным.

С третьей стороны, создана термодинамика. Есть понимание того, что все на свете энергетически связано. Что эволюция имеет энергетическую подоплеку. И была уже сделана попытка увязать эволюцию с энергией всесторонне, и жизнь свести к обмену энергией, но на базе Второго начала термодинамики как основы всего на свете это не сработало. Оствальд. Но энергия с материей – связана воедино: Эйнштейн, $E = mc^2$.

С четвертой стороны, утверждена объективность социальных законов (на этом остановимся чуть подробнее). То есть – общество развивается независимо от воли и разумений отдельных людей. Это Адам Смит с «невидимой рукой рынка», это Маркс со своей панэкономической теорией истории, это Дюркгейм с объективностью социальных институтов. Люди хотят и добиваются собственных, личных целей, а совместно это превращается в ход объективных законов истории.

И с пятой стороны – Фрейд, а за ним и чуть о другом Юнг поведали насчет психологии отдельного человека, поведения самочинного человеческого – что поступает человек не так, как разум ему велит, как он сам для себя рационально считает наилучшим и выгодным, – а повинуюсь бессознательным стремлениям, внутренним влечениям.

И вот если увязать, соединить, психологию начала XX века с социологией того же периода, то получится суперважнейшая наука – социальная психология, без которой философии нет. И назовем имена ле Бона и Троттера. То есть: человек делает не то, что сам себе думает и хочет, но является орудием социального прогресса.

Нам осталось увязать: диалектику, эволюцию, термодинамику, социологию и психологию. То есть. Нам осталось увязать устройство Космоса с психической деятельностью человека на основе Закона Вселенной, под действие какового закона подпадает все сущее. Увязать все со всем. О. Вот это и есть философия.

Бэкон, Пирс и Дьюи хорошо поняли, что сущность человека и его мысль неразрывно связаны с его же деятельностью в мире, в природе, в переделывании окружающей среды под себя, то есть соответственно своим желаниям и разумениям.

Тут так и влезает маленький исторический экскурс: советский коммунизм, немецкий национал-социализм, общая разочарованность в результате I Мировой войны и угрожающее приближение 2-й Мировой войны – сильно действовали на мозги философов и явно мешали думать во вселенском направлении. Релятивизм закрыл собою эволюционизм; экзистенциализм и модернизмы всех мастей рыдали о бессмысленности страшного мира, людском ничтожестве и относительности любых истин. Философы требовали счастья и свободы, уповая на стоицизм.

А наука делала свое. И расщепила атом. И выделила атомную энергию. И сделала Бомбу. Вот это переделка природы! Вот это обмен энергией!

Нам осталось припомнить всего ничего. Что на заре все того же XX века Чижевский чертил и сводил свои таблицы, и получалось, что пики социальной активности, социальных катаклизмов, войн и революций, – точно приходились на пики солнечной активности; и это с неукоснительной, очевидной периодичностью, регулярностью. И что Вернадский сказал, что по мере эволюции миграция атомов в биосфере увеличивается; а человек с его деятельностью становится преобразующей силой геологического масштаба.

Терпение: уже скоро все сойдется!

В 1949 году отец культурологии Лесли Уайт публикует статью: «Энергия и эволюция культуры». Где пишет, что чем более развита цивилизация – тем больше энергии она потребляет. По мере развития цивилизации – энергии потребляется все больше. Вполне прочная, постоянная, неразрывная связь.

Лесли Уайт занимает такое важное место в наших подготовительных выкладках, что мы и на нем должны остановиться дольше. Уайт – прямой последователь Оствальда в рамках культурологии. Он ставит эпиграф из Оствальда. Он полагает Второе начало термодинамики основным законом Вселенной: ее материя идет к распаду, ее энергия уменьшается. Жизнь – это захват свободной энергии и использование ее для своего существования. А вся жизнь на Земле – это термодинамический процесс, идущий в крошечном уголке Вселенной в противоположном направлении, направлении понижения энтропии. Идет этот процесс за счет захвата

и использования солнечной энергии. А философия, социология, – это лишь эпифеномены сего термодинамического процесса.

В замечательнейшей культурологической теории Уайта нам представляется лишь паратройка недоработочек.

Во-первых Уайт, будучи не антропоцентристом, материалистом, объективным ученым, полагает, что деятельность человечества и вообще жизнь на Земле никакого вселенского значения не имеет. Так, незначущая случайность. И кончится человечество, да и вся жизнь на Земле раньше или позже, и никак на Вселенной это не отразится. (Гм, ну и вся наука так полагала.)

Во-вторых, энергию на Земле человек добывает и использует во все бóльших размерах себе на пользу, для своей растущей культуры. И человечество все растет численно и все богаче материально. Вот такой объективный процесс.

В-третьих, в разных типах цивилизаций – как первого типа, Земледельческого, так и второго, более высокого, Топливного, – бывают кризисы перепроизводства. Это от несовпадения технологической и социальной систем данного государства, хоть начиная от Древнего Египта. То есть для господствующего класса вещи бывают в излишке, но на всех поровну их бы все равно не хватило для хорошей жизни.

То есть. Вся деятельность человеческая есть закон природы. И вся эта деятельность нужна только человечеству, чтоб жить, причем жить по возможности все лучше: все больше детей вырастает, все многочисленнее люди, все в большем комфорте живут и безопасности, все разнообразнее жизнь.

И вся деятельность человечества не выходит за рамки использования энергии всемерного и возрастающего для своих потребностей. Это и есть история, можно сказать.

Если некогда религиозные философы полагали, что человек – для Бога и вечной жизни, для проведения политики Бога на Земле, – то философы-материалисты стали полагать, что человек – только для себя самого, и никакого такого смысла в его существовании нет. А цель его – покорять Природу для своего блага. То есть: деятельность человечества хотя и эволюционно детерминирована, но замкнута на самообслуживание, как и у всех живых существ.

Антропозацикленность. Антропозамкнутость. Так бы я назвал этот взгляд, чрезвычайно укоренившийся за века господства мысли и науки. Господства материализма.

Но мы знаем людей, о которых не знал Лесли Уайт. И их взгляды, пусть наивные, пусть совершенно несистематизированные, оторванные от ткани общего научного, мыслительного, философского процесса, – эти взгляды сочетаются с положениями Уайта интереснейшим образом.

Первый из них, городской сумасшедший, глухой школьный учитель из захолустной Калуги, имел фамилию Циолковский. Нет, писатели и сказители всегда летали на Луну и вообще на небо. И думки гадали. Но Циолковский этой мечте обычной попытался придать научные черты, формулу вывел для ракеты (хоть она в Кембридже и до него была, да знаменит-то стал и мировое внимание привлек Константин Эдуардович!). Человечество должно выйти в Космос, покорить Вселенную! О це да! И Советская Власть, нацеленная на бескрайнюю мечту переоборудования всего мира для счастья нового человечества, по достоинству оценила безудержную научную отвагу Циолковского и прославила его на весь мир.

А в пятидесятые годы XX же века советский доктор философии Ильенков написал эссе «Космология духа», как оно определено им в подзаголовке – «Философская фантазмагория, опирающаяся на принципы диалектического материализма», где предположил, что человечество, овладевая энергией во все бóльших объемах, в конце концов на вершине своего развития пожертвует собой и запустит цепную реакцию взрыва Вселенной, и тем самым спасет ее от тепловой смерти, и тем самым произведет огненный вихрь, который и даст зарождение новой Вселенной в бесконечном цикле ее существования. И это и есть роль и назначение мыслящей

материи, духа, во вселенском существовании. Как принято в России, эссе было не издано, осталось неизвестным, опубликовано только в конце XX века.

Тогда же и независимо от того американский социопсихолог советского же происхождения, основатель теории рефлексии Владимир Лефевр, выразился, что «Если допустить, что мы являемся инструментом Вселенной, то наше предназначение – это борьба с тепловой смертью».

Мы обязаны с вами коснуться широко принятой сейчас теории глобального эволюционизма. О глобальном эволюционизме достаточно слышать, что он есть. Ибо сводится он к тому эволюционизму, о котором мы уже говорили, и которого придерживались еще в XIX веке Спенсер, Оствальд, Дюркгейм и еще масса серьезных людей. То есть косная материя получила разделение на космическую и химическую формы эволюции, а дальше как раньше – биологическая и социальная. Преемственность в развитии от простого к сложному от субэлементарных частиц до государства и цивилизации, и единство этих форм материи, – вот к чему и сводится глобальный эволюционизм, мимо которого, однако, пройти будет некорректно.

Теперь и под конец нашего безразмерного обзора мы переходим к великой вещи под названием «Синергетика». Слово это ввел в 1974 году немец Герман Хакен, он же синергетику и заложил. Хотя другой ее создатель, Илья Пригожин, русский еврейский бельгиец, говорил исключительно о неравновесной термодинамике. В синергетике за прошедшие треть века много уже великих имен, всех мы перечислять не будем. Тоффлер сказал, что синергетика – это величайшее течение, система взглядов, парадигма, как сказать, во всей нынешней научной революции. Но для нас это не важно.

Важно для нас что. Что синергетика занимается самопроизвольным усложнением систем. Возникновением порядка из хаоса, как и называется в русском переводе одна из книг Пригожина и Стенгерса. В развитии и усложнении систем с точки зрения синергетики определяющим является не материальная структурная сложность, а повышение внутренней способности системы к дальнейшему упорядочиванию, повышение потенциала самоорганизации. Говоря грубо и по простому: структура становится не только более упорядоченной, но и более энергосодержащей, более потентной. То есть: при таком самообразовании энтропия не растет при переходе на более равновесный уровень, но понижается. Равновесие происходит на все более высоком уровне. Насчет «странного аттрактора» я вас грузить не буду, и так информации неподъемно.

Ну, типа: альпинист плохо держится на скале. Он упал к подножию и лежит на равнине мешком. Система пришла в устойчивое равновесие. Энергия ее снизилась, энтропия выросла. Другой вариант: альпинист забрался на вершину, и там разлегся на плоском большом плато. Тоже равновесие. На более высоком энергетическом уровне. Энтропия только уменьшилась.

«Капо ди тутти капи» в науках, крыша и объединение наук, синергетика стремится свести все в мире воедино, и это у нее получается с нарастающим успехом. Для нас главное следующее.

В основе своей синергетика имеет термодинамику. То есть это учение энергетическое, и рассматривает оно мир на базе энергии.

Второе. В нормальной, классической термодинамике любая система стремится к равновесию, для чего и путем чего и вследствие чего она, неравновесная система, сбрасывает максимум энергии, выделяет максимум энергии, энтропия ее возрастает, и она приходит к такому устойчивому, сильному, прочному состоянию, когда уже может жить спокойно, не стремиться разрушиться, успешно противостоять силам, стремящимся ее разрушить как изнутри, так и снаружи, нарушить то есть ее равновесие, существование ее в нынешней форме. И согласно Второму началу термодинамики часть ее энергии безвозвратно рассеивается.

Ну так синергетика обратила внимание на системы и занялась ими, которые из неустойчивого состояния переходят не на более низкий энергетический уровень, а на более высокий. Что, собственно, и лежит в основе вселенской эволюции. Эволюция не только как структур-

ное усложнение. Эволюция как переход динамических систем на все более высокий уровень. Устойчивость систем все дальше от нижнего уровня равновесия – если считать равновесием мыслимо нижний уровень, например, человек превратится в набор элементарных частиц.

Вселенская эволюция как удаление устойчивости от равновесия все дальше. И еще – рассмотрение общности науки, культуры, человека и природы, человека внутри природы. (А флуктуации, значение случайности, отрицание линейного детерменизма, – это для нас сейчас не важно, всего в свою сумку не запихнешь.)

Если кто помнит, как был основан Карфаген, так условились с аборигенами, что возьмут столько земли, сколько покроет воловья шкура, – после чего шкуру нарезали на тончайшие ремешки, связали их в единый шнур и обнесли тем шнуром территорию будущего города. Вот так мы сейчас штрихами очертили огромный контур научной и философской базы нашего учения, которое включает в себя ряд принципиальных выводов из вышеупомянутых теорий, komponуя эти выводы в несколько новую, как представляется, комбинацию и дополняя их рядом соображений собственных.

Итак. Переведите дух и давайте легче, по-простому.

Дорогие мои. Энергоэволюционизм подобен тоннелю, который рылся с двух концов. И с какой бы стороны вы ни поехали – вы обязательно и неуклонно доедете до выхода с другой стороны. Дедуктивный метод рассуждения и познания и встречный ему индуктивный срастаются воедино. Общее и частное связаны двухсторонней связью.

Суть энергоэволюционизма заключается в том, что человек, являясь частью Вселенной, ее порождением и одновременно орудием, в своих действиях движим инстинктом жизни, то есть имманентным стремлением что-то делать, то есть изменять окружающую действительность, то есть обмениваться с ней свободной энергией. Обладая нервной системой, психикой и сознанием, человек руководствуется в жизни не умственными выкладками, а стремлением к максимальным ощущениям. Ибо через это и воспринимается жизнь, ибо сумма и сила ощущений и дают человеку представление о жизни: субъективно жизнь сводится к сумме ощущений. Но – большинство ощущений сводится к действиям и есть следствия действий или побуждения к действиям. Таким образом, человек, стремясь к максимальным ощущениям, стремится объективно к максимальным действиям.

История и прогресс – это совершение человечеством все более грандиозных действий. Это обмен с окружающей средой все большим количеством свободной энергии.

На этом пути люди объединяются в системы – социумы, социальные системы. И рациональность этих систем такова, что суммарно они производят больше действий, преобразуют окружающий мир больше, чем то же количество людей могло бы сделать порознь, неорганизованно. В социальных системах люди получают больше разнообразных ощущений – и совершают совместно бóльшие действия (разделение и рационализация труда, техника и наука, погоня за производством и потреблением как повышением своего статуса в социальной иерархии и т. д.).

Люди ввергают себя в страдания, добиваются излишних вещей и почестей, воюют и завидуют, гонятся за счастьем и пропускают его меж пальцев, – в потребности как можно больше всего почувствовать, и хорошего и плохого, и максимально много сделать – как созидать, так и разрушить уже созданное: лишь бы переделать!

Предела максимальности действий, которые может произвести человечество, в принципе нет. Термоядерный способ выделения энергии – это уже звездный уровень. Если экстраполировать эволюцию на Земле, и эволюцию человека в частности, в неизмеримую даль времени и пространства, в уровни выделения энергии из косной материи все более глубокие, вплоть до превращения всей материи в энергию по эйнштейновской формуле, – то человечество или его потомки максимум что могут сделать, Идеальный максимум, – это взорвать нашу Вселенную, превратив всю ее материю в энергию, и тем самым совершить Максимальное Действие из

всех возможных. И одновременно произойдет тот самый Большой Взрыв, с которого начнется существование Новой Вселенной.

И вот на этом пути к Большому Взрыву Единой Новой Сверхзвезды – человечество перелопачивает материю и энергию окружающего пространства все активнее, все быстрее, во все больших объемах. Поэтому оно никогда не останавливается на достигнутом, не превращает свою жизнь в обустройство необходимых и достаточных удобств, вредит своему здоровью и существованию народов и цивилизаций, губит экологию и производит горы ненужных вещей. Инстинкт! Назначение! Делать все больше всего! Пока не воссоздадим Вселенную по-новой!

Институты власти и религии, наука и техника, – все подчинено этой объективной задаче. Культуру в узком смысле слова и искусство можно считать побочными явлениями, без которых человечество не может обойтись, обладая рефлексивным сознанием и потребностью перелопачивать не только объективно существующий внешний мир, но и переструктурировать мир внутренний, мир сугубо своих представлений.

Индуктивный путь здесь – от психологии человека, объясняя ее в полном объеме парадоксальных феноменов, и до Вселенной, до Большого Взрыва.

Здесь что принципиально? Что человек и человечество в своих действиях и в Истории – не руководствуются разумом, или стремлением к выгоде, или к удобствам, или добру, или тем более злу. Но подсознательно, инстинктивно, через тягу к максимальным ощущениям, движется по пути максимально возможных действий. И действия эти все более максимальны и грандиозны.

Разум лишь обслуживает желание, желание же формируется инстинктом. И этот инстинкт жизни варьируется и изощряется формально по мере эволюции человеческой, принимая формы социального инстинкта, инстинкта познания, наконец, – кроме самосохранения, жажды голода, размножения, и т. д.

Да, кстати, человеку что строить что ломать, один черт, абы переделать иначе, чем было, – но поскольку ломать можно только то, что уже есть, – то созидание в деятельности человеческой превалирует над разрушением.

А теперь обратимся к дедуктивному методу – от общего к частному, от Вселенной к человеку. Вот полтора столетия склонялись к мысли, что Второе начало термодинамики – суть жизни Вселенной: энергия рассеивается, энтропия нарастает. Но. Если под энтропией понимать безвозвратную потерю энергии при любом действии – это одно значение. Если под энтропией понимать степень равновесности системы, когда ее элементы стремятся урównяться потенциалами, чтобы прийти в устойчивое состояние и больше энергия от одного элемента другому уже не передавалась – типа карточный домик стоит – неустойчивое состояние, потенциальная энергия верхних карт высока, а карточный домик рассыпался – устойчивое состояние: ничего больше не упадет, потенциальная энергия всех карт равна на уровне стола: энтропия системы достигла (условно) ста процентов.

Ну так по мере эволюции Вселенной одновременно с ростом энтропии как аспектом рассеяния энергии – происходит уменьшение энтропии как аспект все большего упорядочивания системы, как уход все дальше от хаоса. Вот как свет отделился от тьмы – так началось упорядочение системы! Материя отделилась от вакуума – упорядочение продолжается. Субэлементарные частицы, элементарные, атомы все сложнее, поля, излучения, молекулы, ботаника, животные, государства, – рост упорядоченности.

Эволюция сводится к: а) рассеянию энергии. Было. б) Созданию все более сложных материальных структур. Было. в) Созданию структур со все большим потенциалом к дальнейшему саморазвитию. Тоже уже было – так подошла к делу синергетика. г) И последнее – эволюция Вселенной есть преобразование энергии (первичной и общей во Вселенной) во все больших объемах и со все большей скоростью. Вот этого еще не говорилось. *Это и есть энергоэволюционизм.* Преобразование энергии с положительным и возрастающим балансом.

Эволюция есть рассеяние энергии, эволюция есть возрастание сложности материальных структур, эволюция есть самозарождение структур, устойчивых на все более высоком уровне неравновесности со все большим потенциалом к развитию. Это до нас. Эволюция есть проявление свойства и закона первоэнергии Вселенной преобразовываться из одних форм в другие со все большим усложнением и все большей скоростью. Это уже – мы. (Первые миги жизни Мира, расчеты Планка и последователей, доли секунды в десять в минус двадцатых и минус тридцатых степенях мы сейчас не берем, то модель чисто математическая.)

И вот когда энергоэволюция доходит до человека, и он начинает перелопачивать Землю в миллион раз быстрее, чем шло бы геологическим порядком, и вышибает из атома энергию, которая вообще бы никогда не выделилась, очень возможно, – человек на острие этой энергоэволюции выводит ее на следующий уровень скорости.

То есть. Энергоэволюция Вселенной, идущая с нарастающим балансом, проходит через создание и деятельность человека – и дальше по нарастающей до Нового Взрыва.

В биологической же эволюции на Земле все организмы от простейших до самых сложных потребляли для своей жизнедеятельности все больше энергии на единицу массы – и все больше энергии в единицу времени выделяли в окружающую среду, все меньшую ее часть расходуя на собственно поддержание функционирования организма. То есть – КПД организма как энергетической машины падал, – но оборот энергии рос. Это тоже мы – энергоэволюционизм.

И вот человек: потребляет для функционирования собственно организма в пять раз больше энергии, чем ближайшие животные. Качественный скачок энергопотребления! И этим пятикратным подъемом потребления – природа достигла миллионкратных увеличений энергии, которая посредством человека выделяется на Земле.

Дорогие коллеги и собравшиеся дети. Еще пара таких скачков в создании энергопреобразующих систем, как сделала природа с человеком, – и можно уже говорить о взрывах галактик по своему усмотрению.

Итак.

Энергоэволюционизм – это философская система, рассматривающая единую эволюцию всех форм материи во Вселенной от простых к сложным как преобразование форм единой энергии Вселенной, идущее со все большей скоростью потребления и выделения все больших объемов энергии.

Человек есть неотъемлемое и принципиальное звено этой энергоэволюции, высшее на настоящий момент из нам известных; хотя принципиально допустимы звенья и последующие, более совершенные и эффективные.

Энергоэволюционизм можно считать натурфилософией, а можно и философией позитивистской. Он исходит из природных фактов и научных анализов, рассматривая их как базу для постижения всех проявлений Универсума.

Энергоэволюционизм рассматривает энергоматерию дуалистически, не являясь таким образом ни классическим материализмом, ни тем более идеализмом. Энергия не рассматривается как атрибут материи, а материя – как атрибут энергии, – но материя есть агрегатное состояние энергии. Цикл существования Вселенной замыкается через исчезающе малый, математически условный миг, когда вся материя переходит в энергию, а время и пространство исчезают и схлопываются.

Для понимания культурной деятельности человека необходимо иметь в виду следующее. Картина цели и целесообразности зависит от степени приближения общего к частному, от увеличения изображения рассматриваемого предмета и рамок, границ, отделяющих рассматриваемую картину от общей картины мироздания. Ни один человек не способен соотносить свои действия сознательно с общей целесообразностью мироздания. Напротив. Чем совершеннее, сложнее энергоматериальная система, тем она автономнее. Чем она автономнее, тем больше

действий она необходимо совершает для собственного, индивидуального обеспечения. Тем больший объем ее психической деятельности направлен на самообеспечение.

Энергоизбыточный человек имеет психическим, нервным оформлением избытка своей энергии большой мозг с мощной деятельностью. Она несравненно мощнее, чем было необходимо для выживания первобытного человека!

Этот избыток психической мощности направляется на все, что можно увидеть вокруг и что можно придумать. Ощущения испытываются от всего, максимальные действия совершаются во всех областях. Необходимые элементы социального слоя коэволюции – религия, власть, закон, трудолюбие, изобретательство и наука, и т. д., двигающие вперед именно энергоэволюцию через деятельность, – заслоняются часто всеми формами искусства, всеми проявлениями эстетики, массой бытовых традиций и т. д. – что для субъективного сознания человеческого не менее важно! не менее значимо! Живущий представлениями о мире человек в душе своей ценит труд поэта выше труда шахтера: ибо его избыточно мощная психика хочет структурировать все достижимые информационные поля, независимо от того, базируются они на реальных объектах или идеальных представлениях.

Повторим:

Сущность человеческой психики – в переструктуризации информационных полей, независимо от реальности или идеальности стоящих за ними объектов!

В результате каких действий постлюдей, мегалюдей (или все-таки людей?) произойдет «перезагрузка» Вселенной? Или это будут биороботы, или чисто кибернетическая цивилизация? С учетом роли случая в эволюции – мы сегодня этого знать не можем. Факт один – эти условные потомки, эти создания Будущего – будут преобразовывать энергию в чудовищных объемах, продолжая энергоэволюцию Мира, что есть этого Мира суть.

Необходимо напомнить, что жизнь многогранна и противоречива. Наука умеет много гитик, а Бытие в целом есть все уровни существования, все аспекты сущего. И при рассмотрении вопросов чаще всего бывает так, что верное на уровне физики плохо согласуется с моралью, биология не стыкуется с человеческой историей, а психология противоречит арифметике. То есть. Философия должна быть непротиворечива. Она должна рассматривать мир и целиком, и в частностях, и все эти частности должны быть учтены и согласовываться друг с другом.

Энергоэволюционизм можно, оглядываясь на Спенсера, считать «синтетической философией». Он дает непротиворечивую картину мира, рассматривая его во всех основных аспектах: энергетическом, космологическом и физическом, биологическом, историческом и социальном, психологическом, и наконец философском.

Энергетический уровень рассматривается как общий для всего в основе, и естественным порядком воедино с космологическим и физическим, что есть аспекты единого. Биологический уровень рассмотрения, как на примерах индивидуумов, особей, так и на примере видов, так и в биосфере в целом, рассматриваются как производная от предыдущих уровней, выше-названных. История может быть постигнута в единстве своего движения только под нашим углом зрения – как совершение все больших действий, преобразование все большей энергии. Социология дает картину структуризации людских масс в системы, эти системы координируют человеческие действия, поднимают производительность труда, все увеличивают преобразование людьми окружающей среды, и существуют эти социальные системы объективно, вне желаний личностей. Психологический уровень – это человек устроен так, что хочет, желает, счастья, но подсознательно стремится не только к положительным ощущениям, но и к отрицательным, и в поисках ощущений совершает поступки, чтоб овладеть каким-то предметом, достичь статуса, совершить дело, и в результате соединяется в системы с другими людьми и преобразует энергии окружающего пространства все больше и больше. А философия постигает это все как аспекты единого целого, анализируя и понимая суть оказывающихся противоречий, каковые противоречия при углубленном рассмотрении оказываются лишь деятельностью монад в рам-

ках собственной целесообразности. (А чем автономнее монада, тем она сложнее, тем большая часть ее действий совершается «для себя», и меньшая «для системы», и за лесом «своего» часто не видно скальной основы «системного».)

(Здесь такой момент, что совершенство системы коррелирует с совершенством подсистем, и подсистемы должны координировать действия собственных под-подсистем, а те своих под-под-подсистем, и возникает своего рода бюрократический эффект, когда система все больше работает в интересах своих подсистем, и все меньше в интересах надсистемы. Но этот бюрократический эффект носит обратную направленность. Подсистема больше «смотрит» вниз, чем вверх, и работает на самоудовлетворение, таким образом. Но поскольку она все мощнее и совершеннее – то хотя ее КПД падает, но выдача абсолютной работы наверх все-таки увеличивается. Так психология личности соединена с энергоэволюцией Вселенной.)

Говорить об этом можно бесконечно, что уж может быть бесконечнее познания Бытия. Лишь повторим коротко в заключение:

Энергоэволюционизм базируется на таких философиях, течениях, дисциплинах, как – диалектика от Гераклита и Гегеля; единство всего сущего и связь человека с природой от Платона и Фрэнсиса Бэкона; эволюционизм от Дарвина; глобальный эволюционизм от Спенсера; иррационализм Мировой Воли Шопенгауэра; энергетизм Оствальда; воля к власти Ницше; социология Конта и Дюркгейма; психоанализ Фрейда и коллективное бессознательное Юнга; теория относительности Эйнштейна и формула перехода энергии и материи; Большой Взрыв Фридмана и Хаббла; элементы истории по Тойнби и Гумилеву; взгляды Чижевского и Вернадского на связь энергии, атомов, человека и биологии; культурология Уайта; догадка Ильенкова и выкладки Лефевра о роли человека во Вселенной; синергетика Хакена и Пригожина; и современный глобальный эволюционизм, представляющийся развитием эволюционизма рубежа XX века. Гм. Много всего, да. Да! Теория стрессов Ганса Селье и этология Конрада Лоренца.

Энергоэволюционизм сводит все упомянутое как коррелирующие части единой системы мироустройства, имеющего базовым уровнем энергопреобразование Вселенной с положительным балансом, то есть с увеличивающейся скоростью. Эволюция форм энергии через материальные структуры, все более сложные и все скорее переструктурирующиеся, содержащие все больше энергии и выделяющие все больше энергии при преобразованиях – вот суть дела.

Энергоэволюционизм показывает, какими связями связаны разные аспекты мироустройства, и как работают эти связи, их логику и закономерности. И человек в этой системе, разумеется, почему он так живет, почему так развивается история, в чем глубинная причина.

Спасибо, у меня все. А то, что у меня в голове выстроились основы энергоэволюционизма раньше, чем я прочитал все вышеперечисленное, это мои трудности. Это никого не должно интересовать. Это был рубеж восьмидесятых годов XX века в СССР, марксизм, цензура, информация и инакомыслие под запретом. У меня был учебник физики, перепечатанный Шопенгауэр, представление о Спенсере по «Мартину Идену» Лондона, рассказ Лема «Голем XIV» и застрявшие в памяти заметки из журналов «Наука и жизнь» и «Химия и жизнь». Все. И то, что пространство энергоэволюционизма включает в себя столько перечисленных авторов и учений, пожалуй, лишний раз подтверждает, что энергоэволюционизм верен. Что? Да где мне было в те года эти книги взять!

Уже в двухтысячные годы – чем больше я читал, тем больше удивлялся, что все это составными частями отлично укладывается в энергоэволюционизм. Вероятно, это признак того, что энергоэволюционизм как идея созрел для появления на свет. Раз идеи одного рода приходят в разные головы. Если в мою голову пришла организующая идея – возможно, это закон вероятности. Хотя я старался.